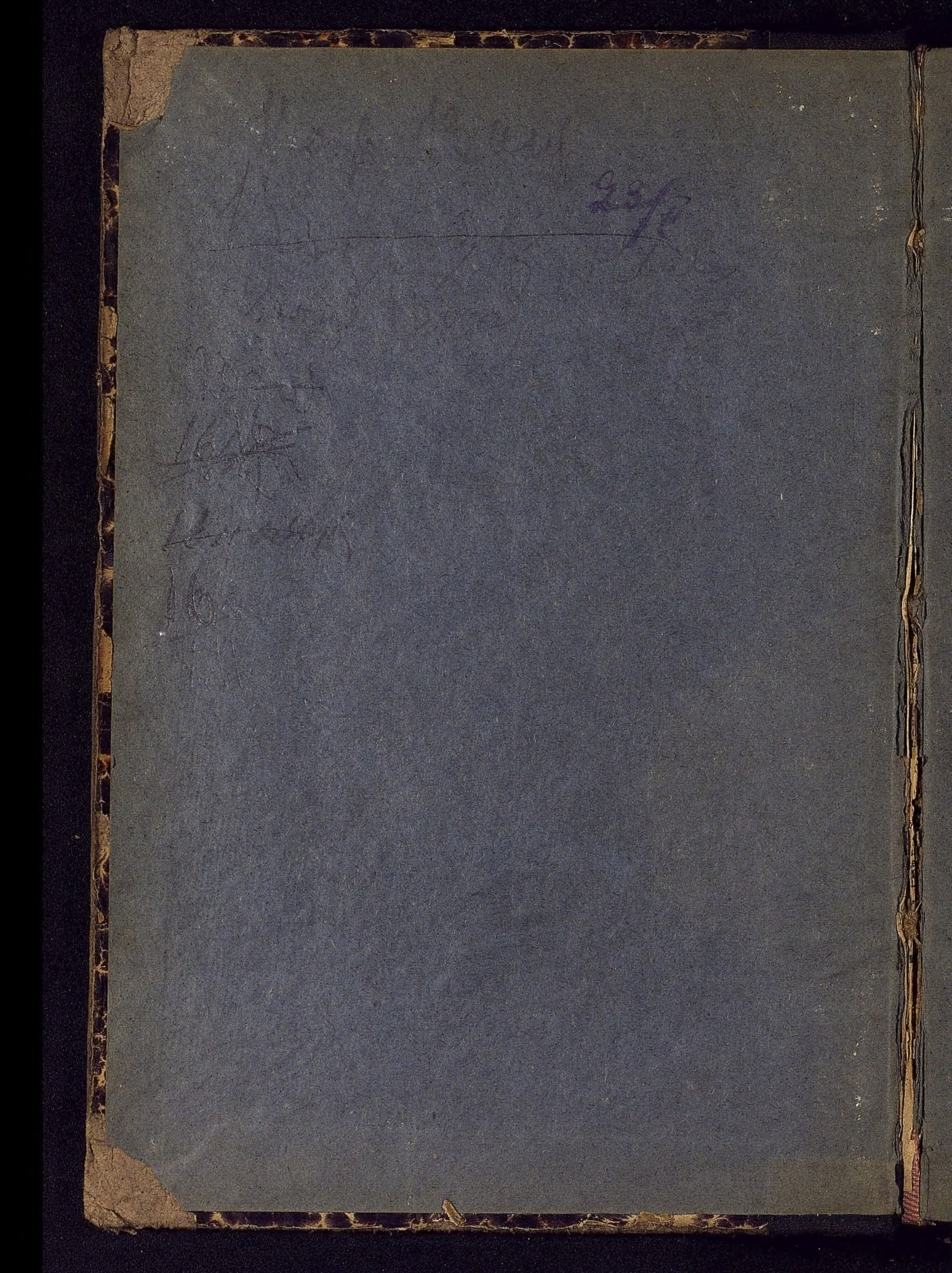
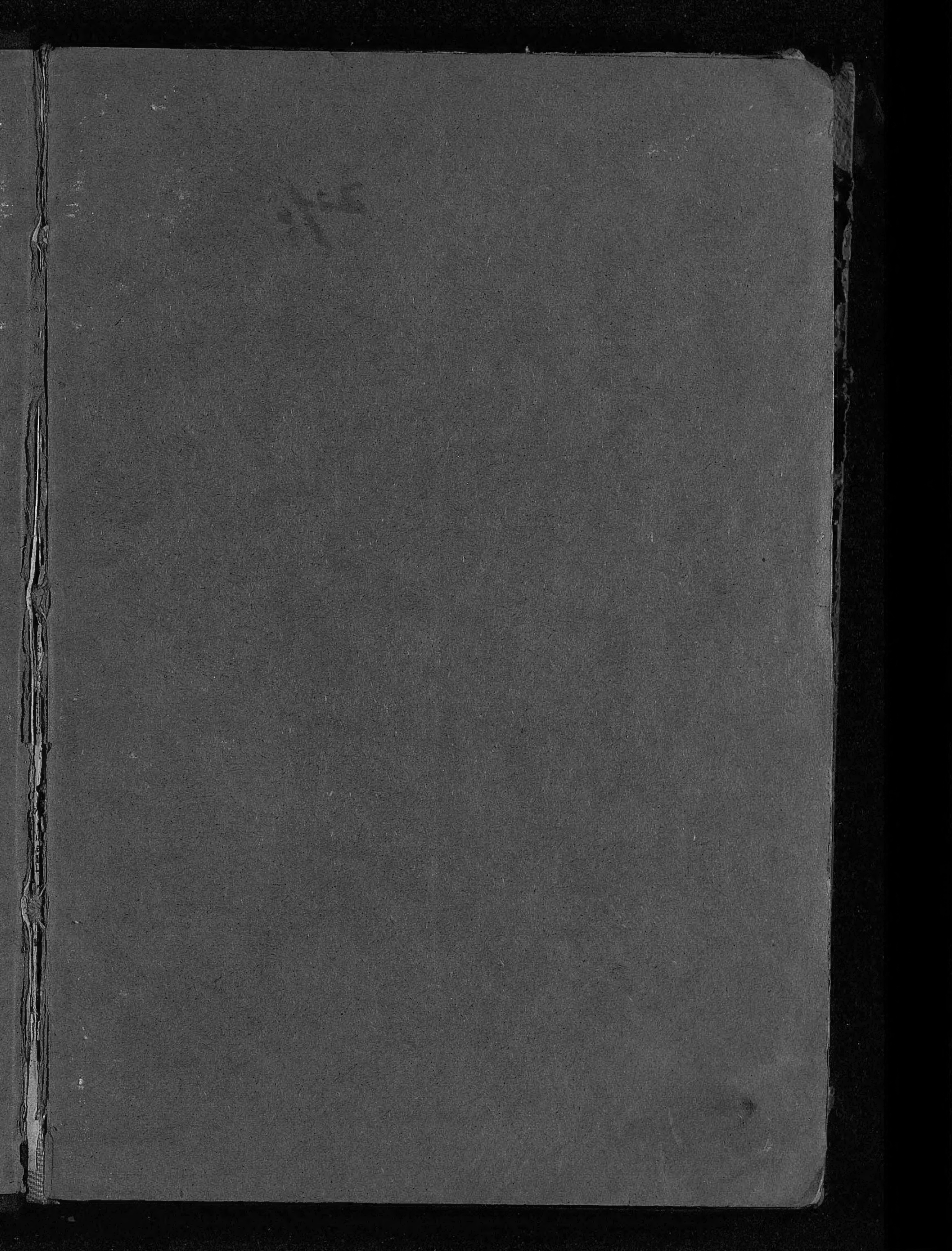




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ

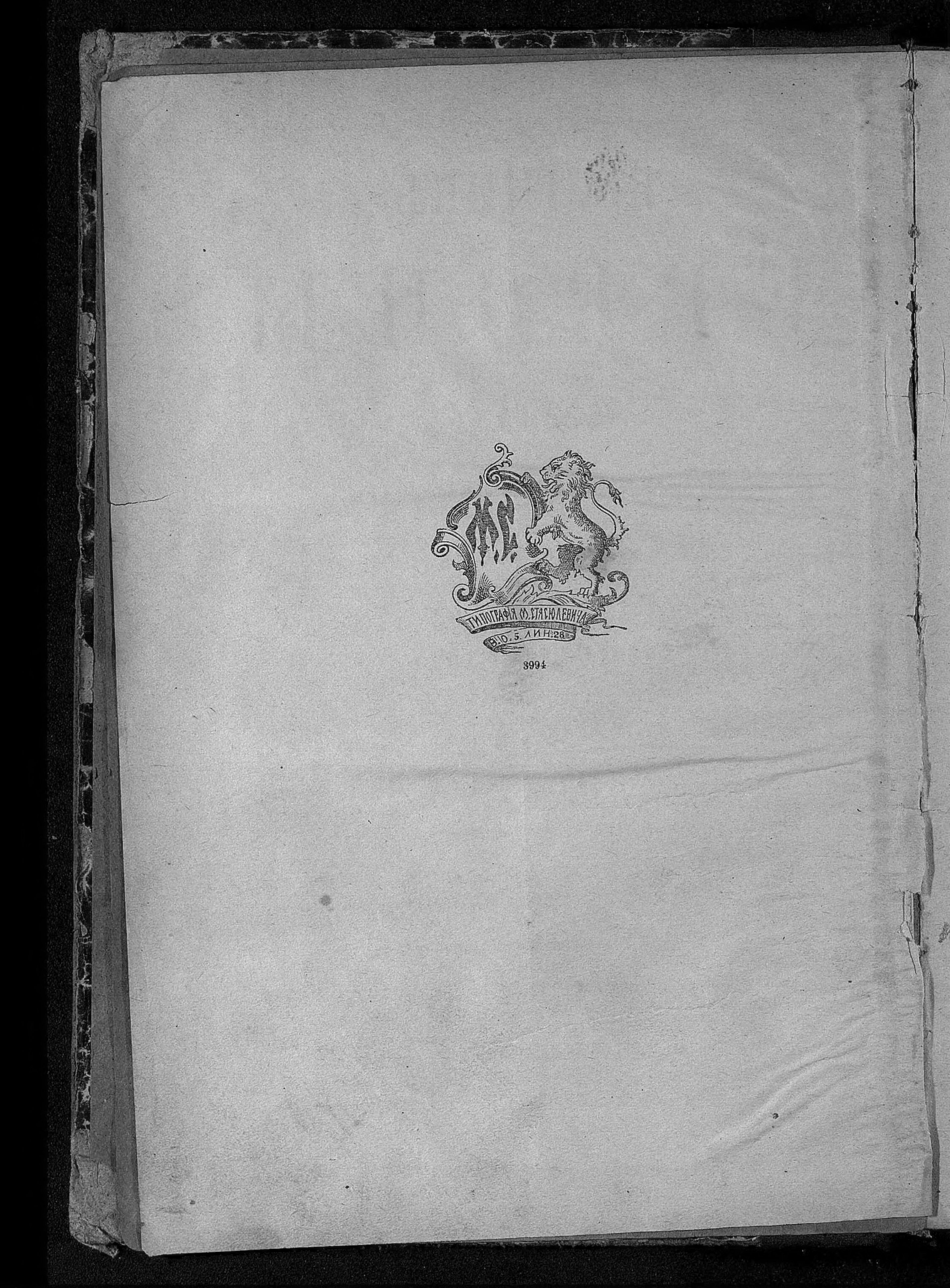
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910


М. С.
ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5. ЛИН. 28
3994

ЖИЗНЬ

I.

Петръ Андреевичъ Верскій, сидя въ театрѣ, на первой, бархатной скамьѣ балкона, съ разростающимся удивленіемъ думалъ о томъ, что онъ подошелъ къ какой-то безднѣ, къ какому-то провалу, когда одинъ моментъ существованія сдѣлалъ ненужной и ничтожной всю его прошлую, тридцати-шестилѣтнюю жизнь. Потускнѣли краски дѣтства, такого яркаго и наивнаго, какъ солнечный зайчикъ на стѣнѣ: пропали дворникъ Власъ, котъ Ермошка, полковничій яръ, поѣздки въ „Надежду", августовскій, пріемный экзаменъ; куда-то, ненужная, отошла юность съ волненіями первой любви и созрѣвающаго тѣла; провалилась въ темную, бездонную дыру хорошая, такъ свѣтло начатая молодость.

Странно подумать, что онъ, блестящій адвокатъ, выигравшій процессъ братьевъ Сыромятниковыхъ, о которомъ телеграфировали отчеты даже иностранные корреспонденты, сидитъ теперь на балконѣ на какой-то потертой скамьѣ, когда у него, въ партерѣ, въ третьемъ ряду, есть абонированное кресло, № 84—сидитъ и хоронитъ всю свою жизнь. Его портреты и автографы печатались въ иллюстрированныхъ журналахъ, его лично знаетъ министръ юстиціи, а онъ, колѣно съ колѣномъ, сидитъ, очень неудобно, около какой-то толстой дамы, которая въ антрактахъ ѣстъ огромныя яблоки и когда разговариваетъ со своей сосѣдкой объ оркестрѣ, употребляетъ слово: „дилижеръ".

— Чортъ знаетъ что такое!—вслухъ, неожиданно для самого себя, сказалъ Верскій.

Дама подумала, вѣроятно, что его замѣчаніе относится къ хору, и обидчиво пошевелила разложенными на барьерѣ руками.

Шелъ второй актъ „Гугенотовъ“ и въ глубинѣ сцены, передъ королевой, танцовалъ балетъ купающихся женщинъ. Пѣлъ широкую мелодію хоръ, игралъ оркестръ, брюнетка балерина съ распущенными волосами скользила на пальцахъ лѣвой ноги и улыбалась, глядя въ уголъ перваго ряда.

Верскій взялъ свой четкій, купленный въ Брюсселѣ бинокль съ четыреугольными стеклами и началъ смотрѣть въ ту сторону зала, гдѣ сидѣла съ любовникомъ его жена. Черное платье, за которое онъ три дня тому назадъ заплатилъ по счету, написанному французскими, сокращенными словами, льнуло къ литературному сюртуку. Волынцевъ, начинающій адвокатъ, совершенно случайно написалъ статью къ юбилею знаменитаго англійскаго юриста и получилъ изъ редакціи тридцать-восемь рублей. Волынцевъ прибавилъ еще сорокъ, сшилъ сюртукъ, назвалъ его „литературнымъ“ и всѣмъ шутливо предлагалъ пощупать шелковую подкладку и по-вѣнски пришитые боковые карманы. И въ письмѣ жены къ Волынцеву, которое совершенно случайно прочиталъ сегодня утромъ Верскій, она писала, что посылаетъ билетъ въ театръ и съ безумнымъ счастьемъ вспоминаетъ третье октября, а въ припискѣ, послѣ двухъ латинскихъ буквъ, стояла такая фраза: „Приходи въ литературномъ сюртукѣ: онъ такъ къ тебѣ идетъ“.

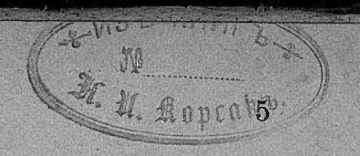
— Онъ такъ къ тебѣ идетъ!—опять вслухъ сказалъ Верскій.

Толстая дама обнаружила совсѣмъ уже яркіе признаки негодованія: шевельнула локтями, передвинула программу и уронила на полъ яблоко.

... Передъ театромъ часовъ въ семь, когда онъ, все узнавшій и все рѣшившій, сидѣлъ на низенькомъ табуретѣ у жены, въ будуарѣ,—она надѣвала черное платье и, осматривая въ тройномъ зеркалѣ талію, говорила:

— Можетъ быть, въ театрѣ будетъ кто-нибудь изъ знакомыхъ. Тогда поѣдемъ въ ресторанъ, къ Зимицкому. Хорошо было бы, еслибы и ты пріѣхалъ. По всей вѣроятности, будетъ Волынцевъ. Онъ, кажется, собирался на „Гугенотовъ“.

Она прятала свою грудь въ шелковый голубой корсетъ съ распущенными длинными шнурами, и Верскій ясно видѣлъ, что она уже не хочетъ его присутствія, что она—уже чужая, инстинктивно стыдится его и старается отвернуться. „Значитъ, въ душѣ—давно надломъ“, подумалъ Верскій. Этотъ стыдъ больше, чѣмъ письмо, сказалъ ему, что онъ—нелюбимъ и ненуженъ. Какъ красивы женщины, когда онѣ спокойно лгутъ, когда гдѣ-то тамъ, далеко, въ глубинѣ души, онѣ дрожатъ за лучи новаго, начи-



нающагося счастья! И ему хотѣлось сказать, что онъ знаетъ все: что Волынцевъ не только собирался на „Гугенотовъ", но и будетъ навѣрное, такъ какъ ему сегодня утромъ посланъ билетъ; что литературный сюртукъ очень идетъ къ нему и что было безумное счастье третьяго октября.

— Отчего ты не идешь?—преувеличенно спокойно спрашивала она:—вѣдь ты такъ любишь „Гугенотовъ".

— Не хочется. Такъ, знаешь, какъ-то все опустилось во мнѣ, усталъ, должно быть,—сказалъ Верскій.—Вотъ смотрю на тебя, на лампу, отражающуюся въ зеркалѣ, и кажется мнѣ, что ты—какая-то чужая, совершенно мнѣ неизвѣстная женщина, и что домъ — не мой и попалъ я сюда случайно. Сейчасъ выгонятъ меня отсюда и я буду ходить по улицамъ, по набережной.

— Да, ты усталъ, конечно. Ты много работаешь. Потомъ эти уголовные процессы съ кровью, съ вещественными доказательствами...

— И это дѣйствуетъ, конечно,—согласился Верскій.

— А Рауля сегодня поетъ Савельевъ,—это тотъ, московскій.

— Нѣтъ, не поѣду... Придетъ Фенигъ—будемъ весь вечеръ на бильярдѣ играть. Это лучше.

— Ну какъ знаешь.

Она заботливо поправляла правую сторону своей прически: тамъ были модные шелковые локоны, и она, кажется, боялась за нихъ. Быть-можетъ, она думала, что это не понравится Волынцеву.

Когда Верскій, по отъѣздѣ жены, сидѣлъ въ кабинетѣ и разбирался въ себѣ, то очень скоро, съ особеннымъ милымъ облегченіемъ онъ уяснилъ, что ему было нужно. Онъ понялъ, что тогда только опять будетъ живымъ и счастливымъ человѣкомъ, когда все провалится и исчезнетъ: и жена, и Волынцевъ, и роскошная квартира изъ восьми комнатъ съ блестящими лощеными полами, и ліонскія гардины, и рояль, въ которомъ клавиши сдѣланы изъ перламутра. Нужно снова родиться на свѣтъ. Нужно не Сыромятниковыхъ защищать, а бить на дорогѣ камни, носить толстые шерстяные чулки, сидѣть въ тюрьмѣ, ѣсть щи изъ вонючей капусты, пріучить къ себѣ паука и разговаривать съ нимъ. И это очень нетрудно сдѣлать. Сегодня же онъ поѣдетъ въ театръ, увидитъ Волынцева, вынетъ револьверъ и всадитъ кусочекъ свинца черезъ литературный сюртукъ куда-нибудь въ сердце. Пусть думаютъ, что это ревность. Пусть думаютъ что угодно. Тогда начнется новая жизнь, исчезнутъ молоточки въ вискахъ, головная боль, квартира, жена, рояль, письменный столъ, дѣла въ печатныхъ обложкахъ.

Когда горничная Нюша принесла, какъ въ кондитерской, на кругломъ подносикѣ, чай и два темно коричневыхъ сухаря,— онъ остановилъ ее и посмотрѣлъ ей въ глаза. Было ясно, что она знаетъ все: знаетъ, что Волынцевъ и жена его—любовники, знаетъ, когда и какъ это началось. Можетъ-быть, въ немъ, въ Верскомъ, было что-то необычное, и черные, красивые глаза Нюши смотрѣли немного испуганно. У нея былъ небольшой вишневый ротъ, умная гладкая прическа съ чуть неровнымъ проборомъ по серединѣ.

— Чего ты такъ испугалась?—спросилъ Верскій.

— Я не испугалась!—отвѣтила Нюша.

— А дрожишь?

— Я не дрожу.

Верскій откинулся на спинку кресла и, улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

— Ты, Нюша, красивая! — сказалъ онъ: — я не замѣчалъ, что ты — такая красивая. Ты красивѣе моей жены. Жаль, что зеленый абажуръ кладетъ на твое лицо землистыя тѣни и выдѣляетъ подъ глазами, вотъ тутъ, какіе-то круги, а то вѣдь тебя рисовать надо...

Нюша, видимо, смутилась.

— Вамъ, можетъ-быть, вечернюю газету подать? — спросила она.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно вечерней газеты, — сказалъ Верскій: — мнѣ не нужно вечернихъ газетъ. И вообще газетъ мнѣ теперь не нужно.

Нюша ушла.

Верскій даже засмѣялся отъ радости: до какой степени ему ненужны вечернія газеты! Ему показалось, что еслибы Нюша принесла вечернюю газету, онъ не зналъ бы, съ какой страницы начать чтеніе. Покончено со всѣмъ: онъ, съ закрытыми глазами, съ бьющимся сердцемъ, съ напряженнымъ умомъ, входитъ въ новое бытіе, онъ начинаетъ вторую жизнь и видитъ уже эту жизнь. И то, что онъ цѣлый день бѣгалъ сегодня по какимъ-то улицамъ, ѣздилъ на какихъ-то пароходикахъ, разговаривалъ съ какими-то людьми—все это казалось ему далекимъ, неяснымъ воспоминаніемъ.

...Горѣло электричество. На столѣ ярко освѣщалась чернильница въ видѣ швейцарскаго домика, пресспапье съ медвѣдемъ, сосущимъ лапу; стоялъ портретъ Чайковскаго, сдѣланный на фарфорѣ. На Чайковскомъ были сорочка и галстухъ, которые теперь вышли изъ моды. На столѣ лежатъ бумаги, зашитыя,

какъ въ канцеляріяхъ, въ особыя печатныя „дѣла". По краямъ стола стоятъ пишущія машины, купленныя съ ручательствомъ на три года. Когда въ этомъ кабинетѣ кипѣла работа, онъ, Верскій, какъ судья или древній царь, сидѣлъ по серединѣ, а письмоводители—по бокамъ. Передъ нимъ, по ту сторону стола, стоитъ высокое кресло, обитое кожей, почти историческое: въ немъ сидѣли оба брата Сыромятниковы, генералъ Высоцкій, архимандритъ Виталій, экономъ Стародубскаго монастыря.

Около стѣнъ тянутся массивные, къ Рождеству заново лакированные шкафы, полные книгъ: между прочимъ, почему-то, припоминается Библія, полное собраніе Достоевскаго съ иниціалами на переплетахъ, сводъ законовъ съ очень потрепаннымъ XIV-мъ томомъ, атласъ, по которому когда-то, вмѣстѣ съ женой, онъ намѣчалъ путешествіе въ Италію. До сихъ поръ ясно ощущается прикосновеніе къ лицу мягкихъ, чуть сбившихся волосъ, нѣжное дѣвичье плечо, ласковое, согрѣвающее дыханіе... Въ лѣвомъ шкафу лежитъ на нижней полкѣ дешевенькая желтая скрипка, на которой онъ въ дѣтствѣ учился играть у итальянца Доливари и никакъ не могъ пойти дальше третьей позиціи. Тутъ же лежитъ его дневникъ, въ которомъ онъ когда-то молилъ Бога помочь ему выучить § 20 греческой грамматики: о неправильныхъ глаголахъ. Все это упало теперь на дно такой глубокой ямы, что даже смотрѣть больно.

Верскій пошелъ въ бильярдную. Онъ прекрасно зналъ свой бильярдъ: правый бортъ, напримѣръ, немного тянетъ и его нужно было бы провѣрить по ватерпасу. Сукно—хорошее, тонкое, безъ ворсы. На окнѣ, за спущенной гардиной, стоитъ пирамидка слоновыхъ шаровъ размѣромъ 72, съ чуть полинявшими цифрами. Тутъ же—четыре кія; одинъ изъ нихъ—самый любимый, который онъ звалъ самокладомъ.

Благодаря бильярду, онъ очень скоро сошелся съ Волынцевымъ. Тотъ тоже любилъ эту игру и они, обыкновенно, по цѣлымъ часамъ разбивали партію за партіей. Откуда-то — вѣроятно изъ дешевыхъ студенческихъ бильярдныхъ—онъ принесъ особый жаргонъ: двойку, напримѣръ, онъ звалъ модисткой, восьмерку — бабушкинымъ наслѣдствомъ, пятнадцатаго — высокимъ номеромъ. Игралъ Волынцевъ особымъ, размашистымъ ударомъ, игру свою называлъ дворянскою и иногда задорно вскрикивалъ:

— Дуплетъ за голенище!

Или съ еврейскимъ акцентомъ:

— Этого шарика въ середке.

И когда они играли на бильярдѣ, жена любила сидѣть на

высокомъ кожаномъ диванчикѣ: вязала какія-то кружева и ея присутствіе придавало комнатѣ тепло и уютъ.

Верскій пошелъ въ ея комнату. Тамъ возилась съ вечерней приборкой Нюша: что-то осторожно раскладывала по стульямъ, что-то вѣшала въ гардеробъ.

— Это что за узелъ?—спросилъ Верскій.

Нюша чуть смутилась:

— Это бѣлье...

Верскій усмѣхнулся и сказалъ:

— Значитъ, чистое надѣли, поѣхамши?

— Такъ точно, чистое!—отвѣтила горничная.

Верскій опять усмѣхнулся.

— Изъ васъ бы хорошій солдатъ вышелъ, Нюша!—сказалъ онъ. У жены былъ очень красивый рукомойникъ: фаянсовый, съ блѣдно-голубыми розами. Въ спинкѣ большимъ оваломъ было врѣзано толстое, очень четкое зеркало, и Верскому показалось, что въ немъ до сихъ поръ отражается красивое, свѣжее лицо...

Въ окно изъ ея комнаты была видна рѣка. Около берега стояли другъ за другомъ пароходы. Параллельные, какъ широкіе рельсы, горѣли по берегамъ неподвижные огни, вдали сливавшіеся въ одну сплошную строку.

Верскій посмотрѣлъ на часы. Стрѣлки — одна длинная, другая короткая—показывали восемь безъ трехъ минутъ. Черезъ три минуты оркестръ заиграетъ увертюру. Послышится суровая молитва гугенотовъ. Притухнутъ люстры. Въ залѣ будетъ слышенъ шорохъ еще неразмѣстившейся публики.

...Верскій стоялъ у окна, смотрѣлъ на огни и думалъ. Онъ давно уже опредѣленно уяснилъ себѣ, что той любви, о которой пишутъ поэты, нѣтъ. Есть любовь сильная, влекущая, которую правильнѣе понимаютъ композиторы.

Онъ, Верскій, не далъ своей женѣ материнства: жизнь ея, значитъ, была неполна и вѣчно кричала о своей неполнотѣ. Въ такомъ положеніи она видитъ Волынцева и въ тайникахъ своихъ органическихъ силъ, безсознательно, безъ участія ума и воли, инстинктивно чуетъ, что, возможно, и на его дѣтяхъ будутъ такъ же красиво сидѣть сюртуки, что и имъ, дѣтямъ, онъ можетъ передать свой веселый, звонкій голосъ и умѣнье тонко и умно писать объ юристахъ, празднующихъ свои юбилеи,—и въ то же время она чуетъ, что эти дѣти могутъ быть и ея дѣтьми... Она, какъ цвѣтокъ, какъ собака, какъ змѣя, не давитъ въ себѣ этого влеченія и поступаетъ совершенно правильно.

— Но, голубчикъ мой, дорогая моя, — шепчетъ Верскій

женѣ, воображая ея присутствіе:—вѣдь и я же остаюсь въ живыхъ. И я чувствую, что мнѣ нужно жить сначала! И мнѣ нужна новая жизнь!

И онъ ее начнетъ. Какое ему дѣло, что для этого нужно убить Волынцева? Если онъ убиваетъ Волынцева, то только потому, что здѣсь есть нѣкоторая логика. Еслибы онъ убилъ газетчика, который стоитъ на углу, или Нюшу, то его сочли бы сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Онъ убиваетъ любовника своей жены — это уже преступленіе, дающее то, что ему нужно.

— Убивая Волынцева, я дѣлаю тебя несчастной?—шепчетъ опять Верскій женѣ и прижимаетъ руки къ груди:—но какое же мнѣ дѣло до тебя? Ты же перестала думать обо мнѣ? И я перестаю думать о тебѣ и дѣлаю то, что мнѣ нужно: у насъ права равныя.

— Баринъ! Вы разговариваете сами съ собой! — говоритъ Нюша, и Верскій видитъ ея большіе, испуганные глаза:—мнѣ, баринъ, страшно.

Верскій вспоминаетъ, что онъ дѣйствительно говорилъ вслухъ, и улыбается.

— Видишь ли, Нюша, у меня скоро судъ и я готовлю рѣчь. Ну вотъ. Поняла?

— Поняла!—нерѣшительно отвѣчаетъ Нюша и добавляетъ:— я пойду принесу вамъ горячаго чаю...

— Ага! Горяченькаго. Это хорошо. Нюша! Нюша! только вы сахару не кладите! Не надо! — кричитъ ей вслѣдъ Верскій.

...Онъ выйдетъ изъ театра, какъ только Рауль начнетъ дуэтъ. Быстро пройдетъ внизъ, одѣнется, станетъ у подъѣзда. Когда кончится спектакль—торопливо повалитъ народъ. Встрѣтятся знакомые. Кто-нибудь спроситъ:

— Супругу ожидаете?

Онъ скажетъ:

— Да.

— А сами почему не были?

Онъ скажетъ:

— Дѣла!

Ему повѣрятъ: да и въ самомъ дѣлѣ, еще не окончены дѣла Высинскаго, Писклаунова, фонъ-Шлотте...

Верскій великолѣпно зналъ „Гугенотовъ“. У него дома былъ клавиръ этой оперы и въ свободное время онъ часто игралъ на

роялѣ любимыя мѣста. Вотъ запѣлъ Рауль, обращаясь къ королевѣ:

— „Бо-ожество, кра-асоты очарованье"!..

Верскій представлялъ себѣ даже ту нотную строчку, на которой написана эта фраза: она начинается съ ноты *ля* и въ ключѣ стоитъ одинъ бемоль. Московскій теноръ разводилъ руками, дѣлалъ изумленные глаза, смотрѣлъ на верхъ кулисъ, какъ на небо, и на колоратурное сопрано, какъ на королеву. У тенора былъ большой животъ и, видимо, пришлось долго его зашнуровывать, прежде чѣмъ надѣть фіолетовый костюмъ.

— „Я на землѣ иль въ небесахъ?"—спрашивалъ теноръ, въ восторгѣ отъ дворцоваго сада, и повторялъ на низкихъ нотахъ, напрягая жирный, свисающій подбородокъ: „Я на землѣ и-иль въ небесахъ"?

Когда кончилось дѣйствіе и зажглось электричество, Верскій вышелъ въ коридоръ съ полукруглыми окнами, въ которыя было видно нижнее фойэ, съ его большими зеркалами, лѣпнымъ потолкомъ и окнами, завѣшенными сборчатыми занавѣсями.

Вся случайно въ этотъ вечеръ собравшаяся публика, черная и сѣрая, сгрудилась въ одномъ залѣ и острымъ, рѣзкимъ пятномъ были въ ней два солдата въ шапкахъ и съ ружьями, стоявшіе у царской ложи.

Верскій смотрѣлъ на входную дверь. Онъ видѣлъ, какъ вслѣдъ за лысымъ генераломъ поднялась по лѣстницѣ, придерживая платье, его жена и—ступенькой ниже—Волынцевъ. Оба были красивы, молоды и выдѣлялись даже въ общей сутолокѣ. Казалось въ высшей степени страннымъ, невѣроятнымъ, что женщина, сейчасъ поправившая передъ зеркаломъ волосы—его жена, та самая женщина, которая когда-то цѣловала его, соннаго, а потомъ, когда солнце косякомъ освѣщало крайнее окно и нужно было вставать, говорила ему: „Мой милый, мой славный, мой дорогой". Когда онъ просыпался, эта женщина, которая сейчасъ остановилась у двери и немного прищуренными глазами осматриваетъ залъ, говорила: „Такъ нельзя спать долго, глупый адвокатъ. Солнце достаетъ уже до другого стекла". Былъ такой уговоръ: спать полагалось до тѣхъ поръ, покамѣсть солнце золотитъ только одно окно: крайнее.

Она не знаетъ, что тотъ человѣкъ, съ которымъ она когда-то уговаривалась относительно солнца, стоитъ передъ ней въ сотнѣ шаговъ и видитъ ее. Когда-то, на этихъ самыхъ „Гугенотахъ", она дрожала, прижималась къ нему плечомъ и говорила:

— Я люблю тебя такъ, какъ онъ поетъ.

До сихъ поръ живы и памятны тѣ широкія волны радости и счастья, которыя ходили тогда по тѣлу, какъ по морю. Волынцевъ этихъ порывовъ, навѣрное, не знаетъ: нѣтъ уже золота въ ея душѣ!

— Глупая!—шепталъ Верскій:—вѣдь любовь, самую чистую и юную, какъ неразбавленное вино, выпилъ я. Глупая! Красивая!

Подобравъ юбку, какъ по дождю, вошла она въ залу, чтобы слиться съ круговоротомъ. На полшага отставая и разглядывая публику, немного приподнявъ голову, шелъ за нею Волынцевъ.

— Еслибы ты зналъ—шепталъ ему Верскій, — что черезъ два часа ты будешь лежать на мокромъ и холодномъ тротуарѣ, ты пересталъ бы говорить этой женщинѣ о своей любви. Знаешь ли ты, что она — твоя смерть, что она вовсе не такъ изящна и обольстительна, какъ тебѣ кажется: она — скелетъ съ косой и впадинами глазъ. Сегодня ты не поѣдешь въ ресторанъ и не выпьешь холоднаго вина. Ты будешь лежать на тротуарѣ въ своемъ прекрасномъ пальто. Его красивый фасонъ cloche помнется и твоя рука выглянетъ изъ рукава, ладонью вверхъ, а можетъ-быть выглянетъ вмѣстѣ съ нею и бѣлоснѣжная маншетка, модная, съ складывающимися концами. И все это сдѣлаю я, потому что, милый Волынцевъ, я захотѣлъ быть твоимъ царемъ, потому что сейчасъ идетъ твой страшный судъ и я читаю тебѣ приговоръ.

Жена и Волынцевъ повернули обратно, и Верскій замѣтилъ, что у Волынцева есть маленькая лысинка.

Затрещали въ разныхъ углахъ театра звонки. Мало-по-малу уходили на свои мѣста. Внизу тоже всѣ потянулись къ выходу. Мелькнуло знакомое лицо писателя Крыжанова.

Волынцевъ и жена Верскаго сидѣли въ маленькой гостиной и опять Волынцевъ что-то говорилъ ей, наклонясь и улыбаясь; она тоже улыбалась и глаза ея были полны ласки и любви. Когда всѣ ушли изъ фойэ и только одиноко плелся къ выходу какой-то старикъ, опираясь на палку съ резиновымъ концомъ,— Волынцевъ всталъ, посмотрѣлъ въ залу; на секунду взглядъ его задержался на солдатахъ, караулившихъ ложу, потомъ подошелъ къ женѣ Верскаго, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Она боялась, вздрагивала: вся была виноватая и счастливая.

Изъ зрительнаго зала глухо, но четко слышался солдатскій хоръ:

— „Ратапланъ, ратапланъ, ратапланъ, планъ, планъ“...

Потомъ заигралъ оркестръ, и Верскій пошелъ на мѣсто. На мгновенье онъ задержался и хотѣлъ крикнуть женѣ:

— Вѣра! Довольно поцѣлуевъ! Иди въ залъ. Сейчасъ заиграютъ цыганскій танецъ: ты вѣдь такъ любишь его.

Но потомъ раздумалъ и пошелъ по темному коридору. Своего мѣста онъ долго найти не могъ и пришлось спрашивать капельдинера.

II.

Въ три часа ночи раздался звонокъ.

Отворилъ Григорій. Онъ былъ необычный: съ непричесанными волосами, безъ бѣлаго воротника, въ плохой, засаленной жакеткѣ.

Вошедшую женщину онъ зналъ, какъ хозяйку. Она часто приходила сюда: въ кабинетѣ барина былъ ея шкафчикъ, орѣховый, съ американскимъ замкомъ. Изъ шкафчика всегда доносился запахъ духовъ, и Григорій, поэтому, любилъ сидѣть около него, когда оставался въ квартирѣ одинъ. Тамъ же было ея любимое кресло, которое обойщикъ Зайцевъ перебивалъ недавно голубымъ штофомъ. Были ея любимыя книги, ея особая чернильница и вставочка изъ слоновой кости. Она писала здѣсь иногда письма, и, опуская ихъ въ ящикъ, Григорій видѣлъ, что они адресованы въ Севастополь.

Когда она приходила и не заставала барина дома, то подолгу сидѣла одна и думала; играла на роялѣ; были ея любимыя ноты. Григорій любилъ эту женщину и не зналъ, кто она. Она была ласковая и тихая.

...Въ залѣ лежалъ покойникъ. Слышенъ былъ монотонный голосъ, читавшій:

— „Господь пасе мя и ничтоже мя лишитъ. На мѣстѣ злачнѣ тамо всели мя. На водѣ покойнѣ воспита мя“.

Григорій говорилъ:

— Мать ихняя пріѣхала. Обмыли, положили—все по-христіанскому обряду сдѣлали. Цѣлый день полиція была. Мамаша плачутъ. Очень плачутъ.

Женщина пошла въ кабинетъ. Было темно. Когда она переходила черезъ столовую, то замѣтила, что тѣнь отъ висящей лампы упала на стѣну кривыми линіями.

Ощупью добралась до голубого кресла, сняла шляпу. Форточка была открыта, и казалось, что на волосы женщины кто-то

дышалъ холоднымъ, сырымъ дыханіемъ. Далеко, внизу, горѣли фонари.

Глаза понемногу привыкли къ темнотѣ и женщина стала различать предметы, увидѣла Григорія. Григорій сидѣлъ на стулѣ, недалеко отъ нея. Она никогда раньше не видѣла, чтобы онъ сидѣлъ. Григорій былъ всегда на ногахъ, вѣжливо кланялся, шаги его были неслышны и незамѣтны. Теперь онъ опустилъ голову на руки и охватилъ пальцами волосы.

Когда монахъ, сказавши три раза: „аллилуія", замолчалъ, Григорій поднялся, подошелъ къ женщинѣ и произнесъ:

— Пуля попала въ сердце.

Потомъ помолчалъ и добавилъ:

— Придется теперь идти и искать новую жизнь.

Лицо его, какъ-то странно отъ окна видное, вдругъ сморщилось, будто онъ собирался чихнуть, и начали вздрагивать плечи.

...Когда женщина посмотрѣла на часы, было уже восемь минутъ пятаго.

Она встала и пошла въ залу.

Справа отъ покойника стоялъ монахъ, черный, съ длинными волосами. Обернувшись, онъ внимательно посмотрѣлъ на вошедшую, подумалъ, вѣроятно, о томъ: кто она,—и опять началъ читать псалмы, то ясно, то неясно.

Женщина тихо, словно боясь оступиться, подошла къ покойнику. Сначала ей показалось, что горитъ много огней и кругомъ такъ ярко, будто зажжены костры. Она открыла глаза и увидѣла нѣсколько восковыхъ свѣчей, тихо мерцавшихъ. Потомъ она взглянула на ноги покойника: ноги были въ суконныхъ новыхъ туфляхъ, съ блестящими подошвами. Въ этомъ блескѣ переламывались полоски свѣчи. Ноги и грудь покойника были закрыты парчей, и это напоминало ризу священника. Надъ ризой— сложенныя для молитвы руки: въ нихъ вложенъ крестъ, наскоро сдѣланный изъ тонкихъ восковыхъ свѣчей. Видны атласные отвороты сюртука. На впадинѣ подушки — лицо съ ватой подъ шеей.

Женщина взглянула на лицо покойника и изумилась. Широко раскрылись глаза ея. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и снова приблизилась. Лѣвой рукой она взялась за лобъ и, казалось, что-то припоминала. Совсѣмъ близко наклонилась къ покойнику, долго глядѣла.

Монахъ пересталъ читать и, зажавъ пальцемъ то мѣсто

псалма, на которомъ онъ остановился, изумленно смотрѣлъ на женщину.

Женщина, наконецъ, громко и спокойно сказала:

— Это—не Кириллъ. Это не его лицо. Это какое-то странное лицо. Это незнакомое лицо. Да, это незнакомое лицо.

Какъ бы желая провѣрить себя еще разъ, она снова нагнулась, посмотрѣла на умершаго, улыбнулась и повторила:

— Да, этого человѣка я не знаю. У этого—очень смѣшное, старое лицо. Это—не Кириллъ. Убитъ не Кириллъ.

...Снова она сидѣла въ кабинетѣ, на голубомъ креслѣ. На этажеркѣ горѣла свѣча и глаза Григорія казались темными и глубоко запавшими.

Григорій говорилъ:

— Я снова повторяю вамъ, сударыня, что у нихъ спереди были искусственные зубы. Теперь ихъ нѣтъ, и оттого ликъ измѣнился. И хорошо, что ихъ теперь нѣтъ, потому что нельзя идти человѣку къ Богу, когда въ немъ есть что-нибудь несоотвѣтствующее.

У Григорія было суровое и заплаканное лицо.

— А убитъ мой баринъ Кириллъ Алексѣевичъ. Въ этомъ фактѣ никакихъ сомнѣній нѣтъ. Да вы подите, посмотрите на волосы, на руки. Только вотъ тутъ у нихъ поморщилось.

Женщина тихонько засмѣялась. Григорій передвинулъ на этажеркѣ свѣчу и строго сказалъ:

— Не смѣйтесь, сударыня. Грѣхъ смѣяться надъ человѣкомъ, душа котораго находится здѣсь, у гроба, и, быть можетъ, горько плачетъ.

Создалось молчаніе, — особенно замѣтное потому, что изъ зала доносилось чтеніе псалмовъ. Монахъ словно рубилъ застывшій воздухъ: читалъ внятно, торжественно, ударяя на букву *о*:

— „Камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу? Аще взыду на небо—тамо еси. Аще сниду во адъ—тамо еси... Возьму крилѣ мои рано... Вселюся въ послѣднихъ моря“...

...Газетчикъ, раскладывавшій свой товаръ, булочникъ съ корзиной, ожидавшій, когда откроется булочная, и какой-то молодой человѣкъ въ котелкѣ, проходившій по тротуару — видѣли женщину, которая одиноко, неувѣренными шагами шла и улыбалась: улыбка ея иногда переходила въ смѣхъ.

Газетчикъ, булочникъ и молодой человѣкъ тоже улыбнулись, и ихъ улыбка показала, что они прекрасно знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Было утро, сѣрое и робкое—такое, изъ котораго, казалось, никогда не родится день.

III.

Въ квартирѣ—восемь комнатъ. Изъ кабинета — въ бильярдную, изъ бильярдной—въ столовую цѣлыми днями ходитъ женщина. Одѣта она въ бѣлое платье, волосы ея зачесаны гладкими рядами назадъ, глаза—большіе, чего-то ждущіе, во что-то всматривающіеся.

Дѣвушка Нюша подаетъ ей утромъ кофе, въ три часа — обѣдъ, но она почти не ѣстъ и изрѣдка выпиваетъ нѣсколько капель бѣлаго вина.

Кончилась зима, растаялъ снѣгъ, повеселѣло солнце, а женщина все ходитъ и ходитъ по этимъ комнатамъ, покамѣстъ, усталая, не приляжетъ на диванъ въ бильярдной или столовой. Тогда она бываетъ похожа на уснувшую птицу, которую цѣлый день преслѣдовали охотники.

Четырнадцатаго мая, когда совсѣмъ уже расцвѣли деревья, вечеромъ на улицахъ загорѣлось много цвѣтныхъ вензелей и огней. Женщина опустила въ кабинетѣ шторы, зажгла лампочку подъ зеленымъ кружкомъ и начала писать слѣдующее:

„Наступилъ вечеръ. Въ квартирѣ насъ двое: я и Нюша. Тишина. Неслышно горитъ огонь.

„Думы бѣгутъ такъ скоро, что не разобраться въ нихъ. Нужно писать. Нужно писать. Рука моя отвыкла писать, и на бумагу ложатся неровныя, дрожащія строки.

„Пришла весна, растаялъ ледъ и вода рѣки походитъ на переливающійся перламутръ.

„Каждый день вспоминается то время, когда я была дѣвушкой, нѣжно любила цвѣты и стихи Якова Полонскаго; когда я стыдливо и радостно чувствовала, что все больше и больше наливается моя грудь; когда ночью я иногда зажигала свѣчу, разбрасывала по плечамъ волосы и смотрѣла на себя въ зеркало. Ничинался вечеръ; я уходила въ садъ; Петръ оставался въ гостиной и, не зажигая огня, аккомпанируя себѣ наизусть, пѣлъ романсы Аренскаго. У него былъ хорошій, легкій голосъ, который былъ слышенъ далеко, въ саду. Грустная пѣснь о разбитой вазѣ говорила мнѣ, что Петръ любитъ меня и поетъ только для меня. Отворенныя окна молчаливаго, обвѣяннаго сумракомъ дома казались мнѣ ждущими, манящими объятіями.

„Когда вечеръ переходилъ въ ночь, мы уходили въ городской садъ и подолгу сидѣли въ дальнихъ цвѣтникахъ. Репертуаръ оркестра, игравшаго въ клубѣ, былъ невеликъ и почти всегда второе отдѣленіе начиналось интермецдо изъ „Сельской чести“, а затѣмъ шла пѣсенка Леля, которую исполнялъ трубачъ. Хотя всю музыку проводилъ плохой капельмейстеръ Розенфельдъ, мнѣ всетаки казалось, что звуки оркестра имѣютъ отношеніе къ тому чистому голосу, который пѣлъ прекрасныя слова о вазѣ. Этотъ голосъ говорилъ мнѣ о любви, о поэзіи, читалъ непонятные, но жуткіе стихи Верхарна, напѣвалъ дуэтъ изъ „Гугенотовъ“. Я глядѣла на Петра и его профиль, высматривавшій что-то на морѣ, и на душѣ у меня была тихая, ясная благодать, похожая на только-что пережитый, звѣздный, теплый вечеръ.

„Петръ говорилъ:—Я люблю тебя. Сейчасъ, благодаря этой любви, я живу со всей возможной для меня полнотой. Напряжены всѣ душевныя мои силы. Мой умъ ясенъ. Мое сердце чисто, и я отчетливо ощущаю, какъ легкая тревога чуть касается его. Я вижу жизнь, всю огромную структуру жизни. Вижу, что въ мірѣ царствуетъ сила, которую чуяли древніе греки и называли ее рокомъ. Они чуяли, но не уяснили себѣ его. Они ошибались и называли его злымъ. Онъ—не золъ. Посмотри, какъ онъ умѣетъ любить и любитъ жизнь. Какой бриліантъ онъ далъ дню, какимъ ласковымъ свѣтомъ онъ освѣщаетъ ночь. Изъ дивнаго бархата онъ сотворилъ небо и увѣнчалъ его короной изъ звѣздъ. Какъ душистые, не жгущіе огни онъ бросилъ цвѣты на луга. Онъ благословилъ звѣрей, рыбъ и птицъ. Но онъ озлобленъ на человѣка; онъ злую потѣху создалъ себѣ изъ жизни человѣческой. Онъ далъ человѣку разумъ и послѣ смерти выращиваетъ изъ него лопухъ. Онъ далъ ему душу и погасилъ фонари, которые должны были вѣчно освѣщать ее: фальшивымъ огнемъ горятъ глаза человѣческіе. Отецъ не знаетъ сына и мать далека отъ дочери, какъ далеки концы земли. Онъ насытилъ людей огромной потребностью счастья, и люди тянутся къ нему, хотятъ построить на землѣ башню этого счастья. Но языки ихъ смѣшаны, какъ при Вавилонѣ, и когда одинъ изъ нихъ проситъ лопату, другой—съ непонимающими глазами несетъ ему камень. За что?—

„И Петръ какъ будто спрашивалъ кого-то и протягивалъ руку.

— За что?—спрашивалъ Петръ.

„Кончилась музыка, погасла чья-то душа, которой не могъ понять плохой капельмейстеръ Розенфельдъ.

— Мнѣ кажется—говорилъ послѣ долгаго молчанія Петръ,— это онъ сдѣлалъ потому, что человѣкъ первый пролилъ кровь на землѣ. Я думаю такъ. Мнѣ что-то подсказываетъ: это такъ. Человѣкъ первый пролилъ кровь на землѣ—я въ этомъ увѣренъ. И только тогда проклятіе это будетъ съ него снято, если найдется человѣкъ, который съумѣетъ воскресить всѣхъ тѣхъ, чья кровь пролита на землю. Только тогда.

„Я слушала, и слова ясными, отчетливыми образами ложились на душу.

„Кончалась музыка и мы уходили домой,—почти одни,—по тихимъ, заснувшимъ улицамъ маленькаго провинціальнаго города. Мнѣ казалось, что въ этомъ маленькомъ провинціальномъ городѣ никто и никогда не думалъ о томъ, о чемъ думаетъ Петръ. Мнѣ казалось, что Петръ разскажетъ еще массу удивительныхъ вещей. Мнѣ казалось, что я, благодаря Петру, никогда не узнаю ни болѣзни, ни старости, ни горя.

„Когда мы у воротъ нашего дома прощались, я спрашивала:

— Ты любишь меня?

„Онъ, обыкновенно, говорилъ, что любитъ, но разъ отвѣтилъ такъ:

— Я люблю тебя, но не знаю тебя.

— Ты меня не знаешь, Петръ?—спросила я и улыбнулась:— меня?

— Да, тебя. Я не знаю тебя.

„Глаза его были серьезны и суровы.

— Это ты шутишь, Петръ!—сказала я и ушла: какъ разъ Провъ отворилъ калитку.

— Это онъ шутитъ!—подумала я, когда мама съ радостью говорила мнѣ о томъ, что Лена, моя младшая сестра, слава Богу, перешла на пятеркахъ въ шестой классъ, что только сейчасъ, такъ поздно, окончилось засѣданіе педагогическаго совѣта и что, надо полагать, она окончитъ курсъ съ медалью.

„...Петръ очень часто уходилъ по дѣламъ и бранилъ петербургскій климатъ. На нашей двери была привинчена очень красивая и солидная доска съ фамиліей. Обѣдалъ Петръ съ озабоченнымъ видомъ и, когда шелъ по тротуару съ портфелемъ, въ застегнутомъ пальто, мнѣ казалось, что онъ скоро получитъ чинъ директора департамента. Часто приходили къ намъ очень вѣжливые, незнакомые люди и тоже оставались обѣдать. Послѣ супа они, обыкновенно, спрашивали у меня, была ли я въ четвергъ на новой пьесѣ и нравится ли мнѣ „Пиковая дама“. Разъ Петръ принесъ мнѣ журналъ, напечатанный на глянцевой бумагѣ. Въ

серединѣ былъ помѣщенъ овальный снимокъ съ фотографіи, которую онъ подарилъ мнѣ пять лѣтъ тому назадъ, еще женихомъ.

— Почему портретъ сдѣланъ съ этой фотографіи? — спросила я.

— Да такъ!—отвѣтилъ онъ, немного смущенный: — сунулъ репортеру первый попавшійся.

„Я посмотрѣла на снимокъ, потомъ—на мужа и въ первый разъ замѣтила, что онъ уже постарѣлъ, начиналась со лба лысина, были морщины. Какъ-то смутно я поняла, что передо мной былъ уже другой Петръ, не тотъ, который умѣлъ говорить о жизни и читать Верхарна.

— Ну, какіе пустяки!—подумала я и улыбнулась:—какъ не тотъ? Все тотъ же. Все тотъ же Петръ.

„Я пошла къ себѣ, заперлась на ключъ, долго сидѣла на низенькомъ стулѣ, не рѣшаясь подойти къ зеркалу. Потомъ посмотрѣла въ холодное гладкое стекло, и оно сказало мнѣ, что жизнь еще моя, что кончается только весна и что еще можетъ быть счастье, острое и дорогое. Тогда я поняла, что очень ошибалась, называя пережитое счастьемъ.

— Счастье—не это,—сказала я самой себѣ.

— Какіе пустяки!—сейчасъ же кто-то, очень испугавшійся, отвѣтилъ мнѣ:—какого же тебѣ надобно счастья? Счастье—это.

„Все оставалось прежнимъ, но не было Аренскаго, не было открытыхъ раннимъ вечеромъ оконъ, не было души, о которой говорилъ, не понимая, плохой капельмейстеръ Розенфельдъ.

„...Наша квартира большая, на солнечной сторонѣ: въ ней блестящіе паркеты, похожіе на ослѣпнувшія зеркала, и картины, которыя Петръ покупаетъ у молодыхъ художниковъ. Когда онъ выигралъ большое дѣло, то пріобрѣлъ у Фрейберга бильярдъ рѣзной работы, который назначался на заграничную выставку, но не былъ посланъ потому, что выставку отмѣнили. Бильярдъ былъ нуженъ ему по указанію врача, такъ какъ предвидѣлся геморрой и уже теперь Петръ часто писалъ, стоя передъ письменнымъ столомъ на колѣняхъ, и все собирался купить или заказать высокую конторку.

„Отъ скуки я читала каждый день по роману, которые брала изъ ближайшей библіотеки по первому разряду. Петръ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ проявлять необыкновенную аристократичность, сердился и говорилъ:

— Ты, какъ курсистка, берешь книги изъ библіотеки. Ты, кажется, могла бы и покупать ихъ. Если мы, люди богатые, не будемъ покупать книгъ — кто же ихъ будетъ покупать? Ходить

въ библіотеку, стоять тамъ въ очереди съ горничными, ожидать...

„Я не знаю, почему, но мнѣ нравилось именно это: ходить въ библіотеку и стоять тамъ въ очереди. Когда очередь была длинна, я крѣпко закрывала себѣ глаза, и тогда мнѣ казалось, что я на самомъ дѣлѣ—бѣдная, одинокая, некрасивая курсистка, которая сейчасъ возьметъ книгу, пойдетъ въ свою плохую, низенькую комнатку на пятомъ этажѣ, зажжетъ на половину сгорѣвшую свѣчу и отъ книги повѣетъ на нее образами невѣдомаго, неиспытаннаго счастья. Болью защемитъ ея душу, захочется плакать, захочется красоты, яркаго свѣта, захочется огромной залы съ колоннами, уходящими вдаль, захочется синяго вечера и отворенныхъ въ садъ, темныхъ оконъ...

„Я приходила съ полученной книгой къ себѣ въ домъ, долго, не раздѣваясь и не зажигая огня, сидѣла у себя въ комнатѣ и думала, что я такъ же бѣдна и, кажется, одинока, какъ курсистка, живущая на пятомъ этажѣ.

„Книги въ библіотекѣ выдавала и записывала полная дама, въ пенснэ, всегда въ черномъ платьѣ; помогала ей иногда дочь, которую она, немного въ носъ, звала Ирэнушкой.

„Раздраженіе же мужа противъ того, что я стою въ очереди вмѣстѣ съ горничными, было для меня смѣшно и, не знаю почему, дополняло его лысѣвшій лобъ...

„...Дома, на югѣ, у меня выросла сестра, кончившая уже педагогическій классъ гимназіи, и писала мнѣ такія длинныя письма, что приходилось наклеивать марокъ на четырнадцать копѣекъ. Мнѣ нужно было, чтобы со мной кто-нибудь говорилъ не о томъ, нравится ли мнѣ „Пиковая дама", а о томъ, что на луга, какъ не жгущіе огни, брошены цвѣты, что небо очень красиво въ своей звѣздной коронѣ, что душа человѣческая должна быть ясно видна чрезъ глаза человѣческіе и что этого нѣтъ.

„Я радовалась письмамъ сестры, потому что она писала мнѣ, какъ она полюбила горячо и звонко одного человѣка: кандидата на судебныя должности. Она такъ и писала: „полюбила звонко", и я понимала ее. Кандидатъ—высокъ и красивъ. У него—длинные каштановые волосы.

„Когда я получала изъ Севастополя эти пакеты съ криво-написаннымъ адресомъ и доплачивала почталіону, мнѣ, почему-то, казалось, что я—толстая дама, выдающая книги, а сестра—моя помощница. Разъ она смѣшно написала, что, благодаря своему кандидату, она, подобно мнѣ, пошла по министерству юстиціи. Потомъ было смѣшно, когда сестра написала, что судебному вѣ-

домству собираются прибавить жалованья, и кандидатъ говоритъ: „тогда я каждый день буду пить за обѣдомъ вино, № 22". И потомъ она писала мнѣ еще такъ:

„Ты моя сестра, единственная и любимая. Я такъ люблю тебя. Люблю и берегу твои ноты, твою комнату, ухаживаю за твоими фикусами, которые сдѣлались теперь деревьями. Твои портреты висятъ у меня въ комнатѣ на всѣхъ стѣнахъ, я ѣмъ твои любимые сырнички, а ты ни разу не догадалась похвалить меня: вотъ, молъ, умная дѣвушка—взяла и полюбила".

„Когда я прочла эти слова, то поняла, что сидѣть дома не нужно и невозможно. Нужно уйти куда-нибудь и думать о нихъ. И я гуляла по набережной рѣки, смотрѣла на темнѣющее небо, на загорающіеся фонари, на пароходы, которые длинной линіей стояли у берега. И я шептала два слова, такія извѣстныя, но первый разъ появившіяся передо мной во всей своей изумительной простотѣ: „взяла и полюбила".

„Вернувшись домой, я долго посмотрѣла на Петра и подумала:

— А вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ меня.

„И что-то сейчасъ же отвѣтило мнѣ:

— Но вѣдь и ты же не знаешь его, — и добавило: — и не знала никогда.

„...Я показывала Волынцеву устройство электрическаго фонарика, скрытаго въ механизмѣ часовъ. Рукой онъ коснулся моей ладони. На другой день я съ какимъ-то особымъ, жаднымъ любопытствомъ разсматривала печатные портреты мужа и автографъ, который былъ написанъ съ какою-то непріятною увѣренностью, что этимъ автографомъ будутъ заниматься и интересоваться люди. Потомъ, помню, нарочно ушла въ библіотеку такъ, чтобы Петръ видѣлъ, и долго не возвращалась.

„...Пріѣзжали братья Адельгеймъ и ставили „Трильби". Мы были, сидѣли въ третьемъ ряду и, когда шли изъ театра, стояла хорошая ночь, было весело среди обгонявшихъ насъ студентовъ, какихъ-то барышенъ и господъ въ котелкахъ. Мужъ бранилъ актеровъ, пьесу и Свенгали называлъ такъ: „Свиной Галли".

„Я шла по серединѣ и почему-то думала, что Волынцевъ идетъ справа отъ меня. Когда завернули за уголъ какого-то ресторана, то сразу стала видна надъ проспектомъ луна—и тогда, надъ Петербургомъ, въ ясную осеннюю ночь, это было красиво и говорило о молодости, свѣжести и о томъ, что жизнь должна быть хорошей и значительной. Мнѣ показалось, что Волынцевъ шепнулъ какую-то фразу, отъ которой я вздрогнула и спросила:

— Что?

„Раздался ворчливый отвѣтъ Петра:

— Въ двѣнадцать часовъ ночи драть пѣшкомъ до самаго моста—говорилъ онъ,—это фантазія, которой оправданія нѣтъ.

— Я люблю васъ,—отчетливо шепнулъ Волынцевъ.

„И когда мы садились въ фаэтонъ, я видѣла, какъ онъ проѣхалъ впередъ, я видѣла, его пуховую, загнутую внизъ шляпу. Только тогда, когда мы переѣзжали деревянный мостъ и лошади глухо стучали по слегка подмерзшимъ доскамъ,—только тогда я смѣла подумать о томъ, что̀ сказалъ Волынцевъ. Душа сжалась и радость смѣшалась съ какими-то тѣнями.

„Въ ресторанѣ составили два столика вмѣстѣ, такъ какъ пришелъ еще знакомый Петра, инженеръ съ странной фамиліей: Бритва. Среди нихъ я сидѣла одна, въ шляпѣ, и когда была выпита бутылка нѣжинской рябины, Бритва долго смотрѣлъ на меня, потомъ глубоко моргнулъ, словно желая прояснить глаза, и сказалъ:

— Ресторанъ. Электричество. Бѣлая шляпа.

„Мнѣ стало смѣшно, а онъ еще разъ моргнулъ, сдѣлался еще серьезнѣе и добавилъ:

— А вы похожи на знаменитую актрису.

„...Въ два часа ночи мы выходили изъ ресторана. Стояла уже настоящая, съ далекими звѣздами, съ уснувшей жизнью, ночь. Было холодновато въ пальто, но за то нравилось постукивать по сухимъ, четыреугольнымъ плитамъ тротуара, идти мимо задремавшихъ извозчиковъ, смотрѣть на круглые прозрачные циферблаты часовыхъ магазиновъ. Инженеръ, шедшій съ мужемъ позади, крикливо разсказывалъ, какъ недавно онъ былъ въ Кіевѣ и видѣлъ въ „Продавцѣ птицъ“ замѣчательную актрису. Мужъ, не слушая и не думая о томъ, что̀ разсказывалъ инженеръ, угрюмо подавалъ реплики:

— Да-а... Скажите, пожалуйста... Что-о вы!

„И по тону, и по лѣни я чувствовала, что завтра у него есть апелляція или кассація, для которой нужно встать къ девяти часамъ, и что онъ въ душѣ очень недоволенъ мною за ночную прогулку. Я оглянулась и сказала:

— Пройдемъ только до угла, а тамъ поѣдемъ.

— Дѣйствительно, ночь славная!—восторженно сказалъ инженеръ и добавилъ:—поздняя осень, грачи улетѣли.

Потомъ, немного спустя, вздохнулъ и продекламировалъ:

— Былъ вечеръ майскій, былъ чай китайскій и ромъ ямайскій.

„И снова я слышала, какъ Волынцевъ шепнулъ:

— Я люблю васъ. Я васъ люблю.

„Шли молча. Мужъ и инженеръ очень отстали, разговоръ ихъ слышался все отдаленнѣй, но, всетаки, можно было понять, что рѣчь идетъ объ опереткѣ, потому что инженеръ пропѣлъ вдругъ тонкимъ теноромъ:

— Кому вина—проси скорѣй!—и, подражая хору, закончилъ густымъ, искусственнымъ басомъ:

— Давай сюда! Налей полнѣй!

„...На другой день, когда я проснулась, то услышала, что въ кабинетѣ мужа сразу говорятъ много людей. Было забавно, какъ гудѣли голоса, и казалось, что происходитъ маленькая драма.

„Я ходила по комнатамъ, улыбающаяся, съ огромнымъ комомъ счастья во всемъ своемъ существѣ; я глядѣла на себя, очень красивую, въ зеркало, думала о томъ, что я похожа на знаменитую актрису, и, какъ старые стихи, шептала безсознательно вчерашнія слова инженера:

— Ресторанъ. Электричество. Бѣлая шляпа.

„Меня какъ будто подняло волной, теплой и уютной, и понесло: весело плыть, ни о чемъ не думая, раскинувъ широко руки, улыбаясь огромному небу.

„Что-то нужно было сдѣлать. Что—я еще не хотѣла уяснить себѣ. Пусть оно побудетъ еще темнымъ и далекимъ. И я долго ходила по комнатамъ, смотрѣла на толпу студентовъ, ожидавшихъ трамвая, потомъ пошла къ себѣ, вынула изъ стола секретку и выбрала, почему-то, самый маленькій, плохой карандашъ.

„...Когда я сошла по лѣстницѣ, то спросила швейцара: не было ли мнѣ писемъ? — и это были первыя слова, которыя я сказала, когда жизнь рѣзко разламывалась пополамъ. Мнѣ, почему-то, хотѣлось отдалить тотъ моментъ, когда я увижу весеннее солнце, весеннее небо, рождающія деревья, рѣку, похожую на невѣсту.

— Никакъ нѣту-съ! — сказалъ Семенъ:—вамъ никакъ нѣту-съ. Супругу вашему пять письмовъ подалъ-съ, изъ коихъ пара заказныхъ.

— Можетъ-быть, мнѣ будетъ письмо,—говорила я, разглядывая синеватые глаза Семена, рябинки на лѣвой щекѣ, жиденькіе рыжеватые усы:—можетъ-быть доплатить придется, такъ доплатите, пожалуйста.

— Будьте спокойны, барыня! — отвѣтилъ Семенъ: — не въ первый разъ.

— Вы хохолъ, Семенъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!—и лицо Семена измѣнилось отъ широкой благодушной улыбки:—мы тульскіе-съ, изъ города Алексина.

„...Когда я отдала посыльному письмо, то, какъ огнемъ, вспыхнула мысль:

— А можетъ не надо?

„Когда посыльный бѣжалъ, чтобы захватить плавно останавливающійся трамвай, эта мысль еще горѣла:

— А можетъ не надо? Пока не поздно—крикнуть ему...

„Но вагонъ уже понесся черезъ мостъ. Вдали блестѣли крыши церкви.

„Я стояла около магазина цвѣтовъ. Чрезъ зеркальное, четкое стекло глядѣли на улицу ландыши, похожіе на дѣтей, и большія, уже увядающія розы. Для меня было ясно, что никто не пожелаетъ купить эти умирающіе цвѣты: купецъ со злостью выброситъ ихъ завтра въ помойную яму. Я пошла и купила. Края розъ уже слегка почернѣли и завернулись внутрь. Онѣ не дышали. Я цѣловала и прижимала ихъ къ лицу.

„Этотъ день, весенній, свѣтлый—похожъ на золото, которое никогда не чернѣетъ...

„...Въ кинематографѣ показывали сначала жизнь въ Египтѣ: быстро мелькали базары, пальмы, бѣлыя одежды, дѣти—частицы чужой, странной жизни. За ширмами играли маршъ изъ „Аиды". Я слышала:

— Люблю.

„Шла драма въ маскарадѣ. Актеры съ особыми, кинематографическими жестами, бѣгали по саду, танцовали, объяснялись въ любви, дрались на дуэли, молились. Прежде чѣмъ выпить вино, показывали рукой на кружку. Прежде чѣмъ пойти, показывали самимъ себѣ направленіе: куда идутъ. Опять я слышала:

— Я васъ люблю.

„Велосипедистъ учился ѣздить и опрокидывалъ кормилицу съ ребенкомъ, штукатуровъ, старика съ газетой, столикъ ресторана. Всѣ гнались за велосипедистомъ. Онъ бросился въ рѣку, вода пошла широкими, блестящими кругами. Качали вѣтвями старыя ивы. И опять я слышала:

— Люблю васъ. Я васъ люблю"...

IV.

Женщина устала писать: строчки ложились все болѣе и болѣе кривыми линіями.

Она положила перо на край стола и откинулась на спинку стула. Лицо ея было блѣдно и свѣтъ лампочки подчеркивалъ мелкія излучины морщинъ.

На улицахъ давно уже погасли праздничные огни и народъ разошелся по домамъ. Утихла ѣзда.

Голова женщины склонилась немного на бокъ. Она задремала и, видимо, что-то грезилось ей: тонкія морщинки не оставались въ покоѣ и иногда переламывались въ горькую, насмѣшливую улыбку. Улыбка переходила въ легкій смѣхъ: женщина отрицательно качала головой и шептала:

— Ничего нѣтъ. Ничего нѣтъ.

И была похожа она на уснувшую птицу, которую весь день преслѣдовали охотники.

И. Сургучевъ.

СОНЕТЪ

Минувшее ушло съ зарей унылой;
Желанное таилъ востокъ нѣмой.
Она брела, одна въ глуши ночной,
А тьма гнала на прежній путь постылый.

И, посланъ къ ней таинственною силой,
Затерянной принесъ я свѣточъ мой.
И, ввѣрясь мнѣ, она пошла со мной,
Прильнувъ къ плечу своей головкой милой.

И я, какъ братъ, ее туда веду,
Гдѣ скоро лучъ прорветъ туманъ жемчужный,
А самъ съ тоской, какъ казни, утра жду...

Но святъ обѣтъ: съ безпечностью наружной
Ее отдамъ я дню и отойду—
И разобью свѣтильникъ мой ненужный.

А. Колтоновскій.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

I.

Александровскій лицей.

Давно намѣревался я писать свои воспоминанія, но до сихъ поръ все приходилось откладывать по разнымъ уважительнымъ причинамъ.

Во-первыхъ, недосуги. Въ моей крайне занятой жизни всякая новая, побочная работа не находитъ себѣ мѣста; едва успѣваешь окончить то, что давно намѣчено и начато. Во-вторыхъ, кое-кто изъ тѣхъ дѣятелей, о которыхъ приходится говорить, и не всегда съ похвалой, былъ еще въ живыхъ; по какому же праву буду я тревожить ихъ душевный покой? Наконецъ—говорю это къ стыду своему — очень затруднялся я писать на языкѣ, который долженъ бы былъ знать лучше другихъ и который однако, въ силу сложнаго сплетенія обстоятельствъ, сталъ мнѣ почти чужимъ.

Случайно выбрался у меня свободный мѣсяцъ. Всѣ тѣ, о которыхъ буду вспоминать, уже нѣсколько лѣтъ какъ умерли, и я могъ взяться за перо. Остается мой лингвистическій грѣхъ; но я надѣюсь, что читатели найдутъ ему смягчающее обстоятельство въ моей почти полувѣковой привычкѣ думать и писать на французскомъ языкѣ.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть: къ чему писать свои воспоминанія? Можетъ ли интересоваться публика прошедшимъ чело-

вѣка ей мало извѣстнаго? Не манія ли это всѣхъ стариковъ, у которыхъ уже нѣтъ будущаго, отъ которыхъ настоящее незамѣтно отлетаетъ и которые наслаждаются только давнишнимъ прошлымъ? Въ этомъ несомнѣнно большая доля правды, и у меня не было бы никакихъ оправданій, еслибы я предполагалъ передавать свои субъективныя впечатлѣнія. Но не такова моя цѣль. Видѣнное и пережитое послужитъ мнѣ для того, чтобы представить картину высшаго образованія въ Россіи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и дать мнѣ возможность высказать свое мнѣніе о томъ, чѣмъ оно должно бы быть и чего оно, увы, далеко еще не достигло. О себѣ лично скажу лишь то, что необходимо для уразумѣнія точки зрѣнія, на которую я сталъ съ ранней молодости и которой остался вѣренъ до сихъ поръ.

Мое пребываніе въ лицеѣ носило нѣсколько исключительный характеръ. Шестилѣтній курсъ ученья раздѣлялся тогда на четыре класса, начиная съ 4-го младшаго и кончая 1-мъ старшимъ. Я вступилъ прямо въ 3-й, перешелъ не безъ труда во 2-й, уѣхалъ затѣмъ за границу, возвратился къ переходнымъ экзаменамъ, которые выдержалъ очень удовлетворительно, и, окончивъ послѣдній классъ, вышелъ вторымъ своего выпуска. Такимъ образомъ изъ шести лѣтъ лицейскаго курса я пробылъ въ лицеѣ только три. Чтобы объяснить это совершенно ненормальное теченіе моей школьной жизни, мнѣ необходимо сообщить читателю нѣсколько автобіографическихъ подробностей.

Мнѣ, старшему изъ трехъ дѣтей, было семь лѣтъ, когда отецъ умеръ отъ тяжкой формы туберкулеза. Заботливая мать, видя слабаго, хилаго мальчика и боясь послѣдствій патологической наслѣдственности, рѣшилась отправить меня на югъ. Какъ разъ въ то время ѣхалъ за границу родной мой дядя лечиться отъ цѣлаго ряда воображаемыхъ болѣзней, которыя не помѣшали ему достигнуть глубокой старости. Со мной скитался онъ нѣсколько лѣтъ по Италіи, Швейцаріи и югу Франціи, постоянно обращаясь безъ всякой нужды къ врачебной помощи, постоянно глотая всякія аптекарскія снадобья. Здоровье мое быстро поправилось, весьма вѣроятно—не потому, что я былъ на югѣ, и не потому, что я пилъ разныя микстуры, а вслѣдствіе особыхъ педагогическихъ пріемовъ моего дяди. Петръ Григорьевичъ Высоцкій былъ въ своемъ родѣ замѣчательнымъ типомъ. По природѣ очень даровитый, съ открытымъ умомъ, весьма либеральными идеями, онъ постоянно жилъ въ деревнѣ, былъ страстный охотникъ и превосходно ѣздилъ верхомъ. Онъ вовсе не отрицалъ необходимости книжнаго ученья, но ставилъ его на второй

планъ, давая предпочтеніе физическому развитію. Подъ его руководствомъ я скоро выучился быть ловкимъ гимнастомъ, отлично стрѣлять и держаться на строптивыхъ лошадяхъ. Что касается ученья, то оно было столь мало успѣшно, что въ десять лѣтъ я едва умѣлъ читать и писать. Спасибо ему за это! Самъ смѣлый до безумія, онъ выучилъ меня не знать страха; вѣчно дѣятельный, даже тогда, когда ему нечего было дѣлать, онъ внушилъ мнѣ отвращеніе къ лѣни. На такой почвѣ и практическая дѣятельность, и научныя познанія могутъ свободно и безпрепятственно развиваться. Сколько разъ, много лѣтъ спустя, приходилось мнѣ въ этомъ убѣждаться!

Одиннадцати лѣтъ вернулся я домой, но родной климатъ, къ которому по тѣмъ или другимъ физіологическимъ причинамъ я очевидно не былъ приспособленъ, опять взялъ свое: опять я захирѣлъ, опять явились опасенія за мое здоровье, и мать, по совѣту врачей, снова снарядила меня въ „чужіе края". На этотъ разъ поѣхали мы всѣмъ семействомъ, какъ ѣздили тогда русскія семейства, съ нянькам, гувернерами и гувернантками, и къ гигіеническимъ цѣлямъ присоединились цѣли учебныя. Домашнее воспитаніе, столь распространенное въ началѣ XIX-го вѣка въ Россіи, въ Николаевскія времена вышло совсѣмъ изъ моды, и надо было пристроить дѣтей въ какую-нибудь правительственную школу.

Въ тѣ времена—да, я думаю, и теперь еще этотъ обычай не совсѣмъ исчезъ—у дѣтей не спрашивали о ихъ вкусахъ, не сообразовались съ ихъ наклонностями, а подготовляли по тѣмъ или другимъ семейнымъ соображеніямъ къ тѣмъ или другимъ служебнымъ карьерамъ. Меня желала направить мать по дипломатической части, а такъ какъ тогдашній всемогущій министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ, товарищъ Пушкина, особенно охотно принималъ лицеистовъ на службу по этому министерству, она выбрала для меня Александровскій лицей. Выборъ карьеры былъ совсѣмъ неудаченъ. Съ моимъ съ дѣтства независимымъ характеромъ, съ моей съ раннихъ лѣтъ пріобрѣтенной привычкой высказывать всегда свое мнѣніе безъ всякихъ околичностей, я на всю жизнь остался бы послѣднимъ изъ послѣднихъ, особенно въ мірѣ тѣхъ блуждающихъ чиновниковъ, которые безъ всякой опредѣленной цѣли и безъ всякаго полезнаго труда таскаютъ по западнымъ и восточнымъ столицамъ свои изящные фраки и свои шитые мундиры. Правда, дипломатическая служба предназначалась мнѣ не столько изъ какихъ-либо теоретическихъ со-

ображеній, сколько для того, чтобы позволить мнѣ жить въ тепломъ климатѣ.

За то выборъ школы былъ очень удаченъ, и помимо всего того, чѣмъ я обязанъ матери, за этотъ выборъ я ей глубоко благодаренъ. Лицей имѣлъ несомнѣнно самое благотворное вліяніе на всю мою жизнь. Александровскій лицей, носившій до 1844-го года названіе Царскосельскаго — совершенно исключительное закрытое заведеніе, созданное для небольшого числа воспитанниковъ (120), принадлежавшихъ, какъ гласили правила, къ „дворянскимъ фамиліямъ, записаннымъ въ 6-ую и 5-ую родословныя книги". Это послѣднее условіе было, впрочемъ, болѣе теоретическимъ, такъ какъ добрая треть воспитанниковъ принадлежала къ такъ называемому пятиклассному дворянству; были даже сыновья профессоровъ и надзирателей лицея, не имѣвшихъ ничего общаго съ какимъ-либо дворянствомъ. Сословнаго духа въ лицеѣ совсѣмъ не было, да и не было его никогда въ Россіи, гдѣ образовался классъ „служилыхъ людей", но гдѣ не существовало и не существуетъ *дворянства* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но въ лицеѣ не было, по крайней мѣрѣ въ мое время, и аристократическихъ замашекъ, столь присущихъ петербургскому обществу и основанныхъ на мнимомъ или настоящемъ богатствѣ. У насъ бѣдные и богатые стояли на одной доскѣ и въ товарищескихъ отношеніяхъ финансовый вопросъ не игралъ никакой роли. Эта прекрасная черта была одной изъ характерныхъ традицій лицея.

Поступленіе въ тогдашній лицей считалось труднымъ, въ особенности вслѣдствіе довольно строгихъ требованій по латыни и необходимости практическаго знанія трехъ иностранныхъ языковъ. Для меня дѣло еще осложнялось особымъ обстоятельствомъ: опасаясь вреднаго вліянія петербургскаго климата на мое все еще слабое здоровье, мать хотѣла, чтобы я поступилъ прямо въ третій классъ и такимъ образомъ по возможности сократилъ время своего пребыванія въ Петербургѣ.

Мы переселились на два года въ Парижъ, гдѣ легко было найти всякія учебныя пособія, и тутъ только началъ я впервые систематическое „ученье". Меня сначала помѣстили въ модный тогда пансіонъ. Затѣмъ сталъ я ходить экстерномъ въ лицей, носившій тогда имя Бонапарта, перемѣнившій съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ свое названіе и извѣстный теперь подъ именемъ „Lycée Condorcet". Въ тѣ далекія времена, когда во Франціи не началась еще кампанія противъ классическаго образованія, печальныя послѣдствія которой мы видимъ теперь, латинскій

языкъ преподавался превосходно, и въ два года я не только подготовился къ экзамену, но зналъ гораздо болѣе того, что̀ требовалось. Англійскому языку обучался я дома у гувернантки сестры, нѣмецкому—у своего гувернера; остальные обычные предметы шли своимъ нормальнымъ порядкомъ въ лицеѣ. Хромали только два предмета: русскій языкъ и такъ называемый „Законъ Божій"—первому я никогда не доучился, второму никогда не выучился. „Священную исторіи" и „Краткій катехизисъ" преподносилъ мнѣ тогдашній протоіерей и строитель русской церкви въ Парижѣ, Васильевъ № 1. Онъ, много лѣтъ спустя, старался, хотя и косвенно, вредить моей карьерѣ, и доносилъ о моихъ антирелигіозныхъ мнѣніяхъ подлежащимъ властямъ въ своемъ журналѣ „Union chrétienne"; но объ этомъ будетъ рѣчь во второй части моихъ воспоминаній.

Тайны русской грамматики разъяснялъ мнѣ мой гувернеръ, тотъ самый, отъ котораго я съ большимъ успѣхомъ освоился съ нѣмецкимъ языкомъ. Благо представляется случай, хочу сказать о моемъ наставникѣ нѣсколько словъ доброй памяти, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ непосредственное вліяніе на мои наклонности къ точнымъ наукамъ. Николай Николаевичъ Кауфманъ, тогда только что вышедшій изъ московскаго университета, впослѣдствіи извѣстный профессоръ ботаники и авторъ классическаго труда о флорѣ Московской губерніи, былъ гораздо болѣе русскимъ нѣмцемъ, нежели нѣмецкимъ русскимъ. Безъ выдающагося дарованія, онъ работалъ прилежно и умѣлъ работать; онъ любилъ свою науку непрерывисто, не урывками, а той тихой, спокойной любовью, которая позволяетъ дойти до результатовъ, быть можетъ, не блестящихъ, но вѣрныхъ. Странное дѣло: не смотря на всѣ старанія, онъ никакъ не могъ пристрастить меня къ ботаникѣ, къ которой я, какъ вообще ко всѣмъ описательнымъ наукамъ, и до сихъ поръ питаю какое-то инстинктивное отвращеніе. Но своей необыкновенной работоспособностью онъ служилъ мнѣ живымъ примѣромъ, а своей привычкой аккуратнаго наблюденія самыхъ мелкихъ фактовъ познакомилъ меня со сферой знанія, въ которой добываются точные результаты, въ противоположность остальной программѣ обученія, въ которой были только результаты самые неточные, самые разнорѣчивые. Конечно, все это было безсознательно; это было только незрѣлое сѣмя, но изъ него впослѣдствіи, при счастливо сложившихся обстоятельствахъ, выросло растеніе, сложился умственный устой, и первому сѣятелю мнѣ все-таки надо сказать сердечное спасибо.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, четырнадцати лѣтъ

отъ роду, я безъ всякаго труда, въ декабрѣ 1857-го года, выдержалъ вступительный экзаменъ въ 3-й классъ лицея. Изъ числа четырехъ, поступившихъ тогда вмѣстѣ со мной, особенно дорога мнѣ память о двухъ братьяхъ Персіани. Съ первыхъ же дней между нами завязалась тѣсная дружба, основанная на совершенно естественной симпатіи. Сыновья русскаго посланника въ Греціи, они, какъ я, воспитывались внѣ Россіи, въ обычаяхъ западной культуры, и чувствовали себя сначала какъ бы чужими въ той новой средѣ, въ которой намъ приходилось жить. Оба они, даровитые, образованные, не попали въ свои колеи, никогда не сжились съ этой средой. Старшій, съ своимъ независимымъ, совсѣмъ южнымъ характеромъ рано вышелъ въ отставку и погрязъ въ петербургскомъ far niente; младшій, талантливый поэтъ, на котораго всѣ тогда возлагали большія надежды, былъ посланникомъ въ Сербіи, гдѣ онъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, переливалъ, какъ всѣ дипломаты, изъ пустого въ порожнее.

Поступивъ въ лицей при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, безъ того чрезмѣрнаго умственнаго усилія, которое такъ часто надрываетъ молодыхъ людей, я могъ бы, по видимому, идти по теченію и спокойно „совершенствоваться въ наукахъ“. Но вышло иначе, и недостатки тогдашняго преподаванія съ первыхъ же шаговъ имѣли на меня самое пагубное вліяніе.

Преподавателемъ латинскаго языка, на который тогда обращалось больше вниманія, былъ Григорій Ивановичъ Лапшинъ. Въ некрологѣ о немъ, помѣщенномъ въ лицейской „Памятной книжкѣ“ за 1886-ой годъ, сказано, что онъ „снискалъ любовь и уваженіе среди своихъ учениковъ и товарищей и о немъ живетъ память, какъ объ одномъ изъ лучшихъ наставниковъ“. Такая аттестація вызоветъ только горькую улыбку на устахъ всѣхъ тѣхъ, кому пришлось быть въ его жесткихъ, неумѣлыхъ рукахъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ бездушныхъ, бездарныхъ педагоговъ, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать. Онъ представлялъ изъ себя ходячую грамматику; кромѣ нея онъ ничего не зналъ — ни римской исторіи, ни римскихъ нравовъ, ни римской словесности. Цезарь и Овидій, Горацій и Тацитъ — все это было подведено подъ одну мѣрку: во всемъ этомъ онъ видѣлъ только примѣры правилъ и исключеній по руководству Кюнера. Для меня, очень любившаго образный и точный языкъ древняго Рима и привыкшаго къ живому преподаванію французскихъ школъ, гдѣ мало толковалось о грамматикѣ, за то подробно объяснялись смыслъ и духъ читаемаго писателя — какая это была разница, какое разочарованіе! Я было попробовалъ приспособиться

къ этому, въ полномъ смыслѣ „мертвому“ языку, но моя живая натура не выдержала, я махнулъ рукой на латынь, получилъ на переходномъ экзаменѣ неудовлетворительную отмѣтку и чуть было не остался въ классѣ. За это потерянное время я до сихъ поръ лихомъ поминаю Лапшина. Въ сущности не онъ тутъ былъ виноватъ, а виновато было начальство, которое призвало такого во всѣхъ отношеніяхъ непригоднаго преподавателя.

Не смотря на то, что я всю жизнь занимался точными науками, я остаюсь убѣжденнымъ защитникомъ классицизма. Спѣшу оговориться: я не смотрю на него какъ на полную, законченную систему, а какъ на основаніе, какъ на исходную точку общаго образованія. Греція и Римъ представляютъ въ исторіи человѣчества цѣлый длинный рядъ вѣковъ блестящей цивилизаціи, которая вошла, какъ необходимый элементъ, въ наше современное міросозерцаніе и вліяетъ до сихъ поръ на нашу современную общественную и индивидуальную жизнь. Какъ же можно вычеркнуть ее изъ программы нашего умственнаго воспитанія? Съ этимъ, въ сущности, всѣ согласны, но на это замѣчаютъ, что древнихъ авторовъ можно легко познать и въ хорошихъ переводахъ. Нетрудно отвѣтить на такое возраженіе. Русскіе классики — Карамзинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ — давно переведены на иностранные языки, но кто же скажетъ, что по этимъ переводамъ можно узнать своеобразный духъ русской общественной среды, хотя дѣло идетъ о современныхъ явленіяхъ? Какъ же мы будемъ судить на нашемъ языкѣ, приспособленномъ для совершенно другихъ нравовъ и другого образа мыслей, о людяхъ, которые жили двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ? Нѣтъ, тотъ, кто не овладѣлъ древними языками, не можетъ познать древній міръ, котораго онъ является наслѣдникомъ и который оставилъ на насъ свою неизгладимую печать. И отчего это явилось вдругъ такое модное гоненіе на классическіе языки? Отчего это вдругъ встрѣтились въ ихъ изученіи какія-то особенныя непреодолимыя затрудненія? Всѣ наши старые лицейскіе профессора не только отлично знали, но и свободно говорили по латыни; полвѣка тому назадъ на всѣхъ медицинскихъ факультетахъ въ Россіи всѣ клиническія лекціи читались на латинскомъ языкѣ, у постели больного на консультаціяхъ всѣ доктора говорили по латыни. Отчего же все это вдругъ сдѣлалось невозможнымъ? Не оттого ли просто, что настоящіе преподаватели замѣнились мало-по-малу разными „Лапшиными“, которые сами плохо знали преподаваемый ими предметъ? Я глубоко убѣжденъ, что дѣло тутъ вовсе не въ какихъ-либо трудностяхъ изученія,

а въ плохихъ программахъ и неумѣломъ преподаваніи. Древніе языки надо преподавать, какъ преподаются языки живые; а кому же придетъ въ голову, не зная еще языка, долбить его грамматику?

Въ лицеѣ ждало меня еще другое разочарованіе. Выше сказалъ я, что результатомъ моего долголѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ было недостаточное знаніе русскаго языка. Съ первыхъ же дней моего вступленія въ лицей товарищи смѣялись надъ моими ошибками, срамили за мое незнаніе, и мнѣ очень естественно захотѣлось пополнить этотъ пробѣлъ. Но оказалось, что въ программу 3-го класса русскій языкъ вовсе не входилъ. Его преподаваніе ограничивалось младшимъ классомъ и его знаніе считалось, слѣдовательно, законченнымъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Эта необычайная странность объясняется характерной особенностью лицейскаго учебнаго строя. Программы въ немъ безпрестанно мѣнялись, безъ всякаго общаго плана, совершенно случайно. Тогдашній совѣтъ лицея состоялъ изъ профессоровъ, ничего общаго между собою не имѣвшихъ; каждый изъ нихъ тянулъ въ свою сторону, и въ этихъ постоянныхъ конфликтахъ побѣда оставалась на сторонѣ самыхъ вліятельныхъ. Въ то время большимъ вліяніемъ пользовался Перевлѣсскій, извѣстный авторъ русскихъ и славянскихъ грамматикъ и хрестоматій. Это былъ несомнѣнно умный и свое дѣло знающій человѣкъ, который ясно и толково излагалъ свой предметъ; къ несчастью онъ не всегда былъ въ ударѣ. Грѣшный русскій человѣкъ, онъ сильно пилъ, вскорѣ сошелъ съ ума и умеръ въ 1866-мъ году, не достигнувъ пятидесятилѣтняго возраста. По его совѣту, въ 1856 г., какъ разъ за годъ до моего поступленія, русскій языкъ былъ замѣненъ въ 3-мъ классѣ сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ, что̀ было очень разумно и полезно, и старо-славянскимъ языкомъ, что̀ было совершенно ненужно. Въ продолженіе полутора года изощрялись мы надъ чтеніемъ всякихъ „вязей“ и толкованіемъ для пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ мало интересной Несторовой лѣтописи и совершенно неинтереснаго Остромирова Евангелія. Результатъ нетрудно было предвидѣть: никто изъ насъ не выучился даже приблизительно славянскому языку, а я лично — да и не я одинъ — не доучился языку русскому. Въ старшихъ классахъ уже не было времени о немъ думать, тамъ мы были завалены массой самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

А между тѣмъ въ этомъ самомъ 3-мъ классѣ были предметы совершенно ненужные, которые можно и должно было бы

сократить и замѣнить предметами полезными для общаго образованія. Между ними особенно мнѣ памятна архитектура, безтолковое преподаваніе которой продолжалось и во 2-мъ классѣ, слѣдовательно цѣлыхъ три года. Интересно было бы знать, кому пришло въ голову ввести въ лицейскую программу такое спеціальное практическое искусство, преподаваніе котораго очевидно ни въ какомъ случаѣ не можетъ ограничиваться чисто книжнымъ изученіемъ. Эту тайну хранятъ журналы Совѣта, въ которомъ, повторяю, все дѣлалось безъ толку, случайно, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ „вѣяній". Мы, молодежь, служили матеріаломъ для педагогическихъ экспериментовъ, предпринимаемыхъ людьми совершенно для того неподготовленными. Этотъ неумѣстный предметъ преподавалъ намъ военный инженеръ, полковникъ Васильевъ, всѣ архитектурныя свѣдѣнія котораго сводились, кажется, къ знанію наизусть когда-то извѣстнаго двутомнаго сочиненія Свіязева. Тамъ, между прочимъ, встрѣчалось на первой страницѣ такое опредѣленіе архитектуры: „Чтò тоны въ музыкѣ, то линіи въ архитектурѣ, а поэтому архитектура есть музыка для глазъ". Эту нелѣпую фразу онъ не преминулъ намъ передать дословно, и мы, думая, что она его собственное изобрѣтеніе, долго надъ нимъ смѣялись. Про него, говоря языкомъ Свіязева, можно было сказать: чтò Лапшинъ въ латыни, то Васильевъ въ архитектурѣ, а поэтому въ обоихъ случаяхъ получался одинаковый отрицательный результатъ. Рѣшительно никто изъ насъ не занимался архитектурой; она прошла у насъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, да и самъ Васильевъ, вѣроятно, относился къ ней скептически, такъ какъ, къ счастью, на экзаменѣ довольствовался самыми приблизительными отвѣтами и никому никогда дурныхъ отмѣтокъ не ставилъ. Читанный намъ курсъ былъ его лебединой пѣснью — онъ вскорѣ умеръ. Нашли ли столпы Совѣта, что опытъ не удался, или поняли они всю безсмысленность преподаванія практической спеціальности въ общеобразовательномъ заведеніи—только архитектура была вычеркнута изъ программы и замѣнена не помню уже чѣмъ, чтò, по всему вѣроятію, было въ свое время тоже упразднено. Такъ шли дѣла въ то давнишнее время, да и теперь такъ же они идутъ, а можетъ быть и хуже, и все по той же причинѣ—по отсутствію всякаго учебнаго единства.

Остальное преподавалось въ общемъ сносно, хотя и тутъ были странности, которыя можно было бы назвать комическими, еслибы дѣло не шло объ образованіи юношества. Одинъ изъ часовъ, отведенныхъ иностраннымъ языкамъ, посвящался въ 4-мъ

и 3-мъ классахъ преподаванію естественныхъ наукъ: минералогіи — по-нѣмецки, ботаникѣ — по-англійски, зоологіи — по-французски. Мысль сама по себѣ была очень раціональна: совершенствоваться въ языкѣ и пріобрѣтать вмѣстѣ съ тѣмъ знанія изъ области явленій природы представляло двойную выгоду. Конечно, можно было возразить, что описательныя науки не имѣютъ никакого образовательнаго значенія, что онѣ годны только для спеціалистовъ, что гораздо лучше было бы замѣнить ихъ, напр., космографіей и механикой, которыя вовсе не были включены — не знаю, по какимъ соображеніямъ — въ лицейскую программу; все же и въ этомъ видѣ познаніе природы могло служить очень полезнымъ противовѣсомъ той метафизикѣ, которою и до сихъ поръ пропитано преподаваніе словесныхъ предметовъ. Но посмотрите, какъ эта мысль была осуществлена. Преподаваніе было поручено тѣмъ же самымъ профессорамъ, которые преподавали языки и соотвѣтственныя имъ литературы. Они были чистыми гуманистами и не имѣли ни малѣйшаго понятія объ естественныхъ наукахъ. У насъ долго сохранялись записки по зоологіи учителя французскаго языка Роболи; это было что-то до невѣроятности наивное и, что хуже, невѣрное до безобразія. Такимъ образомъ мы дѣйствительно совершенствовались во французскомъ языкѣ, пріобрѣтали знанія научныхъ терминовъ, но за то начиняли голову совершенно ложными фактами.

Въ маѣ 1859 г., немного прибавивъ къ своимъ знаніямъ, перешелъ я кое-какъ на старшій курсъ, въ которомъ я вѣроятно, благодаря пріобрѣтенному отвращенію къ латинскому языку Лапшина, окончательно бы излѣнился. Но тутъ случился переворотъ въ моей школьной карьерѣ, совершенно измѣнившій ходъ дѣла. Петербургскій ли климатъ, или какія случайныя обстоятельства, но здоровье мое пошатнулось. Испросивъ для меня годовой отпускъ, мать увезла меня опять въ чужіе края. Запасшись литографированными записками по разнымъ предметамъ, преподаваемымъ во 2-мъ классѣ, и захвативши съ собой репетитора — молодого кандидата московскаго юридическаго факультета, — отправились мы сначала въ Монпелье, а потомъ въ Женеву. Опять попалъ я въ западную среду, опять нашелъ я живые педагогическіе методы въ самыхъ сухихъ отвлеченныхъ предметахъ — и опять ученье мое быстро пошло на ладъ.

Изъ моего тогдашняго пребыванія за границей два обстоятельства остались у меня въ памяти. Въ Женевѣ моимъ учителемъ латинскаго языка былъ Töpfer, сынъ знаменитаго автора „Voyages en zigzags“; онъ до того изящно и интересно толко-

валъ мнѣ Овидія, что мои классическіе вкусы опять пробудились. Я сталъ заниматься настолько прилежно, что, по возвращеніи моемъ въ Россію, Лапшинъ, который меня сильно недолюбливалъ, поставилъ мнѣ на переходномъ экзаменѣ хорошую „отмѣтку“ и даже спросилъ, вѣроятно не безъ ироніи, гдѣ я такъ подучился.

Въ той же Женевѣ преподавалъ мнѣ химію, которая тогда была включена въ программу 2-го класса лицея, весьма безцвѣтный и въ ученомъ мірѣ совершенно неизвѣстный Мишо. Его единственное достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ ассистентомъ Мариньяка и что его лабораторія находилась рядомъ съ лабораторіей знаменитаго химика. Это сосѣдство имѣло на меня, хотя и окольнымъ путемъ, огромное вліяніе. Мариньякъ въ свою лабораторію никого не допускалъ, самъ чистилъ посуду, чтобы быть увѣреннымъ во всякую минуту, что она „химически“ чиста, самъ производилъ всѣ грубыя химическія операціи; лабораторному служителю позволялось только мести полъ и приносить тяжелую посуду. Что касается ассистента, то всѣ его обязанности заключались въ приготовленіи опытовъ для лекцій. Передъ своимъ патрономъ Мишо преклонялся, какъ передъ божествомъ, и по самому началу посовѣтовалъ мнѣ слушать лекціи Мариньяка, что я и поспѣшилъ сдѣлать. Тогда въ Женевѣ университета не было, а была такъ называемая „Академія“, что-то среднее между средней и высшей школой. Помѣщалась она въ небольшомъ грязномъ домѣ на узкой темной улицѣ; лабораторіи были въ довольно тѣсныхъ подвалахъ, бюджетъ былъ самый скромный, и профессора пополняли его изъ своихъ кармановъ. Зато какіе это были профессора! Де-ля-Ривъ, Клапаредъ, Пиктэ, Ольтрамаръ, Мариньякъ—представители самыхъ богатыхъ женевскихъ фамилій, и все первоклассные ученые. И какія изъ этихъ тѣсныхъ, сырыхъ подваловъ выходили блестящія научныя работы! Теперь, когда всюду настроили богатыя палаты, когда лабораторіи и кабинеты удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ требованіямъ комфорта, что-то нигдѣ не видно такой плеяды замѣчательныхъ людей. Какъ будто по мѣрѣ того, какъ воздвигались стѣны, исчезалъ тотъ „священный огонь“, безъ котораго въ наукѣ возможны труженики, но немыслимы созидатели.

Съ моими ничтожными познаніями въ химіи я, конечно, не могъ оцѣнить, ни даже, вѣроятно, понять лекціи Мариньяка, тѣмъ болѣе, что съ внѣшней стороны онъ былъ плохимъ лекторомъ; но ихъ философскій методологическій смыслъ производилъ на меня сильное впечатлѣніе. Мариньякъ не признавалъ ника-

кихъ недоказанныхъ гипотезъ, относился скептически къ тѣмъ теоріямъ, мишурный блескъ которыхъ увлекъ потомъ столько умовъ, зато преклонялся передъ тѣмъ, что достовѣрно дознано, и извлекалъ изъ того новыя, непредвидѣнныя послѣдствія. Много лѣтъ спустя, когда я сталъ самъ работать самостоятельно и столкнулся съ вопросами, которыми занимался Мариньякъ, я вспомнилъ съ благодарностью эти осторожные, раціональные пріемы научнаго мышленія.

Вообще мое второе пребываніе за границей было переломомъ весьма благотворнымъ въ моемъ умственномъ развитіи. Я сталъ заниматься съ увлеченіемъ и занимался настолько успѣшно, что отлично выдержалъ переходный экзаменъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Къ этому прибавился вскорѣ новый толчокъ впередъ, но на этотъ разъ уже въ стѣнахъ лицея.

Еще до возвращенія моего въ Петербургъ, въ сентябрѣ 1860-го года, старшій Персіани, самый близкій мой товарищъ, съ которымъ мы усердно переписывались, сообщилъ мнѣ въ письмѣ, какимъ-то чудомъ у меня сохранившемся, что нашъ профессоръ французской словесности Бужо умеръ и на мѣсто его назначили Помье; что онъ сначала читалъ довольно скучный курсъ старой французской литературы, но, скоро убѣдившись, что нѣкоторые изъ его слушателей очень интересуются его предметомъ, началъ рядъ блестящихъ лекцій, въ особенности о предшественникахъ великой революціи, о писателяхъ XVIII-го столѣтія. „Ты увидишь, — прибавлялъ онъ — какъ все это интересно и какъ все это ново". У Помье мнѣ дѣйствительно удалось многому научиться; добрую память о немъ храню я свято, и портретъ его до сихъ поръ виситъ на почетномъ мѣстѣ въ моемъ кабинетѣ.

Въ 1-мъ старшемъ классѣ, въ который мы перешли въ декабрѣ 1860 г., преподавались въ наше время исключительно литературные, юридическіе и такъ называемые камеральные предметы. Говорю: „въ наше время", потому что непосредственно передъ нами включались въ программу сельское хозяйство и практическая механика. Какими идеями руководствовалось наше шальное учебное начальство для введенія и упраздненія этихъ предметовъ, я не знаю, да и оно, конечно, не знало; но о выключеніи механики я теперь очень сожалѣю, вовсе не потому, чтобы изученіе зубчатыхъ колесъ и передаточныхъ движеній могло принести какую-нибудь существенную пользу нашему образованію, а потому, что преподавалъ ее Чебышевъ—одинъ изъ замѣчательныхъ математическихъ умовъ второй половины XIX-го вѣка. Въ той или другой формѣ онъ пополнилъ бы наши далеко не

достаточныя математическія познанія. Выключенные предметы были замѣнены „государственнымъ правомъ иностранныхъ державъ“, преподаваніе котораго въ первый разъ разрѣшалось въ Россіи, и какой-то странной смѣсью свѣтскихъ размышленій съ „откровенными“ истинами, которое носило названіе „нравственнаго богословія“.

Въ старшемъ курсѣ при огромномъ разнообразіи предметовъ былъ существенный недостатокъ: всѣ эти предметы не представляли стройнаго цѣлаго, ихъ совокупность являлась въ видѣ разноцвѣтной мозаики, потому что не было связующаго элемента, недоставало курса хоть какой-нибудь философіи. Съ западной точки зрѣнія такой пробѣлъ совершенно необъяснимъ, но въ то время въ Россіи всякая философія строжайше воспрещалась. Преподавались только во 2-мъ классѣ логика и психологія и читалъ намъ ихъ лицейскій священникъ Строкинъ. Это былъ человѣкъ довольно неглупый, сравнительно начитанный, живой и нѣсколько вольнодумный, и тѣмъ не менѣе наводилъ на насъ нестерпимую скуку. Этой тарабарской грамоты мы никакъ не могли себѣ усвоить и самъ онъ въ ней, кажется, не могъ разобраться, потому что читалъ слово въ слово по своимъ литографированнымъ запискамъ, составленнымъ, вѣроятно, по какому-нибудь нѣмецкому руководству. Даже № 1-ый нашего курса Ѳ. Ѳ. Смирновъ, который съ самаго своего поступленія въ лицей получалъ неизмѣнно по всѣмъ предметамъ высшую отмѣтку, потому что всѣмъ безразлично занимался съ одинаковымъ прилежаніемъ и одинаковымъ интересомъ, даже и онъ махнулъ рукой и довольствовался выучиваніемъ наизусть теоріи взаимодѣйствія „я“ и „не я“.

Извѣстно, какъ интересуется молодежь всѣмъ запрещеннымъ, всѣмъ гонимымъ, и неудивительно, что многіе изъ насъ пожелали вкусить запретнаго плода. Но за какую философію взяться и гдѣ найти ея источникъ? Изъ разговоровъ съ Помье, котораго мы всѣ очень полюбили, потому что онъ былъ добрый, доступный человѣкъ, всегда охотно отвѣчавшій на всѣ запросы, узнали мы скоро, что у него въ запасѣ какая-то ультра-нецензурная философія. Мы, разумѣется, тотчасъ же попросили его намъ ее изложить, что̀ онъ не замедлилъ сдѣлать. Случай представился очень удобный: онъ читалъ въ 1-мъ классѣ литературу XIX в. и, дойдя до 30-хъ годовъ, по поводу Сенъ-Симона и его школы, незамѣтно перешелъ къ его ученику, Огюсту Конту, и положительной философіи. Тутъ онъ былъ въ своей стихіи; убѣжденный послѣдователь этой философіи, принадле-

жавшій къ первому поколѣнію непосредственныхъ учениковъ Конта, онъ увлекалъ насъ не только блескомъ формы, но и ясностью мысли. Его лекціи заканчивались обыкновенно нашими шумными рукоплесканіями, что было совсѣмъ не въ обычаяхъ лицея и что нѣсколько озабочивало начальство и профессоровъ, въ глазахъ которыхъ это представлялось нарушеніемъ порядка.

Помню, что разъ какъ-то, излагая соціальныя идеи Конта, онъ захватилъ нѣсколько лишнихъ минутъ; слѣдующій за нимъ Горловъ, профессоръ политической экономіи, нервно прохаживался въ это время по коридору и слышалъ наши аплодисменты. Какъ только Горловъ взошелъ на каѳедру, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: „Господа! съ самаго начала курса я стараюсь насаждать въ ваши умы сѣмена истинной науки; мнѣ больно видѣть, что какой-то французъ уничтожаетъ въ нѣсколько минутъ всѣ плоды моихъ трудовъ". Бѣдный Горловъ! Его трудъ дѣйствительно прошелъ даромъ, не только потому что наши умы были удобрены подъ совершенно иной посѣвъ, но и потому, что сѣмена его были негодны. Бездарнѣйшій „докторъ философіи" дерптскаго университета, онъ не шелъ далѣе Адама Смита и Рикардо и считалъ все остальное вреднымъ новшествомъ. Съ такими идеями трудно было вліять на молодое поколѣніе, особенно на наше. Не слѣдуетъ забывать, что все это происходило наканунѣ освобожденія крестьянъ, когда стремленіе впередъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности проникло во всѣ слои общества, не выключая самого правительства. Вездѣ чувствовалась болѣе или менѣе ясно необходимость перемѣнить курсъ, вдохнуть новаго воздуха и снять съ себя старое тряпье. Мы, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, пошли, быть можетъ, слишкомъ быстро, приняли за новое то, что было ново въ Россіи, но давно забраковано опытомъ другихъ странъ. Но развѣ развитіе общества, въ особенности юношества, въ культурномъ отношеніи можетъ идти по прямой линіи, безъ увлеченій и ложныхъ шаговъ? Вскорѣ потомъ началась реакція, пошли гоненія, ссылки; погибло безъ нужды много молодыхъ силъ, но толчокъ былъ данъ. Правительство повторило тутъ ошибку, которую мы встрѣчаемъ въ исторіи всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Когда конь заноситъ, опытный ѣздокъ первымъ долгомъ отпускаетъ поводья— это единственное средство его остановить; правительство поводья затянуло и удивлялось потомъ, что конь продолжаетъ нести. Увы, примѣры прошлыхъ вѣковъ рѣдко идутъ въ прокъ!

Философію Конта мы знали, конечно, поверхностно, не столько изъ изученія его сочиненій, тогда еще для насъ совершенно не-

доступныхъ, сколько изъ разговоровъ съ Помье, котораго многіе изъ насъ стали усердно посѣщать по воскресеньямъ и который оказалъ намъ въ этомъ отношеніи большую услугу. Мы стали хоть нѣсколько разбираться въ массѣ преподаваемыхъ намъ разнохарактерныхъ наукъ: мы поняли, что̀ въ нихъ важно и что̀ второстепенно, и ясно постигли цѣль, къ которой должно стремиться положительное знаніе—достиженіе систематическаго міровоззрѣнія. Безъ сомнѣнія, все это было еще очень незрѣло, однако вполнѣ достаточно, чтобы насъ окончательно отстранить отъ теологіи и вселить недовѣріе ко всякой метафизикѣ.

Въ лицѣ Строкина, который, мнѣ кажется, самъ не былъ вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ своихъ поученій, теологія защищалась слабо; зато метафизика, со всѣхъ сторонъ насъ окружавшая, не такъ легко сдавалась. Кое-кто изъ насъ—напримѣръ Смирновъ—полагалъ, не безъ основанія, что не все же должно быть ложно въ измышленіяхъ Канта, Гегеля, Фейербаха, что съ этими ученіями надо поближе ознакомиться. Подъ рукой у насъ былъ подходящій источникъ такого познанія. Нашъ профессоръ нѣмецкой литературы Минцловъ, чрезвычайно симпатичный типъ философа стараго покроя, гордившійся своимъ личнымъ знакомствомъ съ Шопенгауеромъ, охотно согласился провести насъ по дебрямъ германскаго мышленія. Какъ ловкій фокусникъ играетъ съ мячиками, такъ онъ весьма искусно справлялся со всѣми діалектическими тонкостями самой отчаянной метафизики. Результатомъ лекцій Минцлова вышло то, что эта метафизика представилась намъ въ видѣ темнаго фона, на которомъ ясно и выпукло выступало ученіе Конта.

Говоря о ходѣ нашего умственнаго развитія, мнѣ слѣдуетъ оговориться. Нашъ курсъ—въ немъ было 23 человѣка, изъ которыхъ послѣ 47 лѣтъ осталось въ живыхъ только 8,—можно было раздѣлить на три разряда. Меньшинство, довольно впрочемъ значительное, не только прилежно занималось, но, подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ убѣжденій, старалось пополнить свое научное образованіе такими предметами, которые не входили въ лицейскую программу. Одни изучали греческій языкъ, другіе занимались высшей математикой, третьи выпросили себѣ разрѣшеніе ѣздить въ свободные часы въ медико-хирургическую академію для ознакомленія съ анатоміей. Большинство, какъ это всегда бываетъ во всѣхъ школахъ, ничѣмъ не интересовалось, смотрѣло на ученье какъ на барщину, на которую надо ходить по необходимости, и думало всю недѣлю только о томъ, какъ бы веселѣе провести воскресенье. Къ третьему разряду принадлежалъ, къ

счастью, только одинъ товарищъ, сынъ бывшаго лицейскаго профессора французской литературы Курнандъ. Онъ относился ко всякому точному знанію не съ равнодушіемъ, а съ затаенной злобой. Его сухой, схоластическій умъ былъ покрытъ непроницаемой броней, черезъ которую лучъ свѣта не могъ пробиться; хитрый, ревнивый фанатикъ, онъ своей непривѣтливой аскетической фигурой и физически, и умственно, и нравственно совершенно походилъ на худшій типъ средневѣковыхъ монаховъ. Монахомъ онъ и кончилъ. Вскорѣ послѣ выхода изъ лицея онъ уѣхалъ въ Парижъ, постригся тамъ не помню въ какомъ орденѣ, возвратился потомъ въ Россію, былъ католическимъ законоучителемъ въ лицеѣ и 35-ти лѣтъ умеръ отъ чахотки. Всѣ мои остальные товарищи, даровитые и бездарные, въ той или другой сферѣ дѣятельности принесли кому-нибудь или чему-нибудь посильную пользу — одинъ Курнандъ остался до конца общественной ненужностью.

Я сказалъ, что первый разрядъ, тотъ, съ которымъ я сблизился и о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, занимался усердно и — прибавлю — умѣло. Надо сказать теперь о томъ, чему и какъ насъ учили въ послѣднемъ классѣ, предназначенномъ для завершенія нашего высшаго образованія.

II.

За весьма немногими исключеніями, преподаватели наши были изъ рукъ вонъ плохи.

Прежде всего — объ отрадныхъ исключеніяхъ. Рядомъ съ Помье, Минцловымъ и Шау, образованнымъ и талантливымъ профессоромъ англійской словесности, надо на первомъ мѣстѣ поставить И. А. Ивановскаго. Читалъ онъ у насъ разнообразные предметы: статистику Россіи, государственное право иностранныхъ державъ и международное право. Онъ никогда не садился на каѳедру; его маленькая, сухощавая фигурка въ синихъ очкахъ, прикрывавшихъ отсутствіе одного глаза, была въ постоянномъ движеніи, и не только въ физическомъ смыслѣ. Говорилъ ли онъ о статистикѣ путей сообщенія въ Россіи—онъ замѣчалъ, что это пути разобщенія, такъ какъ 90% дорогъ были такого свойства, что по нимъ ни въ какое время года нельзя ѣздить; излагалъ ли онъ конституціи — онъ заявлялъ, что всѣ онѣ крайне шатки, и приводилъ слова Прудона при голосованіи конституціи 1848 г.: „я подаю свой голосъ противъ, во-первыхъ потому, что это кон-

ституція, а во-вторыхъ потому, что это плохая конституція". Говоря о международныхъ трактатахъ, онъ прибавлялъ, что ихъ столько же, сколько и нарушеній оныхъ. Словомъ, онъ при всякомъ случаѣ старался возбудить въ своихъ молодыхъ слушателяхъ критическое отношеніе къ той области знанія, въ которой дѣйствительно все произвольно и непостоянно. Большое ему за это спасибо! Онъ какъ нельзя лучше, самъ того не подозрѣвая, подтверждалъ основныя мысли О. Конта.

Другимъ блестящимъ лекторомъ былъ Лохвицкій, читавшій намъ исторію русскаго права. Съ внѣшней стороны онъ былъ прямою противоположностью Ивановскому: чрезвычайно тучный, съ маленькими, вѣчно бѣгающими черными глазами, онъ неподвижно сидѣлъ на своемъ креслѣ. Но изложеніе его было очень живое, не безъ злой ироніи, когда дѣло касалось вещей уже черезъчуръ дикихъ; я помню, съ какой презрительной улыбкой, излагая исторію мѣстничества, онъ объяснялъ намъ, что „братъ четвертому дядѣ верста". Хотя предметъ его былъ весьма спеціальный и довольно-таки сухой, по крайней мѣрѣ для насъ, вовсе не намѣревавшихся сдѣлаться учеными юристами, но онъ умѣлъ его разнообразить и оживлять общими историческими соображеніями и сравненіями съ старыми обычаями другихъ странъ. Слушали мы его охотно, быть можетъ — отчасти потому, что начальство на него сильно косилось и считало его чуть ли не революціонеромъ за то, что онъ написалъ книгу объ иностранныхъ конституціяхъ; это, разумѣется, въ нашихъ глазахъ поднимало его престижъ. Не смотря на всеобщій либерализмъ, такое тогда было глухое, тяжелое время въ лицейской педагогикѣ.

Зато какіе были странные экземпляры между остальными профессорами, и притомъ такихъ предметовъ, которые были всего важнѣе для общаго образованія. Вотъ хотя бы, напримѣръ, И. П. Шульгинъ, чуть не полвѣка преподававшій исторію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, начиная съ университета, и написавшій массу учебниковъ, по которымъ обязательно учился цѣлый рядъ молодыхъ поколѣній. Все у него было основано на идеѣ политическаго равновѣсія: исторія представлялась въ видѣ вѣсовъ, коромысло которыхъ было то горизонтально, то наклонно. Постоянно нюхая табакъ и постоянно отплевываясь, онъ густымъ и грубымъ басомъ раздавалъ похвалы и порицанія народамъ и правительствамъ, смотря по тому, возстановляли они или разрушали это равновѣсіе. О внутренней жизни человѣчества, о тѣхъ вѣяніяхъ, которыя приносилъ съ собой каждый вѣкъ и изъ которыхъ слагается всякое движеніе его впередъ или

назадъ, не было рѣчи: все это онъ игнорировалъ: какъ совершенно ненужное. Онъ требовалъ, чтобы его внимательно слушали, а слушать его было просто мученье, и притомъ совершенно излишне—онъ читалъ буквально, слово въ слово, по своему учебнику. Я это ему разъ почтительно замѣтилъ, за что онъ меня сильно недолюбливалъ и по всѣмъ вѣроятіямъ срѣзалъ бы на экзаменѣ, еслибы не вышелъ въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего выпуска.

Другой невообразимо скучный лекторъ былъ у насъ Я. К. Гротъ, читавшій исторію русской литературы. Бывшій ученикъ лицея, академикъ, поэтъ и замѣчательный филологъ, извѣстный своими изслѣдованіями по русскому языку, онъ не имѣлъ ни литературнаго таланта, ни дара слова, ни критическаго ума. Его курсъ былъ простымъ послужнымъ спискомъ русскихъ литераторовъ, въ особенности поэтовъ. Такой-то, въ такомъ-то году, получилъ „Анну съ короной", потомъ былъ обойденъ по службѣ, но, напечатавъ такую-то оду, вошелъ опять въ милость и удостоился получить Станислава первой степени". Тутъ были тоже самыя необыкновенныя параллели. Онъ находилъ, напримѣръ, что между литераторами X и Y было, помимо другихъ, еще одно сходство: они родились въ томъ же году и долго жили въ томъ же домѣ, принадлежавшемъ литератору Z. Прошу читателя не думать, что это выдумка; во-первыхъ, такія вещи трудно выдумать, а во-вторыхъ, ихъ можно найти цѣликомъ въ его литографированныхъ запискахъ, которыя вѣроятно сохранились въ лицейскомъ архивѣ. Гротъ останавливался съ особенной любовью на твореніяхъ, давнымъ давно заросшихъ густымъ слоемъ плѣсени: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Озерова. Онъ читалъ изъ нихъ цѣлыя страницы, особенно любуясь Ломоносовскимъ письмомъ къ Шувалову „О пользѣ стекла". Послѣднее мнѣ памятно потому, что это стихотвореніе я выучилъ наизусть, до того оно мнѣ показалось безобразнымъ, и на выпускномъ экзаменѣ мнѣ привелось привести изъ него большой отрывокъ, за что я получилъ не только похвалу, но и высшую отмѣтку, не смотря на то, что добрый Яковъ Карловичъ меня весьма не жаловалъ, и по дѣломъ: я на его лекціяхъ всегда усердно спалъ. Легко можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на насъ эти лекціи, читанныя ровнымъ, глухимъ, прямо гробовымъ голосомъ, безъ всякой перемѣны интонаціи въ продолженіе цѣлаго часа. Зато мы въ высшей степени интересовались, когда онъ дѣлалъ съ каѳедры, никого не называя, замѣчанія на сочиненія, которыя мы должны были ему представлять два раза въ

годъ. Его замѣчанія были всегда мѣтки, образны, когда касались лингвистической стороны; попавъ въ сферу своей спеціальности, эта сухая мумія обращалась вдругъ въ живого и интереснаго человѣка. Зачѣмъ поручили ему читать предметъ, вовсе не подходившій къ его темпераменту чистаго эрудита? Вѣроятно потому, что онъ читалъ его тогдашнему наслѣднику престола.

Что сказать про Я. И. Баршева, преподносившаго намъ уголовное право? Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе объ этомъ своеобразномъ субъектѣ изъ семинаристовъ, припомню слѣдующій фактъ. Первый классъ, по давно установившейся традиціи, ходилъ въ коридоръ 2-го класса, отдѣленный отъ аудиторіи стеклянною дверью, на первую лекцію Якова Ивановича по римскому праву. При видѣ этой сухой, непривѣтливой фигуры, съ очками на кончикѣ носа, расхаживавшей руки за спиной и качая головой передъ передними скамьями, съ первыхъ же словъ младшіе товарищи катались со смѣха или держали себя за бока, чтобы не смѣяться. Можно себѣ представить, какимъ авторитетомъ пользовался подобный профессоръ. Отъ него мы узнали, между прочимъ, классификацію разнаго рода смертныхъ казней, которыя раздѣлялись на простыя и усиленныя; къ первымъ причислялись колесованіе, четвертованіе и зарываніе живого въ землю; въ чемъ заключались вторыя, не помню. Правда, онъ ихъ не одобрялъ, но единственно потому, что онѣ давно вычеркнуты даже изъ русскаго кодекса. Зато о тѣлесныхъ наказаніяхъ говорилъ онъ съ увлеченіемъ и приводилъ даже какія-то философскія соображенія въ доказательство ихъ несомнѣнной пользы. Бѣдный Баршевъ, что сказалъ бы онъ, увидя ихъ упраздненіе: онъ, вѣроятно, нашелъ бы, что потрясены самыя основы уголовнаго права. Вообще, отъ всего, что онъ преподавалъ — отъ энциклопедіи, римскаго права съ его исторіей, уголовнаго права и судопроизводства — пахло какою-то гнилью, чѣмъ-то необыкновенно ретроградымъ. Мы его не только не любили, мы питали къ нему глубокое отвращеніе.

III.

Лицейское образованіе заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно различныя задачи: учебную и воспитательную. О первой я только что говорилъ; надо вспомнить и вторую.

Въ сущности никакого воспитанія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было, а содержался только чисто внѣшній фор-

мальный „порядокъ". Между воспитателями и воспитанниками никакого общенія не существовало, да и не могло существовать, потому что сверху до низу педагогической іерархіи стояли люди къ этому дѣлу совершенно неподготовленные.

На самомъ верху стоялъ нашъ попечитель принцъ Ольденбургскій, добрѣйшій и весьма благонамѣренный человѣкъ. Но вѣдь и адъ, какъ гласитъ поговорка, вымощенъ благими намѣреніями; безъ умѣнья ихъ прилагать къ дѣлу изъ нихъ ничего не выходитъ, а у принца этого умѣнья не было. Отъ прочихъ генераловъ онъ отличался только тѣмъ, что имѣлъ претензіи на знаніе древнихъ языковъ, переводилъ Шиллера стихами безъ риѳмъ и размѣра, да сочинялъ музыку по вдохновенію Гензельта, жившаго у него въ качествѣ домашняго музыканта; пожалуй еще и тѣмъ, что, какъ истый нѣмецъ, свои многосложныя обязанности онъ исполнялъ чрезвычайно аккуратно. По количеству затраченнаго труда дѣятельность его была несомнѣнно замѣчательна. Круглый годъ, каждый день, разъѣзжалъ онъ по безчисленнымъ школьнымъ, госпитальнымъ и богоугоднымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, входя въ мельчайшія подробности, спускаясь въ подвалы и поднимаясь на чердаки. Къ намъ онъ пріѣзжалъ безпрестанно, во всякое время дня и ночи; но изъ этихъ посѣщеній рѣшительно ничего не выходило. Онъ обходилъ всѣ комнаты, пробовалъ иногда пищу, которая, къ слову сказать, была сравнительно съ другими заведеніями очень хороша, хотя всѣмъ было извѣстно, что экономъ порядочно наживался; но, главное, онъ всегда заставлялъ дежурнаго солдата искать въ печи, нѣтъ ли окурковъ папиросъ; ихъ, разумѣется, никогда не находили, хотя ихъ бывало много.

Съ качественной точки зрѣнія его вмѣшательство въ лицейскія дѣла заслуживало гораздо меньшаго одобренія. Не говоря уже о томъ, что, не имѣя никакого представленія о цѣли лицея, онъ позволялъ безпрерывно мѣнять его программы и назначалъ по своему собственному выбору людей, совершенно неподходящихъ, онъ изобрѣлъ при выпускѣ особенный, „сводный" экзаменъ, на которомъ всегда присутствовалъ, и который представлялъ собой въ высшей степени неблаговидную комедію. Въ назначенный день собирались всѣ профессора, читавшіе въ 1-мъ классѣ, и разные сановники. Каждый ученикъ долженъ былъ отвѣчать по одному изъ 16-ти преподаваемыхъ предметовъ, указанному принцемъ. Но такъ какъ не было никакой возможности приготовиться разомъ ко всѣмъ этимъ разношерстнымъ отдѣламъ знанія, изъ которыхъ въ каждомъ было по 30—40 вопросовъ, то дѣло

происходило такимъ образомъ: ученикъ бралъ програму по назначенному ему предмету, подходилъ къ соотвѣтствующему профессору и шепотомъ говорилъ ему номеръ выбраннаго имъ вопроса. Все сводилось, слѣдовательно, къ приготовленію одного вопроса по каждому предмету и притомъ конечно такого, который былъ наиболѣе знакомъ. Результатъ такого экзамена, предназначеннаго очевидно для того, чтобы показать постороннимъ, какъ отмѣнно хорошо ведется въ лицеѣ учебное дѣло, былъ, разумѣется, всегда блестящій, и даже плохіе ученики отвѣчали изрядно. Но развѣ этотъ явный обманъ достоинъ школы, первый долгъ которой—пріучать молодежь искренно уважать истинное знаніе и отстраняться отъ всего ложнаго и мишурнаго?

Ступенькой ниже и, слѣдовательно, ближе къ намъ стоялъ нашъ директоръ Н. И. Миллеръ. Это былъ тоже генералъ, но уже безъ претензій, и притомъ генералъ не боевой и не строевой, а такъ сказать „учебный", такъ какъ всѣ свои знаки отличія выслужилъ въ разныхъ отдѣлахъ военно-учебнаго вѣдомства. Человѣкъ очень добрый, учтивый, онъ говорилъ мало, какимъ-то тихимъ, сиплымъ голосомъ и заботился, кажется, исключительно о томъ, чтобы все было или, по крайней мѣрѣ, казалось въ порядкѣ на случай посѣщеній, всегда неожиданныхъ, принца Ольденбургскаго. Съ нами онъ мало имѣлъ соприкосновенія, обходилъ иногда комнаты, отдавалъ привѣтливо поклонъ и дѣлалъ изрѣдка замѣчанія, что пуговица не застегнута, что волосы слишкомъ длинны или что дежурный воспитанникъ не такъ, какъ слѣдуетъ, держитъ въ рукѣ трехугольную шляпу. Несомнѣнно, что въ лицеѣ онъ былъ не на высотѣ своего положенія и, вѣроятно, не имѣлъ никакого вліянія въ Совѣтѣ, гдѣ былъ предсѣдателемъ. Съ учебно-воспитательной точки зрѣнія это былъ совершеннѣйшій нуль.

Помощникомъ его являлся инспекторъ — старый-престарый инженерный полковникъ Биркинъ, вѣчно какъ бы осыпанный мукой, вслѣдствіе какой-то накожной болѣзни, вѣчно чесавшійся и сметавшій рукой эту муку съ своего изношеннаго мундира. Отъ Миллера онъ отличался своимъ неблагообразнымъ, какимъ-то растеряннымъ видомъ и довольно вульгарными манерами; зато имѣлъ кое-какія научныя познанія и особенно интересовался химіей. Въ этомъ была между нимъ и мной нѣкоторая точка соприкосновенія, такъ какъ я, тотчасъ по переходѣ въ послѣдній классъ, выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе работать въ лицейской, весьма бѣдной, скудно снабженной лабораторіи, и занимался прилежно, хотя и безъ особеннаго успѣха, потому что былъ предоставленъ самому себѣ. Биркинъ меня за это очень полюбилъ и дѣлалъ мнѣ всякія

поблажки; но любовь эта была безъ взаимности. Я продѣлывалъ съ нимъ самыя непростительныя шутки. Онъ, помню, дѣлалъ анализъ невской воды и никакъ не могъ его кончить, потому что я все подливалъ въ его стаканы и колбы разные реактивы, и онъ находилъ въ водѣ все новые и новые элементы. Это было съ моей стороны очень глупое школьничество, но я утѣшаюсь тѣмъ, что онъ, вѣроятно, и безъ этого не кончилъ бы своей операціи, по крайней скудости своихъ познаній; да и не ощущалось никакой надобности дѣлать анализъ воды, которая была много разъ анализирована записными химиками. Въ итогѣ это былъ человѣкъ не умный и не глупый, не злой и не добрый, а такъ себѣ, средній, безцвѣтный, не имѣвшій на насъ, разумѣется, никакого вліянія, но противъ котораго мы не питали никакихъ враждебныхъ чувствъ, только изрѣдка надъ нимъ незлобно подсмѣиваясь.

Гораздо ближе къ намъ стояли старшіе воспитатели: ихъ было четверо, по одному въ каждомъ классѣ, и каждый изъ нихъ сопровождалъ своихъ воспитанниковъ въ продолженіе всѣхъ шести лѣтъ ихъ пребыванія въ лицеѣ. Нашимъ „старшимъ" былъ англичанинъ Иванъ Егоровичъ Браунъ, котораго мы хотя и называли обыкновенно „Бревновымъ", вслѣдствіе его полнѣйшей бездарности и рѣдкаго невѣжества, но любили и уважали. Съ маленькой сѣдой головой на огромномъ тучномъ тѣлѣ, онъ имѣлъ чрезвычайно представительную наружность и глубоко вкоренившееся чувство собственнаго достоинства. Не смотря на то, что Браунъ постоянно ходилъ въ вицмундирѣ и носилъ Станислава на шеѣ, онъ съ перваго взгляда отличался отъ всѣхъ носившихъ у насъ золотыя пуговицы. Ни передъ кѣмъ онъ не сгибался; съ начальниками, не выключая и принца Ольденбургскаго, говорилъ онъ учтиво, но какъ съ равными себѣ—словомъ, онъ остался на берегахъ Невы гражданиномъ свободной страны. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ на насъ несомнѣнное вліяніе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ разъ, за отсутствіемъ директора и инспектора, принималъ неожиданно пріѣхавшаго въ лицей государя. Читавшіе въ то время лекціи профессора совершенно растерялись. Въ 1-мъ классѣ Гротъ сталъ говорить какую-то чепуху, къ предмету лекціи вовсе не относящуюся; во 2-мъ бѣдный Минквицъ, объяснявшій какія-то электрическія машины, какъ будто вдругъ забылъ то немногое, что зналъ изъ физики, и сталъ писать на доскѣ совсѣмъ ненужныя формулы. Среди этихъ испуганныхъ, какъ бы уничтоженныхъ людей, спокойная и величавая фигура Ивана Егоровича выдѣлялась чрезвычайно рельефно. Это обстоятельство,

которое случилось въ началѣ 1860 г. и которое я узналъ только изъ разсказовъ товарищей (я въ то время былъ за границей), очень сильно на всѣхъ подѣйствовало; о немъ мы часто вспоминали. Помню, что при выпускѣ мы устроили Брауну настоящую овацію.

Его три коллеги были гораздо менѣе интересны. Французъ Бегенъ, чуть не самый старшій служащій лицея, былъ добродушный, живой и веселый малый, отличавшійся развѣ только своимъ искусствомъ на бильярдѣ. Его можно было всегда найти въ кофейной Доминика, гдѣ онъ велъ крупную игру, часто выигрывая и увеличивая такимъ образомъ немалой толикой свое скудное жалованье. Э. С. Леммъ, лифляндскій нѣмецъ, въ молодости изучавшій философію въ Дерптѣ, а потомъ—шагистику въ какомъ-то пѣхотномъ полку, представлялъ изъ себя полнѣйшую ничтожность, спѣшу прибавить — очень мягкую и благодушную. Нѣсколько выдѣлялся, да и то въ отрицательномъ смыслѣ, А. Е. Паукеръ, тоже нѣмецъ, только курляндскій. Если директоръ нашъ былъ учебнымъ генераломъ, то Адольфа Егоровича можно было назвать сухопутнымъ капитанъ-лейтенантомъ. Разъ онъ, правда, плавалъ по Балтійскому морю и любилъ объ этомъ разсказывать, но, должно быть, качка его одолѣла, потому что онъ скоро пристроился къ болѣе покойнымъ штатскимъ должностямъ. Это былъ не человѣкъ, а разъ навсегда заведенная машина, предназначенная для исполненія приказаній, хотя бы самыхъ нелѣпыхъ, безъ разговора и разсужденій. Въ этомъ отношеніи его пунктуальность доходила иногда до высокаго комизма. Разъ какъ-то засталъ онъ товарища курящимъ. На куреніе въ старшемъ возрастѣ начальство смотрѣло сквозь пальцы, но оно было оффиціально строжайше запрещено, потому что принцъ Ольденбургскій терпѣть не могъ табака, и за него положено было сидѣть въ карцерѣ. Но такъ какъ въ карцеръ отправляли только послѣ лекцій, то вѣроятно, смутно чувствуя всю глупость распоряженія, за которое и начальство не сказало бы ему спасибо, онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы войти съ товарищемъ въ переговоры. Сначала онъ предложилъ ему обѣщать не курить, на что тотъ, разумѣется, не согласился; потомъ онъ все болѣе и болѣе смягчалъ условія капитуляціи и кончилъ тѣмъ, что убѣдительно просилъ обѣщать стараться не попадаться въ дни его дежурства. Онъ, конечно, находилъ такую сдѣлку очень нравственной; это только лишній разъ доказываетъ, что на свѣтѣ существуютъ разные виды нравственности. И этого деревяннаго субъекта, не способнаго ни къ какой инціативѣ, не имѣвшаго никогда никакой

собственной мысли, назначили, нѣсколько лѣтъ послѣ нашего выхода, инспекторомъ лицея. Таковы уже были тогда педагогическіе нравы.

Объ остальныхъ, „младшихъ" воспитателяхъ почти не стоитъ вспоминать. За исключеніемъ одного бывшаго лицеиста, очень порядочнаго, образованнаго человѣка, въ то время извѣстнаго переводчика разныхъ либеральныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ сочиненій, остальная братія состояла изъ разныхъ иностранныхъ проходимцевъ весьма низменнаго качества. Тутъ были представители если не разныхъ западныхъ цивилизацій, то, по крайней мѣрѣ, разныхъ европейскихъ національностей и разныхъ степеней умственнаго и нравственнаго уродства; былъ даже эпилептикъ, не разъ пугавшій насъ своими внезапными припадками. Весь этотъ несчастный, загнанный людъ, не вѣсть откуда взятый, чувствовалъ себя какъ-то неловко среди все же болѣе или менѣе образованной молодежи, сторонился отъ нея, довольствуясь наблюденіемъ комнатнаго порядка и урочныхъ часовъ. Смѣшнѣе всего было то, что нѣкоторые изъ этихъ странныхъ воспитателей числились въ качествѣ репетиторовъ и должны были, въ извѣстныхъ случаяхъ, экзаменовать слабыхъ учениковъ изъ предметовъ, о которыхъ сами они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Вся эта коллекція невѣроятныхъ педагоговъ появилась разомъ, передъ самымъ нашимъ поступленіемъ, когда лицей переходилъ отъ Николаевскихъ къ Александровскимъ временамъ, и когда общее направленіе поворачивалось нѣсколько налѣво. На мѣсто барабана будили насъ колокольчикомъ; фронтовое ученье было вычеркнуто изъ программы; наконецъ прежніе, исключительно военные воспитатели—между ними былъ даже какой-то казацкій подъесаулъ — замѣнены штатскими невѣждами. Все это были чисто декоративныя реформы, какихъ много было въ Россіи и прежде, и послѣ, но которыя нимало не измѣняли сущности дѣла: было много воспитателей, но не было никакого воспитанія.

IV.

Читатели найдутъ, вѣроятно, въ моихъ воспоминаніяхъ явное противорѣчіе. Въ самомъ началѣ я говорилъ, что лицей имѣлъ на мое умственное развитіе самое благотворное вліяніе, а все послѣдующее — ничто иное, какъ суровая критика учебной и воспитательной части моей alma mater. Мнѣ надо теперь отвѣтить на это возможное возраженіе и показать, что тутъ нѣтъ

никакого противорѣчія, а только простое недоразумѣніе. Лицей дѣйствовалъ на молодые умы не своими, вообще очень неудовлетворительными преподавателями, не своими только номинальными воспитателями, а той общей идеей, которая лежала въ основѣ его строя.

До сихъ поръ въ Россіи, да и на Западѣ, народное образованіе дѣлится на три разряда: низшій, средній и высшій. Такое дѣленіе, противное самому элементарному здравому смыслу, было основано Наполеономъ на чисто политическихъ соображеніяхъ. Общество дѣлилось на три слоя, и низшему, самому многолюдному, давалось какъ можно менѣе знанія, чтобы легче было имъ управлять. До тѣхъ поръ, пока между этими слоями существовали непроницаемыя переборки, дѣло могло еще кое-какъ идти. Но мало-по-малу низшіе слои стали подниматься, переборки рушились, и вездѣ явилось болѣе или менѣе сильное стремленіе слиться сверху до низу въ одну однородную массу. По мѣрѣ того, какъ стало увеличиваться число молодыхъ людей, проходящихъ черезъ всѣ три ступени этой трехчленной системы, ея нелѣпость становилась все яснѣе. Въ самыхъ культурныхъ странахъ, гдѣ уровень народныхъ школъ за послѣднія 25 лѣтъ чрезвычайно повысился, есть много предметовъ, которые преподаются во всѣхъ трехъ учебныхъ инстанціяхъ, и притомъ не только различно по объему, но и по существу, такъ что ученики, переходящіе изъ одной школы въ другую, высшую, должны прежде всего забыть то, чему учились, а затѣмъ уже начать ученье сызнова. Науку нельзя оскоплять, нельзя произвольно измѣнять ее въ видахъ приспособленія къ тѣмъ или другимъ педагогическимъ системамъ, не обращая ея непреложныхъ истинъ въ ложь, въ высшей степени вредную во всякомъ образованіи.

Передовые люди XVIII-го вѣка совершенно иначе и весьма раціонально поняли задачу народнаго образованія. Они раздѣлили его на общее,—необходимое для всѣхъ безъ исключеній,—и спеціальное, за нимъ слѣдующее и на немъ основанное, необходимое для тѣхъ, кто посвящаетъ себя опредѣленной профессіи. Изъ этой основной идеи возникла знаменитая парижская политехническая школа, программа которой должна была объять всю совокупность тогда установившагося точнаго знанія, въ самой высшей его формѣ. Правда, что въ нее не входили біологическія и общественныя науки, тогда еще не установившіяся; правда, что очень скоро Наполеонъ I-й далъ ей, какъ всему, до чего онъ касался своей ежевой рукой, полувоенный характеръ; правда, наконецъ, что, застывшая въ своихъ старыхъ программахъ, она влачитъ теперь

довольно жалкое существованіе и обречена рано или поздно погибнуть. Но службу свою она сослужила, выпустивъ сотни людей, сдѣлавшихся изъ ряда вонъ выдающимися спеціалистами, потому что они строили свою спеціальность на прочномъ грунтѣ обширнаго общаго образованія.

На этой же идеѣ основанъ лицей, созданіе котораго принадлежитъ не Александру I, какъ гласитъ преданіе, а Сперанскому—большому почитателю французской цивилизаціи. Онъ, какъ извѣстно, за это почитаніе жестоко поплатился въ 1812-мъ году. Юристъ по профессіи, онъ прибавилъ къ французской программѣ общественныя науки и, соображаясь съ тогдашними условіями и тогдашними требованіями, уменьшилъ объемъ преподаванія и ввелъ иностранные языки. Россіи тогда были нужны не ученые инженеры—она ихъ десятками выписывала изъ чужихъ краевъ,—а дѣльные государственные люди. Лицей, такимъ образомъ, сдѣлался школой высшаго общаго образованія, и такою онъ оставался до 1877-го года. Конечно, уровень преподаванія въ немъ можно было и слѣдовало значительно повысить, много лишняго балласта выкинуть, кое-что прибавить, иначе распредѣлить составныя части программы; но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ болѣе полувѣка, онъ былъ въ своемъ родѣ единственнымъ образцовымъ заведеніемъ и принесъ несомнѣнную пользу, что доказываетъ цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ, вышедшихъ изъ его стѣнъ.

Отличительная особенность лицея, его главное достоинство заключалось въ отсутствіи какого-либо дѣленія на среднее и высшее образованіе, въ сохраненіи съ начала до конца характера *общаго* образованія. Нашъ вѣкъ страдаетъ маніей спеціализаціи, и все болѣе и болѣе распространяется мнѣніе, что для удачной борьбы за существованіе необходимо спеціализироваться какъ можно ранѣе. Это мнѣніе, которое распространяютъ некультурные спеціалисты всѣхъ родовъ, не только ложно, но въ высшей степени вредно. Опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ показалъ, что профессіональное знаніе тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ выше общее образованіе, служащее ему основой. Во всякой спеціальности, какова бы она ни была, теоретическая или практическая, необходимо критическое отношеніе къ фактамъ, а оно вырабатывается не изъ одного какого-нибудь отдѣла знанія, а изъ совокупности методовъ точныхъ наукъ.

Въ лицеѣ никакая спеціализація не могла существовать; профессора, даже университетскіе, старавшіеся дѣлать изъ своихъ слушателей спеціалистовъ, каждый по своей части, въ виду

многочисленности и разнообразія преподаваемыхъ предметовъ должны были по неволѣ ограничиваться главнымъ, необходимымъ; съ другой стороны, ученики привыкали на всѣ отдѣлы знанія смотрѣть съ одинаковымъ интересомъ, потому что значеніе ихъ въ преподаваніи было одинаково. Я знаю ходячее возраженіе: нельзя преподавать всѣ науки, нельзя слишкомъ разнообразить преподаваніе, потому что тогда все сведется къ поверхностному знанію, а такое знаніе безполезно, даже вредно. Это возраженіе высказываютъ обыкновенно господа „спеціалисты"; оно лишній разъ доказываетъ, что имъ совершенно чужды общія идеи и философское пониманіе знанія. Во-первыхъ, нѣтъ никакой надобности включать въ програму *всѣ* науки—достаточно только тѣхъ, весьма немногихъ, которыя имѣютъ общеобразовательное значеніе; во-вторыхъ, короткое, сжатое—не синонимъ поверхностнаго; въ-третьихъ, наконецъ, наука и эрудиція—двѣ совершенно различныя вещи. Наука исчерпывается не массой передаваемыхъ фактовъ, а точностью изложенія ея методовъ и тѣхъ немногихъ законовъ, до которыхъ она дошла.

Въ наше время преподаваніе въ лицеѣ было элементарно—на мой взглядъ, черезъ-чуръ элементарно,—но никакъ не поверхностно. Лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что нѣкоторыми изъ нашихъ литографированныхъ записокъ пользовались студенты университета.

Но и другой элементъ надо принять въ соображеніе. Наши иностранные воспитатели, какъ бы ничтожны они ни были, приносили съ собой отголоски иныхъ культуръ, иныхъ міровоззрѣній, иныхъ религіозныхъ понятій. Изъ всего этого слагалось нѣчто совершенно отличное отъ рутины окружавшей насъ среды.

Такимъ образомъ тогдашній лицей, не смотря на всѣ недостатки учебнаго персонала, самъ того не подозрѣвая, создавалъ людей съ общимъ образованіемъ, готовыхъ воспринять потомъ всякія спеціальности. Между его питомцами можно назвать извѣстныхъ ученыхъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія.

Казалось бы, что въ наше время разросшагося знанія оставалось только развить, усовершенствовать полезную мысль Сперанскаго — создать дѣйствительно образцовую школу, могущую служить типомъ для другихъ подобныхъ, хотя бы и менѣе привилегированныхъ школъ.

Случилось совсѣмъ иное. Въ 1877-мъ году лицей передѣлали сверху до низу, и въ матеріальномъ, и въ учебномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Изъ стараго строя ничего не осталось, кромѣ нѣкоторыхъ дурныхъ его сторонъ; всѣ традиціи порва-

лись, прежній духъ исчезъ и на мѣсто общеобразовательнаго заведенія явился какой-то ублюдокъ, какая-то никому и ни для чего ненужная школа.

Эта реформа, лучше сказать—эта радикальная революція—была дѣломъ совершенной случайности, какъ все, впрочемъ, что̀ дѣлалось въ лицеѣ, вслѣдствіе его коренного недостатка: его начальство состояло всегда изъ пришлыхъ людей, ничего общаго съ лицеемъ не имѣющихъ, не связанныхъ съ нимъ узами общаго воспитанія. Прежде были все военные всякихъ родовъ оружія; потомъ пошли юристы всякихъ спеціальностей. Подъ вліяніемъ этихъ, быть-можетъ очень благонамѣренныхъ, но въ данномъ случаѣ совершенно некомпетентныхъ людей, лицей вдругъ обратился въ какое-то нелѣпое сочетаніе подъ одной крышей весьма плохой реально-классической гимназіи и недодѣланнаго камерально-юридическаго факультета. Псевдо-гимназію начинили всякой ненужной всячиной, очевидно для того, чтобы отличить ее отъ настоящихъ гимназій; въ старшіе классы ввели какія-то странныя „науки“ въ родѣ „отечествовѣдѣнія“ или „мусульманскаго права“, для того чтобы лицей не смѣшивали съ тѣмъ, что̀ мы привыкли называть университетскимъ факультетомъ. Изъ стараго режима осталось только одно: исключительныя служебныя права, которыя давались прежде молодежи дѣйствительно исключительно образованной, а теперь даются юношамъ, стоящимъ, очевидно, несравненно ниже тѣхъ, которые прошли университетъ.

Можно, конечно, сказать, что оцѣнка уровня культуры—дѣло въ значительной степени произвольное, зависящее отъ личныхъ взглядовъ; но тутъ есть весьма наглядное и точное мѣрило. Я только что просмотрѣлъ списокъ лицеистовъ за послѣднія 25 лѣтъ, протекшихъ послѣ его реформъ, и увидѣлъ безъ удивленія, но не безъ грусти, что 10—20% изъ нихъ, и часто изъ самыхъ лучшихъ, поступаютъ ежегодно въ военную службу, и притомъ въ самые модные гвардейскіе полки. Въ прежнее время это еще было бы допустимо; общее образованіе приготовляетъ людей ко всякой карьерѣ, не выключая и военной. Тѣмъ не менѣе въ наше время ничего подобнаго не было. Въ юнкера выходили лишь испалившіеся или не выдержавшіе экзамена, и только рѣдко-рѣдко попадались военные между окончившими полный курсъ лицея, да и то большею частью между самыми плохими учениками. Не есть ли это ясное доказательство, что цѣль, намѣченная лицейскими реформаторами, не достигнута, что ихъ программы привели къ полнѣйшей педагогической анархіи? И не безполезны ли затраты и усилія, приводящія къ тому, что

юные „юристы“ стремятся перемѣнить свой мундиръ на кавалергардскіе или гусарскіе доспѣхи? Современный лицей плыветъ въ туманѣ безъ руля и безъ вѣтрилъ; неудивительно, что онъ попадаетъ на подводные камни.

Дальше онъ такъ плыть не можетъ, и передъ нимъ встаетъ грозная, неизбѣжная дилемма. Или онъ сохранитъ свою теперешнюю организацію—и тогда онъ скоро исчезнетъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, съ которымъ теперь надо считаться въ Россіи и которое давно на него косится за его чрезмѣрныя и совсѣмъ несправедливыя привилегіи. Или онъ продлитъ свое существованіе — и тогда онъ долженъ радикально измѣнить свой строй и свои программы, возстановить потерянныя традиціи и возвратиться къ своему первоначальному назначенію. Тѣ, которымъ поручена его участь, должны объ этомъ подумать, пока еще не слишкомъ поздно. Къ несчастью что-то не видно, чтобы они объ этомъ думали.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодарно вспоминая о моей старой alma mater, я пытался предложить программу необходимыхъ реформъ. Съ разныхъ сторонъ получилъ я выраженія одобренія, поощренія, обѣщанія содѣйствія, и былъ въ правѣ думать, что моя попытка не пропадетъ даромъ.

Мой проектъ исходилъ изъ двухъ совершенно ясныхъ и безспорныхъ идей. Съ одной стороны, изъ идеи консервативной, или лучше сказать—охранительной. Все разъ пріобрѣтенное, установленное, опытомъ одобренное надо ревниво охранять отъ внезапныхъ, случайныхъ вѣяній. Въ лицеѣ никогда не существовало органа равновѣсія, въ немъ все дѣлалось испоконъ вѣка революціоннымъ порядкомъ; начальство, совершенно ему чуждое и по воспитанію, и по умственнымъ привычкамъ, смотрѣло всегда на него, какъ на tabula rasa, на которой можно было строить что угодно. Я предложилъ для противодѣйствія такому ненормальному порядку, во-первыхъ, установленіе разъ навсегда, въ видѣ неизмѣннаго правила, что все начальство сверху до низу будетъ избираться изъ среды бывшихъ воспитанниковъ. Это кажущееся новшество—ничто иное, какъ приложеніе вездѣ существующаго правила. Развѣ профессора, деканы, ректоры университетовъ не обязаны имѣть академическія степени и, слѣдовательно, проходить черезъ факультетское образованіе? Развѣ директоры гимназій—не бывшіе гимназисты? Развѣ начальники спеціальныхъ школъ—не ихъ питомцы? А на лицей смотрѣли всегда какъ на какое-то опытное поле, на которомъ всякимъ военнымъ и штатскимъ генераламъ предоставлялось дѣлать свои неумѣлые эксперименты.

Во-вторыхъ, я рекомендовалъ учредить совѣтъ исключительно изъ бывшихъ лицеистовъ, безъ рѣшенія котораго ничего важнаго по учебной или воспитательной части не можетъ быть предпринято. Это тоже простая копія съ того, что̀ вездѣ существуетъ и вездѣ приноситъ несомнѣнную пользу.

Съ другой стороны, проектъ мой исходилъ изъ идеи высшаго общаго образованія, которое должно обнимать въ сокращенномъ видѣ весь циклъ человѣческаго знанія, т.-е. уравновѣшенное сочетаніе литературнаго развитія и точной науки, безъ всякой спеціализаціи. Это—опять банальная истина, по крайней мѣрѣ для культурныхъ людей. Изложенная мною программа была не что иное, какъ исправленный, дополненный и, въ особенности, иначе расположенный курсъ стараго лицея.

Для обсужденія моей записки были назначены коммиссіи. Одна изъ нихъ охулила меня и даже совсѣмъ осрамила, находя, что мои „знанія недостаточны“ и мои „сужденія крайне поверхностны“; другія вполнѣ одобрили мой планъ. Но подобнаго рода вопросы не разбираются коллегіальнымъ порядкомъ; истина не устанавливается большинствомъ голосовъ, какъ парламентское рѣшеніе—и въ результатѣ изъ моей попытки получилось только бумажное, вѣроятно̀ очень объемистое, дѣлопроизводство.

Правда, на первыхъ порахъ, въ первомъ пылу реформенной дѣятельности смѣстили тогдашняго генерала и назначили директоромъ бывшаго лицеиста. Это былъ фактъ несомнѣнно знаменательный—первый въ почти вѣковой исторіи лицея,—хотя выборъ и былъ крайне неудаченъ. Но это была минутная вспышка, и теперь на его мѣстѣ опять сторонній лицею человѣкъ. Да и что значитъ директоръ—лицо всегда болѣе декоративное,—если все остальное начальство, гораздо ближе стоящее къ молодежи, осталось въ прежнемъ видѣ? Правда тоже, что учредили Совѣтъ, исключительно состоящій изъ бывшихъ питомцевъ, съ самыми широкими полномочіями. Къ несчастью, несомнѣнно даровитые, образованные и благонамѣренные высокіе сановники, его составляющіе, слишкомъ заняты другими важными дѣлами, чтобы имѣть возможность исполнять эти новыя обязанности. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, этотъ Совѣтъ, который могъ бы столько сдѣлать, ничѣмъ не проявилъ своего существованія. Все осталось по прежнему, ничто не измѣнилось; прибавился только новый органъ лицейской администраціи. Не такъ понималъ я лицейскую реформу.

Этому нечего удивляться. Въ Россіи все идетъ, увы, внезапными скачками, послѣ которыхъ неизбѣжно наступаетъ пе-

ріодъ спокойствія, какого-то внутренняго утомленія, искренняго убѣжденія, что все сдѣлано и больше дѣлать ничего не осталось. Нѣтъ того постоянства въ намѣреніяхъ, той послѣдовательности въ борьбѣ, безъ которыхъ невозможна никакая плодотворная реформа и немыслимъ никакой серьезный прогрессъ.

Во всякомъ переустройствѣ — будь это въ педагогическихъ или въ важныхъ государственныхъ вопросахъ—надо умѣть идти не останавливаясь по разъ намѣченной дорогѣ и терпѣливо ждать результатъ опыта, не всегда съ первыхъ шаговъ отвѣчающій нашимъ надеждамъ. Надо реформы дѣлать не кусочками, какъ дѣлаютъ мозаику, а сразу, общими штрихами, какъ художники дѣлаютъ сложные эскизы; а детали потомъ легко мѣнять.

Жалко, грустно мнѣ будетъ видѣть постепенное паденіе нѣкогда замѣчательной школы, съ которой, не смотря на самыя разнообразныя житейскія обстоятельства, я всетаки связанъ узами кровнаго родства. По крайней мѣрѣ, доживая свои послѣдніе годы, я не упрекну себя въ томъ, что не сдѣлалъ всего отъ меня зависящаго, чтобы удержать лицей на наклонной плоскости, по которой онъ спускается по законамъ ускореннаго паденія. Этимъ, хоть въ слабой степени, я старался отплатить лицею за то хорошее и доброе, которое изъ него вынесъ. Но поговорка справедливо гласитъ, что „одинъ въ полѣ не воинъ". Всякія личныя вмѣшательства остаются безплодными, когда не поддерживаются окружающей средой.

Г. Вырубовъ.

Парижъ.
Августъ 1909 г.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОСЕННЯЯ ПЛЯСКА

Вѣтры пляшутъ. Вѣтры стынутъ
И поютъ, поютъ безумно.
Налетаютъ на деревья,
На поблекшую листву.
Налетятъ, сорвутъ и кинутъ,
Унесутъ въ поля, на гумна.
Утомятъ въ глухихъ кочевьяхъ,
Убаюкаютъ во рву.

Небо въ пламенномъ румянцѣ.
Отъ бездомныхъ тучъ очистивъ,
Вѣтры сдѣлали пустынной
Изнывающую даль.
И пьянѣютъ въ буйномъ танцѣ
Этихъ желтыхъ, рдяныхъ листьевъ,
Въ этой пѣснѣ длинной-длинной,
Гдѣ звенитъ одна печаль.

Осень. Осень. Разлюбило
И остыло сердце къ ласкѣ.
Развѣ были ожиданья,
Трепетанья милыхъ рукъ?
Были розы? Солнце было?
Кто же вьется въ поздней пляскѣ?
Чьи холодныя рыданья
Разливаются вокругъ?

Это осень старость прячетъ
Въ лихорадочный багрянецъ,
Дуетъ въ гаснущее пламя,
Поздней жадностью дыша.
Это сердце глухо плачетъ.
Это пляшетъ желтый танецъ
Надъ пустынными полями
Одичалая душа.

Дмитрій Цензоръ.

ОЧЕРЕДЬ

Этюдъ.

Загряжскій былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ... Облокотившись на письменный столъ, запустивъ руки въ густые, мало сѣдѣющіе волосы, онъ безсмысленно уставился въ раскрытое на страницахъ обвинительнаго акта „дѣло" въ синей обложкѣ. Глаза его разсѣянно скользили по отрывистымъ фразамъ: „Сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника... покушеніе... храненіе взрывчатыхъ веществъ... низверженіе государственнаго строя... нелегальная литература"... и въ концѣ неизбѣжное: „а посему" и обычная въ судейскомъ обиходѣ статья.

„Точь въ точь—мой!"—съ ужасомъ думалъ Загряжскій.

Зловѣщая, присущая появленію горя тишина стояла въ квартирѣ. Каждый переживалъ ее у себя и по-своему. Загряжскій тоже сидѣлъ неподвижно, тяжело переживая событія послѣднихъ сутокъ.

„Умереть бы! Закрыть бы глаза, чтобы ничего не видѣть, не знать".

И вставъ съ кресла, онъ всей тяжестью своего тѣла рухнулъ на диванъ.

„Свершилось! Все погибло! Гдѣ были его глаза? Какъ могъ онъ просмотрѣть совершавшееся подъ одной съ нимъ кровлей?" Непрошенная жалость къ блудному сыну, вмѣстѣ съ негодованіемъ, терзала его сердце.

„Гдѣ онъ теперь, этотъ Николай, внезапно разрушившій многолѣтнее, кропотливо создаваемое положеніе отца?" Знакомая

статья ярко горѣла въ памяти: „Или каторга, кандалы!.. Или веревка и двѣ перекладины!“

— Не надо! Не надо! — неожиданно закричалъ Загряжскій и, зарывшись въ подушку, отчаянно заметался по дивану.

А таинственный внутренній голосъ уже шепталъ:

„А другіе? Тѣ, многіе? Безчисленные? Отцы, матери? Не страдали? Страдаешь, потому что твое, кровное... Другіе переживали, переживай и ты!“

Загряжскій съ силою замоталъ головой, какъ бы желая прогнать назойливый голосъ, и, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ, тяжело, но твердо сталъ на ноги.

„Не поможешь теперь... Ничего не измѣнится... Надо дѣйствовать!..“ А всего два дня назадъ—онъ сидѣлъ въ этомъ самомъ кабинетѣ, довольный и безмятежный, и спокойно просматривалъ такіе же обвинительные акты. Ничто не смущало его. Жизнь шла обычнымъ ходомъ, и казалось—такъ будетъ всегда. Любитель комфорта и красивой порядочности, онъ устроилъ себѣ завидную жизнь: была жена, были сынъ и дочь, элегантная обстановка и почетная, съ блестящимъ будущимъ, служба. Своимъ идеаломъ онъ поставилъ манящій министерскій портфель и неуклонно двигался по пути къ нему. Мечта не была неосуществима, благодаря роднѣ, связямъ и постоянной удачѣ. Онъ не торопился. Лѣстница, вверху которой находился влекущій магнитъ, была легка и поката и на ступеняхъ ея встрѣчалось много заманчиваго: ордена, почести, награды... Къ тому же Загряжскій былъ уменъ и понималъ, что дальше портфеля не будетъ ничего болѣе, что это—предѣлъ мечтаній простого смертнаго, и потому онъ умѣло, безъ суеты, подвигался по намѣченному пути, заботясь только о томъ, чтобы дойти до желаннаго конца.

И потому вся его жизнь и вся жизнь его семьи была сведена на служеніе этой мечтѣ. Чтобы осуществить ее, нужно было быть здоровымъ, уравновѣшеннымъ и съ твердой волей. И вотъ, весь домъ подчинялся разъ навсегда заведенному режиму: восьмичасовой сонъ, правильная по часамъ жизнь, никакихъ вредныхъ нарушеній. Всѣ ѣли, гуляли, ложились по его распредѣленію. Можетъ быть, кому-нибудь это не нравилось? Стѣсняло? Онъ никогда никого объ этомъ не спрашивалъ.

Для здоровыхъ нервовъ устранялось и обходилось все, что могло бы разстроить ихъ. Ни на какія похороны, печальныя событія, жизненныя драмы и трагедіи Загряжскій не откликался. А для домашнихъ невзгодъ существовала наглухо запер-

тая дверь кабинета. Чтò за нею происходило — никогда не доходило до его ушей. Разъ навсегда хозяйство, домъ и дѣти были сданы на руки женѣ, и какъ она съ этимъ справлялась, чтò думала и чувствовала, чтò думали и чувствовали дѣти—онъ не интересовался. Съ него было достаточно, что тоненькая и стройная какъ газель Соня была мило одѣта, умѣла войти, улыбнуться и вести разговоръ на иностранныхъ языкахъ, и главное, — никогда ему не возражала. Онъ и не замѣтилъ, какъ она выросла и стала пятнадцатилѣтней. Сынъ тоже имѣлъ приличныя манеры... Правда, гимназистикомъ, съ торчащими вихрами и бойкими глазенками, онъ было пытался иногда ворваться бурно въ его кабинетъ, или за обѣдомъ задѣвать ненужные вопросы, но, вò-время осаженный, мало-по-малу вошелъ въ общую колею, и небезпокоимый имъ болѣе отецъ тоже не замѣтилъ, какъ Николай надѣлъ студенческій мундиръ и какъ у него появились тоненькіе усики. Немного разошлись въ вопросѣ о факультетѣ, и если Николаю удалось отстоять естественный, то потому только, что Загряжскій придавалъ значеніе высшему образованію лишь въ смыслѣ карьеры.

Не замѣчалъ Загряжскій и того, чтò не разъ случалось за обѣдомъ, когда онъ пускался въ свои любимыя сентенціи о порядкѣ и законности. Глаза Николая, съ страннымъ выраженіемъ нѣмого негодованія, упорно останавливались на лицѣ отца; иногда онъ даже срывался съ мѣста, ни къ кому не обращаясь, бормоталъ: „позвольте уйти — зубы болятъ", и уходилъ, провожаемый сочувственнымъ взглядомъ Сони. Но Загряжскій слишкомъ высоко цѣнилъ свои слова, чтобы добиваться—нравились ли они?

Жена, разъ навсегда, была имъ признана за подчиненную ему, съ весьма опредѣленными домашними обязанностями, женщину, доставлявшую ему удобства и покой, необходимыя для безпрепятственной работы въ его кабинетѣ.

Онъ не замѣчалъ, что давно уже жена не выражала ему никакихъ чувствъ и что лица дѣтей при встрѣчахъ съ нимъ холодны и равнодушны. Его занимала служба, а не эти пустяки.

Дѣлами онъ тоже не волновался: это была обиходная книга, со множествомъ перелистываемыхъ страницъ, съ спокойнымъ подведеніемъ подъ извѣстную статью. Что послѣдствіемъ этой статьи являлась каторга или смерть—было однимъ изъ самыхъ привычныхъ явленій. Чтò чувствовали, какъ шли, какъ умирали эти люди? Зачѣмъ ему было это знать? Не онъ написалъ законы и не его была вина, если совершались преступленія...

И вдругъ, однимъ ударомъ, разрушена вся такъ любовно созданная жизнь и улетѣли безвозвратно мечты и надежды. Никогда не забыть роковыхъ сутокъ!

Началось съ пустяка. То-есть теперь это уже казалось пустякомъ, по сравненію съ дальнѣйшимъ, но тогда, на первыхъ порахъ, впечатлѣніе было сильно.

Утромъ того дня, передъ его выходомъ на службу, къ нему постучалась Марья Дмитріевна. Онъ этого, какъ нарушенія порядка, не любилъ. Она вошла и, остановившись за шагъ передъ столомъ, сказала:

— Я пришла сказать, что Соня не хочетъ ѣхать сегодня на вечеръ къ губернатору.

Онъ поднялъ брови:

— Да кто же ее спрашиваетъ—хочетъ она или нѣтъ? Поѣдетъ... Въ восемь часовъ!..

Марья Дмитріевна давно уже отвоевала себѣ право, по болѣзни сердца, не выѣзжать въ общество, и Загряжскій самъ исполнялъ эту обязанность.

— Но какъ же ты сдѣлаешь? — съ любопытной усмѣшкой сказала она.—Вѣдь не повезешь силою?

— Что-о-о?—закричалъ Загряжскій, весь покраснѣвъ.—Это что за новости? Я сказалъ губернатору, что мы будемъ, и мы должны быть. Тамъ небольшое sauterie, знакомые подростки на перечетъ, пара къ парѣ, на насъ разсчитываютъ... Да что̀ она—больна, что ли?

— Она здорова—сказала Марья Дмитріевна,—но говоритъ, что ей невыносимы эти нелѣпыя „sauteries“, что она на нихъ скучаетъ!

— Ску-ча-а-етъ? — насмѣшливо протянулъ Загряжскій. — Пошли-ка ее сюда!

И вотъ вошла Соня. Такая тоненькая, граціозная, гибкая! Можно ли было предполагать въ этомъ нѣжномъ созданіи такой отпоръ? Вошла и на порогѣ остановилась. Лицо было блѣднѣе обыкновеннаго и глаза сердито поблескивали.

— Bonjour, papa!—сказала она издали, холоднымъ голосомъ и не подходя къ рукѣ.—Ты звалъ меня?—и она подошла ближе.

Онъ повернулся къ ней лицомъ.

— Я слышу нелѣпости! Ты отказываешься ѣхать къ губернатору? Почему это? Въ твоемъ возрастѣ—умѣстно развлекаться!

— Да развѣ это развлеченіе?—смѣло сказала Соня и подбородокъ ея мило дрогнулъ. — Нестерпимая скука! Я уже выросла изъ этихъ дурацкихъ sauteries! Они меня не занимаютъ.

— Да мнѣ-то до этого какое дѣло? — закричалъ Загряжскій.—Разъ я тебѣ приказываю...

— Приказывать развлекаться нельзя!—возразила Соня.

— Ка-акъ? Чтò ты сказала?—уже не сдерживая себя, переспросилъ онъ.

— Если ты хочешь, чтобы я развлекалась, то не заставляй меня дѣлать чтò мнѣ противно. Я не хочу ѣхать къ людямъ, которыхъ не уважаю.

— Не уважаешь? Ты? Губернатора?

— Да, папа, я не уважаю губернатора.

Загряжскій фыркнулъ на всю комнату.

— Нѣ-ѣтъ! Это начинаетъ быть забавнымъ,—злобно смѣясь, сказалъ онъ. — А за что же ты его не уважаешь? Смѣю спросить?

Соня на мгновеніе пріостановилась, какъ бы вооружаясь храбростью.

— За то всѣ его не уважаютъ, что онъ высѣкъ деревню. Что когда мужики стояли передъ нимъ на колѣняхъ, безъ шапокъ, онъ приказалъ сѣчь пятаго. Онъ гадкій, гадкій, гадкій!—вдругъ топнула Соня ногой и, сама того не ожидая, визгливо всхлипнула.

По мѣрѣ того какъ она говорила, Загряжскій подходилъ къ ней все ближе и ближе, расширяя и расширяя глаза, и при послѣднихъ словахъ поднялъ палецъ и, наступая на Соню, замахалъ этимъ пальцемъ передъ ея лицомъ.

— А я тебѣ говорю—съ бѣшенствомъ отчеканивая слова, захрипѣлъ онъ, — что ты поѣдешь. Слышишь? Поѣдешь! — Палецъ его лѣзъ ей въ лицо. — И будешь танцовать! И будешь, какъ всегда!.. А что ты губернатора не уважаешь, такъ это ему все равно, потому что ты дѣвчонка...

— Не поѣду! И танцовать не буду! Не буду! Не буду! — отступая, бѣлая какъ молоко, твердила Соня.

— Поѣдешь и будешь! — захлебывался Загряжскій, и такъ дошли они до двери, и когда Соня еще разъ проговорила: „не поѣду!“—онъ внезапно не совладѣлъ съ собой и, подхвативъ ее одной рукой сзади за воротъ платья, легко, какъ перышко, вытолкнулъ изъ комнаты.

— Вонъ, дрянная дѣвчонка! Вонъ!—Но поѣдешь!—И съ силой захлопнувъ дверь, почти бѣгомъ добѣжалъ и бросился въ кресло.

Но къ его ужасу, къ его невѣроятному ужасу—дверь растворилась, изъ-за нея выглянуло бѣлое личико и сверкающіе глаза и задорный, звонкій, какъ у молодого пѣтушка, голосокъ прокричалъ:

— Не поѣду! И недолго ужъ вамъ, самодурамъ...—Но кончить ей не удалось. Какъ бѣшеный сорвался онъ съ мѣста и ринулся къ двери. Она захлопнулась передъ его носомъ, а задверями послышался—или ему показалось?—чей-то молодой, бодрящій возгласъ: „Ай-да Соня! Молодецъ!“

Загряжскій былъ потрясенъ, тѣмъ болѣе, что какъ Соня говорила, такъ и случилось: она не поѣхала. Она легла въ постель и заперлась на ключъ. Не ломиться же было въ дверь? Не дѣлать же скандала?

Онъ отвелъ душу на Марьѣ Дмитріевнѣ. Цѣлый часъ слушала она его упреки: „Такъ вотъ какъ она воспитала дочь? Такъ вотъ что̀ вышло изъ его ребенка? А онъ-то... Въ то время, какъ они ничего не дѣлаютъ, бѣлоручничаютъ, наряжаются — онъ на службѣ!.. Теряетъ силы!.. Теряетъ здоровье... И для чего? Чтобы встрѣчать неблагодарность, неповиновеніе...“

Но и тутъ случилось нѣчто неожиданное. Спокойно, не волнуясь, Марья Дмитріевна доказала ему, что ея служба труднѣе, что нелегко сводить концы съ концами, возиться съ хозяйствомъ, воспитывать и учить дѣтей, а главное, ублаготворять его привычки, и какія привычки! Нелегко окружать его незамѣтнымъ для него, но трудно достигаемымъ ею комфортомъ... Нелегко соблюдать всѣ его правила. Она предпочла бы быть на его мѣстѣ, жить на всемъ готовомъ и, приходя со службы, знать, что все найдетъ, какъ любитъ... А что онъ даетъ деньги, такъ онѣ на него же и уходятъ. А на себя она тратитъ такъ мало, что объ этихъ расходахъ и вспоминать не стоитъ...“

И она̀ ушла, не слушая его болѣе.

— Но это революція, революція! — говорилъ себѣ, идя на службу, полный гнѣва Загряжскій. Но впереди ждало худшее...

Когда вечеромъ онъ поѣхалъ къ губернатору одинъ и съ огорченіемъ извинился за дочь, что она больна и лежитъ въ постели, тотъ любезно взялъ его подъ-руку и увелъ въ свой кабинетъ.

— Это что!—сказалъ онъ.—Жаль, конечно, что ваша прелестная дочурка недомогаетъ. Но у меня есть къ вамъ дѣло посерьезнѣе!—И уведя Загряжскаго въ самый дальній уголъ, онъ сообщилъ ему по секрету, что сегодня жандармскій полковникъ сообщилъ ему о Николаѣ, какъ юношѣ на замѣчаніи, водящемся съ предосудительными молодыми людьми и могущемъ попасть въ непріятную исторію.

— Я говорю вамъ, дорогой Вадимъ Петровичъ, по секрету, изъ дружбы. Присмотритесь, понаблюдайте, внушите и удержите!— И перемѣнивъ тонъ, губернаторъ предложилъ пульку.

Но не до пульки было Загряжскому. Все потемнѣло вокругъ и показалось тусклымъ и тоскливымъ. Лица казались кривыми и желтыми, воздухъ тяжелымъ и самъ губернаторъ — старымъ и противнымъ. И, извинившись нездоровьемъ, Загряжскій уѣхалъ. Его не удерживали.

Свѣжій воздухъ нѣсколько привелъ его въ себя. Всю дорогу онъ клокоталъ бѣшенствомъ и твердилъ шепотомъ:

— Погоди же! Задамъ же я тебѣ! Узнаешь ты меня какъ слѣдуетъ!—Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ...

Едва онъ подъѣхалъ къ крыльцу, какъ дверь пріотворилась и въ передней онъ увидѣлъ жену, блѣдную и встревоженную, въ войлочныхъ почему-то туфляхъ... Положивъ палецъ на губу, какъ бы прося молчанія, она безшумно увлекла его въ темную, боковую комнату.

— Вадимъ Петровичъ!—услышалъ онъ торопливый, встревоженный шепотъ.—Я ждала тебя, какъ Бога... Николая спасать надо!.. Прибѣгалъ его товарищъ и предупредилъ. Сегодня ночью будетъ обыскъ... Навѣрное...

— Но...—прохрипѣлъ Загряжскій.

— Молчи, молчи!—непривычно-властно зашептала Марья Дмитріевна...—Не до разсужденій... Не до словъ... Времени мало. Надо все уничтожить! Перенести въ твой кабинетъ...

Не то стонъ, не то вздохъ вырвался изъ груди Загряжскаго.

— Ахъ, да молчи же! Что ужъ тутъ... Дошло и до насъ... Не мы одни!.. Главное—успѣть... Одна я не могу... Не людей же звать? Я всѣхъ услала. Думала, товарищу Николая отдать, да онъ самъ спасается... А я не знаю, что̀ можно, чего нельзя... А Николая съ утра нѣтъ!

Эта встревоженная рѣчь дѣйствовала на Загряжскаго какъ молотъ. Она била его по каждой жилкѣ, по каждому нерву; залѣзала въ уши, сверлила мозгъ! И молча, угрюмо, сурово — онъ сталъ дѣйствовать... Надѣвъ такія же, какъ у жены, войлочныя туфли, стараясь двигаться безшумно — они втроемъ, съ незамѣтно къ нимъ присоединившейся Соней, стали какъ воры, какъ заговорщики, сновать неслышно изъ комнаты Николая въ кабинетъ Загряжскаго. Сонина помощь была очень замѣтна. Быстрѣе и лучше разбираясь въ знакомой ей до мелочи обстановкѣ комнаты брата, она совала то тому, то другому на руки пакеты книгъ и рукописей. Прислугѣ было приказано не ждать барина, имѣвшаго свой ключъ, и не подниматься наверхъ, чтобы не безпокоить больную барышню. Никто не тревожилъ ихъ.

Марья Дмитріевна блѣдная, но рѣшительная, Загряжскій багровый, съ надутыми на лбу жилами и гнѣвными глазами, Соня ловкая и сосредоточенная—работали безъ отдыха. И скоро на полкахъ, позади массивныхъ томовъ свода законовъ, образовалась цѣлая библіотека нелегальной литературы.

— Это что?—пріостановился Загряжскій, завидя въ рукахъ Сони тонкіе и плоскіе пакеты.

— Это непремѣнно надо къ тебѣ въ столъ, папочка!—прозвучалъ шепоткомъ тонкій голосокъ.

Онъ молча опустился въ кресло... и долго не могъ отдышаться. Но Соня уже осторожно несла какой-то круглый предметъ. Онъ остановилъ ее жестомъ:

— Что?—Безстрашная Соня замялась.

— Что? — сипло повторилъ онъ, глядя на нее суровыми, пронизывающими глазами.

— Это! Это!—неувѣренно зашептала Соня. — Это тоже въ твой столъ!—И онъ все это пережилъ!.. Своими собственными руками положилъ онъ пакеты и коробку въ свой письменный столъ, заперъ его и ключъ спряталъ въ карманъ и обвелъ жену и дочь угрюмымъ взглядомъ:

— Все?—хрипло спросилъ онъ.

— Все! — послышался отвѣтъ, и маленькія свѣжія руки обняли его голову, мягкая щека прильнула къ его горячей щекѣ и ласковый дѣвичій голосъ зашепталъ ему на ухо:

— Дорогой, дорогой, дорогой папочка! Я и не знала, что ты такой хорошій! Папочка, ты не волнуйся! Коля самъ спасалъ другихъ... Онъ потому взялъ къ себѣ, что у насъ было безопасно... Вѣдь на тебя кто же подумаетъ? Онъ надѣялся, что къ намъ-то ужъ не придутъ! А шпикъ вѣрно прослѣдилъ!.. Не волнуйся, папочка! — И она ласково прижималась къ нему. А съ другой стороны нѣжная рука гладила его волосы и тихій голосъ шепталъ:

— Бѣдный мой! Что дѣлать? И до насъ дошло! Но вспомни: не мы одни... Многіе страдаютъ!... Надо претерпѣть, другъ мой!

И эта нѣжность и ласка такъ далекихъ ему до сихъ поръ жены и дочери въ первый разъ пробудили въ Загряжскомъ смутное сознаніе, что есть высшее, болѣе дорогое въ жизни, чѣмъ спокойное благополучіе и министерскій портфель. И не смотря на бездонное горе, сковавшее ужасомъ его душу, что-то теплое заползало въ сердце и заставляло таять давно застывшій тамъ ледъ.

— А... А Николай? Гдѣ онъ? — спросилъ Загряжскій, ни къ кому не обращаясь.

— Ты о немъ не тревожься, папочка! У него наладится... Онъ перейдетъ на нелегальное положеніе — неподражаемо простодушно сказала Соня.

Онъ вздрогнулъ и трепетъ охватилъ его съ головы до ногъ.

— Теперь оставьте меня!—попросилъ онъ, побагровѣвъ.

Когда поздно ночью раздался звонокъ и, послѣ переговоровъ въ передней, зазвенѣли шпоры и въ кабинетъ вошелъ бравый жандармскій полковникъ, то онъ засталъ Загряжскаго за его письменнымъ столомъ, погруженнаго въ дѣла.

— Прошу извиненія, ваше превосходительство! По предписанію свыше—обязанъ произвести обыскъ въ комнатѣ вашего сына. Кстати, гдѣ онъ?

— Не знаю!—былъ угрюмый отвѣтъ.

— Непріятно!—сказалъ полковникъ.—Не вставайте съ мѣста, ваше превосходительство. Обыскъ будетъ только въ его комнатѣ... Мы не обезпокоимъ ни васъ, ни ваше семейство...

И начался обыскъ. Появились городовые, понятые и таинственные индивидуумы.

Страшная, дикая ночь! Ночь, въ которую—какъ въ бездну—рухнуло все старое міросозерцаніе!.. Въ которую онъ получилъ первый наглядный, не теоретическій урокъ! Ночь, когда впервые предстала предъ нимъ, во всей наготѣ и яркости, изнанка жизни!...

А мгновенія текли... Время убѣгало... Полковникъ и его свита ушли... Все обошлось... Онъ даже спалъ и проснулся вовремя... Но наступившее утро принесло съ собою невыносимую сердечную тоску и сверлящее сознаніе неправды. И кто-то шепталъ не переставая:

— Своего спасъ! А тѣ? Другіе? Многіе? Всѣ?

И глаза его угрюмо остановились на все еще лежавшемъ на столѣ обвинительномъ актѣ: о сынѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петрѣ Ивинѣ, обвиняемомъ въ...

Но теперь это ужъ не мертвый звукъ! Теперь къ Петру Ивину чувствуется мучительная, колющая жалость. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, о которомъ онъ третьяго дня, читая обвиненіе, сердито думалъ: „Болванъ! Не съумѣлъ воспитать сына! Не съумѣлъ внушить ему!“ Теперь этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ сталъ вдругъ близокъ... Оба они дѣйствительные статскіе совѣтники, идутъ въ одну ногу... Собратья по несчастью... Но неумолимый голосъ кричитъ внутри: „Не одно и то же... Твой спасенъ! Ты спасъ его! А кто спасетъ Петра?“ И острая, колючая жалость наполняетъ сердце.

„Гдѣ онъ? Гдѣ Николай теперь?“ — думалъ онъ, тоскливо глядя въ окно, на сѣрый, непрерывный дождь, и ему представлялась одинокая, бредущая по ненастью фигура. И внезапно проснувшаяся подъ вліяніемъ событій, тлѣвшая незамѣтнымъ огонькомъ въ сердцѣ любовь къ сыну все болѣе и болѣе овладѣвала имъ.

На нелегальномъ положеніи! Его сынъ, сынъ Загряжскаго! И онъ силился представить себѣ это нелегальное положеніе, и ему мерещилась безпріютная собака, вѣчно травимая ищейками...

Всего два дня—и все сметено, уничтожено, разбито!.. Онъ схватился руками за голову... Дверь скрипнула и на порогѣ показалась Марья Дмитріевна. Довольно было взглянуть на нее, на ея лицо, судорожно подергивавшееся, на синія губы, на дрожащія руки, чтобы понять, что еще не все!.. Чаша не до дна выпита!..

— Что еще?—сурово спросилъ онъ.—Не довольно ли?

Но вмѣсто отвѣта она опустилась около него и, обхвативъ руками его ноги, беззвучно зарыдала.

— Матушка! Пощади! Убей ужъ сразу!.. Что, что такое?— закричалъ онъ, тяжело опускаясь на диванъ. Но она не поднялась. И полилась рѣчь, рѣчь матери, защищающей свое дѣтище. Молящая, негодующая, скорбно настойчивая:

— Только онъ можетъ спасти сына! Николая прослѣдили! Проклятые сыщики гонятся по пятамъ... Сейчасъ укрылся, но до завтра не продержится... И главное, уже извѣстно, что все было передано ему...

На обыскѣ у товарища взято его рукой написанное воззваніе къ войскамъ. Спасенія нѣтъ!.. Кандалы... Каторга... Быть-можетъ веревка... У нея планъ—вѣрный, безошибочный, но нужна его помощь. Во имя давней любви!.. Во имя его зачатія!.. Ему двадцать лѣтъ!.. Только онъ одинъ и можетъ... Она не переживетъ...

Онъ молчалъ, хрустя пальцами.

— Вадимъ! Я не снесу. Клянусь жизнью дѣтей, до каторги не допущу! Убью его, себя, Соню, но не допущу!

Онъ откинулся на спинку дивана и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ тяжелыми, мужскими слезами. Онъ зналъ, что сдѣлаетъ и это! Все сдѣлаетъ—чтобы спасти сына... А тѣ? другіе?

———— 8

Два дня спустя разнесся взволновавшій всѣхъ слухъ: въ двухъ станціяхъ отъ города, на запасномъ желѣзнодорожномъ

пути, поздно ночью, нашли раздавленный дежурнымъ паровозомъ трупъ Загряжскаго. Какъ онъ попалъ въ это глухое мѣсто? Толковъ было много... Начальникъ станціи показалъ, что передъ приходомъ курьерскаго вечерняго поѣзда на платформѣ появился хорошо одѣтый господинъ, въ сопровожденіи молодой дѣвушки подъ вуалью. Начальнику станціи почему-то бросилась въ глаза ея довольно нескладная фигура. Но хорошо онъ никого не разглядѣлъ, такъ какъ уже подходилъ поѣздъ. Видѣлъ только, что господинъ подсадилъ дѣвушку въ первый классъ; видѣлъ, что за мгновеніе до отхода она внезапно сбѣжала со ступенекъ и обняла стоявшаго господина. Тотъ, какъ будто, махнулъ рукой, и когда поѣздъ тронулся, пошелъ вслѣдъ. Болѣе па станціи его не видали.

Дежурный машинистъ ничего не могъ разсказать: было темно. Но фактъ остался фактомъ.

Много говорилось по этому поводу, но въ концѣ концовъ эта исторія, какъ и вообще всѣ исторіи, канула въ вѣчность. Въ этомъ мірѣ все забывается, и отъ того, попалъ ли Загряжскій подъ поѣздъ нечаянно или умышленно, рѣшительно ничто не измѣнилось. Все осталось на своемъ мѣстѣ. Только не онъ, а другой чиновникъ, въ другомъ кабинетѣ, за другимъ письменнымъ столомъ, просматриваетъ и подписываетъ неизмѣнные обвинительные акты.

С. Савинкова.

ЛЕТУЧІЯ МЫШИ

(Сонетъ.)

Въ тѣни садовъ, въ ихъ сонной тишинѣ,
Среди аллей, одѣтыхъ мракомъ сѣрымъ,
Какъ призраки проносятся онѣ,
Таинственно шурша крыломъ безперымъ.

Ночь будитъ ихъ, давая зрѣнью свѣтъ,
А день слѣпитъ (такъ жизнь грозитъ химерамъ!)
И гонитъ въ глушь, туда, гдѣ шума нѣтъ,
Къ развалинамъ пустыннымъ и пещерамъ.

Какіе сны въ безмолвьи снятся имъ?
Не бредъ ли тайнъ скрываютъ ихъ жилища?
Кто въ нихъ пріютъ подъ кровомъ тьмы ночнымъ
Встрѣчалъ, какъ звѣрь, въ глухихъ трущобахъ рыща?
Уйдемъ отъ нихъ! Молчаньемъ роковымъ
Онѣ гнетутъ, какъ мертвый сонъ кладбища!

ФИЛИНЫ

„Мы безъ горя обезсилены,
Безъ тоски угнетены!“ —
Стонутъ глухо гдѣ-то филины
Средь беззвучной тишины.

„Къ ночи зрячи, къ утру слѣпы,
Мы спѣшимъ, боясь лучей.
То въ развалины, то въ склепы—
Царство мрака и тѣней.

„Намъ не страшны привидѣнія,
Вздохи спящихъ мертвецовъ;
Мы не вѣримъ въ пробужденіе,
Мы не видимъ свѣтлыхъ сновъ.

„Наша жизнь—не жизнь, а темный,
Вѣчно-давящій кошмаръ,
Какъ чудовищно-огромный,
Разростающійся шаръ.

А кругомъ все—глушь пустынная,
Глушь, томящая сердца,
Гдѣ не знаетъ время длинное
Ни начала, ни конца!“

Леонидъ Афанасьевъ.

ИЗЪ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХЪ
СКИТАНІЙ

Со времени освобожденія крестьянъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ переселеній за Уралъ изъ Европейской Россіи почти вовсе не было. Правительство ихъ не поощряло. Только министерство государственныхъ имуществъ, „въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія народонаселенія", переселяло иногда по нѣскольку тысячъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на Кавказъ и на другія юго-восточныя окраины.

Отъ начала 80-хъ годовъ и до конца прошлаго столѣтія отношеніе правительства къ переселеніямъ было крайне неустойчиво. Переселенія то разрѣшались, то задерживались разными стѣснительными мѣрами и ограниченіями. Въ этихъ колебаніяхъ преобладала, однако, задерживающая тенденція. Замѣтно было опасеніе, что развитіе переселеній можетъ угрожать интересамъ землевладѣльцевъ.

Не смотря, однако, на всякія стѣсненія, стремленіе за Уралъ съ каждымъ годомъ усиливалось, особенно изъ губерній, гдѣ почти единственнымъ источникомъ пропитанія является земледѣльческій трудъ. Въ послѣдніе годы переселенческое движеніе изъ этихъ губерній достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, что правительство рѣшилось, наконецъ, пойти ему на встрѣчу, организовавъ для этого цѣлый штатъ чиновниковъ и разные виды содѣйствія передвиженію переселенцевъ и водворенію ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Одною изъ первыхъ по числу переселяющихся уже въ теченіе многихъ лѣтъ является Черниговская губернія. Изъ нея въ 1907 и 1908 гг. отправилось за Уралъ искать обѣтованныхъ земель болѣе 85-ти тыс. душъ. Изъ одного Суражскаго уѣзда, особенно обиженнаго природой, съ очень скудною почвой и вырождающимся отъ постояннаго недоѣданія населеніемъ, вышло въ это время болѣе 18-ти тыс. душъ, т.-е. около 10% всего числа сельскихъ жителей и значительно больше ежегоднаго прироста населенія. По свѣдѣніямъ челябинскаго переселенческаго пункта, за предыдущія десять лѣтъ выселилось изъ той же губерніи 87.529 душъ. По сообщеніямъ уѣздныхъ землеустроительныхъ коммиссій, до 1-го декабря 1908 г. заявили о желаніи переселиться въ 1909 г. изъ Черниговской губерніи 53.099 душъ. Теперь цифра эта, конечно, очень увеличилась.

Это усиленное стремленіе къ выходу изъ настоящаго безотраднаго положенія объясняется не исключительными мѣстнымя условіями. Оно вызывается общимъ паденіемъ нашего народнаго хозяйства, прогрессирующимъ уже десятки лѣтъ и ежегодно поражающимъ милліоны населенія, во многихъ губерніяхъ, голодовками. По свѣдѣніямъ „Торгово-промышленной Газеты", урожай 1908 г. былъ на 500 мил. пудовъ ниже средняго урожая предыдущаго пятилѣтія. Хлѣбные запасы въ этомъ же году уменьшились противъ средняго состоянія ихъ въ предыдущее пятилѣтіе на 128 мил. пудовъ. Лѣтомъ 1909 г. въ селахъ почти всѣ кормились очень дорогимъ покупнымъ хлѣбомъ и суррогатами.

Для борьбы съ этимъ роковымъ явленіемъ правительство выступаетъ только съ ассигновками ссудъ въ сотни милліоновъ на продовольствіе голодающихъ. Но значеніе этого палліатива почти совершенно теряется, такъ какъ, едва изголодавшійся народъ начинаетъ нѣсколько оправляться, являются сверху строгіе циркуляры губернаторамъ „о принятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ" ко взысканію продовольственныхъ долговъ. Какъ иногда примѣняются въ селахъ эти мѣры, показала недавно администрація Вятской губерніи, а затѣмъ циркуляръ смоленскаго губернатора, заявляющій, что „успѣшное поступленіе сборовъ находится въ прямой зависимости отъ степени энергіи чиновниковъ" и что тѣ изъ нихъ, „которые не проявятъ въ этомъ дѣлѣ надлежащей энергіи, будутъ причисляемы къ штату губернскаго правленія или совсѣмъ увольняемы отъ службы". Можно представить себѣ, что̀ испытываютъ смоленскія села послѣ этого циркуляра.

Какихъ бы то ни было общихъ радикальныхъ мѣръ къ под-

нятію сельскаго хозяйства и благосостоянія населенія *земледѣльческой* Россіи, начинающей уже питаться американскимъ хлѣбомъ, мы вовсе не видимъ. Народъ совершенно извѣрился и потерялъ всякую надежду на улучшеніе своего положенія со стороны правительства и законодательныхъ учрежденій. Въ отчаяніи, онъ забываетъ о тѣхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ, какія часто испытываютъ переселенцы въ пути и въ мѣстахъ новаго водворенія. Не считается онъ и съ тѣмъ, какое огромное ихъ число, послѣ тяжелыхъ, безплодныхъ скитаній, истративъ послѣднія крохи, возвращается домой въ самомъ нищенскомъ состояніи [1]). Не смущаютъ его и разсказы земляковъ, возвратившихся изъ-за Урала исхудавшими, истощенными, въ рубищахъ, о томъ, что переселенцамъ отводятъ тайгу, на расчистку которой и подготовку къ вспашкѣ нужно затратить нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ „успѣешь померетъ съ голоду“ [2]). Онъ только вспоминаетъ и смакуетъ заманчивыя сообщенія, что прежніе переселенцы прекрасно устроились въ Сибири, что у нихъ много скота, большіе запасы хлѣба, что они всегда ѣдятъ мясо и кашу съ молокомъ. У него не выходятъ изъ головы мечтанія о такомъ соблазнительномъ житьѣ. Отчаяніе и нужда неудержимо влекутъ его къ воображаемымъ молочнымъ рѣкамъ и кисельнымъ берегамъ на далекомъ востокѣ.

Но въ самые послѣдніе годы огромный подъемъ переселенческой волны объясняется не исключительно нуждой и матеріальными соображеніями. Опытные ходоки и рабочіе, бывавшіе въ Сибири на заработкахъ, соблазняютъ земляковъ и другою приманкой. Они разсказываютъ, что хотя чиновники въ Сибири по части произвола и взяточничества перещеголяютъ здѣшнихъ, но съ ними приходится мало имѣть дѣла, а полицейской са-

---

[1]) По свѣдѣніямъ челябинскаго переселенческаго пункта, въ 1907 г. прошло ходоковъ 135.240. Изъ нихъ, не добившись зачисленія участковъ за ними и ихъ довѣрителями, возвратилось обратно 62.876. Въ томъ же году двинулось за Уралъ 415 тыс. душъ обоего пола семейныхъ переселенцевъ; изъ нихъ болѣе 80 тыс. душъ отправились самовольно, не имѣя зачисленной за собою земли. Переселенческое управленіе имѣло въ своемъ распоряженіи только 220 тыс. земельныхъ долей.—По свѣдѣніямъ главнаго переселенческаго управленія, съ 1 января до 15 ноября 1908 г. въ Сибирь прошло 646.498 переселенцевъ обоего пола и 89.783 ходока; вернулось за это время 38.672 переселенца и 70.101 ходокъ. Само правительство какъ бы санкціонируетъ такое положеніе дѣла: на 1909 г. оно внесло въ смѣту для пособій на обратный проѣздъ „особенно слабымъ семьямъ“ 250 т. р.

[2]) Такіе разсказы пишущему эти строки приходилось слышать отъ возвратившихся ходоковъ.

ранчи, которая здѣсь постоянно изводитъ обывателя всякими беззаконіями и насиліями, тамъ переселенцы почти не видятъ.

Свѣдѣнія о переселеніяхъ изъ Черниговской губ., особенно съ 1908 г., представляютъ общій интересъ и въ томъ отношеніи, что ими выясняется цѣлый рядъ отрицательныхъ сторонъ въ организаціи передвиженія переселенцевъ и водворенія ихъ въ разныхъ азіатскихъ областяхъ. Болѣе существенныя данныя объ этомъ, почерпнутыя, главнымъ образомъ, изъ матеріала, имѣющагося въ распоряженіи черниговской губ. земской управы, я считаю полезнымъ изложить въ настоящей статьѣ.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1907-го года въ Харьковѣ собрался съѣздъ представителей земствъ южныхъ губерній для обсужденія вопроса объ участіи земствъ въ переселенческомъ дѣлѣ. Главнымъ результатомъ этого съѣзда явилось образованіе областной организаціи, въ составъ которой входятъ земства Екатеринославской, Херсонской, Кіевской, Харьковской, Полтавской, Черниговской и Воронежской губерній и главныя задачи которой заключаются въ собраніи свѣдѣній о мѣстахъ для переселеній, въ организаціи ходоческихъ и переселенческихъ партій, въ сопровожденіи этихъ партій въ пути и въ облегченіи ихъ водворенія на новыхъ мѣстахъ. Въ харьковскомъ съѣздѣ участвовалъ и представитель главнаго переселенческаго управленія, г. Глинка, привѣтствовавшій выступленіе земствъ на помощь правительству въ сложномъ и трудномъ дѣлѣ регулированія переселеній [1]. Исполнительнымъ органомъ союза южныхъ земствъ по дѣламъ переселенія служитъ областное бюро, учрежденное въ Полтавѣ.

Въ началѣ іюня 1908-го года состоялось въ Полтавѣ организаціонное совѣщаніе представителей указанныхъ земствъ для выработки плана дѣйствій областной переселенческой органи-

---

[1]) Въ этомъ, какъ и въ допущеніи общеземской организаціи для помощи голодающимъ и переселенцамъ, сказывается новый курсъ. Около пятнадцати лѣтъ назадъ, когда я былъ предсѣдателемъ черниговской губ. земской управы, составленъ былъ управою проектъ организаціи земской помощи стихійному движенію переселенцевъ. Тогдашній губернаторъ Анастасьевъ рѣзко отклонилъ этотъ проектъ, указавъ управѣ, что компетенція земства ограничивается предѣлами губерніи и что о переселенцахъ достаточно заботится правительство. — Насколько боялось правительство единенія отдѣльныхъ земствъ, видно изъ слѣдующаго факта: около того же времени приходилось бороться съ саранчой, налетѣвшей въ Орловскую, Курскую и Черниговскую губерніи. Для выработки общихъ мѣръ борьбы предположено было совѣщаніе представителей земствъ этихъ губерній при орловской губ. управѣ. Совѣщаніе это министромъ внутреннихъ дѣлъ не было допущено.

заціи. Въ совѣщаніи этомъ участвовалъ помощникъ начальника переселенческаго управленія, г. Тхоржевскій. Онъ сообщилъ, что стремленіе въ Сибирь необыкновенно возрастаетъ и спросъ на землю далеко превышаетъ размѣры заготовки участковъ для переселенцевъ. Работы по этой заготовкѣ весьма трудно сообразовать съ дѣйствительной потребностью, такъ какъ, кромѣ организованныхъ партій ходоковъ и переселенцевъ, которыхъ за пять мѣсяцевъ минувшаго года зарегистровано около 530 тысячъ душъ, весьма многіе идутъ за Уралъ самовольно, за свой счетъ и рискъ, въ надеждѣ получить заготовленные участки. Такихъ самовольныхъ переселенцевъ за пять мѣсяцевъ насчитывается до 45% общаго числа. Этотъ небывалый наплывъ переселенцевъ вынудилъ переселенческое управленіе значительно расширить землеотводныя работы въ Сибири; туда отправлено двадцать-пять экспедицій изъ почвовѣдовъ, ботаниковъ, гидротехниковъ и другихъ спеціалистовъ съ цѣлью изслѣдованія различныхъ азіатскихъ областей и подготовки запасовъ земель для переселеній.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, организація дѣла, выработанная на первомъ полтавскомъ совѣщаніи.

Областные земскіе агенты слѣдятъ въ Сибири за ходомъ землеотводныхъ работъ, выбираютъ мѣстности, соотвѣтствующія хозяйственному быту переселенцевъ изъ разныхъ союзныхъ губерній, и условно зачисляютъ необходимое число участковъ за областною организаціей. Распредѣленіе земельныхъ долей между союзными губерніями производитъ полтавское областное бюро. Эти же агенты освѣдомляютъ прибывшихъ въ Сибирь ходоковъ объ условіяхъ избираемыхъ ими для поселенія мѣстъ и оказываютъ имъ всякое содѣйствіе въ выборѣ и зачисленіи за ними участковъ. Они же встрѣчаютъ переселенцевъ, прибывающихъ на заготовленные участки, помогаютъ ихъ водворенію, даютъ необходимые совѣты и указанія и берутъ на себя посредничество въ сношеніяхъ прибывшихъ съ мѣстными властями. Къ зимѣ эти агенты возвращаются въ свои губерніи, гдѣ на нихъ возлагается ознакомленіе и переселяющихся, и руководящихъ переселеніемъ съ почвенными и другими мѣстными условіями зачисленныхъ на будущій годъ за организаціей земель. Такихъ агентовъ рѣшено назначить въ области Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, въ Алтайскій горный округъ, въ Енисейскую губернію, въ Амурскую и Приморскую области и въ Семирѣченскій районъ.

Для сопровожденія ходоковъ и переселенцевъ въ пути каждое губернское земство назначаетъ особыхъ агентовъ.

Образованіе ходоческихъ и переселенческихъ партій на мѣстахъ выхода возложено на уѣздныя землеустроительныя комиссіи.

Окончательное формированіе партій по маршрутамъ и заботы о переселенцахъ въ пути предоставлены переселенческимъ организаціямъ губернскихъ земствъ. По рѣшенію полтавскаго совѣщанія, областные агенты должны оказывать содѣйствіе въ устройствѣ въ Сибири не только организованнымъ партіямъ, но и самовольнымъ переселенцамъ изъ губерній, входящихъ въ областную организацію.

Черниговская губернская земская управа въ началѣ августа 1908 г. созвала совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ управъ и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ землеустроительныхъ коммиссій для выработки совмѣстныхъ дѣйствій въ переселенческомъ дѣлѣ. Въ совѣщаніи этомъ выяснено, что Черниговской губерніи отведено на 1908 г. 11.230 земельныхъ долей (по 15 дес.), тогда какъ требованій заявлено на 31.799 долей. При этомъ оказалось, что требованія далеко не соотвѣтствуютъ числу долей, назначенному для губерніи въ разныхъ азіатскихъ областяхъ. Охотниковъ переселиться въ Уральскую, Тургайскую, Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области оказалось сравнительно мало, а запросъ на земельныя доли въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ Алтайскомъ горномъ округѣ Томской губерніи въ десять разъ больше числа отведенныхъ тамъ долей. Совѣщанію пришлось распредѣлить доли пропорціонально требованіямъ изъ разныхъ уѣздовъ. Составивъ инструкцію для членовъ землеустроительныхъ коммиссій, совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы въ первую очередь отправляемы были ходоки изъ поселеній наиболѣе нуждающихся, и въ возможно большемъ числѣ, для возможно большаго обезпеченія остающихся оставляемыми землями. Рѣшено также въ такихъ поселеніяхъ преимущественно содѣйствовать переселенію семействъ болѣе бѣдныхъ и съ наибольшимъ числомъ рабочихъ. Наконецъ, въ совѣщаніи опредѣлены были сборные пункты для посадки партій въ поѣзда и постановлено отправить первую партію ходоковъ 25 августа, а вторую — 1 сентября.

До наступленія этихъ сроковъ, губернская земская управа снеслась съ управленіями кіево-воронежской и полѣсской желѣзныхъ дорогъ о предоставленіи ходокамъ особыхъ переселенческихъ поѣздовъ, а сопровождающимъ ходоковъ земскимъ агентамъ — классныхъ отдѣленій въ вагонахъ. На эти представленія получены были удовлетворительные отвѣты.

Отъ переселенческихъ агентовъ тѣхъ областей, куда направлялись ходоки, управа долго не получала маршрутовъ для нихъ и указанія конечныхъ станцій высадки. Полученныя, наконецъ, отъ этихъ чиновниковъ свѣдѣнія не всегда отличались точностью и полнотой и иногда расходились съ свѣдѣніями, сообщенными областному бюро. При помощи телеграфа, эту сторону дѣла удалось своевременно уладить.

Въ это же время управа получила сообщеніе, что полтавское и харьковское земства отправляютъ одновременно ходоковъ съ своими агентами. Такъ какъ агентовъ въ первое время было недостаточно, то немедленно было устроено съ этими земствами соглашеніе, чтобы ходоковъ, отправляющихся изъ трехъ губерній по одному маршруту, сопровождалъ одинъ агентъ.

Управа пригласила на службу двухъ переселенческихъ агентовъ. Все, повидимому, было предусмотрѣно и приготовлено, и 25 августа 147 ходоковъ двинулись въ путь.

Но тутъ начинаются разныя тренія и затрудненія, объясняемыя въ нѣкоторой степени недостаточной согласованностью между земствами, входящими въ составъ областной организаціи, но больше всего—всероссійскими нравами и порядками.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію мытарствъ, испытанныхъ нашими переселенческими партіями въ 1908-мъ году, припомнимъ, какія мѣры приняты были правительственными учрежденіями для облегченія передвиженія и водворенія этихъ партій.

Изъ № 155 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1908-ой годъ мы знаемъ, что для устраненія сутолоки и массы неудобствъ при переѣздахъ переселенцевъ образовано было особое совѣщаніе изъ представителей четырехъ министерствъ, китайской восточной желѣзной дороги и общеземской организаціи по продовольствію голодающихъ. Это былъ первый опытъ регулированія безпорядочнаго переселенческаго движенія (давно пора!). Главнѣйшія мѣры, установленныя этимъ совѣщаніемъ, сводятся къ слѣдующему.

Чтобы избѣжать одновременнаго наплыва массы переселяющихся, превышающаго перевозныя средства желѣзныхъ дорогъ, собираются по уѣздамъ свѣдѣнія о желающихъ переселиться въ первой половинѣ 1908 г., и всѣ желающіе раздѣляются на пять группъ, которыя отправляются по очереди, съ двухнедѣльными промежутками. Земскимъ начальникамъ предписано о сформированныхъ для переселенія партіяхъ заблаговременно извѣ-

щать начальниковъ жел.-дор. станцій, гдѣ назначена посадка партій въ поѣзда. На линіяхъ, обслуживающихъ переселенческое движеніе, рѣшено сформировать особые для того поѣзда, а также возить переселенцевъ въ воинскихъ и товарныхъ поѣздахъ, съ установкою въ послѣднихъ чугунныхъ печей и другими передѣлками, для чего ассигновано болѣе двухъ мил. рублей. На цѣломъ рядѣ узловыхъ станцій, гдѣ поѣзда временно задерживаются, постановлено расширить бараки, устроить кухни, столовыя, пріемные покои и платформы для сортировки клади. Эту кладь рѣшено перевозить вмѣстѣ съ ея владѣльцами [1]). Путевые документы совѣщаніе постановило выдавать не на цѣлыя группы или партіи, а отдѣльно на каждаго ѣдущаго, такъ какъ, при прежнемъ порядкѣ, заболѣвшій или отставшій почему-либо переселенецъ попадалъ, безъ документа, въ весьма неудобное положеніе.

Врачебно-санитарный надзоръ, для котораго учрежденъ рядъ обсерваціонныхъ пунктовъ, главнымъ образомъ—съ фельдшерскимъ персоналомъ, на разстояніи около 200 верстъ одинъ отъ другого, рѣшено усилить, размѣстивъ эти пункты въ 120 верстахъ другъ отъ друга, а также значительно увеличить число санитарныхъ вагоновъ.

Совѣщаніемъ постановлено также обезпечить болѣе правильное передвиженіе переселенцевъ по воднымъ путямъ Сибири и, между прочимъ, устроить на р. Оби, на казенный счетъ, двѣ буксирныхъ баржи, вмѣстимостью каждая на 1.000 человѣкъ.

На врачебно-продовольственную помощь переселенцамъ ассигновано было на 1908 г. 1.700.000 руб. Для такой помощи въ пути отчислено всего около 600 т. р., такъ какъ остальная сумма предназначена была на устройство и ремонтъ построекъ на остановочныхъ пунктахъ и на медицинскую помощь въ мѣстахъ водворенія. Вдоль линіи, начиная отъ Пензы, устроенъ рядъ столовыхъ для безплатной выдачи горячей пищи дѣтямъ и больнымъ, а остальнымъ—за пониженную плату. Скудость указаннаго отчисленія отразилась на состояніи врачебно-санитарныхъ пунктовъ не только въ глухихъ мѣстахъ, но и въ крупныхъ центрахъ: при ожидавшемся въ 1908-мъ году числѣ

---

[1]) Относительно багажа переселенцевъ сопровождавшій полтавскихъ ходоковъ губернскій земскій агрономъ Ю. Ю. Соколовскій сообщаетъ, что въ Челябинскѣ никто не получаетъ багажа ранѣе двухъ-трехъ недѣль послѣ прибытія, а часто ждутъ полученія два-три мѣсяца. Нерѣдко багажъ совсѣмъ пропадаетъ. Каково людямъ, стремящимся скорѣе на мѣсто, за сотни верстъ отъ мѣста высадки сидѣть цѣлыя недѣли сложа руки и проживая на харчи свои скудные денежные запасы!

переселенцевъ, изъ 600 т. р. на каждаго приходилось всего около 1 р. 25 к. А дѣйствительность значительно превзошла ожиданія.

Кромѣ врачебно-санитарной стороны дѣла, совѣщаніе констатировало значительные дефекты и въ дѣлѣ продовольствія переселенцевъ. Кухонь и столовыхъ для нихъ по пути крайне мало. Пользованіе столовыми недостаточно и неправильно, между прочимъ и потому, что поѣзда часто проходятъ станціи съ столовыми въ ночное время, а иногда, вслѣдствіе запозданій, очень сокращаютъ остановки на этихъ станціяхъ. Продовольствіе переселенцевъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, преимущественно на востокъ отъ Иркутска, а также по воднымъ путямъ Сибири, предоставлено общеземской организаціи, выразившей на это согласіе.

Кромѣ изложенныхъ заботъ объ улучшеніи условій передвиженія переселенцевъ, упомянемъ еще о томъ, что во многихъ пунктахъ азіатскихъ областей и по восточнымъ и юго-восточнымъ окраинамъ (кромѣ Кавказа и Туркестанскаго края, куда переселеніе изъ Европейской Россіи не допускается) есть особые переселенческіе чиновники для помощи переселенцамъ при водвореніи на новыхъ мѣстахъ, и что изъ казны на переселенческую семью выдается пособіе для обзаведенія въ 200 р.

Теперь перейдемъ къ описанію разныхъ затрудненій, о которыхъ сообщаютъ земскіе агенты, сопровождавшіе партіи ходоковъ изъ Черниговской, а отчасти и изъ другихъ союзныхъ губерній.

Съ первою партіей ходоковъ черниговскою губ. земскою управой отправленъ былъ агентъ г. Коновалъ. На ст. Унеча полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ онъ засталъ 30 человѣкъ, отправлявшихся въ Амурскую и Приморскую области. При повѣркѣ документовъ ходоковъ оказалось, что ѣдущимъ въ Приморскую область, конечною станціей для которыхъ назначенъ Хабаровскъ, билеты не могутъ быть выданы, такъ какъ между дорогами до ст. Манчжурія и отъ послѣдней до Владивостока еще не послѣдовало соглашенія. Отправили по телеграфу въ правленіе полѣсскихъ дорогъ ходатайство о выдачѣ ходокамъ билетовъ согласно ихъ документамъ. Около сутокъ пришлось ожидать отвѣта. Наконецъ, получился отвѣтъ, но отрицательный. Прибывшій въ Унечу членъ землеустроительной коммиссіи исправилъ для ходоковъ своего уѣзда маршруты, замѣнивъ Хабаровскъ Манчжуріей. Эти ходоки и агентъ, съ опозданіемъ почти на сутки, выѣхали, а ходоки другого уѣзда остались хлопотать объ исправленіи своихъ документовъ.

Въ Пензу прибыли 28 августа, передъ вечеромъ. Тамъ г. Коновалъ получилъ отъ другого черниговскаго земскаго агента, г. Косменка, телеграмму, что послѣдній въ тотъ же день пріѣзжаетъ съ другой партіей въ Пензу. Оставивъ своихъ спутниковъ на попеченіе Косменка, Коновалъ возвратился въ Унечу забрать другихъ ходоковъ, которые должны были тамъ его ожидать. Онъ засталъ тамъ 120 ходоковъ изъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ. Документы у нихъ были исправны, билеты выданы безъ затрудненій, и утромъ 1 сентября всѣ тронулись въ путь. Въ Брянскъ пріѣхали днемъ въ три часа, но тамъ объявили, что отправятъ партію на Орелъ только въ одиннадцать часовъ ночи. Всѣ просьбы ускорить отправленіе остались безуспѣшными. Въ Орелъ прибыли на другой день въ шесть часовъ утра. Тамъ опять задержка. Станціонное начальство объявило, что отправятъ поѣздъ въ часъ дня или въ пять часовъ вечера, когда управятся. Очевидно, что правильнаго росписанія переселенческихъ поѣздовъ установлено не было.

Въ Орлѣ пришлось натолкнуться на первый случай особой заботливости желѣзно-дорожнаго персонала о переселенцахъ. По прибытіи на станцію, ходоки съ чайниками отправились за кипяченою водой. Агентъ увидѣлъ, что они несутъ воду, которую пить невозможно. Не говоря о томъ, что она была очень мутна, въ ней плавали какія-то пленки. Въ виду холернаго времени, агентъ пришелъ въ ужасъ отъ послѣдствій, какія могла вызвать эта вода. Взявъ воду, онъ отправился къ дежурному по станціи и просилъ вызвать врача для ея освидѣтельствованія. Дежурный и жандармъ заявили, что докторъ спитъ и что по такимъ пустякамъ тревожить его не будутъ. Убѣдивъ ходоковъ обождать съ чаемъ, агентъ продолжалъ добиваться чистой воды, но въ отвѣтъ получалъ только грубости. Наконецъ онъ нашелъ на перронѣ начальника станціи. Жандармъ отрекомендовалъ его начальнику такими словами: „вотъ этотъ господинъ, называющій себя представителемъ ходоковъ, скандалитъ; онъ заявляетъ, что ему нуженъ докторъ, такъ какъ вода въ котлѣ грязна“. Агентъ возразилъ, что никакого скандала онъ не поднималъ, и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Начальникъ станціи процѣдилъ сквозь зубы, что докторъ ежедневно осматриваетъ воду, и величественно удалился. Кинулся агентъ къ другому жандарму. Но первый успѣлъ сообщить товарищу, что агентъ „скандалитъ“, и бѣдный ходатай за ходоковъ получилъ любезный отвѣтъ: „да убирайтесь вы вонъ!“ Агентъ обратился къ третьему жандарму съ просьбой дать ему жалобную книгу для занесенія жалобы по поводу грязной

воды и грубаго съ нимъ обращенія. Тонъ сразу совершенно измѣнился. Жандармъ ушелъ, очень любезно попросивъ обождать, и скоро вернулся съ помощникомъ начальника станціи. Послѣдній съ полной готовностью сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и затѣмъ позаботился о своевременной отправкѣ партіи.

Въ Тулу пріѣхали 2 сентября въ двѣнадцать часовъ ночи. Къ шести часамъ утра вагоны поставили около переселенческаго пункта, въ верстѣ отъ станціи Протопопово. Въ столовой не оказалось ни пищи, ни горячей воды. Къ восьми часамъ все это было приготовлено. Но въ это время является паровозъ, забираетъ вагоны съ ходоками и везетъ ихъ къ станціи, гдѣ стоялъ готовый къ отправленію товаро-пассажирскій поѣздъ. Г. Коновалъ думалъ, что ихъ прицѣпятъ къ этому поѣзду—но ошибся. Поѣздъ очень скоро ушелъ, а ходоки остались на рельсахъ. „Почему же насъ увезли отъ пункта, гдѣ приготовлена пища и вода?"—спрашиваетъ агентъ дежурнаго на станціи.—„Такъ нужно было"—отвѣчаетъ тотъ пренебрежительно.—„Тогда возвратите насъ на пунктъ!"—проситъ агентъ.—„Этого нельзя сдѣлать: у меня нѣтъ паровоза"—получается отвѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, позвольте жалобную книгу".—„Для чего она вамъ?"—„Буду писать жалобу".—„Ну, въ такомъ случаѣ я васъ отправлю къ пункту".—Черезъ десять минутъ явился паровозъ, и ходоковъ перевезли обратно. Тамъ поѣли горячихъ щей и запаслись кипяткомъ для чая. За порцію щей брали по четыре копѣйки. Это былъ первый горячій завтракъ.

Въ Тулѣ догнали партію и присоединились къ ней еще 32 земляка. Наконецъ, 4 сентября ночью прибыли въ Пензу. Ѣхали все время въ „теплушкахъ", т.-е. въ товарныхъ вагонахъ, съ чугунною печкой по срединѣ. Вмѣстѣ съ прочими помѣщался и г. Коновалъ, такъ какъ всѣ просьбы его о предоставленіи ему мѣста въ классномъ вагонѣ оказались безуспѣшными. Днемъ, когда двери вагона были отодвинуты, воздухъ былъ хорошій. Вечеромъ же и ночью дышать было очень тяжело. Ходоки жарили въ печкѣ сало и наполняли вагонъ угаромъ. Кромѣ того, продолжительное сухоядѣніе вызывало много желудочныхъ заболѣваній, а клозетовъ при вагонахъ не было.

5 сентября прибылъ въ Пензу другой агентъ черниговскаго земства, г. Дорошенко, и съ нимъ 625 ходоковъ. Коновалъ сдалъ ему и свою партію и возвратился въ Черниговъ.

Цѣлый рядъ интересныхъ свѣдѣній и фактовъ сообщаетъ Дорошенко въ отчетѣ о своей поѣздкѣ.

Немало пришлось встрѣчать затрудненій и непріятностей

въ пути до Пензы. На станціи отправленія оказалась путаница въ документахъ ѣдущихъ, и много нужно было труда, чтобы разъяснить ее. Ходоки необыкновенно спѣшили. Они стремились скорѣе доѣхать до мѣста и были увѣрены, что прибывшіе раньше захватятъ лучшіе участки. А между тѣмъ поѣздъ двигался съ черепашьею быстротой. Это вызывало нервное раздраженіе, которое нерѣдко выражалось въ буйныхъ, дикихъ формахъ. Раздраженіе это усиливалось крайней грубостью поѣздныхъ кондукторовъ, уклоненіемъ ихъ отъ освѣщенія вагоновъ, продолжительными задержками на станціяхъ, безучастнымъ и весьма нелюбезнымъ отношеніемъ станціоннаго начальства къ нуждамъ и просьбамъ ходоковъ.

Много такихъ же прелестей путешествія съ ходоками разсказываетъ и земскій агентъ Косменко. Свѣчей кондуктора не давали, и часто приходилось ѣхать впотьмахъ. Кипятку почти нигдѣ не было, даже на тѣхъ станціяхъ, гдѣ для этого устроены кубы. На станціи Мярмыжъ, гдѣ нужно было стоять вечеромъ три часа, агентъ попросилъ начальника станціи распорядиться нагрѣть въ кубѣ воду, которой не могли нигдѣ достать съ самаго утра. Начальникъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ объ этомъ распоряженія и запаса дровъ. Г. Косменко написалъ телеграмму въ правленіе дороги, съ просьбой разрѣшить приготовить для переселенцевъ кипятокъ. Узнавъ объ этомъ, начальникъ станціи извинился передъ агентомъ, и не только вода была немедленно нагрѣта, но онъ послалъ телеграмму по линіи, чтобы вездѣ къ прибытію поѣзда г. Косменко былъ готовъ кипятокъ.

Въ Самарѣ дали переселенцамъ борщу, по четыре копѣйки за порцію. Но онъ былъ такъ плохъ, что почти никто не захотѣлъ его ѣсть. А тѣ, что съ голоду наѣлись, цѣлыя сутки возились съ животами и обращались къ медицинской помощи. И это въ то время, когда между ѣдущими было три смертныхъ случая отъ холеры.

Невыносимая тѣснота и духота въ вагонахъ увеличивались еще тѣмъ, что кондуктора возили въ этихъ вагонахъ „зайцевъ". Билетовъ тамъ не контролировали. Но когда одинъ изъ зайцевъ стащилъ у переселенца сапоги, ѣдущіе очень возмутились и, по совѣту агента, прогоняли и зайцевъ, и приводящихъ ихъ кондукторовъ.

Поѣзда идутъ въ сутки верстъ по двѣсти. Стоятъ, даже на малыхъ станціяхъ, часовъ по пяти, по шести, и даже не стоятъ, а все время маневрируютъ, не давая покоя и возможности пойти за пищей или кипяткомъ. Поѣздъ уходитъ безъ предупрежденій,

и немало ходоковъ остается на станціяхъ, догоняя своихъ съ слѣдующими поѣздами. Бывало, что пошлютъ за чѣмъ-нибудь дѣтей семи—десяти лѣтъ. Дѣти не поспѣютъ къ отходу поѣзда. Не зная ни своей фамиліи, ни того, куда уѣхали батько съ маткой, дѣти остаются въ распоряженіи полиціи. — А какія это распоряженія, всѣ мы хорошо знаемъ — справедливо прибавляетъ г. Косменко.

Въ такомъ же родѣ сообщенія дѣлаетъ и харьковскій земскій агентъ Абдулевскій.

Губернскій агрономъ полтавскаго земства Соколовскій, въ своемъ отчетѣ о командировкѣ съ ходоками въ степныя области Азіатской Россіи, приводитъ также очень много фактовъ „болѣе чѣмъ возмутительнаго", какъ онъ выражается, отношенія „желѣзно-дорожныхъ агентовъ къ переселенцамъ".

Въ Сызрани Дорошенко встрѣтилъ полтавскаго земскаго агента, сопровождавшаго своихъ ходоковъ въ Уральскую и Тургайскую области. Дорошенко сдалъ ему и черниговцевъ, отправлявшихся въ тѣ же области.

Больше всего затрудненій было именно съ этими ходоками. Въ августѣ областное переселенческое бюро увѣдомило черниговскую губернскую управу, что на 1908 г. черниговскимъ переселенцамъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области отведено 2.200, въ Уральскомъ — 1.000, и въ Темирскомъ (Уральской области) — 800 земельныхъ долей. Всѣ эти доли управа распредѣлила между уѣздами, сообщила о томъ землеустроительнымъ коммиссіямъ, и о числѣ отправляемыхъ въ эти области ходоковъ увѣдомила мѣстныхъ переселенческихъ чиновниковъ. Когда ходоки были уже въ пути, отъ переселенческаго чиновника Уральскаго уѣзда была получена въ управѣ телеграмма, что черниговцамъ на 1908 г. въ этомъ уѣздѣ долей не отведено и что ихъ нужно направить въ Кустанайскій и Темирскій уѣзды, гдѣ для нихъ назначены доли. Ходоки всетаки доѣхали до Уральскаго уѣзда, и съ большимъ трудомъ имъ удалось зачислить здѣсь за собой 565 долей. Еще хуже вышло въ Кустанайскомъ уѣздѣ. Туда прибыло 170 ходоковъ черниговцевъ. Когда они прибыли, мѣстный переселенческій чиновникъ отказалъ имъ въ назначеніи долей и телеграфировалъ губернской управѣ, что черниговцы прибыли изъ тѣхъ уѣздовъ, для которыхъ доли отведены не въ Кустанайскомъ, а въ Темирскомъ уѣздѣ. Туда нужно было идти пѣшкомъ около 600 верстъ. Нѣкоторые туда и отправились; но ни одинъ черниговецъ не захотѣлъ тамъ остаться, въ виду полнаго отсутствія рѣкъ и лѣсовъ въ этой мѣстности. Областной земскій

агентъ Чижовъ пишетъ, что на участкахъ Ольгинскомъ и Богдановскомъ Темирскаго уѣзда, гдѣ свободной для заселенія земли до 4.000 десятинъ, никто не хочетъ оставаться. Водворившіеся тамъ уже нѣсколько лѣтъ, на очень скудной почвѣ, переселенцы изъ Подольской губерніи бѣдствуютъ и каждую зиму поддерживаются продовольственными пособіями отъ правительства.

Такая же печальная исторія повторилась и съ полтавскимъ земствомъ. Ему въ Кустанайскомъ уѣздѣ предоставлено было 1.500 долей, но безъ точнаго указанія мѣстности. Ходоки отправились туда и, по указанному въ Челябинскѣ маршруту, прибыли въ Кустанай. Переселенческій чиновникъ, не увѣдомленный объ ихъ прибытіи, уже роздалъ назначенныя для нихъ доли ходокамъ другихъ губерній, а полтавцевъ направилъ на другіе участки. Они оказались хуже обѣщанныхъ, да и не были подготовлены; гидротехническое ихъ обслѣдованіе не было окончено. Ходоки забраковали ихъ, вернулись домой и предъявили полтавской управѣ свои претензіи.

Вся путаница произошла вслѣдствіе того, что завѣдывающій переселеніемъ въ уральско-тургайскомъ районѣ самъ распредѣлилъ земельныя доли между уѣздами, не сообщивъ объ этомъ ни губернской управѣ, ни губернской землеустроительной коммиссіи, которымъ принадлежитъ право такого распредѣленія.

До Челябинска ходоки съ Дорошенкомъ доѣхали довольно благополучно. Сюда съѣхалось немало полтавцевъ и нѣсколько ходоковъ изъ Минской губерніи. Земскіе агенты встрѣтили здѣсь очень несочувственное къ себѣ отношеніе переселенческаго чиновника, порицавшаго земскую организацію и дѣлавшаго агентамъ разныя затрудненія.

За Челябинскомъ, 12-го сентября, высадили 120 человѣкъ въ Акмолинскую область, а затѣмъ 114 чел.—въ Семипалатинскую. Дорошенко съ партіей черниговцевъ направился въ Кулундинскую степь, находящуюся въ Барнаульскомъ уѣздѣ Томской губерніи. Степь эта занимаетъ огромное пространство, около 2.000 кв. верстъ. Все это пространство совершенно ровное. Много озеръ, но большей частью съ горько-соленою водой. Рѣкъ почти нѣтъ. Бо́льшая, сѣверная часть степи представляетъ богатый черноземъ, до двухъ аршинъ толщиною. Въ этой части лѣса совсѣмъ нѣтъ. Къ югу, къ огромному селу Ключевскому, почва гораздо хуже, сѣро-песчаная. За Ключевскимъ тянется безконечный боръ; больше прѣсной воды и естественныхъ сѣнокосовъ. Немногіе черниговцы изъ южныхъ безлѣсныхъ уѣздовъ

выбрали доли въ сѣверной части степи, а большинство предпочли мѣста за Ключевскимъ.

Здѣсь черниговцы нашли земляковъ, переселившихся сюда лѣтъ 10—15 назадъ. Живутъ они довольно зажиточно и съ ужасомъ вспоминаютъ условія, при которыхъ жили на старой родинѣ. Большей частью у старыхъ поселенцевъ имѣются желѣзные плуги, сѣялки, жатки, косилки, вѣялки и другія усовершенствованныя орудія. Средній урожай у нихъ въ 1908 г. былъ до 150 пуд. зерна съ десятины. Очень важно, что и сосѣди ихъ, кочевые киргизы, начинаютъ заниматься земледѣліемъ, заимствуя у поселенцевъ высшую сельско-хозяйственную культуру.

Немало тяжелыхъ часовъ доставляли Дорошенку въ Кулундинской степи особенная разборчивость ходоковъ при выборѣ участковъ и крайнее недовѣріе ихъ къ агенту и къ переселенческимъ чиновникамъ. Ходокамъ все казалось, что предлагаемые имъ участки нехороши, что ихъ обманываютъ, а лучшія земли отдаютъ другимъ. Къ этому прибавились еще разныя затрудненія, создаваемыя мѣстной переселенческой администраціей. Выѣзжаетъ агентъ съ ходоками за сто верстъ отъ Ключевскаго, гдѣ назначена для отвода земельныхъ долей огромная площадь до 5 тыс. десятинъ. Проводника ему не дали, объяснивъ, что вся площадь раздѣлена на участки, и на каждомъ стоитъ колъ съ номеромъ. На мѣстѣ оказалось, что киргизы, вообще враждебно относящіеся къ вторженію пришельцевъ на ихъ вѣковѣчныя неизмѣримыя пастбища, повыдергали колья и уничтожили межевые знаки. Было и такъ, что ходоки облюбовали извѣстные участки, но имъ объявляли, что эти участки уже заняты: курскіе переселенцы, недавно прибывшіе сюда самовольно, путемъ захвата завладѣли этими участками. А такой захватъ обыкновенно по необходимости санкціонируется мѣстными властями.

Къ югу отъ с. Ключевскаго расположенъ Змѣиногорскій, а затѣмъ Барнаульскій уѣздъ, гдѣ начинается Алтайскій горный округъ. 29 сентября Дорошенко отправился для ознакомленія съ предгорьями Алтая, но его застигла зимняя непогода, и онъ долженъ былъ вернуться. Отъ алтайскаго переселенческаго чиновника, г. Шкунова, онъ узналъ, что особая коммиссія заканчиваетъ изслѣдованіе Алтайскаго округа, въ видахъ переселенія туда. Почва тамъ черноземная, лучше чѣмъ въ Кулундинской степи, но посѣвы страдаютъ отъ засухъ, и земледѣліе процвѣтаетъ только тамъ, гдѣ устраиваютъ искусственное орошеніе по системѣ арыковъ. Въ долинахъ часто бываютъ туманы, гибельные и для посѣвовъ, и для здоровья людей. Лѣса въ Алтайскомъ

округѣ много, и сообщеніе объ этомъ такъ соблазнило черниговцевъ, что многіе отказались отъ участковъ въ Кулундинской степи и рѣшили весной отправиться на Алтай. Г. Шкуновъ сообщилъ, что въ Барнаульскомъ, Бійскомъ, Змѣиногорскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ намѣчены огромныя площади для переселенцевъ, около 600 тыс. десятинъ [1]). Одной горной тайги г. Шкуновъ обѣщалъ отвести до 200 тыс. десятинъ. Но черниговцы уже знаютъ, что на расчистку тайги нужно потратить нѣсколько лѣтъ, и потому едва ли соблазнятся этимъ обѣщаніемъ.

В. Хижняковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

[1]) Это бывшія кабинетскія земли, купленныя въ казну. Теперь земельный запасъ для переселенія еще значительно увеличивается. 15 мая 1908 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ совѣта министровъ постановлено приступить къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ изъ свободныхъ земель Нерчинскаго округа кабинета Его Величества; уполномочить главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ войти съ представленіемъ о передачѣ въ казну земель Нерчинскаго округа, съ выдачей кабинету вознагражденія изъ государственнаго казначейства примѣнительно къ условіямъ вознагражденія за отошедшія въ казну для той же цѣли кабинетскія земли въ Алтайскомъ округѣ.

У ДВЕРЕЙ

(Изъ пѣсенъ о бѣломъ и черномъ.)

Вечерней порою, безъ цѣли,
Бродилъ я, далекій отъ всѣхъ,
И робкую душу не грѣли
Ни пламенный подвигъ, ни грѣхъ.

Стучался я въ двери часовенъ,
Но кто-то нашептывалъ мнѣ:
„Для Неба ты слишкомъ грѣховенъ.
„Иди—и молись сатанѣ!"

И меркнулъ закатъ блѣдно-алый,
И въ тихомъ сіяньѣ луны,
Такой же печальный, усталый,
Стучался я въ дверь сатаны.

Твердилъ сатана мнѣ: „Не надо!..
„Иди къ бѣднымъ овцамъ Христа!
„Для таинствъ всеславнаго ада
„Душа твоя слишкомъ чиста".

И шелъ я, теряя дорогу,
Какъ будто въ томительномъ снѣ.
И гналъ сатана меня къ Богу,
А Богъ возвращалъ къ сатанѣ...

А. Мейснеръ.

ЛЕ-ДАНТЕКЪ и БЕРГСОНЪ

Два человѣка воплощаютъ въ настоящее время противоположныя теченія философской мысли во Франціи: Ле-Дантекъ и Бергсонъ. Они привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе не только потому, что примыкаютъ къ вѣковѣчному спору между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, не только потому, что съ ними этотъ споръ переходитъ на чисто современную біологическую почву, но и потому, что по поводу ихъ послѣднихъ произведеній между ними началась прямая дуэль, которая, при ихъ выдающихся дарованіяхъ, представляетъ рѣдкое и интересное зрѣлище. По отношенію къ тому вѣянію, которое я пытался охарактеризовать въ другомъ очеркѣ [1]), они представляютъ какъ бы два крайнихъ полюса.

Начавъ съ чисто біологическихъ изслѣдованій, которыя въ 1896 г. вылились въ „Théorie nouvelle de la vie", затѣмъ получили болѣе общую и широкую формулировку въ „Traité de biologie", Ле-Дантекъ постепенно переходилъ отъ лабораторныхъ работъ къ обще-философскому синтезу и за послѣдніе годы посвятилъ цѣлый рядъ произведеній обоснованію того, что онъ называетъ „Философіей XX вѣка": „Les lois générales", „Les influences ancestrales", „La lutte universelle", „Athéisme", „De l'homme à la science", „Science et conscience".

Примыкая въ своихъ біологическихъ работахъ въ школѣ Клода Бернара, Ле-Дантекъ былъ пораженъ тѣмъ, что великій физіологъ XIX-го вѣка, опровергнувшій гипотезу особой жизнен-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", іюнь 1909 г.

ной энергіи путемъ сведенія жизненныхъ процессовъ къ взаимодѣйствію общихъ физико-химическихъ силъ, оставилъ парить надъ развитіемъ организмовъ необъяснимую тайну особаго жизненнаго плана. Въ развитіи ихъ онъ различалъ два рода факторовъ: непосредственно дѣйствующія физико-химическія силы—и законы, „опредѣляющіе ихъ послѣдовательность, согласіе и гармонію въ каждомъ организмѣ", связывая послѣдніе съ наслѣдственностью и вынося ихъ за предѣлы физіологическаго изслѣдованія. Развитіе организмовъ должно было происходить, по его мнѣнію, въ состояніи покоя, независимо отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, которое, вызывая съ ихъ стороны ту или иную реакцію, могло имѣть лишь истощающее вліяніе. Этотъ внутренній ростъ, противополагаясь разрушительному дѣйствію работы, естественно долженъ былъ носить въ себѣ нѣкоторое разумное руководящее начало.

Съ внѣшней стороны такое соотношеніе фактовъ находило нѣкоторое подтвержденіе на примѣрѣ человѣка, который при усиленномъ трудѣ худѣетъ, при долгомъ же бездѣйствіи и сидячей жизни неминуемо полнѣетъ. Ле-Дантекъ нашелъ его, однако, въ корнѣ неправильнымъ. Присматриваясь ближе къ жизненнымъ явленіямъ въ простѣйшихъ организмахъ, главнымъ образомъ у протистовъ, онъ различилъ въ нихъ два процесса: образованіе пластическаго вещества и образованіе жировыхъ резервовъ. Изучая, далѣе, воздѣйствіе внѣшнихъ раздраженій, онъ констатировалъ, что вызываемая ими дѣятельность микроорганизмовъ не только не останавливаетъ оба эти процесса, а наоборотъ, усиливаетъ первый изъ нихъ, т.-е. образованіе пластическаго вещества; истощающею же она является лишь по отношенію къ накопившимся жировымъ резервамъ. Въ сложныхъ организмахъ этотъ тезисъ находитъ подтвержденіе на примѣрѣ мускуловъ, которые развиваются лишь при упражненіи, при бездѣйствіи же доходятъ до полной атрофіи. Но и первый примѣръ, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается отвѣчающимъ этому тезису, а не тезису Клода Бернара, потому что при бездѣйствіи человѣкъ полнѣетъ лишь поскольку онъ жирѣетъ; развитіе же и укрѣпленіе отдѣльныхъ органовъ находятся въ прямой зависимости отъ физическаго упражненія.

Основываясь на этихъ данныхъ, Ле-Дантекъ заключилъ, что развитіе организмовъ происходитъ не въ состояніи покоя, а подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій (гипотеза *функціональнаго* развитія), которыя, въ соединеніи съ наслѣдственными факторами, создаютъ ту руководящую силу или, вѣрнѣе, тѣ равнодѣйствую-

щія силы, которымъ мы совершенно напрасно приписываемъ исполненіе сознательнаго плана.

Исключивъ изъ явленій физической жизни всякое трансцендентное виталистическое начало, Ле-Дантекъ распространилъ эту концепцію и на явленія психической жизни. Это явилось прямымъ послѣдствіемъ примѣненія закона функціональнаго развитія къ мозговымъ рефлексамъ, регулирующимъ нашу умственную жизнь. Ле-Дантекъ заключилъ совершенно послѣдовательно, что рефлексъ, какъ и всякая другая реакція организма, „долженъ консолидировать путь, по которому онъ проходитъ, и тѣмъ самымъ облегчать свое возобновленіе". Затѣмъ, переходя отъ простыхъ рефлекторныхъ движеній къ болѣе сложнымъ, сознательнымъ, онъ представилъ себѣ послѣднія какъ еще неустановившіеся рефлексы, какъ движеніе нервнаго тока, передъ которымъ открывается нѣсколько путей и которое, вслѣдствіе этого, даетъ намъ иллюзію случайнаго или свободнаго выбора. Съ этой точки зрѣнія все развитіе нашей умственной дѣятельности сводится къ проложенію новыхъ путей, къ консолидированію ихъ при повтореніи рефлексовъ и къ возобновленію послѣднихъ въ формѣ явленій памяти.

Проникнувъ такъ глубоко въ механизмъ психической жизни, Ле-Дантекъ счелъ возможнымъ завершить разрѣшеніе проблемы простымъ признаніемъ внутреннихъ интроспективныхъ данныхъ нашего опыта, которыя мы называемъ представленіями или идеями, эпифеноменами этихъ рефлексовъ. Рѣшеніе быть-можетъ нѣсколько поверхностное, способное удовлетворить лишь физіолога, а не психолога, но во всякомъ случаѣ дававшее Ле-Дантеку возможность признать все существованіе человѣка опредѣленнымъ взаимоотношеніемъ между нимъ и окружающею его средою, безъ внесенія сюда какого-либо виталистическаго или спиритуалистическаго начала.

Съ такою концепціей можно соглашаться или не соглашаться: въ концѣ концовъ это является вопросомъ темперамента. Конечно, въ ней есть масса недоконченнаго, и все зависитъ отъ того, какъ относиться къ этому недоконченному. Когда мы смотримъ на рыбу, плавающую въ акваріумѣ, водяная сфера настолько тѣсно прилегаетъ къ ней, и, съ другой стороны, мозговой механизмъ ея представляется настолько простымъ, что намъ нетрудно признать всѣ ея движенія результатомъ взаимодѣйствія между организмомъ и окружающею его средою. Когда же мы смотримъ на человѣка, двигающагося въ воздушной атмосферѣ, отношеніе настолько усложняется, что для такого признанія надо многое

принять на вѣру. Съ одной стороны, мозговой механизмъ усложняется до крайности; съ другой стороны, вліяніе внѣшнихъ факторовъ представляется гораздо болѣе отдаленнымъ — и въ пространствѣ, и во времени. Для того, чтобы признать всякое дѣйствіе человѣка результатомъ взаимодѣйствія организма и среды, надо принять существованіе этихъ отдаленныхъ факторовъ, надо, кромѣ того, принять накопленіе наслѣдственныхъ факторовъ.

Люди, склонные къ математическому мышленію, удовлетворятся концепціею такой саморазвивающейся машины, накопляющей въ себѣ, путемъ личнаго и наслѣдственнаго опыта, способность реагировать на внѣшніе стимулы, которая представляется изнутри какъ сознаніе и воля. Люди болѣе реалистическаго склада ума, будучи поражены конкретными чертами того или другого явленія, сложностью наслѣдственной формы или силою волевого импульса, найдутъ, быть можетъ, такую схему недостаточной. Но и послѣдніе должны будутъ признать, что гипотеза функціональнаго развитія даетъ Ле-Дантеку большое преимущество и сильно приближаетъ его механическую концепцію къ картинѣ дѣйствительной жизни. Самъ авторъ, принимая на вѣру всѣ наслѣдственныя усовершенствованія и всю индивидуальную чуткость такого механизма, былъ настолько увлеченъ достигнутымъ имъ успѣхомъ, что однимъ размахомъ перенесъ результатъ своего изслѣдованія съ индивидуума на вселенную. Біологическая теорія превратилась въ философію XX-го вѣка.

На этой новой почвѣ ему сразу удалось сдѣлать одно важное пріобрѣтеніе. Въ первой же изъ своихъ обще-философскихъ работъ, озаглавленной: „Естественные законы“, онъ чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ отношеніе своей механической точки зрѣнія къ цѣлостному философскому знанію, признавъ, что цѣль послѣдняго заключается не въ объясненіи міра, т.-е. не въ сведеніи всѣхъ разнородныхъ явленій къ одному или нѣсколькимъ изъ нихъ, напримѣръ къ понятіямъ матеріи и духа, а въ опредѣленіи существующихъ между ними отношеній. Цѣль знанія — сказалъ онъ очень мѣтко — опредѣляется не простымъ любопытствомъ, не желаніемъ наклеить на разнородныя явленія міра ту или иную этикетку, а практической потребностью установить отношеніе человѣка къ міру. Человѣкъ начинаетъ съ наиболѣе крупныхъ предметовъ и явленій; но по мѣрѣ развитія его опыта у него наростаютъ новыя потребности. Послѣ того какъ онъ оріентировался среди явленій внѣшняго міра, признавъ, напримѣръ, что и тепло, и холодъ, и свѣтъ солнца, и теченіе рѣкъ подчинены извѣстному закону причинности, у него возникаетъ потреб-

ность опредѣлить свое отношеніе къ даннымъ психическаго міра, къ теченію мыслей и чувствъ. Но и тутъ эта потребность, будучи правильно понятою, должна ограничиться опредѣленіемъ отношенія, не посягая на сущность явленій. Человѣкъ, будучи частью міра, можетъ постичь лишь свое отношеніе къ нему, а не его абсолютную сущность.

Это положеніе имѣетъ громадную важность. Оно позволяетъ Ле-Дантеку опредѣлить отношеніе механической концепціи жизни къ другимъ научнымъ формуламъ и къ цѣлостному философскому знанію. Всѣ формы нашего знанія — говоритъ Ле-Дантекъ — имѣютъ относительную цѣнность; ни одна изъ нихъ не можетъ претендовать на абсолютную реальность. Если мы сводимъ біологическія данныя къ химическимъ, то это не значитъ, чтобы послѣднія представляли бо̀льшую реальность или болѣе приближались къ „сущности вещей“. „Сущность“ бытія—внѣ человѣческаго знанія. Примѣняемый нами пріемъ перевода данныхъ одной сферы знанія на языкъ и на мѣрило другой объясняются лишь большимъ распространеніемъ послѣдней. Мы дѣлаемъ это для объединенія, иначе говоря—для упрощенія нашего знанія. Съ этой точки зрѣнія наибольшее значеніе имѣетъ механика, какъ знаніе, опирающееся на данныя самыхъ развитыхъ у насъ чувствъ — зрѣнія и осязанія. Поэтому конечная цѣль нашего знанія должна заключаться въ сведеніи всѣхъ остальныхъ данныхъ къ отношеніямъ, существующимъ между данными механики.

Въ конечномъ результатѣ для Ле-Дантека вся сущность міра сводится къ движенію или, выражаясь точнѣе, къ ощущенію движенія. Конечно, такой синтезъ не можетъ удовлетворить безграничной любознательности человѣка. Онъ не даетъ отвѣта на вопросъ, что такое движеніе и какая скрывается за этой формой познанія объективная сущность. Онъ просто констатируетъ, что измѣненіе той же сущности приводитъ къ появленію жизни и къ зарожденію въ ней сознанія, не говоря уже о менѣе сложныхъ измѣненіяхъ, которыя воспринимаются человѣкомъ какъ свѣтъ, температура, воздухъ и т. д. Но, по мнѣнію Ле-Дантека, этого знанія вполнѣ достаточно. На бо̀льшее человѣкъ не имѣетъ права претендовать. То, что̀ ему дается въ механическомъ синтезѣ, освобождаетъ его, по крайней мѣрѣ, отъ вѣкового стремленія искать независимо отъ одного, внѣшняго синтеза—другого, спиритуалистическаго.

Въ этомъ отношеніи наряду съ различіемъ истинной и ложной цѣли науки чрезвычайно важно еще другое различіе, установленное Ле-Дантекомъ. Анализируя законы механики, онъ раз-

личилъ непосредственныя данныя нашего опыта отъ условныхъ понятій, вводимыхъ для упрощенія нашей рѣчи. Такимъ понятіемъ является, напримѣръ, понятіе *тяжести*, вводимое для того, чтобы не упоминать постоянно объ отношеніи предметовъ къ землѣ. Такой же характеръ имѣютъ понятія всѣхъ *силъ* или *энергій*. Точно также сложилось понятіе *массы* и *матеріи* вообще. Въ этомъ пріемѣ проглядываетъ извѣстный антропоморфизмъ. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять отношеніе различныхъ данныхъ совершенно объективно, человѣку свойственно конструировать это отношеніе по примѣру своей собственной дѣятельности. Такимъ же пріемомъ объясняется и отнесеніе всѣхъ психическихъ данныхъ къ субстрату, именуемому *душою*.

Оперируя съ данными внутренняго опыта, человѣкъ очень долго имѣлъ склонность отправляться отъ условныхъ, сложившихся въ практической жизни понятій разума, воли, души и т. д. На этой почвѣ создавался второй, параллельный міръ явленій и передъ человѣкомъ возникалъ цѣлый рядъ проблемъ съ мучительными вопросами о реальности того или другого міра, о загробномъ существованіи, о безсмертіи души и т. д. Если механическій синтезъ не открываетъ намъ объективной реальности міра, то во всякомъ случаѣ онъ устраняетъ эту двойственность и упраздняетъ мучительные вопросы. А это чего-нибудь да стоитъ. На этомъ, по мнѣнію Ле-Дантека, человѣкъ можетъ успокоиться. Разъ онъ знаетъ, что весь этотъ роскошный міръ очертаній, цвѣтовъ, звуковъ, конкретныхъ воспріятій, картинъ памяти или воображенія, съ безчисленными токами чувственныхъ переживаній при приложеніи къ нему критеріума зрѣнія и осязанія, распадается на безконечныя формы движенія и сводится къ тѣмъ же механическимъ законамъ, не все ли ему равно, что̀ скрывается за этимъ движеніемъ? Состояніе ли, подобное эѳиру, или другое, еще болѣе далекое отъ человѣческаго пониманія? *Ему важенъ не этотъ „X“, не имѣющій ничего общаго съ его собственными переживаніями, а сведеніе послѣднихъ къ „общимъ законамъ“ и устраненіе смущающихъ его призраковъ.*

Таковъ конечный философскій выводъ Ле-Дантека въ его „Естественныхъ законахъ“. Концепція—въ общемъ чрезвычайно цѣльная и, благодаря устраненію вопроса о „сущности“ вещей, одаренная совершенно новою логическою силою. Неудивительно, поэтому, что ею можно было увлечься и что авторъ потратилъ нѣсколько лѣтъ на ея популяризацію, путемъ изложенія ея съ различныхъ точекъ зрѣнія. Тутъ было на чемъ остано-

виться—такъ многое въ ней казалось непривычнымъ для традиціоннаго мышленія. Такъ напримѣръ, въ первомъ изъ красныхъ томовъ изданія Фламмаріона, появившемся вслѣдъ за „Естественными законами“—въ „Наслѣдственныхъ вліяніяхъ“, онъ остановился на одномъ изъ основныхъ и самыхъ глубокихъ положеній біологическаго характера: на приспособленіи организма къ новымъ условіямъ жизни и на передачѣ пріобрѣтенныхъ имъ чертъ путемъ наслѣдственности. Новизна принятаго имъ положенія заключалась въ томъ, что онъ распространялъ приспособленіе не только на всѣ физическія черты, но и на психическій механизмъ, на механизмъ рефлексовъ, и заключалъ, что наша логика сложилась точно также путемъ столкновенія человѣка съ средою („par le frottement de l'homme aux choses“). Это стоило разъяснить и обосновать детально, потому что отсюда вытекали самыя важныя послѣдствія. Отсюда слѣдовало, что еслибы условія физическаго существованія были нѣсколько иныя—напримѣръ, еслибы на земномъ шарѣ преобладали не твердыя, а жидкія или сыпучія тѣла,—то и геометрія, и математика сложились бы иначе. Геометрія не была бы геометріей прямыхъ. Дважды два не было бы четыре. Условность основныхъ элементовъ нашего знанія облегчала пониманіе того факта, что сознаніе могло зародиться и развиваться, какъ и всякая другая форма движенія; но она требовала біологическихъ доказательствъ.

Немало и другихъ пунктовъ требовали разъясненія. Наше обыденное мышленіе антропоцентрично и насквозь проникнуто практическимъ характеромъ. Мы естественно склонны считать человѣка центромъ міра и судить обо всемъ по примѣру его дѣятельности. Для того, чтобы усвоить механическій синтезъ, надо точку зрѣнія перенести изъ личнаго „я“ во вселенную, надо привыкнуть смотрѣть на человѣка извнѣ, изъ безличнаго центра вселенной. Этой задачѣ посвящены два послѣдніе тома Фламмаріоновскаго изданія: „Отъ человѣка къ наукѣ“ и „Сознаніе и наука“. Къ сожалѣнію, однако, тутъ приходится констатировать извѣстный заторъ въ развитіи мысли Ле-Дантека. Если ему чего-нибудь до сихъ поръ недоставало, то не біологическихъ и не физическихъ данныхъ, которыя, конечно, могутъ быть трактованы иначе, но во всякомъ случаѣ не страдаютъ у него ни бѣдностью, ни сколько-нибудь поверхностнымъ освѣщеніемъ; ему недоставало такой же трактовки психологическихъ данныхъ. Признать картины нашей мысли простыми „эпифеноменами“ легко и даже соблазнительно; но этимъ самымъ еще не устраняется сомнѣніе насчетъ связи этихъ безконечно разнообразныхъ и богатыхъ по

содержанію эпифеноменовъ съ сухою схемою рефлексовъ. Надо было вникнуть глубже въ содержаніе, надо было разбить статическія схемы представленія, какъ это сдѣлалъ хотя бы Махъ [1]), и создать динамику сознанія, которая затѣмъ слилась бы съ безконечно болѣе развитою и усложненною схемою рефлексовъ. Тогда въ безконечномъ вихрѣ движенія, въ которомъ наряду со свѣтомъ, съ тепломъ, съ развитіемъ растительнаго царства открывается особая форма его, именуемая жизнью, открылась бы еще неизмѣримо болѣе глубокая и сложная механика мысли, и психически міръ сравнялся бы въ своей объективной перспективѣ съ грандіозной системой физическаго міра. Но тутъ Ле-Дантекъ показалъ себя не психологомъ, а натуралистомъ. Онъ пренебрегъ глубиною психическихъ данныхъ. Вмѣсто того, чтобы вдаваться въ анализъ ихъ содержанія, онъ предпочелъ формулировать на разные лады синтезъ физическихъ данныхъ; подойдя же снова къ психикѣ, онъ счелъ не только достаточнымъ, но даже какой-то необычайной находкой—сравнить ее съ явленіемъ резонанса. Конечно, тутъ есть нѣкоторая аналогія. Резонансъ есть тоже отвѣтъ на внѣшнее раздраженіе, но со всѣмъ тѣмъ отличіемъ, которое отдѣляетъ мертвую среду если не отъ всякой живой, то во всякомъ случаѣ отъ столь высоко дифференцированной формы ея, какъ нервная ткань. Сравненіе мысли съ резонансомъ является шагомъ назадъ по отношенію къ идентификаціи ея съ рефлексомъ. Этотъ пріемъ куда грубѣе и объясняется только тѣмъ, что, перенося точку зрѣнія съ индивидуальнаго „я" во вселенную, Ле-Дантекъ не сохранилъ равновѣсія между мірами физическимъ и психическимъ. Онъ слишкомъ подчинился пріемамъ физическаго синтеза. Вслѣдствіе этого „психическое" и даже просто „біологическое" какъ бы потерялось въ болѣе общихъ формахъ міровой механики. Впрочемъ я нахожу, что и послѣдняя только проиграла отъ предпринятой авторомъ перефразировки. Стремясь по возможности освободиться отъ субъективныхъ человѣческихъ формулъ, онъ нашелъ предпочтительнымъ переводить всѣ данныя на „языкъ механическаго равновѣсія" (langage de l'équilibre). Это ведетъ, прежде всего, къ тому, чтобы не смотрѣть ни на одинъ предметъ и ни на одно тѣло какъ на что-то самостоятельное и отдѣльное отъ остального міра. Это — еще довольно законное, исполнимое требованіе. Второй выводъ, извлекаемый отсюда Ле-Дантекомъ, представляется мнѣ гораздо менѣе необходимымъ и удачнымъ. Онъ заключается въ

[1]) E. Mach, „Analyse der Empfindungen".

томъ, что говорить слѣдуетъ не о предметахъ и не о тѣлахъ, а объ *отношеніяхъ* или, какъ выражается Ле-Дантекъ, о *связяхъ* (liaisons) послѣднихъ съ внѣшнимъ міромъ. Этотъ пріемъ представляется мнѣ совсѣмъ ненужнымъ и очень неудобнымъ. Совершенно правильно при точной механической концепціи имѣть постоянно въ виду законъ сохраненія энергіи, имѣть въ виду, что каждому проявленію энергіи соотвѣтствуетъ въ другомъ мѣстѣ истощеніе ея. Теоретически можно принять, вмѣстѣ съ Ле-Дантекомъ, что движеніе, сдѣланное однимъ человѣкомъ, можетъ отразиться на всей солнечной системѣ—но нельзя при этомъ уподоблять человѣка простому рычагу; нельзя забывать, что онъ является не только передатчикомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и аккумуляторомъ энергіи. И неодушевленные предметы бываютъ также аккумуляторами энергіи. Когда адъютантъ сообщаетъ командующему войсками извѣстіе, вслѣдствіе котораго тотъ даетъ сигналъ бомбардировки, это явленіе не можетъ быть разсматриваемо какъ рядъ механическихъ передачъ. Сигналъ, даваемый главнокомандующимъ, является результатомъ не только полученнаго имъ извѣстія, но и цѣлаго ряда накопившихся въ немъ вліяній, всего его воспитанія, всей работы мысли во время предшествовавшей части кампаніи, не говоря уже о его наслѣдственности. И на всемъ пути исполненія его приказа привходятъ такіе же факторы—вплоть до накопленія механической энергіи въ орудіяхъ и зарядахъ. Такимъ образомъ, наряду съ теченіемъ энергіи обнаруживается накопленіе ея, которое въ извѣстныхъ центрахъ, въ аппаратахъ человѣческаго мозга достигаетъ если не полной обособленности отъ среды, то во всякомъ случаѣ весьма отдаленной отъ нея зависимости. Говорить тутъ объ однѣхъ механическихъ связяхъ и передачахъ энергіи безусловно недостаточно. Это значитъ игнорировать сложность и глубину отдѣльныхъ явленій. Такое впечатлѣніе и получается отъ попытки Ле-Дантека изложить свою концепцію съ точки зрѣнія „механическаго равновѣсія“. Его взоръ схватываетъ космическіе законы, но конкретный физическій міръ теряетъ при этомъ всякій рельефъ и всякую реальность.

Этотъ недостатокъ еще усугубляется въ послѣднемъ его трудѣ [1]) по отношенію къ психическимъ явленіямъ. Теряя изъ виду, въ вихрѣ космическаго движенія, безконечно малыя и столь же быстрыя формы его, представляемыя мозговыми рефлексами, онъ обнаруживаетъ склонность не признавать за психическими эпифеноменами послѣднихъ какой-либо доли механической энергіи.

---

[1]) „Science et conscience“, 1908.

Прямымъ мотивомъ къ тому является невозможность измѣрить послѣднюю. Уже эта аргументація, доказывающая, въ концѣ-концовъ, лишь слабость нашихъ измѣрительныхъ приборовъ, достаточно характеризуетъ точку зрѣнія автора, поверхностность и схематичность избраннаго имъ пріема. Но онъ идетъ еще дальше въ выводимыхъ отсюда заключеніяхъ. Сравнивая, съ одной стороны, самого себя съ другими живыми существами, которыя представляются ему простыми маріонетками, онъ заключаетъ, что и они обладаютъ такимъ же сознаніемъ, а переходя затѣмъ отъ этихъ маріонетокъ къ окружающей ихъ природѣ и усматривая въ нихъ присутствіе тѣхъ же физико-химическихъ элементовъ, выводитъ отсюда, что и сознаніе слагается изъ элементовъ, существующихъ во всемъ мірѣ. Но такъ какъ съ точки зрѣнія механическаго синтеза ни одинъ предметъ, ни одна молекула, ни одинъ атомъ не имѣютъ самостоятельнаго существованія, то и сознаніе представляется ему относящимся не къ элементу А, а къ „отношенію" А+В и выражаемымъ въ формулѣ φ (А+В). Внесеніе этого символа φ кажется ему достаточнымъ для разрѣшенія всей проблемы сознанія. Въ дальнѣйшемъ онъ лишь поясняетъ, что для человѣческаго организма отношеніе А+В выражается въ формѣ чрезвычайно сложнаго и дифференцированнаго резонанса. Звуковыя или зрительныя воспріятія являются, такъ сказать, внутреннимъ освѣщеніемъ соотвѣтствующихъ резонансовъ, а вся наша духовная жизнь уподобляется, какъ онъ говоритъ, „протоплазмическому концерту".

Надо ли, въ виду этого, доказывать, что въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Ле-Дантекъ достигъ совсѣмъ иного результата, чѣмъ тотъ, къ которому онъ стремился? Онъ хотѣлъ придать своему синтезу болѣе общую, міровую форму—а достигъ лишь того, что отдалилъ его отъ жизни и положительной науки. Поднявшись высоко, чтобы обнять взоромъ все, онъ оказался недостаточно дальнозоркимъ, чтобы различать всѣ детали. Языкъ механическаго равновѣсія, которымъ онъ такъ восторгается, оказалъ ему плохую услугу. Онъ далъ чрезмѣрный перевѣсъ синтезу физическихъ данныхъ. Еслибы Ле-Дантекъ былъ въ такой же мѣрѣ психологомъ, какъ біологомъ, еслибы психологическій анализъ открылъ ему весь механизмъ мозговыхъ рефлексовъ, то онъ могъ бы дать цѣлостную концепцію на языкѣ мірового равновѣсія. При настоящихъ же условіяхъ онъ лишь испортилъ свой геніальный эскизъ. Онъ обезцвѣтилъ явленія жизни и свелъ на нѣтъ, на мертвый символъ всѣ явленія психики.

Это, конечно, не умаляетъ значенія той концепціи, кото-

рая вылилась у него раньше, но безусловно уменьшаетъ ея успѣхъ. Такъ, зачастую излишнее повтореніе приводитъ не къ уясненію, а къ затемненію мысли. Но это, если можно такъ выразиться, недостатокъ лишь формы. Въ существѣ Ле-Дантеку принадлежитъ громадная заслуга: признаніе закона функціональнаго развитія организмовъ. Она дѣлаетъ его вождемъ современнаго детерминизма. Его работы вызвали многочисленные нападки со стороны его же собратій, біологовъ и физіологовъ. Его упрекали въ чрезмѣрной поспѣшности и категоричности выводовъ; ему ставили въ вину, что онъ покинулъ лабораторію для философской каѳедры. Но всѣ эти обвиненія проникнуты слишкомъ мелочнымъ духомъ. Что удивительнаго въ томъ, что человѣкъ со слабымъ здоровьемъ отказался отъ кропотливой лабораторной работы и предпочелъ кабинетный трудъ? Что удивительнаго въ томъ, что онъ увлекся философскимъ синтезомъ, найдя такой рычагъ, какъ законъ функціональнаго развитія? Этотъ законъ былъ найденъ и установленъ имъ на основаніи серьезныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Онъ понялъ его значеніе и постарался освѣтить послѣднее, какъ ему позволяли его силы и условія современной науки. Значитъ ли это, что онъ претендуетъ на открытіе окончательной, цѣлостной формулы? Ничуть. Наряду съ этимъ закономъ многое остается еще невыясненнымъ въ жизненномъ процессѣ — напримѣръ, предшествующее функціональному развитію накопленіе наслѣдственныхъ вліяній или сопровождающій ихъ процессъ ассимиляціи. Ле-Дантекъ попытался дать имъ химическое объясненіе. Быть можетъ, сущность того и другого окажется гораздо болѣе сложною; быть-можетъ въ этомъ отношеніи критика его оппонентовъ и совершенно основательна—но она не затрагиваетъ самаго закона функціональнаго развитія, а значеніе этого закона колоссально, не для отдѣльныхъ территорій эмбріологіи или біологической химіи, въ которыхъ замыкаются упомянутые критики, а для біологіи вообще, въ связи ея съ физикой и механикой. Вотъ чего не хотятъ понять зоилы Ле-Дантека. Пускай многое окажется у него недосказаннымъ: мы сами признали это по отношенію къ психологическимъ даннымъ. Тѣмъ не менѣе, съ установленіемъ зависимости между организмомъ и средою въ законѣ функціональнаго развитія, механическая концепція міра сдѣлала громадный шагъ впередъ. Этотъ законъ наноситъ рѣшительный ударъ витализму и ставитъ Ле-Дантека наряду съ Ламаркомъ и Клодомъ Бернаромъ. Вотъ чего не должны были бы забывать его противники изъ лагеря біологіи и чего не должны заслонять

намъ ни недочеты психологическаго изслѣдованія, ни недостатки позднѣйшей формулировки.

Впрочемъ, ничто не можетъ лучше опредѣлить отношеніе наше къ этимъ недочетамъ и недостаткамъ, чѣмъ сравненіе съ противоположнымъ синтезомъ—съ философіей Бергсона. Блестящій профессоръ Collège de France является достойнымъ противникомъ Ле-Дантека, а его послѣдній трудъ: „Evolution créatrice" еще облегчаетъ сравненіе какъ своимъ капитальнымъ, цѣлостнымъ характеромъ, такъ и тѣмъ, что авторъ самъ идетъ на встрѣчу противнику, становясь на біологическую почву изслѣдованія.

Какъ мы уже сказали, во всякомъ научномъ синтезѣ есть много незаконченнаго, и завершеніе его въ концѣ концовъ — вопросъ темперамента. Посмотримъ, что даетъ противоположный темпераментъ. Тутъ прежде всего бросается въ глаза, что авторъ хотя и становится на почву біологіи, но начинаетъ изслѣдованіе не съ простѣйшихъ организмовъ, а съ опредѣленія жизненнаго процесса въ человѣкѣ. Пріемъ весьма характерный, намекающій уже на вкусы и тенденціи. Отправляясь, какъ Декартъ, отъ субъективныхъ переживаній человѣка, Бергсонъ констатируетъ въ нихъ „процессъ созиданія новаго изъ стараго". „Моя память — говоритъ онъ — проталкиваетъ что-то изъ прошлаго въ настоящее. Мои душевныя переживанія, двигаясь впередъ по пути времени, наполняются бытіемъ, которое они воспринимаютъ". Не могу удержаться отъ цитированія подлинника: „Mon état d'âme en avançant sur la route du temps, s'enfle continuellement de la durée qu'il ramasse" [1]). Красиво сказано, но авторъ очевидно ничуть не смущается тѣмъ, что ни память, ни душа, ни путь времени не представляютъ прямыхъ данныхъ нашего знанія. Въ философскій синтезъ онъ совершенно свободно вноситъ поэтическій образъ—и благодаря этому пріему получается дѣйствительно яркій контрастъ съ тѣмъ, что онъ наблюдаетъ внѣ себя, съ міромъ вещей. Тамъ, говоритъ онъ, все дѣлится на какія угодно доли— на предметы, части ихъ, молекулы, атомы, въ зависимости отъ точки зрѣнія человѣка, и „ничто не создается".

Вотъ его отправная точка. Отсюда онъ тотчасъ же заключаетъ, что законы механики, опредѣляемые нашимъ отношеніемъ къ этимъ безконечно дѣлимымъ элементамъ, непримѣнимы къ живымъ существамъ, представляющимъ „изолированную и замкнутую въ себѣ эволюцію".

---

[1]) Bergson. „L'évolution créatrice", стр. 2.

Но этого еще недостаточно. Надо разсмотрѣть поближе, въ чемъ заключается эта эволюція. Теорія Бергсона представляетъ то удобство для читателя и для критика, что она не составляетъ одного цѣлаго, а развивается, такъ сказать, путемъ „приближеній". Давъ одно общее опредѣленіе, авторъ начинаетъ съизнова, пытаясь добиться болѣе точной формулировки. И такъ нѣсколько разъ. Это очень существенно, при его склонности къ поэтическимъ образамъ. Благодаря этому, неточность, допущенная въ одномъ опредѣленіи, не вліяетъ на другое и онъ остается долгое время на научной, позитивной почвѣ. Благодаря этому и сохраняется возможность сравненія съ механическимъ детерминизмомъ. Такъ вотъ, принятіе перваго общаго положенія не мѣшаетъ ему спуститься отъ человѣка внизъ по лѣстницѣ видовъ и начать все съизнова, съ точки зрѣнія эволюціи послѣднихъ. Скажемъ тотчасъ же, что онъ принимаетъ гипотезу трансформизма. Но и въ преемственности видовъ онъ находитъ тотъ же процессъ, что и въ развитіи индивидуальнаго сознанія—„таинственное вліяніе всего прошлаго, создающее новыя, непредвидимыя формы". Какъ въ сознаніи онъ видитъ таинственное ядро *памяти*, такъ и въ жизни—такое же ядро *наслѣдственности*. Нѣтъ нужды, что эти оба понятія—не простыя, а производныя данныя. Онъ видитъ въ нихъ рѣзкое отличіе „живого" отъ механическаго детерминизма матеріи. Впрочемъ, этотъ критеріумъ извлекается не только изъ общихъ наблюденій. Бергсонъ опирается при этомъ на отдѣльныя эмбріологическія изслѣдованія, главнымъ образомъ—на тотъ фактъ, что у различныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой породъ встрѣчаются совершенно одинаковые по структурѣ органы. Онъ беретъ, напримѣръ, глазъ позвоночнаго животнаго и глазъ моллюска и послѣдовательно доказываетъ недостаточность всѣхъ детерминистическихъ объясненій. Теорія Дарвина, теорія естественнаго подбора—путемъ ли медленныхъ или быстрыхъ варіацій—неспособна, по его словамъ, объяснить такой сложный результатъ, который выражается не только въ измѣненіи отдѣльныхъ частей, но и въ ихъ конечной координаціи. Теорія неодарвиніанцевъ, которую онъ беретъ въ эймеровской формѣ, въ формѣ приспособленія къ средѣ, кажется ему способной объяснить лишь общность внѣшняго вида, а не внутренней сложной структуры. Констатируя, что ни случайныя варіаціи, ни дѣйствіе внѣшней среды, въ данномъ случаѣ—свѣта, не могутъ создать такого сложнаго по своей структурѣ органа, онъ выводитъ отсюда, что этотъ результатъ долженъ быть отнесенъ къ существованію внутренняго, общаго различнымъ породамъ начала. Тутъ приходится

считаться съ гипотезой нео-ламаркіанцевъ, которые приписываютъ такого рода роль функціонированію самого организма. Эту теорію Бергсонъ признаетъ наиболѣе удовлетворительной. Онъ признаетъ, что это—„единственная форма эволюціонизма, способная объяснить образованіе такихъ сложныхъ и притомъ одинаковыхъ органовъ на различныхъ линіяхъ развитія“ [1]). Не одинъ только ростъ, благопріятствуемый естественнымъ подборомъ, и не два отдѣльныхъ фактора—ростъ и среда,—а взаимодѣйствіе между организмомъ и средою, функціонированіе организма въ отвѣтъ на вліяніе среды... Вотъ насколько Бергсонъ приближается въ этомъ мѣстѣ къ Ле-Дантеку. Къ сожалѣнію, онъ беретъ эту гипотезу не въ той формѣ, какъ она изложена у послѣдняго, а какъ она встрѣчается у американскаго біолога Копа [2]), т.-е. понимаетъ функціонированіе не какъ механическій, опредѣленный реактивный процессъ, а въ соединеніи съ неопредѣленнымъ факторомъ сознанія и воли. И вслѣдствіе этого функціональное развитіе представляется ему въ свою очередь недостаточно опредѣленнымъ. Онъ допускаетъ, что оно можетъ увеличить размѣры органа, но не можетъ измѣнить его структуру. Не видя прямой зависимости органическихъ функцій отъ внѣшнихъ раздраженій, онъ находитъ, что тутъ недостаетъ „руководящаго вліянія“.

Если Бергсона и можно упрекнуть въ недостаточно полномъ знакомствѣ съ данной гипотезой, то его, во всякомъ случаѣ, нельзя обвинить въ уклоненіи отъ ея крайнихъ выводовъ. Напротивъ того, онъ смѣло идетъ на „terrain“ своихъ противниковъ. Признавъ недостаточность этого фактора, онъ задаетъ себѣ вопросъ, не скрывается ли недостающая сила въ вліяніи наслѣдственности, и разсматриваетъ гипотезу наслѣдованія пріобрѣтенныхъ качествъ. Послѣдняя основана на примѣрахъ, которые, конечно, допускаютъ и то, и иное толкованіе. Этого нельзя отрицать: это одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ біологіи, и блестящіе опыты Браунъ-Секара встрѣчаются если не съ опроверженіемъ, то во всякомъ случаѣ съ весьма противорѣчивыми указаніями у Шаррэна, Даламарра и Муссю. Поэтому мы не можемъ упрекнуть Бергсона въ томъ, что онъ относится къ приведенной гипотезѣ съ недовѣріемъ и видитъ въ передачѣ пріобрѣтенныхъ качествъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Это опять-таки вопросъ темперамента.

Въ итогѣ онъ приводитъ всѣ или почти всѣ элементы, ко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 84.

[2]) Cope. „The primary factors of organic evolution“ и друг.

торыми оперируютъ детерминисты, и, что болѣе всего любопытно, признаетъ за ними *извѣстное* значеніе: и за подборомъ видовъ, и за приспособленіемъ къ средѣ и — болѣе всего — за функціональнымъ развитіемъ, даже, въ извѣстной мѣрѣ, за наслѣдованіемъ пріобрѣтенныхъ качествъ. Только всѣ они *кажутся* ему недостаточными для объясненія такихъ измѣненій, которыя, „накопляясь и сочетаясь съ прежними", создаютъ сложнѣйшую структуру органовъ. Что же онъ выводитъ отсюда? Существованіе пятаго фактора, который онъ называетъ „жизненнымъ импульсомъ" — „élan vital".

До сихъ поръ Бергсонъ не очень удаляется отъ главныхъ теченій біологіи, потому что и „жизненный импульсъ" очень близокъ къ началамъ, вводимымъ нео-виталистами. Онъ формулируется, быть можетъ, нѣсколько абстрактнѣе, потому что не вносится ни въ „germes", ни въ какія-либо частицы, именуемыя біобластами, идіобластами и т. д. Но что касается его дѣйствія, то самъ авторъ ставитъ его въ чисто „виталистическія" рамки, отграничивая отъ всякихъ спиритуалистическихъ толкованій. Онъ категорически отрицаетъ присущность ему какого-либо плана или цѣли, говоря, что „финалисты" впадаютъ въ ту же ошибку, что и „детерминисты", считая все „напередъ предопредѣленнымъ": только одни видятъ предопредѣленность въ „автоматическомъ" сцѣпленіи данныхъ, а другіе — въ „сознательномъ", по идеальному плану. По его же мнѣнію жизненный процессъ если и выходитъ изъ рамокъ автоматическаго сцѣпленія, то во всякомъ случаѣ обличаетъ не исполненіе предначертаннаго впередъ плана, а напротивъ того совершенно непредвидимое „творчество". „Жизненный импульсъ" представляется ему совершенно „слѣпымъ" и сильнымъ только тѣмъ, что онъ „сочетаетъ" всѣ вліянія и, такъ сказать, „обогащается прошлымъ". Понятіе совершенно аналогичное тому, которое онъ извлекъ изъ перваго сравненія — эволюціи сознанія съ міромъ вещей. Теперь оно получаетъ болѣе точное названіе — „жизненный импульсъ".

Въ такихъ предѣлахъ гипотеза Бергсона представляется довольно невинной. Она еще не теряетъ подъ собою научной почвы и является, въ концѣ концовъ, вопросомъ вкуса или темперамента. Какъ мы уже говорили, организмъ человѣка настолько сложенъ и зависимость его отъ среды представляется настолько отдаленною, что уловить всю цѣпь взаимодѣйствій, которую постулируетъ детерминизмъ, очень трудно. Ле-Дантекъ, по складу своего мышленія, склоненъ понимать всѣ внутренніе импульсы — физическіе и психическіе — какъ результатъ накопившихся внѣшнихъ вліяній. Но

это—допущеніе, безъ провѣрки. Другіе—какъ нео-виталисты, какъ Бергсонъ—находятъ его недостаточно обоснованнымъ и предпочитаютъ допустить существованіе самостоятельнаго импульса. Одной гипотезѣ противополагается другая. Это вопросъ вкуса, потому что обѣ пока еще гипотезы далеки отъ опытной провѣрки. Единственное, что можно возразить противъ второй, это—что она субъективнѣе первой. Допущеніе специфическаго импульса совершенно субъективно, не опирается ни на какія объективныя данныя. Но, повторяемъ, въ формѣ простого „толчка" или „слѣпого сочетательнаго процесса" оно укладывается въ рамки научнаго изслѣдованія.

Однако, Бергсонъ недолго остается въ предѣлахъ такой гипотезы. Дальнѣйшею его задачею является опредѣлить процессъ, вызываемый этимъ импульсомъ. Оставаясь въ существѣ тѣмъ же, послѣдній создаетъ совсѣмъ иное наверху, чѣмъ на нижнихъ ступеняхъ органическаго міра. Не надо забывать, что онъ оперируетъ синтетически и производитъ *инволюцію*, весьма различную по содержанію на различныхъ стадіяхъ. Для этого Бергсонъ начинаетъ еще разъ съизнова и останавливается сначала на различіи неорганической и органической матеріи, затѣмъ на раздѣленіи міровъ растительнаго и животнаго, на отдѣльныхъ стадіяхъ развитія послѣдняго и, наконецъ, на противоположеніи инстинкта и разума. Кадръ изслѣдованія опять-таки вполнѣ научный, но на этотъ разъ уже съ гораздо менѣе научными пріемами: во-первыхъ—съ менѣе точнымъ наблюденіемъ, во-вторыхъ—съ гораздо большимъ допущеніемъ аналогіи, образности, фантазіи. Такъ, начиная съ появленія одноклѣточныхъ организмовъ и протистовъ, онъ опирается не на спеціальныя изслѣдованія, а на общее опредѣленіе ихъ какъ „частицъ протоплазмы, подобныхъ амёбамъ, но обладавшихъ съ самаго начала тѣмъ колоссальнымъ внутреннимъ импульсомъ, который долженъ былъ поднять ихъ до степени высоко дифференцированныхъ существъ". Опредѣленіе въ высшей степени поверхностное и содержащее въ себѣ уже совершенно условный факторъ. И тотчасъ же слѣдуетъ образное сравненіе. „Жизнь есть стремленіе, а сущность стремленія—разбрасываться въ формѣ снопа по разнымъ направленіямъ. То же самое, что мы наблюдаемъ въ самихъ себѣ на развитіи характера. Каждый изъ насъ, бросая взглядъ назадъ, признаетъ, что его дѣтское „я" заключало въ себѣ нѣсколько личностей, которыя могли оставаться слитыми, пока онѣ находились въ зародышномъ состояніи: эта полная обѣщаній неопредѣленность составляетъ одну изъ главныхъ прелестей дѣтства. Но, по мѣрѣ того какъ человѣкъ растетъ, эти проникавшія другъ

друга личности становятся несовмѣстимыми, и каждый, имѣя передъ собою лично одну жизнь, принужденъ выбирать одну изъ нихъ. Фактически мы безпрестанно выбираемъ и безпрестанно покидаемъ что-нибудь. Нашъ жизненный путь усѣянъ скелетами личностей—чѣмъ мы начинали быть и чѣмъ могли бы сдѣлаться. Природа же, которая не ограничена числомъ жизней, не знаетъ такихъ жертвъ. Она сохраняетъ всѣ тенденціи, которыя развѣтвляются при дальнѣйшемъ ростѣ. Она создаетъ изъ нихъ новыя категоріи видовъ, которыя будутъ развиваться самостоятельно" [1])...

Въ этой тирадѣ сказался весь Бергсонъ. Онъ стоитъ на твердой научной почвѣ, но достаточно малѣйшаго повода, чтобы у него фантазія взыграла какъ у поэта. Въ мельчайшей клѣточкѣ онъ видитъ снопъ силъ, въ каждой изъ нихъ—индивидуальность подобную человѣческому характеру. Это не ученый, а ясновидящій, но, къ сожалѣнію, ясновидѣніе часто бываетъ продуктомъ фантазіи. Въ этомъ мы не преминемъ вскорѣ убѣдиться.

Начавъ съ такого поверхностнаго наблюденія, при которомъ появленіе новой специфической силы столь же мало удивляетъ его, какъ появленіе фигуры на горизонтѣ, которая вдругъ выростаетъ изъ ничего, онъ довольно быстро переводитъ взоръ къ той стадіи, на которой происходитъ раздѣленіе животнаго и растительнаго міровъ. Какъ дифференцируется тутъ „жизненный импульсъ"? Способомъ питанія и способностью движенія. Между тѣмъ какъ растенія продолжаютъ питаться неорганическими веществами, дальнѣйшій импульсъ приводитъ животныхъ къ болѣе совершенному способу питанія и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ въ нихъ способность передвиженія. Фактически это совершенно вѣрно. Но вмѣсто того, чтобы видѣть въ томъ и въ другомъ явленіи результатъ приспособленія къ жизненнымъ условіямъ, онъ видитъ въ нихъ результатъ накопленія энергіи, *создающей* двѣ *новыя* формы жизни. Созданіе, обусловленное лишь въ очень ограниченной степени удобствомъ, въ существѣ же своемъ полное творческаго индетерминизма! Главный источникъ энергіи на землѣ—говоритъ Бергсонъ—солнце. Жизненный процессъ выражается главнымъ образомъ въ поглощеніи солнечной энергіи и въ расходованіи ея. На низшихъ ступеняхъ эволюціи эти двѣ стороны жизненнаго процесса представляются болѣе или менѣе уравновѣшенными. Непосредственное, интенсивное поглощеніе сопровождается столь же непосредственными реактивными дви-

---

[1]) Bergson, „Evolution créatrice", стр. 109.

женіями. Но съ усиленіемъ импульса природѣ приходится выбирать между этими двумя тенденціями. Развитіе движенія требуетъ образованія запасовъ энергіи. Поэтому растенія, сохраняя непосредственный способъ поглощенія энергіи, перестаютъ совершенствоваться въ смыслѣ движенія, а импульсъ, выносящій животный міръ такъ далеко въ смыслѣ движенія, заставляетъ отказаться отъ непосредственнаго поглощенія энергіи и перейти къ питанію органическими веществами, представляющими уже извѣстный резервуаръ энергіи.

Концепція, вытекающая опять-таки не изъ наблюденія, а изъ какого-то ясновидѣнія! Устраните понятіе внутренняго импульса— вы получите, что питаніе, представляющее специфически способъ реагированія живыхъ существъ на внѣшнія раздраженія, дополняется у нѣкоторыхъ изъ нихъ новой реакціей — передвиженіемъ. Перенесите импульсъ во внѣшній міръ—и вы получите параллельное развитіе двухъ функцій; помѣстите его внутри организма—и вы получите раздѣленіе двухъ тенденцій. Какъ ни условны понятія этого внутренняго импульса, для Бергсона они настолько реальны, что онъ видитъ въ нихъ главный факторъ дифференціаціи. Послѣдняя заключается, по его понятію, не въ приспособленіи растеній къ однимъ условіямъ жизни, животныхъ же—къ другимъ, а въ покиданіи растеніями того пути, по которому импульсъ выноситъ далѣе животныхъ. „Извѣстныя аналогіи между растительнымъ и животнымъ міромъ— говоритъ онъ—не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ: такъ напримѣръ, существованіе пола является роскошью для растеній; но нужно было, чтобы животныя достигли этого, и вотъ растенія были, должно быть, увлечены тѣмъ же импульсомъ... То же самое можно сказать про тенденцію растеній къ усложненію своей структуры. Эта тенденція существенна для животнаго міра, въ которомъ бродитъ потребность все болѣе и болѣе сильной дѣятельности. Растенія же, обреченныя на безчувственность и неподвижность, обнаруживаютъ ту же тенденцію только потому, что получили въ началѣ тотъ же импульсъ. Недавнія изслѣдованія доказали, что они измѣняются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, когда наступаетъ періодъ „варіацій“, между тѣмъ какъ животныя приняли, должно быть, гораздо болѣе опредѣленныя направленія“ [1]).

Я принужденъ уже въ третій разъ приводить слова самого Бергсона. И это не случайно. Иначе его нельзя понять. Надо ви-

[1]) Тамъ же, стр. 130.

дѣть, въ какую красивую форму онъ облекаетъ свои мысли, чтобы понять и его собственное увлеченіе, и обаяніе, оказываемое имъ на слушателей. Онъ разсказываетъ эволюцію бытія конечно менѣе точно чѣмъ детерминисты, но какъ-то особенно увлекательно. Этотъ процессъ, развертывающійся какъ снопъ искръ или, вѣрнѣе, поднимающійся какъ фонтанъ, производитъ впечатлѣніе такой силы, что не можетъ не увлечь своей картинностью. Но чѣмъ дальше мы за нимъ слѣдимъ, тѣмъ болѣе результатъ творчества удаляется отъ объективнаго, научнаго знанія. На слѣдующей стадіи развитія противополагаются уже не такія близкія одно другому явленія, какъ неорганическая и органическая матерія или растительный и животный міры, а инстинктъ и разумъ.

Какъ приходитъ къ этому результату дальнѣйшее усиленіе жизненнаго импульса? Путемъ раздѣленія организмовъ, приспособленныхъ къ точнымъ, опредѣленнымъ движеніямъ, и организмовъ, дѣятельность которыхъ характеризуется неопредѣленностью и дополняется элементомъ сознанія. Какъ описаніе, это опять-таки очень мѣтко, по ходу мыслей—совершенно послѣдовательно. Мы видимъ импульсъ, который выноситъ жизнь опять-таки на два пути, тамъ—при посредствѣ питанія, тутъ—при посредствѣ развитія чувствительности и нервной системы. Въ однихъ организмахъ нервная система совершенствуется въ смыслѣ автоматическихъ движеній, въ другихъ она становится настоящимъ „резервуаромъ индетерминизма“. Но что наполняетъ пустоту, создаваемую этой отрицательной формулой? Разумъ, способность изобрѣтенія, сознаніе. Слова, слова и слова. На этой высотѣ концепціи Бергсонъ теряется уже въ абстракціяхъ. Тутъ прерывается нить терпѣливаго научнаго изслѣдованія и фантазія автора начинаетъ дѣлать настоящіе скачки.

Однимъ изъ такихъ скачковъ онъ приходитъ къ положенію, что появленіе разума на землѣ совпадаетъ съ появленіемъ способности „фабриковать орудія“. И вотъ, инстинктъ опредѣляется какъ способность „утилизировать и даже совершенствовать существующіе инструменты“, а разумъ—какъ способность „создавать ихъ“.

Съ другой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія различія между размышленіемъ и дѣйствіемъ,—Бергсонъ опредѣляетъ сознаніе какъ „ариѳметическую разницу между возможнымъ и дѣйствительнымъ актомъ. Въ этомъ много вѣрнаго. Надо прочесть эту часть книги Бергсона, чтобы оцѣнить все богатство его мысли. Тутъ есть и еще болѣе глубокія замѣчанія, есть и поразительно

блестящіе парадоксы. Такъ напримѣръ, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что инстинктъ имѣетъ постоянно дѣло съ жизнью, съ живыми существами, а разумъ—по крайней мѣрѣ по своему прошлому — главнымъ образомъ съ неодушевленной матеріей. Дѣйствительно, понятія жизни у насъ сравнительно недавняго происхожденія; наша оріентировка началась съ понятія пространства, природы, предметовъ внѣшняго міра. Наше сознаніе, какъ говоритъ и Ле-Дантекъ—геометрическаго происхожденія. Отсюда Бергсонъ заключаетъ чрезвычайно вѣрно, хотя и въ нѣсколько парадоксальной формѣ, что оно „характеризуется органическимъ непониманіемъ жизни".

Но что̀ такое это сознаніе, по поводу котораго онъ дѣлаетъ столько вѣрныхъ замѣчаній? Какъ связать его съ „жизненнымъ импульсомъ"? Этого онъ не говоритъ. Тутъ ужъ онъ оперируетъ цѣлымъ рядомъ несвязанныхъ съ біологической схемой понятій. „Жизненный импульсъ", пробившійся въ его біологію маленькой, чуть замѣтной струей, начинаетъ тутъ бить цѣлымъ фонтаномъ, превращая научную концепцію въ калейдоскопъ блестящихъ, но совершенно фантастическихъ формулъ.

Такова біологія Бергсона. Какова же его философія? Нетрудно догадаться, что, въ полную противоположность Ле-Дантеку, Бергсонъ не дѣлаетъ различія между непосредственными и производными данными нашего знанія и не устраняетъ вопроса о „сущности" вещей. Признавъ человѣка не частью физическаго міра, опредѣляемою своимъ отношеніемъ къ цѣлому, а, такъ сказать, вѣнцомъ творенія, высшей и совершеннѣйшей формой бытія, онъ предлагаетъ ему оторвать свою мысль отъ міра неодушевленныхъ предметовъ, къ которому приковываетъ его обыденная жизнь, и „сдѣлать скачокъ" на точку зрѣнія конечной, внѣ-человѣческой сущности. „Il faut qu'elle saute, говоритъ онъ, c'est à dire qu'elle sorte de son milieu [1]". Кажется, никогда еще болѣе смѣлое требованіе не предъявлялось къ мысли. Между тѣмъ, Бергсонъ настаиваетъ на необходимости этого скачка и обѣщаетъ въ результатѣ то метафизическое знаніе, отъ котораго совершенно напрасно, по его мнѣнію, отказываются современные мыслители. Эта часть его труда написана опять-таки чрезвычайно образнымъ, увлекательнымъ слогомъ. Излагать ходъ мыслей автора нѣтъ никакой возможности, потому что, паря на такихъ высотахъ, онъ естественнымъ образомъ принужденъ окружать себя чрезвычайно богатой и разнообразной діалектикой. Тутъ при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 201.

шлось бы цитировать страницу за страницей. Замѣтимъ лишь, что онъ все время оперируетъ условными метафизическими понятіями, какъ матерія, разумъ, воля и т. д., вслѣдствіе чего его философія представляется уже совершенно оторванною отъ положительной научной почвы. Съ этой точки зрѣнія противъ нея можно было бы возражать на каждомъ шагу. Мы ограничимся лишь приведеніемъ его конечнаго вывода, который въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ результаты этого направленія. Такъ вотъ, сдѣлавъ скачокъ при помощи уже не логики, а интуиціи, Бергсонъ открываетъ, что жизнь есть „свободный творческій процессъ, подъемъ энергіи", который, „проникая матерію", принимаетъ обратное направленіе—постепеннаго спуска, деградаціи. Что заключаетъ въ себѣ такая формула? Одинъ лишь научный фактъ, съ которымъ мы встрѣтились въ самомъ началѣ изслѣдованія: синтетическій процессъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ нео-виталисты. Все остальное — матерія и противополагаемая ей нематеріальность энергіи — лишь условная метафизическая декорація. Вмѣсто энергіи можно было бы говорить о духѣ, вмѣсто матеріи—о молекулахъ и т. д. Такой скачокъ называется скачкомъ поэтической фантазіи.

Да не упрекнутъ меня въ томъ, что я излагаю философію Бергсона менѣе подробно, чѣмъ философію Ле-Дантека. Бергсона надо прочесть и, по возможности, въ подлинникѣ, потому что научное ядро его концепціи сводится къ вышеупомянутому „жизненному импульсу", все же остальное — поэтическое развитіе. Бергсонъ — это метафизикъ и въ то же время поэтъ нео-витализма. Можно ли привести всѣ образы, которыми онъ иллюстрируетъ свою мысль? Опредѣливъ жизнь какъ „свободный творческій процессъ", онъ говоритъ немного далѣе: „жизнь есть движеніе, матеріальность—обратное движеніе, и каждое изъ нихъ представляетъ нѣчто простое, цѣльное. Матерія создаетъ міръ цѣльнымъ, недѣлимымъ потокомъ; недѣлима также и жизнь, которая ее проникаетъ, вырѣзывая въ ней живыя существа [1]". Двѣнадцатью страницами далѣе мы читаемъ: „Если нашъ анализъ правиленъ, то источникъ жизни находится въ сознаніи или, вѣрнѣе, въ сверхъ-сознаніи. Сверхъ-сознаніе есть ракета, обломки которой падаютъ въ видѣ матеріи; сознаніе есть то, что остается отъ этой ракеты, проницая и освѣщая организмы" [2]). Такъ можно продолжать безъ конца—и Бергсонъ продолжаетъ на длинномъ рядѣ страницъ, поражая читателей богатствомъ своихъ образовъ.

¹) Тамъ же, стр. 271.
²) Тамъ же, стр. 283.

Въ послѣдней части своего труда Бергсонъ опредѣляетъ отношеніе своей концепціи къ другимъ философскимъ системамъ древняго и новаго міра, но со столь своеобразнымъ толкованіемъ послѣднихъ, что разсмотрѣніе всѣхъ его тезисовъ не можетъ войти въ предѣлы настоящаго очерка. Да собственно говоря, это и ненужно. Направленіе, которое онъ представляетъ, характеризуется достаточно ярко его собственными выводами. Каковы бы ни были недочеты механическаго синтеза у Ле-Дантека, съ нимъ мы всетаки остаемся на почвѣ положительнаго, научнаго знанія; съ Бергсономъ мы теряемъ подъ собою эту почву, мы уносимся въ міръ фантазіи. Вотъ къ чему приводитъ „метафизическій темпераментъ", иначе говоря—потребность дополнить неизвѣстное „воображеніемъ". Нашъ мозгъ обладаетъ способностью не только классифицировать полученныя извнѣ впечатлѣнія, но и творить новые образы. И вотъ, мы видимъ, что стоитъ лишь допустить это творчество хоть на минуту въ научный синтезъ, чтобы быть увлеченнымъ далеко за предѣлы послѣдняго. До чего—показываетъ любопытная попытка, сдѣланная Ле-Дантекомъ „договориться" съ Бергсономъ: до невозможности говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ. Что побудило Ле-Дантека сдѣлать такую попытку—это біологическій базисъ концепціи Бергсона. Благодаря этому базису, создаваемыя ими системы остаются до извѣстной высоты, какъ мы это видѣли, чрезвычайно близкими одна къ другой. Потому-то и возникла у Ле-Дантека мысль, не сводится ли остальное къ различію формулъ; не говорятъ ли они то же самое разными словами? Но первая же попытка прямой полемики доказала, что, вслѣдствіе допущеннаго Бергсономъ элемента воображенія, они оказываются говорящими на двухъ различныхъ и *непереводимыхъ* языкахъ. Между тѣмъ какъ у Ле-Дантека біологія превращается въ тончайшую, едва уловимую для взора, но все же цѣлостную механику, у Бергсона она завершается миражемъ фантазіи. „Бергсонизмъ—говоритъ одинъ изъ его наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей и апологетовъ, Гастонъ Ражо—расцвѣтаетъ въ концѣ концовъ поэзіей, и исторія міра, какъ онъ ее разсказываетъ, превращается въ видѣніе". Мнѣ кажется, что этимъ все сказано для оцѣнки приведенныхъ двухъ теченій современной философіи, въ которыхъ проглядываетъ вѣковой антагонизмъ между научнымъ и поэтическимъ мышленіемъ, между знаніемъ и вѣрою.

Н. Костылевъ.

МНОГО ЛИ
ВЪ РОССІИ ЧИНОВНИКОВЪ?

(Изъ „Этюдовъ о чистой публикѣ".)

I.

Какъ извѣстно, Россія „идетъ быстрыми шагами къ новому строю жизни" и „господство бюрократіи сводится понемногу на нѣтъ", какъ и подобаетъ въ странѣ „истинно-конституціонной". Но вотъ что интересно. За послѣдніе годы въ бюрократическихъ сферахъ наблюдается весьма поучительное и знаменательное явленіе, превосходно иллюстрирующее все реальное значеніе вышеприведенныхъ ходячихъ выраженій: то и дѣло въ разныхъ учрежденіяхъ утверждаются все новые и новые штаты. И это происходитъ рѣшительно во всѣхъ вѣдомствахъ и всякими способами. И даже въ порядкѣ 87-ой статьи. И даже „по способу удлинненія праздничныхъ думскихъ каникулъ". Разныя вѣдомства словно состязаются между собой въ этомъ отношеніи и устраиваютъ своего рода спортъ, пуская въ ходъ при этомъ всякаго рода пружины, явныя и тайныя, начиная отъ „высшихъ государственныхъ соображеній" и кончая фамусовскими соображеніями о томъ, „какъ бы порадѣть родному человѣчку". Правда, поговариваютъ иногда и о „сокращеніи штатовъ", и даже „упраздняютъ" адмираловъ. Но всегда какъ-то выходитъ такъ, что за „сокращеніемъ" слѣдуетъ „улучшеніе", а изъ необходимости улучшенія вытекаетъ *увеличеніе*, увеличеніе не только штатовъ,

но и расходовъ на нихъ. Что касается до упраздненія адмираловъ, то, разумѣется, этотъ фактъ нельзя не разсматривать какъ своего рода „свѣтлое явленіе". Но чтобы онъ имѣлъ мѣсто, понадобились — увы! — особыя обстоятельства, понадобилась Цусима, понадобилось не только упраздненіе должностей, но и крушеніе россійскаго флота.

Такимъ образомъ общій фактъ остается фактомъ: въ бюрократическихъ сферахъ идетъ усиленная работа по пересмотру и увеличенію штатовъ. Какъ водится, при этомъ увеличивается не только число чиновниковъ, но и надбавляется жалованье онымъ. Происходятъ и нѣкоторыя другія перемѣны бюрократическаго свойства.

Что же онѣ въ общей своей сложности представляютъ и что собственно означаютъ? Не нужно быть особенно глубокимъ философомъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ: на нашихъ глазахъ происходитъ *несомнѣнный ростъ бюрократіи*. Старая, отжившая машина не только не разрушается и не сокращается, но *растетъ*, не только не выдыхается, но вооружается, не только не очищаетъ позицій, но старается покрѣпче усѣсться на нихъ. Бюрократія увеличивается количественно, организуется качественно, и все лучше и лучше обставляетъ себя за счетъ государственной, то-есть народной казны и подъ шумокъ все удобнѣе устраиваетъ свои дѣла. Интересно, что на это ея наростаніе обратилъ вниманіе еще В. К. Плеве, который, въ неопубликованной запискѣ по поводу преобразованія хозяйственнаго и медицинскаго департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, уже печаловался о наростаніи чиновничества, но при этомъ, какъ и подобаетъ ультра-бюрократу, одобряя „всякія мѣры, неустанно принимавшіяся къ упрощенію и сокращенію переписки", окончилъ тѣмъ, что предложилъ ввести новые, увеличенные штаты.

Съ 1903-го года ускоренное наростаніе бюрократіи стало опредѣляться; къ октябрю 1905-го года оно болѣе или менѣе опредѣлилось, со временъ „свободъ" пошло еще болѣе ускореннымъ темпомъ, а въ настоящее время всѣ представители всѣхъ вѣдомствъ только и говорятъ, что объ „упорядоченіи" дѣлъ своего вѣдомства, иначе говоря — о пересмотрѣ, значитъ и объ увеличеніи штатовъ. Всѣ эти упорядоченія происходятъ непремѣнно послѣ какого-нибудь скандала. Господа Рейнботы и Аслановы помогаютъ „упорядоченію" разныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, господа Рудницкіе и Бруты — морского вѣдомства, общество „Продуголь" — министерства путей сообщенія. Выходитъ такъ, что каждый разыгравшійся скандалъ словно доказы-

ваетъ прежде всего недостаточность штатовъ, а затѣмъ ведетъ къ ихъ увеличенію.

Итакъ, въ годы „распаденія бюрократическаго режима“, на нашихъ глазахъ бюрократія не только мобилизуется, но и растетъ. Къ этому явленію слѣдуетъ присмотрѣться поближе, выяснить его основной смыслъ, подвести ему возможно точные итоги. Это мы и постараемся сдѣлать прежде всего, на основаніи оффиціальныхъ матеріаловъ.

II.

Бюрократія наростаетъ. Но какъ же ей не наростать, если за послѣдніе годы усиленнымъ темпомъ идетъ наростаніе *жизни*, по крайней мѣрѣ ея внутреннее наростаніе, для бюрократіи „особенно опасное“? По самому своему принципу, принципу стараго режима, бюрократія прежде всего старается охватить собою *всю* жизнь, устроить вокругъ каждаго ея проявленія свою бюрократическую оболочку, по возможности нерастяжимую. Поэтому въ наростаніи бюрократіи нѣтъ, въ сущности, ничего страннаго. Напротивъ, было бы гораздо болѣе страннымъ, еслибы она въ настоящее время *не* наростала и еслибы самый фактъ одновременнаго существованія Государственной Думы стараго режима не требовалъ отъ нея, прежде всего, интенсивнаго наростанія. Къ старой работѣ, которая уже лежала на россійскомъ чиновничествѣ, прибавилась, съ появленіемъ Думы, еще новая. Всякій чиновникъ обязательно засвидѣтельствуетъ, что въ его вѣдомствѣ дѣла за послѣднее время очень прибавилось.

Попробуемъ теперь выразить это наростаніе цифрами. Прежде всего попробуемъ опредѣлить общее число россійскаго чиновничества.

Много ли въ Россіи чиновниковъ? Какъ это ни странно, но на такой вопросъ господа россійскіе чиновники, подъ руководствомъ которыхъ столь неудачно была произведена 28-го января 1897-го года первая россійская всеобщая перепись населенія, не даютъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Господа чиновники сами не знаютъ, сколько въ Россіи чиновниковъ, и во всякомъ случаѣ не позаботились о томъ, чтобы сдѣлать подсчетъ своей собственной арміи. Въ „Общемъ Сводѣ“ результатовъ переписи чиновники разнесены по графамъ такимъ способомъ, такъ перепутались и перемѣшались съ людьми другихъ профессій, что отдѣлить ихъ отъ этихъ послѣднихъ не представляется ни-

какой возможности. Такъ напримѣръ, всякому извѣстно, что у насъ добрая половина врачей и инженеровъ принадлежитъ къ чиновничеству, а многіе ученые состоятъ на службѣ въ качествѣ профессоровъ и академиковъ. Умышленно, или неумышленно, Н. А. Тройницкій, руководившій всеобщей переписью, сдѣлалъ все возможное, чтобы скрыть подальше отъ постороннихъ любопытныхъ взглядовъ данныя о числѣ россійскихъ чиновниковъ. Есть основанія думать, что и тѣ рубрики, въ которыхъ центральный статистическій комитетъ даетъ свѣдѣнія о лицахъ, состоящихъ на службѣ у государства, довольно-таки неполны, и, какъ увидимъ дальше, во всякомъ случаѣ, цифры ихъ гораздо ниже дѣйствительности.

Впрочемъ, не будемъ очень огорчаться. Даже самыя невѣрныя цифры, полученныя оффиціальнымъ порядкомъ, во всякомъ случаѣ *не выше* дѣйствительности. Такимъ образомъ мы и примемъ ихъ, для общихъ выводовъ, какъ нѣкоторый *минимумъ*. Если же и минимумъ окажется довольно-таки высокимъ, то что же сказать о самой дѣйствительности?

Встрѣчаются и иныя затрудненія при опредѣленіи истиннаго числа россійскаго чиновничества—затрудненія, не зависящія отъ печальныхъ результатовъ ихъ канцелярскихъ трудовъ. Прежде чѣмъ приступить къ подсчету чиновниковъ, необходимо ясно и точно опредѣлить, кого же собственно слѣдуетъ понимать подъ этимъ именемъ?

Какъ извѣстно, есть чиновникъ и чиновникъ, есть канцелярія и канцелярія. Есть канцеляріи земствъ, банковъ и другихъ учрежденій, общественныхъ и частныхъ. Какія же ихъ категоріи мы будемъ имѣть въ виду при подведеніи итоговъ? Большой интересъ представляетъ не только статистика людей опредѣленнаго *чина*, но и опредѣленнаго *типа*. Тѣмъ не менѣе, эту послѣднюю мы пока оставляемъ въ сторонѣ и, съузивъ свою задачу, постараемся обратить вниманіе прежде всего на государственный механизмъ, который главнымъ образомъ и обслуживается чиновничествомъ. Именно онъ для насъ особенно интересенъ, и не только съ политической, но и съ соціологической точки зрѣнія. Передъ нами гигантская бюрократическая машина, могучая своей исторической инерціей и многовѣковымъ существованіемъ, машина-спрутъ, распластавшійся на огромномъ пространствѣ, раскинувшій во всѣ грады и веси свои щупальцы, присосавшійся къ каждому россійскому обывателю, безъ различія пола, возраста, національности, исповѣданія. Передъ нами, если можно такъ выразиться, механизмъ-организмъ, имѣющій свои опре-

дѣленныя очертанія, свою политическую физіономію, свой опредѣленный источникъ дохода — государственную казну. Думается намъ, что особенно интересно освѣтить при помощи цифръ размѣры именно этого самаго спрута, оставляя въ сторонѣ канцеляріи общественныя и частныя. У каждой изъ нихъ есть черты, выгодно отличающія ихъ отъ канцелярій казенныхъ.

Но и этимъ ограниченіемъ нашей задачи затрудненія при подведеніи общихъ итоговъ еще не исчерпываются. Какъ опредѣлить, гдѣ кончается организмъ государственный и гдѣ начинается организмъ общественный? Такой вопросъ можетъ быть поставленъ не только по отношенію къ врачамъ и инженерамъ, но и по отношенію къ учителямъ хотя бы, напримѣръ, земскихъ и синодальныхъ школъ. Чиновники они или не чиновники? Слѣдуетъ ли и ихъ считать органами государственной власти? Далѣе, относить ли къ числу чиновниковъ такихъ, напримѣръ, лицъ, хотя бы и состоящихъ на государственной службѣ, какъ рабочіе и мастера казенныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ? Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы будемъ считать чиновниками только тѣхъ служащихъ, которые подходятъ подъ нижеслѣдующее опредѣленіе, данное профессоромъ Н. М. Коркуновымъ. Подъ государственной службой слѣдуетъ понимать особое публично-правовое отношеніе служащаго къ государству, основанное на подчиненіи и имѣющее своимъ содержаніемъ *обязательную* дѣятельность, совершаемую отъ лица *государства* и направленную къ осуществленію *опредѣленной* задачи государственной дѣятельности („Русское государств. право", т. I, стр. 375). Мы будемъ считать чиновниками всѣхъ тѣхъ, кто на свою должность *назначается* или въ ней утверждается, кто получаетъ это свое назначеніе или утвержденіе или отъ главы правительства, или отъ того лица, „которому верховная власть делегировала это право", и кто самъ „осуществляетъ одно изъ правъ государственнаго верховенства" („Русское государств. право" А. Градовскаго, т. I, стр. 50—51). Подъ это опредѣленіе подходятъ не только всѣ чиновники и служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ сторожей, но и всѣ учащіе (кромѣ учителей частныхъ учебныхъ заведеній). Съ другой стороны, подъ него не подходятъ рабочіе казенныхъ заводовъ и т. п., которыхъ мы поэтому въ нашемъ подсчетѣ и оставляемъ въ сторонѣ. Оставляемъ также въ сторонѣ и тѣхъ, кто хотя и служитъ по выборамъ, но послѣ „реформъ" 1890 и 1892 гг. числится на государственной службѣ. Оставимъ пока безъ вниманія и тотъ фактъ, упомянутый нами выше—а именно, что цент-

ральный статистическій комитетъ цифры несомнѣнно уменьшаетъ, и ужъ никакъ не преувеличиваетъ. Возьмемъ изъ оффиціальныхъ данныхъ хотя бы самыя минимальныя цифры, а за исходный моментъ для нашего подсчета примемъ 28-е января 1897-го года— день всероссійской общей переписи. Вотъ какую картину позволяетъ нарисовать оффиціальный сводъ.

III.

Въ 1897 г. центральнымъ статистическимъ комитетомъ по всей Россійской имперіи, исключая Финляндію, было насчитано 435.818 „органовъ государственной власти", въ томъ числѣ 397.736 пола мужескаго и 38.082 пола женскаго.

Нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи „Свода данныхъ о переписи", можетъ дать понятіе объ общемъ числѣ чиновниковъ въ Россіи и объ ихъ распредѣленіи по разнымъ вѣдомствамъ въ 1897 г.

	Мужч.	Женщ.
Чины административнаго и судебнаго вѣдомства . . .	42.034	—
Чины межевого вѣдомства.	6.612	—
Служащіе въ канцеляріяхъ административнаго и судебнаго вѣдомства	44.481	1.972
Придворные чины и вообще служащіе при дворцахъ .	4.070	420
Иностранные послы и служащіе въ посольствахъ и миссіяхъ	380	12
Офицерскіе чины жандармовъ и полиціи	10.425	—
Нижніе чины жандарм. и полиціи городск. и сельской.	94.150	—
Станичные атаманы, гминные войты, волостные старшины, сельскіе старосты и т. п.	8.369	—
Военные топографы	559	—
Гражданскіе чины военнаго вѣдомства	4.112	—
Служащіе въ канцеляріяхъ военнаго вѣдомства . . .	2.283	10
Гражданскіе чины морского вѣдомства	551	—
Служащіе въ канцеляріяхъ морского вѣдомства. . .	757	8
Гражданскіе чины корпуса пограничной стражи . .	320	—
Служащіе въ канцеляріяхъ корпуса погранич. стражи . .	131	—
Портовая и рѣчная администрація и т. п.	4.635	16
Начальники станцій, начальники службъ движенія, тяги, поѣздные контролеры, кассиры и т. п. служащіе на лин. ж. д.	15.038	206
Кондукторы, дорожн. мастера, конторщики и т. п. . .	66.028	1.531
Служ. высш. разряда на почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ .	12.749	78
Телеграфисты, телеграфистки, телефонистки и почтал.	25.730	2.374
Начальники и учащіе въ учебн. заведеніяхъ. . . .	50.560	28.922
Прочіе (кромѣ начальниковъ и учащихъ) чины уч. зав.	2.196	2.193
Служащіе въ канцеляріяхъ учебн. заведеній	1.614	331
ИТОГО	397.736	38.082

Изъ этой таблички видно, что въ нее не вошли очень многія категоріи состоящихъ на службѣ. Вотъ, напримѣръ, лишь нѣкоторыя категоріи чиновниковъ, которыя, за неимѣніемъ данныхъ, не могли быть приняты нами въ разсчетъ при подведеніи вышеприведенныхъ общихъ итоговъ: чиновники-врачи, инженеры, чиновное духовенство, служащіе въ казенныхъ музеяхъ и т. п. учрежденіяхъ, въ императорскихъ театрахъ, врачи арміи и флота, чиновники-ветеринары, надзиратели и надзирательницы въ казенныхъ больницахъ, въ казенныхъ пріютахъ и другихъ казенныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, наконецъ чиновники въ отставкѣ, живущіе пенсіей. Существуютъ еще громадные кадры чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ казенныхъ банкахъ (государственномъ, дворянскомъ, крестьянскомъ). Къ чиновничеству должна быть отнесена и добрая половина общаго числа генераловъ и адмираловъ и значительный процентъ офицеровъ, какъ военно-судебныхъ учрежденій, такъ и всякаго рода военныхъ канцелярій, наконецъ чиновники-филеры и „агенты". Статистическихъ свѣдѣній обо всемъ этомъ чиновничествѣ не имѣется. Но кто же не знаетъ, что и оно у насъ на Руси весьма многочисленно?... Далѣе, къ числу полицейскихъ не отнесены десятскіе и сотскіе. Съ другой стороны, мы позволили себѣ помѣстить въ таблицу станичныхъ атамановъ, гминныхъ войтовъ и т. п., представляющихъ изъ себя de facto тѣхъ же чиновниковъ и ужъ никакъ не выборныхъ общественныхъ представителей. Точно также мы помѣстили въ табличку и учащихъ учебныхъ заведеній, которые въ настоящее время служатъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по назначенію или утвержденію и, во всякомъ случаѣ, являются такимъ элементомъ, который государство включаетъ въ свой собственный организмъ. Судя по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, насчитано 28-го января 1897-го года 85.816 учителей и учительницъ. По даннымъ же департамента народнаго просвѣщенія на 31-е декабря 1896-го года насчитывалось учащихъ 113.984 (см. „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи" за 1896 г.). Такимъ образомъ, оффиціальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія насчитываетъ въ имперіи почти на 30 тыс. больше учащихъ, чѣмъ сколько насчиталъ ихъ центральный статистическій комитетъ. Есть основаніе думать, что данныя министерства народнаго просвѣщенія ближе къ истинѣ, чѣмъ данныя комитета. Но и въ этомъ случаѣ мы вводимъ въ нашу таблицу *меньшую* цифру и нѣкоторыя категоріи учащихъ, хотя бы и очень обширныя, не считаемъ „органами государственной власти". Такимъ образомъ,

общее число чиновниковъ въ Россійской имперіи, кромѣ Финляндіи, составляло въ 1897 г. никакъ не меньше 435.818 ч.

Если сравнить эту, во всякомъ случаѣ почтенную цифру съ россійскими военными силами, то окажется, что въ 1897 г. эти послѣднія превышали своею численностью чиновную армію всего лишь раза въ два съ небольшимъ. Другими словами, на каждаго чиновника приходилось нѣсколько больше чѣмъ по два солдата. Какъ извѣстно каждому россійскому обывателю, россійскія военныя силы существуютъ спеціально для обузданія враговъ внѣшнихъ. Что касается до чиновной арміи, то, какъ это тоже извѣстно всякому, главная ея задача сводится къ тому, чтобы водворять на всемъ пространствѣ Россійской имперіи „сперва успокоеніе, а потомъ реформы"; если же успокоеніе всетаки не наступаетъ, то водворять... успокоеніе и еще успокоеніе, откладывая реформы, приблизительно, до слѣдующей геологической эпохи. Представимъ себѣ теперь, что главная функція каждаго „органа государственной власти" заключается или въ непосредственномъ насажденіи „успокоенія", или въ добываніи денежныхъ средствъ для него, или, наконецъ, въ содѣйствіи ему, внѣшними ли способами, какъ это вмѣняютъ въ обязанность полиціи законъ и положеніе объ усиленной охранѣ, или способами внутренними, какъ это, напр., указывается инструкціями и циркулярами и ставится въ обязанность учителямъ и учительницамъ даже частныхъ школъ. Представимъ себѣ, далѣе, что въ успокоеніи нуждается, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, вся Россія, за исключеніемъ самихъ успокоителей, включая въ томъ числѣ и гг. Пуришкевичей. Спрашивается, гдѣ же предѣлъ труда, который предстоитъ каждому изъ органовъ власти? Какое число обывателей круглымъ счетомъ каждому изъ нихъ ему придется „успокоить"? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать въ самой общей формѣ простое сопоставленіе числа россійскихъ чиновниковъ съ числомъ населенія. И вотъ что показываетъ статистика въ этомъ отношеніи: на каждаго чиновника приходится круглымъ числомъ по 292,3 обывателя не-чиновника. Врядъ ли можно сомнѣваться, что одинъ „органъ" со столь большимъ числомъ обывателей безъ какой-либо сторонней поддержки, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, не справится. Впрочемъ, вникнувъ въ самую суть этой цифры, мы прежде всего увидимъ, что не такъ уже страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Въ это число 292,3 входятъ *всѣ* обыватели, начиная отъ грудныхъ младенцевъ и кончая столѣтними старцами какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такой элементъ, какъ извѣстно, совсѣмъ

не нуждается въ успокоеніи. Сдѣлаемъ наше сравненіе еще болѣе нагляднымъ и сопоставимъ цифру чиновниковъ не съ населеніемъ вообще, а лишь съ населеніемъ въ предѣлахъ отъ 16-ти до 69-ти-лѣтняго возраста, т.-е. въ тѣхъ предѣлахъ, которые включаютъ и всѣхъ чиновниковъ. При этомъ сопоставленіи оказывается, что одинъ „органъ государственной власти" мужескаго пола приходится всего лишь на 89 жителей мужескаго пола, а одна служащая женщина—на 946 женщинъ въ возрастѣ отъ 16-ти до 69-ти лѣтъ. Въ этомъ случаѣ сохраняется приблизительно та же пропорція: служащихъ женщинъ почти въ десять разъ меньше, чѣмъ служащихъ мужчинъ. Даютъ ли эти цифры основаніе сказать, что Россія — страна не черезчуръ обильная чиновниками? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могла бы дать лишь сравнительная статистика. Къ сожалѣнію, въ разныхъ государствахъ приняты совершенно различныя системы классификаціи населенія по профессіямъ, и эти системы совершенно не допускаютъ сопоставленія полученныхъ въ разныхъ государствахъ цифръ между собою. Во всякомъ случаѣ, тѣ данныя, которыя можно бы извлечь изъ заграничныхъ статистическихъ сборниковъ, еще не даютъ права сторонникамъ россійской бюрократіи дѣлать какіе-либо выводы въ свою пользу [1]).

Волей-неволей намъ приходится, поэтому, оставаться лишь въ предѣлахъ русскихъ цифръ. Но и по нимъ однѣмъ является полная возможность составить себѣ достаточно ясное понятіе о той громадной тяжести, какою ложится россійское чиновничество на населеніе страны, и не только въ 1897 г., но, надо полагать, и понынѣ. Прежде всего бросается въ глаза, что изъ общей цифры (435.818) чиновниковъ около одной четверти при-

---

[1]) Такъ напримѣръ, обыкновенно принято считать Францію страною наиболѣе обильной чиновниками. Нѣкоторыя газеты насчитывали даже французскихъ чиновниковъ до 600.000. По переписи 29-го марта 1896 г. во Франціи оказалось 689.093 лица состоящихъ на государственной и *общественной* службѣ, не считая 144.319 учителей и 141.611 полицейскихъ. Французскіе статистическіе сборники не выдѣляютъ въ особую рубрику лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Кромѣ того, въ эти 689.000 входятъ не только лица непосредственно занятыя службой, но и члены ихъ семействъ, и даже ихъ слуги (тѣхъ и другихъ—болѣе 459.000). По переписи 1891-го года во Франціи насчитано было всего 240.269 чел. состоящихъ на государственной и общественной службѣ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе совершенно иное распредѣленіе профессій внутри этого общаго итога. Во Франціи одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ учителя, тогда какъ у насъ, въ Россіи, гораздо больше полицейскихъ, чѣмъ учителей. См. „Résultats statistiques du recensement des industries et professions", T. IV. Ср. „Statistik des deutschen Reichs. Neue Folge", т. 111, гдѣ тоже не выдѣляются въ особую графу лица, состоящія на государственной службѣ.

ходится на полицію. Во время переписи 1897 г. было насчитано 94.160 городовыхъ, жандармовъ и другихъ полицейскихъ, и 10.425 околоточныхъ, приставовъ, исправниковъ, жандармскихъ офицеровъ и другихъ, болѣе высокихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ ними приходится на полицію болѣе 104.000 человѣкъ. Кромѣ того, въ это число не входятъ сотскіе и десятскіе, которые въ моментъ переписи еще представляли собою сельскую полицію и лишь при Плеве отчасти были замѣнены вооруженными стражниками. Такимъ образомъ, изъ четырехъ чиновниковъ по меньшей мѣрѣ одинъ — непремѣнно полицейскій: цифра, говорящая сама за себя. Такъ было въ 1897 г. Какъ увидимъ дальше, это отношеніе въ началѣ 1900-хъ годовъ рѣзко измѣнилось въ сторону еще бо̀льшаго преобладанія полиціи. Отсюда можно видѣть, какой громадный процентъ изъ общаго числа чиновниковъ приходится на усмирителей въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Спросимъ себя теперь, какую же притягательную силу имѣетъ для населенія вообще государственная служба? Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ сопоставленіе числа чиновниковъ съ числомъ грамотныхъ людей въ имперіи. И вотъ что въ такомъ случаѣ оказывается: одинъ чиновникъ мужескаго пола приходится *всего лишь на 34 грамотныхъ мужчинъ* въ возрастѣ отъ 16-ти до 69-ти лѣтъ (и одна служащая женщина на 154,3 грамотныхъ женщинъ въ томъ же возрастѣ). Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, что наблюдается такая разница въ пропорціи чиновныхъ мужчинъ и чиновныхъ женщинъ, которыхъ въ десять разъ меньше, чѣмъ чиновниковъ мужескаго пола; но тотъ фактъ, что одинъ чиновникъ-мужчина приходится всего лишь на 34 чел. грамотеевъ мужескаго пола въ возрастѣ отъ 16-ти до 69-ти лѣтъ — этотъ фактъ самъ по себѣ чрезвычайно характерный и интересный. Онъ показываетъ, какую огромную притягательную силу имѣетъ для русскаго грамотнаго человѣка служеніе государственному режиму.

Посмотримъ теперь, какъ распредѣляется чиновничество по лицу русской земли. Вычислимъ, такъ сказать, густоту чиновничьяго населенія Россіи, и для этого сопоставимъ число чиновниковъ съ необъятнымъ пространствомъ Россіи. И вотъ что, въ такомъ случаѣ, окажется. Celднимъ числомъ на одного чиновника приходится въ имперіи по 43,5 кв. версты, считая и такія палестины, гдѣ, по выраженію Щедрина, „народа нѣтъ, а помпадуры есть“. Впрочемъ, эта цифра еще далеко не все говоритъ русскому сердцу, такъ какъ она подразумѣваетъ и необъятныя пустыни Сибири, гдѣ на каждаго чиновника прихо-

дится по 643,5 кв. в., и пески Средней Азіи (по 275 кв. в.). Совсѣмъ другое дѣло — тѣ же отношенія въ Европейской Россіи, въ царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ. Оказывается, что чиновничество достигло здѣсь неизмѣримо большей плотности: на одного чиновника на Кавказѣ приходилось круглымъ счетомъ по 13,9 кв. в., въ Европейской Россіи — 13,5 кв. в. и, наконецъ, въ царствѣ Польскомъ — *3,5 кв. в.* На каждаго чиновника приходится въ царствѣ Польскомъ наименьшій районъ, при наибольшей плотности населенія. Царство Польское оказывается насыщеннымъ чиновничествомъ почти въ четыре раза больше, чѣмъ Европейская Россія и Кавказъ, почти въ девять разъ больше, чѣмъ Средняя Азія, и почти въ двадцать разъ больше, чѣмъ Сибирь. Такова картина районнаго распредѣленія россійскаго чиновничества.

Пойдемъ дальше и сопоставимъ число чиновниковъ съ числомъ жителей отдѣльно для каждой части имперіи. Въ виду того, что число служащихъ женщинъ вообще незначительно, оставимъ ихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Будемъ сравнивать лишь число чиновниковъ съ числомъ жителей вообще. Въ такомъ случаѣ вотъ что̀ оказывается. Въ Европейской Россіи насчитывалось въ 1897 г. 343.300 чиновниковъ мужескаго и женскаго пола, въ томъ числѣ 309.807 муж. пола и 33.493 — женскаго. Такимъ образомъ, одинъ чиновникъ приходится здѣсь круглымъ числомъ на 150 жителей. Въ царствѣ Польскомъ, благодаря густотѣ его населенія (болѣе 80-ти на кв. версту), наблюдается нѣсколько другая картина: одинъ чиновникъ приходится здѣсь на 296,5 жителей. Такимъ образомъ, чиновничій отрядъ, занимающій относительно небольшое пространство, представляетъ изъ себя своего рода маленькую армію въ 31.888 чел. (30.501 мужч. и 1.337 жен.). Царство Польское по своему пространству почти въ сорокъ разъ меньше Европейской Россіи, между тѣмъ число тамошнихъ чиновниковъ меньше всего лишь въ десять разъ. Въ Европейской Россіи одинъ чиновникъ мужескаго пола приходится на 148,5 жит. въ возрастѣ отъ 16 до 69 лѣтъ, въ царствѣ Польскомъ — на 87,4 жит. Гораздо меньше насыщенъ чиновничествомъ Кавказъ, гдѣ одинъ чиновникъ приходится на 312,2 жит. обоего пола. Впрочемъ, если сопоставить число кавказскихъ чиновниковъ съ числомъ жителей мужескаго пола въ возрастѣ отъ 16 до 69 лѣтъ, картина чиновничьяго насыщенія получится здѣсь почти та же самая, что и въ царствѣ Польскомъ (одинъ на 94). Это — насыщенность слишкомъ въ полтора раза бо̀льшая, чѣмъ въ Европейской Россіи. Такимъ образомъ, и эта окраина, „перлъ рос-

сійской короны", оказывается тоже довольно излюбленнымъ чиновничьимъ гнѣздомъ. Для „урегулированія жизни" на этой окраинѣ существовало въ 1897 г. 29.627 органовъ государственной власти, въ томъ числѣ 28.292 муж. и 1.335 жен. Сравнительно съ этими двумя окраинами, Средняя Азія и Сибирь насыщены чиновничествомъ не до такой степени. Въ Сибири, несмотря на ея громадныя пространства, чиновниковъ слишкомъ въ полтора раза меньше, чѣмъ на Кавказѣ, и почти въ два раза меньше, чѣмъ въ Польшѣ, а именно 16.973 (15.662 муж. и 1.311 жен.)., т.-е. одинъ чиновникъ на 336,8 душъ населенія (или одинъ чиновникъ-мужчина на 112,7 душъ мужского населенія въ возрастѣ отъ 16 до 69 лѣтъ). Впрочемъ, если сравнить эту послѣднюю цифру съ соотвѣтствующей цифрой въ Европейской Россіи, то окажется, что Сибирь всетаки болѣе насыщена чиновничествомъ (приблизительно, процентовъ на 25). Средняя Азія находится въ болѣе благопріятномъ положеніи. Чиновная армія насчитывала здѣсь 11.190 чел. (10.781 муж. и 409 жен.), при чемъ одинъ чиновникъ приходился среднимъ числомъ на 690 жит. обоего пола (или одинъ чиновникъ мужескаго пола—на 241,3 жителей мужескаго пола въ 16—69 лѣтъ). Итакъ, въ отношеніи количества чиновниковъ Европейская Россія, вообще говоря, находится въ болѣе благопріятномъ отношеніи, чѣмъ царство Польское, Кавказъ и Сибирь, но въ менѣе благопріятномъ, чѣмъ... Средняя Азія.

Еще интереснѣе оказываются цифры, если присмотрѣться къ распредѣленію россійскаго чиновничества между городомъ и уѣздомъ. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета 1897 г. въ Россіи насчитывалось 890 городовъ, съ 16.503.906 жителями [1]). На одинъ городъ среднимъ числомъ приходилось 315,1 чиновниковъ (300 м. п. и 15,1 ж. п.). Цифра весьма почтенная и говорящая сама за себя. Разумѣется на столицы и на большіе губернскіе города приходится чиновниковъ гораздо больше, а на маленькіе уѣздные и заштатные города—гораздо меньше. Правда, вышеприведенная цифра весьма значительно возрастаетъ, благодаря такому чиновному гнѣзду, какъ Петербургъ, въ которомъ насчитано было въ 1897 г. 33.653 должностныхъ лица, въ томъ числѣ 30.260 м. и 3.493 ж. Но исключите это число изъ общаго числа городскихъ чиновниковъ—и все-таки вы получите въ среднемъ 280,8 чиновника

---

[1]) Число городовъ по переписи 1897 г. не сходится съ числомъ городовъ по Ежегоднику того же центральнаго статистическаго комитета за 1905—6 г.

на каждый городъ, за исключеніемъ Петербурга. И вотъ что интересно: наибольшимъ обиліемъ чиновниковъ отличаются города Кавказа, гдѣ на каждый городъ приходится круглымъ счетомъ по 365,5 чиновника. Затѣмъ слѣдуютъ города Европейской Россіи (350,7). На третьемъ мѣстѣ стоитъ Сибирь (303,8); послѣднее мѣсто занимаютъ царство Польское (171,5) и Средняя Азія (166,2). Зато въ уѣздахъ наблюдается нѣсколько иная картина, что видно изъ слѣдующей таблички, иллюстрирующей распредѣленіе чиновничества по городамъ и уѣздамъ.

	Одинъ чиновникъ приходится на слѣдующее число жителей	
	въ городахъ:	въ уѣздахъ:
Европейская Россія . . .	55	664
Царство Польское . . .	105,1	600
Кавказъ	54,1	800
Сибирь	45,6	750,1
Средняя Азія	117,8	2112,4
Всего въ имперіи . . .	60	707

Изъ этой таблички видно, что наибольшая густота чиновничьяго населенія наблюдается въ городахъ Сибири. За Сибирью слѣдуетъ Кавказъ, Европейская Россія, царство Польское и Средняя Азія. Въ уѣздахъ наибольшая густота чиновническаго населенія наблюдается въ царствѣ Польскомъ, за которымъ слѣдуютъ Европейская Россія, Сибирь, Кавказъ, Средняя Азія.

Такова картина, которую позволяютъ намъ нарисовать данныя переписи 1897 г. Уже изъ этой картины видно, что Россія — страна, изобилующая всякаго рода „органами государственной власти". Но и эта картина, какъ уже было упомянуто, по винѣ центральнаго статистическаго комитета далеко неполна. Число чиновниковъ и въ 1897 г. было значительно больше, чѣмъ показано выше. Десятки, если не сотни тысячъ ихъ распредѣлились по другимъ рубрикамъ и въ нашъ подсчетъ не вошли. И вотъ, тѣмъ не менѣе, и безъ того многочисленное чиновничество за послѣдніе годы проявило особенную тенденцію къ быстрому размноженію.

Попробуемъ теперь иллюстрировать цифрами и это послѣднее, довольно-таки знаменательное явленіе. Разумѣется, было бы весьма интересно выразить его статистически во всю его ширину. Къ сожалѣнію, такихъ цифръ, которыя бы давали намъ понятіе о теперешнемъ наростаніи чиновничества, хотя бы даже съ тою же подробностью, какъ это сдѣлала перепись 1897 г., еще не существуетъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются дру-

гого рода данныя, которыя, какъ сейчасъ увидимъ, тоже говорятъ сами за себя.

Вотъ, напримѣръ, цифры, характеризующія количественный ростъ бюрократіи высшей. Передъ нами цѣлая серія „Списковъ гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ“ съ 1883-го по 1906-ой годъ. Что же говорятъ точныя и даже поименныя данныя, извлеченныя изъ этихъ списковъ? Высшая бюрократія растетъ съ поразительной быстротою, и эта быстрота особенно увеличилась въ 1895—1906 гг. Въ 1883 г. насчитывалось въ Россійской имперіи всего лишь 69 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ; въ 1895 г. ихъ стало уже 80, а въ 1906 г.—уже 104. Такимъ образомъ, ихъ число увеличилось за этотъ промежутокъ времени на 50,7 процента, считая съ 1883 г., и на 30 процентовъ — считая съ 1895 г. Тайныхъ совѣтниковъ въ 1887 г. было 520. Въ 1906 г. это число поднялось до 620. Съ 1895 по 1906 г. оно выросло на 24 процента. Наконецъ, число дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, равнявшееся въ 1887 г. 2.283, достигло въ 1896 г. 2.545, а въ 1906 г. — 3.632. Такое размноженіе дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ составляетъ 59,1 процента, считая съ 1887 г.

Посмотримъ теперь, какъ размножается бюрократія низшая. О ея размноженіи можно судить по многимъ признакамъ, въ детальный обзоръ которыхъ мы здѣсь вдаваться не будемъ, напримѣръ по числу утверждаемыхъ штатовъ, по быстрому наростанію канцелярскихъ бюджетовъ (что видно изъ отчетовъ государственнаго контроля, а также изъ отчетовъ и смѣтъ разныхъ государственныхъ учрежденій), и, наконецъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя то и дѣло попадаютъ въ печать. Резюмируя весь этотъ пестрый матеріалъ, мы приходимъ къ выводу, что число чиновниковъ по всѣмъ отраслямъ управленія, не смотря на всякіе пріятные разговоры о бюджетныхъ сокращеніяхъ, какъ въ департаментахъ, такъ и въ Государственной Думѣ, происходятъ съ все увеличивающейся быстротой. И это не только потому, что въ руки государства отошли столь гигантскія отрасли торговли и промышленности, какъ винное дѣло и цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ, отрасли, такъ сказать, подлежащія естественному развитію и количественному возрастанію. Наростаніе чиновничества, какъ мы замѣтили, происходитъ еще и потому, что всѣ вѣдомства, всѣ отдѣлы политической организаціи государственнаго строя за послѣднія десять лѣтъ, подъ непрерывнымъ напоромъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго усложненія жизни, проявляютъ несомнѣнное стремленіе всетаки подмять эту разви-

вающуюся жизнь подъ себя, окрутить ее своими узами, запеленать своими пеленками и наложить на все свою чиновничью, или, что въ сущности то же самое, современную россійскую государственную печать. Чтобы охватить государственную и общественную жизнь возможно плотнѣе и со всѣхъ сторонъ, чтобы, не теряя своего историческаго положенія, попрежнему сжимать ее въ своихъ тискахъ, бюрократія неизбѣжно должна увеличиваться, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ ея рукахъ будутъ находиться исключительное завѣдываніе государственной жизнью и „исполнительная власть, не подчиняющаяся власти законодательной". Разростаніе россійскаго чиновничества, какъ это можно было предположить и a priori, идетъ за послѣдніе годы главнымъ образомъ по двумъ направленіямъ. Во-первыхъ, разростаются органы фиска, растетъ администрація тѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, главная задача которыхъ—во что бы то ни стало наполнять государственную казну; во-вторыхъ, разростается и та администрація, главной задачей которой — „успокоеніе". Такимъ образомъ передъ нами развертывается та самая картина, которую еще полвѣка тому назадъ нарисовалъ Лабулэ въ своей превосходной политической сатирѣ „Prince Caniche". Одинъ изъ министровъ царства Ротозѣевъ, радѣя о пользахъ государства, предлагалъ все болѣе и болѣе увеличивать число чиновниковъ—какъ тѣхъ, которые заставляютъ обывателя *работать*, такъ и тѣхъ, которые заставляютъ его *молчать*.

Вотъ цифры и факты, иллюстрирующіе россійскую чиновную эволюцію въ тѣхъ же направленіяхъ. Первая изъ вышенамѣченныхъ тенденцій иллюстрируется, напримѣръ, отчетами Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ, вторая—удивительно быстрымъ размноженіемъ россійской полиціи. Какъ говоритъ отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ, въ 1890 г. въ этомъ вѣдомствѣ числилось 7.633 чиновника, не считая вольнонаемныхъ служащихъ по винной монополіи. Въ 1900 г. это число уже выросло до 10.216, т.-е. увеличилась на 2.583 новыхъ „органа государственной власти", или на 35 процентовъ. Другими словами, тамъ, гдѣ въ 1890 г. справлялись два чиновника, десять лѣтъ спустя уже потребовались цѣлыхъ три, и даже того больше. Это наростаніе чиновничества выразилось еще болѣе рѣзко въ увеличеніи ихъ содержанія. За десять лѣтъ на содержаніе однихъ только чиновниковъ вышеупомянутаго вѣдомства сдѣлана казной прибавка въ 4 милліона рублей. По тѣмъ же отчетамъ можно видѣть, что свыше 70 процентовъ этой прибавки пошло на увеличеніе численности чиновничества. Сравнивая

число чиновниковъ въ Главномъ Управленіи неокладныхъ сборовъ въ 1890 и 1900 гг., мы видимъ, что ежегодно личный составъ этого вѣдомства увеличивался, среднимъ числомъ, на 258,3 чел. („Русскія Вѣдомости“ 17-го декабря 1902 г.). — Быстрое наростаніе бюрократіи, въ связи съ непомѣрнымъ ростомъ расходовъ на нее, наблюдается рѣшительно во всѣхъ вѣдомствахъ. Стоитъ только сравнить отчеты государственнаго контроля, напримѣръ, за 1894 и 1905 гг.—и этотъ ростъ предстанетъ во всемъ своемъ величіи. Такъ напримѣръ, содержаніе членовъ Государственнаго Совѣта за этотъ же періодъ времени возросло съ 606 тысячъ до 1.182.208 рублей, содержаніе личнаго состава духовныхъ консисторій—съ 648 тысячъ до 752 тысячъ; личнаго состава министерства иностранныхъ дѣлъ—съ 239 до 316 тысячъ; личнаго состава департамента государственнаго казначейства—съ 170 до 287 тысячъ; чиновниковъ казенныхъ палатъ — съ 2.883 до 4.229 тысячъ; содержаніе казначействъ — съ 3.323.000 до 5.053.000; содержаніе личнаго состава податной инспекціи — съ полутора милліона до двухъ съ половиной милліоновъ слишкомъ; личнаго состава департамента окладныхъ сборовъ—слишкомъ вдвое (со 126 до 263 тысячъ). Расходы на содержаніе личнаго состава акцизныхъ управленій, губернскихъ, окружныхъ и участковыхъ, увеличились почти вдвое; точно также и расходы на канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, департамента общихъ дѣлъ, департамента полиціи (со 118 до 174 тысячъ), и т. д., и т. д.

Но довольно цифръ: изъ нихъ уже ясно видно разростаніе россійской бюрократіи за послѣднія десять лѣтъ. Видно и то, что чиновничество растетъ особенно сильно въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя ставятъ своей задачей увеличеніе *доходовъ казны*. Но еще быстрѣе растетъ число чиновниковъ полицейскихъ. Въ 1897 г., по даннымъ переписи, во всей Россійской имперіи насчитывалось 104.575 полицейскихъ и жандармовъ. Вѣроятно сыщики и другіе „агенты“ не входили въ это число. Черезъ десять лѣтъ это число увеличилось по меньшей мѣрѣ въ два раза, тоже не считая агентовъ „освѣдомительной службы“, число которыхъ, при наличности новыхъ охранныхъ отдѣленій, заведенныхъ съ благословенія Думы 3-го іюня, также не можетъ быть низкимъ. Несомнѣнно сильно возросло и число чиновъ тюремнаго вѣдомства. Появилась новая должность палача. Эти послѣдніе чины также вѣроятно считаются десятками. Увеличилось и число чиновниковъ военно-окружнаго судебнаго вѣдомства. Сильно размножилась сельская полиція. Еще въ 1903-мъ году,

по почину В. К. Плеве, сразу было увеличено число урядниковъ, комплектъ которыхъ былъ опредѣленъ по одному на волость. Какъ извѣстно, лишь въ пятидесяти губерніяхъ насчитывается 10.496 волостей (а во всей имперіи 15.840). Послѣ этой „реформы" число урядниковъ сильно выросло. Кромѣ того, появились новые органы государственной власти — стражники, спеціально предназначенные для осуществленія „усмиренія". Ихъ комплектъ былъ опредѣленъ по одному на 2.500 душъ населенія обоего пола. Какъ извѣстно, въ настоящее время стражники представляютъ своего рода мобилизованную армію, или, если такъ можно выразиться, казенныхъ партизановъ по части охраненія „основъ". Какъ видно изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ на 1907 г., въ Европейской Россіи насчитывалось уже свыше 10.000 урядниковъ и 47.000 стражниковъ. Князь Мещерскій разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ „дневниковъ", что при Плеве существовали (да существуютъ и теперь) въ Россіи цѣлыхъ *пять* полицій, болѣе или менѣе независимыхъ одна отъ другой: „департаментъ полиціи, полиція охраннаго отдѣленія, полиція при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, полиція дворцовая и, наконецъ, полиція заграничная" (цит. по „Русскому Слову", № 24 за 1909-ый годъ). Всѣ эти отдѣлы наростаютъ какъ бы въ перегонку между собою.

Какъ сообщалъ А. И. Гучковъ въ Государственной Думѣ, корпусъ жандармовъ насчитываетъ въ настоящее время около 800 офицеровъ и 50.000 нижнихъ чиновъ, при чемъ жалованье офицера въ среднемъ доходитъ до трехъ тысячъ рублей, а нижняго чина—до 400 рублей. Въ общемъ это составляетъ около 8 милліоновъ рублей въ годъ. За послѣднія пять лѣтъ, по словамъ г. Гучкова, содержаніе этихъ органовъ государственной власти увеличилось на три милліона рублей. Кромѣ того, въ 1908 г. прибавлено „главнымъ образомъ на корпусъ жандармовъ" 520.200 рублей. Ростъ полиціи виденъ и по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1904 г. учрежденіе новой полицейской стражи вызвало увеличеніе расхода на полицію на 4,1 милліона рублей; въ 1905 г. послѣдовала новая прибавка въ 6,1 милліонъ рублей; въ 1906 г. къ прежнимъ прибавкамъ сдѣлана еще прибавка въ 20,9 милліона рублей; въ 1907 г.—въ 22,5 милліона рублей. Эти цифры характеризуютъ лишь прибавки къ обыкновенному полицейскому бюджету, который по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1907 г. былъ исчисленъ въ 57.488.000 р. Размноженіе органовъ государственной власти въ этой области управленія оставляетъ за собою всѣ прочія вѣдом-

ства. „Изъ всего бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ—говоритъ членъ Государственной Думы Шингаревъ — двѣ трети расхода предназначаются на полицейскія надобности. Такъ напримѣръ, сумма расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1908-ой годъ была исчислена по обыкновенному бюджету въ 85.790.000 р., въ томъ числѣ на разныя полицейскія надобности—56.480.000 р. Но сюда еще не входятъ расходы на охранныя отдѣленія. Далѣе, изъ 44 милліоновъ условныхъ кредитовъ по тому же бюджету 27—относятся къ полицейскому дѣлу". Но и это еще не все. За послѣдніе годы число полицейскихъ чиновниковъ разныхъ степеней и ранговъ растетъ еще однимъ способомъ, не предусмотрѣннымъ непосредственно государственнымъ бюджетомъ. Какъ извѣстно, полицейскими функціями обладаютъ и члены союза русскаго народа — учрежденія, непосредственно примыкающаго къ полиціи, считающаго въ числѣ своихъ членовъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ (напримѣръ ген. Думбадзе). Извѣстно также, что члены союза русскаго народа, какъ это было неоднократно констатировано и на судѣ, вполнѣ подходитъ подъ вышеприведенное опредѣленіе чиновника, извлеченное нами изъ курса государственнаго права проф. Коркунова... Было бы очень интересно сопоставить современную статистику чиновничества вообще со статистикой полицейскаго чиновничества въ частности. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ точными данными въ этомъ отношеніи; но, принимая въ разсчетъ все вышесказанное о его размноженіи, врядъ ли можно сомнѣваться, что изъ каждыхъ пяти чиновниковъ по крайней мѣрѣ два принадлежатъ въ настоящее время къ полиціи.

Изъ предыдущаго видно, въ какой степени и въ какомъ направленіи совершается въ настоящее время на нашихъ глазахъ ростъ всероссійской бюрократіи. Переходимъ теперь къ констатированію еще одного явленія, не менѣе интереснаго и знаменательнаго. Заключается оно въ томъ, что россійское чиновничество пріобрѣтаетъ за послѣдніе годы все болѣе и болѣе рѣзкій сословный и классовый характеръ, нѣсколько утерянный имъ съ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Нынѣ происходитъ какъ разъ обратная эволюція. На бюрократическихъ верхахъ чиновничество все плотнѣе сливается съ „объединеннымъ дворянствомъ" и становится выразителемъ его тенденцій. Съ другой стороны, въ своихъ низахъ россійское „служилое сословіе" выступаетъ простона-просто въ качествѣ наемныхъ слугъ, состоящихъ на жалованьѣ у представителей опредѣленнаго общественнаго класса. Объ отношеніи „объединеннаго дворянства" къ высшей бюрократіи, послѣ

извѣстной рѣчи П. Н. Милюкова въ Государственной Думѣ, говорить не приходится. Эта рѣчь съ достаточной очевидностью и документально выяснила, чьи собственно интересы защищаетъ чиновничество, особенно послѣ 9-го ноября 1906 г. О непосредственномъ служеніи чиновничества низшихъ ранговъ тому же классу говорятъ факты, за послѣдніе годы накопившіеся въ достаточномъ количествѣ. Съ начала девятисотыхъ годовъ расло и до сихъ поръ еще растетъ число полицейскихъ чиновниковъ, растетъ не только за казенный, но и за частный счетъ. Начало этого явленія въ сущности должно быть отнесено ко временамъ Плеве, когда впервые фабриканты и заводчики стали заводить на своихъ фабрикахъ и заводахъ особыхъ фабричныхъ околоточныхъ и городовыхъ, которые, получая жалованье отъ владѣльцевъ, числятся на государственной службѣ. Такимъ образомъ впервые создалось положеніе, въ силу котораго должностное лицо оказалось стражемъ и защитникомъ двоякаго рода интересовъ: съ одной стороны—интересовъ собственно государственной власти, съ другой—интересовъ собственника, отъ котораго зависятъ многія мелочи и мелочишки матеріальной жизни этого самаго должностного лица, и зависятъ съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ властей и „по закону“. Весьма понятно, что обѣ эти категоріи интересовъ, какъ это въ свое время и указала печать (см., напр., статью Б. Э. Кетрица въ „Правѣ“), стали на глазахъ у всѣхъ въ высшей степени наглядно смѣшиваться между собою. Съ конца 1905 г. такое же явленіе распространилось съ фабрикъ и заводовъ и на помѣстья. 6-го декабря 1905 г. Высочайше утвержденной меморіей Совѣта министровъ было предоставлено губернаторамъ и начальникамъ областей, управляющимъ по *общему положенію*, удовлетворять своею властью ходатайства землевладѣльцевъ объ учрежденіи въ сельскихъ мѣстностяхъ, на частныя средства, отдѣльныхъ исполнительныхъ полицейскихъ должностей и должностей низшихъ чиновъ полиціи, или о сформированіи командъ пѣшей или конной полицейской стражи. При этомъ главное назначеніе „учреждаемыхъ на частныя средства полицейскихъ должностей и командъ полицейской стражи“ опредѣлено такъ: „поддержаніе порядка, спокойствія и безопасности въ предѣлахъ той мѣстности, для которой охрана предназначается“. Эти команды „обязаны исполнять требованія владѣльцевъ по охранѣ ихъ имѣній“. Извѣстно изъ газетъ, что очень многіе крупные владѣльцы, какъ напримѣръ баронесса Мейендорфъ, Штевенъ, гр. В. и Л. Бобринскіе, кн. Лобановъ-Ростовскій, кн. Голицынъ, Мосоловъ, немедленно же за-

вели у себя свою спеціальную, но въ сущности казенную полицію. Далѣе, та же тенденція, столь же опредѣленная и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, проявилась и въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ еще съ 1890 и 1892 гг., въ силу реформъ прошлаго царствованія, свилъ себѣ мѣстами гнѣздо опредѣленный сословный и классовый элементъ. Мы говоримъ о городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ. Газеты пестрятъ фактами, иллюстрирующими эволюцію россійскаго чиновничества, главнымъ образомъ полицейскаго, и эволюцію именно въ эту сторону. Такъ напримѣръ, въ Одессѣ „особое совѣщаніе при генералъ-губернаторѣ признало нужнымъ въ началѣ 1908-го года собрать 130.000 р. путемъ пропорціональнаго обложенія квартирохозяевъ квартирнымъ налогомъ соотвѣтствующаго размѣра. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ обратился въ губернскую земскую управу съ предложеніемъ представить на обсужденіе губернскаго собранія ходатайство объ ассигнованіи въ его распоряженіе десяти тысячъ рублей на усиленіе полиціи и на развитіе сыска" („Рѣчь", 1908 г., № 38). Въ 1906—1908 г.г. многія земства какъ бы состязались между собою, ассигнуя значительныя суммы на увеличеніе полиціи въ цѣляхъ исполненія ею опредѣленныхъ задачъ сословно-классоваго характера. Такъ напримѣръ, елизаветградское земство ассигновало въ 1908 г. на это дѣло 150.000 р., въ томъ числѣ 15.000 р. на организацію сыскного отдѣленія, а также на усиленіе городской полиціи отрядомъ конныхъ стражниковъ; городская дума приняла это предложеніе и рѣшила на эти деньги нанять двухъ агентовъ по сыскной части и 18 стражниковъ, съ жалованьемъ по 550 р. („Рѣчь", 1908 г., № 19). Въ Ананьевѣ въ томъ же году совѣщаніе представителей земства и администраціи поручило учредить сразу 14 новыхъ должностей помощниковъ пристава, 14 должностей урядниковъ и образовать сыскное отдѣленіе, ассигновавъ на это 300.000 р. (тамъ же, № 15). Въ Екатеринославѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, совѣщаніе предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ ассигновало на подобное же дѣло 60.000 р.; въ каждомъ уѣздѣ была заведена особая должность тайнаго агента, замѣщаемая лицомъ съ высшимъ образованіемъ и съ окладомъ въ 3.500 р. Расходъ на это дѣло въ общемъ повысился до 105.000 р. (тамъ же, №№ 9 и 21). Въ Херсонѣ экстренное уѣздное земское собраніе ассигновало 340.000 р., екатеринославское чрезвычайное уѣздное земское собраніе—20.000 р. на содержаніе полицейской стражи въ уѣздѣ (тамъ же, № 24). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ фактовъ, число которыхъ не трудно увеличить въ нѣсколько

разъ, съ очевидной ясностью можно видѣть, что за послѣдніе годы число представителей государственной власти не только растетъ съ небывалой быстротой, но растетъ, притомъ, въ опредѣленномъ направленіи. Опредѣленный общественный классъ какъ бы вооружается этой властью, самъ заводитъ ее и самъ отпускаетъ на нее деньги, съ тѣмъ, чтобы она становилась на стражу опредѣленныхъ сословно-классовыхъ интересовъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь объ отношеніи властей гражданскихъ къ властямъ военнымъ и о роли этихъ послѣднихъ въ исторіи той же сословно-классовой борьбы, которая идетъ и по сіе время вокругъ насъ. Изъ предыдущаго въ достаточной степени видна соціальная сущность того явленія, о которомъ идетъ рѣчь въ нашей статьѣ. Въ борьбѣ съ жизнью, въ борьбѣ за свою собственную жизнь, бюрократія готова идти и идетъ на службу къ опредѣленному общественному классу, мобилизуя свои силы и всячески пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Правда, ростъ бюрократіи—явленіе, наблюдаемое во всѣхъ государствахъ. Но въ современной исторіи русскаго чиновничества есть одна сторона, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо. Во всей исторіи XIX-го столѣтія ни въ одномъ другомъ государствѣ не наблюдалось столь быстраго наростанія чиновничества, какое произошло у насъ въ Россіи, на нашихъ глазахъ. Во всѣхъ государствахъ Европы число чиновниковъ увеличивалось гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, въ Бельгіи оно увеличилось въ два съ четвертью раза лишь въ теченіе сорока лѣтъ (1855—97). Даже въ бюрократической Австріи это число возрасло съ 1828-го по 1874-ый годъ всего лишь въ $1^1/_2$ раза. За послѣдніе 34 года оно увеличилось тамъ примѣрно во столько же разъ (см. Ольшевскій, „Бюрократія“). Въ Россіи же мобилизація бюрократическихъ силъ совершилась въ три или въ четыре раза быстрѣе.

Но вотъ что интересно: не смотря на всю свою быстроту, эволюція бюрократіи всетаки совершенно не поспѣваетъ за наростаніемъ и развитіемъ жизни. Чтобы поспѣть за жизнью, россійской бюрократіи слѣдовало бы навербовать еще болѣе многочисленные кадры агентовъ, въ десятки разъ увеличить ежегодный бюджетъ на нихъ, придумать для этого новые источники доходовъ и завести новые органы власти для ихъ собиранія съ населенія, покрывая прорѣхи въ государственномъ бюджетѣ все новыми и новыми и все болѣе и болѣе „удачными“ займами. Гдѣ предѣлъ такой дѣятельности—это покажетъ, надо полагать, не въ очень уже далекомъ будущемъ, исторія. Цифры же настоящаго констатируютъ, пока что, нижеслѣдующій интересный

фактъ: не смотря на всю свою канцелярскую неповоротливость, современное чиновничество непомѣрно завалено работой, количество, а часто и явная безполезность и узко-классовый характеръ которой дѣлаютъ изъ агента власти не то ломовую лошадь, не то раба, не то машину. Кто же теперь не знаетъ, что и въ настоящее время изъ многихъ сотенъ тысячъ чиновниковъ огромному большинству, въ сущности, живется очень тяжело? По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 435.818 чиновниковъ всего лишь 91.204 получаютъ болѣе 1.000 руб. содержанія; остальные 344.614 человѣкъ сидятъ на жалованьѣ меньшемъ и даже гораздо меньшемъ. Среди чиновниковъ встрѣчаются настоящіе „рабы государственной службы", какъ недавно кто-то назвалъ — къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо—чиновниковъ почтово-телеграфнаго вѣдомства. Не слаще и положеніе многихъ учителей и учительницъ. Есть и другія категоріи служащихъ, положеніе которыхъ тоже далеко не завидно... О чиновникахъ-любимчикахъ и чиновникахъ-пасынкахъ современнаго государственнаго строя даетъ довольно ясное представленіе нижеслѣдующая табличка, которую мы заимствуемъ изъ оффиціальнаго изданія, составленнаго на основаніи оффиціальныхъ данныхъ.

Изъ числа чиновниковъ, сравнительно болѣе обезпеченныхъ, получаютъ содержанія:

Размѣръ содержанія.	Число лицъ:	% ихъ къ общ. числу:	Имъ идетъ изъ казны:	%
Отъ 1.000 до 2.000 р.	65.775	72,1	96.610.792 р.	53,5
„ 2.000 „ 5.000 „	23.116	25,3	65.772.866 „	36,3
„ 5.000 „ 10.000 „	1.981	2,2	12.807.818 „	7,1
„ 10.000 „ 20.000 „	282	0,3	3.747.837 „	2,1
„ 20.000 „ 50.000 „	40	0,04	1.135.735 „	0,6
Свыше 50.000 р.	10	0,01	670.075 „	0,4
Итого	91.204	100,0	180.745.123 „	100,0

(См. „Опытъ исчисленія народнаго дохода въ Россіи. Матеріалы къ проекту Положенія о государственномъ подоходномъ налогѣ въ Россіи". Спб., 1906 г., стр. XXVII.)

Эта табличка говоритъ сама за себя и въ комментаріяхъ не нуждается. Она наглядно показываетъ какъ число любимчиковъ, такъ и число пасынковъ. Для иллюстраціи тяжелаго существованія тѣхъ чиновниковъ, которые совсѣмъ не вошли въ эту табличку, приведемъ одинъ только примѣръ, и для него возьмемъ такихъ служащихъ, которые находятся еще относительно въ лучшемъ положеніи, а именно полицейскихъ. При всей ея современной многочисленности, у россійской полиціи, въ

лицѣ ея низшихъ агентовъ, всетаки, какъ оказывается, не хватаетъ силъ, чтобы дѣлать то дѣло, которое на нее возлагаетъ высшая, т.-е сословно-классовая бюрократія. Оставимъ въ сторонѣ особыя условія полицейской службы; посмотримъ на полицейскаго просто какъ на человѣка. И вотъ что̀ въ такомъ случаѣ говорятъ цифры, извлеченныя изъ оффиціальныхъ отчетовъ кіевской полиціи. Всего лишь за 11 мѣсяцевъ—съ 1-го января по 1-е декабря 1907 г. — околоточные надзиратели въ одномъ только Кіевѣ должны были провести на дежурствахъ разнаго рода (облавахъ, обыскахъ и т. п.) 237.012 часовъ, а городовые — 1.514.384 часа. Среднимъ числомъ, на каждаго околоточнаго приходилось *ежедневно*, не исключая и праздниковъ, по 13 съ половиной часовъ работы, а на каждаго городового—по 16 часовъ. Эти цифры показываютъ, что при той наличности напряженной работы, какую возлагаетъ на своихъ агентовъ современный государственный строй, онъ самъ жестоко жметъ и давитъ ихъ. На нихъ же, притомъ, перекладывается обыкновенно значительная доля того грѣха соціальнаго и даже индивидуальнаго, который въ сущности сдѣланъ для нихъ обязательнымъ... другими „органами государственной власти“. Чтобы современное государство само не являлось эксплуататоромъ своихъ агентовъ, оно должно перестать быть сословнымъ и классовымъ, т.-е. должно сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ стараются его сдѣлать противники современнаго режима.

Спрашивается теперь, случайное ли это явленіе, что современное чиновничество все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ рѣзко выраженный характеръ государственнаго орудія сословно-классовой борьбы? Можно ли это явленіе разсматривать какъ самобытно-русское, хотя бы и опредѣлившееся во время смуты? Никогда и нигдѣ, какъ вполнѣ справедливо говоритъ въ своей интересной книгѣ о синдикатахъ чиновниковъ Максимъ Леруа [1]), государство еще не представляетъ *совокупности общественныхъ* интересовъ. Оно представляетъ и защищаетъ лишь интересы *нѣкоторые*. За государствомъ стоятъ отдѣльные люди — люди опредѣленной партіи, опредѣленныхъ интересовъ, опредѣленнаго класса. Государство является представителемъ тѣхъ, кто имѣетъ *бо̀льшую* силу среди націи. Чиновники являются исполнительными агентами *болѣе сильныхъ въ государствѣ*. Болѣе сильные требуютъ отъ нихъ *повиновенія*, требуютъ отъ нихъ отказа, даже внѣ службы, отъ всякой доли свободы, которая могла бы

[1]) „Эволюція государственной власти. Синдикаты чиновниковъ“, Спб., 1907 г., стр. 113 и слѣд.

быть опасна для власти сильныхъ. Это называется іерархіей, дисциплиной. — „Вѣдь правительство имъ платитъ“, говоритъ мудрость народовъ, когда желаетъ обосновать подчиненіе чиновниковъ. Бюрократическое государство говоритъ: „*мои* чиновники“, какъ и всякій другой хозяинъ говоритъ: *мои* фабрики, *мои* мастерскія, *мои* рабочіе. Принужденіе, власть государства (по отношенію къ чиновнику) есть лишь форма экономическаго принужденія. Въ положеніи многихъ изъ числа тѣхъ „органовъ государственной власти“, которые, выбиваясь изъ силъ, поддерживаютъ порядокъ, давящій и калѣчащій ихъ самихъ, есть нѣчто глубоко трагическое. Разумѣется, вышесказанное приложимо лишь къ тѣмъ „органамъ государственной власти“, которые находятся на землѣ внизу, а не на горѣ вверху...

Въ заключеніе нашей статьи позволимъ себѣ привести маленькую историческую справку. Тридцать два года тому назадъ К. Д. Кавелинъ написалъ слѣдующія слова, превосходно резюмирующія переживаемый нами фазисъ политической эволюціи русскаго государстяа: „Существующее теперь въ Россіи правительственное устройство передаетъ всю власть исключительно въ руки тѣхъ, кто обступаетъ государя, и на самомъ дѣлѣ существуетъ только для ихъ пользы... Для самовластія камарильи въ Россіи конституція... сохранила бы всю административную власть нераздѣльно въ ея рукахъ, удержала и еще усилила бы противоположеніе власти народу и народа власти, на чемъ теперь и опирается всемогущество камарильи. Къ теперешнему государственному механизму прибавилось бы только двѣ палаты, изъ которыхъ одна была бы исключительно въ рукахъ той же камарильи, а другую всегда можно обойти или разогнать когда нужно“.

Итакъ, еще въ 1877 г. К. Д. Кавелинъ предвидѣлъ возможность такой „конституціи“, которая поставитъ своей задачей *укрѣпленіе* и *упроченіе* „существующаго у насъ теперь порядка дѣлъ, прикрывая его либеральными формами“, и въ концѣ концовъ „подготовитъ въ будущемъ революцію, не только политическую, но и соціальную, какъ неизбѣжное послѣдствіе обмана и притѣсненія, облеченныхъ въ форму законности“ (см. „Собраніе сочиненій“ К. Д. Кавелина, т. II, Спб., 1898 г., стр. 962).

Первая часть пророчества К. Д. Кавелина сбылась. Если суждено сбыться и второй его части, то этому поспособствуетъ чиновничья армія.

Н. Рубакинъ.

УТѢШИТЕЛЬНИЦА

Повѣсть Марсель Тинэръ.

I.

Маленькій уединенный зàмокъ, немного обветшалый, затерянный среди огромной каштановой рощи, вотъ уже четыре столѣтія печально глядится въ печальное зеркало пруда. Вода, вся чистая, безъ ряби, отражаетъ углы башенокъ, фіолетовую черепицу, разорванный пурпуръ ползучихъ растеній, драпирующихъ фасадъ. Широкая тисовая аллея—въ былое время эти тисы были подстрижены на манеръ шахматныхъ фигуръ — спускается къ далекой дорогѣ. Межъ рыжеватыхъ купъ каштановъ верескъ волнами взбѣгаетъ съ холма на холмъ до самаго горизонта, гдѣ, вырисовываясь серебряной чертой на свѣтломъ небѣ, блистаютъ холмы Монъ-д'Ора.

Ближняя деревушка спряталась гдѣ-то въ разсѣлинѣ, но во влажномъ воздухѣ чувствуется запахъ спѣлаго винограда и дыма— настоящій запахъ осени.

Лишь изрѣдка на этой каменистой, опасной дорогѣ покажется автомобиль, на перепутьѣ изъ Тюлля въ Клермонъ. Парижанки, закутанныя, подъ густыми вуалями, останавливаются, спрашиваютъ: „Чтò это за прелестный зàмокъ? Онъ продается? Онъ какъ будто созданъ для того, чтобы пріютить великое счастье или же великое горе"... И задумываются... Какой мелкопомѣстный дворянчикъ, болѣе гордый и болѣе бѣдный, чѣмъ д-Артаньяны и Сигоньяки, живетъ въ этомъ старомъ домѣ, на берегу пруда, въ концѣ темной аллеи грабовъ? Какая благочестивая старая

дѣва, въ родѣ Эжени Геренъ, забытая любовью, покорно и уныло доживаетъ свой вѣкъ въ холодныхъ комнатахъ, въ гостиныхъ съ желтыми портьерами, съ мебелью изъ краснаго дерева?.. Хотя бы на минутку заглянуть въ окно, подслушать тиканье часовъ, подсмотрѣть вспышку огня въ каминѣ, жестъ блѣдныхъ рукъ, поднявшихся надъ пяльцами — скрытую поэзію провинціальной жизни!...

Пастушка въ лохмотьяхъ, босоногая, съ пугливымъ и недовѣрчивымъ видомъ оглядываетъ проѣзжихъ, не оставляя веретена, на которомъ намотана темная шерсть. Ее спрашиваютъ:

— Чей это замокъ? Ронсьеръ? Ты говоришь — Ронсьеръ? И кому онъ принадлежитъ — господину Клaрансъ? — Жоржу Клaрансъ? Композитору?

Пастушка отвѣчаетъ на мѣстномъ нарѣчіи. И въ дамахъ, укутанныхъ въ сѣрый крепъ, снова пробуждается любопытство... Какъ? Жоржъ Клaрансъ, пѣвецъ любви, авторъ „Сильвабеллы“, „Принцессы де-Кловъ“, „Паризины“, любовникъ знаменитой итальянской пѣвицы, Беатриче Альбери... Онъ здѣсь? Одинъ?.. Нѣтъ... Съ своей любовницей?.. Нѣтъ... Пастушка упоминала о мадамъ Клaрансъ, о молодомъ барчукѣ, о маленькой барышнѣ... Они пріѣзжаютъ сюда, всѣ четверо, каждый годъ, на вакаціи, а баринъ иногда и одинъ, даже зимой... Но никогда не остается долго.

Дамы слушаютъ, заинтересованныя, лукаво улыбаясь подъ своими густыми вуалями. Гдѣ же бываетъ Альбери въ то время, какъ Клaрансъ, въ глуши Лимузена, наслаждается семейными радостями?.. Очевидно, поетъ—въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, въ Нью-Іоркѣ... Вѣдь въ Парижѣ Клaрансъ не разстается съ ней. Они вездѣ бываютъ вмѣстѣ. Это признанная связь, почти узаконенная временемъ... Госпожа Клaрансъ сама мирится съ ней... Тогда зачѣмъ же это изгнаніе?.. Впрочемъ, у артистовъ бываютъ странныя фантазіи...

— Этотъ маленькій замокъ совершенно утратилъ для меня свой поэтическій ореолъ, — говоритъ одна изъ дамъ. — Онъ не созданъ для супружескаго tête-à-tête. Клaрансу слѣдовало бы приберечь его для Беатрисы.

Всѣ смѣются. Автомобиль, пыхтя и шипя, исчезаетъ... И снова воцаряется безмолвіе.

II.

Десять часовъ утра, октябрь. Полина Клaрансъ за своимъ письменнымъ столомъ, въ гостиной, провѣряетъ счета кухарки.

Подними она глаза, передъ ней раскинулся бы паркъ, съ его дерновыми лужайками, съ клумбами астръ и георгинъ, а дальше—широкій горизонтъ, поле и лѣсъ въ осеннемъ уборѣ... Но она не поднимаетъ глазъ, всецѣло поглощенная провѣркой невѣрно сведеннаго счета.

Послѣ пятнадцати лѣтъ замужества, не смотря на успѣхъ мужа и начинающееся обогащеніе, не слѣдуя примѣру другихъ семей артистовъ, на склонѣ лѣтъ погнавшихся за роскошью, она хранитъ строгіе навыки своей ранней юности, привитые воспитаніемъ. Это настоящая французская буржуазка, волнуемая страхомъ за будущее и материнскимъ честолюбіемъ; она добра, но осмотрительна, не скупа, но почтительно относится къ деньгамъ, и, главное, боится, какъ бы ее не одурачили, не подумали, что ее можно одурачить. Если надо, она двадцать разъ провѣритъ счетъ, снова и снова продѣлывая скучное сложеніе, и, наконецъ, найдетъ ошибку. И радуется, что поставщики и слуги, пораженные ея проницательностью, не посмѣютъ больше ее обманывать.

Морщина прорѣзала выпуклый лобъ, подъ низкимъ ореоломъ каштановыхъ волосъ, и правильное, еще свѣжее, спокойное лицо вдругъ измѣнило выраженіе. Въ немъ можно прочесть теперь упорство—непоколебимое упорство молчаливыхъ людей, которые никогда не возмущаются громко противъ несправедливости, но никогда и не мирятся съ ней и не отчаяваются доказать свою правоту.

Она нашла ошибку, нарушившую равновѣсіе еженедѣльнаго „баланса". И улыбается, уже опять спокойная, довольная. Она одобрительно любуется утреннимъ свѣтомъ, цвѣтами, принесенными садовникомъ, гостиною — „парадною гостиною", омеблированною заново. Эта гостиная—ея естественная рамка, отраженіе ея жизни и души.

Прежняя мебель Ронсьера—столики и кресла темнаго краснаго дерева, обитыя выцвѣтшимъ голубымъ шелкомъ, блѣднымъ какъ лунный свѣтъ, стѣнные часы изъ крапчатаго дерева, съ колонками и невидимымъ маятникомъ, изображающимъ собою солнце въ лучахъ—вся эта провинціальная обстановка, простоявшая столѣтіе и обвѣянная гармоніей и очарованіемъ старины, перенесена Полиной въ другія комнаты. Теперь панели блѣдно-палеваго дерева съ золотымъ бордюромъ и панно изъ желтой брокатели служатъ фономъ для массивной и затѣйливой мебели „въ жанрѣ Людовика XV-го", присланной парижскимъ обойщикомъ. Обойщикъ самъ распредѣлилъ, гдѣ стоять консолямъ, ма-

ленькимъ столикамъ, маленькому диванчику, осуществивъ идеалъ серьезнаго, солиднаго „салона", вполнѣ приспособленнаго ко вкусу его покупателей. Мадамъ Клaрансъ не хотѣла меблировать Ронсьеръ по дачному, легкой мебелью, обитой англійскимъ кретономъ, или же загромождать его старымъ хламомъ, годнымъ только для разводки микробовъ. А что преображенная гостиная, вмѣстѣ съ прежнимъ своимъ видомъ, утратила и свою душу, что она не подходитъ ни къ убранству остальныхъ комнатъ, ни къ пейзажу, раскинувшему въ рамкѣ оконъ свой роскошный лѣсной коверъ—до этого Полинѣ дѣла нѣтъ. Ей нравятся всѣ эти вещи, банальныя какъ она сама, этотъ домъ, достойный крупнаго коммерсанта, инженера, нотаріуса — хотя это домъ Жоржа Кларанса.

Полина — высокая, плотная, широкая въ плечахъ и въ бедрахъ, скорѣй раздавшаяся, чѣмъ растолстѣвшая; лицо у нея еще молодое, а тѣло уже зрѣлое. Ея утреннее платье, свободное, сѣраго сукна, у ворота, на отворотахъ и на подолѣ затѣйливо отдѣлано суташемъ и мелкими оборочками. Она ходитъ по комнатѣ, разставляя въ вазы хризантемы, тамъ поправитъ складку на портьерѣ, здѣсь — подушку, абажуръ, корзиночку — все собственной работы, — всюду водворяя порядокъ и симметрію. Подолгу любуется фотографіями, большими и малыми, которыми уставлены и каминъ, и столъ, и рояль. Улыбается своимъ дѣтямъ, Жерменѣ и Пьеру, своимъ кузинамъ, подругамъ, своей свекрови, портретъ которой она чтитъ какъ фетишъ...

Потомъ взглядываетъ на часы и снова садится за письменный столъ, ибо близится часъ, когда почтальонъ приноситъ почту и забираетъ приготовленныя письма.

III.

Дверь отворяется. Удивленная Полина откидываетъ голову назадъ, чтобы принять поцѣлуй. Но губы ея мужа лишь слегка коснулись ея волосъ...

— Ты, мой другъ? Ужъ на ногахъ? Я думала, ты еще спишь... Ты такъ поздно сидѣлъ вчера ночью... Огонь въ печи твоей рабочей комнаты не погасъ?

— Нѣтъ.

— Вечера теперь страшно холодные. Я все думала: „Какъ бы Жоржъ не простудился". И это не давало мнѣ уснуть.

— Ты напрасно безпокоилась, Полина. Мнѣ было достаточно тепло.

— А видъ у тебя нехорошій...

Она вглядывается въ лицо Жоржа. Тотъ уклоняется и пожимаетъ плечами.

— Я прекрасно чувствую себя. Только немного усталъ.

Едва уловимая дрожь въ голосѣ выдаетъ, однако, его необычное, нервное состояніе. Жена спѣшитъ докончить письмо, вкладываетъ его въ конвертъ и оборачивается взглянуть на мужа. Тотъ усѣлся въ кресло и задумался, глядя въ пространство. Чувствуется, что мысли его гдѣ-то далеко...

Въ сорокъ-пять лѣтъ знаменитый композиторъ, профессоръ консерваторіи и академикъ, высокій, стройный, гибкій, съ блестящими голубыми глазами, смотритъ еще нестарымъ, если и не молодымъ. Ранняя сѣдина въ волосахъ, кудрявыхъ и густыхъ, совсѣмъ его не старитъ; усы остались темными и вьющимися; виски и матово-блѣдныя щеки сохранили твердость очертаній. И въ небрежномъ костюмѣ, какой онъ носитъ въ деревнѣ дома — complet изъ синяго мультона съ мягкой шелковой сорочкой — онъ кажется представительнымъ и элегантнымъ...

„Какъ онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты!“ — невольно думаетъ Полина.

И жалѣетъ, что онъ не состарился: она предпочла бы видѣть его старикомъ. Къ ея невольному восхищенію примѣшивается нѣкоторая доля обиды... Почему это люди солидные, благоразумные, бережливо расходующіе свои силы, старѣются скорѣй, чѣмъ честолюбцы и женщины, живущія только любовью?.. Не возрастъ создаетъ молодость, а сильная воля къ жизни, удивительная способность обновляться, постоянная напряженность нервовъ. Какъ только уступаешь, поддаешься — приходитъ старость. Полина, отрекшаяся отъ личной жизни, чувствуетъ себя почти старухой рядомъ съ этимъ сорокалѣтнимъ мужемъ, который еще не усталъ любить, наслаждаться, страдать, творить... И она вздыхаетъ:

— Жоржъ!

— Что тебѣ, дружокъ?

— Что съ тобой?

— Со мной?.. Ничего. Я вотъ все смотрю на эту гостиную и думаю, что у твоего обойщика большой грѣхъ на душѣ... Я захворалъ бы, еслибы меня заставили жить въ этой комнатѣ, среди всѣхъ этихъ шелковъ, позолоты, валиковъ и фестоновъ.

— Ужъ сказалъ бы ты сразу, что у меня нѣтъ вкуса.

— Твой вкусъ не сходится съ моимъ — но я ни въ чемъ тебя не упрекаю, милая Полина. Я шучу... Ты не любишь Ронсьеръ: ты здѣсь умираешь отъ скуки. Я страшно радъ, что у тебя есть теперь, по крайней мѣрѣ, свой уголокъ, какъ у меня мой. Ты пожелала, чтобъ этотъ уголокъ былъ золоченый. Тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже для тебя. Я предоставилъ тебѣ полную свободу. Я хотѣлъ, чтобъ ты была вполнѣ довольна. Мнѣ только жаль прежней, доброй старой мебели, и часовъ, и голубыхъ шелковыхъ портьеръ.

— Да вѣдь онѣ же выцвѣли.

— Все равно. Онѣ были очаровательны. Вещи, даже сборныя и средняго достоинства, какъ-то облагораживаются, объединяются въ гармонію, когда онѣ старѣются вмѣстѣ.

— И люди также?

— О! Люди... Съ людьми наоборотъ. Когда они непохожи другъ на друга, время только подчеркиваетъ разницу...

Неосторожное слово сорвалось съ языка. Полина, оскорбленная, отворачивается и замѣчаетъ кислымъ тономъ:

— Черезъ двадцать лѣтъ моя гостиная, быть можетъ, и понравится тебѣ, но я...

Она не договариваетъ. Жоржъ ее не слушаетъ, и въ зеркалѣ напротивъ она видитъ его лицо—настоящее, какое бываетъ у человѣка, когда онъ не слѣдитъ за собой, думая, что за нимъ не слѣдятъ.

Что съ нимъ? Откуда въ его лицѣ эта усталость и тревога? Что это — муки творчества, или муки любви? Чѣмъ онъ огорченъ? — Обычно, эти рѣзкія бутады не въ его характерѣ. Въ надеждѣ отвлечь его мысли, Полина мѣняетъ разговоръ. Она говоритъ о дѣтяхъ, которыя сегодня хорошо учились, о кухаркѣ, не умѣющей дѣлать сложеніе, о садовникѣ, который какъ разъ на сегодня пригласилъ спеціалиста подрѣзывать деревья.

— Какъ ты думаешь: подрѣзать тисы, или оставить, какъ есть? А маленькую липовую аллею?

— Какъ хочешь.

— Тутъ двоимъ не справиться. Развѣ взять поденщика. Какъ ты думаешь?

— Поденщика? Зачѣмъ?.. Ахъ, да! Такъ что-жъ! Рѣшай! Дѣлай, какъ лучше.

Никогда Клярансъ не споритъ съ ней. Когда Полина разсказываетъ ему о маленькихъ событіяхъ домашней жизни, подробно и детально, дополняя ихъ своими комментаріями, онъ скрываетъ скуку и раздраженіе подъ неопредѣленной улыбкой

и отвѣчаетъ, на всякій случай, односложными словами, которыя, при желаніи, можно принять за согласіе. Онъ раздражителенъ, какъ нервный человѣкъ, но умѣетъ быть мягкимъ, потому что ненавидитъ сцены, слезы и надутость, потому что въ немъ живетъ инстинктивная потребность нравиться и быть любимымъ, а главное — потому, что его ничто не волнуетъ, кромѣ его искусства и его любви. Его всегдашняя мягкость, которая всѣхъ такъ плѣняетъ, его покладистость—только одно изъ проявленій его глубокаго равнодушія ко всѣмъ и ко всему. Что ему до мнѣнія другихъ? Его счастье зависитъ только отъ него самого, да еще отъ женщины, которая для него—его второе „я“.

Онъ неожиданно перебиваетъ жену.

— Какъ ты думаешь, у насъ вѣрны часы?

— Да. А что?

— Что это почты сегодня такъ долго нѣтъ?

— Всѣ часы въ домѣ поставлены по церковнымъ, а церковные — по вокзальнымъ... Теперь одиннадцать безъ десяти минутъ.

— А!

— Ты ждешь чего-нибудь?

— Ничего особеннаго. Вѣстей изъ Будапешта.

— Ты еще не знаешь, имѣла ли успѣхъ „Принцесса“?

— Ничего не знаю. Вотъ уже два дня нѣтъ писемъ. Я, между прочимъ, жду письма и отъ директора Новой Оперы въ Пештѣ... Да. Не всегда удобно жить въ деревнѣ, въ пятнадцати часахъ ѣзды отъ Парижа, въ трехъ часахъ пути отъ желѣзной дороги. Ни почты, ни телеграфа, ни телефона, ни дилижанса. Ты говоришь, еще и лошадь захромала? Это восхитительно!

— Кто же виноватъ? Ты вѣдь выдумалъ покупать этотъ замокъ. Тебѣ хотѣлось забраться въ глушь, какъ можно дальше отъ Парижа. Намъ предлагали чудеснѣйшую виллу, въ дивной мѣстности. И какая тамъ чистота! А здѣсь крестьяне живутъ грязнѣе животныхъ. Да и самый домъ неудобенъ. Онъ постоянно нуждается въ ремонтѣ, а рабочихъ здѣсь не такъ-то легко достать... Что же касается поставщиковъ, они заламываютъ невозможныя цѣны, благо нѣтъ конкурренціи. Мясникъ, напримѣръ. Онъ пріѣзжаетъ разъ въ три—въ четыре дня, какъ ему вздумается. Приходится питаться чѣмъ попало. Неоткормленными цыплятами, дичью... А ты терпѣть не можешь дичи.

Мысли Кларанса блуждаютъ... Далеко, далеко отъ Ронсьера, отъ Полины... Его тоскующій взоръ слѣдитъ за дымомъ сигаретки, голубой спиралью поднимающимся къ потолку. Полина,

уже захваченная его тревогой, въ которой онъ наполовину сознался, подавляетъ въ себѣ дурное настроеніе. Положивъ руку на руку мужа, она ласково говоритъ:

— Послушай, ты совершенно напрасно тревожишься. „Принцесса“ всегда имѣетъ успѣхъ, въ особенности когда поетъ Беатриче Альбери.

Клaрансъ вздрагиваетъ при этомъ имени, хотя Полина произнесла его совершенно естественнымъ тономъ и съ улыбкой на губахъ. Посторонній свидѣтель этой семейной сценки подумалъ бы, пожалуй, что мадамъ Клaрансъ неизвѣстна связь ея мужа съ знаменитой миланской пѣвицей. Но Жоржъ уже не удивляется: онъ объясняетъ эту терпимость усталостью, привычкой. За девять лѣтъ можно привыкнуть... Съ тѣхъ поръ, какъ кончился періодъ борьбы, жалобъ и супружескихъ сценъ и въ семьѣ водворился миръ, его нимало не интересуетъ состояніе души его подруги жизни. Онъ не задумывается больше надъ загадкой — что̀ это: преданность, или своеобразная месть. Онъ принимаетъ жертвы, которыя приноситъ Полина, никогда не напоминая ей о томъ, чѣмъ, быть можетъ, пожертвовалъ онъ. Этого она не пойметъ, или сдѣлаетъ видъ, что не поняла.

Онъ считаетъ, что они квиты, разъ онъ даетъ ей богатство, отблескъ своей артистической славы, исключительное положеніе въ обществѣ и фактическое присутствіе свое у домашняго очага, разъ онъ обрекъ себя на тайную пытку жить врозь съ любимой женщиной, разъ онъ здѣсь, сегодня, въ этой ужасной гостиной...

Жена продолжаетъ свое.

— Ты сердишься? Я огорчила тебя? Мнѣ не слѣдовало жаловаться. Что это, какое у тебя печальное лицо! Ну, не сердись, голубчикъ. Я привыкну къ Ронсьеру, если только мы будемъ жить здѣсь вмѣстѣ. Мѣстность не такъ ужъ плоха... И жизнь дешевле... Ты работаешь...

— Благодарю тебя, Полина, и въ свою очередь прошу у тебя извиненія. Я сегодня не въ своей тарелкѣ. Нервы болятъ. Ты не сердишься?

— Нѣтъ.

И, съ видомъ снисходительной доброты, она прибавляетъ:

— Вотъ видишь... Я исполняю всѣ твои желанія, всѣ твои капризы. Тебѣ таки везетъ. Еслибъ твоя бѣдная мать была жива, она сказала бы, что ты не стоишь своего счастья. Кое-что въ нашихъ отношеніяхъ было бы для нея непонятно. А я хочу только, чтобъ ты былъ счастливъ. И ты счастливъ... Не правда ли, вѣдь ты счастливъ, мой Жоржикъ?

Онъ всегда спрашиваетъ себя: неужели это она въ серьёзъ требуетъ, чтобъ онъ считалъ себя счастливымъ? Странное же у нея представленіе о счастьѣ... Увы, одни и тѣ же слова имѣютъ разное значеніе для Жоржа и для Полины. Что она зоветъ „великодушіемъ“, онъ про себя называетъ „эгоизмомъ“. Счастье!.. Она могла бы дать ему счастье, давъ свободу — но этого онъ не съумѣлъ взять... За что же ему собственно благодарить ее?

Сердце его сжимается затаенною злобой, въ которой онъ самъ себѣ не хочетъ признаться, но губы лепечутъ:

— Да... конечно... я счастливъ...

А въ душѣ онъ говоритъ себѣ:

— Я больше не могу. Я уѣду. За три дня ни одного письма... Никогда еще Беатриче не оставляла меня по три дня безъ писемъ...

IV.

Жоржъ Клараисъ выросъ въ тихомъ и холодномъ домѣ, между зданіемъ суда и соборомъ, въ маленькомъ городкѣ на западѣ Франціи. У него были тетки монахини, кузенъ священникъ и двое дѣдушекъ судейскихъ, мрачные портреты которыхъ все время какъ будто укоризненно слѣдили за нимъ взглядомъ.

Тотъ же укоръ онъ порою читалъ и въ кроткомъ взорѣ своей матери. Мадамъ Клярансъ, какъ тѣнью окутанная чернымъ вдовьимъ крепомъ, жила своими воспоминаніями и культомъ семейныхъ традицій. Ей хотѣлось бы найти въ своемъ единственномъ сынѣ продолженіе мужа, которымъ она такъ восхищалась въ его беретѣ и красной тогѣ... Но у Жоржа были другіе вкусы, и вообще у него не было въ характерѣ ни одной отцовской черты. Онъ родился фланеромъ, чувствительнымъ, капризнымъ. Демонъ музыки вселился въ него еще въ ранней юности. Мадамъ Кларансъ съ ужасомъ замѣтила, что она произвела на свѣтъ артиста.

Онъ послѣдовалъ своему призванію, наперекоръ всему и всѣмъ, и бѣдная мать пролила немало слезъ. Наплакавшись вволю, она стала думать, какъ бы предотвратить несчастья и всякія напасти, по ея мнѣнію неизбѣжно сопутствующія артистической карьерѣ. Она не сомнѣвалась, что Жоржъ начнетъ кутить, очень скоро промотаетъ ихъ небольшое состояніе и, въ заключеніе, женится „на недостойной женщинѣ“.

„Недостойной женщины“ она боялась еще больше, чѣмъ нищеты. Вотъ почему она украдкой, исподволь подготовляла ему

надежную подругу жизни въ довольно привлекательномъ образѣ Полины Фавье, которую она взяла къ себѣ ребенкомъ, воспитала и, можно сказать, создала по своему образу и подобію.

— Я умру счастливой — говорила она своимъ пріятельницамъ, — если Жоржъ женится на Полинѣ. Она небогата, но это серьезный, надежный человѣкъ. Жоржъ такой шалый—она его заставитъ работать. Она не дастъ ему водиться съ богемой, расточая и свой талантъ, и свои деньги. И не станетъ ему измѣнять. Онъ не вправѣ будетъ назвать ее глупой провинціалкой, такъ какъ училась она отлично и въ своемъ пансіонѣ всегда получала первыя награды... Но она не витаетъ въ облакахъ; она дѣйствуетъ всегда методически, обдуманно; она хорошая хозяйка, у нея есть принципы и врожденное чувство долга. Если Господь услышитъ мою послѣднюю молитву, Жоржъ женится на Полинѣ.

Жоржъ не хотѣлъ жениться на Полинѣ. Его не плѣняли ни первыя награды, ни аттестаты, ни репутація „прекрасно воспитанной молодой дѣвицы". Онъ находилъ ее нѣсколько педанткой и черезчуръ насѣдкой. Самое бы для нея подходящее— сдѣлаться учительницей. Онъ прозвалъ ее „госпожа Разсудокъ". И когда онъ пріѣзжалъ въ Б. на вакаціи, ему казалось, что всѣ фамильные портреты—и дѣдушекъ-судей, и кузена-священника— шепчутъ ему изъ полумрака гостиной: „женись на Полинѣ".

У него была любовница, красивая, забавная и измѣнявшая ему, которую онъ любилъ. Была другая, менѣе красивая и болѣе нѣжная, которая его любила. Его молодость была прекраснымъ садомъ, гдѣ каждая женщина, проходя, могла сорвать цвѣтокъ. Но въ одинъ прекрасный день всѣ розы увлеченій и капризовъ осыпались, поблекли подъ грозой. Жоржъ узналъ страданіе. Онъ вернулся въ тихій, холодный домъ лечить сердечныя раны, и неожиданно для себя замѣтилъ, что Полина красива, что у нея ясные цѣломудренные глаза, глаза безъ тайны... Она немного слишкомъ гордилась своимъ аттестатомъ и наградой, полученной ею на большомъ конкурсѣ, слишкомъ часто говорила объ этомъ. Но этотъ невинный педантизмъ, поощряемый восторгами близкихъ, разумѣется пройдетъ съ годами. Мадамъ Кларансъ не преувеличила достоинствъ своей крестницы. Полина сама вела все хозяйство, сама шила себѣ платья и отдѣлывала шляпы, а въ свободныя минуты играла на роялѣ. Жоржъ возмутился тѣмъ, какъ ее учили музыкѣ, и далъ ей нѣсколько уроковъ. Весь городъ уже считалъ ихъ женихомъ и невѣстой, когда мадамъ Кларансъ заболѣла. Сынъ и

крестница съ одинаковымъ усердіемъ ухаживали за нею. Наканунѣ кончины, въ бреду, она лепетала:

— Дѣти... дѣти Жоржа и Полины...

Послѣ похоронъ, Полина объявила, что она уѣзжаетъ.

— Я бѣдная дѣвушка. Къ счастью, у меня есть дипломъ. Найду себѣ мѣсто учительницы гдѣ-нибудь за границей.

Жоржъ не рѣшился сказать ей, что она, можетъ быть, преувеличиваетъ цѣнность своего диплома. Ея слезы, ея трауръ, ея мужество тронули его, и онъ не устоялъ противъ удовольствія разыграть роль Провидѣнія, своею волей измѣнить судьбу человѣка. Любилъ ли онъ Полину? Ему хотѣлось думать, что любилъ... Она была привлекательна, неглупа, добродѣтельна, и, за недостаткомъ страсти, онъ чувствовалъ, что будетъ „очень любить" ее—какъ любятъ вообще законныхъ женъ.

Онъ женился на Полинѣ. Ей хотѣлось путешествовать; онъ убѣдилъ ее, что медовый мѣсяцъ пройдетъ гораздо пріятнѣе въ старомъ домѣ, гдѣ тѣнь мадамъ Клaрансъ какъ бы благословляла ихъ счастье. Полина уступила, лѣниво предоставивъ жизнь ея теченію.

Жоржъ обладалъ великодушной фантазіей артистовъ, посвоему преобразующей дѣйствительность, но быстро истощающейся, разъ обаяніе разсѣялось. Незамѣтно для него самого, въ немъ нарождалась склонность къ удобствамъ, къ комфорту, являлись маленькія чувственныя потребности, какія развиваетъ жизнь въ провинціи. Сентябрь позолотилъ сады. Полина, безъ шляпки, съ засученными рукавами, собирала яблоки; голубыя тѣни и блѣдные лучи солнца, сквозь мѣдно-красные листья, скользили по черному платью и бѣлымъ рукамъ. Она варила варенье, смѣющаяся, вся въ яркомъ свѣтѣ огня. Или же, сидя въ комнатахъ, молча вышивала, въ блѣдномъ свѣтѣ занавѣшенныхъ оконъ... Эти маленькія домашнія сценки забавляли Жоржа, и ему хотѣлось положить ихъ на музыку, на манеръ „Kinderscenen" Шумана.

Однажды онъ высказалъ вслухъ это желаніе, думая, что оно польститъ Полинѣ.

Она не поняла, не повѣрила.

— Послушай—ты смѣешься надо мной?

— Да нѣтъ же!

— Ну, такъ, значитъ, ты не подумалъ. Эта идея...

— Ну?

— По моему, она очень странная.

Онъ попробовалъ заставить ее разговориться. Она упорно отдѣлывалась неопредѣленными отвѣтами, и видъ у нея былъ

скептическій и немного обиженный. Жоржъ сообразилъ, что она находитъ его почти смѣшнымъ, съ его манерой вносить поэзію и музыку во все, даже въ вульгарныя хозяйственныя мелочи. Для нея, какъ и для всѣхъ ея знакомыхъ, поэзія была роскошью, излишкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ реальной жизнью — чѣмъ-то въ родѣ гостиной, которою гордятся, но куда заглядываютъ лишь въ извѣстные дни и остаются тамъ недолго, а живутъ въ другихъ комнатахъ, попроще.

Наставницы Полины учили ее, что существуютъ „поэтическія темы", на которыя можно написать прекрасное „сочиненіе". Напримѣръ, прогулка въ гондолѣ... возвращеніе моряка... лунный свѣтъ на развалинахъ Колизея... Точно также есть подходящія темы для живописи и музыки.

Это была обычная эстетика „добрыхъ сестеръ", съ легкимъ пережиткомъ глупенькой сентиментальности сороковыхъ годовъ, въ жанрѣ Эммы Бовари. Не виновата же Полина въ томъ, что она получила ветхозавѣтное воспитаніе. Жоржъ сказалъ себѣ: „Надо образовать ея вкусъ".

И предложилъ ей читать съ нимъ вмѣстѣ, возобновить уроки музыки. Полина играла только вальсы и Fantaisies brillantes, да попурри изъ давно забытыхъ оперъ.

Но тутъ онъ натолкнулся на какое-то пассивное сопротивленіе. Полина, нѣсколько раздосадованная тѣмъ, что къ ней относятся какъ къ ученицѣ, нашла, что ея воспитаніе — ея блестящее образованіе — разъ навсегда закончено. Она знаетъ все, что должна знать порядочная женщина. Теперь ей хотѣлось просто жить какъ дама, „поставить домъ", хозяйничать, дѣлать и принимать визиты, порою перелистывать, ради собственнаго удовольствія, какой-нибудь дамскій журналъ или новый романъ.

По вечерамъ, когда Жоржъ читалъ ей вслухъ, при лампѣ, она, изъ вѣжливости, дѣлала видъ, что слушаетъ, но рукодѣлье, которымъ были заняты ея пальцы, поглощало и ея мысли.

— Какъ это красиво! Милая, не правда ли? — говорилъ Жоржъ.

Она отвѣчала:

— Восхитительно!

И мысленно считала крестики и петли.

Быть можетъ, Клярансъ, импровизированный воспитатель, не умѣлъ выбрать произведеній, которыми онъ надѣялся увлечь и восхитить Полину. Онъ не былъ ученымъ, не былъ даже особенно начитаннымъ, но обладалъ тонкимъ чутьемъ и большой мѣткостью сужденій. Ему нравились психологическія тонкости,

рѣдкіе оттѣнки, красота, не бьющая въ глаза, вуалированная, незаконченная. Его любимцами въ литературѣ и искусствѣ были такъ называемые „трудные авторы“.

Онъ замѣтилъ наконецъ, что въ эти вечера, проводимые наединѣ съ женой, онъ говоритъ одинъ и только для себя, что онъ не находитъ отклика въ душѣ Полины. И его началъ тяготить этотъ конкретный, резонерскій умъ, прикованный къ его уму и безпрестанно обуздывавшій его, возвращая его къ убожеству жизни.

Онъ чувствовалъ также, и не безъ стыда, что и самъ онъ отяжелѣлъ отъ этой жизни, что привычки къ комфорту и ничего недѣланью дурно отзываются на его талантѣ, что его творческій духъ отяжелѣлъ и не можетъ парить. Возмутиться, противодѣйствовать? Но какъ? Онъ былъ изъ тѣхъ людей, скорѣе порывистыхъ, чѣмъ дѣйствительно сильныхъ, которымъ нужна побудительная причина, точка опоры внѣ ихъ самихъ. Онъ не могъ обойтись безъ одобренія и безъ критики, не могъ работать, не посвящая своего труда и своихъ твореній любимому существу. Эта чисто женская черта, такъ часто встрѣчающаяся у артистовъ, и привлекательна, и опасна. Человѣкъ, превращающій свое искусство въ утонченное кокетство, въ средство нравиться и быть любимымъ, становится игрушкой случая, огнемъ, на который со всѣхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ — и не знаешь, разгорится ли онъ, или погаснетъ.

Около половины января мужъ и жена переѣхали въ Парижъ.

Жоржъ снова принялся за работу, предоставивъ Полинѣ устраивать ихъ новое гнѣздышко. У него было нѣсколько старинныхъ вещей, довольно красивыхъ, нѣсколько холстовъ и гравюръ. Все это вмѣстѣ составляло обстановку, не роскошную, но приспособленную къ его вкусамъ и привычкамъ. Полина скоро испортила этотъ простой ансамбль избыткомъ украшеній, бездѣлушекъ и драпри. Это послужило поводомъ къ первымъ размолвкамъ между мужемъ и женой, и, какъ всегда, женщина восторжествовала. Большой рабочій кабинетъ былъ превращенъ въ гостиную; въ немъ появилось множество мелкой мебели въ „стилѣ модернъ“, абажуры „ампиръ“, рамки изъ вѣнской бронзы, подушки и подушечки, всевозможные „библо“. Клараису пришлось ютиться въ небольшой комнаткѣ, окнами во дворъ, вмѣстѣ со своимъ старымъ письменнымъ столомъ, старымъ рояломъ и полками для книгъ. Тамъ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ безъ

помѣхи принимать у себя своихъ старыхъ товарищей, которые не удостоивались пріема въ „салонъ“ и которыхъ Полина презрительно называла „богемой“, увѣряя, что они невоспитаны и не умѣютъ себя держать.

Друзья Жоржа поняли, что они въ тягость его женѣ, и заходили все рѣже. Жоржъ огорчался. Онъ пытался растолковать Полинѣ, что эти молодые люди—совсѣмъ не „богема“, что они носятъ бархатныя куртки и мягкія фетровыя шляпы потому, что этотъ дешевый нарядъ имъ къ лицу; они по цѣлымъ днямъ упорно работаютъ, и какъ только у нихъ заведется немного денегъ, спѣшатъ заплатить за квартиру; словомъ, все это—„славные парни“, изъ которыхъ „будетъ толкъ“, что они гораздо „шикарнѣе“, чѣмъ свѣтская молодежь, и всей своей младенческой душою любятъ музыку, даже не понимая ея, просто потому, что у нихъ есть врожденное художественное чутье.—Полина никакъ не могла повѣрить, чтобы эти люди не были эксплуататорами и не являлись къ Жоржу по вечерамъ только затѣмъ, чтобы пить даромъ хорошее пиво, даромъ курить хорошія сигары—и ужъ, конечно, занимать у него деньги.

— Ты не нуждаешься въ нихъ, а они нуждаются въ тебѣ—говорила она.—Ты только напрасно тратишь время на болтовню. Работай.

Онъ и самъ хотѣлъ работать — уже для того, чтобъ стряхнуть съ себя легкое отупѣніе, овладѣвшее имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился. Наединѣ съ Полиной ему уже было скучно. „Мы съ ней уже все переговорили, и разговаривать намъ пока больше не о чемъ“,—думалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ искренно былъ увѣренъ, что любитъ свою жену; онъ еще смотрѣлъ на нее глазами молодого влюбленнаго мужа. Она тоже любила его посвоему—сама заправляла для него лампу, приготовляла туфли, придвигала кресло поближе къ огню, безпрестанно придумывала какія-нибудь новыя лакомыя блюда къ обѣду.

— Развѣ ты не счастливъ, что у тебя есть такая женка? Ну, вспомни, какъ ты прежде жилъ... Обѣдалъ въ ресторанѣ. Платье тебѣ чинила консьержка... А теперь—какая разница! За тобой ухаживаютъ, тебя балуютъ; ты катаешься, какъ сыръ въ маслѣ.

Такія выраженія, весьма обычныя у Полины, страшно раздражали Жоржа. Самъ онъ былъ простъ и въ рѣчахъ, и въ обращеніи, и нерѣдко съ языка его срывалось живое, рѣзкое, безцеремонное слово. Но вульгарность претила ему. Полина въ провинціи, молодой дѣвушкой, говорила всегда обдуманно и сдер-

жанно, какъ подобаетъ благовоспитанной дѣвицѣ; выдержка замѣняла у нея утонченность. Выйдя замужъ, она перестала сдерживаться, слѣдить за собой и стала такой, какой была отъ природы — не только банальной, но даже немного вульгарной.

— Что такое?—возмущалась она, когда онъ робко пытался давать ей совѣты. — Ты еще будешь учить меня говорить? Я воспитана не хуже тебя и ужъ конечно лучше твоихъ товарищей... Къ тому же, у меня дипломы, а ты провалился, когда держалъ на баккалавра.

Къ концу года Жоржъ закончилъ симфонію, а Полина произвела на свѣтъ сына. Кларансъ не обнаружилъ особаго восторга по поводу этого радостнаго событія: увѣренность возродиться въ своемъ первенцѣ волновала его меньше, чѣмъ надежда и послѣ смерти жить въ своихъ произведеніяхъ. Молодая мать была обижена такимъ равнодушіемъ и очень кисло выразила свое огорченіе.

— Чего же ты хочешь? Дай мнѣ привыкнуть. Отцовское чувство—не инстинктъ. Прими мое пока на вѣру. Не уродъ же я, въ самомъ дѣлѣ. Со временемъ я, конечно, буду любить этого мальчугана...

Появленіе ребенка, когда родители не оба желали и ждали его, не всегда бываетъ для нихъ счастьемъ. Едва супруги успѣли нѣсколько приспособиться другъ къ другу, какъ новорожденный поглощаетъ все вниманіе и всѣ мысли матери. Люди чувствуютъ себя скованными цѣпью раньше чѣмъ стали единымъ цѣлымъ. И всегда это трудная пора для женщины, которая и въ тяготахъ, и въ радостяхъ своего состоянія ощущаетъ какъ бы животное блаженство, въ соединеніи съ умственной апатіей. Слишкомъ часто она обрѣтаетъ въ себѣ душу насѣдки и вмѣстѣ со своимъ поясомъ распускается и сама. Полина, вѣрная завѣтамъ прабабушекъ, пожертвовала материнству любовью. Она сама кормила маленькаго Пьера цѣлыхъ полтора года. Теперь она уже не говорила о своихъ дипломахъ и о конкурсѣ, на которомъ она получила первую награду, а лишь объ увеличеніи вѣса ребенка, о томъ, чѣмъ надо кормить, когда рѣжутся зубки, и какая система лучше: французская или англійская—свивальники или тюфячки. И блѣднѣла отъ зависти, когда ребенокъ пріятельницы оказывался тяжелѣй ея Пьера.

— Жанна увѣряетъ, что ея бебе вѣситъ девятнадцать фунтовъ... на три фунта больше Пьерро... Какое вранье... Во-первыхъ, у него отеки—ей Богу, отеки.

— Да тебѣ-то что? Не все ли равно?

— Ну, конечно! Ты нисколько не интересуешься твоимъ ребенкомъ...

Это была правда. Жоржъ мало интересовался ребенкомъ и все меньше интересовался Полиной. Она думала, что достаточно выйти замужъ, чтобъ закрѣпить за собой любовь мужа, и что разъ повѣнчались, можно быть спокойной. То, что Жоржъ писалъ черные и бѣлые крючки на нотной бумагѣ, по ея мнѣнію вовсе еще не значило, чтобъ онъ отличался отъ другихъ людей, честно зарабатывающихъ себѣ кусокъ хлѣба: купцовъ, судей, ремесленниковъ, врачей...

И она порицала его манію „не быть какъ люди".

Симфонія, двѣ оркестровыхъ сюиты, сборникъ романсовъ положили начало блестящей извѣстности Жоржа Кларанса. Четыре года спустя послѣ его женитьбы, въ Opéra Comique была поставлена „Сильвабелла"—волшебная сказка, къ которой онъ написалъ и либретто, и музыку. Это былъ колоссальный успѣхъ, чудовищная реклама въ газетахъ и журналахъ, популярность, похожая на славу, внезапный притокъ денегъ, сулящій богатство. Портретъ автора красовался во всѣхъ витринахъ, вмѣстѣ съ портретами его жены и дѣтей. Прекрасныя незнакомки предлагали ему себя и свою непонятую душу. Журналисты называли его: „cher maître". Полина, сперва нѣсколько удивленная, очень скоро вошла въ роль „супруги великаго человѣка". Она простилась съ прежней квартиркой, слишкомъ тѣсной и „убогой", объявила, что намѣрена „принимать" и поддерживать полезныя связи, и такъ какъ Жоржъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ, заранѣе стала освѣдомляться, какъ выгоднѣе помѣщать деньги.

Эта пора ея жизни навсегда осталась въ памяти Полины волшебнымъ сномъ, порой невыразимаго счастья, когда исполнились не только всѣ ея честолюбивыя мечты, но и то, о чемъ она не смѣла и мечтать. Она даже не замѣчала, что Жоржъ становится какимъ-то страннымъ, разсѣяннымъ и грустнымъ, что онъ пересталъ бывать въ театрѣ и, когда начинаютъ восхищаться его „Сильвабеллой", спѣшитъ перемѣнить разговоръ.

— Cher maître—говорили ему,—вы слишкомъ скромны.

Онъ не былъ скроменъ: онъ сознавалъ свою силу, но ясно видѣлъ и свои недостатки, былъ очень строгъ къ себѣ, и гордость спасала его отъ тщеславія. Онъ отлично понималъ, чего стоитъ „Сильвабелла", и сравнивалъ себя съ скульпторомъ, спо-

собнымъ создавать героическіе образы изъ вѣчнаго мрамора—и забавы ради вылѣпившимъ изъ глины грандіозную статуэтку, какъ цвѣтокъ расцвѣтшую подъ его пальцами. Красивая вещица — да, но бездѣлка, изящная забава художника и ничего больше... Откуда же этотъ чрезмѣрный, почти стѣсняющій успѣхъ, влекущій за собою восхищеніе глупцовъ и, быть можетъ, заранѣе разбивающій заслуженную славу будущихъ произведеній? Когда невѣжественные снобы осмѣливались сравнивать его съ великими композиторами, Кларансу хотѣлось отвѣтить пощечиной, и онъ почти со стыдомъ думалъ о бѣдности Бетховена, о неудачахъ Берліоза...

Добрые коллеги-музыканты уже шептались между собой о томъ, что Кларансъ сразу достигъ совершенства.—Быть можетъ, онъ и повторитъ „Сильвабеллу“, но лучше этого онъ ужъ ничего не напишетъ.

Два года спустя была поставлена на сценѣ новая опера Жоржа, „Паризина“ — лирическая драма, сильная, ярко-красочная, пропитанная вѣяніемъ смерти и сладострастіемъ, по музыкѣ нѣчто неслыханное, совершенно новое. Въ нѣкоторыхъ музыкантахъ она вызывала дикій восторгъ, въ другихъ—завистливое безпокойство.

Одни говорили:

— Это не Берліозъ, но это стоитъ Берліоза... Тѣ же недостатки, та же геніальность...

Другіе возражали:

— Грубость и сила — не одно и то же... Въ этой „Паризинѣ“ милліонъ ошибокъ... Кларансу лучше бы держаться прежняго пути, по которому онъ шелъ въ „Сильвабеллѣ“. Вотъ это, дѣйствительно, прелестная музыка—легкая, понятная, настоящая французская.

Публика, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, шла по стопамъ критики и требовала второй „Сильвабеллы“. Полина, сконфуженная неудачей, твердила вслѣдъ за публикой: — Разъ тебѣ удается этотъ жанръ, ну и дѣлай то, въ чемъ тебѣ обезпеченъ успѣхъ. Не бросай добычу изъ-за тѣни. Тебѣ нужно беречь свою репутацію и обезпечить семью. И это вполнѣ возможно. Тебѣ стоитъ только захотѣть. Это такъ просто. Къ чему писать такую музыку, которой никто не понимаетъ?

Эти наивные, нелѣпые совѣты доводили Жоржа до отчаянія. Онъ давно уже понялъ, какой ошибкой была его женитьба, но говорилъ себѣ, что все-таки Полина много выше, напримѣръ, Терезы, возлюбленной Ж.-Ж. Руссо, и что ничтожество жены не

можетъ служить препятствіемъ естественному развитію генія или таланта мужа.

— Моей возлюбленной будетъ музыка; я не хочу другихъ,— признавался онъ порой старымъ друзьямъ, дивившимся его кажущемуся смиренію. И прибавлялъ: — Влюбленный художникъ, какъ художникъ, ничего не стоитъ. — И былъ увѣренъ, что говоритъ искренно.

Пока вся его энергія была поглощена творческимъ усиліемъ, пока удача ему благопріятствовала, Клярансъ въ самомъ дѣлѣ могъ думать, что любовь къ женщинѣ въ немъ умерла. Провалъ „Паризины" страшно взволновалъ его, пробудилъ въ немъ сомнѣнія въ себѣ и огромную потребность въ ободреніи, въ поддержкѣ. Зачѣмъ его жена не другъ ему? Увы! Жоржъ убѣждался, что любящая, вѣрная, безупречная жена можетъ имѣть пагубное вліяніе на своего спутника жизни. Не участвуя въ творчествѣ мужчины, женщина создаетъ моральную атмосферу, въ которой зарождаются и осуществляются его творенія. Ея посредственность принижаетъ, обезцвѣчиваетъ эту атмосферу, направляетъ его энергію на мелкія, низменныя цѣли. И мужчина, воображающій, что эта посредственность не оказываетъ на него никакого дѣйствія, мало-по-малу поддается внушенію: безкорыстное служеніе красотѣ уступаетъ мѣсто утилитарному творчеству.

„Для ремесленника, для дѣльца — думалъ Клярансъ — неважно, если его жена дорожитъ успѣхомъ, и только успѣхомъ. Для него успѣхъ — признаніе его профессіональной годности, и самъ онъ жаждетъ только успѣха. Но для художника успѣхъ — счастливая случайность, удача, не больше..."

Ему припоминались его прежніе или недавніе друзья, вступившіе на путь погони за успѣхомъ. Женатые на честолюбивыхъ буржуазкахъ или легкомысленныхъ мондэнкахъ, они принуждены были, въ угоду женѣ, нанимать отель въ шикарномъ кварталѣ, держать автомобиль, задавать пиры, оплачивать счета извѣстнаго портного. При встрѣчахъ другъ съ другомъ они говорили только о деньгахъ, о контрактахъ, о надувательствѣ издателей и директоровъ. И никогда, никогда ужъ больше онъ не увидитъ въ ихъ глазахъ того отблеска внутренняго свѣта, который такъ краситъ взоръ молодыхъ артистовъ, бѣдныхъ и безвѣстныхъ... Люди, „пробившіе себѣ дорогу", утратили горячую любовь къ искусству, гордость, щепетильную какъ женскій стыдъ, добросовѣстное, почтительное отношеніе къ своему дѣлу, смиреніе передъ великими учителями, которое такъ пре-

красно уживается съ желаніемъ сравняться съ ними — всю ту молодость души, которой еще не утратилъ Жоржъ Кларансъ.

Въ теченіе этого мучительнаго кризиса завершился моральный разрывъ между супругами. Кларансъ попробовалъ жить одинокимъ, болѣе одинокимъ, чѣмъ прежде — одинокимъ въ своемъ творчествѣ, въ своихъ стремленіяхъ, какъ Бетховенъ или Микель-Анджело. Но онъ не принадлежалъ къ этой расѣ полубоговъ, которая не общается съ дочерьми земли и живетъ цѣломудренно на высотахъ чистаго искусства. Чуждый по натурѣ этимъ одинокимъ геніямъ, онъ былъ еще болѣе далекъ отъ простодушныхъ, наивныхъ художниковъ, отъ старыхъ нѣмецкихъ музыкантовъ, которыхъ такъ ясно представляешь себѣ гдѣ-нибудь въ скромномъ домикѣ, на берегу рѣки, сочиняющими хоралы и фуги, въ будніе дни наставляющими своихъ учениковъ, а по воскресеньямъ играющими на органѣ въ городскомъ соборѣ, во славу Божію и своихъ учителей. Кларансъ любилъ, сыновней любовью, иныхъ, неуравновѣшенныхъ, тревожныхъ геніевъ: бурнаго Вебера; Шопена, нервнаго какъ женщина; бѣднаго Шумана, которому, въ его безуміи, слышались призывы водяныхъ и смѣхъ Лорелеи; Берліоза, саркастическаго и нѣжнаго; даже Вагнера, который вечеромъ, въ Венеціи, бросалъ вослѣдъ утраченной Матильдѣ безумное рыданіе Тристана. Но въ каждой изъ этихъ осіянныхъ славой жизней маячилъ образъ женщины-вдохновительницы или утѣшительницы... У Шумана была Клара Викъ, у Шопена — Жоржъ Зандъ; Берліозъ любилъ и въ старости, Вагнеръ забылъ Матильду Везендонкъ для Козимы Бюловъ...

У Кларанса была Полина. Онъ былъ одинъ.

Могъ ли онъ не поддаться обычнымъ искушеніямъ? За отсутствіемъ любви, онъ сталъ искать наслажденія у свѣтскихъ женщинъ, у артистокъ; но, при всей его чувственности, чисто физическое наслажденіе оставляло въ душѣ его горькій осадокъ. Его душилъ избытокъ неиспользованной, никому не нужной нѣжности, которая рвалась излиться словомъ, взглядомъ... Заговорить, заплакать... Глупенькія, сентиментальныя любовницы скоро отбивали у него охоту къ этому, и онъ волей-неволей замыкался въ гордомъ, стыдливомъ безмолвіи...

Итальянскій импрессаріо, ставившій „Сильвабеллу“ въ Миланѣ и Римѣ, рѣшилъ поставить и „Паризину“. Жоржу такъ опротивѣла эта опера, что онъ сначала воспротивился, потомъ

далъ разрѣшеніе, но отказался пріѣхать, чтобы лично руководить постановкой. Одинъ его товарищъ, до извѣстной степени его ученикъ, помогалъ ему въ Парижѣ, во время репетицій. Жоржъ послалъ его въ Италію, а самъ, неожиданно для всѣхъ, уѣхалъ на островъ Мадеру.

Тамъ и застала его нежданная, бодрящая вѣсть объ успѣхѣ, въ маленькомъ домикѣ, въ глубинѣ острова, среди зеленыхъ горъ и цѣлыхъ плантацій розовыхъ гортензій. Его охватила тревога, любопытство, возвратъ страстной любви къ этой „Паризинѣ", которая была ему такъ дорога и такъ ненавистна... Въ одинъ апрѣльскій день онъ, никого не предупредивъ, высадился въ Неаполѣ, и въ тотъ же вечеръ былъ въ Римѣ, въ театрѣ Костанци.

Кларансу некогда было даже переодѣться. Онъ поспѣлъ въ театръ какъ разъ къ занавѣсу послѣ перваго акта. Рукоплесканія, относившіяся къ его музыкѣ, а не къ его особѣ, смутили его. Онъ взволновался, покраснѣлъ и самъ смѣялся надъ своимъ волненіемъ. Усѣвшись въ послѣднемъ ряду партера, среди скромныхъ зрителей въ пиджакахъ и мягкихъ шляпахъ, онъ прислушивался къ впечатлѣніямъ сосѣдей... То были, по большей части, мелкіе служащіе—чиновники, конторщики, страстные поклонники театра.

— Вы французъ?—спрашивали его.—Изъ Парижа?.. Такъ вы бывали въ Оперѣ?

— Нѣтъ.

— Вы не знаете Кларанса?

— Нѣтъ.

— Это геніальный композиторъ—геніальный!.. Мѣстами его музыка нѣсколько трудна для насъ... но мы вѣдь слышали здѣсь всего Вагнера. Да-съ, сударь, мы вовсе ужъ не такъ отстали, какъ вы воображаете во Франціи... Беллини, Доницетти, Верди... Это великіе геніи, но у насъ есть и другіе.

— Я это знаю.

— Эта музыкальная драма Кларанса—какая красота!.. Какая сила, страсть!.. Вы знаете, въ началѣ, когда входитъ Уго: „Ла... ла... ла... да..." Сколько страсти! А Альбери?.. Вы еще не видали ея?.. Peccato! Альбери,—это такая красавица, такая геніальная артистка!..

— У нея очень большой голосъ?

— Нѣтъ.

— Очень сильный?

— Нѣтъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Кто ее слышалъ разъ, тотъ не забудетъ... Когда она поетъ: „Ла... ла... ла... ла...“ Знаете: этотъ речитативъ... во время праздника?... Ахъ, да! Вы же не знаете...

Сосѣдъ Кларанса ушелъ курить, а онъ, не смѣя тронуться съ мѣста изъ-за своего дорожнаго костюма, остался сидѣть, прислушиваясь къ разговору въ ложѣ позади его, гдѣ сидѣли декольтированныя дамы и мужчины во фракахъ. Въ театрѣ собрались всѣ иностранцы, проживающіе въ Римѣ.

— Эта опера въ Парижѣ не имѣла успѣха—говорила русская дама.

Пожилой господинъ, съ большими усами, отвѣчалъ:

— Мнѣ все равно. Я не понимаю этой музыки... я слишкомъ старъ. Я пришелъ ради Альбери.

— Вы влюблены въ нее?..

— Издали... Мнѣ подъ-шестьдесятъ.

— Она добродѣтельна?

— Насколько это возможно для актрисы... Она дебютировала въ провинціи, неудачно...

— Она изъ простонародья?

— Да. Родилась въ Миланѣ... И красота ея миланскаго типа... такая утонченная.

— Вамъ нравятся ея волосы?

— Они во вкусѣ Луини... А этотъ гордый выпуклый лобъ, этотъ узкій овалъ лица, эти тонкія брови...

— И всетаки она некрасива.

— Лучше того: она прекрасна.

— Такихъ красавицъ сколько угодно встрѣтишь на улицѣ въ Миланѣ...

Старикъ съ большими усами возмущался:

— Женщины не умѣютъ видѣть женщину.

— Зато онѣ умѣютъ слушать... Альбери поетъ, какъ Дузэ играетъ — она вкладываетъ въ пѣніе всю свою душу. Будь я мужчиной...

— О, это было бы жаль!

— Будь я мужчиной, я, можетъ быть, и не была бы ея любовникомъ; но будь я ея любовникомъ, я бы заставляла ее пѣть всякій разъ, какъ у меня являлось бы искушеніе измѣнить ей—и я почти увѣрена, что послѣ этого нельзя было бы увлечься другой женщиной... Вы понимаете?

Всѣ разсмѣялись. Одна изъ женщинъ спросила:

— Что, она любитъ кого-нибудь, эта ваша Альбери?.. У нея такая грустная улыбка, когда она молчитъ.

— У нея нѣтъ любовника... По крайней мѣрѣ признаннаго.

— Но эта женщина любила. Вы видѣли ея лицо, ея жестъ, когда она признается сыну своего мужа: „Я боюсь полюбить"... Она, какъ будто, дѣйствительно боится... вспоминаетъ...

— Тише, тише. Слушайте!

— Прелюдія къ любовной сценѣ.

— Какъ это красиво!

Звуки віолончелей покрыли шепотъ въ залѣ, и пока занавѣсъ поднимался, Кларансъ, взволнованный, закрылъ глаза... Онъ уже слишкомъ много слышалъ объ Альбери, чтобы не создать себѣ идеальнаго представленія о ней, чтобы сердце его не забилось сильнѣе отъ страха разочарованія или отъ неизбѣжнаго сюрприза... Онъ считалъ... Три, четыре такта... И, не глядя, слушалъ.

Этотъ голосъ... Это былъ голосъ его музыкальной мысли... Въ глубинахъ своего духа, въ томъ преддверіи творчества, гдѣ витаетъ еще несозданная мелодія, Кларансъ слышалъ этотъ голосъ. Да, именно этотъ ясный серебряный звукъ на верхнихъ нотахъ, этотъ мягкій бархатный средній регистръ и трагическія низкія ноты—это неожиданное и такое красивое измѣненіе тембра, когда любовный экстазъ переходитъ въ опьяненіе страстью... Слушая Альбери, онъ забылъ, что онъ въ театрѣ; она какъ будто никогда не разучивала этой роли—мелодія сама рождалась на ея устахъ, какъ нѣжныя, любовныя слова, какъ непосредственное выраженіе реальнаго чувства. Это была Паризина, маркиза д'Эсте, молодая женщина, выданная замужъ за старика, влюбленная въ своего пасынка, нѣжная и чувственная, и почти невинная, счастливая съ печатью смерти на челѣ... Именно такая, какою она представлялась Жоржу, какою онъ полюбилъ ее, словно живое существо, постоянно вызывая ее передъ своими глазами. Когда онъ писалъ эту прелюдію ко второму акту, она стояла передъ нимъ совсѣмъ живая, какъ возлюбленная, которою онъ никогда не обладалъ, и которая пришла отдаться на одну ночь, на одну только ночь... „Пой!—говорилъ онъ ей—люби!.. Завтра ты умрешь"... И потомъ, когда онъ былъ принужденъ убить ее, онъ плакалъ настоящими слезами, смѣясь самъ надъ собою...

Сидя съ закрытыми глазами, онъ наслаждался этой волшебной галлюцинаціей, которая для артиста то же, что для вѣрующаго наитіе благодати. Онъ забылъ о театрѣ, о публикѣ—и даже объ

Альбери... При первой же репликѣ тенора миражъ разсѣялся; Клaрансъ собрался съ духомъ и посмотрѣлъ на сцену.

Онъ увидѣлъ средневѣковую обстановку, костюмы уже не первой свѣжести и незаконнаго сына маркизы д'Эсте. Уго былъ блѣденъ, немного слишкомъ толстъ. Онъ жестикулировалъ: билъ себя въ грудь, чтобы засвидѣтельствовать свое мужество, напрягалъ мышцы ногъ и закатывалъ глаза, бросая вызовъ смерти. Клaрансъ сразу возненавидѣлъ этого „актеришку", хотя у него былъ красивый голосъ и пѣлъ онъ добросовѣстно, нимало не детонируя и не сбиваясь съ такта. Ему больно было видѣть этого театральнаго любовника, почти смѣшного, такъ близко къ Паризинѣ, которая стояла на колѣняхъ, охвативъ голову руками, вся утонувъ въ темномъ пурпурѣ платья цвѣта запекшейся крови... Она наконецъ откинула распустившіеся волосы, открыла лицо и, наполовину приподнявшись, простирая руки къ Уго, молила его остаться и обѣщала принадлежать ему. Ея грудь трепетала подъ складками лифа, въ вырѣзѣ бархатнаго платья. Волосы ложились на вискахъ мелкими легкими волнами съ красноватымъ оттѣнкомъ, и рубинъ въ тоненькой фероньеркѣ еще усиливалъ блескъ ея черныхъ глазъ. Каждымъ жестомъ своимъ Альбери какъ будто разливала вокругъ себя горячую таинственную атмосферу, омывающую усопшихъ красавицъ въ очень старинныхъ картинахъ, тотъ сверхъестественный полумракъ, въ которомъ грезятъ женщины Леонардо да-Винчи. Эманація красоты, лучащейся изъ ея лица, ея рукъ, ея платья, ея страдальческаго рта, на мигъ преобразила окружающую обстановку, заставила забыть о ея безобразіи, о вульгарности Уго. Клaрансъ переживалъ реальный до боли сонъ наяву.

Теперь онъ уже видѣлъ и слышалъ только эту женщину, закрывая глаза, когда ея не было на сценѣ, чтобы не нарушать очарованія. Когда она кидала свои любовные вопли, онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто его сердце, его нервы—все откликалось на обѣтованіе близости великаго счастья. Онъ даже не замѣчалъ ни апплодисментовъ, ни вызововъ, и когда Паризина умерла, онъ заплакалъ.

По окончаніи спектакля толпа вынесла его на улицу, и онъ пошелъ куда глаза глядятъ, въ теплую ночь. Пойти за кулисы, къ директору, самому разбить иллюзію, испортить эту минуту, единственную въ жизни артиста—нѣтъ. Онъ очутился наконецъ на маленькой пустынной площади, передъ фонтаномъ Треви. Травертинскій камень, днемъ пористый и грязный, при лунномъ свѣтѣ казался очищеннымъ и словно отполированнымъ.

Жоржъ, пьяный отъ музыки, утишилъ свое лихорадочное возбужденіе свѣтлой музыкой воды. Потомъ, вдругъ сдѣлавшись суевѣрнымъ, вспомнилъ народное повѣрье, и чтобы быть увѣреннымъ, что онъ вернется въ Римъ, бросилъ въ бассейнъ серебряную монету...

На другой день онъ былъ у Альбери. Она жила близъ Форума Траяна, въ меблированной квартирѣ, которую римская герцогиня отдавала внаймы иностранцамъ. Жоржъ дрожалъ отъ волненія, поднимаясь по мраморной лѣстницѣ, позеленѣвшей отъ сырости и охраняемой античными статуями.

Въ огромной гостиной, гдѣ отъ обивки остались только клочья, подъ взглядомъ мучениковъ, извивавшихся въ конвульсіяхъ, и почернѣвшихъ Мадоннъ, *она* подошла къ нему удивленная, смущенная. Что было сказано при этой первой встрѣчѣ? Ни онъ, ни она этого не помнили. Оба чувствовали, что обязательные комплименты были только вступленіемъ. Важно было только одно—что Жоржъ сказалъ: „Да, это я... я пришелъ...“ Эти слова были какъ бы отвѣтомъ на такое странное, такое вѣрное предчувствіе... Они означали:

„Я долго васъ искалъ, а вы—не правда ли, вы ждали меня? И вотъ, я пришелъ... И для насъ обоихъ, безъ нашего вѣдома, готовится чудо...“

Онъ пришелъ и на другой день, а вечеромъ, послѣ спектакля, проводилъ Беатриче домой. На этотъ разъ бесѣда шла свободнѣе, и когда онъ ушелъ отъ нея, былъ уже близокъ разсвѣтъ. На слѣдующій день они гуляли вмѣстѣ подъ зелеными дубами и пиніями виллы Боргезе, и Беатриче, прирученная, позволила вызвать ее на откровенность.

Они сидѣли на полукруглой скамьѣ, подъ кущей подстриженныхъ деревьевъ, которыя струили на нихъ зеленоватую тѣнь и пряный ароматъ. Послѣднія фіалки голубѣли въ сырой травѣ. Беатриче говорила и плакала.

— Я была такъ бѣдна, такъ одинока, такъ несчастна!..

Ея большая черная шляпа, черное платье придавали ей трогательную красоту. Каштановые волосы на этомъ фонѣ казались рыжими, а обнаженная рука, упавшая на колѣни—такой хрупкой, что Жоржъ не смѣлъ ея коснуться.

— Родителей своихъ я не знала. Пѣнію меня немножко обучилъ одинъ оркестровый музыкантъ, и пятнадцати лѣтъ я стала выступать на маленькихъ провинціальныхъ сценахъ... Я не умѣла пѣть... вы понимаете?.. Не умѣла играть. Путалась

въ длинныхъ юбкахъ изъ дешеваго атласа... А директоръ... Я не могу говорить о немъ, о, нѣтъ! Но... вы угадываете?..

— Не плачьте!—говорилъ Жоржъ.—Все это далеко. Вы великая артистка... Вы счастливы...

Она качала головой.

— Отъ васъ всѣ въ восторгѣ!

Она пожала плечами.

Онъ смотрѣлъ на ея рѣсницы, мокрыя отъ слезъ, на вздрагивавшіе уголки рта, на обнаженную руку.

Она прошептала:

— Стоитъ мнѣ потерять голосъ, и я превращусь въ ничто. Вы сами...

Прежде чѣмъ запротестовать, онъ допросилъ себя, и вдругъ почувствовалъ, съ необычайной силой, что если раньше онъ любилъ въ Беатриче Паризину, теперь онъ любилъ ее, Беатриче. За эти нѣсколько дней взаимное восхищеніе, связывавшее ихъ, перешло въ нѣчто иное. Любовь изъ головы спустилась въ сердце.

Онъ возразилъ:

— Да вѣдь и я, еслибъ не мой талантъ, еслибъ онъ вдругъ исчезъ—чѣмъ былъ бы я въ вашихъ глазахъ?—Ничѣмъ... А между тѣмъ человѣкъ стоитъ артиста. Видите ли, лучшее, во мнѣ—это не моя музыка... И вы, какъ женщина, я знаю, гораздо выше, чѣмъ пѣвица—хоть вы и дивная пѣвица...

На этомъ и покончился ихъ разговоръ. То была тихая пора безмолвныхъ соглашеній, когда люди съ полуслова понимаютъ другъ друга,—мимолетныхъ ласкъ... Однажды вечеромъ, ни о чемъ не условливаясь, они отдались другъ другу, совсѣмъ просто, и только потомъ поняли, что они и не подозрѣвали всей глубины своей нѣжности...

Театральный сезонъ окончился, но Жоржъ не возвращался домой. Онъ пріютился съ Беатриче въ одной изъ виллъ близъ Тиволи, въ очень старинной виллѣ, расписанной фресками, съ мозаичнымъ поломъ, съ отдѣлкою изъ раковинъ и мелкихъ камешковъ... Изъ небольшого садика, съ терассы, открывался видъ на Теверонскій оврагъ. Шумъ каскадовъ заглушалъ тихую жалобу фонтановъ. Въ прохладныхъ комнатахъ красивая мебель ласкала глазъ округленностью формъ и наборной отдѣлкой изъ лимоннаго дерева, съ изображеніемъ цвѣтовъ, пейзажей, сценъ изъ сельской жизни. Портьеры изъ дама смородиннаго цвѣта выцвѣли подъ гирляндами золоченаго дерева, замѣнявшими кар-

низы. И всѣ комнаты были полны музыкальныхъ инструментовъ: кремонскихъ скрипокъ знаменитыхъ мастеровъ, гитаръ, клавесиновъ, лютней, віолъ д'амуръ...

Жоржъ могъ бы усумниться: точно ли онъ отдалъ свое сердце, не обманываетъ ли его воображеніе? Что онъ любилъ въ Полинѣ, какъ не поэзію домашняго очага, тайну дѣвственности, прелесть французской весны? Что онъ любилъ теперь въ Альбери? Паризину ли, грустное и упоительное великолѣпіе Рима, или ее, Беатриче? Быть можетъ, онъ и задалъ бы себѣ этотъ вопросъ, еслибъ онъ, какъ прежде, былъ слишкомъ чувствителенъ къ красотѣ вещей; но теперь всѣ его внѣшнія впечатлѣнія стали тупыми, смутными. Онъ словно ослѣпъ, такъ онъ былъ поглощенъ своей внутренней жизнью. Этотъ дивный садъ, весь серебряный и изумрудный, съ блѣдными оливами и кипарисами, съ проточными и стоячими водами, этотъ благородный ландшафтъ съ сухо-ватыми, четкими линіями, Клорансъ врядъ ли съумѣлъ бы описать, хоть и видѣлъ его каждый день. Вдвоемъ съ Беатриче въ какой-нибудь лачугѣ, на окраинѣ Парижа, среди пустырей и фабричныхъ трубъ, его счастье было бы такимъ же полнымъ и утонченнымъ.

Ему было тридцать пять лѣтъ, Альбери—двадцать девять. Они сошлись въ полномъ разгарѣ лѣта жизни; каждый принесъ другому уже сложившуюся душу и прошлое, въ которомъ у нихъ не было ничего общаго. Они уже принадлежали другъ другу, но еще не владѣли другъ другомъ.

Въ былое время Жоржъ придавалъ большую цѣну внѣшности вещей—она тѣшила, радовала глазъ. Но теперь—что ему было за дѣло до всего этого? Что ему была природа, исторія, легенды, обветшалая роскошь виллы д'Эсте, развалины дворца Адріана?—Онъ чувствовалъ, что его любовь, явившаяся какъ наитіе, упрочена увѣренностью, которая слѣдуетъ за опытомъ, и что скорое признаніе, нежданный даръ души и тѣла, имѣютъ значеніе только какъ символы. Только теперь начинались настоящія волшебныя открытія, посвященіе во всѣ глубины моральныхъ и физическихъ переживаній; постепенное сближеніе и внезапный захватъ двухъ умовъ и двухъ тѣлъ, которые ищутъ другъ друга и приспособляются другъ къ другу въ любви и наслажденіи. Въ нѣсколько дней не утратишь привычки къ стыдливости, ко всякаго рода запретамъ и ограниченіямъ. Въ особенности осторожно держалась женщина. Она никакъ не могла отдѣлаться отъ чувства изумленія и, быть можетъ, безпокойства, не могла объяснить себѣ, какой неудержимый порывъ бросилъ ее въ объятія Кларанса.

Закулисная жизнь, искушенія, которыя сторожатъ юность бѣдной дѣвушки, зрѣлище похоти и всякихъ подлостей, творимыхъ во имя ея, научили Беатриче презирать любовь и бояться мужчины. Въ этой кроткой душѣ жила гордость, напрягавшая ее какъ туго натянутую тетиву. Альбери цѣнила себя очень высоко, и въ то же время страдала отъ сознанія, что она ниже Жоржа по образованію и культурѣ, что она плоховато говоритъ по-французски и не знаетъ всего, чему учатъ въ пансіонахъ.

— Я глупая. Тебѣ, должно быть, скучно со мной,—говорила она Жоржу.

Чтобъ утѣшить ее, онъ говорилъ ей то, что и на самомъ дѣлѣ думалъ: что женщина отъ природы умная и чуткая, правдиво выражающая тонкія эмоціи, въ тысячу разъ интереснѣе выдрессированной барышни, обучавшейся въ пансіонѣ... И Жоржъ невольно вспоминалъ Полину, которая выучила, не понимая, все, что Беатриче понимала легко, не учась.

Успокоившись, Альбери стала экспансивнѣе: теперь она рѣшалась разговаривать съ Жоржемъ даже объ его искусствѣ, которое было и ея искусствомъ, и даже въ одинъ прекрасный день, въ простотѣ души, жестоко раскритиковала его „Паризину“ и „Сильвабеллу“. За это онъ еще больше полюбилъ ее, чувствуя, что она права.

Онъ отвѣчалъ ей:

— Твоя откровенность—благо для меня, такъ какъ ты въ душѣ столько же музыкантша, какъ и я. Въ твоемъ отношеніи къ моимъ произведеніямъ, будетъ ли это сдержанность или восторгъ, я всегда съумѣю почерпнуть полезныя для себя указанія. Мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться—у меня нѣтъ ни одного достаточно надежнаго или достаточно компетентнаго друга, а моя жена... вѣдь я тебѣ разсказывалъ о ней. Она съ грѣхомъ пополамъ разучила три романса, нѣсколько шансонетокъ, такъ называемыхъ „модернистскихъ“, нѣсколько попурри изъ оперъ. Да, ужъ нечего сказать, антуражъ у меня... Но теперь я не одинъ—у меня ты, Беатриче, Биче, Монна Биче.

Ему страшно нравилось это итальянское уменьшительное, милое сердцу Данта и расцвѣтающее въ дивныхъ строкахъ „Vita Nuova“. И, съ дѣтской радостью, онъ восклицалъ:

— Ты поведешь меня до самаго седьмого неба, моя Биче. И я всегда буду видѣть тебя въ своихъ грезахъ, въ зеленомъ платьѣ и покрывалѣ цвѣта пламени, подъ градомъ цвѣтовъ, которые сыплютъ на тебя ангелы музыки. Будь моимъ ангеломъ-хранителемъ и моей возлюбленной. Я прославлю твою чудную

душу и твое прелестное тѣло и увѣковѣчу исторію нашей любви въ „Любовной Симфоніи".

Беатриче слушала безъ улыбки эти рѣчи, которыя Полинѣ показались бы сумасбродными: ей, наоборотъ, онѣ льстили.

— Я тоже — говорила она — буду достойна тебя. Обо мнѣ будутъ говорить: „Альбери", какъ говорятъ: „Дузе".

Гордость артистки озаряла ея прекрасное лицо, но мигъ спустя она уже краснѣла отъ стыда и, смѣясь сама надъ собой, вздыхала:

— Нѣтъ! Не надо этого. Лишь бы ты меня любилъ. Въ этомъ—моя слава.

Она брала въ свои хорошенькія ручки голову Кларанса и долгимъ поцѣлуемъ приникала къ его вѣкамъ. Ласковыя итальянскія слова, смѣшанныя съ поцѣлуями, жгучей волной переливались съ устъ Беатриче въ кровь и нервы ея милаго.

— Gioia!.. Carezza mia!.. Tenerezza mia! — Радость моя! Ласка моя... Моя нѣжность...

Комната, гдѣ они иной разъ забывали уснуть, была расписана крупными гирляндами цвѣтовъ, стершимися отъ времени, и на штукатуркѣ плафона и стѣнъ остались какъ будто лишь призраки розъ. Погашенныя свѣчи въ канделябрахъ отражались въ тусклой поверхности венеціанскихъ зеркалъ, съ вырѣзанными на нихъ пляшущими масками, тоже стершимися. Въ открытое окно виднѣлись вырѣзные фестоны винограда, колонки лоджіи, а дальше, межъ тонкими черными стволами кипарисовъ, разбитая ротонда храма Сивиллы. Надъ оврагомъ рѣялъ молочно-бѣлый паръ, а оркестръ водъ — ручьевъ, ручейковъ и каскадовъ — аккомпанировалъ немолчнымъ тремоло словамъ любви:

— Gioia mia!.. Carezza mia!.. Tenerezza mia!..

— Беатриче! Любовь моя!

Огромная кровать, съ позолотой и лѣпною отдѣлкой, словно алтарь, съ балдахиномъ и пологомъ, придерживаемымъ двумя языческими ангелами, наполняла комнату какой-то особенно яркой, немного театральной пышностью. Въ этой роскошной рамкѣ Беатриче казалась красавицей. Блестящія шпильки были вынуты изъ ея волосъ, блестящія кольца сняты съ пальцевъ, усталыя вѣки сомкнуты, но бѣлые зубы поблескивали изъ-за чуть раскрытыхъ губъ, и алая тѣнь занавѣсокъ, колеблемая вѣтеркомъ, казалась влюбленной въ Беатриче.

Утомленный ласками, Жоржъ сладко засыпалъ на груди своей возлюбленной, и воспоминаніе объ испытанномъ блаженствѣ бѣлѣло, какъ заря, въ его сонныхъ грезахъ. Это было неопредѣ-

ленное, но удивительно сладостное ощущеніе. Клярансъ иной разъ просыпался, чтобы сказать себѣ: „Она здѣсь...“ и насладиться сознаніемъ своего счастья, наскоро, прежде, чѣмъ уснуть снова.

На другое утро онъ вставалъ болѣе молодымъ, чѣмъ легъ, и неизмѣнно каждый день радовался своей свободѣ, какъ школьникъ на вакаціяхъ... Парижъ, начало сезона—объ этомъ онъ не думалъ. О письмахъ онъ забывалъ, едва успѣвъ пробѣжать ихъ, и уклонялся отъ отвѣтовъ.

Работа?.. Сейчасъ ему вовсе не хотѣлось работать, но ужъ недалекъ былъ часъ, когда тысячи голосовъ запоютъ въ его душѣ, тысячи голосовъ, въ ладъ которымъ послушно зазвучатъ скрипки и арфы... „Любовная Симфонія“, гимнъ во славу Беатриче, была зачата имъ въ эти ночи ласкъ, какъ женщиной—дитя любви.

И вотъ, насталъ моментъ разлуки.

Ни Жоржъ, ни Беатриче не тревожились о будущемъ. Они были пропитаны оптимизмомъ счастья, который не хочетъ видѣть препятствій. Имъ даже въ голову не приходила мысль о разлукѣ, или хотя бы только о вмѣшательствѣ третьяго лица.

Жоржъ говорилъ:

— Ты пріѣдешь въ Парижъ: выучишься хорошенько по-французски, и когда въ Opéra Comique возобновятъ „Сильвабеллу“, я устрою тебѣ ангажементъ по крайней мѣрѣ на годъ. Послѣ твоихъ успѣховъ въ Миланѣ и Римѣ это будетъ и не трудно.

Она отвѣчала:

— Какъ ты захочешь, такъ и будетъ.

— Объ остальномъ не безпокойся. Не стоитъ объ этомъ ни думать, ни говорить. Имѣй довѣріе ко мнѣ. Если и будутъ затрудненія, то лишь матеріальнаго характера. Не думай, что я разбиваю любящее сердце и вношу опустошеніе въ чужую жизнь. Будь это такъ, ты видѣла бы меня не менѣе рѣшительнымъ, но болѣе печальнымъ, такъ какъ я не злой человѣкъ. Но, увѣряю тебя, морально я свободенъ.

Беатриче не настаивала. Она тоже страдала бы, еслибы знала, что причиняетъ искреннее горе другой женщинѣ. Сама любя, она умѣла уважать чужія чувства. Но она угадывала, что мадамъ Клярансъ—не изъ тѣхъ, слабыхъ и нѣжныхъ существъ, для которыхъ главное въ жизни—любовь. Образъ этой женщины, сильной физически, холодной и уравновѣшенной, не вызывалъ

въ ней ни ревности, ни угрызеній. Что касается нарушенія общепринятой морали—объ этомъ Беатриче и не думала: сердце ея было легко доступно состраданію, по натурѣ она была добрымъ, хорошимъ человѣкомъ, но, выросшая безъ семьи, въ средѣ авантюристовъ, она и не подозрѣвала самаго существованія предразсудковъ и соціальныхъ запретовъ.

И Жоржъ, не смотря на свое буржуазное происхожденіе и воспитаніе, былъ не менѣе ея анархистомъ. Философскія проблемы не тревожили его, и совѣсть его слушалась только доводовъ чувства. Поступать дурно—для него значило „причинять зло“. Онъ не думалъ, что, любя Беатриче, онъ причиняетъ зло Полинѣ, которая не любила его. Жалѣя тѣхъ, кто раненъ въ сердце, онъ почти не чувствовалъ состраданія къ ранамъ самолюбія.

— Если иначе нельзя будетъ устроиться, мы разведемся. Это такъ просто. Я оставлю Полинѣ всѣ свои деньги и дѣтей. Она на нихъ имѣетъ больше правъ, чѣмъ я. И начнемъ жизнь сначала.

Дѣти? Онъ любилъ ихъ; однако за эти пять мѣсяцевъ онъ не стосковался по нимъ. Привязанность къ семьѣ, рожденная привычкой и несвойственная его натурѣ, въ немъ ослабѣла. Кларансъ не былъ изъ породы супруговъ и отцовъ. Онъ думалъ, что на это не требуется особаго призванія и что чувства семьянина явятся, какъ только явится желаніе имѣть ихъ. Заблужденіе довольно обычное и весьма извинительное у молодыхъ людей, которыхъ родные и друзья толкаютъ въ бракъ съ закрытыми глазами. Гигіена учитъ, что не для всѣхъ пригоденъ одинъ и тотъ же климатъ, одинъ и тотъ же пищевой режимъ—и люди считаются съ этимъ; но во имя морали навязывать всѣмъ одинъ и тотъ же режимъ чувствъ — это не кажется абсурдомъ.

Сколько смѣялись надъ „буржуями“, которые не хотятъ выдавать дочекъ за артистовъ, а предпочитаютъ видѣть ихъ за нотаріусами. Эти добрые люди не такъ ужъ неправы. Они угадываютъ, что дѣвушка, выросшая возлѣ нихъ, воспитанная ими, будетъ счастливѣе съ нотаріусомъ, чѣмъ съ художникомъ. Бракъ существуетъ для большинства людей; чѣмъ болѣе артистъ—артистъ, тѣмъ болѣе онъ—исключительное существо. Онъ принадлежитъ къ меньшинству непокорныхъ, жаждущихъ свободы, и въ этомъ меньшинствѣ долженъ искать себѣ подругу. Если онъ ея не встрѣтитъ и не умѣетъ жить одинъ, если радости творчества даютъ удовлетвореніе только его мысли, а сердце, чувства остаются неудовлетворенными, онъ возьметъ обычное счастье

другихъ людей и, едва успѣвъ овладѣть имъ, найдетъ его убогимъ и мизернымъ. Это измѣна идеалу—изъ-за ничего,—а идеалъ иной разъ мститъ за себя.

Говорятъ: счастье — въ исполненіи долга. Это правда: но развѣ не долгъ каждаго человѣка—исполнить свое предназначеніе? А какъ же исполнить свое предназначеніе, когда, по малодушію или безпечности, человѣкъ лишилъ себя возможности даже узнать его?

Жоржъ вернулся въ Парижъ, самъ хорошо не зная, что̀ онъ скажетъ и какъ поведетъ себя. Отъ Беатриче онъ, конечно, не откажется, но ему не хотѣлось навязывать ее Полинѣ, и онъ находилъ, что разводъ — предпочтительнѣе всякихъ компромиссовъ.

Жену свою онъ засталъ здоровой, немного потолстѣвшей, грузной, чувствующей себя въ этой размѣренной, спокойной жизни такъ же удобно, какъ въ покойномъ креслѣ. Все въ домѣ дышало покоемъ и было урегулировано разъ навсегда. Все дѣлалось по часамъ. Прислуга была вышколена лучше чѣмъ въ Англіи; даже дѣти, не смотря на свой возрастъ, были такъ благовоспитанны, что уже казались банальными, какъ взрослые.

Тутъ только Кларансъ почувствовалъ всю устойчивость, всю силу сопротивленія семейнаго уклада, всѣхъ этихъ чувствъ, обязанностей и интересовъ, сплотившихся въ единое цѣлое, которое не такъ-то легко разбить. Потомъ, по разнымъ мелкимъ, едва уловимымъ признакамъ, онъ замѣтилъ, что Полина догадывается о его связи. Она не требовала разъясненій, какъ будто не тревожилась и даже не сердилась. Она всегда презирала „каботинокъ“ и, уважая Жоржа, считала его неспособнымъ на серьезную привязанность къ одной изъ этихъ женщинъ, которыхъ она представляла себѣ очень просто и грубо — чудовищами продажности и сластолюбія. У художниковъ бываютъ такія „страстишки“ къ натурщицамъ, композиторы влюбляются въ пѣвицъ. Все это пустяки, не стоющіе вниманія, случайности, присущія данной профессіи, которыхъ законной женѣ самое лучшее—не замѣчать.

Когда Беатриче Альбери получила ангажементъ въ Opéra Comique, мадамъ Клaрансъ проявила нѣсколько больше любопытства и тревоги. Она присутствовала на первомъ представленіи возобновленной „Сильвабеллы“ и изъ разговоровъ сосѣдей узнала, что пѣвица собирается поселиться въ Парижѣ и уже пріобрѣла отель въ улицѣ Ренуаръ.

— Очаровательный отель! Клярансъ нашелъ ей это маленькое чудо.

Полина нашла въ себѣ мужество кокетливо улыбнуться:

— Да... онъ говорилъ мнѣ...

Она объявила, что Альбери довольно мила, „немного ломака", и врядъ-ли она долго продержится въ Парижѣ. И больше ужъ никогда не заговаривала о Беатриче.

Время шло. Клярансъ и Беатриче вновь, горячѣе прежняго, отдались своей любви. Онъ работалъ надъ „Любовной Симфоніей". Она жила замкнуто, не принимая докучныхъ посѣтителей, вся отдавшись своему искусству и страсти. Чтеніе, репетиціи, изученіе ролей, подчасъ прогулки, наполняли тѣ часы, которые она не отдавала Жоржу.

Тутъ Полина, дѣйствительно, немного взволновалась. У нея были крѣпкіе нервы, она умѣла владѣть собой и вовсе не желала какой-нибудь „безтактностью" нарушить свой домашній покой. Она любила Жоржа по-своему, потому что онъ былъ ея мужемъ, а она вѣрила въ неразрывность брачнаго договора. Ей и въ голову не пришло самой нарушить этотъ договоръ, хотя бы изъ мести, примѣнивъ къ невѣрному законъ возмездія. Разводъ казался ей нечистоплотнымъ: она рѣшила ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на него, и даже начала опять ходить въ церковь и исповѣдываться, чтобъ укрѣпить себя въ этомъ рѣшеніи. Осторожно, обинякамн, она дала понять Жоржу, что ее не проведешь и что она вовсе не желаетъ лишиться своего добра. Какъ бы онъ ни поступалъ, она останется госпожей Клярансъ.

Страдала ли она морально, или хотя бы физически? Примирилась ли, не рѣшаясь вступать въ борьбу, въ исходѣ которой она была увѣрена заранѣе? Была ли это съ ея стороны большая сила или большая слабость? Жоржъ такъ этого и не узналъ. Онъ жилъ возлѣ нея въ атмосферѣ надвигающейся грозы, которая не разражалась, въ атмосферѣ, гдѣ горе и боль проявлялись ссорами изъ-за пустяковъ и вздорными упреками. Жоржъ вызывалъ жену на объясненіе, которое облегчило бы его душу и совѣсть. Полина упорно избѣгала объясненій. Она не хотѣла услышать признанія, которое перевернуло бы вверхъ дномъ всю ихъ жизнь.

Клярансъ шелъ къ Альбери утолить свое лихорадочное возбужденіе и отдохнуть душой. Онъ чувствовалъ себя безхарактернымъ и жалкимъ, быть можетъ—отвратительнымъ, быть можетъ — достойнымъ состраданія. У него не хватало мужества

сказать Полинѣ: — Я люблю другую женщину. Верни мнѣ свободу; вѣдь мы все равно несчастны вмѣстѣ.—

Онъ предчувствовалъ отвѣтъ Полины:

— Ты любишь другую? Но развѣ это упраздняетъ твои обѣщанія, твои обязанности и отвѣтственность? Что ты можешь поставить мнѣ въ укоръ? Ты взялъ меня — такъ и держи, иначе всѣ тебя назовутъ безчестнымъ человѣкомъ. Я распоряжаюсь деньгами, которыя ты заработалъ; я правлю домомъ, который ты устроилъ. Разводъ лишилъ бы меня привилегіи, вполнѣ мною заслуженной—дѣлить съ тобою твою славу и твое положеніе въ обществѣ.

Безъ сомнѣнія, она сказала бы это иначе: начались бы сцены отчаянія, слезы... Безплодныя трагическія сцены, которыя не измѣнили бы ни ихъ чувствъ, ни ихъ рѣшеній. Полина права, предпочитая нѣмое соглашеніе. Быть можетъ, со временемъ они даже простятъ другъ другу свои взаимныя жертвы, и жизнь ихъ станетъ похожей на жизнь стольких парижскихъ семей, въ которыхъ простое товарищеское отношеніе, дружба, даже взаимная преданность—переживаютъ негласный разводъ.

Надъ этой интимной драмой пронеслось девять лѣтъ.

Съ франц. З. ЖУРАВСКАЯ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

АННА-ВЕРОНИКА

H. G. Wells. „Ann-Veronica". A modern Love-Story. London, 1909.

I.

Однажды въ среду, въ концѣ сентября, Анна-Вероника Стэнли возвращалась изъ города очень возбужденная, въ приподнято-торжественномъ настроеніи: она рѣшила объясниться съ отцомъ въ этотъ же вечеръ. Прежде она все не отваживалась, но теперь—конецъ всякимъ колебаніямъ. Наступилъ кризисъ — и она этому почти радовалась. По дорогѣ домой, въ поѣздѣ, она вполнѣ убѣдила себя, что кризисъ будетъ безповоротный. Вотъ почему романъ начинается именно съ этого момента, а не раньше и не позже. Въ романѣ будетъ разсказана исторія именно этого кризиса и его послѣдствій.

По дорогѣ изъ Лондона въ Морнингтонъ-Паркъ Анна-Вероника очутилась одна въ купэ и сидѣла, положивъ обѣ ноги на скамью, въ позѣ, которая навѣрное привела бы въ отчаяніе ея мать и повергла бы въ безпредѣльный ужасъ ея бабушку. Она подтянула колѣни къ подбородку, охватила ихъ руками и такъ глубоко погрузилась въ свои мысли, что съ ужасомъ встрепенулась только тогда, когда увидѣла на фонарѣ надпись: Морнингтонъ-Паркъ. Ей показалось, что поѣздъ уже отходитъ отъ станціи, хотя на самомъ дѣлѣ онъ еще только подъѣзжалъ.

— Боже!—воскликнула она. Вскочивъ съ мѣста, она схватила перехваченный ремешками свертокъ, въ которомъ были сложены тетради, толстый учебникъ и брошюра въ желто-шоколадной обложкѣ, и соскочила со ступенекъ вагона. Только тогда

она замѣтила, что поѣздъ замедляетъ ходъ и что ей изъ-за ея стремительности придется пройти всю длину платформы.

— Опять попалась!—замѣтила она сама себѣ.—Идіотка!— Она внутренно кипѣла, но шла съ выдержанно-спокойнымъ видомъ, какъ подобаетъ молодой дѣвушкѣ, которой уже почти двадцать два года.

Она вышла изъ станціоннаго зданія, прошла мимо опрятныхъ, бросавшихся въ глаза конторъ торговца углемъ и агента по продажѣ домовъ и подошла къ калиткѣ подлѣ мясной. За калиткой начиналась полевая дорожка, которая вела къ ея дому. Передъ зданіемъ почты стоялъ молодой человѣкъ, блондинъ, безъ шляпы, въ сѣромъ фланелевомъ костюмѣ; онъ аккуратно приклеивалъ марку къ письму. При видѣ молодой дѣвушки онъ выпрямился и замѣтно покраснѣлъ. Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его, хотя, быть можетъ, именно встрѣча съ нимъ заставила ее свернуть на полевую дорожку, вмѣсто того, чтобы идти прямо по бульвару.

— Гм!—сказалъ онъ и нерѣшительно взглянулъ на письмо, прежде чѣмъ отправить его.—Сюда!—прибавилъ онъ, выбравъ одно изъ отдѣленій круглаго столба съ почтовымъ ящикомъ, и опустилъ письмо. Затѣмъ онъ постоялъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности, засунувъ руки въ карманъ, и свиснулъ прежде чѣмъ рѣшилъ идти домой по бульвару.

Анна-Вероника забыла о немъ какъ только вошла въ калитку, и лицо ея снова приняло сосредоточенное выраженіе.

— Теперь или никогда!—сказала она себѣ.

Морнингтонъ-Паркъ, одинъ изъ лондонскихъ пригородовъ, почему-то не процвѣлъ. Онъ дѣлился, какъ Галлія до вторженія римлянъ, на три части. Одною изъ нихъ былъ бульваръ, который тянулся изящно изогнутой линіей отъ станціи желѣзной дороги до пустыря вдали; по обѣ стороны его стояли желтыя кирпичныя виллы. Мѣсто, гдѣ ютилась маленькая кучка лавокъ около почты, называлось Шоссе, а третья часть, подъ желѣзнодорожной аркой, состояла изъ скученныхъ домиковъ рабочаго населенія. Подъ аркой проходила дорога изъ Сурбитона и Ипсома и тамъ, какъ пестрые грибы на болотѣ, появилось еще какъ бы четвертое царство—рядъ маленькихъ, красныхъ съ синимъ домиковъ. За бульваромъ былъ маленькій холмъ; огороженная дорожка вела черезъ него къ изгороди подъ вязомъ и тамъ раздѣлялась на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна поворачивала обратно на бульваръ.

— Теперь или никогда!—снова сказала Анна-Вероника, поднимаясь къ изгороди.—Какъ мнѣ ни противны ссоры, все-

таки теперь придется или отстоять себя, или уступить разъ навсегда.

Она сѣла на изгородь въ непринужденной, удобной позѣ и стала смотрѣть на обращенные къ ней спиной дома вдоль бульвара. Затѣмъ глаза ея остановились на новыхъ красныхъ съ бѣлымъ домикахъ, мелькавшихъ среди деревьевъ. Она точно составляла инвентарь всего окружающаго.

— Боже мой!—сказала она.—Ну и мѣсто! Какая тѣснота и духота!—Что онъ собственно думаетъ обо мнѣ, хотѣла бы я знать?—продолжала она свои мысли объ отцѣ.

Когда Анна-Вероника спустилась съ изгороди, на ея лицѣ уже не было замѣтно никакого колебанія. У нея было ясное, спокойное лицо, какъ у человѣка, принявшаго окончательное рѣшеніе. Она выпрямилась и ея каріе глаза устремились впередъ съ рѣшительнымъ видомъ.

Когда она подошла къ углу бульвара, молодой человѣкъ безъ шляпы и въ сѣромъ костюмѣ вновь появился передъ нею, усиленно стараясь придать случайный видъ ихъ вторичной встрѣчѣ. Онъ поклонился нѣсколько угловато.

— Здравствуйте, Ви!—сказалъ онъ.

— Здравствуйте, Тэдди!—отвѣтила она.

Онъ еще нѣсколько минутъ постоялъ на мѣстѣ, когда она прошла дальше. Ей очевидно было не до Тэдди. Онъ понялъ, что ему приходится свернуть на полевую дорожку, по которой не интересно было ходить даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

— Досадно!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его прозвучало большое разочарованіе.

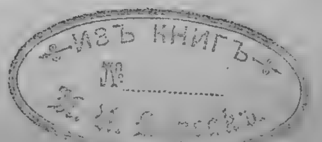
II.

Аннѣ-Вероникѣ шелъ двадцать второй годъ. У нея были черные волосы, тонкія брови и свѣтлый цвѣтъ лица. Высшія силы, лѣпившія ея черты, видимо съ любовью относились къ своему дѣлу, не торопились и сдѣлали ея лицо тонкимъ и нѣжнымъ. Она была стройна, иногда казалась высокой, ходила легко и радостно, какъ человѣкъ, который привыкъ быть здоровымъ; иногда же она слегка горбилась и лицо принимало озабоченное выраженіе. Губы ея складывались въ легкую улыбку удовлетворенности; держалась она спокойно и сдержанно, но за этой маской скрывалась страстная неудовлетворенность, жажда свободы и жизни.

Ей хотѣлось жить. Ей страстно не терпѣлось чѣмъ-то стать, что-то сдѣлать, что-то испытать—хотя она сама себѣ не отдавала отчета, что̀ именно. А знакомство съ жизнью приходило такъ медленно. Все вокругъ нея было точно въ чехлахъ, какъ въ домѣ, гдѣ хозяева уѣхали на лѣто. Ставни закрыты, солнечный свѣтъ не проникаетъ въ комнаты, и неизвѣстно, какихъ цвѣтовъ ткани скрыты подъ сѣрыми чехлами. А ей хотѣлось знать. Но пока не было никакой надежды, что шторы когда-либо поднимутся, двери или окна откроются, или съ канделябровъ, которые, казалось, сулятъ такъ много свѣта, снимутъ чехлы. Вокругъ нея мелькали смутныя души, которыя какъ будто не только говорили, но и думали въ полутонахъ...

Когда она училась въ школѣ, въ особенности въ младшихъ классахъ, всѣ говорили съ нею крайне обстоятельно, объясняли, что̀ слѣдуетъ дѣлать, чего слѣдуетъ избѣгать, задавали ей уроки, учили играмъ, занимали ее самымъ разнообразнымъ и подходящимъ образомъ. Теперь все измѣнилось. Недавно она открыла, что есть довольно большая категорія интересовъ, которая называется влюбленіемъ и выходомъ замужъ, съ нѣкоторыми очень пріятными добавочными удовольствіями, въ родѣ флирта и „интереса“ къ представителямъ другого пола. Она отнеслась къ этой новой для нея области съ обычной для нея во всемъ живостью и воспріимчивостью. Но ее осадили. Черезъ посредство школьныхъ учительницъ, прежнихъ подругъ, тети и нѣкоторыхъ другихъ отвѣтственныхъ и авторитетныхъ людей ей было объявлено, что ни въ коемъ случаѣ она не должна объ этомъ думать. Миссъ Мофіатъ, учительница исторіи и морали, особенно много распространялась на этотъ счетъ, и всѣ въ одинъ голосъ высказывали презрѣніе и сожалѣніе къ дѣвушкамъ, мысли которыхъ заняты такими пустяками и которыя обнаруживаютъ это въ разговорѣ, въ одеждѣ или манерахъ. Оказывалось, что эта категорія интересовъ—совсѣмъ особая, отдѣльная отъ всѣхъ другихъ, и что нужно стыдиться всего, къ ней относящагося. Аннѣ-Вероникѣ было, однако, очень трудно не думать объ этомъ. Все же, обладая гордымъ характеромъ, она рѣшила не касаться нежелательныхъ вопросовъ въ разговорѣ и по возможности не думать о нихъ. Вслѣдствіе этого, когда она кончала школу, у нея осталось чувство завѣшенности всего въ жизни и умъ ея былъ въ нѣкоторомъ смятеніи.

Ей казалось, что, за изъятіемъ всѣхъ этихъ интересовъ, для нея нѣтъ мѣста въ жизни; оставалось вести безцѣльное существованіе, единственныя развлеченія котораго заключались въ



визитахъ, въ теннисѣ, въ чтеніи выбранныхъ старшими романовъ, въ сметаніи пыли въ отцовскомъ домѣ. Анна-Вероника предпочла заняться науками. Она была умна, училась лучше всѣхъ въ своемъ школьномъ выпускѣ и выдѣлялась въ состязаніяхъ между Соммервилемъ и Ньюнгэмомъ. Но отецъ ея познакомился однажды съ студенткой Соммервильской школы за обѣдомъ у знакомыхъ, велъ съ ней споръ и вывелъ заключеніе, что все это очень неженственно. Поэтому онъ выразилъ своей дочери категорическое желаніе, чтобы она жила дома. Объ этомъ все еще шелъ споръ, а тѣмъ временемъ она посѣщала школу. Наконецъ они помирились на курсѣ естественнонаучныхъ наукъ въ Третгольдовской женской высшей школѣ. Университетскій экзаменъ на аттестатъ зрѣлости она сдала прямо послѣ школы. Чувствуя себя уже взрослой и получивъ сезонный билетъ для проѣзда по желѣзной дорогѣ, она стала требовать, чтобы тетя разрѣшила ей имѣть карманный ключъ отъ входныхъ дверей. Любопытство къ такъ называемымъ запретнымъ вопросамъ снова овладѣло ею подъ прозрачнымъ покровомъ литературныхъ и художественныхъ интересовъ. Она жадно взялась за чтеніе; тѣ книги, которыя, по ея предположеніямъ, могли подвергнуться тетушкину остракизму, она приносила домой тайкомъ. Она выдержала съ отличіемъ экзаменъ по общему курсу и спеціально занялась естественными науками. Обладая острымъ чутьемъ формъ и исключительно яснымъ умомъ, она заинтересовалась біологіей и въ особенности сравнительной анатоміей, хотя всетаки это не имѣло прямого отношенія къ ея жизни и не могло освѣтить ее яркимъ свѣтомъ. Анна-Вероника съ успѣхомъ анатомировала, и черезъ годъ уже злилась на лаборантку, дававшую объясненія ученицамъ. Она ясно видѣла къ тому времени, что преподавательница очень ограниченна въ своихъ познаніяхъ и что у нея туманъ въ головѣ — самое неподходящее свойство для занятій сравнительной анатоміей. Аннѣ-Вероникѣ захотѣлось поступить студенткой въ Импиріэль-Коллэджъ въ Вестминстерѣ, гдѣ преподавалъ Рессель, чтобы продолжать учиться у самаго источника знанія.

Она уже просила объ этомъ отца, но онъ отвѣтилъ уклончиво. „Посмотримъ, посмотримъ, милая Ви!“—говорилъ онъ. Въ этомъ положеніи дѣло и оставалось пока; она повидимому была осуждена на еще одинъ семестръ въ Тредгольдъ-Коллэджѣ. Тѣмъ временемъ возникло болѣе мелкое столкновеніе и обострило вопросъ о карманномъ ключѣ, т.-е., собственно говоря, вопросъ объ общемъ положеніи Анны-Вероники въ отцовскомъ домѣ.

Кромѣ различныхъ дѣловыхъ людей, стряпчихъ, состоящихъ на государственной службѣ, и вдовъ, жившихъ на бульварѣ, въ Морнингтонъ-Паркѣ жила еще одна семья съ артистическими наклонностями, Виджетты, съ которыми Анна-Вероника очень подружилась. Самъ Виджеттъ былъ журналистъ и художественный критикъ. Онъ носилъ всегда сѣровато-зеленый костюмъ и „эстетическіе" коричневые галстухи, курилъ трубки на бульварѣ по воскресеньямъ утромъ, ѣздилъ въ третьемъ классѣ въ Лондонъ съ поѣздами, съ которыми никто не ѣздилъ, и открыто презиралъ гольфъ. Онъ и его семья занимали одинъ изъ маленькихъ домовъ около вокзала. У него былъ одинъ сынъ, который воспитывался по принципу совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, и три дочери съ ярко-рыжими волосами. Анна-Вероника находила ихъ очаровательными. Двѣ изъ нихъ были ея лучшими подругами въ школѣ и много содѣйствовали тому, что ея умственные запросы вышли за предѣлы дозволеннаго дома чтенія. Виджетты составляли веселую, легкомысленную, откровенно стѣсненную въ средствахъ семью въ модныхъ тускло-зеленыхъ и тупо-красныхъ тонахъ. Дочери, кончивъ школу, посѣщали художественные классы фаддіанскаго общества, танцовали на студенческихъ вечерахъ, ходили на соціалистическіе митинги и въ театръ на галерку, говорили о работѣ, иногда дѣйствительно работали. Отъ времени до времени онѣ отвлекали Анну-Веронику отъ ея серьезнаго, настойчиваго трудолюбія и вводили въ водоворотъ своей жизни. Онѣ предложили ей пойти съ ними на первый изъ фаддіанскихъ танцовальныхъ вечеровъ, въ октябрѣ, и Анна-Вероника съ восторгомъ приняла ихъ предложеніе. А теперь вдругъ отецъ не позволяетъ ей идти.

Онъ просто „отмѣнилъ"; сказалъ, что она не пойдетъ.

Посѣщеніе вечера должно было сопровождаться двумя обстоятельствами, которыя Анна-Вероника, при всей своей дипломатичности, не могла скрыть отъ тети и отца. Не помогла ей ея обычная сдержанность. Одно обстоятельство заключалось въ томъ, что она должна была переодѣться въ костюмъ „невѣсты Корсара", а второе—въ томъ, что остатокъ ночи послѣ бала она должна была провести въ Лондонѣ, съ барышнями Виджеттъ и нѣсколькими другими изъ ихъ знакомыхъ, въ „совершенно приличномъ маленькомъ отелѣ", близъ Фицрой-сквера.

— Мыслимое ли это дѣло!—воскликнула тетя Анны-Вероники.

— Вотъ видите ли, — сказала Анна-Вероника, принимая такой видъ, точно она тоже понимаетъ всю нежелательность

этого: — дѣло въ томъ, что я обѣщала быть на вечерѣ. Я не подумала. А теперь прямо не знаю, какъ выпутаться.

Тогда отецъ объявилъ свой ультиматумъ, но объявилъ его не въ лицо дочери, словесно, а посредствомъ письма. Это ее возмутило болѣе всего.

— Онъ, значитъ, не могъ объявить мнѣ это прямо—сказала Анна-Вероника.—Конечно, все это надѣлала тетя.

Вотъ почему Анна-Вероника, приближаясь къ воротамъ дома, повторяла:

— Я съ нимъ поговорю. Договорюсь до конца. И если онъ...

Но она даже въ мысляхъ не закончила свою угрозу.

III.

Отецъ Анны-Вероники былъ стряпчій, и у него было много дѣлъ съ акціонерными обществами. Онъ былъ худой, почтенный, усталый съ виду, нервный, гладко выбритый человѣкъ пятидесяти трехъ лѣтъ, съ сурово сжатымъ ртомъ, съ острымъ носомъ, съ сѣдыми волосами, съ золотыми очками и съ маленькой круглой лысиной на макушкѣ. Имя его было Петеръ. У него было пятеро дѣтей, родившихся въ неправильные промежутки времени. Анна-Вероника была самая младшая, такъ что по отношенію къ ней онъ уже былъ наученный долгимъ опытомъ отецъ, уставшій и невнимательный. Онъ называлъ ее „Ви“ или „дѣвочка“, гладилъ ее по головѣ самымъ неожиданнымъ образомъ, всегда некстати, и обращался съ ней съ фамильярностью, не различавшей возрастовъ между одиннадцатью и двадцатью восемью годами. Работа въ Сити отнимала у него много силъ, и ту жизненную энергію, которая у него еще оставалась, онъ употреблялъ частью на игру въ гольфъ, къ которой относился очень серьезно, частью на занятія микроскопомъ въ примѣненіи къ гранепію камней.

Онъ занялся микроскопомъ въ видѣ забавы. Въ царствованіе королевы Викторіи было въ модѣ имѣть какое-нибудь любимое развлеченіе. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ получилъ ко дню рожденія въ подарокъ микроскопъ и пристрастился, благодаря этому, къ технической работѣ. Склонность его къ этой работѣ усилилась потомъ вслѣдствіе случайнаго знакомства съ однимъ продавцомъ микроскоповъ. У Петера Стэнли были замѣчательно ловкіе пальцы и любовь къ точной, мелкой работѣ: онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ искусныхъ любителей-гранильщиковъ.

Онъ тратилъ больше времени и денегъ, чѣмъ слѣдовало по его средствамъ, на свою маленькую мастерскую, устроенную на самомъ верху въ его домѣ. Тамъ онъ устанавливалъ новые гранильные инструменты, новые микроскопные приборы; онъ доводилъ тренiемъ срѣзанные кусочки камня до прозрачной тонкости, а потомъ очень красиво оправлялъ ихъ. Онъ говорилъ, что работаетъ только „чтобы развлечься". Свои лучшiя работы онъ выставлялъ въ Лоундинскомъ Микроскопномъ Обществѣ, гдѣ ихъ техническое совершенство всегда возбуждало восторгъ. Научное значенiе его работъ было невелико, потому что его выборъ камней опредѣлялся только трудностью, которую они представляли для обработки, или ихъ внѣшней привлекательностью, тѣмъ что ихъ интересно было показывать гостямъ на вечерахъ. Онъ очень презиралъ работы „теоретиковъ". Онѣ, можетъ быть, кое-что и доказываютъ въ научномъ отношенiи, но что это за неровная, грубая, жалкая работа! А ничего не понимающiй, безтолковый свѣтъ именно такимъ людямъ даетъ всѣ отличiя.

Петеръ Стэнли читалъ очень мало и выбиралъ здоровое, легкое чтенiе, все больше романы съ разноцвѣтными заглавiями: „Красный мечъ", „Черный шлемъ", „Пурпурное платье"—тоже для того „чтобы развлечься". Онъ читалъ эти романы зимой, послѣ обѣда, и для Вероники чтенiе ихъ соединялось съ манерой отца захватывать всецѣло въ свое распоряженiе лампу и ставить ноги въ стоптанныхъ мѣховыхъ туфляхъ на каминную рѣшетку. Она иногда удивлялась тому, что отцу нужно такъ много развлекаться. Его любимая газета была „Таймсъ"; онъ начиналъ читать ее, часто съ видимымъ раздраженiемъ, утромъ за завтракомъ и бралъ ее съ собой, чтобы докончить чтенiе въ поѣздѣ, не оставляя никакой другой газеты дома.

Разъ Анна-Вероника вспомнила, что знала отца, когда онъ былъ моложе; но дни текли за днями, и каждый сглаживалъ впечатлѣнiя предшествовавшаго. Все же она ясно помнила, что когда она была маленькой дѣвочкой, отецъ носилъ иногда фланелевый костюмъ для тенниса, а также ловко въѣзжалъ на велосипедѣ въ ворота и подкатывалъ къ самому крыльцу. Въ тѣ времена отецъ помогалъ также матери въ работахъ по саду и стоялъ подлѣ нея, когда она, стоя на приставной лѣстницѣ, прибивала вьющiяся растенiя къ кухонной стѣнѣ.

Аннѣ-Вероникѣ, какъ самой младшей, пришлось расти среди постепенно все болѣе и болѣе тихой жизни въ домѣ. Мать ея умерла, когда ей было тринадцать лѣтъ, двѣ значительно старшiя ея сестры обѣ вышли замужъ, одна—покорствуя родительскимъ

желаніямъ, другая—своевольно. Два брата Анны-Вероники тоже давно ушли изъ дому, и она, оставшись одна, старалась выгодать для себя все, что могла отъ отца. Но не такой онъ былъ отецъ, чтобы можно было много отъ него выгодать.

Его представленія о дѣвушкахъ и женщинахъ были очень сентиментальныя и скромныя. Онъ считалъ, что женщины—или хуже, чѣмъ можно выразить современнымъ языкомъ, и тогда-то онѣ наиболѣе, къ сожалѣнію, желанны,—или же онѣ слишкомъ чисты и хороши для жизни. Такова была его простая классификація всего разнообразія женскихъ типовъ; никакихъ подраздѣленій онъ не допускалъ. Онъ, къ тому же, считалъ, что эти двѣ категоріи должно различать, соблюдая между ними большое разстояніе даже въ мысляхъ. Женщины—разсуждалъ онъ—подобны сосудамъ, изготовляемымъ или для священныхъ цѣлей, или для низменныхъ; притомъ онѣ—очень хрупкіе сосуды.

Онъ не желалъ имѣть дочерей. Каждый разъ, какъ у него рождалась дочь, онъ изъ деликатности скрывалъ свое огорченіе и уходилъ куда-нибудь подальше, чтобы на свободѣ проклинать судьбу. У него былъ очень мужественный характеръ, безъ всякаго отпечатка материнскаго наслѣдія. Онъ любилъ свою черноглазую, изящную, подвижную маленькую жену съ страстной нѣжностью; но все-таки у него было чувство (онъ никогда бы не позволилъ себѣ опредѣленно думать объ этомъ), что быстрое разростаніе ихъ семьи является съ ея стороны нѣкоторой неделикатностью, какъ бы захватомъ. Для сыновей своихъ онъ предначерталъ блестящія карьеры, и они, съ нѣкоторыми уклоненіями и замедленіями, все же подвигались впередъ по намѣченному пути. Одинъ былъ въ Индіи, на государственной службѣ, а другой работалъ въ быстро разроставшемся автомобильномъ дѣлѣ. Что касается дочерей, то онъ надѣялся, что ими займется мать. Онъ не имѣлъ представленія о дочеряхъ. Онѣ являются невзначай, и какъ знать, что съ ними дѣлать? Конечно, маленькая дочка—очень пріятная игрушка въ домѣ. Она весело бѣгаетъ по комнатѣ, шалитъ, она вся сіяющая и прехорошенькая, у нея много-много мягкихъ волосъ и она лучше умѣетъ выражать свою нѣжность, чѣмъ ея братишки. Она—прелестная принадлежность матери, которая улыбается, склонившись къ ней. У нея прелестныя движенія, совсѣмъ какъ у матери. Она составляетъ потѣшныя фразы, которыя можно повторять въ Сити; онѣ такъ хороши, что ихъ можно было бы напечатать въ „Пончѣ“. Ее можно называть всяческими ласкательными именами—„Бэбсъ“ и „Бибсъ“ или „Виддльсъ“ и „Ви“. Она

любитъ садиться на колѣни къ отцу. Ее можно въ шутку ударить, и она отвѣтитъ тѣмъ же. Все это очень пріятно и вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Но маленькая дочка—это одно, а дочь—это совсѣмъ другое. О серьезныхъ отношеніяхъ къ дочери м-ръ Стэнли никогда прежде не думалъ. Когда же онъ впервые задумался по этому поводу, то очень разстроился, и тотчасъ же рѣшилъ „развлечься". Разноцвѣтные романы, которые онъ читалъ для отдохновенія, удѣляли очень мало вниманія этой сторонѣ жизни, и ничего поучительнаго по этому вопросу нельзя было въ нихъ прочитать. У героевъ этихъ романовъ никогда не бывало дочерей: они брали себѣ чужихъ дочерей. Единственнымъ недостаткомъ этихъ литературныхъ произведеній было въ глазахъ м-ра Стэнли то, что они обнаруживали легкомысленное отношеніе къ родительскимъ правамъ. Онъ самъ, напротивъ того, считалъ дочерей своей полной собственностью, считалъ, что онѣ обязаны повиноваться ему, что онъ можетъ выдать ихъ замужъ или же можетъ, по своему усмотрѣнію, держать ихъ у себя, какъ опору въ старости. Онъ готовъ былъ окружить понятіе собственности нѣкоторой сентиментальной дымкой, но это не нарушало принципа полной собственности. Право собственности казалось ему лишь справедливой отплатой за всѣ заботы и всѣ расходы, связанные съ воспитаніемъ дочерей. Дочери—вѣдь не то, что сыновья. Онъ видѣлъ, однако, что и романы, которые онъ читалъ, и міръ, въ которомъ онъ жилъ, не сходились съ его требованіями. Тѣмъ не менѣе они продолжали раздаваться какъ бы подъ сурдинку въ его умѣ. Дочери его сдѣлались какъ бы независимо зависимыми, что—полная нелѣпость. Одна вышла замужъ согласно его желаніямъ, другая—наперекоръ ему; а вотъ теперь Анна-Вероника, его милая дѣвочка Ви, вдругъ недовольна своимъ красивымъ, уютнымъ, оберегающимъ ее кровомъ и бѣгаетъ съ пріятелями, которые не носятъ шляпъ, по соціалистическимъ митингамъ, въ классы художественныхъ танцевъ и проявляетъ наклонность развить свои научныя знанія до совершенно неженственныхъ размѣровъ. Она, кажется, смотритъ на отца какъ на казначея, предоставляющаго ей средства для пользованія свободой. Она настаиваетъ на томъ, что *необходимо* покинуть скромную, нравственную Тредгольдовскую школу и поступить въ распущенные классы Ресселя. Она желаетъ рядиться въ маскерадные костюмы и провести остатокъ ночи съ дѣвицами Виджеттъ въ какомъ-то невозможномъ отелѣ въ Сого!

Онъ старался, насколько могъ, не думать о ней совсѣмъ, но

пришлось однако дѣйствовать. Сестра очень настаивала. Тогда онъ наконецъ отложилъ „Лиловую шляпку", отправился къ себѣ въ кабинетъ, засвѣтилъ газъ и написалъ письмо, которое и довело натянутыя и раньше отношенія до развязки.

IV.

„Дорогая Ви",—началъ онъ.

— О, эти дочери!—Онъ сталъ грызть перо и задумался, потомъ порвалъ листокъ и снова началъ:

„Дорогая моя Вероника. Тетя мнѣ сказала, что ты условилась съ барышнями Виджеттъ пойти вмѣстѣ на костюмированный балъ въ Лондонѣ. Если я вѣрно понялъ, то ты собираешься нарядиться въ какой-то странный костюмъ, надѣть поверхъ него ротонду, а послѣ вечера собираешься вмѣстѣ съ твоими пріятельницами, безъ кого-либо изъ старшихъ, остановиться въ отелѣ. Мнѣ очень непріятно отказать тебѣ въ удовольствіи, но къ сожалѣнію"...

— Гм!—сказалъ онъ, остановившись, и зачеркнулъ послѣднія слова.

„Но это невозможно".

— Нѣтъ,—сказалъ онъ и снова исправилъ: „Но я долженъ рѣшительно заявить, что мой долгъ—воспрепятствовать такого рода предпріятію".

— Ахъ, какая досада!—воскликнулъ онъ, глядя на исчерканное письмо. Взявъ другой листокъ бумаги, онъ снова переписалъ письмо. При этомъ имъ овладѣло нѣкоторое раздраженіе.

„Мнѣ очень непріятно, что мысль о чемъ-либо подобномъ могла придти тебѣ въ голову",—продолжалъ онъ письмо.

Подумавъ немного, онъ началъ съ новой строки.

„Новая твоя нелѣпая затѣя только еще болѣе ясно показываетъ, что у тебя составились странныя представленія о томъ, чтò дозволено и чтò не дозволено молодой дѣвицѣ въ твоемъ положеніи. Ты, кажется, не вполнѣ знаешь, каковы, по-моему, должны быть отношенія дочери къ отцу. Твое отношеніе ко мнѣ"...

Онъ впалъ въ мрачное настроеніе. Такъ трудно было вполнѣ опредѣленно выразить свои мысли!

...„и къ твоей тетѣ"...

Онъ нѣсколько времени искалъ подходящихъ выраженій, затѣмъ продолжалъ:

..."и ко всему установленному обычаями—очень непохвально. Ты мечешься, рѣзко нападаешь, все осуждаешь съ необдуманностью, свойственною молодости. Ты не можешь понять самыхъ существенныхъ сторонъ жизни (молю Бога, чтобы ты всегда оставалась въ невѣдѣніи относительно этого) и въ своемъ непониманіи и необдуманности ты можешь попасть въ положенія, которыя приведутъ къ вѣчному раскаянію. Жизнь молодой дѣвушки полна стерегущихъ ее ловушекъ".

Онъ остановился на минуту. Передъ нимъ мелькнулъ образъ Вероники, читающей эту послѣднюю фразу. Но онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы обратить вниманіе на спутанность метафоръ.—Все равно, подумалъ онъ, рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же. Пора ей знать.

"Жизнь молодой дѣвушки полна подстерегающихъ ее ловушекъ, отъ которыхъ ее нужно спасти во что бы то ни стало".

Онъ сжалъ губы и нахмурилъ брови съ рѣшительнымъ видомъ.

"Пока я твой отецъ, пока твоя жизнь на моемъ попеченіи, я обязанъ пользоваться моимъ авторитетомъ, чтобы обуздывать твою странную склонность къ экстравагантнымъ выходкамъ. Придетъ день, когда ты поблагодаришь меня. Я вовсе не думаю, милая Вероника, что въ твоемъ характерѣ есть что-нибудь нехорошее. Нѣтъ, ты безукоризненна. Но дѣвушку пятнаетъ не только зло, даже сосѣдство со зломъ; репутація легкомыслія можетъ очень сильно повредить ей, почти столько же, какъ дѣйствительно предосудительное поведеніе. Повѣрь мнѣ, что въ этомъ случаѣ я поступаю такъ, какъ необходимо для твоего блага".

Онъ подписался и задумался. Потомъ онъ отворилъ дверь кабинета и позвалъ:

— Мөлли!

Сестра явилась на его зовъ.

На ней было сложнаго фасона платье изъ кружевъ и вышивокъ съ раскинутыми по всей матеріи узорами чернаго, краснаго и желтаго цвѣтовъ. Она въ болѣе молодомъ видѣ повторяла внѣшность своего брата. У нея былъ такой же острый носъ—одна только Анна-Вероника изъ всей семьи была свободна отъ этого наслѣдія. Миссъ Стэнли держалась очень прямо, въ противоположность брату, который слегка горбился; во всей ея фигурѣ было что-то благородное; свою аристократическую осанку она сохранила съ тѣхъ поръ какъ въ теченіе долгихъ лѣтъ была

невѣстой священника, своего родственника. Онъ умеръ до того, какъ они успѣли пожениться. Когда ея братъ овдовѣлъ, она предложила ему свою помощь и взяла на себя въ значительной степени заботы о самой младшей дочери брата. Но съ самаго же начала ея нѣсколько старомодныя представленія о жизни враждебно столкнулись съ общей атмосферой Морнингтонъ-Парка, съ нравами племянницы-школьницы, съ воспоминаніями о легкой, маленькой м-ссъ Стэнли. Миссъ Стэнли сразу рѣшила отнестись тепло къ своей младшей племянницѣ и стать ей второй матерью—второй и лучшей, чѣмъ первая. Но ей сразу пришлось изъ-за всего воевать съ дѣвушкой, и она убѣдилась, что Анна-Вероника никакъ не можетъ понять всего, что̀ таится въ душѣ ея тетки.

Она вошла въ комнату брата съ выраженіемъ сдержаннаго интереса къ тому, что̀ онъ скажетъ.

М-ръ Стэнли указалъ на письмо трубкой, которую вынулъ изъ кармана жакетки.

— Какое твое мнѣніе объ этомъ письмѣ? — спросилъ онъ.

Она взяла письмо, протянувъ усѣянную сверкающими кольцами руку, и внимательно прочла его. Онъ медленно набилъ трубку.

— Да, — сказала она — письмо рѣшительное и вмѣстѣ съ тѣмъ теплое.

— Я бы могъ сказать еще кое-что.

— Ты, кажется, сказалъ все, что нужно. По моему, это именно то. Ей дѣйствительно не слѣдуетъ ѣхать на этотъ вечеръ.

Она остановилась; онъ подождалъ, пока она снова заговоритъ.

— Она, кажется, не понимаетъ, какъ вредны для нея эти люди и жизнь, которую они ведутъ,—сказала миссъ Стэнли.—Это можетъ испортить всѣ ея шансы.

— А у нея есть шансы?—спросилъ онъ.

— Она привлекательная дѣвушка, — сказала миссъ Стэнли, и прибавила: — нѣкоторымъ она очень нравится. Конечно, не хочется говорить о чемъ-нибудь, прежде чѣмъ есть о чемъ говорить.

— Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, чтобы о ней что-нибудь говорили.

— Я именно это и хотѣла сказать.

М-ръ Стэнли взялъ письмо и постоялъ нѣсколько времени въ задумчивости, не выпуская его изъ рукъ.

— Какъ бы я хотѣлъ,—сказалъ онъ—чтобы наша маленькая Ви вышла счастливо замужъ!

Онъ передалъ письмо дѣвушкѣ на слѣдующее утро, незамѣтно, какъ бы случайно, какъ разъ въ ту минуту, когда спѣшилъ на вокзалъ. Вероника въ первую минуту даже возымѣла дикую мысль, что отецъ прислалъ ей еще денегъ для Лондона.

V.

Аннѣ-Вероникѣ пришлось преодолѣть много препятствій, чтобы выполнить свое рѣшеніе и поговорить съ отцомъ.

Его ждали изъ города только часамъ къ шести, и Анна-Вероника провела время до обѣда съ барышнями Виджеттъ. За обѣдомъ атмосфера была не очень благопріятная. Тетя была сдержанно-любезна, но чувствовалось, что тонъ ея—напускной. Она говорила племянницѣ такимъ тономъ, точно занимаетъ гостью, о томъ, что въ этомъ году въ концѣ сада появилось слишкомъ много ноготковъ, и что эта „желтая опасность" грозитъ всѣмъ другимъ растеніямъ. Отецъ пришелъ къ столу съ бумагами въ рукахъ, представляясь очень занятымъ дѣлами. „Положительно, въ будущемъ году придется истреблять ноготки, — трижды повторила тетя Мӧлли.—Придется пожертвовать и маргаритками. Онѣ слишкомъ разростаются". Горничная Елизавета, какъ нарочно, приходила обносить овощи какъ разъ тогда, когда Анна-Вероника уже собиралась просить отца назначить ей время для разговора. Какъ только кончился обѣдъ, м-ръ Стэнли, расположившійся-было курить, вдругъ сорвался и побѣжалъ наверхъ въ гранильную мастерскую. А когда Вероника постучалась къ нему, онъ отвѣтилъ, не отворяя двери:

— Уходи, Ви, я очень занятъ!—и пустилъ въ ходъ зажужжавшее гранильное колесо.

За утреннимъ завтракомъ тоже не представилось случая завязать разговоръ. Отецъ читалъ „Таймсъ" съ исключительно сосредоточеннымъ вниманіемъ и потомъ вдругъ объявилъ, что поѣдетъ въ городъ съ первымъ изъ двухъ утреннихъ поѣздовъ.

— Я пойду съ тобой на вокзалъ,—сказала Анна-Вероника.— Я тоже могу поѣхать съ этимъ поѣздомъ.

— Мнѣ придется бѣжать,—сказалъ отецъ, взглянувъ на часы.

— И я побѣгу,—предложила она.

Но вмѣсто того, чтобы бѣжать, они просто пошли быстрымъ шагомъ.

— Послушай, папа!—начала она и вдругъ у нея захватило духъ.

— Если ты о томъ, чтобы ѣхать на балъ,—сказалъ онъ—то оставь, Вероника. Не проси. Я своего рѣшенія не измѣню.

— Но подумай, въ какомъ глупомъ положеніи я окажусь передъ всѣми знакомыми.

— Не нужно было ни съ кѣмъ условливаться, не поговоривъ съ тетей.

— Я считала себя достаточно взрослой,—проговорила она, пытаясь смѣяться, но едва удерживаясь отъ слезъ.

Отецъ зашагалъ быстрѣе.

— Пожалуйста не кричи и не плачь среди улицы!—сказалъ онъ.—Довольно... Если тебѣ нужно что-нибудь сказать, скажи тетѣ.

— Послушай, папа!

Онъ замахалъ на нее газетой.

— Я говорю тебѣ, что мое рѣшеніе неизмѣнно,—сказалъ онъ властнымъ голосомъ.—Ты не поѣдешь. Ты *не* поѣдешь на балъ.

— Я хотѣла поговорить еще и о другомъ.

— Тутъ не мѣсто для разговоровъ.

— Можно мнѣ придти къ тебѣ въ кабинетъ сегодня послѣ обѣда?

— У меня много работы.

— Но мнѣ необходимо поговорить. А если нельзя въ другомъ мѣстѣ... Я хочу, наконецъ, чтобы меня поняли.

Впереди нихъ шелъ господинъ, котораго они неминуемо должны были обогнать, продолжая идти такимъ быстрымъ шагомъ. Господинъ этотъ былъ Рамаджъ, занимавшій большой домъ въ концѣ бульвара. Онъ недавно познакомился съ м-ромъ Стэнли въ поѣздѣ и оказалъ ему нѣсколько мелкихъ любезностей. Онъ былъ маклеръ и собственникъ финансовой газеты. За послѣднія нѣсколько лѣтъ онъ очень быстро пошелъ въ гору, и м-ръ Стэнли столько же уважалъ его, какъ и ненавидѣлъ. Было бы крайне непріятно, еслибы онъ услышалъ отдѣльныя слова и фразы изъ его разговора съ дочерью. М-ръ Стэнли замедлилъ шаги.

— Не надоѣдай мнѣ, Вероника!—сказалъ онъ.—Не понимаю, какая тебѣ польза спорить о томъ, что уже давно рѣшено. Если ты нуждаешься въ совѣтѣ, обратись къ тетѣ. Но если тебѣ непремѣнно хочется излить душу...

— Такъ, значитъ, сегодня вечеромъ, папа?

Онъ что-то сердито проворчалъ, и эти звуки можно было съ грѣхомъ пополамъ принять за согласіе. Рамаджъ обернулся, услышавъ голосъ м-ра Стэнли, остановился и, поклонившись,

подождалъ, пока отецъ съ дочерью приблизились къ нему. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ широкимъ, гладко обритымъ лицомъ, съ сѣдоватыми волосами, съ подвижнымъ ртомъ и сильно выдававшимися черными глазами, которые онъ тотчасъ же устремилъ на Анну-Веронику. Онъ одѣвался скорѣе по модѣ Вестъ-Энда, чѣмъ такъ, какъ одѣваются въ Сити, и держался съ изысканной учтивостью, которая нѣсколько смущала и всегда верзлила отца Вероники. Онъ не игралъ въ гольфъ, а ѣздилъ верхомъ, что тоже было крайне несимпатично.

— Душно стало на бульварѣ. Деревья слишкомъ разрослись, — сказалъ м-ръ Стэнли, когда они пошли рядомъ, чтобы объяснить свой разгоряченный видъ.—Ихъ нужно будетъ подрѣзать весной.

— Времени еще достаточно. Нечего торопиться,—сказалъ Рамаджъ.—А миссъ Стэнли тоже ѣдетъ съ нами въ городъ?

— Я поѣду со вторымъ—сказала она—и перемѣню поѣздъ въ Вимбльтонѣ.

— Мы всѣ поѣдемъ со вторымъ,—сказалъ Рамаджъ—если вы разрѣшите.

М-ръ Стэнли хотѣлъ энергично воспротивиться этому плану, но не зналъ, какъ это сдѣлать, и что-то промычалъ; этимъ онъ какъ бы принялъ предложеніе.

— Какъ здоровье м-ссъ Рамаджъ?—спросилъ онъ.

— Все по прежнему,—отвѣтилъ Рамаджъ.—Ей скучно лежать. Но что же дѣлать, разъ это необходимо.

Распросы о больной женѣ были для него самымъ скучнымъ предметомъ разговора. Онъ сейчасъ же заговорилъ съ Анной-Вероникой.

— Куда же *вы* отправляетесь? — спросилъ онъ. — Въ эту зиму вы будете продолжать занятія естественными науками? Это у васъ, видно, наслѣдственная склонность.

На минуту Стэнли почувствовалъ расположеніе къ Рамаджу.

— Вы вѣдь занимаетесь біологіей, не правда ли?—продолжалъ Рамаджъ распрашивать молодую дѣвушку.

Онъ сталъ выкладывать свои собственныя знанія по біологіи, разсуждая какъ средній человѣкъ, который узнаетъ обо всемъ по журнальнымъ статьямъ и радъ случаю почерпнуть свѣдѣнія прямо изъ источника. Спустя короткое время у нихъ завязалась непринужденная, интересная бесѣда. Они продолжали разговаривать и въ поѣздѣ. Отцу это показалось непочтительнымъ со стороны дочери; онъ слушалъ, дѣлая видъ, что читаетъ „Таймсъ“. На него производила непріятное впечатлѣніе галантная почти-

тельность Рамаджа въ разговорѣ съ его дочерью; его поражали спокойные, увѣренные отвѣты Анны-Вероники. Все это мало согласовалось съ его представленіями о предстоявшей — если ее нельзя будетъ избѣгнуть — бесѣдѣ съ дочерью. Онъ вдругъ подумалъ, что, можетъ быть, дѣйствительно Анна-Вероника въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ взрослая. Онъ не зналъ вообще никакихъ оттѣнковъ въ классификаціи понятій и по отношенію къ возрасту признавалъ только два разряда — дѣвочекъ и женщинъ. Различіе между ними заключалось для него главнымъ образомъ въ правѣ гладить ихъ по головѣ. Но вотъ передъ нимъ дѣвочка—она вѣдь, очевидно, дѣвочка, такъ какъ она его дочь и ее можно гладить по головѣ,—которая очень искусно и умно изображаетъ изъ себя женщину. Онъ снова сталъ прислушиваться. Анна-Вероника говорила со своимъ собесѣдникомъ о какой-то новой — модернистской — пьесѣ и высказывала свои мнѣнія съ поразившей его необычайной увѣренностью.

— Его слова о любви — говорила она — были ужасно неубѣдительны. Онъ игралъ слишкомъ крикливо.

Сначала м-ръ Стэнли не понялъ все значеніе ея словъ. Потомъ только онъ сталъ соображать. Она разсуждала о томъ, какъ слѣдуетъ изображать на сценѣ любовь. Нѣсколько времени онъ уже ничего больше не слышалъ и только смотрѣлъ окаменѣвшимъ взглядомъ въ газету. Неужели она понимала, о чемъ говоритъ? Къ счастью они ѣхали во второмъ классѣ и въ купэ не было ихъ обычныхъ спутниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ, прикрывшись газетами, прислушиваются къ тому, что говоритъ Анна-Вероника.

Конечно, дѣвушки часто повторяютъ фразы и выражаютъ мнѣнія, смыслъ которыхъ имъ самимъ не ясенъ. Но такому человѣку, какъ Рамаджъ, слѣдовало бы не вызывать на подобный разговоръ молодую дѣвушку, дочь его пріятеля и сосѣда... Вотъ онъ, кажется, мѣняетъ предметъ разговора. — „Броддикъ тяжелый человѣкъ,—говоритъ онъ, — а главный интересъ пьесы вѣдь въ растратѣ“. Слава Богу!—М-ръ Стэнли опустилъ газету и окинулъ бѣглымъ взглядомъ лица пассажировъ, сидѣвшихъ въ ихъ купэ.

Когда они пріѣхали въ Вимбльтонъ, Рамаджъ выскочилъ изъ вагона, чтобы помочь миссъ Стэнли сойти. Онъ обращался съ ней какъ съ герцогиней, а она вела себя такъ, точно галантное обращеніе съ нею пожилыхъ, но еще представительныхъ дѣловыхъ людей было въ порядкѣ вещей. Рамаджъ, проводивъ ее, вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто въ углу.

— Какъ эта молодежь растетъ, Стэнли! — сказалъ онъ. — Кажется, еще вотъ вчера она бѣгала по бульвару такъ быстро, что только и видать было, что ноги да волосы.

М-ръ Стэнли посмотрѣлъ на него черезъ очки съ накипающимъ враждебнымъ чувствомъ.

— А теперь только и видать—что шляпу да идеи! — сказалъ онъ со смѣхомъ.

— Она, кажется, необыкновенно умная дѣвушка,—сказалъ Рамаджъ.

М-ръ Стэнли посмотрѣлъ на гладко выбритое лицо своего сосѣда.

— Какъ знать? Можетъ быть, все это высшее образованіе совершенно ни къ чему! — сказалъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

VI.

Въ теченіе дня, путемъ постепеннаго накопленія доводовъ, онъ уже окончательно въ этомъ увѣрился. Его младшая дочь занимала мысли м-ра Стэнли все утро, а потомъ и весь день. Ему все представлялась ея граціозная фигура, когда она выходила изъ вагона, не обращая вниманія на отца, и вспоминалось ея лицо въ тотъ моментъ, когда поѣздъ тронулся изъ Вимбльтона. Онъ вспоминалъ съ безграничнымъ изумленіемъ, какимъ спокойнымъ, естественнымъ тономъ она говорила о неубѣдительномъ, крикливомъ изображеніи любви на сценѣ. Онъ гордился своей дочерью—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень досадовалъ на ея невинную и смѣлую самоувѣренность. Въ этомъ сказывалось ея чувство полной независимости отъ отца, ея убѣжденіе, что она вполнѣ можетъ обойтись безъ него. Но вѣдь все-таки она только *кажется* взрослой женщиной. На самомъ дѣлѣ она опрометчива, ничего не знаетъ, совершенно неопытна. Совершенно. Онъ сталъ придумывать для вечерней бесѣды твердыя, рѣшительныя слова.

М-ръ Стэнли пошелъ позавтракать въ клубъ юристовъ въ Чансэри-Лэнъ и встрѣтилъ тамъ Оджильви. Въ этотъ день почему-то всѣ говорили только о дочеряхъ. Оджильви былъ занятъ несчастьями одного своего кліента, пострадавшаго именно изъ-за дочери, и разсказалъ нѣсколько сложныхъ и даже трагическихъ обстоятельствъ дѣла.

— Любопытный случай!—сказалъ Оджильви, намазывая масло на хлѣбъ.—Любопытный и поучительный.

Откусивъ кусочекъ хлѣба, онъ продолжалъ разсказъ.

— Молодая дѣвушка шестнадцати или семнадцати лѣтъ, точнѣе—семнадцати съ половиной—бѣгаетъ—если можно такъ выразиться—одна по Лондону. Школьница. Семья ея—почтенные вестъ-эндскіе люди. Живутъ въ Кенсингтонѣ. Отецъ умеръ. Она учится. Уходитъ изъ дому, возвращается когда хочетъ. Потомъ ѣдетъ учиться въ Оксфордъ. Двадцать одинъ, двадцать два года. Почему не выходитъ замужъ? Денегъ много по завѣщанію отца. Дѣвица очаровательная.

Онъ замолчалъ и сталъ ѣсть ирландское рагу.

— Уже замужемъ, — сказалъ онъ съ полнымъ ртомъ.—За лавочникомъ.

— Боже мой!—ужаснулся м-ръ Стэнли.

— Красивый негодяй, котораго она встрѣтила въ Вортингѣ. Очень романтиченъ и все такое. Словомъ, обдѣлалъ дѣльцо.

— Но...

— Съ ея стороны—чистѣйшія романтическія бредни. Съ его—чистѣйшій разсчетъ. Ходилъ прочесть завѣщаніе въ Соммерсетъ-Гоузѣ прежде чѣмъ жениться. Да. Пріятное положеніе.

— А теперь она его разлюбила?

— Окончательно. Дѣвушкѣ шестнадцати лѣтъ нужны густые волосы, хорошій цвѣтъ лица, луна и красивый теноровый голосъ. Больше ничего. Я увѣренъ, что большинство нашихъ дочерей въ этомъ возрастѣ вышли бы замужъ за шарманщиковъ, еслибы имъ представился случай. Мой сынъ хотѣлъ жениться на хозяйкѣ табачной лавки, женщинѣ тридцати лѣтъ. Но сынъ—дѣло другое. Эту исторію мы живо покончили. Такъ вотъ каково положеніе дѣлъ. Мои довѣрители не знаютъ, какъ быть. Не хотятъ доводить дѣло до скандала. Нельзя же попросить этого господина отправиться за границу и стать двоеженцемъ. Онъ невѣрно указалъ ея возрастъ и ея адресъ. Но изъ-за такихъ пустяковъ ничего съ нимъ нельзя сдѣлать... Вотъ вамъ исторія. Дѣвушка погублена на всю жизнь. Прямо начинаешь мечтать о восточныхъ нравахъ.

М-ръ Стэнли налилъ вина въ стаканы.

— Вотъ негодяй!—сказалъ онъ.—Нѣтъ у нея развѣ брата, который бы отколотилъ его?

— Пустое удовлетвореніе самолюбія,—сказалъ Оджильви.—Они даже, кажется, дѣйствительно отколотили его, судя по тону нѣкоторыхъ писемъ. Конечно, очень мило съ ихъ стороны. Но положеніе отъ этого не мѣняется.

— Сколько теперь развелось негодяевъ!—сказалъ м-ръ Стэнли.

— Ихъ всегда было достаточно, — возразилъ Оджильви.— Наша задача—въ томъ, чтобы не давать имъ ходу.

— А вѣдь было время, когда дѣвушки не были такими сумасбродными.

— Напримѣръ, героини Шеридана... Но, правда, онѣ больше сидѣли дома и не бѣгали по городу.

— Да. И виной всему теперешніе романы. Весь этотъ потокъ вредныхъ, совращающихъ книгъ, которые появляются каждый день. Всѣ эти поддѣльные идеалы, передовые взгляды, всѣ эти „женщины, которыя посмѣли“ и разное другое!..

Оджильви задумался.

— Та дѣвушка—сказалъ онъ,—а она прелестная и очень искренняя—сказала мнѣ, что ея воображеніе разгорѣлось послѣ постановки въ ихъ школѣ „Ромео и Юліи“.

М-ръ Стэнли предпочелъ не считаться съ этимъ доводомъ.

— Нужна цензура для книгъ—сказалъ онъ. — Теперь въ особенности нужна. Даже при существованіи драматической цензуры нѣтъ такой пьесы, на которую можно было бы спокойно повести жену и дочерей; всюду, въ каждомъ словѣ—какіе-нибудь намеки. А что бы было, еслибы не было и цензуры?

Оджильви продолжалъ развивать свою мысль.

— А я думаю, Стэнли, что бѣду надѣлало именно представленіе „Ромео и Юліи“—съ выпусками. Еслибы не выброшена была вся роль няни, то, можетъ быть, наша молодая дѣвица больше бы кое-чего знала и меньше бы совершила сумасбродствъ. А они только и оставили, что про мѣсяцъ и звѣзды. И еще балконъ и „мой Ромео“.

— Шекспиръ—совсѣмъ другое, чѣмъ современный вздоръ. Совсѣмъ другое. Я вовсе не ополчаюсь на Шекспира. Не такой я человѣкъ. Я вполнѣ допускаю его. Но эта современная зараза...

М-ръ Стэнли гнѣвно взялъ горчицы.

— Не будемъ говорить о Шекспирѣ!—сказалъ Оджильви.— Я говорю о томъ, что молодыя дѣвушки бѣгаютъ теперь свободныя какъ вѣтеръ. На каждомъ углу есть учрежденія, гдѣ достаточно внести себя въ метрическія книги, чтобы это уже считалось законнымъ бракомъ. На каждомъ шагу—возможность обвѣнчаться и церковнымъ бракомъ. Ничто не можетъ остановить нашихъ молодыхъ дѣвушекъ, кромѣ теряющейся уже привычки говорить правду, да и воображеніе ихъ имѣетъ все же предѣлы. Но и въ этомъ отношеніи онѣ подзадориваютъ одна другую. Конечно, это не мое дѣло, но право мнѣ кажется, что слѣдовало бы научить ихъ большей сдержанности. Одно изъ

двухъ: онѣ или слишкомъ свободны для своей невинности, или слишкомъ невинны для своей свободы. Таково мое мнѣніе.—Возьмите яблочное пирожное, Стэнли. Оно здѣсь теперь очень хорошее.

VII.

Въ концѣ обѣда Анна-Вероника обратилась къ м-ру Стенли.

— Отецъ!—сказала она.

М-ръ Стэнли посмотрѣлъ на нее поверхъ очковъ и сказалъ съ внушительной медленностью:

— Если ты хочешь поговорить со мной, то приходи въ кабинетъ. Я здѣсь только покурю и потомъ пройду туда. Не могу себѣ представить, о чемъ тебѣ еще нужно говорить со мной. Казалось бы, въ моемъ письмѣ все сказано—совершенно ясно. А мнѣ еще нужно просмотрѣть вечеромъ очень важныя бумаги.

— Я не долго задержу тебя, папа,—сказала Анна-Вероника.

— Не понимаю, Мӧлли, —замѣтилъ онъ, взявъ сигару изъ ящика, въ то время какъ сестра его и дочь поднялись изъ-за стола,—не понимаю, почему бы тебѣ и Ви не обсудить вдвоемъ то, о чемъ она хочетъ говорить—что̀ бы это ни было. Зачѣмъ надоѣдать этимъ еще мнѣ?

Въ первый разъ разговоръ сдѣлался общимъ между тремя членами семьи; всѣ трое были застѣнчивы и обыкновенно не рѣшались вступать въ споръ.

М-ръ Стэнли остановился, не кончивъ фразы. Анна-Вероника открыла дверь передъ тётей, которая вышла изъ столовой съ гордымъ видомъ и поспѣшила пройти къ себѣ въ комнату. Она вполнѣ соглашалась съ братомъ. Ей было очень непріятно, что племянница не обратилась къ ней. Это доказывало недостаточную любовь, казалось намѣреннымъ, незаслуженнымъ недовѣріемъ и давало поводъ обидѣться.

Когда Анна-Вероника вошла въ кабинетъ, она увидѣла, что все подготовлено для бесѣды у газовой печки. Два кресла были поставлены лицомъ къ лицу по обѣ стороны камина. Въ кругѣ свѣта отъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ лежала приготовленная для работы пачка синихъ и бѣлыхъ бумагъ, перевязанныхъ розовымъ шнуркомъ. Отецъ держалъ въ рукѣ какой-то печатный документъ и читалъ его.

— Садись! — сказалъ онъ Аннѣ-Вероникѣ и продолжалъ спокойно читать бумагу. Наконецъ онъ отложилъ ее.—О чемъ же

ты хочешь говорить?—спросилъ онъ ироническимъ тономъ, глядя на нее поверхъ очковъ.

У Анны-Вероники былъ нѣсколько возбужденный видъ; она не послѣдовала приглашенію отца и не сѣла.

— Послушай, папа!—сказала она, взглянувъ на отца, очень спокойнымъ тономъ:—я непремѣнно должна быть на этомъ балу. Это необходимо.

Голосъ отца прозвучалъ еще болѣе иронически.

— Почему?—спросилъ онъ.

Она не совсѣмъ приготовилась къ отвѣту.

— Потому что я не вижу причины не ѣхать.

— Но я вижу.

— Почему мнѣ не ѣхать?

— Тамъ тебѣ не мѣсто. Общество совершенно неподходящее для тебя.

— Да вѣдь ты, папа, не знаешь ни самаго общества, ни людей.

— И кромѣ того, совершенно недопустимо, невозможно, чтобы ты остановилась въ Лондонѣ въ отелѣ. Полная нелѣпость. Не понимаю, какъ это даже могло придти тебѣ въ голову, Вероника.

Онъ наклонилъ голову на одинъ бокъ, опустилъ углы рта и посмотрѣлъ на дочь поверхъ очковъ.

— Что въ этомъ нелѣпаго?—спросила Анна-Вероника, взявъ въ руки одну изъ трубокъ, лежавшихъ на каминѣ.

— Да помилосердствуй! — взмолился онъ, съ скучающимъ видомъ.

— Положительно, папа, я не вижу тутъ ничего нелѣпаго. Объ этомъ-то я и желала поговорить съ тобой. Вопросъ вотъ въ чемъ: могу ли я сама быть отвѣтственной за себя, или не могу?

— Судя по твоей новой затѣѣ, не можешь.

— А мнѣ кажется, что могу.

— Пока ты живешь подъ моей кровлей—началъ онъ и остановился...

— Ты будешь обращаться со мной такъ, какъ будто я не отвѣтственна за себя. Я считаю, что это несправедливо.

— Знаешь ли, твои понятія о справедливости — замѣтилъ онъ и не кончилъ фразы.—Милая моя дѣвочка, — сказалъ онъ снисходительнымъ тономъ — ты вѣдь совсѣмъ ребенокъ. Ты понятія не имѣешь о жизни, объ ея опасностяхъ, объ ея возможностяхъ. Ты считаешь, что все совершенно невинно и просто.

Нѣтъ, это невѣрно. Въ этомъ-то и состоитъ твоя ошибка. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, во многомъ даже, ты должна довѣрять старшимъ, тѣмъ, которые лучше тебя знаютъ жизнь. Я вмѣстѣ съ твоей тетей со всѣхъ сторонъ обсудилъ этотъ вопросъ и мы окончательно рѣшили, что тебѣ нельзя ѣхать на этотъ вечеръ.

Разговоръ на минуту оборвался. Анна-Вероника старалась освоиться со сложностью положенія и не терять голову. Она стояла въ полуоборотъ къ отцу и наклонилась къ огню.

— Видишь ли, папа, — сказала она: — дѣло не только въ танцахъ. Я хочу быть на вечерѣ, потому что это для меня ново, потому что вѣроятно мнѣ будетъ тамъ интересно и я многое узнаю. Ты говоришь, что я ничего не знаю. Это, кажется, вѣрно. Но какъ же я могу что-нибудь знать, ничего не видя?

— Есть кое-что въ жизни, чего, надѣюсь, ты никогда не узнаешь.

— Мнѣ это не кажется желательнымъ. Я хочу знать—все, что только можно знать.

— Глупости! — сказалъ м-ръ Стэнли, закуривъ трубку, и протянулъ руку къ бумагамъ, перевязаннымъ розовымъ шнуркомъ.

— Я хочу. Я пришла сказать тебѣ именно это. Я хочу быть полноправнымъ человѣческимъ существомъ. Я хочу знать все и обо всемъ, и не желаю, чтобы меня оберегали какъ сокровище и прятали куда-то въ маленькій тѣсный уголокъ.

— Прятали!—воскликнулъ отецъ.—Развѣ я препятствовалъ твоему посѣщенію лекцій? Развѣ я запрещалъ тебѣ ходить куда угодно въ допустимые часы? У тебя даже есть велосипедъ!

— Конечно, конечно! — сказала Вероника. — Но я требую серьезнаго отношенія къ себѣ. Дѣвушка въ мои годы должна считаться взрослой. Я хочу продолжать университетскія занятія въ надлежащихъ условіяхъ, послѣ того какъ я сдала первый экзаменъ. Нельзя меня обвинить въ томъ, что я не работаю. Я всѣ экзамены сдаю хорошо. А Родди на дняхъ провалился...

Отецъ прервалъ ее.—Послушай, Вероника!—сказалъ онъ.—Будемъ говорить откровенно. Ты не поступишь на курсы безбожника Ресселя, а будешь посѣщать только Тредгольдъ-Коллэджъ. Такъ я рѣшилъ, и ты должна съ этимъ примириться. Тутъ играютъ роль разныя соображенія. Пока ты живешь у меня въ домѣ, ты должна слѣдовать моимъ желаніямъ. Ты ошибаешься даже въ сужденіи о научныхъ заслугахъ Ресселя и о его работахъ. Надъ нимъ многіе смѣются—прямо смѣются. Я самъ видѣлъ работы его учениковъ; онѣ казались мнѣ—ну, прямо чуть не постыдными. Много я слышалъ также о его помощникѣ,

Кэпсѣ, который ведетъ практическія занятія. Онъ — одинъ изъ тѣхъ, которые не довольствуются наукой и пишутъ статьи въ журналахъ. Словомъ, разъ навсегда: къ Ресселю ты не поступишь.

Дѣвушка молча выслушала это запрещеніе, но лицо ея, наклонившееся къ газовому пламени, приняло упрямое выраженіе; сходство между отцомъ и дочерью отъ этого выступало еще болѣе рѣзко. Губы ея дрожали, когда она снова заговорила.

— Такъ, значитъ, когда я сдамъ окончательный экзаменъ, я должна буду опять жить дома?

— Конечно.

— И ничего не дѣлать?

— У тебя всегда найдется дома достаточно работы.

— И ждать пока кто нибудь сжалится и женится на мнѣ?

Отецъ поднялъ брови съ мягкимъ упрекомъ. Нетерпѣливо стукнувъ ногой, онъ сталъ разбирать бумаги.

— Послушай, отецъ! — сказала она измѣнившимся голосомъ.—Что если я этого не стерплю?

Онъ взглянулъ на нее съ крайнимъ удивленіемъ.

— Что если я все-таки пойду на вечеръ?

— Ты не пойдешь.

— Скажи — у нея на минуту захватило дыханіе, — скажи, какъ ты можешь предотвратить это?—спросила она.

— Я вѣдь запретилъ тебѣ!—сказалъ онъ, возвышая голосъ.

— Знаю. Но если я все-таки пойду?

— Нѣтъ, Вероника, этого не можетъ быть! Пойми, наконецъ: я запретилъ тебѣ идти. Я не допускаю даже угрозы непослушанія. — Онъ говорилъ очень громко. — Запрещено—и дѣло съ концомъ!

— Если ты мнѣ докажешь, что то или другое дѣйствительно нехорошо, я обѣщаю тотчасъ же отказаться отъ этого.

— Ты откажешься отъ всего, отъ чего я желаю, чтобы ты отказалась.

Наступило молчаніе: отецъ и дочь обмѣнялись взглядами. Лица у обоихъ были разгоряченныя и носили отпечатокъ непоколебимаго упрямства. Анна-Вероника пыталась посредствомъ странной, скрытой и недвижной гимнастики удержать слезы. Но когда она заговорила, губы ея стали дрожать и слезы покатились изъ глазъ.

— Я рѣшила пойти на этотъ вечеръ,—бормотала она—я рѣшила—и пойду. Я хотѣла серьезно поговорить съ тобой, но ты не хочешь разсуждать. Ты только сыплешь наставленіями.

При видѣ ея слезъ, на его лицѣ появилось смѣшанное вы-

раженіе торжества и жалости. Онъ поднялся съ кресла и видимо хотѣлъ взять ее за талію; но она быстро отступила отъ него, вынула платокъ и, быстро обмахнувшись имъ, сдержала приступъ слезъ. Голосъ отца уже не звучалъ иронически.

— Послушай, Вероника,—сказалъ онъ примирительнымъ тономъ—почему ты такъ неблагоразумна? Вѣдь мы желаемъ тебѣ только добра. И твоя тетя, и я самъ думаемъ только о томъ, чтобы тебѣ было лучше.

— И поэтому вы не даете мнѣ жить! И поэтому вы лишаете меня всего въ жизни!

М-ръ Стэнли вышелъ, наконецъ, изъ себя и набросился на дочь.

— Это что за глупости!—крикнулъ онъ.—Что̀ за безуміе? Вѣдь ты *живешь*, дитя мое, ты не знаешь лишеній. У тебя уютный домъ. У тебя есть друзья, знакомые, есть общественное положеніе, есть братья и сестры; всѣ возможности въ жизни открыты тебѣ. И вмѣсто всего этого тебѣ хочется посѣщать какіе-то смѣшанные курсы, рѣзать кроликовъ и танцовать по ночамъ въ нелѣпыхъ костюмахъ съ какими-то случайными знакомыми, съ студентами и еще Богъ вѣсть съ кѣмъ. Вотъ это дѣйствительно не жизнь... Ты совсѣмъ потеряла голову! Ты не знаешь, чего хочешь, что̀ говоришь. Ты разсуждаешь безъ всякой логики. Мнѣ жаль огорчать тебя, но я говорю это ради твоего же блага. Нельзя тебѣ идти на этотъ вечеръ, и ты не пойдешь. Я это твердо рѣшилъ, и будетъ день, когда ты поблагодаришь меня за мою твердость. Мнѣ очень больно огорчить тебя, но этого не будетъ.

Онъ подошелъ къ ней, но она быстро отошла.

— Ну, что же дѣлать!—сказала она.—Спокойной ночи, отецъ.

— Что̀ это такое?—спросилъ онъ.—Ты даже не цѣлуешь меня на прощаніе?

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ его.

Дверь мягко закрылась за нею. М-ръ Стэнли еще долго стоялъ передъ огнемъ, вдумываясь въ создавшееся положеніе. Потомъ онъ сѣлъ и сталъ медленно и вдумчиво набивать трубку.

„Что̀ же другое я могъ сказать ей?“—подумалъ онъ.

VIII.

— Пойдешь съ нами на фаддіанскій вечеръ, Анна-Вероника?—спросила Констанція Виджеттъ.

Анна-Вероника ответила уклончиво:

— Я хочу пойти.

— Ты шьешь себѣ платье?

— У меня уже есть.

Онѣ сидѣли въ спальнѣ старшей изъ сестеръ Виджеттъ. Гетти лежала въ постели съ вывихнутой ногой, и въ комнатѣ собралось цѣлое общество съ цѣлью развлечь ее. Комната была большая, аккуратно прибранная, непритязательная. На стѣнахъ висѣли неоправленные въ рамки рисунки начинающихъ художниковъ. Наверху книжныхъ полокъ стояли гипсовые слѣпки и половина человѣческаго черепа, а на полкахъ мирно помѣщались рядомъ очень различныя книги—Бернардъ Шау и Свинбернъ, „Томъ Джонсъ" и „Фабіанскіе очерки"; Попъ и Дюма. Мѣдно-красные волосы Констанціи Виджеттъ склонились надъ платной—едва-едва оплачиваемой—работой: разрисовываніемъ цвѣтовъ по трафарету на толстой бѣлой матеріи. Для этой работы она притащила въ комнату кухонный столъ. На ея кровати сидѣла тонкая дама лѣтъ тридцати въ темно-зеленомъ платьѣ; Констанція представила ее подъ именемъ миссъ Миниверъ. На окружающій ее міръ миссъ Миниверъ смотрѣла большими, трогательными синими глазами, которые казались еще бо̀льшими, изъ-за очковъ; носъ ея былъ слегка сдавленный и розовый, ротъ—капризно живой. Очки ея быстро двигались, когда взглядъ ея перебѣгалъ отъ лица къ лицу. Она, повидимому, горѣла желаніемъ говорить и все искала удобнаго для того случая. На отворотѣ жакетки у нея была пристегнута фарфоровая брошка съ надписью: „Право голоса женщинамъ!". Анна-Вероника сѣла у подножья постели больной, а Тэдди Виджеттъ, юноша съ атлетическими данными, занялъ единственный стулъ въ спальнѣ—очень расшатанный, превратившійся въ треножникъ и въ значительной степени даже въ одну только формальность. Онъ курилъ папиросы, стараясь скрыть, что онъ все время смотритъ на брови Анны-Вероники. Тэдди и былъ тотъ юноша безъ шляпы, изъ-за котораго за два дня до того Анна-Вероника свернула съ бульвара. Онъ былъ моложе обѣихъ своихъ сестеръ, конечно воспитывался по системѣ совмѣстнаго обученія и привыкъ къ женскому обществу. Ваза съ розами, только-что принесенными Анной-Вероникой, украшала общій туалетный столъ сестеръ. Анна-Вероника была особенно изящна въ этотъ день, такъ какъ одѣлась заранѣе для визита, который должна была сдѣлать попозже вмѣстѣ съ тетей.

Анна-Вероника рѣшила дать болѣе полныя объясненія.

— Мнѣ запретили ѣхать на вечеръ,—сказала она.

— Вотъ-те на!—воскликнула Гетти, поворачивая голову на подушкѣ.

— Боже мой!—взволнованно сказалъ Тэдди.

— Да—сказала Анна-Вероника, — и это очень осложняетъ положеніе дѣла.

— Тетенька? — спросила Констанція, которая была посвящена въ дѣла Анны-Вероники.

— Нѣтъ. Отецъ. Это—очень серьезный запретъ.

— Почему онъ запретилъ?—спросила Гетти.

— Въ томъ-то и дѣло. Я спросила его, почему нельзя ѣхать на вечеръ, но онъ не могъ привести никакихъ доводовъ.

— Вы спрашивали у вашего отца объясненій?—воскликнула миссъ Миниверъ.

— Да, я хотѣла объясниться съ нимъ, но онъ не желаетъ разсуждать логично.—Анна-Вероника на минутку задумалась.— Поэтому-то, я думаю, мнѣ и слѣдуетъ поѣхать.

— Вы спрашивали у вашего отца, почему онъ запретилъ ѣхать!—повторила миссъ Миниверъ.

— Съ нашимъ отцомъ мы всегда можемъ договориться до чего хотимъ,—сказала Гетти.—Ему даже пріятно говорить съ нами.

— Мужчины никогда не могутъ привести доводовъ,—сказала миссъ Миниверъ.—Никогда. И они этого не знаютъ. Понятія не имѣютъ. Это—самая скверная мужская черта.

— Послушай, однако, Ви. Если тебѣ запретили и ты всетаки поѣдешь, то вѣдь выйдетъ ужасная исторія.

Анна-Вероника рѣшила разсказать все до конца. Она сама не знала, какъ поступить, а у Виджеттовъ все было такъ свободно, всѣ принимали такое участіе во всемъ, такъ любили поспорить.

— Дѣло не только въ вечерѣ,—сказала она.

— А еще также въ томъ, гдѣ учиться, — сказала хорошо освѣдомленная Констанція.

— Дѣло въ общемъ моемъ положеніи въ домѣ. Отъ меня требуютъ, чтобы я не существовала. Я не должна учиться, не должна развиваться. Хотятъ, чтобы я жила дома и только дышала, ничего не дѣлая.

— Сметать пыль!—произнесла миссъ Миниверъ загробнымъ голосомъ.

— Пока не выйдешь замужъ, Ви,—сказала Гетти.

— Я этого не могу вынести!

— Тысячи женщинъ выходили замужъ только для того, чтобы освободиться,—сказала миссъ Миниверъ.—Тысячи! И всѣ онѣ убѣдились, что это еще худшее рабство.

— Очевидно, такова наша судьба, — сказала Констанція, рисуя яркіе розовые лепестки.—Ужасная судьба!

— Въ чемъ наша судьба?—спросила ея сестра.

— Въ рабствѣ. Въ томъ, что нами помыкаютъ. Когда я объ этомъ подумаю, то чувствую на себѣ слѣды топтавшихъ меня сапогъ — мужскихъ. Мы, изъ благородства, скрываемъ это, но это такъ. Ахъ ты, Господи, я размазала краски!

Миссъ Миниверъ производила нѣкоторое впечатлѣніе своей манерой говорить. Она обращалась къ Аннѣ-Вероникѣ съ такимъ видомъ, точно открываетъ ей великія тайны.

— При настоящемъ положеніи дѣлъ — сказала она, — это правда. Мы живемъ въ обществѣ, устроенномъ мужчинами—и вотъ каковы результаты. Каждая дѣвушка на свѣтѣ практически, за исключеніемъ немногихъ изъ насъ, которыя умѣютъ преподавать или пишутъ на пишущей машинѣ, и даже тогда насъ эксплуатируютъ—страшно сказать, какъ нашъ трудъ эксплуатируется!..—Она потеряла общую нить своего разсужденія.—Пока женщины не получатъ права голоса, все будетъ такъ, какъ теперь.

— Я—за женскія права!—сказалъ Тэдди.

— Я думаю, что дѣвушка никакъ не можетъ избѣгнуть того, чтобы ее не эксплуатировали, не платили слишкомъ мало за трудъ—сказала Анна-Вероника.—Кажется, для насъ нѣтъ возможности зарабатывать достаточно и жить самостоятельнымъ трудомъ.

— У женщинъ фактически нѣтъ экономической свободы,—сказала миссъ Миниверъ,—именно потому, что нѣтъ у нихъ свободы политической. Объ этомъ постарались мужчины. Единственная профессія, т.-е. единственная приличная профессія, помимо сцены, это—преподаваніе, и въ этой области мы давимъ другъ дружку. Во всемъ другомъ — въ адвокатурѣ, въ медицинѣ, на биржѣ—предразсудки преграждаютъ намъ путь.

— Остается еще область искусства и литературы,—сказала Анна Вероника.

— Не у всѣхъ есть талантъ къ писанію и къ искусству. Но и тутъ къ женщинамъ несправедливы. Мужчины—противъ нихъ. Что бы ни сдѣлала женщина, всегда ея заслуги принижаютъ. Всѣ лучшіе романы написаны женщинами, а мужчины все еще не довѣряютъ романисткамъ. Единственный для жен-

щины способъ преуспѣть въ жизни—это нравиться мужчинамъ. Они считаютъ, что мы только для этого и созданы.

— Мы звѣри!—сказалъ Тэдди.—Звѣри!

Но миссъ Миниверъ не обратила вниманія на его покаяніе.

— Конечно, — продолжала она равномѣрно повышавшимся голосомъ — мы нравимся мужчинамъ. У насъ есть способность нравиться. Мы видимъ мужчинъ насквозь, и многія изъ насъ пользуются этимъ знаніемъ, чтобы безъ шума достигнуть своихъ цѣлей. Не всѣ мы таковы, но есть такія среди насъ. Ихъ даже слишкомъ много. Что бы сказали мужчины, еслибы мы сбросили маски—и сказали имъ, каково наше истинное мнѣніе о нихъ, а также показали имъ, каковы мы въ самой сущности?

Она покраснѣла отъ возбужденія.

— Насъ погубило материнство!—сказала она.

Она начала длинную, путанную, восторженную рѣчь о положеніи женщинъ, приводя иногда очень удивительныя данныя. Констанція продолжала работать. Анна-Вероника и Гетти слушали, а Тэдди выражалъ сочувствіе и угощалъ дешевыми папиросами. Рѣчь свою миссъ Миниверъ сопровождала отрывистыми движеніями рукъ и все время вытягивала впередъ лицо. Иногда она смотрѣла въ упоръ на Анну-Веронику, иногда устремляла взглядъ на фотографію швейцарскаго вида, висѣвшую на стѣнѣ. Анна-Вероника смотрѣла на нее, смутно сочувствуя ей и въ то же время раздражаясь ея физической невзрачностью, ея судорожными движеніями. То, что она говорила, было смѣсью отрывковъ изъ слышанныхъ фразъ, изъ прочитанныхъ книгъ, изъ доводовъ, только намѣченныхъ, но не развитыхъ, и все это подавалось подъ соусомъ искренней восторженности. Анна-Вероника достаточно училась философіи въ Тредгольдъ-Коллэджѣ, чтобы съумѣть распутать нити въ туманной рѣчи, и она смутно чувствовала, что среди всего этого хаоса словъ было что-то истинное и значительное. Но слѣдить за разсужденіями миссъ Миниверъ было трудно. Анна-Вероника не понимала враждебность къ мужчинамъ, проникавшую всѣ ея рѣчи, не понимала также ту мстительность, отъ которой у миссъ Миниверъ сверкали глаза и горѣли щеки, не понимала и того, что говорилось о накопившихся нестерпимыхъ униженіяхъ женской жизни. Объ этихъ невыносимыхъ страданіяхъ она не имѣла ни малѣйшаго представленія.

— Мы образуемъ родъ, — доказывала миссъ Миниверъ — а мужчины—только инциденты. Они воображаютъ себя героями, но дѣло обстоитъ именно такъ. Во всѣхъ животныхъ породахъ

самки имѣютъ большее значеніе, чѣмъ самцы. Самцы должны нравиться имъ. Посмотрите на опереніе пѣтуха; у всѣхъ животныхъ происходятъ состязанія между самцами. Только у людей этого нѣтъ. Жеребцы, быки и всѣ другіе должны сражаться изъ-за самокъ. Повсюду въ природѣ то же самое. Только въ людской породѣ мужчина занялъ первенствующее мѣсто. И все это изъ-за материнства. Наше значеніе для рода губитъ насъ. Наше первенствующее значеніе и принизило насъ. Пока мы смотрѣли за дѣтьми, у насъ украли наши права и свободу. Дѣти дѣлаютъ насъ рабынями, и мужчины этимъ воспользовались. Случайнымъ покорено существенное, какъ говоритъ м-ссъ Шальфортъ. Первоначально, въ первыхъ животныхъ породахъ совсѣмъ не было самцовъ. Это вполнѣ доказано. Потомъ самцы появились среди низшихъ организмовъ,—она мелкими жестами изобразила лѣстницу бытія, точно разсматривая въ микроскопъ каждую особь,—среди щитовидныхъ и среди самыхъ мелкихъ животныхъ породъ, причемъ самцы стояли гораздо ниже самокъ, были просто паразитами. Смѣшно было на нихъ смотрѣть. И среди людей женщины сначала повелѣвали и управляли; онѣ владѣли всей землей, онѣ создали всѣ искусства. Первый родъ правленія былъ матріархатъ. А господа міра бѣгали и исполняли приказанія, которыя имъ давались.

— Да развѣ это дѣйствительно такъ?—спросила Анна-Вероника.

— Это совершенно доказано — сказала миссъ Миниверъ— американскими профессорами.

— Какъ же они это доказали?

— Наукой,—сказала миссъ Миниверъ.—А теперь—продолжала она—что съ нами сталось! Во что мы превратились? Въ хрупкія игрушки. Въ инвалидовъ. Мы теперь въ свою очередь сдѣлались паразитами и игрушками.

Анна-Вероника чувствовала, что все это—и полная нелѣпость, и поразительная правда. Гетти, которая временами умѣла ясно выражаться, сказала все то, что думалось Аннѣ-Вероникѣ. Гетти стала возражать миссъ Миниверъ.

— Невѣрно, что мы игрушки!—сказала она. — Никто не станетъ обходиться со мной какъ съ ребенкомъ. Никто не смотритъ на Констанцію или на Ви какъ на хрупкую бездѣлушку.

Тэдди произвелъ какой-то неясный шумъ, точно у него въ горлѣ произошла уличная драка; одно замѣчаніе было убито на повалъ другимъ и похоронено при звукахъ кашля.

— Съ нами нельзя обращаться какъ съ игрушками!—про-

должала Гетти.—Дѣло въ томъ, что мы не игрушки, совсѣмъ не игрушки. Мы—подстилка, солома. Мы—охапки соломы. Насъ считаютъ воспламеняющейся соломой, которую нельзя бросать зря. Мы—родъ, и въ материнствѣ—наше значеніе. Все это прекрасно, но никто не хочетъ допустить этого, боясь, что мы воспламенимся и будемъ исполнять свое назначеніе, не дожидаясь дальнѣйшихъ разъясненій. Какъ будто мы не знаемъ! Самое неудобное—это наши года. Прежде насъ выдавали замужъ въ семнадцать лѣтъ, и мы вступали въ кругъ жизни раньше чѣмъ успѣвали противиться чему-либо. Теперь это не дѣлается. Совершенно неизвѣстно почему. Мужчины женятся на насъ не раньше, чѣмъ намъ уже сильно за двадцать. И чѣмъ дальше, тѣмъ позже женятся и выходятъ замужъ. А до замужества намъ нечего дѣлать. Раскрывается бездна, и никто не знаетъ, что̀ начать съ нами. Міръ полонъ лишнихъ, ждущихъ своей очереди дѣвушекъ... Онѣ отъ бездѣлья начинаютъ думать, задавать вопросы и становятся какими-то половинчатыми существами. Мы наполовину человѣческія существа, наполовину самки, дожидающіяся времени, когда имъ придется выполнять свое назначеніе.

Миссъ Миниверъ слушала съ изумленіемъ. Способъ мышленія Виджеттовъ приводилъ въ замѣшательство ея слабый умъ, питавшійся риторикой.

— Нѣтъ другого спасенія, кромѣ права голоса!—крикнула она, задыхаясь отъ волненія. — Дайте намъ право голоса, и тогда...

Анна-Вероника вступила въ разговоръ, не обращая вниманія на слова миссъ Миниверъ.

— Это правда!—сказала она.—Дѣло въ томъ, что у нихъ нѣтъ плановъ для насъ. Они не знаютъ, что̀ съ нами дѣлать.

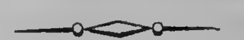
— Они знаютъ только одно—сказала Констанція, осматривая свою работу:—нужно держать спички подальше отъ соломы.

— И они не позволяютъ намъ устроить жизнь по-своему.

— Но мы этого добьемся! — сказала миссъ Миниверъ, которая непремѣнно хотѣла вставить свое слово, — хотя бы для этого нѣкоторыя изъ насъ пали ранними жертвами.—Она сжала губы, проникнутая той страстной жаждой самопожертвованія, которая создавала мучениковъ съ начала вѣковъ.—Я хотѣла бы— сказала она,—чтобы каждая женщина, каждая дѣвушка поняла, какъ я, какое значеніе имѣетъ для насъ право голоса...

Съ англійскаго З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



ИЗЪ НАУЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

I.

Гизехскій Сфинксъ.

На знойной вымершей равнинѣ
Давно недвижимый лежитъ
Въ пескахъ египетской пустыни
Гизехскій сфинксъ у пирамидъ.

Давно жрецы его и маги
Не собирались передъ нимъ,
И жаждетъ онъ хоть капли влаги,
Лучами жгучими палимъ.

Чему училъ онъ — все забыто!
Вѣка проходятъ чередой,
И въ нѣдрахъ мощнаго гранита
Тѣснится горькихъ мыслей рой:

Былая правда стала ложью!
И не придетъ уже вовѣкъ
Къ его безмолвному подножью
За новымъ знаньемъ человѣкъ!

Его оккультныя науки
Исчезли въ сумракѣ временъ,
И, у груди сложивши руки,
Уже не вѣритъ въ правду онъ...

Но предъ гранитнымъ изваяньемъ
Вдали, мерцая и горя,
Вдругъ яркимъ сѣвернымъ сіяньемъ
Блеснула новая заря.

На мигъ его умолкла мука!
Онъ вдаль глядитъ, подъ небеса,
И видитъ: новая наука
Творитъ ужъ въ мірѣ чудеса!

И вѣчной правды вновь онъ проситъ,
Великой жаждою томимъ,
Но лишь песокъ одинъ заноситъ
Былую правду вмѣстѣ съ нимъ!

II.

Голоса Земли.

Проходя ночной порою,
Путникъ, внемлешь ли вдали
Ты глубоко подъ собою
Голосамъ изъ нѣдръ земли?

Ты слыхалъ ли ихъ разсказы,
Какъ въ дремотномъ полуснѣ
Діориты, діабазы
Вызрѣваютъ въ глубинѣ,

И внизу, подъ слоемъ новымъ
Спящей глины подъ тобой,
Крѣпкимъ гнейсовымъ покровомъ
Ужъ одѣлся Шаръ Земной?

Ты взглянулъ ли, путникъ, въ вѣчность
Съ перепутья своего
И спросилъ ли безконечность:
Почему и для чего?

III.

Антаресъ *).

Словно око Скорпіона
Въ глубинѣ ночныхъ небесъ
Надъ дугою небосклона
Вышелъ красный Антаресъ.

И доставъ лучомъ суровымъ
До поверхности Земли,
Видитъ взглядомъ марганцовымъ,
Что свершается вдали.

Видитъ онъ, какъ на Востокѣ
Всталъ вершинъ Кавказскихъ рядъ,
Какъ могучіе потоки
Склоны горные пилятъ,

Какъ, внѣ власти человѣка,
Совершая въ вѣчность путь,
Поднимается Казбека
Андезитовая грудь,

И, взошедши надъ Кавказомъ
Темно-алою звѣздой,
Видитъ онъ углистымъ глазомъ
На предгорьѣ насъ съ тобой.

И, обливъ кровавымъ свѣтомъ
Всѣхъ, кто ближнему вредитъ,
Онъ съ улыбкой и привѣтомъ
Намъ съ тобою говоритъ:

Пусть зоветъ меня зловѣщимъ
Темный страхъ былыхъ людей,
Вамъ я буду другомъ вѣщимъ,
Алымъ блескомъ лучшихъ дней!

Николай Морозовъ.

*) Антаресъ—красная, марганцово-углеродистая звѣзда въ созвѣздіи Скорпіона, считавшаяся астрологами зловѣщей.

СОРВАЛСЯ...

РАЗСКАЗЪ.

I.

Подростокъ Θедька, прозванный миногой за свой высокій ростъ и тонкое туловище, былъ некрасивъ: съ узенькими мрачными глазками, широкимъ рыбьимъ ртомъ, еле замѣтными полосками губъ и выдающимися скулами.

Руки онъ имѣлъ, какъ большая обезьяна, очень длинныя, сухія, но удивительно сильныя. Самому себѣ Θедька казался безобразнымъ, и ему было непріятно, если чей-либо взглядъ долго останавливался на его лицѣ.

Ремеслу онъ выучился недавно и любилъ его. Съ презрѣніемъ къ опасности, а вмѣстѣ и къ своей безпросвѣтной жизни, подвязывалъ онъ себѣ подъ мышки веревку, когда его спускали съ крышъ высокихъ домовъ вколачивать крючки для вывѣсокъ или, за отсутствіемъ приставной лѣстницы, осматривать и поправлять сандрики (подоконники).

Среди кровельщиковъ его мастерской Θедька-минога считался отчаяннымъ: хозяинъ зналъ это и пользовался имъ для трудныхъ, головоломныхъ работъ.

Жалованье Θедька получалъ маленькое, какъ всѣ только-что вышедшіе изъ ученья и еще не привыкшіе къ тонкой работѣ мастера.

Кровельщики пили много водки; Θедька пилъ рядовую со старыми пьяницами. Ютился онъ на кухнѣ въ углу, спалъ на хозяйкиномъ половикѣ.

Өедька никого не любилъ. Иногда онъ думалъ и не могъ рѣшить—почему онъ пьяница?

Старуха прачка, его мать, однажды сказала ему:

— Бывало ты озяблый грудной-то лежишь въ прачешной на грязномъ бѣльѣ, не спишь... соску тебѣ водкой намочишь да въ ротикъ-то всунешь, тогда угомонишься — легко ли было съ тобой, доброхотъ? Годы мои, гляди, не велики, а я ужъ старуха.

— Отъ сына помощи захотѣла?! А гдѣ-жъ ты была, когда меня въ ученьѣ обижали, на работу зимой гоняли почесть босикомъ? Ты шелки въ то время богатымъ барынямъ стирала, у нихъ проси помощи! Да зачѣмъ ты меня прижила, старая сова? Гдѣ мой отецъ-кормилецъ?

Старуха плакала и не отвѣчала.

— Уйди, чертовка!—Өедька, толкнувъ старуху кулакомъ въ спину, выгналъ ее изъ кухни и пригрозилъ:—Убью, не приходи!

Съ тѣхъ поръ старуха оставила его, лишь издали по трактирамъ наблюдала за пьянымъ.

Одного развѣ стараго подмастерья Бердяя Өедька нѣсколько уважалъ и слушался.

Бердяй на работѣ показывалъ ему, какъ выбивать зубиломъ фестоны къ воронкамъ сточныхъ трубъ, какъ ловчѣе клепать и гнуть желѣзо, какъ по шаблону вырѣзать желѣзныхъ пѣтуховъ къ флюгаркамъ. Одинокій старикъ Бердяй любилъ Өедьку: вмѣстѣ выпивали, работали вмѣстѣ и спали въ одной квартирѣ. Казалось Бердяю, что какая-то мысль гложетъ Өедьку. Онъ по-своему, незатѣйливо, норовилъ разгадать мрачную душу подростка.

Өедька какъ-то разъ спросилъ его.

— Скажи, Бердяй, отчего мы по-скотски живемъ?

— Живемъ какъ всѣ кровельщики!

— Отчего пьянствуемъ, ничего не знаемъ?

Бердяй неясно отвѣтилъ:

— Есть, Өедька, солнышко—есть и кроты... Всегда будетъ солнышко, будутъ и кроты... Горюешь ты о пустякахъ—кто выше залѣзъ, тому падать страшнѣе: живемъ мы худо, зато безъ жалости помремъ.

Бердяй видѣлъ, что послѣ его словъ Өедька разсердился.

Онъ упрямо сказалъ, бросая кіянку:

— На чорта помирать—жить хочу!

Наблюдая, Бердяй подсмотрѣлъ, что Өедька какими-то завистливыми и злыми глазами разглядываетъ молодыхъ, нарядныхъ женщинъ. Работая, онъ изрѣдка хитро улыбался. Когда они въ

субботу получили деньги и выпили водки, Бердяй свелъ Ѳедьку туда, гдѣ бываетъ весело.

„Только бы мнѣ тебя понять!“—думалъ старый пьяница; но Ѳедька брезгливо и равнодушно глядѣлъ на голотѣлыхъ напудренныхъ нахальныхъ женщинъ и хмурился. Бердяй сказалъ ему:

— Гляди, дуракъ! Барышни-то... Сандрики, карнизы у нихъ дрыгаютъ, а руки—что твое тѣсто... Эхъ, Ѳедька! жалко молодости, а ты веселись, твоя молодость минетъ, какъ и моя, незамѣтно.

Но Ѳедька рѣшительно сказалъ, надѣвая шапку:

— Пойдемъ, Бердяй! Это не барыни, а чучелы. — И онъ ушелъ. Бердяй, виновато улыбаясь, плелся за нимъ. По дорогѣ они захватили водки и долго молча пили въ своемъ углу.

Разъ, въ осенній вѣтреный день, Ѳедька, навѣшивая водосточную трубу, висѣлъ передъ окномъ барской квартиры. Первое, что бросилось ему въ глаза, было чучело красивой голой женщины на высокомъ пьедесталѣ.

Дожидаясь забытаго инструмента, онъ бездѣйствовалъ. Вѣтеръ раскачивалъ доску пріятно, какъ маятникъ; иногда раскачиванье замедлялось; тихонько проплывая взадъ-впередъ мимо окна, Ѳедька видѣлъ въ глубинѣ комнаты сіявшее ледянымъ блескомъ большое зеркало; въ немъ пробѣгало изрѣзанное переплетомъ рамы отраженіе длиннаго чернаго туловища, съ лохматой, узкой головой.

Минуту онъ съ удивленіемъ разсматривалъ себя съ ногъ до головы, потомъ разозлился и чуть не пнулъ сапогомъ въ стекло. Ему казалось, что за нимъ какъ бы подсмотрѣли что-то смѣшное и позорное.

Къ окну подошла полная дама, легко, но богато одѣтая. При взглядѣ на нее у Ѳедьки забилось сердце. Фрамуга окна была открыта. Ему очень хотѣлось, чтобы женщина, не разглядывая его, говорила ласково и пріятно. Хотя вѣтеръ продувалъ его насквозь, ему стало вдругъ тепло. Остро и жгуче въ немъ мелькнуло:

„Около нея хорошо!“

Но красавица нахмурилась и, пухлой рукой вызвавъ изъ другой комнаты усатаго господина, указывая на Ѳедьку, сказала громко:

— Какой ужасный: какъ паукъ!

Тотъ добродушно засмѣялся:

— Какой же это паукъ? Тощій, длинный человѣкъ съ улицы.

Но когда онъ обнялъ ее, Ѳедька весь затрепеталъ на своей

доскѣ и грязнымъ рукавомъ отеръ выступившій на лбу потъ. Ему очень хотѣлось толкнуть сапогомъ въ стѣну, раскачаться и прыгнуть туда—разогнать ихъ.

Усачъ продолжалъ, наклоняясь и заслоняя темнымъ затылкомъ ея лицо:

— Что съ тобой? За стѣной, а ты боишься?!

Но она повторила, отстраняясь:

— Ты смотри, смотри, какой онъ отвратительный и такъ близко... Ахъ, Жоржъ, надо сказать, чтобы его убрали!—У нея дрожали губы.

— Еще капризъ! Онъ дѣлаетъ свое дѣло...

— Да, да, да!.. Убрать надо! — настойчиво проговорила дама и, ежась, захлопнула фрамугу.

Пока было открыто окно, Ѳедька не упустилъ ни слова и слышалъ весь разговоръ. Незнакомое доселѣ чувство очарованія, съ примѣсью какого-то злорадства, шевельнулось въ немъ: онъ особенно настойчиво замѣтилъ, что широкая, полуовальная фрамуга запирается неплотно. Это—столярное дѣло; видимо домовладѣлецъ былъ скупъ на передѣлки. Безъ мысли, почти инстинктивно подтянувъ доску на блокѣ выше, Ѳедька попробовалъ ее рукой, и фрамуга, скрипнувъ, легко подалась внутрь окна.

Хозяинъ-кровельщикъ ничего Ѳедькѣ не сказалъ, но перевелъ на другую работу. Остальныя трубы въ домѣ поправляли и навѣшивали безъ него.

II.

Зимой у кровельщиковъ работы мало. Дорогихъ мастеровъ разсчитали, но Бердяй и Ѳедька остались работать за хлѣбъ...

Зимнимъ утромъ рано Бердяй разбудилъ Ѳедьку и они еще въ темнотѣ, шаркая и глухо стуча деревянными лопатами, начали срывать снѣгъ съ крыши высокаго дома.

По крышамъ городъ уже дымился. Казалось, какія-то потныя бѣлоспинныя чудища, съ темной корявой щетиной трубъ, съ косматыми извилистыми боками, съ рогатыми головами изъ башенъ и церквей, отдыхаютъ усталыя; казалось, вотъ-вотъ они двинутся вслѣдъ за крохотными созданьями, идущими внизу по укатанному сѣрому снѣгу улицъ, среди желтыхъ курослѣповъ — круглыхъ огней.

Поработавъ вверху и спустившись къ желобьямъ, Ѳедька спросилъ Бердяя:

— Эхъ, Бердяй! Кабы до неба добраться... далеко ли?

Бердяй выколотилъ трубку, набилъ ее махоркой и, не закуривая, отвѣтилъ:

— До земли не въ примѣръ ближе!—и по своему обыкновенію прибавилъ раздумчиво:—То-то и есть: кабы люди сыскали небо, такъ и не умирали бы. Погляди на нихъ: ишь они внизу топорщатся, пѣтушатся, о животѣ хлопочутъ, а земля-матка всетаки всѣхъ слопаетъ, толстыхъ и тонкихъ. Ты тоже не ходи по желобьямъ, привяжись—снѣгъ глубокій, суметный... успѣемъ еще въ землю.

Ѳедька, вычищая лопатой сточные желоба, не отвѣтилъ на предостереженіе старика.

Старый кровельщикъ резонно продолжалъ: — Потоки подчищать ты спустился напрасно... Надо сверху гнать, низъ подчистишь, верхъ можетъ двинуться.

Но Ѳедька попрежнему упорно молчалъ, а Бердяй поднялся на самый гребень крыши.

Вскинувъ глаза черезъ улицу, Ѳедька увидалъ знакомую квартиру богатой барыни; онъ минуту недоумѣвалъ, почему и какъ онъ могъ очутиться опять на виду у брезгливыхъ людей.

„Можетъ быть, онъ ошибся? Нѣтъ!“

Вонъ недалеко отъ окна привѣшенная имъ труба темной лентой тянется съ крыши. Вонъ фрамуга, которую, сидя на доскѣ, онъ пробовалъ и она скрипѣла... Тамъ, выше—слуховое окно безъ рамы. Онъ сѣлъ, спустилъ ноги съ кромки крыши и, держась рукой за обмерзлую скользкую воронку водосточной трубы, сталъ жадно глядѣть черезъ улицу.

Не смотря на жесткій снѣгъ, хрустящій подъ ногами и плохо поддающійся деревянной лопатѣ, погода была мягкая и иней не запушилъ оконъ. Тамъ, у богатыхъ кончался вечеръ.

Высокая, полная хозяйка и другія нарядныя дамы и барышни танцовали.

Въ одной изъ большихъ комнатъ съ глянцевитымъ поломъ сидѣлъ черный человѣкъ; головы его не было видно, онъ шевелилъ локтями—и смутно, смутно до слуха Ѳедьки доносилась музыка.

Ѳедька ждалъ момента, когда, поплясавъ, полная барыня подойдетъ къ окну, такъ же, какъ тогда, испуганно и брезгливо взглянетъ на него. Онъ зналъ, что не услышитъ ея голоса, но ему хотѣлось еще разъ увидать ее, еще разъ запечатлѣть въ памяти ея испуганное, капризное лицо... Онъ ревниво и зорко слѣдилъ, какъ въ окнахъ мелькала ея пышная фигура. Прождавъ

долго и напрасно, онъ было всталъ на крышѣ, взялъ въ руки лопату, но отбросилъ ее и снова усѣлся, хотя сильно зябли ноги.

Танцы продолжались: бѣлѣли туфли барынь, сверкали пряжки башмаковъ и нарядные подолы, извиваясь и переплетаясь, скользили по гладкому полу. Мужчины въ черномъ, гибкіе, ловкіе, кружились, обнявъ женщинъ, или пробѣгали мимо высокихъ оконъ, но никто къ окнамъ не подходилъ. Иногда усталыя женщины падали на стулъ; въ ихъ холеныхъ рукахъ трепетали махалки, похожія на куриный хвостъ.

Ѳедька съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ волосатые затылки сидящихъ женщинъ и внимательно оглядывалъ ихъ голыя дразнящія плечи и думалъ:

„У каждой барыни головенка съ кулачокъ, а волосъ на ней— цѣлая корзина“... И тутъ же безъ связи мелькнуло въ его головѣ: „Отгородились—хе! То твое, а это мое... Стѣнами заставились... Красавицами завладѣли... настоящими...“

На улицѣ, у подъѣзда дома черная живая цѣпь каретъ дожидалась конца бала. Сгорбившись, съ обледенѣлыми бородатыми лицами, кучера ждали господъ. Глядя на нихъ, Ѳедька подумалъ:

„Анаѳемы... холуи пузатые“... Его злили терпѣливые люди; ему неясно казалось, что они, какъ и онъ—приниженные соглядатаи чужой сытой жизни.

— Ѳедька! помоги, милый, большой пластъ поднять! — попросилъ работающій Бердяй.—Полно думать-то, отъ думы только голова пухнетъ, сердце сохнетъ...

Внизу, въ рѣдѣющемъ снѣжномъ туманѣ кто-то плоскій и маленькій хриплымъ голосомъ ругалъ кровельщиковъ и торопилъ съ очисткой крыши.

Ѳедька презрительно скосилъ глаза съ вышины на плоское существо, но не шевельнулся. Бердяй рѣшительно закурилъ трубку; синій дымокъ кудрявыми клубами носился вокругъ его лица. Онъ безнадежно махнулъ рукой и одинъ началъ подрубать послѣдній большой пластъ снѣга.

Ѳедька наскоро протеръ кулакомъ слезящіеся отъ вѣтра глаза и перегнулся, упершись въ карнизъ ногами; сердце у него забилось радостно и тревожно. Ему показалось, что хозяйка, окончивъ танцы, подходитъ къ окну.

„Дождался... дождался!..“ На холодной, покатой и скользкой кромкѣ онъ чуть держался, но держался спокойно, увѣренно, словно сидѣлъ на скамьѣ въ своемъ углу.

— Берегись!—неожиданно и жутко услыхалъ онъ за собой отчаянный крикъ Бердяя.

Мимо Өедьки, стуча, прокатилась лопата, онъ не успѣлъ вскочить на ноги, не успѣлъ отодвинуться за желобъ: въ моментъ двѣ бѣлыхъ лавины—одна за другой,—обдавая ворохомъ колючей снѣжной пыли, смели съ крыши обоихъ кровельщиковъ.

III.

Лежитъ Өедька на спинѣ въ снѣгу, примерзъ и окоченѣлъ, не можетъ съ мѣста двинуться. Морозъ больно леденитъ его тѣло, ломитъ кости. Кто-то любопытными глазами смотритъ ему въ глаза и иногда дразнитъ миногой. Онъ бы повернулъ голову, но безсиленъ сдѣлать это, а мучительный взглядъ все острѣе впивается въ его лицо. Өедька вытягиваетъ губы, плюетъ вверхъ, но то, что мучаетъ его, стоитъ и не моргнетъ. Онъ стонетъ и скрипитъ зубами. Его куда-то везутъ и отъ этого еще больнѣе: шумятъ и шаркаютъ полозья саней, звенятъ колокольчики... пахнетъ чѣмъ-то удушливымъ, кругомъ много бѣлыхъ людей — нѣтъ, не людей... а похожихъ на людей снѣговыхъ кучъ и оттого холодно, а ненавистный взглядъ все колетъ его. „Уйди!“—скрежещетъ Өедька.

Когда онъ очнулся, то почувствовалъ сильную боль и тяжесть въ правой ногѣ. Голова его была тоже сплошь забинтована.

Наивная молоденькая сестра милосердія, еще не озлобленная, не разочарованная холодомъ жизни, первая радостно привѣтствовала его пробужденіе.

Переставъ бредить и очнувшись, Өедька на мигъ былъ радъ видѣть около себя хорошенькую дѣвушку, но сильная боль въ колѣнѣ правой ноги скоро вернула ему обычное злое настроеніе.

Сестра нагнулась къ его лицу и шаблонно нѣжнымъ голосомъ спросила:

— Ожилъ, Өедоръ? Значитъ, жить будемъ, а?

Өедька плотно сжалъ губы, закрылъ глаза и съ трудомъ повернулъ голову.

Сестра настойчиво, какъ будто бы его забинтованная голова принадлежала только ей, снова повернула ее прямо вверхъ лицомъ и, розовыми пальцами поправляя въ прорѣзѣ для уха конецъ распустившагося бинта, ловя его осмысленный взглядъ, прибавила:

— Какой же ты дикарь! Ничего... можешь говорить... Болитъ голова? Болитъ, нѣтъ?..

— Уйди, сволочь!—съ трудомъ, недовольнымъ голосомъ вы-

ругался Өедька. Боль въ ногѣ сильно чувствовалась; ему хотѣлось ругаться еще и еще.

Сестра покраснѣла, отвернулась и, одергивая обидчиво, какъ маленькая дѣвочка, нагрудникъ передника съ краснымъ крестомъ, быстро оставила его и занялась другими больными.

Өедька сильно рванулъ всѣмъ туловищемъ тяжелую ногу и безпокойно заерзалъ на постели.

— Кранки! загрузили проклятые живодеры!..

Өедька не сразу повѣрилъ, что у него сломана нога, но когда убѣдился, то цѣлыми днями, почти не шевелясь, лежалъ на постели; ему надо скорѣе выздоровѣть и покинуть ненавистное мѣсто. Өедька не вѣрилъ докторамъ — на его глазахъ много знакомыхъ кровельщиковъ умерло по больницамъ: нѣкоторые ушиблись, какъ онъ; нѣкоторые умерли отъ пьянства. Подумавъ однажды и убѣдивъ себя, что въ больницахъ только морятъ, Өедька рѣшился быть осторожнымъ: онъ нюхалъ пищу, которую ему подавали, подозрительно разглядывалъ кипятокъ въ большой оловянной кружкѣ, и если никто не видалъ, то выливалъ лекарство въ плевательницу.

Старуха мать, молча подперевъ щеку рукой, высиживала у его кровати пріемные часы. Өедька дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ее. Она приносила ему чаю, сахару и булокъ: онъ всѣмъ этимъ пользовался. Прожорливостью и нелюдимостью напоминалъ ястреба въ клѣткѣ. Разъ только спросилъ мать, угрюмо, бокомъ глядя на нее:

— Бердяй гдѣ?

— Убился, дитятко... убился доброхотъ...

Онъ лежалъ на своей постели съ волчьимъ взглядомъ, въ которомъ горѣла какая-то болѣзненная зависть. Зависть эта выражалась въ ненависти къ чужой чистотѣ, къ нарядному платью. Если приходили въ пріемные часы къ больнымъ молодыя женщины, то Өедька дѣлалъ на ихъ счетъ циничныя замѣчанія; а когда становилось ему невмоготу отъ угрозъ другихъ больныхъ, онъ стискивалъ зубы и отворачивалъ голову къ окну. Прислуга больницы его не любила, самъ же онъ уважалъ только доктора.

Въ бѣломъ халатѣ, докторъ, съ лицомъ, заросшимъ густымъ рыжимъ пухомъ, съ толстыми губами, откинувъ одѣяло, щупалъ ногу съ такимъ видомъ, какъ будто бы у Өедьки не было головы, а была только сломанная нога. Потрогавъ ее, онъ молча уходилъ къ другому больному.

Өедькѣ доставляло большое удовольствіе разглядывать звѣ-

риное лицо доктора. „Умный человѣкъ... не надоѣдаетъ“—думалъ онъ.

Отъ одиночества и бездѣлья мысли его все больше сосредоточивались на моментѣ паденія съ крыши, цѣплялись за предыдущее, отчетливо рисовали будущее. Десятки разъ подъ-рядъ онъ вспоминалъ чуть брезжившее утро, танцующихъ господъ въ окнахъ черезъ улицу... снова представлялъ себѣ высокую нарядную барыню, и странное, капризное желаніе все ярче, все настойчивѣе просыпалось въ немъ: ему хотѣлось видѣть ее вблизи, прижаться къ ней, смѣяться ей въ лицо радостнымъ и злымъ смѣхомъ.

— Хе! кости у ней нѣжныя... тѣло мягкое...

Всякія забытыя мелочи лѣзли ему въ голову; онъ ясно и подробно вспомнилъ, какъ навѣшивалъ трубу въ домѣ барыни... спускался съ чердака на веревкѣ... никому не довѣрилъ привязывать себя и большой блокъ съ двумя роликами. Тамъ длинный крючикъ забитъ крѣпко, до сихъ поръ торчитъ въ балкѣ подъ слуховымъ окномъ. Въ старомъ домѣ черная лѣстница высокая, каменныя ступеньки скруглены. Перила изъ желѣзныхъ прутьевъ. Проходя, онъ водилъ по периламъ рукояткой молотка; они звенѣли, люди выскакивали, ругались... Его ужъ не удивляло, что онъ такъ отчетливо видитъ эту лѣстницу, хотя ходилъ по ней только раза два-три. Окна мутны, давно не мыты, рамы старинныя, съ частыми переплетами, большія, квадратныя; съ подоконниковъ съѣхала краска. На чердакѣ узко, тѣсно... Дѣйствительность смѣшивалась съ тѣмъ, чего не было, но что постоянно стояло передъ нимъ... Ѳедька отматываетъ веревку... раньше, чѣмъ прицѣпить, пробуетъ крючокъ молоткомъ; крючокъ сухо, слабо звенитъ. Гудитъ и содрогается деревянная балка; онъ долго, осторожно прислушивается и медленно, боясь зашумѣть, лѣзетъ на крышу... Желѣзо за день нагрѣлось и не холодитъ рукъ. Черезъ улицу много глазъ безъ лицъ удивленно смотритъ не него. Двигаясь какъ можно медленнѣе и незамѣтнѣе, онъ шепчетъ:—А все-таки приду къ ней...—Привычно цѣпляется носками сапогъ за сточный желобъ, перегибается и, повиснувъ, мѣряетъ веревкой пространство отъ крыши до скрипучей фрамуги знакомаго окна.

Пальцы рукъ вяло работаютъ: вмѣсто простой, онъ взялъ почему-то смоленую веревку; звенья слиплись, и онъ очень долго дѣлаетъ петлю. Оставляетъ длинный конецъ веревки; качаясь, вертясь и задѣвая лицомъ за жесткую штукатурку стѣны, спускается къ окну. Нога привычно ищетъ петлю, тяжело и неуклюже попадаетъ въ нее...

Дрожа отъ радости, удивляясь дерзости своихъ намѣреній, Ѳедька виситъ и видитъ за окномъ бѣлую женщину.

„Ты не уйдешь!..—думаетъ онъ сонно, дерзко осклабясь.— Ужо вырублю раму“.—Налетѣвшій вѣтеръ качаетъ его; онъ мчится мимо окна взадъ-впередъ, напрягаетъ всѣ силы, но зацѣпиться не можетъ за скользкіе косяки окна. Онъ сердится, зная, что надо спѣшить. Правая нога, всунутая въ петлю, сплошь одеревенѣла, и нѣтъ возможности изъ тугого заскорузлаго голенища вытащить молотокъ. Ѳедька не узнаетъ себя: онъ, ловкій, всегда смѣлый, не можетъ почему-то ясно и точно управлять движеніями. На панели сердятъ его внизу плоскіе человѣчки. Они желтыми нахальными глазами смотрятъ на него. Онъ плотно сжимаетъ губы, чтобъ не выругаться громко... Перестаетъ качаться, но вѣтеръ все еще дуетъ...

Широко открывъ припухшіе глаза, Ѳедька долго не понимаетъ, почему видитъ у потолка палаты синій огонь подъ тонкимъ абажуромъ. Надъ его головой открыта форточка... Оглянувшись, онъ видитъ спящихъ больныхъ; они ему кажутся рельефными изображеніями святыхъ на бѣлыхъ плитахъ склепа—какъ тамъ, на кладбищѣ, гдѣ онъ поправлялъ крышу... Ѳедька перекрестился и отеръ съ лица холодный потъ.

Въ форточку пахнуло мелкимъ снѣгомъ.

Ѳедька чуть приподнялся на локтяхъ и, замѣтивъ дремавшую у бѣлой печки въ кожаномъ креслѣ сидѣлку, крикнулъ:

— Эй, потаскуха! Закрой форточку... Доктору скажу, слышишь?..

Сидѣлка не подняла головы и не отвѣтила, только ближайшій больной со спины повернулся на бокъ.

Тишина и сумракъ, иногда чей-то бредъ.

Ѳедька закрылъ глаза и вздрогнулъ. Кто-то внутри его заговорилъ голосомъ Бердяя: „на дверяхъ чердака замокъ...“ Ѳедька, не открывая глазъ, отвѣтилъ: „молотокъ есть...“ И снова вздрогнувъ, открылъ глаза. „Грошовая наша жизнь!.. Бердяй убился“. Ему вдругъ до слезъ стало жаль Бердяя. Онъ готовъ громко плакать, и чувство это было и сильно, и ново...

Люди, похожіе на украшенія гробницъ—неподвижны.

Сумракъ все гуще.

Сплошнымъ голубоватымъ блескомъ сіяетъ стекло круглыхъ часовъ вверху на стѣнѣ, какъ Божій глазъ въ часовнѣ.

Съ этой ночи онъ сталъ худѣть.

Всякій разъ, когда стекляшка—такъ называлъ онъ градус-

никъ,—всунутая ему подъ рубаху, появлялась въ рукахъ дежурной сестры, она звала доктора.

— Температура опять выше...

Рыжій докторъ, забросивъ одѣяло на голову Ѳедьки, щелкая пальцами по гипсу, гдѣ должно быть колѣно, устало говорилъ:

— Нагноеніе есть... Скоро перемѣнимъ гипсъ.

Гипсъ перемѣнили, а черныя линіи на клѣтчатой бумагѣ прыгнули еще выше.

Наконецъ рѣшили, что поможетъ движеніе, и Ѳедькѣ дали костыли, но онъ неохотно ходилъ.

Рядомъ лежалъ больной — бывшій швейцаръ, съ бритымъ обрюзглымъ лицомъ; каждый день ему служитель покупалъ газету и онъ читалъ вслухъ. Ѳедька любилъ слушать сообщенія о полетѣ воздушныхъ шаровъ или о происшествіяхъ дня.

Швейцаръ хмурилъ брови и вѣско, съ разстановкой, выговаривалъ слова.

„Какъ желобные крючья прикрѣпляетъ"—думалъ про его чтеніе Ѳедька.

Если читающему попадалось иностранное слово, то онъ вытягивалъ бритыя губы жирной трубкой, серьезно, медленно издавалъ лающій звукъ: „гамъ, гамъ, гамъ!" и читалъ дальше.

Сталъ снѣгъ, чуть зазеленѣли деревья. Въ больницѣ настежь распахнули окна.

Въ первый разъ увидѣвъ открытыя окна, Ѳедька, не сгибая, перекинулъ ноги на полъ, вытряхнулъ халатъ и одѣлся, а швейцаръ читалъ:

„...вырѣзалъ стекло... алма-а-зомъ и, что-о-бъ не зве-нѣ-ело и не прив-лека-ло вни-ма-нія про-хо-жи-хъ, нама-залъ руки па-а-такой..."

— Да, да... патокой!

Ѳедька на минуту задумался и лицо его стало веселымъ; проходя па костыляхъ въ коридоръ къ окну, онъ сказалъ швейцару:

— А ну-ка, прочти ты мнѣ еще разъ, какъ онъ стекло-то вырѣзалъ.

Швейцаръ пытливыми глазами опытнаго служаки поглядѣлъ на него, но читать не сталъ.

Ѳедька вышелъ въ коридоръ и, стоя въ простѣнкѣ между оконъ, внимательно оглядѣлъ проволоку, стягивающую ухваты ближайшей водосточной трубы.

Когда изъ коридора ушли прислуга и сестры, онъ, приставивъ костыли къ стѣнѣ, сѣлъ на окно, высунулъ ноги, передвинулся и, длинными руками переплетая трубу, держа на вѣсу

загипсованную ногу, спустился въ садъ. Въ саду онъ сѣлъ на ближайшей скамейкѣ, доскакавъ до нея на одной ногѣ. Глаза его особенно ярко свѣтились. Его живо вернули подъ-руки въ больницу. Онъ промочилъ повязку, пришлось перемѣнить. Ждали осложненія болѣзни, но температура слегка понизилась и онъ сталъ поправляться. Бинтъ съ головы сняли; отъ свѣжихъ шрамовъ его лицо стало еще безобразнѣе.

Въ половинѣ мая Ѳедьку выписали. Выйдя изъ больницы, Ѳедька-минога казался какъ бы длиннѣе, тоньше; опираясь на палку и прихрамывая, онъ уродливо извивался на ходу. На волѣ Ѳедька окончательно обносился. Если на улицѣ кто-нибудь принималъ его за нищаго и протягивалъ монету, Ѳедька молча принималъ подаяніе, безъ благодарности, и уходилъ, не глядя человѣку въ лицо. Въ мастерскихъ ему отказывали; никто не хотѣлъ брать молодого, неопытнаго, да еще хромого работника. Онъ не сердился, а былъ какъ-то особенно радъ безработицѣ.

Каждый день, съ утра, съ сердечнымъ трепетомъ и боязнью онъ наблюдалъ, какъ пестрые возы съ мебелью и всякимъ скарбомъ расползались на дачи. Особенно ясно онъ видѣлъ свою черную фигуру на веревкѣ, сквозь окно видѣлъ ту, къ кому сладострастной мечтой приковалась его мрачная душа, когда на возу въ опрокинутыхъ зеркалахъ дробилось солнце, съ каждымъ шагомъ лошади прыгая зайчиками по пыльнымъ фасадамъ домовъ. Понурый, онъ шелъ, прихрамывая, и съ вопросительнымъ взглядомъ долго простаивалъ на панели противъ знакомыхъ оконъ. Много разъ онъ пытливо оглядывалъ эти окна, крышу, карнизъ дома и всегда медлилъ; ему хотѣлось безконечно откладывать то, что̀ задумалъ. Онъ выискивалъ для этого предлоги. Теперь онъ рѣшилъ подождать свѣтлыхъ бѣлыхъ ночей, когда работа на крышѣ ночью мало удивляетъ, а въ квартирѣ видно безъ огня.

Сегодня онъ хромалъ больше и ноги были тяжелы, а сердце билось и замирало: онъ увидѣлъ передъ знакомымъ домомъ нагруженными два воза, на возахъ—кухарку и горничныхъ. Подойдя, спросилъ дворника; голосъ его прерывался, Ѳедька съ трудомъ окончилъ рѣчь.

— Уѣзжаетъ домовладѣлка?—и тутъ же, вспомнивъ, забоялся своей плохой одежды: „замѣтитъ, прогонитъ пожалуй"; но дворникъ былъ новый, деревенскій парень, словоохотливый, простой. Краснѣя отъ насмѣшекъ горничныхъ, хихикающихъ и подмигивающихъ ему, онъ отвѣтилъ Ѳедькѣ:

— Баринъ уѣзжаетъ... вонъ эти...—кивнулъ онъ на гор-

ничныхъ.—Барыня все по дохтурамъ ѣздитъ, лечится... скоро тоже, поди, уѣдетъ...

Өедька заспѣшилъ домой, завернулъ къ матери, взялъ у нея денегъ и купилъ патоки.

IV.

Онъ всталъ на подоконникъ, заперъ фрамугу, прижавъ въ комнатѣ веревку. Съ улицы внимательному глазу могло показаться, что въ домѣ проводятъ телефонъ. Кровельщикъ рѣдко вздрагивалъ и тяжело дышалъ. Обрывки мыслей мелькали въ его головѣ: „Старая фрамуга подалась... Сапоги надо снять... Тише... Теперь найду ее, найду!“

Разулся въ углу и легко, беззвучно, по-кошачьи, какъ во снѣ, среди сказочно-незнакомыхъ предметовъ пошелъ по теплому полу.

Все, кромѣ страстнаго ожиданія встрѣчи съ ней, похоже было на одинъ изъ кошмаровъ, переживавшихся имъ въ больницѣ.

Чинно, свѣтлымъ полукругомъ, какъ доктора въ балахонахъ, стоятъ съ высокими спинками стулья въ бѣлыхъ чехлахъ.

На сумрачныхъ стѣнахъ торчатъ плоскіе квадраты; бѣлѣя, они стушевываютъ блескъ стѣнныхъ узорныхъ подсвѣчниковъ.

Скользя взглядомъ по стѣнамъ и предметамъ, Өедька прислушивался: то смутные, то неожиданно рѣзкіе звуки были звуки улицы, а въ квартирѣ все было тихо.

Ему стало тоскливо и тяжело.

— Нѣтъ ли ея тамъ, гдѣ бѣлая женщина?

Онъ вышелъ...

Всѣ свѣтлые предметы въ какомъ-то туманѣ; только чучело голой женщины, на высокомъ пьедесталѣ у окна, стоитъ недвижимо, ясное, точно снѣговое; за нимъ въ рядъ сдвинуты темные большіе цвѣты.

Өедькѣ казалось—онъ цѣплялся за всякую возможность,—что тутъ въ цвѣтахъ, можетъ быть, спряталась та, кого онъ безнадежно ищетъ...

Но за статуей цвѣты листьями упирались въ стѣну.

Онъ тяжело вздохнулъ и съ голоднымъ вниманіемъ оглядѣлъ статую, трепетной рукой провелъ по гладкимъ холоднымъ формамъ, и когда почувствовалъ холодъ камня, то злая мысль шевельнулась въ немъ: „ишь ты... вмѣсто живой холодное чучело“!

Сверкнула бородка молотка, и куски мрамора глухо застучали по полу, кровеня ему ноги.

Потерявъ надежду, Ѳедька-минога сталъ апатично слоняться по комнатамъ, хотя во всей его фигурѣ выражалось тоскливое, напряженное ожиданіе: къ вещамъ онъ притрогивался неохотно, и лицо его не теряло злого и упрямаго выраженія.

Ѳедька набрелъ на стулья съ дамскими вещами, старательно отыскалъ среди нихъ женскую рубаху, вертѣлъ ее, смотрѣлъ на свѣтъ,—тонкій шелкъ пріятно и непривычно шелестѣлъ въ его корявыхъ рукахъ,—прижалъ рубаху къ лицу, но обратно на стулъ не положилъ, а наступивъ на одинъ конецъ ногой, другой конецъ сжавъ зубами, разорвалъ ее и клочки раскидалъ по комнатѣ.

Вдругъ онъ вытянулся и насторожился: ему послышалось, что къ дому подъѣхали.

Черезъ минуту въ коридорѣ, темномъ и длинномъ, гулко затрещалъ звонокъ.

Заткнувъ уши, Ѳедька на цыпочкахъ подкрался къ двери. Сердце его тяжело и гулко стучало; отъ знакомаго голоса колючія мурашки побѣжали по тѣлу.

— Копается моя старуха! — нетерпѣливо проговорилъ за дверями женскій голосъ. Звонокъ снова затрещалъ.

„Дождался!.. впущу и кранки!“... Ѳедька сдерживалъ дыханіе, стоя у дверей; ему казалось, что дыханіе вырывается, какъ звукъ кузнечныхъ мѣховъ.

— Неужели ушла къ роднымъ? Я сколько разъ ей твердила, что вернусь сегодня,—продолжалъ за дверями тотъ же голосъ.

— Все капризы. Къ чему было обѣихъ горничныхъ отправлять?—отвѣтилъ другой голосъ, мужской. Ѳедька узналъ и этотъ голосъ и остолбенѣлъ.

„Ихъ двое? — усачъ съ ней!“ Казалось, ему подрѣзали разомъ всѣ жилы на тѣлѣ... Трясясь и стуча зубами, мягкій, безпомощный, онъ опустился на полъ, въ ужасѣ смотрѣлъ минуту передъ собой, что-то бормоталъ и, скорчившись угловатыми колѣнами, сжималъ низко опущенную голову. Теперь ему было все равно и не хотѣлось идти никуда, а голосъ, который хотѣлось слушать безъ конца, дразнилъ его за дверями.

— Ахъ, милый! не въ первый разъ съ ней вдвоемъ остаемся... Но, можетъ быть, звонокъ испорченъ?—Надъ головой миноги звякнулъ звонокъ, смутно напомнивъ ему звукъ звонка въ его углу на кухнѣ.

Онъ вздрогнулъ, какъ разбуженный отъ сна; неясная мысль быстро толкнула его прочь отъ дверей. Спѣша, не вставая на ноги, онъ поползъ къ окну съ веревкой и обулся. За дверями громко стучали; отъ каждаго рѣдкаго и тяжелаго удара въ дверь онъ вздрагивалъ и торопилъ себя.

„Еще вернусь сюда... скорѣе, скорѣе!“ Онъ влѣзъ на высокую цвѣточную подставку; упалъ вмѣстѣ съ ней. Отъ шума въ головѣ онъ уже не могъ различить стука за дверями; его шатало и руки плохо слушались. Ѳедька неожиданно вспомнилъ и коротко пожалѣлъ, что давно не ѣлъ ничего.

Открывъ фрамугу, онъ натянулъ веревку и навалился грудью. Старая рама затрещала. Онъ замеръ и безсильно-выжидательно повисъ въ окнѣ, накинувъ на себя конецъ портьеры. На другой сторонѣ дворникъ мететъ улицу, можетъ замѣтить. Ѳедька радъ, что поднятое съ мостовой облако пыли помѣшаетъ дворнику замѣтить его. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вылѣзъ изъ окна... Ему надо опять вернуться сюда, а вылѣзть на крышу нѣтъ силы. И странно: свѣжій воздухъ не подкрѣпилъ его, а разслабилъ. Его нервное напряженіе смѣнилось бредомъ. На мигъ онъ былъ похожъ на путника въ горахъ, ищущаго ночлега, усталаго; онъ видитъ огонь и не видитъ пропасти, не помнитъ, что заноситъ слабую ногу надъ обрывомъ. Въ мигъ Ѳедькѣ представилось, что нашелъ ее, что слышитъ ея голосъ—его зоветъ она... Онъ забылся, и этого было достаточно, чтобы погибнуть.

Нога не искала петли; руки, разжавшись, скользнули по веревкѣ—и кровельщикъ полетѣлъ на панель.

То, что случилось, не ужаснуло его; онъ не вскрикнулъ и не разжалъ тонкихъ губъ; только глаза его коротко, дико блуждали, пока кругомъ его тѣла собирались любопытные люди.

А. Чапыгинъ.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ и МЕДИЦИНА

Предлагаемая читателю статья есть переводъ публичной лекціи, прочитанной въ концѣ минувшаго октября въ Штутгартѣ, въ пользу общества Краснаго Креста, для устройства больницъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Она заключаетъ въ себѣ сжатое содержаніе воззрѣній, изложенныхъ въ двухъ книгахъ: „Этюды о природѣ человѣка“ и „Этюды оптимизма“, и потому обращается главнымъ образомъ къ читателямъ, незнакомымъ съ этими сочиненіями. Въ то же время въ статью эту внесенъ отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя автору съ различныхъ сторонъ.

Выбранное заглавіе: „Міросозерцаніе и медицина“ требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ статьѣ идетъ рѣчь о міросозерцаніи по отношенію къ человѣку и человѣческой жизни, совершенно обходя вопросъ о мірозданіи съ физической точки зрѣнія. Въ виду этого, быть можетъ, слѣдовало бы обозначить статью и рѣчь названіемъ: „Міросозерцаніе и біологія“; но авторъ предпочелъ замѣнить послѣднее слово словомъ „медицина“, въ виду того, что съ его точки зрѣнія человѣкъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ появился на землѣ, есть существо ненормальное, больное, подлежащее вѣдѣнію медицины.

Нечего и говорить, что предлагаемый очеркъ, не смотря на то, что въ его содержаніе входитъ немало гипотетическаго, цѣликомъ зиждется на научной почвѣ, внѣ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было метафизики. Намъ кажется, что онъ можетъ отчасти послужить отвѣтомъ на новыя нападенія противъ науки, о которыхъ много писали въ послѣднее время въ русскихъ газетахъ.

Всѣмъ извѣстно, что многіе мыслители считаютъ человѣческую природу вполнѣ совершенной.

„Эмиль“ Ж.-Ж. Руссо начинается слѣдующими словами: „все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все испорчено руками человѣка“.

Въ настоящее время можно отстаивать какъ разъ обратное: природа дурно создала человѣка; только своими руками можетъ онъ усовершенствовать себя.

Чтобы доказать это, прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ происхожденіи человѣческой природы.

Въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ животное происхожденіе человѣка, отъ какой-нибудь породы обезьянъ.

Выводъ этотъ, высказанный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, постепенно пробивалъ себѣ все болѣе и болѣе широкую дорогу, не смотря на сильнѣйшее противодѣйствіе.

Очень многозначительнымъ въ этомъ отношеніи является недавнее празднество въ честь Дарвина, имѣвшее мѣсто въ Кэмбриджѣ.

Когда Дарвинъ обнародовалъ свое ученіе о происхожденіи видовъ—ученіе, изъ котораго вытекало, что человѣкъ произошелъ отъ животнаго существа, — противъ этого отовсюду поднялись многочисленные голоса.

Кэмбриджскій университетъ, въ которомъ Дарвинъ былъ нѣкоторое время студентомъ, высказался очень отрицательно относительно Дарвиновской теоріи.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ держалось такое враждебное дарвинизму направленіе — и только въ послѣднее время наступила перемѣна.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Кэмбриджскій университетъ призвалъ ученыхъ со всего міра для чествованія Дарвина, по поводу столѣтія со времени его рожденья и пятидесятилѣтія со времени появленія его главнаго труда. Юбилей этотъ удался самымъ торжественнымъ образомъ.

Въ іюнѣ 1909-го года собрались въ Кэмбриджѣ лучшія научныя силы изо всѣхъ главнѣйшихъ странъ.

Дарвиновская теорія происхожденія организмовъ вообще и человѣческаго въ частности была провозглашена прочно установленной.

Отношеніе Кэмбриджскаго университета въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе. Но еще важнѣе всѣ накопившіяся за

послѣдніе полвѣка научныя открытія, служащія новымъ доказательствомъ животнаго происхожденія человѣка.

Во времена Дарвина и его ближайшихъ послѣдователей почти еще ничего не было извѣстно относительно зародышеваго развитія человѣкообразныхъ обезьянъ. Съ тѣхъ поръ въ этомъ направленіи собраны нѣкоторыя драгоцѣнныя наблюденія. Они доказываютъ, что зародыши человѣкообразныхъ обезьянъ, а именно гориллы и гиббона, представляютъ величайшее сходство съ человѣческимъ зародышемъ.

Изслѣдованія существенныхъ свойствъ кровяной жидкости, предпринятыя въ послѣднее время врачами, вполнѣ установили, что человѣческая кровь представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ величайшее сходство съ кровью человѣкообразныхъ обезьянъ.

Исходя изъ совершенно другой точки зрѣнія, научная медицина представила новыя и очень вѣскія доказательства въ пользу животнаго происхожденія рода человѣческаго.

Пытаясь отыскать средства противъ разныхъ болѣзней, нашли, что нѣкоторыя заболѣванія, считавшіяся свойственными исключительно человѣку, могутъ быть привиты и человѣкообразнымъ, но не другимъ обезьянамъ.

Сюда относится, напримѣръ, сыпной тифъ, уносившій въ прежнія времена много жертвъ въ Германіи; въ Россіи же онъ очень распространенъ и по сіе время.

Шарлю Николю, французскому бактеріологу въ Тунисѣ, недавно удалось перенести сыпной тифъ на шимпанзе, въ то время какъ низшія обезьяны оказались невоспріимчивыми къ нему. Только переходъ черезъ шимпанзе далъ возможность привить и имъ сыпной тифъ.

То же самое удалось мнѣ недавно доказать и относительно такъ называемой дѣтской холеры—одной изъ наиболѣе распространенныхъ заразныхъ болѣзней. Обыкновенныя обезьяны, даже въ дѣтскомъ возрастѣ, вовсе не воспріимчивы къ этой болѣзни; молодыхъ же шимпанзе очень легко заразить ею.

Всѣ эти факты совершенно ясно говорятъ въ пользу настоящаго кровнаго родства между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами.

Но для нѣкоторыхъ ученыхъ эти аргументы кажутся недостаточно убѣдительными. Они требуютъ прямыхъ доказательствъ существованія переходныхъ формъ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами. Такія формы отыскать не легко: ихъ скелеты зарыты глубоко въ землѣ, и многіе изъ нихъ по всей вѣроятности находятся въ отдаленныхъ странахъ, въ которыхъ

едва только начинають искать остатки давно исчезнувшихъ существъ.

Подобный примѣръ представляютъ намъ находки проф. Дюбуа на островѣ Явѣ нѣкоторыхъ костей переходныхъ формъ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами.

Но и въ Европѣ открыто нѣсколько ископаемыхъ костей, проливающихъ значительный свѣтъ на вопросъ переходныхъ формъ между человѣкомъ и обезьяной.

Уже около сорока лѣтъ какъ найденъ знаменитый неандертальскій черепъ, очень сходный съ обезьяньимъ.

Позднѣе нашли подобный же черепъ въ Спи, въ Бельгіи.

Нѣкоторые антропологи признали эти черепа за человѣческіе, но очень сильно приближающіеся къ обезьяньимъ. Однако черепа Neanderthal'я и Спи были плохо сохранены, такъ что при оцѣнкѣ ихъ природы приходилось быть очень осторожнымъ.

Тѣмъ интереснѣе было открытіе, впервые сдѣланное въ южной Франціи, сравнительно очень хорошо сохранившагося костнаго остова, найденнаго погребеннымъ глубоко въ гротѣ около деревни „Chapelle aux Saints“.

Кости эти были отправлены въ Парижъ, возстановлены и подробно описаны проф. Булемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло со старческимъ скелетомъ, представляющимъ несомнѣнное сходство съ обезьяной. Черепъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ неандертальскому и Спи. Но такъ какъ онъ сохранился гораздо лучше, то и даетъ несравненно болѣе указаній относительно природы доисторическаго человѣка, которому принадлежитъ.

Достаточно бросить сравнительный взглядъ на современный человѣческій черепъ, на черепъ человѣкообразной обезьяны и на возстановленный черепъ изъ Chapelle aux Saints, чтобы тотчасъ убѣдиться въ томъ, что послѣдній занимаетъ промежуточное мѣсто между двумя первыми.

Нельзя, однако, не признать, что между обоими человѣческими черепами гораздо болѣе сходства, нежели между черепомъ изъ Chapelle aux Saints и черепомъ шимпанзе. Послѣдній значительно болѣе вытянутъ впередъ и представляетъ гораздо рѣзче животный характеръ: челюсти его гораздо болѣе выдаются и снабжены сильными зубами. У ископаемаго человѣка южной Франціи обѣ челюсти все же шире и сильнѣе, нежели у современныхъ людей. Особенно отличается своей величиной нижняя челюсть. Она поразительно сходна въ черепѣ изъ Chapelle aux Saints съ нижней челюстью черепа, найденнаго близъ Гейдельберга и точно описаннаго Шӧтензакомъ.

Въ общемъ открытія эти даютъ право принять, что въ доисторическія времена въ Европѣ жили люди, составляющіе соединительное звено между современнымъ человѣкомъ и нынѣ живущими человѣкообразными обезьянами. Нѣкоторые ученые думаютъ, что этотъ ископаемый человѣкъ принадлежитъ не только къ особенной расѣ, но скорѣе даже составляетъ особый видъ, который можно обозначить именемъ Homo primigenius.

Въ то время, какъ съ основанія теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны общая сложность найденныхъ фактовъ говоритъ въ пользу этой теоріи,—за этотъ длинный пятидесятилѣтній періодъ не было сдѣлано ни одного открытія, противорѣчащаго ей.

Поэтому на человѣка слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣйствительно усовершенствованную обезьяну, съ значительно развившимся черепомъ и менѣе развитой лицевой частью.

Для того, чтобы большая голова могла пройти сквозь тазовыя кости, человѣческій тазъ долженъ былъ стать шире и вообще сильнѣе развиться.

Къ тому же ему пришлось служить опорой для ногъ при вертикальномъ положеніи тѣла человѣка.

Эти особенности человѣческаго организма неизбѣжно имѣли большое вліяніе на всю судьбу человѣческую.

Сильное развитіе головы и таза привело ко многимъ неудобствамъ.

Главныя между ними—затрудненіе дѣторожденія и возможность при этомъ вывиха бедра у ребенка.

Въ то время какъ у женщины выхожденіе плода требуетъ отъ $1/2$ часа до $1\,1/4$ [1]),—у кобылы оно совершается отъ 4 до 6 и въ крайности до 15 минутъ [2]).

Стоитъ сравнить скорость и легкость дѣторожденія у морской свинки и у женщины, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ первой. И не смотря на это морская свинка появляется на свѣтъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ новорожденное дитя. Послѣднее рождается несчастнымъ, плачущимъ и безпомощнымъ. Морская свинка, наоборотъ, сразу начинаетъ бѣгать и производитъ во всѣхъ отношеніяхъ жизнерадостное впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, новорожденная свинка почти способна вести самостоятельный образъ жизни и питаться растительной пищей.

При этихъ условіяхъ дѣйствительно очень трудно признать человѣческую природу совершенной.

[1]) Vernier, „Obstétrique journalière“, Paris, 1900, p. 174.

[2]) Saint-Cyr, „Traité d'obstétrique vétérinaire“, Paris, 1898, p. 334.

Послѣ появленія человѣка на свѣтъ начинается для него длинный періодъ развитія, сопряженный со столькими невзгодами.

Новорожденныя животныя отличаются отъ взрослыхъ несравненно меньше, нежели новорожденное дитя—отъ взрослаго человѣка. Различія эти относятся столько же къ тѣлосложенію и вообще всему организму, какъ и къ умственнымъ способностямъ.

Когда молодыя животныя инстинктивно подражаютъ родителямъ своимъ, то это вскорѣ приводитъ къ достиженію цѣлесообразной дѣятельности.

Такъ выучивается щенокъ охотиться за дичью.

Совершенно иное дѣло у человѣка, особенно у цивилизованнаго.

Разница между мальчикомъ и его отцомъ несравненно болѣе рѣзкая, чѣмъ у млекопитающихся. Инстинктивная подражательность, служащая такимъ отличнымъ воспитательнымъ средствомъ у животныхъ, часто приводитъ ребенка къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Представимъ себѣ только мальчика, желающаго подражать своему отцу съ ружьемъ на охотѣ!

Сколько труда стоитъ матерямъ уберечь своихъ дѣтей отъ всякихъ опасныхъ инструментовъ—ножей, ножницъ и т. д.!

Трудность воспитать дѣтей зависитъ главнымъ образомъ отъ чисто органическихъ условій ихъ физическаго развитія.

Періодъ половой зрѣлости молодыхъ людей наступаетъ задолго до того, какъ они готовы къ супружеской жизни. Всѣмъ извѣстно, сколько затрудненій приходится преодолѣвать вслѣдствіе этого и какія опасныя послѣдствія можетъ повлечь за собой преждевременное половое развитіе.

Послѣ слишкомъ длиннаго періода до достиженія полной зрѣлости, для человѣка наступаетъ значительно преждевременная старость.

Пятидесятилѣтній человѣкъ можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ получить новую должность. Во многихъ странахъ въ 60 лѣтъ служащіе обязаны подавать въ отставку.

Въ Даніи всякій пятидесяти-лѣтній нуждающійся человѣкъ имѣетъ уже право на государственную пенсію. Въ Австраліи на пенсію имѣютъ право въ 60 лѣтъ. Во Франціи главные врачи въ больницахъ или профессора университета въ 65 лѣтъ считаются уже неспособными выполнять свою должность, если они не члены медицинской академіи или академіи наукъ. Генералы французской арміи обязаны выходить въ отставку въ 60—65 лѣтъ.

Преждевременно состарившись и сдѣлавшись безполезнымъ,

человѣкъ ощущаетъ тѣмъ не менѣе величайшую потребность жить и непреодолимый страхъ передъ угрожающей смертью.

Этотъ страхъ смерти—одинъ изъ главныхъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, даже наиболѣе развитыхъ. Всѣ животныя инстинктивно избѣгаютъ смерти, но не сознаютъ этого.

Ребенокъ, избѣгающій ея подобнымъ же образомъ, также не имѣетъ никакого представленія о неизбѣжности смерти. Сознаніе этого пріобрѣтается только позднѣе, благодаря необыкновенному умственному развитію человѣка.

Нѣкоторые ученые стремятся доказать, что смерть есть совершенно естественное явленіе, нисколько не страшное само по себѣ. Еще недавно датскій хирургъ, профессоръ Блохъ, подробно изложилъ эту мысль въ двухтомной монографіи о смерти. Онъ приводитъ въ ней большое число примѣровъ, долженствующихъ доказать, что многіе люди безбоязненно встрѣчаютъ смерть.

Но этому можно противопоставить гораздо большее число примѣровъ того, что человѣкъ сильнѣйшимъ образомъ боится смерти.

Чувство это совершенно инстинктивно присуще человѣческой природѣ и всегда составляло одну изъ величайшихъ заботъ человѣка. Поэтому-то разрѣшеніе вопроса о смерти и стало одной изъ главныхъ задачъ философіи.

Нужно имѣть въ виду, что человѣкъ, какъ существо животнаго происхожденія, принесъ уже съ собой на свѣтъ много отрицательныхъ сторонъ—а благодаря своему значительному умственному развитію пріобрѣлъ и сознанье неизбѣжности смерти.

При такихъ условіяхъ нечего удивляться тому, что многіе мыслители могли утверждать, будто животныя гораздо счастливѣе человѣка, и поэтому нельзя считать счастье цѣлью человѣческой дѣятельности.

Это мнѣніе многочисленныхъ философовъ всѣхъ временъ недавно вновь было высказано знаменитымъ французскимъ математикомъ Пуэнкаре.

Возможно ли, дѣйствительно, смотрѣть на человѣка какъ на нѣчто совершенное?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ разсмотрѣть его нѣсколько глубже.

Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ животныхъ предковъ цѣлый рядъ вредныхъ для него свойствъ.

Такъ какъ здѣсь намъ нельзя касаться многихъ изъ нихъ, то ограничимся бѣглымъ взглядомъ на человѣческіе пищевари-

тельные органы. Хотя я и предполагаю, что нѣкоторыя изъ моихъ читателей уже знакомы съ ранѣе высказанными мною воззрѣніями, тѣмъ не менѣе я не могу обойти этого вопроса, въ виду его выдающагося значенія.

Человѣческій кишечный каналъ вполнѣ сходенъ съ кишечникомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Но въ то время, какъ послѣднія питаются сырой пищей, гораздо выше развитой въ умственномъ отношеніи человѣкъ приготовляетъ ее съ помощью болѣе или менѣе усовершенствованнаго поварского искусства.

Кромѣ того, онъ употребляетъ вмѣсто дико растущихъ растеній и мяса дикихъ животныхъ искусственно выращенные фрукты и овощи и мясо домашнихъ животныхъ; такая пища гораздо болѣе удобоварима.

Вслѣдствіе всего этого человѣкъ могъ бы въ значительной степени обходиться безъ столь сильно развитыхъ у обезьянъ кишокъ.

И дѣйствительно, хирургамъ хорошо извѣстно, что можно совершенно безъ вреда для человѣка вырѣзать большой кусокъ его слишкомъ длинныхъ тонкихъ кишокъ.

Въ то время, какъ часть нашихъ тонкихъ кишокъ оказывается лишней, толстыя кишки цѣликомъ не только безполезны, но даже вредны для человѣческаго организма. Онѣ были пріобрѣтены нашими предками, млекопитающими, въ виду перевариванья растительной пищи, а также какъ резервуаръ для неудобоваримыхъ пищевыхъ остатковъ. Для человѣческаго организма все это сдѣлалось лишнимъ. Перевариваніе пищи у него происходитъ въ совершенно достаточной степени уже въ тонкихъ кишкахъ; резервуара для непереваренныхъ пищевыхъ остатковъ ему вовсе не нужно. Поэтому толстыя кишки стали для человѣка не только ненужнымъ балластомъ, но еще и источникомъ вреда.

Это положеніе, уже нѣсколько разъ высказанное мною, подверглось строгой критикѣ съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе я болѣе чѣмъ когда-нибудь увѣренъ въ его справедливости.

Три отдѣла толстыхъ кишокъ, пересѣкающихъ всю брюшную полость человѣка, часто такъ видоизмѣняютъ свое положеніе, что очень затрудняютъ этимъ правильный выходъ своего содержимаго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ расширеніе толстыхъ кишокъ вызываетъ болѣзненныя явленія, представляющія картину такъ называемой гиршбрунговской болѣзни. Случается также, что конецъ толстыхъ кишокъ слишкомъ удлиненъ и изгибается въ видѣ петли. При этихъ условіяхъ содержимое толстыхъ кишокъ че-

резъ-чуръ долго застаивается въ нихъ, вызывая множество разныхъ вредныхъ послѣдствій для организма. Врачи часто лечатъ такія страданія какъ нервныя, но большею частью безуспѣшно.

Д-ръ Лэнъ, необыкновенно искусный и отважный англійскій хирургъ, рѣшился въ этихъ случаяхъ прибѣгать къ операціи, вмѣсто продолжительнаго и нецѣлесообразнаго внутренняго леченія. Онъ удаляетъ или загнувшійся отдѣлъ, или всѣ, или почти всѣ толстыя кишки. При этомъ онъ соединяетъ нижній край тонкихъ кишокъ съ прямой кишкой.

Такая операція, естественно, очень опасна и въ настоящее время даетъ еще много смертныхъ случаевъ. Д-ръ Лэнъ сдѣлалъ уже болѣе 50 подобныхъ операцій и въ началѣ минувшаго года подробно описалъ 39 случаевъ.

Онъ потерялъ девять больныхъ, что составляетъ 23%, т.-е. значительную смертность; за то вмѣшательство его оказало большую пользу остальнымъ 30 паціентамъ.

Я видѣлъ трехъ оперированныхъ Лэномъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и могъ убѣдиться въ томъ, что здоровье двухъ изъ нихъ совершенно удовлетворительно.

Больные эти, которые въ теченіе многихъ лѣтъ страдали невыносимо, послѣ операціи точно ожили и стали снова работоспособными.

Система д-ра Лэна, конечно, встрѣтила сильную оппозицію. Противники его, ссылаясь на высокую смертность, осуждаютъ весь методъ.

Между тѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что операціонная техника можетъ быть усовершенствована, при чемъ понизится и смертность.

Впрочемъ въ хирургіи уже нѣсколько лѣтъ какъ введено полное или частичное удаленіе толстыхъ кишокъ, или же такое исключеніе ихъ, при которомъ онѣ болѣе не могутъ функціонировать.

Факты, собранные д-ромъ Лэномъ и другими хирургами, вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ обходиться безъ своихъ толстыхъ кишокъ и, слѣдовательно, органъ этотъ безполезенъ.

Помимо того, что содержимое толстыхъ кишокъ часто слишкомъ долго застаивается въ нихъ, вызывая этимъ разныя болѣзни — между прочимъ такую ужасную, какъ ракъ толстыхъ кишокъ, — помимо этого толстыя кишки вредны еще вслѣдствіе большого скопленія въ нихъ множества болѣзнетворныхъ бактерій.

Хотя противъ этого мнѣнія сдѣлано было много возраженій, тѣмъ не менѣе я считаю его вполнѣ обоснованнымъ.

Мы питаемъ въ своихъ пищеварительныхъ органахъ, а именно въ толстыхъ кишкахъ, чрезвычайно богатую флору микроскопическихъ организмовъ, представляющихъ для насъ постоянную опасность.

Всѣмъ извѣстно, что тотчасъ послѣ смерти начинается трупное разложеніе. Оно возникаетъ изъ кишокъ и постепенно распространяется на все тѣло.

Явленіе это производится бактеріями, которыя нормально всегда присущи кишечнику каждаго человѣка. Въ живомъ организмѣ онѣ не въ состояніи возбудить сильнаго разложенія, потому что различныя вліянія мѣшаютъ этому. Но всякое болѣзнетворное явленіе можетъ вызвать ихъ угрожающую дѣятельность. Достаточно ущемленія грыжи, внѣдренія одного отдѣла кишки въ другой, или иной какой-нибудь причины для того, чтобы произошло воспаленіе кишокъ, зависящее именно отъ дѣятельности постоянныхъ жильцовъ ихъ, гнилостныхъ бактерій.

Могутъ возразить, что, при нормальныхъ условіяхъ, эти же гнилостные микробы присутствуютъ совершенно спокойно въ нашихъ толстыхъ кишкахъ, не причиняя этимъ никакого вреда.

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что при нормальныхъ условіяхъ кишечное гніеніе далеко не достигаетъ той степени, какъ при ущемленной грыжѣ или въ трупѣ. Тѣмъ не менѣе, содержимое нашихъ толстыхъ кишокъ постоянно гніетъ; это можно вывести уже изъ того, что почки наши ежедневно выдѣляютъ несомнѣнные продукты гніенія. Между ними находятся ядовитыя вещества, изъ которыхъ мы упомянемъ здѣсь для краткости одни фенолы, т.-е. карболовую кислоту или сходныя съ ней вещества.

Человѣкъ ежедневно выдѣляетъ черезъ почки около 15 миллиграммовъ феноловъ, что составляетъ приблизительно половину ихъ количества, образующагося въ толстыхъ кишкахъ.

Въ теченіе года человѣческій организмъ выдѣляетъ приблизительно одиннадцать граммовъ феноловъ. Вещества эти очень ядовиты и отличаются свойствомъ отравлять не только въ острой, но и въ хронической формѣ. Смертельная для человѣка доза фенола очень различна; однако часто маленькая доза, около полуграмма, уже достаточна для того, чтобы вызвать серьезныя явленія остраго отравленія.

Съ тѣхъ поръ какъ карболовая кислота введена въ медицинскую практику, наблюдали большое количество причиняемыхъ

сею несчастныхъ случаевъ. Повязки, пропитанныя этимъ веществомъ, часто оказывались вредными. Утверждаютъ даже, что нѣкоторые хирурги, употреблявшіе слишкомъ большое количество карболовой кислоты во время операцій, сами хронически отравлялись и проявляли признаки маразма. Нѣкоторые даже умирали отъ послѣдствій этого. Такія наблюденія вызвали значительное уменьшеніе примѣненія карболовой кислоты въ хирургіи.

Организмъ защищается отъ феноловъ тѣмъ, что связываетъ ихъ сѣрой, дѣлая ихъ менѣе ядовитыми.

Но даже и эти сѣрнокислые фенолы не безобидны, такъ какъ хотя постоянно выдѣляются, но постоянно и возобновляются, слѣдовательно почти всю жизнь вращаются въ человѣческой крови.

Вполнѣ доказано, что фенолы производятся не самими организмами, но микробами, живущими въ кишечникѣ, преимущественно въ толстыхъ кишкахъ.

Нѣкоторые изслѣдователи думали, что наши органы могутъ сами производить фенолы; но съ этимъ нельзя согласиться.

Помимо многихъ научныхъ доказательствъ, я сошлюсь только на одинъ новый фактъ, недавно констатированный въ моей лабораторіи.

Большія индійскія летучія мыши (Pteropus) живутъ какъ птицы въ томъ отношеніи, что совершаютъ длинные полеты. Тѣло ихъ приспособлено къ летающему образу жизни, и поэтому онѣ должны вѣсить какъ можно меньше.

Ихъ толстыя кишки очень слабо развиты и никогда не нагружены пищевыми остатками, выбрасываемыми необыкновенно часто. При такихъ условіяхъ у этихъ летучихъ мышей, такъ сказать, вовсе нѣтъ бактеріальной флоры въ кишечникѣ: число микроорганизмовъ въ немъ поразительно ничтожно. Въ связи съ этимъ у нихъ не образовывается феноловъ; ихъ выдѣленія не заключаютъ никакихъ слѣдовъ послѣднихъ.

Это наблюденіе доказываетъ, что толстыя кишки — лишній органъ, далѣе, что кишечная флора безполезна, и особенно, что феноловые яды производятся бактеріями, а не животнымъ организмомъ.

Разобранныя здѣсь данныя послужатъ, между прочимъ, и для того, чтобы отвѣтить на нѣкоторыя сдѣланныя мнѣ возраженія.

Извѣстный боннскій патологъ, проф. Риббертъ, недавно сильно напалъ на мою теорію старости.

Онъ считаетъ неправдоподобнымъ мое мнѣніе о томъ, что въ этомъ явленіи значительную роль играютъ ядовитыя вещества кишечныхъ бактерій.

Риббертъ думаетъ, что совершенно неосновательно признавать, будто „нормальный кишечный каналъ всасываетъ яды изъ нормальнаго содержимаго, т.-е. изъ содержимаго, вполнѣ соотвѣтствующаго условіямъ существованія даннаго вида“.

Между тѣмъ вполнѣ доказано какъ то, что кишечныя бактеріи постоянно выдѣляютъ фенолы, такъ и то, что стѣнки кишокъ нормально всасываютъ ихъ.

Неосновательно, наоборотъ, признавать гармонію между содержимымъ кишечника и здоровьемъ человѣка. Въ этомъ содержимомъ находятъ у многихъ людей, именно у живущихъ негигіенично, множество внутреностныхъ червей, способныхъ вызывать опасныя болѣзни. Существо дѣла не мѣняется отъ того, что это находится въ связи съ образомъ жизни человѣка. Выводъ этотъ долженъ быть распространенъ и на вредныхъ кишечныхъ бактерій.

Болѣе чистоплотный образъ жизни можетъ устранить паразитовъ. Примѣненіе гигіеническихъ мѣръ должно устранить изъ кишокъ бактеріи, выдѣляющія въ нихъ яды.

Высказанное Риббертомъ мнѣніе, будто человѣческій организмъ вообще вполнѣ приспособленъ къ условіямъ своей жизни— неосновательно.

Мы уже видѣли, что со дня рожденія человѣкъ страдаетъ отъ разныхъ несовершенствъ своей природы. Главную причину человѣческихъ горестей составляетъ то обстоятельство, что развитіе его требуетъ очень длиннаго періода времени, въ то время какъ жизнь его слишкомъ кратка вслѣдствіе хроническаго отравленія.

Животная сторона человѣка, т.-е. организація, приспособленная дли животныхъ, находится въ постоянномъ противорѣчіи съ чисто человѣческой стороной, т.-е. съ его высокимъ духовнымъ развитіемъ и требованіями.

Наслѣдіе, полученное отъ животныхъ, мѣшаетъ человѣку достигнуть своей жизненной цѣли.

Поэты, одаренные тонкимъ чутьемъ, давно подмѣтили, что человѣкъ страстно стремится къ особенной цѣли; но они не могли точно опредѣлить, въ чемъ она заключается.

Эго неопредѣленное стремленіе можно сравнить съ неясными порывами молодой дѣвушки, которая чувствуетъ себя несчастной, но не въ состояніи отдать себѣ отчета въ причинѣ этого чувства. Она становится нервной, неровной, груститъ, чувствуетъ себя не по себѣ. Она часто вздыхаетъ и плачетъ безъ всякой видимой причины. Иногда у нея развивается наклонность къ

одиночеству и религіознымъ мечтаніямъ или къ преувеличеннымъ выраженіямъ любви и дружбы. Общая картина этихъ чувствъ, поразительно изображенная нѣкоторыми писателями, есть не что иное, какъ предвѣстникъ половой зрѣлости.

Періодъ этотъ иногда очень продолжителенъ и бываетъ сопряженъ со многими невзгодами. У животныхъ онъ далеко не такъ длиненъ и серьезенъ. Къ счастью, у человѣка, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, онъ проходитъ и ведетъ къ правильному супружеству и материнству. Тогда женщина чувствуетъ себя уравновѣшенной и даетъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно заключается цѣль ея жизни.

Когда Анна Каренина Толстого, несчастная въ супружествѣ, думала о своемъ сынѣ, то она успокаивалась мыслью, что у нея есть цѣль жизни.

Къ несчастью, немало женщинъ не достигаютъ этой цѣли; тогда онѣ часто становятся несчастными, мрачными и считаютъ свою жизнь разбитой.

Подобно тому, какъ молодая дѣвушка не имѣетъ представленія о той цѣли, къ которой она такъ страстно стремится, такъ и люди не сознаютъ цѣли, къ которой стремятся, и не знаютъ, въ чемъ она заключается. Однако же, потребность отдать себѣ въ этомъ отчетъ чувствуется очень глубоко и вызвала на свѣтъ множество философскихъ и религіозныхъ теорій. При этомъ главнымъ образомъ рѣчь идетъ о томъ, что жизнь наша слишкомъ коротка и что вслѣдствіе этого цѣль нашего существованія не можетъ быть достигнута. Главную задачу религіозныхъ и философскихъ ученій составляетъ вопросъ о смерти. Первыя утверждаютъ, что земная жизнь продолжается и послѣ смерти, и что поэтому человѣкъ долженъ постоянно готовиться къ будущей жизни. Философы, не признающіе безсмертія, доказываютъ, что человѣкъ составляетъ частицу метафизическаго цѣлаго, и что его жизненная задача заключается, поэтому, въ дѣятельности, направленной въ виду этого цѣлаго. Это часто уже высказанное воззрѣніе было вновь развито въ послѣдніе годы выдающимся врачомъ и мыслителемъ, Павломъ Мёбіусомъ, къ несчастью преждевременно умершимъ.

Хотя Мёбіусъ признаетъ, что „главная цѣль человѣка—его бытіе“, тѣмъ не менѣе онъ не думаетъ, что мы существуемъ на свѣтѣ для своего удовольствія. „Для чего же другого?“—спрашиваетъ онъ себя. И приходитъ къ тому заключенію, что „посредствомъ нашей жизни преслѣдуются цѣли“ и что „наша жизнь можетъ служить средствомъ для высшихъ цѣлей“. Мёбіусъ

думаетъ, что утѣшительно имѣть возможность себѣ сказать: „мы служимъ для чего-то высшаго, хотя и не знаемъ, какимъ образомъ... Если мы включены въ крупное цѣлое, то мы имѣемъ право надѣяться“ (стр. 323).

Такое заключеніе требуетъ признанія факторовъ, стоящихъ надъ человѣкомъ и регулирующихъ нашу жизнь совершенно невѣдомымъ намъ путемъ. Это приводитъ насъ, слѣдовательно, къ метафизикѣ, съ которой наука не можетъ имѣть ничего общаго.

Но обстоитъ ли дѣло дѣйствительно такъ безнадежно, что нельзя постигнуть смыслъ человѣческой жизни безъ признанія какихъ-то силъ, недоступныхъ нашему разуму? Подойдя ближе къ этому вопросу, мы видимъ, что исканіе особенной цѣли жизни представляется различнымъ въ разные возрасты. Мы уже видѣли примѣръ матери, воспитывающей ребенка, которая находитъ именно въ этомъ цѣль своего существованія. Затѣмъ люди, особенно жившіе долго, не задаются болѣе вопросомъ, къ чему живетъ человѣкъ на свѣтѣ. Причина этого заключается въ полномъ развитіи чувства жизни, т.-е. инстинктивнаго стремленія жить, съ которымъ одновременно связанъ сильнѣйшій страхъ смерти. Въ основѣ этого лежитъ нѣчто чисто физіологическое.

Наши чувства развиваются медленно, такъ какъ вообще наша психическая жизнь требуетъ продолжительнаго времени для полнаго своего развитія. Такъ напр., эстетическое чувство развивается сравнительно поздно. Дѣти не испытываютъ удовольствія отъ вида красивой природы. Я поясню это характернымъ примѣромъ. Одинъ мой пріятель родился въ отдаленномъ городѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство. Уже взрослымъ посѣтилъ онъ свою родину. Онъ помнилъ въ точности мѣстоположеніе кондитерской и другихъ лавокъ, гдѣ покупались вкусныя вещи, но не имѣлъ никакого представленія о красотѣ страны, въ которой провелъ свое дѣтство.

Такъ какъ чувство жизни состоитъ изъ цѣлаго ряда другихъ чувствъ, куда относится и чувство красоты, то понятно, что для развитія его требуется длинный періодъ времени.

Одна давно тяжело больная старушка высказала мнѣ свое желанье пожить еще нѣкоторое время слѣдующими словами: „Ахъ, когда бы дожить мнѣ еще до одной весны, чтобы полюбоваться деревьями въ цвѣту! Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе я испытываю при видѣ солнечнаго сіянья!“

Еще другимъ примѣромъ можно пояснить медленность развитія нашихъ чувствъ.

Съ самаго ранняго дѣтства проявляютъ мальчики склонность

къ борьбѣ. Признакъ этотъ былъ выработанъ у человѣка какъ средство для овладѣнья женщиной. А между тѣмъ мальчики не только не сознаютъ этой цѣли, но, напротивъ, обнаруживаютъ величайшее презрѣніе къ женскому полу. Съ возрастомъ это отношеніе мѣняется, и вскорѣ юноша начинаетъ ощущать совершенно особенное уваженіе къ женщинѣ.

Между чувствами, поразительно измѣняющимися съ возрастомъ, можно назвать чувство времени.

Всякому извѣстно, какъ необыкновенно различно воспринимается время въ дѣтствѣ и въ позднѣйшемъ возрастѣ.

Въ то время какъ для ребенка или юноши годъ кажется очень длиннымъ періодомъ, старики считаютъ его очень короткимъ.

При этихъ условіяхъ легко понять, что чувство жизни и тѣсно связанный съ нимъ страхъ смерти развиваются медленно и ощущаются значительно сильнѣе въ старости, чѣмъ въ молодости.

Вслѣдствіе развитія чувства жизни пожилой человѣкъ менѣе озабоченъ цѣлью ея, такъ какъ онъ сознаетъ, что жизнь уже сама по себѣ является въ значительной степени этой цѣлью.

Но такъ какъ любовь къ жизни не утолена даже и въ преклонные годы, то человѣкъ ощущаетъ чувство неудовлетворенности, и мысль о предстоящей смерти особенно пугаетъ его.

Такъ какъ въ старости быстро уходящая жизнь кажется слишкомъ краткой, то задача о концѣ ея выступаетъ на первый планъ.

Съ незапамятныхъ временъ старалось человѣчество найти отвѣтъ на этотъ запросъ.

Большинство людей думало, и многіе думаютъ еще и теперь, что смерть не есть настоящій конецъ жизни и что послѣ смерти наступаетъ другая, вѣчная жизнь.

Вѣра въ безсмертіе одной души или души и тѣла укоренилась очень глубоко. Часто утверждаютъ, что вѣра эта способна вполнѣ побѣдить чувство страха смерти, наилучшимъ образомъ разрѣшая поставленную задачу. Но это можно признать только въ ограниченномъ числѣ случаевъ.

Высокообразованные люди, не смотря на глубочайшую вѣру, тѣмъ не менѣе ощущаютъ сильнѣйшій страхъ передъ смертью. Относительно этого я могу прибавить еще одинъ новый примѣръ ко многимъ уже извѣстнымъ.

Дѣло касается одного стараго, очень интеллигентнаго священника, искренняя вѣра и нравственная чистота котораго стоятъ

внѣ всякаго сомнѣнія. Происходя изъ богатой и аристократической семьи, онъ, еще въ юности, посвятилъ себя богословію. Раздавъ все свое состояніе бѣднымъ, онъ поступилъ въ монастырь и пробылъ въ немъ до своей недавней кончины. Близко знавшіе его люди единогласно утверждаютъ, что сношенія съ нимъ имѣли на нихъ необыкновенно возвышающее вліяніе. Въ 74 года онъ тяжело заболѣлъ. Несмотря на то, что онъ ежедневно исповѣдывался, страхъ смерти очевидно сильно преслѣдовалъ его. Онъ надѣялся, что врачи вылечатъ его и съ напряженіемъ ждалъ ихъ мнѣнія. Понятно, что послѣдніе должны были скрывать правду. Въ его присутствіи надо было избѣгать говорить какъ о смерти вообще, такъ и о кончинѣ его знакомыхъ.

Такой сильный страхъ смерти не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ вѣра въ будущую жизнь прививается воспитаніемъ, въ то время какъ страхъ смерти вполнѣ инстинктивенъ. По той же причинѣ легко предвидѣть, что и философскія системы, съ ихъ признаніемъ нѣкоего метафизическаго цѣлаго, которому должна быть подчинена и принесена въ жертву человѣческая жизнь, не могутъ имѣть большого успѣха.

Поэтому не остается ничего другого какъ обратиться къ наукѣ съ вопросомъ: не можетъ ли она выяснить великую задачу жизни человѣческой? Она не въ состояніи окончательно разрѣшить эту задачу. Но она можетъ указать пути, идя по которымъ въ будущемъ можно будетъ найти успокоительный отвѣтъ.

Жизнь человѣка слишкомъ коротка для полнаго достиженія жизненной цѣли, именно вслѣдствіе того, что его психическое развитіе требуетъ слишкомъ длиннаго періода времени.

Краткость же его жизни находится въ зависимости отъ его животнаго происхожденія.

Органы и устройство ихъ, необходимые для животнаго, стали ненужными для несравненно болѣе высоко развитого въ умственномъ отношеніи человѣка. Наука должна по возможности устранить это зло, что̀ можетъ быть достигнуто систематическимъ выполненіемъ правилъ гигіены.

Такимъ образомъ можно будетъ продлить жизнь до наступленія настоящей, естественной смерти.

Съ этой цѣлью особенно полезно устранять бактеріальные яды, проникающіе изъ кишокъ, хронически отравляющіе организмъ и тѣмъ сокращающіе жизнь.

Весьма вѣроятно, что естественная смерть также сводится

къ отравленію—только не чуждыми организму бактеріями, а самыми элементами нашего тѣла.

Какъ извѣстно, нѣкоторые органы вырабатываютъ очень ядовитыя вещества, напр. адреналинъ, выдѣляемый надпочечными железами. Одна десятая миллиграмма его достаточна, чтобы убить человѣка.

У человѣка существуетъ железа, свойственная одному мужскому полу, которая также выдѣляетъ ядовитый сокъ.

Надо замѣтить, что послѣдній служитъ для возбужденія особыхъ пріятныхъ ощущеній.

Нѣкоторыя данныя позволяютъ предполагать, что естественная смерть также сопровождается пріятными ощущеніями.

Въ этомъ вѣроятно играютъ роль именно яды, вызывающіе ихъ.

Въ природѣ встрѣчается много подобныхъ ядовъ, но наиболѣе извѣстные изъ нихъ—не животнаго, а растительнаго происхожденія.

Таковъ ядъ мака — опіумъ и его производные и гашишъ. Затѣмъ продукты микроскопическихъ растеній—дрожжей: именно спиртъ. Веселящее вліяніе его привело къ одному изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества.

Мысль, что естественная смерть должна сопровождаться необыкновенно пріятными ощущеніями, хотя и гипотетична, тѣмъ не менѣе не лишена нѣкотораго основанія. Описано нѣсколько примѣровъ случайной смерти, связанной съ необыкновенно пріятными ощущеніями. Такіе примѣры представляютъ люди, тонувшіе или пораженные молніей, люди, которые были близки отъ смерти, но спасались.

Существуютъ еще и другіе факты, указывающіе на связь между смертью и радостными чувствами.

Извѣстно, что очень большая радость можетъ вызвать смерть.

Въ разныя времена приводятъ достовѣрные разсказы о подобныхъ случаяхъ.

Не знаю, можно ли отнести къ этой категоріи смерть папы Льва X, умершаго, будто бы, отъ радости при вѣсти о покореніи Милана.

Въ новѣйшей медицинской литературѣ приводится примѣръ одной дамы, ожидавшей свою дочь на вокзалѣ. Тамъ узнаетъ она, что произошло столкновеніе поѣздовъ и что нѣсколько человѣкъ погибло. Увидя свою дочь невредимой, она отъ волненія падаетъ въ обморокъ и умираетъ черезъ 12 часовъ.

Гораздо обстоятельнѣе отчетъ недавно умершаго въ Парижѣ

д-ра Фере относительно одного его паціента, который хотя и не умеръ отъ радости, но очень серьезно заболѣлъ отъ нея. Получивъ крайне радостную для него вѣсть, онъ сталъ быстро ходить по комнатѣ и впалъ въ странное состояніе опьяненія. Онъ вдругъ сталъ дрожать всѣмъ тѣломъ и упалъ, затѣмъ уснулъ и спалъ безъ просыпа въ теченіе 19-ти часовъ и оправился только черезъ пять дней. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью, которая могла бы быть смертельной. Ея сходство съ бредомъ алкоголиковъ (о которомъ въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи) такъ поразительно, что приходится допустить здѣсь родъ отравленія. Только ядъ происходитъ не отъ дрожжей, а отъ самого человѣческаго организма.

По нашей гипотезѣ, человѣкъ обладаетъ неопредѣленнымъ предчувствіемъ естественной смерти, къ которой онъ страстно стремится, какъ къ настоящей жизненной цѣли. Достигается же послѣдняя только въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчая препятствіе въ краткости жизни. Вмѣсто того, чтобы раціональнымъ образомъ жизни подготовлять радостное чувство естественной смерти, человѣкъ въ своемъ несчастіи ищетъ опьяненія растительными ядами—спиртомъ, табакомъ, опіумомъ и т. под.

Точная наука еще не въ состояніи доказать эту гипотезу; она не можетъ обѣщать человѣку вѣчную жизнь, какъ въ видѣ безсмертія души, такъ и тѣла.

Съ другой стороны, наука не можетъ утѣшать человѣка признаніемъ того, что онъ составляетъ одно съ метафизическимъ цѣлымъ, хотя бы уже потому, что метафизика стоитъ внѣ нашего пониманія. Поэтому насъ нисколько не трогаетъ сознаніе того, что мы составляемъ какъ бы частицу неизвѣстнаго цѣлаго.

Если наука не имѣетъ еще увѣренности въ томъ, что идеально-нормальный циклъ развитія человѣка неизбѣжно долженъ привести къ ощущенію величайшей радости и къ развитію страстнаго желанія естественной смерти, то она можетъ по крайней мѣрѣ обѣщать, что нормальное развитіе человѣка должно привести къ счастливой старости.

Постепенно развивающееся чувство жизни будетъ при этомъ удовлетворено, такъ что въ глубокой старости наступитъ извѣстнаго рода пресыщеніе, которое, помимо вѣры, уничтожитъ страхъ смерти.

Для достиженія этой цѣли наука уже собрала множество данныхъ. Она знаетъ, что можно предохранить себя отъ большинства инфекціонныхъ болѣзней и отравленій.

Она также не безпомощна относительно вреда, постоянно

истекающаго отъ кишечника и грозящаго нормальному циклу жизни нашей.

Многое уже достигнуто на этомъ пути, но еще больше усовершенствованій предстоитъ впереди.

Экспериментальная медицина въ настоящее время такъ разработана, что слѣдуетъ возлагать величайшія надежды на ея успѣхи.

Въ общемъ нельзя отрицать, что природа наша, вслѣдствіе своего животнаго происхожденія, заключаетъ много несовершенствъ.

Однако человѣкъ, благодаря своей высокой культурѣ, въ состояніи подготовить себѣ счастливое существованіе и безстрашный конецъ.

Итакъ, я могу заключить, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее изъ рукъ Творца, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно и что оно также далеко не портится въ рукахъ человѣческихъ.

Напротивъ, человѣкъ, при помощи науки, въ состояніи исправлять несовершенства своей природы.

Ил. Мечниковъ.

Севръ.
26 ноября (9 дек.) 1909.

МОНАРХИЧЕСКІЯ МЕЧТЫ

ВО ФРАНЦІИ

„Роялистская партія — говоритъ одинъ изъ довѣренныхъ совѣтниковъ герцога Филиппа Орлеанскаго, Андрэ Бюффè — не существуетъ и не должна существовать. Роялизмъ существуетъ, какъ и долженъ существовать, въ видѣ общественнаго движенія, но онъ не можетъ составлять партію. Король Франціи не можетъ быть королемъ партіи".

Разумѣется само собою, что „король", не признанный своимъ народомъ и принужденный проживать внѣ предѣловъ своего королевства, можетъ и долженъ имѣть свою партію, если онъ желаетъ сохранить за собою положеніе серьезнаго претендента на престолъ. Но въ современной Франціи нѣтъ особой монархической партіи, хотя имѣются вліятельныя группы монархистовъ, сторонниковъ двухъ царствовавшихъ фамилій — Бонапартовъ и Бурбоновъ. Монархисты болѣе извѣстны подъ другими названіями — консерваторовъ, клерикаловъ или вообще „правыхъ"; они выступаютъ въ своемъ подлинномъ видѣ только въ сношеніяхъ съ принцами, воплощающими для нихъ монархическій принципъ.

Французскіе монархисты при третьей республикѣ пропустили тѣ историческіе моменты, когда они представляли собою реальную силу и имѣли возможность осуществить свои планы. Послѣ паденія второй имперіи они пріобрѣли большинство въ національномъ собраніи 1871 г. Вопросъ о возстановленіи „законной" монархіи выдвинулся тогда на первый планъ, но не могъ

быть рѣшенъ практически по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что вакантный тронъ былъ одинъ, а кандидатовъ въ короли было два—внукъ Карла X, графъ Шамборъ, глава старшей линіи Бурбоновъ, и внукъ Людовика-Филиппа, графъ Парижскій, глава Орлеанскаго дома. Между обоими претендентами существовалъ естественный антагонизмъ, не только фамильный, но и принципіальный: они были представителями разныхъ историческихъ эпохъ и совершенно различныхъ міросозерцаній. Одинъ олицетворялъ собою старый режимъ со всѣми его особенностями, другой—умѣренную монархію буржуазно-конституціоннаго типа. Вѣрные легитимисты призывали Генриха V и вели съ нимъ переговоры объ условіяхъ и способахъ его воцаренія, при молчаливой пассивности орлеанистовъ; они потерпѣли фіаско вслѣдствіе упорнаго нежеланія „короля" замѣнить бѣлое королевское знамя національнымъ трехцвѣтнымъ, отъ котораго не могла отказаться французская армія. Два года спустя совершилось формальное сліяніе обѣихъ отраслей династіи: графъ Парижскій ѣздилъ на поклоненіе къ графу Шамбору, призналъ его старшинство и отрекся отъ всякой самостоятельной роли въ ожиданіи реставраціи. Монархическое большинство національнаго собранія, поощряемое новымъ президентомъ республики, маршаломъ Макъ-Магономъ, готовилось уже къ завѣтному торжеству, наступленіе котораго зависѣло исключительно отъ доброй воли „короля". Однако, осенью 1873-го года окончательно выяснилось, что графъ Шамборъ не намѣренъ или неспособенъ дѣлать какія бы то ни было уступки своимъ будущимъ подданнымъ, хотя бы даже въ вопросѣ о знамени. Національному собранію пришлось по неволѣ утвердить республиканскій строй и признать свои полномочія исчерпанными, послѣ обнародованія конституціонныхъ законовъ 1875-го года. Третья и послѣдняя попытка возстановить монархію была предпринята въ маѣ 1877-го года, когда реакціонное министерство герцога де-Брольи принялось водворять „нравственный порядокъ" при помощи крутыхъ мѣръ противъ республиканцевъ и радикаловъ. Республиканская партія, объединенная сознаніемъ опасности, одержала побѣду на выборахъ, подъ предводительствомъ Гамбетты, и съ тѣхъ поръ прекратилась борьба за республику. Казалось, что монархизмъ окончательно потерялъ почву во Франціи.

Позднѣйшія движенія противъ республики имѣли уже другой характеръ и другое происхожденіе. Республика отличалась миролюбіемъ и обнаруживала склонность къ уступчивости и компромиссамъ въ области щекотливыхъ международныхъ споровъ;

она не поддавались порывамъ патріотическаго чувства по поводу вызывающихъ дѣйствій Германіи и терпѣливо переносила обидные для французскаго самолюбія щелчки даже отъ дружественной Англіи, какъ въ дѣлѣ занятія Фашоды. Республика не давала простора стремленіямъ къ военной славѣ и къ героическимъ подвигамъ; она ставила въ тѣсныя служебныя рамки дѣятельность честолюбивыхъ и самоувѣренныхъ генераловъ, въ родѣ Буланже. На этой почвѣ возникла шумная и энергическая партія націоналистовъ-патріотовъ, мечтающихъ о возрожденіи внутренней крѣпости и внѣшняго могущества Франціи. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ эта партія слилась съ буланжизмомъ и связала свою судьбу съ личностью популярнаго генерала, послужившаго центромъ агитаціи противъ парламентскихъ республиканскихъ учрежденій. Буланже не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, и послѣ его романтическаго самоубійства на могилѣ любимой женщины въ Брюсселѣ, въ 1891-мъ году, націоналистическое движеніе затихло и остановилось. Впослѣдствіи оно вновь развилось и выросло съ неожиданной силою подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса. Самые разнообразные элементы—религіозные, національно-племенные, общественные и политическіе—соединились въ этомъ удивительномъ дѣлѣ, чтобы устроить всеобщій штурмъ противъ республики. Республика выдержала этотъ натискъ враговъ и въ свою очередь предприняла рѣшительный походъ противъ главнаго оплота реакціонныхъ силъ — клерикализма. Изданы были законы противъ духовныхъ конгрегацій; состоялось отдѣленіе церкви отъ государства. Вражда противъ республиканскаго режима распространилась въ массѣ вѣрующихъ католиковъ, особенно въ женской части населенія. Монархисты дѣйствовали повсюду, гдѣ высказывалось недовольство противъ республики; они являлись то націоналистами-патріотами, то буланжистами, то антисемитами и анти-дрейфусарами, то, наконецъ, защитниками свободы совѣсти и вѣры. Они должны были скрывать свои истинныя цѣли, ибо хорошо знали, что общественное мнѣніе Франціи можетъ волноваться изъ-за генерала Буланже или изъ-за дѣла Дрейфуса, изъ-за религіи и монастырей, но никакъ не изъ-за принцевъ, играющихъ гдѣ-то по секрету роль претендентовъ на упраздненный французскій престолъ. Смерть законнаго „короля“, Генриха V, въ 1883-мъ году, была встрѣчена общимъ равнодушіемъ, точно такъ же какъ и кончина его преемника, графа Парижскаго, въ 1894-мъ году. Широкіе слои французскаго общества нисколько не интересовались жизнью и дѣятель-

ностью лицъ, извѣстныхъ только въ качествѣ потомковъ прежнихъ правителей страны.

Въ самый разгаръ политическаго кризиса, возбужденнаго дѣломъ Дрейфуса, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Gazette de France", Шарль Моррасъ, задумалъ собирать мнѣнія о шансахъ и программѣ монархіи, и эти мнѣнія, съ своими комментаріями, печаталъ потомъ въ названномъ органѣ монархистовъ, въ видѣ анкеты. „Анкета" продолжалась десять лѣтъ, и результаты ея изложены Моррасомъ въ вышедшей недавно книгѣ: „Enquête sur la Monarchie" (1900—1909). Эти результаты поражаютъ своею скудостью. Анкета производилась среди ограниченнаго круга лицъ, симпатіи которыхъ къ монархизму были заранѣе извѣстны; собрано всего около двадцати писемъ и заявленій, исходящихъ большею частью отъ малоизвѣстныхъ дѣятелей, среди которыхъ блещутъ только четыре громкихъ имени—Поля Буржè, Жюля Лемэтра, Сюлли-Прюдомма и Мориса Баррèса. Анкета имѣетъ смыслъ и значеніе, когда она обнимаетъ болѣе или менѣе обширный кругъ заинтересованныхъ лицъ, когда опрашиваются цѣлыя группы представителей той или другой профессіи—и чѣмъ значительнѣе число полученныхъ отвѣтовъ, тѣмъ выше цѣнятся результаты анкеты. Въ данномъ случаѣ никакой анкеты въ сущности и не было, а два десятка подробно мотивированныхъ мнѣній, комментируемыхъ Моррасомъ, показываютъ лишь, что вопросъ о монархіи можетъ быть только предметомъ кабинетныхъ, теоретическихъ обсужденій.

Всѣхъ авторовъ, привлеченныхъ къ этой мнимой анкетѣ, объединяетъ одна мысль или, вѣрнѣе, одно чувство—непріязнь къ существующей республикѣ; всѣ они сходятся въ отрицательной оцѣнкѣ демократіи, ея идейныхъ основъ и тенденцій, но колеблются или впадаютъ между собою въ противорѣчіе въ своихъ практическихъ выводахъ. Нетрудно указать недостатки демократіи, республики и парламентаризма; можно также находить, что система личнаго управленія и авторитета имѣетъ свои достоинства и иногда даже соотвѣтствуетъ государственнымъ и національнымъ интересамъ. Но какъ связать эти посылки съ утвержденіемъ, что высшая власть въ государствѣ должна быть передана сыну и наслѣднику графа Парижскаго, герцогу Филиппу Орлеанскому? Какъ ни плохи республиканскіе дѣятели, они все-таки должны чѣмъ-нибудь выдвинуться и пріобрѣсти извѣстность, чтобы считаться кандидатами въ министры и правители; но относительно герцога Филиппа Орлеанскаго извѣстно только одно, что онъ—сынъ своего отца, и нѣтъ другихъ дан-

выхъ для вывода или даже предположенія, что онъ будетъ дѣйствовать лучше республиканцевъ. Въ этомъ и заключается трудность задачи, которую ставятъ себѣ теоретики практическаго монархизма, воплощаемаго въ опредѣленномъ лицѣ. Недостаточно еще доказать, что монархія въ теоріи лучше и цѣлесообразнѣе республики; нужно еще знать, каковы личныя качества, наклонности и стремленія человѣка, претендующаго на роль безотвѣтственнаго правителя. Критика дается очень легко Моррасу и его единомышленникамъ; язвительное и злобное осужденіе республиканскаго режима занимаетъ очень много мѣста въ „анкетѣ“ — но существенный практическій вопросъ о кандидатурѣ принца Орлеанскаго остается почти незатронутымъ, такъ какъ онъ рѣшенъ заранѣе, и говорить о достоинствахъ кандидата признается даже излишнимъ и неудобнымъ. Оттого вся аргументація производитъ впечатлѣніе какой-то двойственности и недосказанности. Съ одной стороны, очень обстоятельно, съ частыми повтореніями, излагаются теоретическіе доводы въ пользу идеальной монархіи, а съ другой — сознательно замалчиваются всѣ фактическія затрудненія, связанныя съ предполагаемымъ переходомъ власти въ руки принца, котораго народъ не знаетъ и, повидимому, не хочетъ знать.

Шарль Моррасъ началъ свою анкету съ того, что отправился въ Брюссель по порученію редакціи „Gazette de France“ и внимательно выслушалъ сужденія двухъ компетентныхъ и авторитетныхъ, хотя и малоизвѣстныхъ публикѣ лицъ, подвергшихся изгнанію для пользы и славы „короля“—Андрэ Бюффѐ, директора политическаго кабинета принца Орлеанскаго, и графа де-Салюсъ, предсѣдателя роялистскихъ комитетовъ юго-западныхъ провинцій. Моррасъ съ большимъ благоговѣніемъ приступилъ къ исполненію своей конфиденціальной миссіи. Разсматривая портреты принцевъ въ квартирѣ Бюффѐ, онъ предавался меланхолическимъ размышленіямъ о превратной судьбѣ французской королевской династіи. „Отъ этой группы мужчинъ и дамъ—думалъ онъ—зависитъ будущность великаго государства, участь великой націи. И нельзя сказать, что эта зависимость осуществится только съ момента воцаренія Филиппа VIII: даже въ изгнаніи, и быть можетъ именно въ изгнаніи, эта фамилія Капетинговъ носитъ съ собою счастье Франціи. Если принцы въ теченіе неопредѣленнаго времени остаются внѣ предѣловъ своей страны, вдали отъ королевскаго трона, то, вѣроятно, въ силу историческихъ обстоятельствъ и самъ французскій народъ останется въ сторонѣ отъ истинныхъ движеній жизни“. Графъ Па-

рижскій—по мнѣнію Морраса—„былъ великій умъ. Тьеръ и его послѣдователи никогда не щадили его, потому что посредственности всегда ненавидятъ болѣе выдающихся людей. Насмѣшки и оскорбленія этихъ маленькихъ честолюбцевъ или великихъ глупцовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ въ пользу графа Парижскаго“.

Мы привели эти цитаты для характеристики того настроенія, въ какомъ производилась анкета Морраса. Принцы превосходятъ обыкновенныхъ смертныхъ уже тѣмъ, что они принцы; сравнительно съ ними даже такіе общепризнанные мудрецы, какъ Тьеръ, кажутся мелкими честолюбцами и глупцами. Съ точки зрѣнія автора нынѣшніе совѣтники герцога Орлеанскаго гораздо умнѣе и дальновиднѣе Тьера, ибо они пользуются безусловнымъ довѣріемъ и расположеніемъ своего господина. Можно будетъ спокойно предоставить герцогу роль правителя: онъ „отличный стрѣлокъ, опытный охотникъ и страстный пловецъ“, какъ рекомендуетъ его Моррасъ. Къ этимъ цѣннымъ качествамъ присоединяются еще духъ предпріимчивости и жажда активной дѣятельности. Чего же больше! Самостоятельно думать ему не придется; „за него думали въ продолженіе трехъ четвертей вѣка отецъ и герцогъ Омальскій“, а политическія программы можетъ сочинять для него Андрэ Бюффѐ, или графъ Эженъ де-Салюсъ, или кто-нибудь другой изъ его приближенныхъ.

И дѣйствительно, для принца сочинили вполнѣ подходящую программу, обѣщающую неминуемое возрожденіе Франціи. Бюффѐ вкратцѣ объяснилъ Моррасу тайну принципіальнаго превосходства монархіи надъ республикою. „Республика зависитъ отъ ума и чувства республиканцевъ. Но наслѣдственный монархъ слишкомъ непосредственно заинтересованъ въ общемъ благѣ страны, чтобы руководствоваться только своимъ настроеніемъ или управлять по какой-либо опредѣленной системѣ. Онъ представляетъ собою мозгъ, центральную нервную систему націи. Онъ дрожитъ отъ сознанія общей опасности, онъ стремится къ общему благосостоянію. Его необходимая, естественная функція, его положеніе обязываетъ его регулировать свою дѣятельность сообразно потребностямъ общественнаго спасенія. Онъ можетъ ошибаться въ пониманіи этихъ потребностей, но онъ ихъ ищетъ, онъ вынужденъ ихъ искать, и, замѣтивъ свою ошибку, стремится тотчасъ исправить ее, побуждаемый къ тому своимъ собственнымъ интересомъ“. При данныхъ обстоятельствахъ государство больше всего нуждается въ крѣпкой власти, и „монархія должна быть монархіею кулака“. Обиды, причиненныя арміи и націи,

будутъ отомщены: въ этомъ отношеніи „монархическая репрессія сдѣлаетъ все нужное, безъ всякихъ излишествъ“. Монархія не будетъ парламентарною, а только представительною; король долженъ царствовать и управлять. „Во Франціи власть только въ исключительныхъ случаяхъ должна высказываться публично: ее надо видѣть, а не слушать. Когда власть видима, за нею слѣдуютъ; когда она объясняется, люди останавливаются, ничего не понимаютъ въ ея объясненіяхъ, смущаются, разсуждаютъ и отворачиваются отъ нея“. Парламентъ долженъ только контролировать, но не властвовать и не распоряжаться. Однимъ словомъ, монархія должна усвоить внѣшнія черты бонапартизма. За то она произведетъ реформу, непосильную ни для республики, ни для имперіи; она введетъ децентрализацію, по формулѣ графа Парижскаго: „свободная община въ свободномъ государствѣ“. Въ государственныхъ дѣлахъ вся власть принадлежитъ государству; въ дѣлахъ частныхъ, профессіональныхъ и общинныхъ господствуютъ добровольные союзы, ассоціаціи и организаціи всякаго рода. „Монархія — это публичный миръ“, провозглашаетъ Бюффè, подобно тому какъ нѣкогда Луи-Бонапартъ возвѣстилъ, что „имперія—это миръ“. Благодаря этому публичному миру становятся возможными самыя смѣлыя и обширныя реформы. При республикѣ развитіе мѣстной автономіи было бы угрозою для національнаго единства и нарушало бы полноту власти центральнаго правительства и парламента; при монархіи внѣшнее единство вполнѣ совмѣстимо съ административною самостоятельностью провинцій и общинъ. Децентрализація подниметъ тонъ мѣстной жизни; крупные землевладѣльцы должны жить и дѣйствовать на мѣстахъ, а призывъ ко двору будетъ мѣрой наказанія для плохихъ и небрежныхъ хозяевъ. По мѣрѣ укрѣпленія и оживленія мѣстнаго земледѣльческаго быта должно улучшиться положеніе сельскихъ рабочихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится отливъ жителей изъ селъ въ города. Государство не будетъ вмѣшиваться въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, перестанетъ брать на себя опеку надъ взрослыми рабочими и предоставитъ болѣе широкую свободу рабочимъ ассоціаціямъ. Во всемъ и повсюду монархія будетъ оберегать національные интересы; она будетъ за-одно съ лигою патріотовъ, съ лигою французскаго отечества, съ націоналистами и антисемитами, избѣгая, однако, ненужныхъ крайностей. „Вы знаете—добавилъ Бюффè,— какую личную, коренную и, можно сказать, физическую антипатію внушаетъ еврейство герцогу Орлеанскому; тѣмъ не менѣе онъ объявилъ себя врагомъ расовыхъ и религіозныхъ распрей.

Не нужно безполезныхъ насилій. Зачѣмъ? Дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить анархическое и космополитическое господство евреевъ, а не о томъ, чтобы ограбить или повѣсить нѣсколькихъ бѣдняковъ или богачей". Франція должна быть спасена отъ своихъ многочисленныхъ недуговъ, и спасти ее можетъ только монархія.

Таковъ заключительный выводъ Андрэ Бюффѐ. Этотъ же выводъ повторяется въ разъясненіяхъ и сообщеніяхъ другого совѣтника „короля", графа де-Салюса, который между прочимъ предлагаетъ вернуться назадъ къ эпохѣ 1789-го года и начать съ этого историческаго момента дальнѣйшее послѣдовательное прогрессивное движеніе, безъ прежнихъ роковыхъ блужданій и ошибокъ. Будущій король Филиппъ VIII, въ письмѣ на имя Морраса, выразилъ, конечно, свою солидарность съ воззрѣніями и мечтаніями своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ. „Всѣ мои друзья— пишетъ онъ—могутъ расходиться въ оттѣнкахъ мнѣній или предположеній относительно реформъ; это—ихъ право,—но остается въ силѣ глубокое единство роялистской идеи. Она—реформаторская. Реформировать, чтобы сохранять—вотъ вся моя программа. Я не буду высказываться о подробностяхъ. Принцъ, который взялся бы регулировать ихъ заранѣе, имѣлъ бы мало значенія. Принцъ, который не заявлялъ бы своихъ принциповъ, былъ бы полнымъ ничтожествомъ. Я высказался уже въ защиту арміи, чести и оплота Франціи. Я нападалъ на космополитизмъ еврейскій и масонскій, губящій и позорящій страну. Изъ другихъ вопросовъ мнѣ наиболѣе близокъ одинъ—децентрализація". И герцогъ Орлеанскій вновь объясняетъ, почему децентрализація можетъ совершиться только при монархіи: „Опираясь на національную армію, представляя собою энергическую и сильную, центральную власть, въ качествѣ традиціонной, я одинъ въ состояніи возстановить самостоятельную жизнь въ городахъ и селахъ и вырвать Францію изъ сферы административнаго гнета, который ее душитъ".

Что въ состояніи сдѣлать съ Франціей герцогъ Филиппъ Орлеанскій, извѣстный пока только какъ „отличный стрѣлокъ, опытный охотникъ и страстный пловецъ"—объ этомъ, конечно, трудно судить по словамъ и намѣреніямъ, выражаемымъ въ данный моментъ, въ тиши невольнаго изгнанія, при отсутствіи текущихъ правительственныхъ заботъ и суетной придворной обстановки. Большинство лицъ, участвовавшихъ въ анкетѣ, относится чрезвычайно благосклонно къ программѣ монархистскихъ вождей и готово вѣрить въ искреннюю рѣшимость и способность принца

провести ее въ жизнь. Поль Буржè подкрѣпилъ эту программу своимъ авторитетомъ, съ научно-исторической точки зрѣнія. Наука—говоритъ онъ—неоспоримо доказала, что прогрессъ всякой органической и соціальной жизни опредѣляется тремя факторами: постоянною послѣдовательностью развитія, наслѣдственнымъ подборомъ и свойствами расы; поэтому демократическіе принципы должны быть признаны ложными, плоды революціи должны быть отвергнуты, и единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ великой исторической проблемы является монархизмъ, основанный на наслѣдственномъ авторитетѣ династіи и аристократіи. Поль Буржè не останавливается на способахъ осуществленія этой теоріи и не задаетъ себѣ вопроса, который самъ собою возникаетъ въ умѣ читателя: какъ устроить, чтобы большинство французскихъ гражданъ согласилось признать надъ собою владычество опредѣленной фамиліи? „Такой признанной всѣми фамиліи, какую имѣютъ Германія и Россія,—пишетъ Морисъ Баррèсъ — вы не имѣете; у васъ нѣтъ также достойной аристократіи. Потомки старыхъ дворянскихъ родовъ даже не могутъ очистить своего круга отъ хлыщей и бездѣльниковъ, щеголяющихъ своею разнузданностью". Что же касается реформъ въ духѣ децентрализаціи, то ихъ не исключаетъ, по мнѣнію Барреса, и республиканскій строй. Въ томъ же скептическомъ родѣ разсуждаютъ и нѣкоторые другіе корреспонденты Морраса, хотя и согласные съ нимъ въ общихъ принципахъ, но предвидящіе ихъ практическую безпочвенность.

Наиболѣе пространныя замѣчанія высказаны Жюлемъ Лемэтромъ въ бесѣдахъ съ неизвѣстнымъ „другомъ". Послѣ долгихъ размышленій и мечтаній онъ наконецъ отрекся отъ республики и увѣровалъ въ спасительную миссію принца Филиппа Орлеанскаго, о чемъ и заявилъ публично въ 1908-мъ году. Жюль Лемэтръ инстинктивно ненавидитъ демократію, господство большинства, искусственныя и перемѣнчивыя парламентскія комбинаціи, космополитическое вольнодумство, модныя увлеченія и страсти республиканской толпы; онъ по чувству эстетики отдается культу прошлаго, преклоняется предъ католичествомъ, увлекается традиціями монархическаго блеска и аристократизма; онъ проникнутъ идеалами старой Франціи и горячо отстаиваетъ ихъ въ борьбѣ противъ нынѣшняго безцвѣтнаго и бездушнаго мѣщанства. „Все лучше, чѣмъ теперешняя республика", говоритъ онъ. А какъ легко можно было сохранить достояніе и наслѣдіе старины! Исторія шла по ложному пути, начиная съ реформаціи; католицизмъ былъ бы изысканною, прекраснѣйшею религіею, еслибы

не было пагубнаго движенія, затѣяннаго „ужасными людьми“— монахомъ Лютеромъ и аббатомъ Кальвиномъ. Французы могли бы обладать всѣми гражданскими правами и вольностями съ іюня 1789-го года, когда главныя требованія народа были приняты и одобрены королемъ. „Еслибы поведеніе Людовика XVI и его двора было не столь нелѣпо, мы не имѣли бы революціи, со всѣми ея послѣдствіями. Безъ революціи мы были бы менѣе централизованы и удержали бы нѣкоторые остатки свободы въ общинной и провинціальной жизни. Безъ революціи французская монархія была бы на материкѣ Европы первою, даровавшею конституцію своему народу. И вѣроятно Франція до сихъ поръ пользовалась бы гегемоніею среди великихъ державъ и мирно пріобрѣла бы границу Рейна“.

Въ своихъ діалогахъ Жюль Лемэтръ иногда мѣтко отвѣчаетъ самому себѣ. При монархіи и имперіи республика казалась необыкновенно заманчивою; такъ же точно можно сказать и о монархіи: „какъ хороша она при республикѣ!“ „Хороша, въ самомъ дѣлѣ, какъ мечта. Какъ ни разумна и солидна доктрина нео-роялистовъ, народъ—настоящій народъ—всетаки не хочетъ королевства. Народъ твердо вѣритъ, что съ воцареніемъ короля власть досталась бы дворянамъ и духовенству. Дворянство упорно продолжаетъ считать себя созданнымъ изъ другого тѣста, чѣмъ другіе люди; оно неизбѣжно заняло бы господствующее положеніе при реставраціи. Король не могъ бы отдѣлиться отъ своихъ дворянъ, и можно опасаться, что монархія сдѣлалась бы ихъ добычею“. Но монархическая доктрина вѣрна— говоритъ Лемэтръ въ другомъ мѣстѣ —„и такъ какъ она не кажется осуществимою въ близкомъ будущемъ, то мы имѣемъ передъ собою время и досугъ для ея обработки. Мы избавлены отъ непосредственнаго дѣйствія; а пока я испытываю особое удовольствіе—жить въ свободномъ идейномъ общеніи съ самыми дальновидными и смѣлыми умами прошлаго вѣка, съ Огюстомъ Контомъ и Бальзакомъ, Тэномъ и Ренаномъ, Ле-Плэ и Фюстель-де-Куланжемъ, — не говоря уже о пріятномъ сознаніи, что мы служимъ дѣлу въ одно и то же время превосходному и безнадежному и что мы принадлежимъ къ очень ограниченному кружку лицъ, на сторонѣ которыхъ стоитъ правда“. Обстоятельства могутъ внезапно повернуть ходъ исторіи въ другую сторону; настроеніе націи можетъ коренньмъ образомъ измѣниться подъ вліяніемъ „совершившихся фактовъ“, подготовленныхъ военною силою. „Намъ приходится всего ожидать отъ событій. Никто не знаетъ, насколько они близки или далеки. Мы всѣ должны быть

заранѣе готовы не только подчиниться, но и содѣйствовать силѣ—какова бы она ни была,—если она дастъ намъ національное правительство и избавитъ насъ отъ тираніи парламентской и якобинской. Исторія дѣлается только энергическимъ меньшинствомъ, за которымъ всегда слѣдуетъ толпа". По мнѣнію Морраса, иниціаторы переворота нашли бы опору въ общемъ чувствѣ тоскливаго индифферентизма, овладѣвшемъ значительною частью французскаго общества.

„Франція скучаетъ при республикѣ"—и это служитъ, будто бы, сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу монархіи. Какая Франція имѣется при этомъ въ виду? Французскій народъ, неутомимо и плодотворно работающій на всѣхъ поприщахъ культуры, не можетъ скучать, а еслибы онъ почему-либо поддался чувству скуки, то конечно не отъ того, что республиканское правительство не отличается веселымъ характеромъ, что оно обходится безъ придворныхъ празднествъ и развлеченій, что оно не затѣваетъ интересныхъ внѣшнихъ предпріятій и войнъ. Трудно представить себѣ, чтобы французская демократія со скуки рѣшилась установить надъ страною веселый режимъ принца Орлеанскаго и его приверженцевъ обоего пола. При всѣхъ недостаткахъ парламентской республики, она остается свободнымъ созданіемъ и орудіемъ цѣлой націи, и было бы слишкомъ наивно разсчитывать на то, что французы откажутся отъ права самостоятельно располагать своею судьбою ради возстановленія давно разрушеннаго королевскаго трона. Очень можетъ быть, что герцогъ Филиппъ Орлеанскій, будучи хорошимъ стрѣлкомъ, охотникомъ и пловцомъ, съумѣлъ бы съ достоинствомъ исполнять функціи короля и не навлекъ бы особенныхъ бѣдствій на Францію своими рискованными политическими опытами; но мысль о возвышеніи этого принца и его фамиліи вовсе не вытекаетъ изъ тѣхъ истинъ положительной науки, на которыя ссылаются Поль Буржè и Жюль Лемэтръ. Вѣскіе научные аргументы относительно роли постоянства и наслѣдственности въ соціальной жизни устраняются въ данномъ случаѣ однимъ простымъ соображеніемъ: монархическая преемственность прервана во Франціи болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и съ половины прошлаго вѣка бывшая королевская фамилія фактически потеряла значеніе династіи; принцы большею частью проживали внѣ предѣловъ родной страны, безъ постояннаго общенія съ французскою націею; поэтому возстановленіе монархіи въ лицѣ герцога Филиппа Орлеанскаго было бы возвратомъ къ несуществующимъ уже традиціямъ далекаго прошлаго и прямо противорѣчило бы принципамъ постоянства и

послѣдовательности, требующимъ сохраненія и усовершенствованія, а не упраздненія республиканскаго строя, созданнаго конституціонными законами 1875-го года. Если король есть голова или мозгъ государства, какъ полагаетъ Шарль Моррасъ, то искусственно приставить эту голову или мозгъ къ великому національному организму, живущему издавна самостоятельною жизнью — невозможно, и самая идея объ этомъ должна быть причислена къ разряду безплодныхъ мечтаній, обидныхъ для современной Франціи.

Л. Слонимскій.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ

ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА

ДВѢ ПОМИНКИ

I.—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Первые дни жизни Литературнаго Фонда тѣсно связаны съ этимъ дорогимъ для насъ именемъ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Тургеневъ исчезъ изъ нашего земного круга. Обликъ его какъ человѣка начинаетъ мало-по-малу заволакиваться туманомъ; зато его тѣнь становится намъ все ближе и дороже.

Есть такія тѣни умершихъ, съ которыми мы сживаемся какъ съ любимыми собесѣдниками. Быть можетъ, въ этой любви къ нимъ мы нѣсколько искажаемъ ихъ нѣкогда реальный обликъ, но отъ этого только крѣпнетъ наша связь съ ними. Призракъ, заступившій мѣсто живого человѣка, остается живой силой, и его движущаяся въ потомствѣ память не позволяетъ ему застыть въ холодныхъ формахъ историческаго воспоминанія.

Наша живая связь съ Тургеневымъ прежде всего скрѣплена нашимъ тяготѣніемъ къ красотѣ и къ художественности и лишній разъ подтверждаетъ старую истину, которая признаетъ всякое художественно совершенное созданіе вѣчнымъ пріобрѣтеніемъ человѣчества.

Но какъ высока бы ни была стоимость красоты—любовь къ ней и жизнь въ ней не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашего духа.

Есть, конечно, люди, которые способны всецѣло жить въ красотѣ и ею только дышутъ; но такіе люди—счастливыя или несчастныя исключенія, и было бы жаль, еслибы Тургеневъ въ наше время только такимъ избраннымъ былъ дорогъ и близокъ.

Духовное наслѣдство, которое онъ завѣщалъ намъ, и разнообразно, и богато, и совсѣмъ особая этическая сила сохранена для насъ въ томъ мірѣ видѣній, который теперь открывается намъ въ его твореніяхъ.

А несомнѣнно, что это уже міръ видѣній, міръ не живыхъ людей, а поэтическихъ призраковъ.

Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ крѣпостной строй сталъ воспоминаніемъ и „Записки Охотника“ — элегіей или эпопеей минувшихъ лѣтъ. И помѣщикъ рабовладѣтель, и крестьянинъ его подневольный мирно улеглись на одномъ кладбищѣ въ ожиданіи Суда Господня, буде таковой наступитъ.

Далеко, совсѣмъ въ туманѣ виднѣются намъ теперь тѣ милыя, задумчивыя лица нашихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, съ которыхъ Тургеневъ писалъ свои портреты.

Весна нашей общественной мысли никогда больше не повторится и людей, подобныхъ этимъ довѣрчивымъ мечтателямъ и философамъ, мы никогда больше не увидимъ, и думать и чувствовать такъ, какъ они, мы не будемъ.

Ушли навсегда въ глубь временъ Рудины—эти печальные поэтичные образы, стоящіе на распутьи двухъ дорогъ, дѣти своей переходной эпохи. Скрылись отъ насъ и Лаврецкіе, за оградами полуразрушенныхъ усадебъ, и Лизы, за оградой монастыря... и изъ этихъ убѣжищъ они на свѣтъ Божій больше не выйдутъ. Инсаровы намъ теперь не нужны: у насъ свои есть герои.

Исчезли совсѣмъ изъ поля нашего зрѣнія и всѣ Базаровы, во всемъ богатствѣ ихъ разновидностей,—эти рыцари отрицанія, нѣкогда стоявшіе въ первыхъ рядахъ нашей прогрессивной арміи. Теперь имъ даже въ послѣднихъ рядахъ нѣтъ мѣста—теперь, когда такъ настойчиво чувствуется потребность не въ разрушителяхъ, а въ созидателяхъ.

И всѣ надуманные облики, гримасы и каррикатуры, набросанные Тургеневымъ въ его „Дымѣ“ и „Нови“, также исчезли съ исторической арены—и мы съ любопытствомъ присматриваемся къ нимъ, какъ къ силуэтамъ и наброскамъ въ старомъ семейномъ альбомѣ.

Да! Одни призраки обступаютъ насъ, когда мы развертываемъ теперь тѣ романы Тургенева, которыми самъ писатель

дорожилъ всего больше. Условія, въ которыхъ нѣкогда жили эти видѣнія, отошли въ прошлое; положеніе, въ какомъ они стояли къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни, измѣнилось до неузнаваемости; задачи общежитія, надъ которыми они думали, частью уже рѣшены жизнью, частью замѣнены новыми. То, что для времени, когда эти романы были написаны, составляло ихъ большое достоинство—а именно ихъ связь съ историческимъ моментомъ,—то теперь стало чуть ли не ихъ недостаткомъ. Единственное, что въ этихъ романахъ сохраняетъ для насъ свою цѣну, это тѣ драматическія положенія съ всечеловѣческимъ смысломъ, которыя художникъ съумѣлъ облечь въ такую совершенную красоту формы. И въ этихъ положеніяхъ намъ дороги вовсе не герои и героини, съ которыми у насъ такъ мало общаго; намъ дорогъ одинъ лишь общій смыслъ этихъ положеній, и притомъ тотъ гуманный смыслъ, который примиряетъ насъ съ самими собою, съ людьми и съ жизнью.

Эта конечная примиряющая философія, которую никто изъ нашихъ писателей не умѣлъ такъ настойчиво проводить въ жизнь, какъ именно Тургеневъ — вотъ та живая сила, которая и сейчасъ даетъ себя чувствовать. Для насъ она одна покрыла собою всю жизнь и все творчество Тургенева. Въ этомъ призывѣ къ соціальному миру, въ этомъ замиреніи ума и сердца—весь смыслъ той проповѣди, на которую художника уполномочилъ его талантъ. Тургеневъ былъ созданъ миротворцемъ, въ отличіе отъ своихъ великихъ современниковъ—отъ Толстого и Достоевскаго.

Каждый сильный писатель внушаетъ намъ извѣстнаго рода страхъ, и такой страхъ—доходившій въ былыя времена до священнаго ужаса передъ пророкомъ—одна изъ формъ нашего поклоненія генію.

Когда мы читаемъ Толстого или Достоевскаго, этотъ священный страхъ нами овладѣваетъ. Художникъ даетъ намъ заглянуть въ такія глубины духа человѣческаго, что голова наша начинаетъ кружиться; намъ кажется, что мы смотримъ въ бездонную пропасть. Пусть пророкъ не обладаетъ ключомъ къ этимъ тайнамъ глубинъ, но онъ несомнѣнный пророкъ, поскольку онъ спускается до самыхъ родниковъ нашей духовной жизни и непосредственно вліяетъ на наше религіозное и нравственное сознаніе, а потому и на нашу личную, семейную и общественную этику.

Можемъ ли мы причислить Тургенева къ такимъ пророкамъ и сказать, что его поэзія таитъ въ себѣ религіозное и нравственное откровеніе? Можетъ ли эта поэзія оказать какое-нибудь

рѣшительное вліяніе на ходъ нашей жизни, видоизмѣняя тѣ духовныя основы, на которыхъ эта жизнь построена? При всемъ признаніи огромнаго таланта Тургенева и всѣхъ услугъ, оказанныхъ имъ нашей общественности, придется отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Пророкомъ, „учителемъ жизни“ Тургеневъ не былъ и не будетъ. Онъ могъ быть судьей извѣстной исторической минуты, но строгое религіозное или нравственное строительство никогда не увлекало его, было ему даже чуждо, чего—какъ извѣстно—многіе прямолинейные люди ему и не прощали.

Въ Толстомъ и въ Достоевскомъ отдѣлить художника отъ моралиста невозможно—и нѣтъ ничего легче какъ разъединить проповѣдника и поэта въ творчествѣ Тургенева.

Отсутствіе въ Тургеневѣ такой потребности жизнестроительства—если такъ можно выразиться—объясняется прежде всего общимъ складомъ его міросозерцанія, которое шло больше вширь, чѣмъ вглубь, и кромѣ того одной очень постоянной въ немъ склонностью—никогда не обострять вопросовъ, стремиться насколько возможно соглашать противорѣчія и мирить спорящихъ, склоняя ихъ на уступки. Писателю былъ дорогъ умственный и душевный покой въ людяхъ, и онъ въ цѣляхъ мира и согласія боялся соблазнять кого бы то ни было грозными вопросами религіи, морали и политики, которыя, какъ онъ зналъ,—вопреки своимъ обѣщаніямъ—скорѣе ссорятъ людей и разсѣиваютъ ихъ, чѣмъ собираютъ ихъ вокругъ единаго алтаря.

И всякій, кто бралъ на себя заманчивую роль истолкователя души Тургенева, всегда ощущалъ большое смущеніе, когда нужно было отвѣчать ясно и опредѣленно на вопросъ—что̀ думалъ Тургеневъ о той или иной великой проблемѣ жизни и духа?

И Достоевскій, и Толстой учили насъ смотрѣть на жизнь сквозь призму религіозныхъ понятій и чаяній. Эти чаянія имѣютъ, конечно, свою цѣну и для Тургенева, доказательствомъ чему служитъ вся душевная драма Лизы и всѣ тѣ отдѣльныя страницы, на которыхъ Тургеневъ учитъ людей смотрѣть въ глаза смерти. Но какъ спокойно поставленъ этотъ религіозный вопросъ художникомъ! Для его собственной души онъ—предметъ раздумья и наблюденія, но отнюдь не бореній ума и сердца. Художникъ удовлетворенъ тѣмъ простымъ кодексомъ религіозной поэзіи или поэтической религіозности, который признается всѣми болѣе или менѣе чуткими людьми для ихъ личнаго обихода. Никто не скажетъ, что Тургеневъ съ Богомъ спорилъ, никто не скажетъ также, что онъ болѣлъ о немъ. Со всѣми сочиненіями Тургенева и вѣрующій, и невѣрующій одинаково помирится.

То же уравновѣшенное спокойствіе соблюлъ художникъ и въ вопросѣ патріотическомъ, въ вопросѣ о судьбахъ своей родины и ея міровомъ призваніи. Мы привыкли Тургенева называть западникомъ. Но такъ называемъ мы его съ его же собственныхъ словъ. Никакой общественной теоріи, которая такъ врѣзывается въ творчество Достоевскаго и Толстого—изъ сочиненій Тургенева мы не вычитаемъ, и общій выводъ, вытекающій изъ его словъ (если только возможно сдѣлать такой выводъ именно изъ его словъ) не позволитъ намъ зачислить его въ какую-либо партію со строгими очертаніями. Онъ любилъ западную культуру и не упускалъ случая подчеркнуть и выставить на показъ свою любовь къ ней, но онъ не защищалъ ее никакими теоретическими доводами; наоборотъ, на самыхъ красивыхъ страницахъ, съ рѣдкой искренностью и любовью говорилъ онъ о началахъ чисто русской народной жизни и прославлялъ русскій дѣвственный умъ и безхитростное русское сердце. Художникъ бывалъ иногда похожъ на того пророка, который собирался громить свою родину и уста котораго произносили ей благословеніе. Истинный западникъ не написалъ бы ни „Дворянскаго Гнѣзда", ни „Дыма", которыми любой противникъ Запада можетъ воспользоваться какъ хорошимъ отобраннымъ у врага оружіемъ. Когда произносишь слова: Россія, Западъ и Тургеневъ—чувствуешь, какое они вмѣстѣ составляютъ туманное пятно, но чувствуешь также и ихъ примиренную гармонію: и родина цѣла со всѣмъ ея душевнымъ самобытнымъ складомъ, и Западу, нашему старшему брату, воздано все должное.

Ту же роль примирителя хотѣлъ выполнить Тургеневъ и въ тѣхъ разсчетахъ новизны со стариной, какими были полны шестидесятые и семидесятые годы. Къ политикѣ дня Тургеневъ собственно не имѣлъ склонности, хотя изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, людей сороковыхъ годовъ, оставшихся жить въ Россіи, онъ подходилъ на самое близкое разстояніе къ спорящимъ партіямъ, и въ особенности къ партіи радикальной. Онъ стоялъ несомнѣнно въ рядахъ прогрессистовъ и дружба связывала его съ самыми видными представителями этого лагеря, вплоть до революціонеровъ. Но эта дружба не указывала на солидарность идей—что подтверждаютъ и переписка Тургенева, и его сочиненія.

Въ этихъ сочиненіяхъ несомнѣненъ одинъ только фонъ либеральнаго гуманизма. Всякій разъ, когда вопросъ обостряется и художнику приходится высказываться рѣшительнѣе,—въ немъ замѣтно колебаніе, которое можетъ быть принято за неустойчи-

вость самыхъ убѣжденій. Достаточно вспомнить столь нашумѣвшій споръ о Базаровѣ—споръ, въ которомъ самъ авторъ счелъ нужнымъ принять участіе. Какъ неопредѣленно говорилъ тогда Тургеневъ—какъ будто боясь сказать лишнее. И въ „Нови“ онъ такъ очертилъ и распредѣлилъ фигуры дѣйствующихъ лицъ, что каждое изъ нихъ имѣло въ немъ одновременно и обвинителя, и защитника.

Если отъ общихъ этико-соціальныхъ вопросовъ мы перейдемъ къ болѣе частнымъ психологическимъ проблемамъ, которыя затрагивалъ Тургеневъ, то и здѣсь мы встрѣтимся съ тѣмъ же дорогимъ ему пріемомъ—не обострять слишкомъ конфликта. Возьмемъ ли мы человѣка въ борьбѣ съ самимъ собою, погруженнаго въ самоанализъ, человѣка, который не можетъ себѣ выяснить, по какому пути идти—мы не встрѣтимъ у Тургенева этого человѣка во власти изнуряющаго душевнаго разлада, какимъ его любилъ рисовать Достоевскій, или во власти бдительной и безпощадной совѣсти, какъ изображаетъ его часто Толстой. Станемъ мы наблюдать за развитіемъ страстей человѣческихъ—и мы у Тургенева не найдемъ ни страстной любви, ни страстной ненависти, ни фанатизма вѣры и убѣжденій, ни титанизма чувствъ, ни силы отчаянія, ни восторга экстаза.

Этихъ сильныхъ сторонъ человѣческой психики въ герояхъ Тургенева, да и въ немъ самомъ, нѣтъ. Пробѣлъ ли это въ его творческой способности, или недостатокъ человѣка? А можетъ быть это лишь особая грація его вдохновенія и особая нѣжная прелесть его психической организаціи? Современники судили объ этой чертѣ его характера разно. Нѣкоторые восхваляли художника, какъ образецъ уравновѣшеннаго человѣка, который въ періодъ остраго общественнаго броженія сохранилъ власть надъ своимъ умомъ и сердцемъ. Боевыя натуры — тѣ не задумались обвинить Тургенева въ безпринципности и, презрительно улыбаясь, говорили про него: „онъ—эстетикъ“.

И, пожалуй, такое опредѣленіе будетъ самое вѣрное, но только надо очень строго и ясно установить—какой смыслъ это красивое слово „эстетикъ“ имѣетъ. Если принять его въ общепризнанномъ смыслѣ, какъ синонимъ человѣка, ищущаго и цѣнящаго въ жизни исключительно ея эстетическую внѣшность или эстетическую сущность, то назвать Тургенева эстетикомъ въ этомъ смыслѣ было бы несомнѣннымъ умаленіемъ его. Онъ бы самъ рѣшительно протестовалъ противъ такого опредѣленія, онъ, который лучшія свои силы потратилъ на боевые романы.

Но эстетикомъ онъ тѣмъ не менѣе остается въ болѣе общемъ

смыслѣ, и въ такомъ его „эстетизмѣ" заключается вся его сила и его значенiе для современной минуты. Тотъ призракъ, который замѣнилъ намъ живого Тургенева—онъ дорогъ намъ именно тѣмъ эстетичнымъ миромъ, какимъ онъ наполняетъ нашу душу. Всякая борьба имѣетъ своей конечной цѣлью соглашенiе, и предвкушенiе такого соглашенiя можетъ выражаться въ формѣ извѣстнаго эстетическаго отношенiя къ тѣмъ самымъ вопросамъ, которые рвутъ душу и умъ человѣка на части. Для всякой успѣшной борьбы и работы необходимъ бываетъ извѣстный гармоничный покой духа, въ которомъ всѣ спорящiя страсти и враждующiя мысли находятъ себѣ временное соглашенiе. Такой покой вовсе не означаетъ отказа отъ дальнѣйшей борьбы и вовсе не моментъ усталости. Это временное затишье думъ и страстей, въ которомъ онѣ обновляются, временная прiостановка страстнаго волевого отношенiя къ жизни, которое безъ такихъ передышекъ способно внести въ жизнь нескончаемый раздоръ и неумиротворимое волненiе.

Въ этомъ смыслѣ Тургеневъ былъ несомнѣнно „эстетикъ", спокойной красотой своихъ произведенiй примирявшiй людей съ той тревогой умственной и сердечной, на почвѣ которой такая мирная красота возникала.

Дѣйствительно, кто изъ нашихъ писателей способенъ наполнить нашу душу такимъ миролюбiемъ, какимъ вѣетъ на насъ почти-что съ каждой страницы Тургенева?

Читаемъ мы Толстого—и, не смотря на классическое спокойствiе его творчества, мы полны тревоги; всѣ мысли высшаго порядка, которыя мирно покоились на днѣ нашей души — всѣ приведены въ броженiе, и художникъ, при всемъ его величiи, не въ силахъ умиротворить ихъ. Читаемъ мы Достоевскаго—мы близки къ истерикѣ, и художникъ, который считалъ своей святой миссiей примиренiе людей съ Богомъ и жизнью, болѣе другихъ способенъ посѣять между ними разладъ и ссору. Почти всѣ наши писатели недавняго прошлаго теребятъ наши нервы, не лаская нашей усталой души никакимъ просвѣтомъ.

Тургеневъ среди нихъ—рѣдкое исключенiе. Кажется, что онъ какъ будто умышленно обходитъ все, что можетъ поставить на пробу наши нервы—а между тѣмъ каждый изъ насъ понимаетъ и чувствуетъ, что взглядъ его очень зоркiй и что отъ этого взгляда не укрылась ни единая тайна нашей души, ни одна нравственная аномалiя нашего общежитiя. Но, направляя наше вниманiе на трудности и изъяны жизни, Тургеневъ всегда говорилъ намъ объ ея гармонiи. Онъ былъ изъ числа тѣхъ идеалистовъ-

художниковъ, которые утѣшаютъ насъ не фантастическими узорами вымысла, а художественнымъ воплощеніемъ одного неизмѣнно присущаго людямъ чувства—ихъ желанія хоть на мгновенье подняться надъ полемъ битвы житейской и взглянуть съ примиряющей высоты спокойнымъ, эстетически гармоничнымъ взглядомъ на юдоль нашихъ страстей и печалей.

II.—Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

Говорить пространно о заслугахъ Петра Исаевича передъ Литературнымъ Фондомъ нѣтъ надобности. Все будетъ сказано, если мы вспомнимъ, что сорокъ девять лѣтъ подрядъ, и молодой, и старый, и здоровый, и больной, онъ отдавалъ Фонду свой трудъ и свое время. Не объ этихъ его заслугахъ хотѣлось вспомнить на юбилеѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на той братской панихидѣ, которая была отслужена въ этотъ день. И о заслугахъ покойнаго какъ литератора можно въ этотъ день упомянуть лишь вкратцѣ. Конечно, въ протоколахъ комитета Литературнаго Фонда и на страницахъ исторіи русской лирики и исторіи нашего духовнаго общенія съ Западомъ осталось имя Петра Исаевича; но развѣ въ этихъ строкахъ сохранено то, что составляло всю красоту, всю прелесть самого явленія? Есть люди, вся сила которыхъ заключена въ ихъ личности, и которые уносятъ съ собой въ могилу свое обаяніе; они—какъ артисты или музыканты-исполнители—живы лишь дотолѣ, пока живы люди, ихъ видѣвшіе и слышавшіе. И Петръ Исаевичъ, тотъ настоящій Петръ Исаевичъ, котораго мы знали и такъ любили, умретъ вмѣстѣ съ нами, такъ какъ главная его заслуга передъ русской пишущей братіей не можетъ быть измѣрена ни имъ написанными страницами, ни страницами, о немъ написанными. Его общественная заслуга была совсѣмъ особаго рода.

Во главѣ комитетовъ Литературнаго Фонда стояли люди весьма различные по своимъ дарованіямъ. Одни были сильны своимъ большимъ дипломатическимъ умомъ, своими административными способностями, иные — своимъ необычайно мягкимъ гуманнымъ сердцемъ; одни имѣли за собой славу большихъ ученыхъ, другіе держали въ рукахъ знамя съ яркимъ общественнымъ девизомъ. Всѣ эти гросмейстеры ордена, основаннаго во имя борьбы ума и дарованія съ житейской невзгодой — всѣ они должны были выдерживать натискъ всевозможныхъ враждебныхъ силъ, заставляя въ этой борьбѣ блестѣть разныя грани человѣческаго таланта.

Былъ свой талантъ и у Петра Исаевича, талантъ, который въ тѣ годы, когда Петръ Исаевичъ стоялъ во главѣ Фонда, былъ однимъ изъ самыхъ нужныхъ и цѣнныхъ по условіямъ переживаемаго времени.

Для русскаго литератора это было время совсѣмъ особое по своему внутреннему, глубокому смыслу. Впервые русскій писатель почувствовалъ и увидалъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ долго имъ ожидаемый союзникъ—русскій политическій дѣятель, на этотъ разъ узаконенный и съ исправнымъ паспортомъ. Это былъ великій моментъ въ жизни писателя. Вѣдь до той минуты онъ — этотъ скромный литераторъ и ученый — былъ почти единственнымъ гласнымъ проводникомъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ въ жизнь. Онъ исполнялъ эту миссію охотно и самоотверженно, конечно — чувствуя всю ея тяжесть, хотя онъ выстрадалъ и любилъ ее. И вотъ, когда совсѣмъ неожиданно, при несчастіяхъ внѣшней войны и при всѣхъ ужасахъ войны внутренней, нашему писателю пришлось либо самому записаться въ ряды политиковъ, либо передавать столь долго имъ исполняемую роль другому—какъ сталъ онъ нервенъ, раздражителенъ, какъ легко воспламеняемъ въ своихъ страстяхъ, какъ подозрителенъ, какъ враждебенъ всякому соглашенію! Надо было обладать особымъ талантомъ сглаживать противорѣчія, особой честностью миролюбиваго сердца, чтобы среди спорящихъ занять такое положеніе, при которомъ можно было бы согласовать разрозненныя силы, дать имъ какое-нибудь общее направленіе, не позволить имъ распылиться во взаимномъ недовѣріи и взаимной враждѣ. Вѣдь всетаки, какъ ни остеръ былъ споръ, но плодотворенъ онъ могъ быть лишь при условіи взаимнаго пониманія и уваженія.

И для многихъ лицъ кабинетъ Петра Исаевича былъ такимъ нейтральнымъ мѣстомъ договоровъ и соглашеній.

Можно спросить, однако, неужели комитетъ Литературнаго Фонда былъ столь высокопоставленной литературной инстанціей, что могъ имѣть большое общественное значеніе? Время летитъ очень быстро, и въ наши дни общественное значеніе Литературнаго Фонда совсѣмъ уже не то, какимъ оно было въ недавнемъ прошломъ. Въ тяжелые, долгіе дни гражданскаго унынія Литературный Фондъ былъ очень на виду и несомнѣнно на замѣчаніи. Онъ и до сего дня на замѣчаніи у тѣхъ лицъ, которыя не хотятъ понять, что передъ нищетой и голодомъ всѣ люди, всѣхъ вѣроисповѣданій и партій, равны, какъ передъ смертью и Богомъ.

Вмѣстѣ съ Вольно-Экономическимъ обществомъ и Союзомъ писателей Литературный Фондъ былъ однимъ изъ видныхъ союзовъ общественныхъ дѣятелей, которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, имѣли одно достоинство—независимаго образа мыслей. Такое собраніе, и притомъ многолюдное, не могло не имѣть общественнаго вѣса въ эпоху, когда союзы независимыхъ людей могли носить лишь частный характеръ.

И вотъ, въ годы передъ грозой и во время нея нужно было обладать особымъ престижемъ, чтобы хоть какъ-нибудь сдерживать и согласовать силы, естественно стремившіяся къ разъединенію. Для такой роли человѣкъ съ рѣзкимъ характеромъ и крайними убѣжденіями не подходилъ. Еще менѣе былъ на эту роль способенъ человѣкъ индифферентный. Нуженъ былъ свободомыслящій, убѣжденный гуманистъ, съ весьма мягкими очертаніями ума, сердца и характера.

И таковъ былъ Петръ Исаевичъ, неизмѣнный членъ комитета и, въ самые трудные годы, его предсѣдатель—предсѣдатель собранія, которое въ подборѣ своихъ членовъ издавна руководилось правиломъ: группировать лицъ разныхъ убѣжденій и другъ отъ друга по возможности независимыхъ.

И не только въ тѣсномъ кружкѣ, но и въ широкихъ писательскихъ кругахъ, съ которыми Фондъ былъ въ постоянномъ общеніи, Петръ Исаевичъ имѣлъ возможность проявить всѣ свои цѣнныя душевныя качества.

Мы уважали въ немъ прежде всего историческую фигуру—живого свидѣтеля и участника нашей общественной и литературной жизни за цѣлое полустолѣтіе, со временъ крымской кампаніи. Повторяя старую остроту, Петръ Исаевичъ говорилъ иногда: „лѣта — c'est moi", и въ этихъ словахъ было нѣчто большее, чѣмъ простая шутка. На его плечахъ, дѣйствительно, лежали лѣта—но это ему врядъ ли кто вмѣнитъ въ заслугу. Заслуга была въ томъ, что онъ ихъ тяжести не чувствовалъ. Онъ былъ среди насъ чуть ли не единственнымъ представителемъ того вымирающаго типа литераторовъ, которые въ продолженіе долгихъ, долгихъ лѣтъ, укрываясь отъ несмѣнной непогоды, всетаки не промокли и не продрогли настолько, чтобы превратиться въ безучастныхъ или озлобленныхъ стариковъ. Петръ Исаевичъ сохранилъ всю свѣжесть своей души, и тѣми же живыми и бодрыми глазами, какими нѣкогда онъ смотрѣлъ въ грозныя очи императора Николая Павловича, смотрѣлъ онъ и въ лицо русской революціи.

Наша общественная жизнь такъ сложилась, что мы давно

уже пріучены цѣнить всего больше борцовъ и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться къ тѣмъ людямъ, которые стоятъ поодаль, выжидая исхода борьбы—того исхода, въ которомъ они увѣрены, котораго они ждутъ и заранѣе благословляютъ. Гуманисты съ широкимъ взглядомъ на прошлое, непоколебимые въ своей вѣрѣ въ грядущее, такіе, какъ бы въ сторонѣ стоящіе, люди по натурѣ своей для борьбы не годятся, но они нужны всѣмъ усталымъ въ борьбѣ и всѣмъ изувѣченнымъ. Культурная роль такихъ людей—внѣ сомнѣнія, если только они умѣютъ дать почувствовать всю крѣпость ихъ вѣры въ человѣка и все безкорыстіе ихъ пожеланій.

Петръ Исаевичъ былъ гуманистомъ чистой крови и самыхъ чистыхъ помысловъ, и онъ былъ на своемъ посту въ годы, когда нашей вѣрѣ въ торжество гуманнаго идеала пришлось пройти черезъ тягчайшее испытаніе.

И сидѣлъ онъ среди насъ, и какъ старецъ Бенъ-Акиба говорилъ: „Да! всякое бывало!"—и всѣ мы чувствовали, что въ этомъ возгласѣ звучала большая любовь къ людямъ, благословеніе страданіямъ прошлымъ, предупрежденіе о томъ, что впереди страданій много, но что великъ Богъ человѣческій, у котораго заготованъ торжествующій лучъ, разсѣкающій всякій мракъ и приводящій въ порядокъ всякій хаосъ.

Несторъ Котляревскій.

СПОРЪ О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНѢ

ВЪ КОММИССІИ

ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА

Походъ, открытый русскимъ объединеннымъ правительствомъ противъ мірского землевладѣнія и семейной собственности крестьянъ вскорѣ за роспускомъ Государственной Думы 1-го призыва, вступилъ въ періодъ заключительныхъ и безповоротныхъ рѣшеній въ нашей высшей палатѣ и назначенной ею коммиссіи 30-ти членовъ. Господину Лыкошину, нѣсколько лѣтъ тому назадъ отстаивавшему мысль о неприкосновенности общиннаго владѣнія, въ полномъ согласіи съ тогдашней политикой правительства, ввѣрена теперь забота доказывать полную прикосновенность законодателя къ этому владѣнію, необходимость насильственнаго его разрушенія, опять-таки въ полномъ согласіи съ теперешними видами правительства. Четыре раза въ недѣлю, а то и чаще, начиная съ 29-го октября, происходили совѣщанія въ Маріинскомъ дворцѣ 30-ти государственныхъ совѣтниковъ, которымъ, подъ предводительствомъ князя П. Трубецкого, ихъ избранника, поручено выработать основанія для окончательнаго сужденія по вопросу о затѣянной правительствомъ аграрной революціи. Предсѣдатель держитъ себя съ полнымъ безпристрастіемъ, не останавливаетъ ораторовъ и только изрѣдка напоминаетъ имъ объ извѣстномъ изрѣченіи Полонія въ Шекспировскомъ „Гамлетѣ“:

Краткость есть душа ума,
А краснорѣчіе—его прикраса.

Но никакія убѣжденія его не дѣйствуютъ: ораторы говорятъ нескончаемо, то понижая, то повышая голосъ, „читая нерѣдко въ чужихъ мысляхъ“, прибѣгая къ несчастнымъ метафорамъ и не всегда удачнымъ уподобленіямъ, ссылаясь на свой административный, а то и политическій, и хозяйственный опытъ, и какъ бы признавая незыблемой истиной, что земельные порядки той мѣстности, изъ которой они вышли, несомнѣнно наилучшіе въ мірѣ и должны быть распространены, поэтому, на все русское государство. Когда предметъ спора истощается и въ поддержку или противъ законопроекта начинаютъ приводиться одни и тѣ же мотивы, князь, предъ открытіемъ засѣданія, напоминаетъ обыкновенно о томъ, что предлежащій путь еще длиненъ и что не мѣшаетъ, поэтому, ускорить шагъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе мы неизмѣнно шлемъ ему заявленіе о трудности пути, его опасности и вытекающей отсюда необходимости идти медленно, съ оглядкой, обходя пропасти и западни.

Настаетъ, наконецъ, моментъ голосованія, результаты котораго однообразно показываютъ, что все краснорѣчіе было ни къ чему, что никто не убѣдился доводами противника, всякій вошелъ въ коммиссію если не съ готовымъ мнѣніемъ, то съ опредѣленной инструкціей, и высказывается такъ или иначе въ полномъ соотвѣтствіи съ послѣдней. Предсѣдатель не жалѣетъ ни своихъ силъ, ни времени, ни здоровья, желая всячески разъяснить намъ, въ чемъ состоятъ спорные пункты; онъ приглашаетъ къ себѣ членовъ коммиссіи по вечерамъ, даетъ имъ возможность выслушать спеціалистовъ по занимающимъ коммиссію вопросамъ, требуетъ отъ этихъ спеціалистовъ присылки ихъ письменныхъ мнѣній. Но и этотъ пріемъ не ведетъ ни къ чему: спеціалисты говорятъ одно, и говорятъ дружно и согласно, хотя и не сговорились предварительно между собою, а большинство коммиссіи постановляетъ какъ разъ обратное, потому что члены его сговорились другъ съ другомъ еще до вступленія въ ряды коммиссіи. Отъ всего этого получается тотъ результатъ, что, на перекоръ мнѣнію спеціалистовъ, всему предшествовавшему порядку крестьянскаго землепользованія и ходу законодательства на его счетъ, вершатся судьбы никѣмъ не опрошеннаго девяносто-милліоннаго населенія, вершатся съ точки зрѣнія то наполеоновскаго кодекса, дѣйствующаго въ царствѣ Польскомъ, то казацкихъ обыкновеній, то наконецъ X-го тома, этого свода указовъ, изданныхъ царями для членовъ служилаго сословія. На память потомству рѣчи ораторовъ если не стенографируются, то конденсируются чинами государственной канцеляріи въ рядъ

отрывочныхъ положеній, часто слабо связанныхъ между собою. Вина въ томъ не всегда падаетъ на канцелярію; можно, наоборотъ, отмѣтить съ похвалою ея способность открывать крупинки оригинальности среди нескончаемыхъ повтореній все тѣхъ же и тѣхъ же аргументовъ.

Мнѣ пришлось заглянуть въ эти матеріалы; они не разъ воскрешали въ моемъ умѣ ранѣе слышанное и даютъ мнѣ возможность изобразить въ общихъ чертахъ отдѣльные эпизоды того похода противъ исконныхъ устоевъ русскаго крестьянскаго быта, котораго мнѣ пришлось быть не всегда спокойнымъ и невозмутимымъ свидѣтелемъ.

I.

Первыя засѣданія посвящены были обмѣну мыслей по общему вопросу о вредѣ и пользѣ мірской собственности. Въ концѣ нѣсколько дней продолжавшихся преній выяснилось, что въ коммиссіи сошлись представители трехъ опредѣленныхъ теченій, примирить которыя является невозможнымъ. Одни стоятъ за нейтральное отношеніе правительства къ вопросу о томъ, быть или не быть у крестьянъ общинной собственности на землю; другіе озабочены мыслью о томъ, чтобы вбить клинъ въ существующіе порядки коллективнаго землевладѣнія и косвенно содѣйствовать переходу крестьянъ къ частной собственности; третьи, наконецъ, полагаютъ, что законодателю надлежитъ покончить съ существующей системой крестьянскаго землепользованія заявленіемъ, что впредь всякіе передѣлы должны быть прекращены. Возможно указать и на четвертое мнѣніе; оно сводится къ тому, что надо оставить все по старому, не облегчая никому выхода изъ нераздѣльности. Эта точка зрѣнія объединяетъ сравнительно мало членовъ коммиссіи, какъ и противоположная—о пользѣ покончить съ мірской собственностью, такъ что полемика постепенно сводится къ обмѣну мыслей между сторонниками искусственнаго разложенія общины и противниками такой политики. Точка зрѣнія послѣднихъ — другими словами, критиковъ поступившаго въ коммиссію законопроекта,—съ большою опредѣленностью и ясностью излагается однимъ изъ членовъ группы правыхъ уже на второмъ засѣданіи коммиссіи. Можно — сказалъ онъ— не только согласиться съ М. М. Ковалевскимъ, который въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта заявилъ, что подлежащій нашему обсужденію законъ—самый важный изъ посту-

пившихъ на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ палатъ со времени ихъ недавняго преобразованія, но пойти еще дальше: можно сказать, что это важнѣйшій законъ, обсуждаемый Государственнымъ Совѣтомъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, т.-е. со времени крестьянской реформы и судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Въ Россіи, которая была и есть страна преимущественно земледѣльческая, которой суждено въ теченіе вѣковъ и, вѣроятно, навсегда остаться таковой, законъ, имѣющій своей задачей полное переустройство жизни сельскаго населенія, необходимо имѣетъ громадное значеніе для государственнаго быта и финансоваго положенія государства. Въ такомъ дѣлѣ крупныя ошибки чреваты самыми пагубными послѣдствіями. Отвѣчая отрицательно на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отклонить законопроектъ, и считая необходимымъ принять основную его мысль, направленную къ облегченію крестьянамъ-общинникамъ выдѣла ихъ долей въ мірскихъ земляхъ, съ укрѣпленіемъ этихъ долей въ собственность, ораторъ признаетъ необходимымъ обставить эту собственность извѣстными условіями. Указъ 9-го ноября 1906-го года заключаетъ въ себѣ развитіе правилъ ст. 12 (прежней ст. 36) общаго положенія о крестьянахъ [1]. По мнѣнію многихъ, эта статья относится только къ землѣ, пріобрѣтенной крестьянами на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, по завѣщанію, дару, покупкѣ и т. д. Имѣется, однако, статья 106 (прежняя 159) положенія о выкупѣ [2]; изъ ея содержанія слѣдуетъ, что не таково было намѣреніе редакціонной коммиссіи. Полвѣка тому назадъ уже дано обѣщаніе, выполненіе котораго связано было съ прекращеніемъ выкупныхъ платежей — обѣщаніе дать право выдѣла въ частную собственность доли мірской земли, сообразно произведеннымъ каждымъ платежамъ, т.-е. соразмѣрно участію въ пріобрѣтеніи мірской земли. Но практическое примѣненіе этой статьи встрѣтилось бы съ непреодолимыми затрудненіями, такъ какъ хаотическое со-

---

1) Напомнимъ ея содержаніе. „Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ“.

2) Ст. 106 Положенія о выкупѣ: „правила, изложенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, относятся до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена. По уплатѣ ссуды, распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность“.

стояніе волостныхъ архивовъ, отсутствіе документовъ по счетоводству и раскладкѣ выкупныхъ платежей, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе 50-ти лѣтъ производимы были передѣлы, не позволили бы даже геніальнѣйшему математику опредѣлить долю каждаго отдѣльнаго домохозяина въ пріобрѣтеніи мірскихъ земель той или другой общины. Вслѣдствіе этого правительство вынуждено было замѣнить примѣненіе этой статьи изданіемъ новаго закона; такимъ закономъ и является Высочайшій указъ 9 ноября 1906-го года, изданный въ порядкѣ статьи 87 основныхъ законовъ. Правительство пошло, однако, далѣе поставленной себѣ цѣли: въ ст. 12-ой говорилось только о выдѣлѣ надѣла, а въ указѣ 9 ноября—объ его укрѣпленіи. Министерство внутреннихъ дѣлъ, повидимому, не различаетъ этихъ двухъ понятій: въ соображеніяхъ правительства, приложенныхъ къ направленному въ Государственную Думу законопроекту, всюду говорится о выдѣлѣ, а въ заключеніи этихъ соображеній рѣчь идетъ уже объ укрѣпленіи. Земельная коммиссія Государственной Думы пошла еще дальше въ томъ же направленіи: ст. 12-ая стремится къ выдѣлу по возможности къ одному мѣсту, указъ же 9 ноября, вмѣсто этого, возвращается къ точкѣ зрѣнія, выраженной въ ст. 165 положенія о выкупѣ. Статья эта явилась компромиссомъ между двумя теченіями, оказавшимися въ редакціонной коммиссіи 1861 г., изъ которыхъ одно было за, другое—противъ общиннаго землевладѣнія; статья распадается, поэтому, на двѣ части, и въ каждой изъ нихъ сказывается одно изъ двухъ воззрѣній. Въ 1893-мъ году, по ходатайству земскихъ собраній и свѣдущихъ лицъ, приглашенныхъ высказаться по этому вопросу, ст. 165 была исправлена въ направленіи, благопріятномъ общинному владѣнію. Указъ 9 ноября тѣмъ невыгодно отличается отъ прежнихъ мѣропріятій, что закрѣпляетъ дробность и чрезполосность владѣнія.

Переходя къ разбору того мнѣнія, что переходъ къ частной собственности поведетъ необходимо къ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ крестьянъ, ораторъ указалъ на то, что, ссылаясь, въ подтвержденіе этой мысли, на Западный край, на Польшу и на образцовый порядокъ ея хозяйственнаго быта, забываютъ, что тамъ имѣются лучшій климатъ, лучшія условія сбыта и т. д. Ораторъ снисходительно относится къ указу 9 ноября, хвалитъ его за то, что онъ не ставитъ вопроса ребромъ, не ломаетъ общины, держится до нѣкоторой степени традицій редакціонныхъ коммиссій 1861 г., открывая только просторъ личному почину въ дѣлѣ замѣны мірского пользованія дворовой собствен-

ностью. Не будучи, говоритъ онъ, фанатическимъ сторонникомъ общины и считая ее переходной стадіей, имѣющей извѣстные недостатки, нельзя, однако, отказать ей въ одномъ преимуществѣ: она предохраняетъ насъ отъ образованія пролетаріата и развитія нищеты. На западѣ нашего отечества, прибавляетъ ораторъ, общины нѣтъ, въ центрѣ она переживаетъ кризисъ, на востокѣ она находится въ цвѣтущемъ состояніи, а въ Сибири населеніе еще не доросло до этой формы землевладѣнія; нельзя, поэтому, всѣмъ частямъ Россіи дать одно землеустройство. Ораторъ порицаетъ тотъ характеръ принудительности, какой носятъ мѣры, рекомендуемыя думскимъ законопроектомъ; къ явленіямъ народной жизни прикасаться съ хирургическимъ ножомъ законодательнаго принужденія отнюдь не слѣдуетъ.

Къ этимъ соображеніямъ одинъ изъ представителей университетовъ и академіи прибавилъ рядъ слѣдующихъ. Разсматриваемый законопроектъ, сказалъ онъ, состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей; изъ нихъ вторую составляетъ указъ 9 ноября, первая же часть—это дополненія, внесенныя въ него отъ себя Государственной Думой. Начала, положенныя въ основу этихъ частей законопроекта, не только не совпадаютъ, но, наоборотъ, рѣзко расходятся между собою. Если обратиться къ принципу, положенному въ основаніе ст. 1-ой думскаго законопроекта, то окажется, что общества и селенія, не производившія передѣла въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ, признаются перешедшими къ подворному владѣнію безъ всякаго заявленія съ ихъ стороны; устанавливается, такимъ образомъ, принудительный порядокъ такого перехода. Такое положеніе является новшествомъ не только въ нашемъ законодательствѣ, но и въ западно-европейскихъ. Согласно общему положенію о крестьянахъ, для замѣны общиннаго пользованія участковымъ требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ домохозяевъ. Прусскій законъ 1821-го года, рѣшительно направленный въ сторону раздѣла общинныхъ земель, требовалъ, тѣмъ не менѣе, чтобы желаніе произвести раздѣлъ было заявлено по крайней мѣрѣ однимъ членомъ общины; то же надо сказать и о бельгійскомъ законѣ 1847-го года. Еще въ XVIII-мъ вѣкѣ австрійскій законъ, изданный въ самомъ его концѣ, признавалъ возможнымъ раздѣлъ общинныхъ земель, но только въ примѣненіи къ нѣкоторымъ угодьямъ. Въ числѣ доводовъ, приводимыхъ Государственною Думою въ поддержку законопроекта, указана невозможность установленія на практикѣ полнаго соотвѣтствія между выдѣляемымъ изъ мірскихъ земель участкомъ и внесенными за него выкупными платежами, вслѣдствіе неудовлетворительнаго веденія

счетоводства по выкупной операціи, а также благодаря частому передѣлу мірскихъ земель. Указывается, далѣе, что проектируемая мѣра только даетъ осуществленіе правамъ, предоставленнымъ отдѣльнымъ домохозяевамъ еще въ 1861-мъ году, а изъ этого дѣлается тотъ выводъ, что коренного переворота предлагаемый законопроектъ въ себѣ не заключаетъ; но съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ нѣтъ основанія терять изъ виду, что, кромѣ общихъ передѣловъ, имѣются еще частные. Поэтому только въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ не производилось ни тѣхъ, ни другихъ, существующее владѣніе соотвѣтствуетъ тому, на которое домохозяинъ имѣетъ право при выдѣлѣ; между тѣмъ извѣстно, что происходившіе на основаніи закона 1893 г. частные передѣлы иногда достигали размѣра общихъ. Принудительный переходъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой, который преслѣдуетъ 1-ая ст. законопроекта, составляетъ несомнѣнно коренную ломку. Нельзя признать правильнымъ то положеніе, будто общества, не производившія передѣла въ теченіе 24 лѣтъ, не будутъ дѣлать этого и впредь. Такая мысль опровергается фактами дѣйствительности; мы знаемъ случаи передѣловъ на разстояніи 30-ти лѣтъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что законопроектъ перетягиваетъ вѣсы въ пользу подворнаго владѣнія и не отвѣчаетъ понятію безстрастнаго отношенія законодателя къ современнымъ порядкамъ землепользованія.

Вторая часть законопроекта, указъ 9 ноября, не связана съ первою частью; можно поэтому отвергнуть послѣднюю и принять въ то же время указъ 9 ноября. Но и въ этомъ указѣ трудно не видѣть пристрастнаго отношенія законодателя къ общинному землевладѣнію; онъ перетягиваетъ вѣсы въ пользу подворнаго, а потому и поведетъ къ разрушенію мірского. Справедливость требовала бы предоставленія крестьянскимъ обществамъ свободнаго перехода къ тому или другому виду землевладѣнія, по ихъ собственному выбору. Ссылки, дѣлаемыя на примѣры Западной Европы, не всегда вѣрны. Справедливо, что общинное владѣніе стало быстро разрушаться въ ней съ XVIII вѣка, но дѣлать отсюда выводъ, что и намъ нужно послѣдовать по тому же пути, уже потому неправильно, что въ наши дни законодательная практика, вмѣстѣ съ наукой, признаетъ ошибочнымъ искусственное разрушеніе общины. За послѣднее десятилѣтіе возникла особая Alpenpolitik, ставящая себѣ задачей подъемъ земледѣльческой культуры на общинныхъ земляхъ. Невѣрно также, что на Западѣ имѣются только общинныя угодья и что нѣтъ пахатныхъ земель, которыя бы нераздѣльно принадлежали общинѣ.

Не представляя собою наиболѣе совершенной формы землевладѣнія, сельская община со временемъ несомнѣнно уступитъ мѣсто другимъ порядкамъ; но далеко небезразлично, падетъ ли она подъ ударами законодательства, или разрушится постепенно подъ вліяніемъ измѣненія условій хозяйственной жизни страны и пробудившагося въ населеніи сознанія выгодъ перехода къ другимъ занятіямъ, требующимъ отлива части его въ города.

Сторонники законопроекта прежде всего настаивали на той мысли, что онъ отвѣчаетъ давно зародившемуся стремленію русскаго крестьянства къ частной собственности. Подтвержденіе этому они находили въ тѣхъ данныхъ, какія товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, присутствовавшій на засѣданіяхъ, счелъ нужнымъ сообщить почти въ самомъ началѣ преній. Въ 1909 г. къ 1-му іюня—сказалъ онъ—поступило заявленіе о выдѣлѣ и разверстаніи на хутора отъ 350.000 дворовъ; общее же число всѣхъ ихъ — 9 мил. 200 тыс. Хотя эта цифра на самомъ дѣлѣ не производитъ впечатлѣнія массоваго движенія крестьянства въ сторону частной собственности на землю, но г. Лыкошинъ считалъ возможнымъ сдѣлать изъ нея заключеніе, что крестьяне поняли благодѣтельные виды правительства и говорятъ теперь, что земля — даръ Божій, которымъ надо пользоваться умѣло. Психологія народа пошла на встрѣчу правительственной политикѣ. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній товарища министра видно, что къ 1-му сентября 1909-го года укрѣплено въ личную собственность 7.000.000 десятинъ, распредѣленныхъ между 970 тысячами домохозяевъ; къ подворному же владѣнію отъ общиннаго перешли 2 мил. десятинъ, распредѣленныхъ между 180 тысячами домохозяевъ. Въ сокращеніи, такимъ образомъ, мірского землевладѣнія на цѣлыхъ 9 мил. десятинъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ видѣлъ возможность утверждать, что стремленіе перейти къ личной собственности приняло въ настоящее время стихійный характеръ. Указъ 9 ноября, согласно его сообщенію, сталъ примѣняться впервые весною и лѣтомъ 1907 г.; всѣ усилія революціонеровъ были направлены къ тому, чтобы затормозить его проведеніе въ жизнь, и эти стремленія были сначала успѣшны. Запросы о переводѣ на положеніе частныхъ собственниковъ стали поступать отъ крестьянъ съ конца лѣта 1907-го года; существующія на мѣстахъ крестьянскія учрежденія не знали, какъ удовлетворять эти запросы, и дѣйствовали въ этомъ направленіи крайне медленно: всего 2% предъявленныхъ ходатайствъ нашли удовлетвореніе. Чтобы ускорить дѣло, центральное правительство созвало съѣздъ, издало инструкціи, командировало на мѣста чи-

новъ земскаго отдѣла; послѣдствіемъ всего этого было, что крестьянскія учрежденія на мѣстахъ стали проявлять усиленную дѣятельность: въ настоящее время 60% ходатайствъ получаютъ удовлетвореніе. Пришлось разъяснять крестьянамъ ихъ права; среди нихъ держались самые нелѣпые слухи. Надо было ихъ разсѣять и указать крестьянамъ, чѣмъ надѣляетъ ихъ указъ 9 ноября. Приступая къ оцѣнкѣ результатовъ, полученныхъ примѣненіемъ указа, г. Лыкошинъ дѣлаетъ тотъ справедливый выводъ изъ сообщенныхъ имъ цифръ, что въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ община сохранила силу, и число выдѣловъ изъ нея является наименьшимъ. Такъ, въ Вологодской губерніи выдѣляющіеся домохозяева составляютъ 3,6% всего числа домохозяевъ, во Владимірской — 3,7%, въ Ярославской — 4%, въ Оренбургской — всего 2,5%. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ только-что приведенными цифрами стоятъ тѣ, которыя выражаютъ собою пропорціональное отношеніе домохозяевъ, выдѣляющихся изъ общинъ, ко всему ихъ числу въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Орловской, Самарской, Екатеринославской, Таврической. Здѣсь это процентное отношеніе выражается слѣдующими цифрами: въ Харьковской — 16% всего числа, въ Самарской—23%, въ Курской—27%, въ Орловской—28%, въ Екатеринославской—34%, въ Таврической—45,9%, въ Могилевской—57,9%, въ Кіевской—74%. Въ центральной Россіи, говорилъ товарищъ министра, примѣненіе указа пошло быстро, потому что сельскую общину онъ засталъ въ состояніи разложенія. Если при такихъ условіяхъ указъ способствовалъ переходу земель въ личную собственность, то это можно только привѣтствовать. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ община являлась пережиткомъ, хозяйственнымъ крестьянамъ она создавала всякія препятствія: надо было освободить ихъ отъ кабалы общины. Г. Лыкошинъ старался показать, что община не является препятствіемъ къ развитію пролетаріата: на почвѣ ея появились безлошадники, стала прививаться хищническая аренда, возникать безземелье. Указъ 9 ноября во многомъ содѣйствовалъ переселенческому движенію: онъ далъ возможность всѣмъ желавшимъ сняться съ прежнихъ мѣстъ съ выгодою для себя разстаться со своими участками; они этимъ правомъ воспользовались. То же можно сказать и объ общинникахъ, которые ранѣе сами не вели хозяйства на своихъ надѣлахъ, а уступали ихъ въ пользованіе другимъ: теперь они могли разстаться съ надѣлами, ничего не теряя. Товарищъ министра отрицалъ и справедливость тѣхъ навѣтовъ, которые возводятся на лицъ, занятыхъ землеустройствомъ, будто они насилуютъ

крестьянъ, заставляютъ ихъ перейти отъ общины къ подворному и личному владѣнію: министерство внутреннихъ дѣлъ, по его словамъ, вмѣняло въ обязанность своимъ чинамъ не допускать никакого принужденія. Это заявленіе не помѣшало, однако, графу Д. А. Олсуфьеву въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій указать на то обстоятельство, что въ Саратовской губерніи такіе случаи были нерѣдки. Быстрый темпъ, которымъ пошло земельное дѣло—говорилъ онъ,—представляетъ большую опасность теперь, когда понятія крестьянъ объ ихъ правахъ на землю оказываются спутанными и новый законъ понимается ими какъ средство получить въ свои руки участки, которые, въ противномъ случаѣ, могли бы уйти изъ нихъ, въ виду ходячаго слуха, что правительство можетъ отнять землю. Разумѣется, нѣтъ прямого насилія, но есть давленіе со стороны администраціи въ видахъ увеличенія числа крестьянъ, желающихъ укрѣпленія за ними надѣловъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ, напр., извѣстный земскій начальникъ Полянскій, говорящій, что у невыдѣлившихся земля будетъ отнята.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ отрицаетъ также, чтобы скупка надѣловъ въ однѣ руки происходила въ большихъ размѣрахъ. По имѣющимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, число домохозяевъ-продавцовъ равняется 82.000, а число покупателей—62.000. Эти цифры, сами по себѣ далеко не ничтожныя, производятъ на графа Олсуфьева нѣсколько иное впечатлѣніе. Обсуждаемый коммиссіею законопроектъ создаетъ—полагаетъ онъ—земельный ажіотажъ, земельную панаму; среди крестьянъ господствуетъ настроеніе, совершенно устраняющее заботу о завтрашнемъ днѣ. Ораторъ думаетъ, поэтому, что Государственному Совѣту слѣдовало бы пріостановить на время примѣненіе указа 9-го ноября; землеустроительную дѣятельность правительству надлежало бы обратить исключительно на тотъ значительный запасъ земель, который находится въ распоряженіи Крестьянскаго банка: на нихъ бы можно было насаждать хутора и дѣлать опыты интенсивнаго хозяйства.

Сторонники законопроекта поспѣшили использовать данныя, сообщенныя коммиссіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, видя въ нихъ доказательство тому, что крестьяне сами начали сознавать выгоды перехода къ частной собственности. Останавливаясь по преимуществу на критикѣ мірского землевладѣнія съ хозяйственной точки зрѣнія, они развивали ту мысль, что держащимися у крестьянъ порядками землепользованія объясняется, почему Россія не извлекаетъ серьезныхъ выгодъ изъ того

обстоятельства, что нѣтъ въ мірѣ государства, въ которомъ приходилось бы большее количество земель на душу; не смотря на это, масса населенія находится въ бѣдственномъ положеніи. Во Франціи и Германіи участокъ, въ четыре раза меньшій, обезпечиваетъ земледѣльца и его семью, тогда какъ русскій крестьянинъ на участкѣ въ четыре раза большемъ живетъ впроголодь. При ежегодномъ приростѣ населенія въ 2½ милліона и уходѣ въ Сибирь всего 10% этой цифры на правахъ переселенцевъ, посѣвная площадь Европейской Россіи увеличивается незначительно; тогда какъ населеніе возросло на 50% за послѣднія 40 лѣтъ, площадь посѣва на надѣльныхъ земляхъ расширилась всего на 3%. Неурожаи стали обыкновеннымъ явленіемъ; то, что мы называемъ у насъ хорошимъ урожаемъ, въ Западной Европѣ считалось бы среднимъ; потребленіе хлѣба, которое по даннымъ науки не должно было бы падать ниже 22—23 пудовъ на душу населенія, въ Россіи колеблется между 14 и 15½ пудами на душу. Страна, экспортирующая хлѣбъ, какою является Россія, производитъ его столько же, сколько Германія, ежегодно ввозящая громадное количество зерна. Въ результатѣ получается недоѣданіе, въ свою очередь ведущее къ физическому вырожденію населенія. Ораторъ совершенно произвольно ставитъ всѣ указанныя явленія въ связь съ одной причиной — существованіемъ общиннаго землевладѣнія. Агрономъ Шубертъ назвалъ эту форму землевладѣнія бичомъ земледѣльцевъ; чрезполосность, искусственное разведеніе сорныхъ травъ, развитіе плотоядныхъ насѣкомыхъ — все это послѣдствія общиннаго порядка землепользованія. Ораторъ исключаетъ возможность объясненія недородовъ климатическими условіями, въ какія поставлено сельское хозяйство въ части Россіи; въ опроверженіе этого взгляда онъ ссылается на данныя, приводимыя въ капитальномъ, какъ онъ говоритъ, трудѣ П. Лохтина. Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ сравненіе сельскаго хозяйства въ Россіи и другихъ странахъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. По свидѣтельству Лохтина для полученія пуда хлѣба земля должна воспринять отъ 300 до 600 пудовъ воды; но такое количество осадковъ имѣется на лицо даже въ такъ называемыхъ засушливыхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ то показываютъ метеорологическія таблицы. Цифра въ 300—600 пудовъ на десятину допускаетъ, какъ видно, значительныя колебанія; при правильной обработкѣ и удобреніи земли возможно быстрое раствореніе находящихся въ почвѣ питательныхъ веществъ, а потому требуется и меньшее количество дождевыхъ осадковъ; при плохой же обработкѣ необходимо для этого гро-

мадное количество воды—а такая обработка составляетъ общую черту мірского хозяйства крестьянъ.

Указъ 9-го ноября—заявляетъ ораторъ—считаютъ опаснымъ, указывая на то, что послѣдствіемъ его примѣненія будетъ развитіе сельскаго пролетаріата. Но сельскій пролетаріатъ необходимо связанъ со всякимъ прогрессомъ. Если съ земли уйдутъ лѣнивые, то тѣмъ лучше для нея. Къ экономическимъ соображеніямъ въ пользу разрушенія земельной общины ораторъ прибавляетъ и политическія. Мірское землевладѣніе — говоритъ онъ—обладаетъ признаками соціалистическаго уклада, во главѣ котораго надо поставить мысль о равненіи, подведеніе подъ одну мѣрку различныхъ по качеству физическихъ и умственныхъ силъ. Аграрныя волненія въ Россіи являются для оратора послѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія, не развивающаго въ крестьянинѣ привязанности къ землѣ, присущей частному землевладѣнію. Указъ 9-го ноября имѣетъ и выгодныя политическія послѣдствія. Первое условіе для успѣха представительныхъ учрежденій, это—устойчивость. Нельзя будетъ долго жить подъ охраной закона 3 іюня о выборахъ; придется распахнуть двери законодательныхъ учрежденій, а для этого заранѣе образовать на мѣстахъ прочный консервативный элементъ. Грустный фактъ быстрой ликвидаціи помѣщичьей собственности указываетъ на необходимость создать взамѣнъ ея новую силу: силу мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ.

Политическія соображенія, приводимыя въ пользу отмѣны общиннаго владѣнія землею, находятъ отзвукъ въ сердцахъ многихъ членовъ коммиссіи. Сторонники законопроекта на всѣ лады развиваютъ ту мысль, что существуетъ связь между общиннымъ строемъ и соціалистическими идеалами. Правильно, дескать, то мнѣніе, которое считаетъ земельную общину удобнымъ условіемъ для пропаганды соціализма. Въ какихъ мѣстностяхъ—спрашиваютъ они—замѣтно было бо̀льшее волненіе среди крестьянъ и бо̀льшіе безпорядки? Гдѣ жгли и безжалостно уничтожали все, отвѣчающее понятію о лучшей сельско-хозяйственной культурѣ? Въ Самарской, Воронежской и другихъ губерніяхъ—слѣдуетъ отвѣтъ, т.-е. въ тѣхъ, въ которыхъ развито общинное землевладѣніе. Партіи, отстаивающія необходимость сохранить земельную общину, выдвинули, по мнѣнію ораторовъ, и идею принудительнаго отчужденія земли. Такое совпаденіе далеко не случайное. Вѣдь при общинномъ владѣніи приростъ населенія необходимо долженъ быть обезпеченъ землею, а отсюда одинъ шагъ до признанія, что на правительствѣ лежитъ обязанность надѣленія этого при-

роста землею сперва изъ казенныхъ земель, затѣмъ изъ удѣльныхъ и монастырскихъ, а наконецъ и частновладѣльческихъ. Тотъ же ораторъ въ другой своей рѣчи, читая, какъ онъ самъ выразился, въ мысляхъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія, нашелъ, что они въ сущности не прочь вернуться къ кадетскому гимну въ пользу принудительнаго выкупа. Это заявленіе вызвало заслуженную отповѣдь со стороны одного изъ членовъ группы правыхъ, отмѣтившаго тотъ фактъ, что чтеніе чужихъ мыслей не входило пока въ задачи коммиссій, выбираемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Одинъ изъ тѣхъ членовъ коммиссіи, мысли которыхъ желалъ читать ораторъ, поспѣшилъ навстрѣчу его желанію и въ слѣдующемъ видѣ объяснилъ причины, побуждающія его стоять на охранѣ свободы крестьянъ самимъ рѣшать вопросъ о дальнѣйшемъ сохраненіи или разрушеніи общины. Онъ признавалъ неправильнымъ связывать съ общиннымъ землевладѣніемъ всѣ неурядицы Русской земли. Во времена Николая I, когда Россія была житницей Европы, община существовала; слѣдовательно не въ ней одной надо искать причину, по которой Россія не играетъ прежней роли въ снабженіи Западной Европы своимъ хлѣбомъ. Во вторую половину XIX-го столѣтія сельское хозяйство развилось на дѣвственныхъ дотолѣ земляхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Канады, Лаплаты, Австраліи. Получая его дешевле насъ, эти страны стали наводнять имъ европейскій рынокъ. Причина нашей отсталости отъ указанныхъ странъ лежитъ также въ отсутствіи у насъ хорошихъ путей сообщенія, въ чрезмѣрности налоговъ, падающихъ на крестьянъ-производителей, въ недостаткѣ свободы, которая еще по мнѣнію Монтескьё въ большей степени увеличиваетъ производительность полей, чѣмъ самыя качества почвы. Если на общину кладутъ отвѣтственность за всѣ невыгодныя черты русской дѣйствительности, то прежде всего потому, что не считаются съ взаимодѣйствіемъ общественныхъ явленій и, нарушая всѣ правила научнаго мышленія, возводятъ одно изъ нихъ въ причину всѣхъ другихъ. Представителя академіи и университетовъ побуждаетъ стоять за нейтральное отношеніе законодательства въ вопросѣ о сохраненіи или разрушеніи общины историческій опытъ другихъ народовъ, указывающій на то, что переходъ отъ коллективныхъ формъ къ индивидуальнымъ нигдѣ не происходитъ безболѣзненно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда само правительство поддерживаетъ разрушительную по отношенію къ общинѣ политику. Обезземеленіе массы крестьянства обыкновенно является послѣдствіемъ такой по-

литики. Это можно видѣть на примѣрѣ Англіи; въ XV-мъ в. 4/5 ея населенія было связано съ землею, теперь же болѣе 4/5 его сосредоточено въ городахъ. Такая перемѣна обошлась не безъ сильныхъ потрясеній; возстаніе Кэда въ восточныхъ графствахъ прямо вызвано было поддержкой правительствомъ практики огораживаній, упраздненіемъ системы открытыхъ полей и крестьянскихъ надѣловъ въ мірской землѣ. При оцѣнкѣ возможныхъ послѣдствій искусственнаго разрушенія общинъ въ Россіи надо имѣть въ виду не одну тѣсную зависимость, въ какой обрабатывающая промышленность стоитъ съ земледѣліемъ и наоборотъ, но и ту, какая существуетъ между ростомъ промышленности и ростомъ рынковъ для сбыта ея продуктовъ. Можно ли сказать, что, принужденные уйти изъ селъ послѣ отчужденія своихъ надѣловъ, крестьяне найдутъ въ городскихъ промыслахъ достаточный для себя заработокъ? Чтобы отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ, необходимо допустить, что наша промышленность, созданная и поддерживаемая въ значительной степени искусственно, съ помощью высокаго тарифа на иностранные товары, сразу разовьется вдвое и втрое противъ прежняго; но это возможно только подъ условіемъ появленія новыхъ рынковъ. Весьма правдоподобно, разумѣется, что со временемъ зажиточные крестьяне-собственники сами сдѣлаются покупателями производимыхъ нашей промышленностью товаровъ; но для того, чтобы потребность въ нихъ и способность пріобрѣтенія возрасли соотвѣтственно, необходимо немало времени. Внутренняго рынка пока недостаточно для сбыта всѣхъ производимыхъ промышленностью товаровъ; попытка же обезпечить ей иноземные рынки кончилась для насъ неудачно столкновеніемъ съ японцами въ Манчжуріи. Мы не находимся въ тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ были англичане въ моментъ искусственнаго разрыва народа съ землей, когда ушедшему изъ деревень населенію открывалась возможность не только колонизировать Сѣверную Америку и Остъ-Индію, но и участвовать въ безостановочномъ ростѣ туземной промышленности, снабжавшей своими продуктами рынки всего міра. Несомнѣнно, поэтому, что обезземеленіе части крестьянства, путемъ признанія, что община перестала существовать тамъ, гдѣ двадцать-четыре года не было передѣловъ, и переселеніе его въ города остро поставятъ у насъ вопросъ о безработицѣ. Если въ Англіи и Франціи уже создаются общества для борьбы съ нею, то намъ несомнѣнно въ гораздо большей степени придется считаться съ этимъ бѣдствіемъ. Совершенно правъ, поэтому, былъ проф. Виноградовъ, когда въ статьяхъ, напечатанныхъ

въ прошломъ году въ „Словѣ“, онъ высказывалъ опасеніе, что Россія, при отсутствіи въ ней организованной помощи нищимъ, подобной той, какая существуетъ въ Англіи, не въ состояніи будетъ справиться съ вопросомъ о безработномъ пролетаріатѣ. Попытки насильственнаго упраздненія общиннаго землевладѣнія въ родѣ той, какая имѣется въ 1-ой статьѣ, не обходились безнаказанно для тѣхъ европейскихъ правительствъ, которыя желали навязывать туземному населенію завоеванныхъ странъ чуждые ему порядки земельнаго пользованія. Такъ, въ Индіи англичане должны были отказаться отъ того систематическаго разрушенія общины, котораго они придерживались съ XVIII-го вѣка, и приспособить свое законодательство, свою административную и финансовую практику, къ системамъ общиннаго пользованія, удержавшимся въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи и въ Пенджабѣ. Все необходимое въ этомъ смыслѣ сдѣлано было извѣстнымъ англійскимъ юристомъ Генри Семнеромъ Мэномъ, долгое время состоявшимъ вице-президентомъ верховнаго управленія Индіи. Не мѣшало бы и русскимъ государственнымъ людямъ обнаруживать меньше смѣлости, когда дѣло идетъ о сохраненіи или упраздненіи вѣковыхъ устоевъ крестьянскаго быта.

Нечего и говорить, что эти соображенія не встрѣтили сочувствія большинства коммиссіи. Ссылки на иноземные порядки и рѣшенія показались большинству излишними, не заключающими въ себѣ никакихъ руководящихъ началъ для членовъ коммиссіи. Эта точка зрѣнія выражена была отдѣльными ораторами въ слѣдующемъ видѣ. Одинъ изъ нихъ, съ административнымъ прошлымъ, полагалъ, что нельзя согласиться съ тѣми, кто ожидаетъ недовольства народа указомъ 9-го ноября и противодѣйствія этому указу; на всякое противодѣйствіе — сказалъ онъ — властью будетъ оказано соотвѣтствующее воздѣйствіе. Нѣтъ основанія думать также, что излишекъ населенія при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ частному не найдетъ примѣненія своему труду: вѣдь не будетъ же на хуторахъ меньше работы; наоборотъ, частные владѣльцы больше трудятся на своихъ земляхъ, благодаря чему и получаютъ излишекъ урожая. Ораторъ, повидимому, совершенно не принимаетъ во вниманіе, что мелкая крестьянская собственность тѣмъ и отличается отъ крупной, что при ней хозяйство ведется самой крестьянской семьей, а не батраками. Это позволяетъ ему сказать, что искусственное упраздненіе общиннаго владѣнія и свобода отчужденія надѣловъ вовсе не грозятъ развитіемъ пролетаріата. Наоборотъ, связь общины

съ соціализмомъ кажется ему несомнѣнной: объ этомъ можно судить по большей воспріимчивости къ идеямъ соціализма, проявленной общинниками; успѣхъ соціалистической пропаганды въ 1905—1906 гг. объясняется тѣмъ, что принципъ, положенный въ ея основаніе,—вся земля трудовому народу,—понятіе, близкое земельной общинѣ. На возраженіе тѣхъ, которые указывали, что соціалъ-демократія въ Германіи никогда не высказывала симпатіи къ общинному землевладѣнію, ораторъ отвѣчаетъ замѣчаніемъ: въ германской общинѣ нѣтъ злѣйшаго зла русской—нѣтъ равненія, нѣтъ скидокъ и накидокъ. Къ отрицательнымъ сторонамъ общины ораторъ готовъ отнести вѣчную праздность, пьянство, пожары, заказные дни, въ которые старики сидятъ на завалинкахъ и смотрятъ, не прокрадется ли кто на свою полосу. „Русскій крестьянинъ—утверждаетъ ораторъ—рѣдко пьянствуетъ на собственный счетъ; большинство пьетъ на мірскія деньги".

Другой ораторъ ставитъ въ непосредственную связь съ существованіемъ общиннаго владѣнія недороды, заставляющіе правительство оказывать продовольственную помощь. Онъ утверждаетъ, что изъ 553 милліоновъ рублей, затраченныхъ въ 1891-мъ году на помощь 12 милліонамъ домохозяевъ, 549 милліоновъ выдано было общинникамъ въ числѣ 9 милліоновъ домохозяевъ, тогда какъ подворники, въ числѣ 3 милліоновъ, удовольствовались всего 4 милліонами рублей. И недоимки по возвращенію этихъ суммъ казнѣ оказались несравненно бо́льшими со стороны общинниковъ; за ними остались неуплаченными 207 милліоновъ, а за подворниками—всего три милліона. Замѣтимъ отъ себя, что послѣдній фактъ говоритъ, наоборотъ, о менѣе охотномъ возвращеніи подворниками выданныхъ имъ ссудъ: вѣдь изъ 4 милліоновъ они вернули 1, т.-е. ¼ часть, тогда какъ общинники—болѣе половины.—Что же касается до отношенія казенныхъ ссудъ къ средствамъ самихъ крестьянъ,—прибавляетъ ораторъ,—то и здѣсь существуетъ невыгодный контрастъ между общинниками и подворниками. Въ то время, какъ изъ всѣхъ средствъ, использованныхъ общинниками во время неурожаевъ въ теченіе 18-ти лѣтъ, 31% приходится на долю мѣстныхъ запасовъ изъ продовольственныхъ магазиновъ и общинныхъ капиталовъ, подворники почерпнули изъ накопленныхъ сбереженій 83% использованныхъ ими средствъ.

На эти нападки на господствующіе въ средѣ крестьянства земельные порядки однимъ изъ членовъ правой группы Совѣта представленъ былъ слѣдующій отвѣтъ. Ссылки на аграрныя волненія, съ цѣлью показать связь общиннаго владѣнія съ соціализмомъ,

потому уже неубѣдительны, что первыя волненія, послѣдовавшія въ 1903 г., начались на границѣ Полтавской и Харьковской губерній, а не въ Великороссіи—странѣ сельскихъ общинъ. И при дальнѣйшемъ своемъ развитіи волненія коснулись одинаково губерній и съ мірскимъ, и съ частнымъ владѣніемъ. Въ 1905—1906 гг. Государственный Совѣтъ обсуждалъ способы вознагражденія помѣщиковъ, пострадавшихъ отъ погромовъ; въ представленіи по этому дѣлу указано 20 губерній, и въ томъ числѣ 6 съ участковымъ пользованіемъ; на 5-мъ мѣстѣ стоитъ Черниговская губернія, гдѣ, какъ извѣстно, развито участковое пользованіе. Въ самой жестокой формѣ волненія проявились въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ нѣтъ общины; отъ нихъ не былъ свободенъ и Привислинскій край. Невѣрно также то мнѣніе, что недороды 1891-го года стоятъ въ тѣсной связи съ общиннымъ владѣніемъ; они вызваны были главнымъ образомъ засухой.

Соображенія насчетъ того, что при общинномъ землевладѣніи невозможны никакія сельско-хозяйственныя улучшенія, встрѣчаютъ отпоръ въ одномъ изъ представителей академіи и университетовъ. Онъ доказываетъ фактическими ссылками невозможность утверждать, что гдѣ существуетъ община, тамъ нѣтъ ни удобренія, ни плуговъ, а одни лишь сохи; такъ напр., въ Московской губерніи крестьяне унаваживаютъ мірскія земли и пашутъ ихъ плугами, а искусственное травосѣяніе встрѣчается во многихъ общинахъ Великороссіи. Въ отвѣтъ на заявленіе, что выдѣлы производятся крестьянами благодаря пониманію ими всѣхъ неудобствъ общиннаго владѣнія, тотъ же ораторъ указываетъ, что они вызываются иными соображеніями, какъ-то желаніемъ отойти отъ земледѣлія, заняться промышленностью, а отчасти также весьма распространенными въ деревнѣ слухами, что кто не выдѣлится, у того отнимутъ землю. Разсужденія о связи общиннаго землевладѣнія и соціализма кажутся оратору болѣе чѣмъ спорными. Соціалъ-демократія въ Германіи не имѣла успѣха въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока она не измѣнила своей тактики, начало чему, какъ извѣстно, положено было въ Баваріи Вольмаромъ. Допущеніе выдѣловъ изъ общины имѣетъ ту невыгодную сторону—говоритъ представитель университетовъ,—что бросаетъ слабыхъ на произволъ судьбы: по продажѣ своихъ участковъ имъ остается только идти въ городъ; но что же будутъ дѣлать съ ними города, за невозможностью доставить всѣмъ работу въ промышленной дѣятельности, которую нельзя увеличивать произвольно? Придется снова принимать мѣры къ тому, чтобы устроить ихъ въ деревняхъ. Почему не предоставить иниціативу

рѣшенія вопроса о переходѣ отъ нераздѣльности къ частной собственности самимъ заинтересованнымъ лицамъ? Земельныя реформы слѣдовало бы производить осторожно, не отрывая народа отъ исторически сложившихся формъ жизни. Если правительство считаетъ нужнымъ сдѣлать опытъ перевода крестьянъ къ частной собственности, то почему не использовать ему для этого своего земельнаго фонда и не устроить на немъ внутреннюю колонизацію?

Всѣ эти доводы не измѣняютъ, однако, разъ установившихся предубѣжденій противъ сельской общины по преимуществу въ средѣ поляковъ и малороссовъ, которымъ аграрный коммунизмъ остался неизвѣстенъ. Одинъ изъ послѣднихъ рѣшается даже утверждать, что при пожарахъ въ Черниговской губерніи горятъ исключительно общинники; община, говоритъ онъ, это адъ для того, кто ищетъ лучшей доли. Пусть эта лампада догораетъ, но надо облегчить возможность выйти изъ того чада, который ею создается. При общинѣ народъ хотя и владѣетъ большимъ количествомъ земли, тѣмъ не менѣе голодаетъ; община убиваетъ надежду на лучшее будущее, на возможность выйти на широкую дорогу самостоятельной дѣятельности. Въ созданной ею обстановкѣ недовольство существующимъ распространяется быстро; поэтому, когда въ селахъ появилась пропаганда соціализма, она свила себѣ гнѣздо среди общинниковъ, но отнюдь не въ казацкихъ селеніяхъ, не знающихъ общиннаго владѣнія. Въ сельскомъ мірѣ всегда имѣются недовольные; они-то и ютили у себя носителей пропаганды. Въ подтвержденіе своей мысли ораторъ ссылается на печатное заявленіе извѣстнаго революціонера Дейча, указавшаго на то, что его пропаганда находила особый откликъ у мірскихъ, а не у подворныхъ владѣльцевъ.

Другой сторонникъ закона 9-го ноября старается отрицать опасность развитія пролетаріата вслѣдъ за разложеніемъ общины тѣмъ соображеніемъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ она существуетъ, пролетаріатъ фактически уже имѣется на лицо; въ средѣ пролетаріевъ немало лицъ, которые, порвавъ связь съ землей, нашли бы лучшіе источники для жизни. Нельзя не отнестись скептически, думаетъ онъ, ко всякой мысли объ упорядоченіи общины. Если 43-лѣтній періодъ, прошедшій со времени введенія земскихъ учрежденій и передачи въ ихъ руки продовольственнаго дѣла, раздѣлить на два періода: до 1891-го года и послѣ, то окажется, что въ началѣ перваго періода отъ недородовъ страдали западныя губерніи, въ томъ числѣ даже прибалтійскія, какъ напр. Эстляндская. Къ концу же этого періода въ продовольственной помощи нуждались преимущественно восточныя губерніи;

послѣ же 1891-го года западнымъ губерніямъ не пришлось прибѣгать къ правительственной помощи, за исключеніемъ одной Витебской. Изъ губерній съ общиннымъ землевладѣніемъ не нуждались въ ней Ярославская, Тверская, Московская и Владимірская, т.-е. такія, гдѣ развиты промышленность и отхожіе промыслы. Можно указать на губерніи, гдѣ не бываетъ засухъ и которыя тѣмъ не менѣе при общинномъ владѣніи обращаются къ правительственной помощи: такова, напр., Смоленская.

Ораторы постепенно исчерпываютъ свои аргументы; споръ о преимуществахъ общинной или, наоборотъ, подворной формы землевладѣнія признается слишкомъ сложнымъ и далеко еще не рѣшеннымъ въ литературѣ; предложеніе не возбуждать его долѣе въ дебатахъ коммиссіи постепенно встрѣчаетъ себѣ откликъ. Одинъ изъ ораторовъ напоминаетъ, что еще недавно считали невозможнымъ трогать земельную общину. Губернскія совѣщанія, къ которымъ правительство обратилось съ вопросомъ, не замѣчается ли стремленія къ выходу изъ нея, дали отрицательный отвѣтъ. Законы писались въ томъ смыслѣ, что община должна признаваться неприкосновенной, а попытки правительства ввести отрубные участки въ покупаемыхъ крестьянскимъ банкомъ имѣніяхъ терпѣли полную неудачу. Въ 1895 или 1896 г. была сдѣлана, говоритъ ораторъ, первая попытка пріобрѣсть имѣніе въ собственность крестьянскаго банка: было куплено отъ Кошелевыхъ помѣстье „Песочное“, разбито было на хутора и роздано крестьянамъ. При осмотрѣ этого имѣнія нѣсколько лѣтъ спустя ни на одномъ хуторѣ нельзя было отыскать хозяина: они сбѣжали. Теперь мы встрѣчаемся съ обратнымъ теченіемъ. Насколько оно является увлеченіемъ, покажетъ будущее.

Доводы въ пользу и противъ общины, повидимому, приведены сполна. Единогласно постановлено перейти къ обсужденію вызываемыхъ законопроектомъ основныхъ вопросовъ.

II.

Съ седьмого засѣданія коммиссія приступаетъ къ разбору 1-ой статьи. Она гласитъ: общества и селенія, въ коихъ не было передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею или же въ теченіе 24-хъ лѣтъ, предшествовавшихъ изданію настоящаго закона, признаются перешедшими къ наслѣдственно-участковому владѣнію.

Такъ какъ мнѣнія по этому вопросу рѣзко расходятся, то

предсѣдатель, идя на встрѣчу желаніямъ коммиссіи, устраиваетъ у себя на дому три частныхъ совѣщанія, на которыхъ спеціалисты призваны были высказаться насчетъ всего характера законопроекта вообще и 1-ой статьи въ частности. Недавнее рѣшеніе Сената, отказавшаго въ утвержденіи наказа Думы между прочимъ потому, что въ немъ предусматривалась возможность приглашенія въ ея коммиссіи свѣдущихъ людей, не принадлежащихъ къ составу народнаго представительства—причина тому, что обмѣняться съ ними мыслями возможно только въ частныхъ собраніяхъ. Спеціалисты, приглашенные на этотъ разъ, точно сговорившись высказываются единогласно противъ пріема 1-ой статьи. Докладчикъ законопроекта въ Государственной Думѣ, также присутствующій на этихъ собраніяхъ, своимъ объясненіемъ порядка происхожденія самой статьи порождаетъ въ сошедшихся членахъ Совѣта представленіе о ея случайности и несогласованности съ министерскимъ предложеніемъ. По словамъ докладчика, 1-ая статья введена съ цѣлью воспрепятствовать общинамъ, ранѣе не передѣлявшимся, произвести новую разверстку подъ вліяніемъ броженія, вызваннаго въ ихъ средѣ желаніемъ отдѣльныхъ членовъ выдѣлиться вопреки намѣренію прочихъ. Проф. Посниковъ, выступившій въ числѣ ораторовъ, далъ собранію историческую справку насчетъ первоисточника первой статьи. Въ 1905-мъ году, въ одной изъ тѣхъ смѣшанныхъ коммиссій, которыя такъ часто собирались въ то время правительствомъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, В. I. Гурко, высказалъ мысль, что 25% сельскихъ обществъ не передѣляли своихъ надѣловъ около 25 лѣтъ, а 20% вовсе ихъ не передѣляли; и тѣ и другія, слѣдовательно, должны быть признаны перешедшими отъ общиннаго къ подворному владѣнію. Это мнѣніе цѣликомъ было принято составителями думскаго законопроекта; въ мотивахъ къ нему говорится, между прочимъ, о томъ, что 45% всѣхъ общинъ находятся въ положеніи непередѣлявшихся. Заявленіе это не сопровождается никакими доказательствами и, очевидно, принято на вѣру. Проф. Посниковъ доказываетъ, что общіе передѣлы не составляютъ непремѣннаго условія существованія общины; она мыслима и при однихъ частныхъ передѣлахъ. Законъ, установившій 12-лѣтній срокъ для коренныхъ или общихъ передѣловъ, сдѣлалъ ошибку, не упомянувъ о частныхъ. Другой изъ приглашенныхъ спеціалистовъ, подобно проф. Посникову не разъ выступавшій въ печати по вопросу объ общинномъ владѣніи, критикуя 1-ую статью, какъ на частномъ собраніи, такъ и въ присланныхъ имъ письменныхъ замѣчаніяхъ, останавли-

вается, между прочимъ, на мысли, что во многихъ случаяхъ будетъ трудно дознаться, сколько времени прошло съ послѣдняго общаго передѣла. До изданія закона 8 іюня 1893 г., введшаго 12-лѣтній срокъ для передѣловъ, а кое-гдѣ и послѣ, приговоры о передѣлѣ бывали часто словесными; тѣ, которые изложены были въ письменной формѣ, могли не сохраниться, такъ какъ ихъ не всегда записывали въ книгу приговоровъ волости; основываться же при разрѣшеніи этого вопроса на показаніяхъ самихъ крестьянъ было бы нежелательно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они или затруднятся сказать точно, когда были послѣдніе передѣлы, или будутъ лично заинтересованы въ томъ или иномъ рѣшеніи вопроса; разобраться въ этомъ будетъ тѣмъ труднѣе, что на практикѣ не всегда возможно провести разницу между общими и частными передѣлами или такъ называемой скидкой и накидкой тяглъ.

Живой представитель эпохи великихъ реформъ императора Александра II, членъ Государственнаго Совѣта П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, принимавшій непосредственное участіе въ коммиссіи, изъ которой вышелъ текстъ закона 19 февраля, также сдѣлалъ попытку доказать, что 1-ая статья законопроекта, какъ заключающая въ себѣ насиліе, рѣшеніе за крестьянъ вопроса о томъ, желаютъ ли они вновь дѣлиться или нѣтъ, не должна быть принята; она стоитъ, къ тому же, въ полномъ противорѣчіи съ цѣлями, къ которымъ стремились дѣятели крестьянской реформы: послѣдніе допускали возможность перехода къ частной собственности, но не иначе, какъ по инициативѣ самихъ заинтересованныхъ.

Тѣ два современныхъ цивилиста, которые за послѣдніе годы спеціализировались на изученіи юридической природы общиннаго владѣнія—оберъ-прокуроръ одного изъ департаментовъ Сената и московскій профессоръ Вормсъ—также высказываются отрицательно по отношенію къ 1-ой статьѣ законопроекта. Первый говоритъ, что статья эта носитъ насильственный характеръ. Упоминаемые въ ней общіе передѣлы не являются единственнымъ средствомъ уравнительнаго распредѣленія земли. Изъ практики Сената явствуетъ, что гораздо чаще (73% изъ всѣхъ дѣлъ за послѣднія десять лѣтъ) происходятъ передѣлы частные; устанавливаемый 1-ою статьею 24-хъ-лѣтній срокъ болѣе или менѣе произволенъ, такъ какъ на практикѣ крестьяне передѣлялись и на большее число лѣтъ. Проф. Вормсъ указалъ, въ свою очередь, на тѣ затрудненія, какія принятіемъ 1-ой статьи созданы будутъ для рѣшенія вопроса о томъ, кому принадлежитъ право

собственности на нѣдра земли. При общинномъ владѣніи они составляютъ собственность всего общества; законопроектъ не предусматриваетъ вопроса о томъ, кому будетъ принадлежать право собственности на нѣдра въ тѣхъ случаяхъ, когда общины, не производившія передѣла въ теченіе 24-хъ лѣтъ, потому самому объявлены будутъ перешедшими къ наслѣдственно-участковому владѣнію. Нерѣшеннымъ въ законопроектѣ является также вопросъ о томъ, кому будутъ принадлежать капиталы, которые получитъ община въ случаѣ отчужденія ею земель, скажемъ, подъ промышленныя предпріятія. Законопроектъ въ своей 1-ой статьѣ заключаетъ еще ту ошибку, что не принимаетъ во вниманіе переходныхъ ступеней между общиной и подворной собственностью; Достаточно указать, въ видѣ примѣра, на однодворцевъ въ Орловской губ., распоряженіемъ административной власти обращенныхъ въ общинниковъ; куда отнести такія общества — остается неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ на частныхъ совѣщаніяхъ лица, признанныя экспертами, не только не привели ни одного довода въ пользу 1-ой статьи, но весьма убѣдительно доказали ея несостоятельность. Еще ранѣе, въ средѣ самой коммиссіи, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего общиннаго владѣнія и извѣстнымъ писателемъ по сельскому хозяйству, С. С. Бехтѣевымъ, высказаны были весьма серьезныя соображенія противъ 1-ой статьи. Онъ находилъ, что различіе между указомъ 9-го ноября и проектомъ Думы заключается въ томъ, что правительство хотѣло дѣйствовать показомъ, а Дума — приказомъ. Смыслъ 1-ой статьи думскаго законопроекта лежитъ въ томъ, чтобы ускорить принудительнымъ путемъ процессъ разложенія общины, а между тѣмъ къ народу надо подходить бережно, въ виду его крайней недовѣрчивости; принудительныя или запретительныя мѣры могутъ искусственно вызвать противодѣйствіе; онѣ могутъ побудить крестьянъ, которые и не собирались дѣлиться, приступить къ передѣлу. При сельской общинѣ, служившей, вопреки тому, что было высказано нѣкоторыми членами коммиссіи, препоной къ возникновенію пролетаріата, послѣдній все же зародился и по оффиціальнымъ даннымъ дошелъ до 23%. Въ губерніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ онъ значительно больше, такъ напр. въ Полтавской — 33½%. Въ Западной Европѣ, при частной собственности, онъ доходитъ до 50%; но здѣсь онъ не страшенъ, благодаря развитію фабричной промышленности, работающей на всемірный рынокъ. Далеко не то же можетъ быть сказано по отношенію къ Россіи. Есть основаніе задуматься, гдѣ найдетъ себѣ приложеніе

трудъ пролетаріата, быстрый ростъ котораго обезпеченъ принятіемъ 1-ой статьи законопроекта. Прежде чѣмъ насильственно упразднять общину, нужно подготовить спросъ рабочихъ рукъ въ нашей обрабатывающей промышленности. Этого можно достигнуть подъемомъ культуры частновладѣльческаго хозяйства; но пока нѣтъ такого подъема, мы еще не готовы къ уничтоженію общины законодательнымъ порядкомъ. Нельзя сдѣлать этого приказомъ, какъ нельзя предписать крупнымъ землевладѣльцамъ перейти къ культурнымъ формамъ хозяйства, какъ бы сильно ни нуждалась въ томъ Россія.

Другой знатокъ крестьянской жизни, также принадлежащій къ правой группѣ Государственнаго Совѣта, указывалъ на то, что, тогда какъ указъ 9-го ноября открываетъ походъ на общину снизу, статья 1-ая думскаго законопроекта открываетъ тотъ же походъ сверху. Въ сельскихъ обществахъ собственность на землю принадлежитъ юридическому лицу, одно пользованіе — лицамъ физическимъ, составляющимъ общину. Юридическое лицо прекращаетъ, согласно закону, свое существованіе въ двухъ случаяхъ: въ случаѣ общаго согласія на то составляющихъ его членовъ или въ случаѣ совершенія поступковъ, несовмѣстимыхъ съ дальнѣйшимъ его существованіемъ. Ни тотъ, ни другой случай не имѣются на лицо въ отношеніи къ общинѣ; какое же основаніе признавать перешедшими къ частной собственности сельскія общества, не производившія передѣла двадцать четыре года? Срокъ этотъ—условный и случайный; неоднократны случаи, когда приговоры о передѣлѣ не состоялись только потому, что не хватило нѣсколькихъ голосовъ; поэтому изъ одного факта, что приговоры о передѣлѣ не состоялись, нельзя заключать о желаніи общества перейти къ подворному или частному владѣнію. Самое установленіе того факта, что передѣловъ не было двадцать четыре года, представляется не всегда возможнымъ, въ виду отсутствія достовѣрныхъ данныхъ; замѣнить же письменные акты свидѣтельскими показаніями было бы крайне неудобно. Ораторъ полагаетъ, что вопреки запрету 1-ой статьи передѣлы все же могутъ воспослѣдовать: закономъ бороться съ настоятельнымъ желаніемъ крестьянства не представляется возможнымъ. Сенатъ въ своей практикѣ держался такого взгляда, и когда къ нему поступали жалобы на приговоръ той или иной общины о передѣлѣ—приговоръ незаконный съ точки зрѣнія буквальнаго смысла текста, но законный съ точки зрѣнія его соотвѣтствія пониманію крестьянскаго населенія,—Сенатъ не считалъ возможнымъ отмѣнить приговоръ.

Одинъ изъ представителей университетовъ указалъ на то, что изъ всѣхъ общинъ тѣ, въ которыхъ двадцать четыре года не производилось передѣла, всего менѣе могутъ считаться препятствіемъ къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ; вѣдь и фермерское хозяйство, столь хвалимое агрономами, рѣдко представляетъ большую продолжительность, какъ слѣдуетъ между прочимъ изъ данныхъ, сообщенныхъ Макдонелемъ о фермерскомъ хозяйствѣ въ Шотландіи.

Другой представитель университетовъ доказывалъ, что въ наличности или отсутствіи общихъ передѣловъ нельзя видѣть доказательствъ существованія или несуществованія общины. Въ понятіе передѣловъ входятъ два признака: количественный и качественный. Они имѣютъ своею цѣлью или разверстку для измѣненія доли, или разверстку неизмѣнныхъ долей, но съ перемѣной въ качествѣ владѣемаго въ натурѣ. Если принять 24-хъ-лѣтній срокъ, то подъ статью 1-ую не подойдутъ общества, производившія качественный передѣлъ. Извѣстно, далѣе, что есть общества, гдѣ передѣлы происходили каждыя 30 лѣтъ; разъ община постановила рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, она не можетъ считаться вымершей; если община установила такой срокъ для передѣла, то нельзя отнять у нея права осуществить свое рѣшеніе. Различіе между частными и общими передѣлами установить нелегко: считать ли, напр., общимъ передѣломъ участіе всѣхъ домохозяевъ въ передѣлѣ части земель общины?

На замѣчаніе одного изъ противниковъ 1-ой статьи законопроекта, что слабую сторону ея составляетъ отсутствіе всякой ея мотивировки (ея нѣтъ ни въ стенографическихъ отчетахъ Государственной Думы и ея коммиссіи, ни въ рѣчахъ ея защитниковъ въ Государственномъ Совѣтѣ)—однимъ изъ лидеровъ большинства коммиссіи данъ былъ тотъ отвѣтъ, что „приводить доводы въ защиту ст. 1-ой не представляется нужнымъ, такъ какъ статья эта уже содержится въ поступившемъ изъ Государственной Думы законопроектѣ; такимъ образомъ однимъ противникамъ ея надлежитъ доказывать свою точку зрѣнія“. Тѣмъ не менѣе, въ 9-мъ засѣданіи коммиссіи сторонники законопроекта рѣшились выступить съ тѣмъ, что̀ въ ихъ глазахъ является обоснованіемъ ст. 1-й. По мнѣнію одного изъ ораторовъ большинства, эта статья представляетъ собою логическое развитіе того взгляда, на которомъ стояла Государственная Дума; она нашла нужнымъ ускорить ходъ реформы, затѣянной правительствомъ въ порядкѣ 87-ой статьи. Никакого насилія въ 1-ой ст. не заключается; правительство обязано положить предѣлъ неразумному пользованію

землей. Общіе передѣлы всегда являются болѣзненнымъ процессомъ и совершаются подъ давленіемъ демократическаго элемента, стремящагося поживиться на счетъ аристократическаго, болѣе зажиточнаго благодаря тому, что имъ приложено больше труда. Статья 1-ая, закрѣпляя за нимъ ту землю, къ которой онъ приложилъ всѣ свои силы, безусловно является для него страховкой. Срокъ въ 24 года—далеко не произвольный: передѣлы на болѣе продолжительное время противорѣчатъ основной мысли разверстанія земельныхъ угодій, такъ какъ превышаютъ среднюю нормальную продолжительность жизни отдѣльныхъ домохозяевъ. Нельзя считать доводомъ утвержденіе, что ст. 1-ою будетъ прекращена возможность частныхъ передѣловъ, будто бы столь необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. Въ дѣйствительности частные передѣлы допускаются лишь въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ; вѣдь ст. 34-ая общаго положенія разрѣшаетъ только передавать освобождающіеся участки полностью или по частямъ въ пользованіе другихъ домохозяевъ. Непріемлемо соображеніе о томъ, что община можетъ существовать и безъ коренныхъ передѣловъ; надо стоять на твердой почвѣ дѣйствующаго закона; послѣдній же указываетъ два существенныхъ признака общины: распредѣленіе земли между членами ея по извѣстнымъ основаніямъ и круговую поруку. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ возможности передѣловъ община перестаетъ существовать. Ораторъ не желаетъ также считаться съ соображеніемъ о невозможности доказать 24-хъ-лѣтнее отсутствіе передѣловъ. Если они отвѣчаютъ народному самосознанію, то нельзя допустить, чтобы о нихъ не сохранилось памяти у крестьянъ, и чтобы фактъ передѣловъ не могъ быть установленъ свидѣтельскими показаніями. Самые существенные вопросы разрѣшаются на основаніи такихъ показаній; ими, напримѣръ, доказывается давностное владѣніе участками; нѣтъ, поэтому, основанія не руководствоваться ими и при опредѣленіи времени, когда произведены были послѣдніе передѣлы.

Сторонники законопроекта не считали нужнымъ останавливаться на критикѣ того довода противниковъ, который исходилъ изъ признанія, что община, какъ юридическое лицо, одна является собственникомъ своихъ земель, и что распоряженіе ими не можетъ принадлежать никому, кромѣ ея самой. Разъ признается неприкосновенность собственности, принадлежащей частнымъ лицамъ—говорилъ одинъ изъ представителей университетовъ,—то не можетъ быть иного отношенія и къ собственности лицъ юридическихъ. Нельзя продолжать по отношенію къ крестьянамъ политики опеки, какъ надъ несовершеннолѣтними; необ-

ходимо, какъ выражался К. П. Побѣдоносцевъ, возвести крестьянина въ положеніе персоны, предоставить ему самому распоряжаться собою и своею собственностью.

Сторонники 1-ой статьи, не разбирая этого довода, указывали на то, что всякій законъ необходимо содержитъ въ себѣ элементъ принужденія; даже самыя благотворныя мѣры сопровождались въ началѣ насиліемъ.

Дебаты все болѣе и болѣе сводились къ повторенію уже высказанныхъ мыслей. Не разсчитывая ни доказать пользу первой статьи законопроекта, ни найти въ доводахъ ея противниковъ основаніе отказаться отъ предвзятости, большинство рѣшилось положить конецъ дальнѣйшимъ преніямъ. Шестнадцатью голосами противъ тринадцати первая статья была принята. Крестьяне, повинные въ желаніи освободить земельную общину отъ ея главнаго недостатка—коренныхъ передѣловъ, признаны были по тому самому отказавшимися отъ нея.

Максимъ Ковалевскій.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

ТРЕТЬЕЙ ДУМѢ

(„Положеніе о землеустройствѣ".)

Третья Государственная Дума продолжаетъ выполнять свое назначеніе: она только что одобрила „Положеніе о землеустройствѣ", — мѣропріятіе, по духу родственное закону 9-го ноября и находящееся съ нимъ въ довольно тѣсной связи. Переданный въ земельную коммиссію еще въ 1907-мъ году и разсмотрѣнный ею при участіи представителей вѣдомствъ, законопроектъ этотъ поступилъ въ текущую сессію на разсмотрѣніе Думы въ сопровожденіи весьма поучительнаго доклада коммиссіи. Къ сожалѣнію, документъ этотъ не проникъ въ печать и остался неизвѣстнымъ широкимъ кругамъ читающей публики — а между тѣмъ онъ заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія.

„Въ каждомъ государствѣ наступаетъ моментъ, когда прежнія вѣковыя условія хозяйственной жизни оказываются недостаточными, отсталыми отъ ушедшей впередъ дѣйствительности" — такъ начинается докладъ коммиссіи, и это, лишенное всякаго серьезнаго содержанія, начало должно сразу остановить на себѣ каждаго внимательнаго читателя. Что означаютъ эти „недостаточныя условія", въ чемъ и по отношенію къ чему проявляется ихъ недостаточность; какъ могутъ они на самомъ дѣлѣ

отстать отъ уходящей куда-то и зачѣмъ-то дѣйствительности? Наборъ словъ этой начальной фразы не служитъ добрымъ предзнаменованіемъ для работы парламентской коммиссіи и отнюдь не становится яснѣе изъ дальнѣйшаго содержанія докладной записки. Авторы ея, обнаруживая малое знакомство свое съ исторіей земельной культуры и смѣной хозяйственныхъ системъ, устанавливаютъ фантастическіе періоды сельско-хозяйственнаго развитія и обвиняютъ всѣ „народы" вообще за то, что они, „задыхаясь въ прежней тѣсной атмосферѣ", бросаются „часто не въ ту сторону, куда слѣдуетъ". Нашъ русскій народъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи; онъ повиненъ тоже въ томъ, что „думаетъ", будто „одно лишь дальнѣйшее расширеніе его землевладѣнія можетъ возстановить его благосостояніе". А между тѣмъ въ Россіи, на всемъ обширномъ ея пространствѣ, „наступилъ этотъ моментъ, когда старыя формы землепользованія должны исчезнуть и уступить мѣсто болѣе совершеннымъ". Но развѣ возможно что-либо подобное для нашего крестьянскаго хозяйства, которое „застыло не только по своей инертности (?), но и втиснуто хозяйственной опекой земельной политики государства въ тѣсныя рамки"?

И вотъ, авторы объяснительной записки переходятъ къ новой темѣ; они направляютъ свои обвиненія противъ принципа государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, совершенно забывая и характеръ рекомендуемаго ими самими мѣропріятія, и направленіе всей современной нашей аграрной политики. Облекаясь въ поношенные костюмы забытаго манчестерства, они изрекаютъ нѣчто къ ихъ роли вовсе неподходящее: „всякая опека хозяйственной жизни взрослаго и разумнаго существа, исходитъ ли она отъ государства, или же отъ общества, убиваетъ энергію, любовь къ труду, дѣлаетъ трудъ непроизводительнымъ, пріучаетъ человѣка надѣяться на другихъ, жить завтрашнимъ днемъ, не имѣя надеждъ на лучшее будущее, заставляетъ забывать объ этомъ будущемъ". Трудно повѣрить, чтобы подобныя фразы могли быть вытащены изъ склада бутафорскихъ принадлежностей представителями той именно господствующей партіи, которая поддерживаетъ и санкціонируетъ мѣропріятія, калѣчащія жизнь, совершенно не считающіяся съ желаніями населенія, съ установившимися обычаями страны. Можно ли повѣрить, чтобы защитники самаго безцеремоннаго вмѣшательства власти въ хозяйственную жизнь имѣли смѣлость утверждать, будто „никогда такъ ярко не выяснялся вредъ вторженія политики въ хозяйственные экономическіе интересы населенія", какъ за пе-

ріодъ, протекшій со времени освобожденія крестьянъ? „И это даромъ не прошло для Россіи"—эффектно заключаютъ они свои обвиненія. Но эти „сорокъ восемь лѣтъ вынужденнаго застоя производительности силъ народа закончились свѣтлыми страницами указа 9-го ноября и Положенія о землеустройствѣ". Авторы доклада стараются убѣдить насъ, что „связь этихъ законовъ съ реформами 61-го года несомнѣнна и неразрывна"; они повторяютъ здѣсь то, что утверждали иниціаторы закона 9-го ноября, не имѣвшіе мужества признать, что онъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ великимъ актомъ 19-го февраля.

„Положеніе о землеустройствѣ" является—говорятъ намъ—„первымъ и наиважнѣйшимъ шагомъ на пути упорядоченія землепользованія и поднятія культуры земли". Въ чемъ же цѣль этого благодѣтельнаго акта, на какія стороны сельскохозяйственной жизни разсчитано его вліяніе? Онъ, по объясненію доклада коммиссіи, не затрагиваетъ вопроса о формѣ землевладѣнія и—справедливо—признаетъ, что какъ при общинномъ, такъ и при личномъ землевладѣніи могутъ встрѣчаться тѣ же вредныя для успѣшнаго развитія хозяйства условія. Совершенно правильно не касаясь формъ землевладѣнія, проектъ закона о землеустройствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не затрагиваетъ и чрезвычайно важнаго вопроса о размѣрахъ того землевладѣнія, которое онъ намѣревается устраивать. Что такое умолчаніе недопустимо—это ясно самимъ авторамъ объяснительной записки. Въ ихъ докладѣ высказывается вполнѣ вѣрная мысль, что „могутъ быть въ жизни случаи, когда никакое землеустройство невозможно безъ увеличенія земли у устраиваемыхъ владѣльцевъ, какъ напримѣръ невозможно разверстаніе на отруба селенія, въ которомъ на семью приходится настолько малый участокъ земли, что отдѣльнаго хозяйства вести на немъ невозможно". Но въ такомъ положеніи находится, несомнѣнно, не только огромное число поселянъ, получившихъ нѣкогда нищенскій надѣлъ и надѣлъ неполный, но также и значительная часть изъ надѣленныхъ по высшей нормѣ. Докладъ коммиссіи, не отрицая прямо этого факта, не находитъ возможнымъ, однако, считаться съ нимъ, ссылаясь на то, что „задача, поставленная землеустройству, и безъ того чрезвычайно велика; имъ можетъ быть устроено до 150 милліоновъ десятинъ, уже находящихся въ рукахъ крестьянъ и другихъ мелкихъ владѣльцевъ; уничтоженіе качественныхъ недостатковъ этого землевладѣнія принесетъ и владѣльцамъ, и государству громаднѣйшую пользу". Однако авторы записки сами признаютъ, что это предположенное ими устройство требуетъ извѣстнаго размѣра землевладѣнія, и тамъ,

гдѣ оно недостаточно, „никакое землеустройство невозможно безъ увеличенія количества земли у устраиваемыхъ“. И безъ всякаго сомнѣнія, въ тѣхъ 150.000.000 дес., которыя предполагается благоустроить нынѣ, огромнѣйшая часть будетъ принадлежать многочисленной массѣ малоземельныхъ. Говорить о возможности у насъ землеустройства, не касаясь вопроса о малоземельѣ крестьянъ, значитъ закрывать глаза и игнорировать самую вопіющую, основную причину крестьянской бѣдности и хозяйственнаго разстройства.

Второй вопросъ, входящій въ понятіе землеустройства, о которомъ тоже давно и громко заявляетъ наша жизнь, касается разнообразныхъ недостатковъ отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ. Въ огромномъ числѣ случаевъ границы ихъ чрезвычайно неудобны въ хозяйственномъ отношеніи, фигуры надѣловъ неправильны, растянуты; нерѣдко надѣльныя земли селенія разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и доступъ къ нимъ возможенъ лишь по землѣ смежныхъ частныхъ владѣльцевъ. Всѣ разнородные, невыгодные для крестьянъ отводы такого рода производились безпрепятственно въ періодъ фактическаго надѣленія. О размѣрѣ гибельнаго вліянія ихъ на успѣхи сельскаго хозяйства можно судить, познакомясь хотя бы съ нѣкоторыми изъ плановъ, приведенныхъ въ томѣ IV, выпускѣ 1-мъ, „Описанія Московской губерніи по мѣстному обслѣдованію 1890—1900 г.г.“, или въ статьѣ профес. А. А. Мануилова: „Поземельный вопросъ въ Россіи“ („Аграрный вопросъ“, Москва, 1905), а также въ его работѣ: „Планы арендуемыхъ угодій въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской губерніи“ („Труды Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“). Одного взгляда на эти планы достаточно, чтобы судить о подневольномъ положеніи крестьянъ, о зависимости ихъ отъ окружающихъ землевладѣльцевъ и о совершенной невозможности для нихъ вести сколько-нибудь успѣшное хозяйство на собственной землѣ. И вотъ, независимо отъ недостаточности надѣла, самъ по себѣ отводъ надѣловъ въ границахъ неудобныхъ и въ разныхъ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга иногда на нѣсколько верстъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ закабаленіе крестьянъ и порождалъ у насъ вынужденную аренду. „Значеніе аренды — узнаемъ мы изъ трудовъ Особаго Совѣщанія—въ современномъ строѣ хозяйственной жизни крестьянства доказывается не только распространенностью арендъ, но и самой неизбѣжностью ихъ, во многихъ случаяхъ, для успѣшности крестьянскаго хозяйства. Важно не только то, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ казенную или частно-

владѣльческую землю, но, главнымъ образомъ, то, что этотъ арендующій дворъ не можетъ обойтись безъ пользованія чужою землею. Послѣдняя ему настолько необходима, что, лишись онъ аренды, хозяйство станетъ невозможнымъ, потому что изъ состава хозяйственной организаціи выпадутъ необходимые элементы—будь то недостающіе въ крестьянскомъ надѣлѣ покосы, выгоны или попасы (паръ, ржище, овсяное), или просто прогоны для скота, клинья, разъединяющіе крестьянскія угодья, и проч." („Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ" — „Аренда", стр. 5). Въ одномъ изъ засѣданій Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности мнѣ пришлось высказываться по этому поводу, и я указывалъ на то, что вынужденный характеръ арендъ наблюдается у насъ не только среди безземельныхъ или недостаточно надѣленныхъ крестьянъ, но и у тѣхъ, которые получили въ свое время земельные надѣлы по высшей нормѣ. Въ составѣ этихъ надѣловъ большею частью не имѣется тѣхъ именно угодій, безъ которыхъ невозможно успѣшное веденіе хозяйства — выгоновъ и сѣнокосовъ. Кромѣ того, вслѣдствіе неправильной конфигураціи надѣльныхъ земель, черезполосности и другихъ причинъ, во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ возникаетъ необходимость арендованія земли спеціально для прогона скота къ водопою, къ чрезполоснымъ участкамъ надѣла, окруженнымъ владѣльческою землею, и т. п. При такихъ условіяхъ, является возможнымъ установлять за сдаваемыя въ аренду земли монопольныя цѣны, высота которыхъ опредѣляется исключительно волею собственника земель, окружающихъ крестьянскій надѣлъ (Журналъ Засѣданія XXXVII-XVIII). Въ виду существованія этого вопіющаго факта, я энергично настаивалъ затѣмъ, при обсужденіи „Проекта правилъ о сельско-хозяйственномъ имущественномъ наймѣ", на необходимости примѣненія закона о ростовщичествѣ ко всѣмъ арендным сдѣлкамъ такого вынужденнаго рода. Мнѣ казалось болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстнымъ примѣнить къ подобнымъ случаямъ идеи, положенныя въ основу нашего закона 24 мая 1893-го года, хотя бы только въ одномъ направленіи: въ направленіи § 138 ч. II германскаго Гражданскаго Уложенія, объявляющаго ничтожными всѣ сдѣлки, въ основѣ которыхъ лежитъ эксплоатація бѣдственнаго положенія одной изъ сторонъ.

Проектъ „Положенія о землеустройствѣ" вовсе не ставитъ себѣ задачей исправленіе границъ и фигуры отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ. Онъ предусматриваетъ лишь возможность „уничтоженія чрезполосности надѣльныхъ земель съ прилегаю-

щими владѣніями и разверстаніе къ однимъ мѣстамъ (на отрубные участки) земель разнаго владѣнія, входящихъ въ одну дачу разверстанія". Въ шестой главѣ „Положенія", посвященной этому вопросу, указаны условія размежеванія, при чемъ, разумѣется, вовсе не принято во вниманіе то весьма важное обстоятельство, что крестьянамъ отводились насильно, вопреки ихъ протестамъ, эти чрезполосные участки, лежащіе внутри дачи ихъ бывшаго помѣщика. Въ законопроектѣ нѣтъ никакой рѣчи о необходимости исправленія допущенной несправедливости. „Положеніе о землеустройствѣ" разсматриваетъ межевыя работы по уничтоженію чрезполосности между селеніями и частными владѣльцами, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія образованія отрубныхъ участковъ. Оно указываетъ условія, при которыхъ стороны могутъ просить о размежеваніи, и предоставляетъ власти землеустроительныхъ коммиссій рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ приступать къ размежеванію. О правѣ крестьянъ претендовать на обмѣнъ участковъ, отведенныхъ вдали отъ селеній, и заявлять о прирѣзкѣ земли взамѣнъ этихъ отдаленныхъ участковъ, нѣтъ вовсе никакого упоминанія. Напротивъ того, „Положеніе" вводитъ очень опасное правило о вознагражденіи или „объ обязательныхъ приплатахъ одной изъ сторонъ" въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно достигнуть уравненія обмѣниваемыхъ угодій въ натурѣ, не оговаривая того, что крестьяне не могутъ быть принуждаемы къ полученію денежнаго вознагражденія вмѣсто земли. Въ виду того, что „разверстаніе должно быть допущено и по требованію чрезполоснаго съ общиною владѣльца", и принимая во вниманіе, что рѣшеніе вопроса о разверстаніи принадлежитъ землеустроительнымъ коммиссіямъ,—„Положеніе", въ своей статьѣ 48-ой о приплатахъ, устанавливаетъ весьма опасное правило и открываетъ новый способъ обезземеленія крестьянъ ради „округленія" дачъ частнаго владѣнія.

„Положеніе" ставитъ, однако, своей задачей не расширеніе землевладѣнія крестьянъ и не исправленіе границъ ихъ надѣла,— не эти двѣ основныя задачи землеустройства, — а преслѣдуетъ болѣе узкую цѣль: ведетъ борьбу съ чрезполосицей на крестьянскихъ земляхъ, признаваемой въ докладѣ коммиссіи „самымъ злѣйшимъ врагомъ всякаго прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ". Всѣ остальные недостатки земледѣлія, по мнѣнію составителей „Положенія"—„только послѣдствія ея; съ уничтоженіемъ чрезполосицы многіе изъ нихъ исчезаютъ сами собой. Вотъ почему на борьбу съ этимъ главнѣйшимъ недугомъ должны быть направлены всѣ землеустроительныя силы". Если „Положеніе" и предусматриваетъ вы-

дѣлъ земель селеніямъ, входящимъ въ составъ одного земельнаго общества, или выдѣлъ земель выселкамъ и частямъ одного и того же селенія, то во всякомъ случаѣ опредѣляющимъ является все то же стремленіе обособить владѣнія или уничтожить чрезполосность, существующую на крестьянскихъ земляхъ. Преслѣдуя эту задачу и игнорируя наиболѣе важные факты, обнимаемые понятіемъ землеустройства и вліяющіе самымъ рѣшительнымъ образомъ на успѣшный ходъ хозяйства, проектъ „Положенія“ носитъ несоотвѣтствующее его содержанію наименованіе. Его никакъ нельзя назвать положеніемъ о „землеустройствѣ“, ибо онъ касается лишь одного изъ землеустроительныхъ вопросовъ и оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы дѣйствительности наиболѣе важные, наиболѣе настоятельные, безъ рѣшенія которыхъ немыслимо у насъ истинное землеустройство. Было бы гораздо правильнѣе назвать данный законопроектъ положеніемъ „о разверстаніи“ или „о размежеваніи земель“, что собственно составляетъ его содержаніе и чего именно касаются его отдѣльныя главы. Цѣлей землеустроительныхъ, удовлетворенія самыхъ безотлагательныхъ аграрныхъ требованій, выставленныхъ жизнью, онъ не только не предусматриваетъ, но, можно сказать, прямо избѣгаетъ.

Понятно, однако, если въ „Положеніи о землеустройствѣ“ задача сведена лишь къ установленію правилъ, касающихся разверстанія и размежеванія, то и разбирать его намъ остается только съ точки зрѣнія удовлетворительности правилъ въ этомъ отношеніи. Докладъ коммиссіи указываетъ на то, что недугъ нашего землевладѣнія—чрезполосица—не составляетъ исключительной особенности нашей страны; наоборотъ, „во всемъ мірѣ, кромѣ новыхъ колонизированныхъ странъ, какъ Америка и Австралія, чрезполосица составляла и составляетъ, къ несчастью, и теперь во многихъ мѣстахъ обычное явленіе, обычный тормазъ сельско-хозяйственнаго прогресса“. Авторы доклада дѣлаютъ экскурсъ въ область исторіи и пытаются дать краткій обзоръ тѣхъ мѣропріятій, которыя принимались на Западѣ для уничтоженія чрезполосицы. Нельзя сказать, чтобы сообщаемое ими по этой части свидѣтельствовало о знакомствѣ съ вопросомъ и служило къ его уясненію. Но этотъ неудачный историческій ихъ очеркъ во всякомъ случаѣ объясняетъ намъ, почему пережитое на Западѣ, его поучительный опытъ не послужилъ руководствомъ при составленіи нашего „Положенія о землеустройствѣ“. Очевидно, защитникамъ его неясны причины, вызывавшія послѣдовательныя измѣненія законодательныхъ постановленій, которыя издавались въ цѣляхъ разверстанія земель, и отъ глазъ ихъ ускользнули важныя различія, суще-

ствующія между пріемами разверстанія въ отдѣльныхъ странахъ. Еслибы авторы доклада обратили болѣе тщательное вниманіе на западную практику, они, конечно, не сказали бы, въ заключеніе своего кратенькаго перечисленія мѣропріятій въ Пруссіи, такой явной несообразности: „аналогичныя законодательства издавались и для остальныхъ германскихъ государствъ". При большемъ знакомствѣ съ предметомъ, они воздержались бы и отъ этой безусловно ничего не означающей фразы: „разверстаніе во многихъ мѣстахъ Германіи приняло форму лишь освобожденія хозяина отъ принудительной обработки и закрѣпленія за нимъ его участковъ".

Не будемъ касаться здѣсь вопроса объ основательности положенія, которымъ оправдывается предпринятая у насъ нынѣ ломка всего существующаго сельскаго уклада; не станемъ повторять доводы противъ увѣренія, будто „самой совершенной формой, допускающей наиболѣе производительную затрату и открывающей наибольшій просторъ для самодѣятельности населенія, въ смыслѣ примѣненія по своему выбору наиболѣе осуществимыхъ въ данной мѣстности пріемовъ и способовъ полеводства, является такое хозяйство, когда владѣніе каждаго двора расположено въ одномъ сплошномъ отрубѣ удобнаго для веденія хозяйства очертанія". Нельзя не напомнить только, что когда говорятъ о выгодахъ, будто бы проистекающихъ изъ отрубного владѣнія, то обычно имѣютъ въ виду не потребности мелкаго хозяина, а нужды хозяйствъ крупныхъ. Различіе интереса къ такому владѣнію у хозяйствъ разныхъ размѣровъ основано на разницѣ самой природы этихъ хозяйствъ; и именно на различіи послѣдствій для мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ отъ округленія владѣній основывается различіе въ характерѣ мѣропріятій, которыя принимаются для разверстанія (аррондированія, коммассаціи) въ мѣстностяхъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Такъ, мѣры, принимаемыя въ этомъ отношеніи на Югѣ Германіи (нассауская система), отличны отъ тѣхъ, которыя примѣняются на Сѣверѣ (прусская система). И это различіе мѣръ основано на томъ, что на Югѣ господствуетъ мелкое землевладѣніе, а мелкіе владѣльцы, сами обработывающіе свои земли, заинтересованы несравненно менѣе, чѣмъ владѣльцы крупные, выгодами, которыя получаются отъ арроидированія или округленія. Свидѣтельство объ этомъ можно найти даже у самыхъ ярыхъ поклонниковъ арроидированія. Для доказательства этого достаточно обратиться хотя бы къ Fr. Grossman, „Gemeinheitsteilung", или Wittich, „Zusammenlegung der Grundstücke" въ „Conrad's Handwörterbuch".

Игнорируя южно-германскую систему аррондированія, составители „Положенія о землеустройствѣ“ доказали тѣмъ лишь полнѣйшее свое пренебреженіе къ интересамъ мелкаго землевладѣнія. Не слѣдуя указаніямъ этой системы, они естественно должны были оставить безъ всякаго вниманія драгоцѣнное свойство и нашей бытовой формы землевладѣнія, позволяющей при передѣлахъ земли достигать результатовъ подобныхъ получаемымъ при разверстаніи по нассауской системѣ. Изслѣдователи отечественнаго крестьянскаго хозяйства выяснили во всѣхъ подробностяхъ вліяніе передѣловъ на сокращеніе вредной чрезполосицы; они установили безспорную аналогію между пріемами аррондированія по нассауской системѣ и многими изъ способовъ, примѣняемыхъ для сокращенія чрезполосицы и узкополосицы при общинномъ землевладѣніи. Отрицать точно установленные въ нашей литературѣ факты нѣтъ, конечно, никакой возможности; гораздо проще ихъ прямо игнорировать, какъ это дѣлаютъ докладъ коммиссіи и само „Положеніе о землеустройствѣ“. „Положеніе“ задается цѣлью устраивать, главнымъ образомъ, не земли, находящіяся въ подворномъ владѣніи крестьянъ, гдѣ чрезполосица имѣетъ полнѣйшее сходство съ чрезполосицей, встрѣчающейся на земляхъ у западныхъ поселянъ-собственниковъ, а земли общиннаго владѣнія. Иначе говоря, законъ будетъ примѣняться къ землямъ, на которыхъ появленіе особо вредной чрезполосицы (такъ наз. спеціальной) въ дѣйствительности довольно рѣдко, и гдѣ борьба съ нею можетъ быть ведена весьма успѣшно, безъ участія правительственной власти, силами самой общины. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ необходимости объяснять подробно значеніе передѣловъ; достаточно вспомнить хотя бы только о такихъ пріемахъ борьбы противъ чрезполосности и узкополосности, какъ „ярославская сотня“, которая описана въ „Трудахъ Редакціонной Коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“ (т. V, стр. 190). Мы узнаемъ отсюда, что „въ двухъ наиболѣе земледѣльческихъ уѣздахъ Ярославской губерніи: Мышкинскомъ и Мологскомъ, введенъ совершенно своеобразный способъ разверстки земли при передѣлахъ. А именно, въ этихъ уѣздахъ общинныя пахатныя земли крестьянъ дѣлятся не на обычныя полосы, а на участки опредѣленной мѣры, называемые здѣсь „сотнями“. Ярославская „сотня“ представляетъ изъ себя земельную площадь въ сто-двухсотенныхъ квадратовъ и, слѣдовательно, равняется 400 кв. саж. ($2^2 \times 100$ равняется 400) или одной шестой части казенной десятины. При такомъ дѣленіи всѣ полосы или полевые участки имѣютъ одинаковую, вполнѣ опре-

дѣленную площадь. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда какого-либо полевого угла или клина нельзя раздѣлить между всѣми общинниками цѣлыми сотнями, допускаются полосы въ $^1/_2$ сотни или въ $^1/_4$ сотни".

Полагаю, этотъ примѣръ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что при общинномъ землевладѣніи существуютъ разнообразные способы для парализованія вредныхъ послѣдствій, проистекающихъ отъ дробленія земли. Вмѣшательство власти и изданіе спеціальнаго закона, регулирующаго запутанныя земельныя отношенія, необходимы тамъ, гдѣ земля находится въ личной собственности, гдѣ обладатели отдѣльныхъ участковъ не могутъ быть принуждены къ обмѣну постановленіемъ, принятымъ по большинству голосовъ. Напротивъ, согласно обычаю и по дѣйствующему праву, община можетъ произвести всякое задуманное разверстаніе, о которомъ будетъ постановлено большинствомъ голосовъ, и такому рѣшенію обязано подчиниться меньшинство. Если въ жизни мы не встрѣчаемъ мірскихъ приговоровъ о переходѣ къ пользованію общинной землей въ отдѣльныхъ отрубахъ, вмѣсто владѣнія пополоснаго, то это доказываетъ, что населеніе не ощущаетъ въ томъ нужды или не сознаетъ преимуществъ, приписываемыхъ отрубному владѣнію. Еслибы, однако, часть крестьянъ какого-либо селенія убѣдилась въ пользѣ его, то для осуществленія даже подобной коренной реформы хозяйственнаго строя потребовался бы только приговоръ, постановленный большинствомъ голосовъ—т.-е. потребовалось бы исполнить лишь то, что было-бы обязательно выполнить по повелѣнію закона о разверстаніи, и личнымъ собственникамъ въ томъ случаѣ, если бы они пожелали измѣнить чрезполосное владѣніе въ отрубное.

Совсѣмъ иное положеніе при отсутствіи закона о разверстаніи въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія, тамъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею на правѣ частной собственности. Здѣсь не могутъ имѣть мѣста постановленія по большинству голосовъ, обязывающія къ чему-нибудь несогласное меньшинство, и всякое рѣшеніе, касающееся измѣненія границъ отдѣльныхъ владѣній, будетъ дѣйствительно лишь тогда, когда оно принято единогласно. Совершенно очевидно, что при такихъ условіяхъ крестьяне-собственники, владѣющіе землей чрезполосно, по мѣрѣ дѣлежа участковъ путемъ наслѣдства и продажи, должны все болѣе и болѣе терпѣть отъ возрастанія вредной чрезполосицы и узкополосицы. Никакихъ мѣръ противъ этого зла они предпринять не въ силахъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ постановлены едино-

гласно всѣми заинтересованными. Понятно, что при такихъ условіяхъ ощущается явная потребность во вмѣшательствѣ власти и является основаніе для изданія закона, парализующаго это зло.

Проектъ нашего „Положенія о землеустройствѣ" поступаетъ какъ разъ на оборотъ. Онъ занятъ преимущественно крестьянами, владѣющими землею на общинномъ правѣ, и регламентируетъ жизнь тамъ, гдѣ въ томъ чувствуется наименьшая потребность. Правда, часть его постановленій, какъ уже сказано, имѣетъ полезное практическое значеніе: сюда относятся глава II, указывающая на порядокъ выдѣла земель селеніямъ, а также глава III, устанавливающая порядокъ выдѣла земель выселкамъ и частямъ селеній. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ глава IV, касающаяся выдѣла отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ членамъ общины. Постановленія этой центральной главы „Положенія о землеустройствѣ" выходятъ далеко за предѣлы истиннаго разверстанія и преслѣдуютъ тѣ же своеобразныя „землеустроительныя" цѣли, которыя имѣетъ въ виду осуществить и указъ 9-го ноября 1906 г. Кромѣ признанія за $^1/_5$ частью домохозяевъ права требовать выдѣла пахатныхъ земель, Положеніе признаетъ еще и право *каждаго* домохозяина требовать выдѣла причитающагося ему количества пашни къ одному мѣсту. Обстановка и условія этого выдѣла, какъ въ Указѣ 9-го ноября, имѣютъ видъ явно разсчитанныхъ на созданіе полнѣйшаго хаоса въ хозяйствѣ общины и на порожденіе самой злѣйшей вражды среди ея членовъ. Знакомые съ нашимъ сельскимъ бытомъ согласятся съ тѣмъ, что таковы неизбѣжно будутъ послѣдствія статьи 36-ой, опредѣляющей, что „при передѣлѣ общиною пахатныхъ земель каждый домохозяинъ, какъ укрѣпившій, такъ и не укрѣпившій участковъ общинныхъ земель въ личную собственность, въ правѣ требовать выдѣла укрѣпленнаго или причитающагося ему по закону количества пашни къ одному мѣсту". Предоставляя отдѣльному лицу право ставить въ самое затруднительное положеніе остальныхъ односельчанъ и по своему произволу нарушать ихъ хозяйственные интересы, законъ является защитникомъ выгодъ отдѣльнаго лица и во всѣхъ другихъ случаяхъ выдѣла: при раздѣлахъ пахатныхъ земель между селеніями или частями селеній, каждый домохозяинъ имѣетъ право требовать выдѣла, если полосы его будутъ затрогиваться этимъ раздѣломъ, или просто даже въ томъ случаѣ, если выдѣлъ этихъ полосъ будетъ признанъ землеустроительной коммиссіей возможнымъ безъ нарушенія существенныхъ интересовъ общины. Право отдѣльнаго лица идетъ еще дальше: согласно ст. 37-ой, „внѣ ука-

занныхъ въ предшедшей статьѣ передѣловъ и раздѣловъ выдѣлъ укрѣпленныхъ или неукрѣпленныхъ въ личную собственность пахатныхъ земель въ отрубные участки производится... хотя бы по заявленію одного домохозяина, когда выдѣлъ участка оказывается возможнымъ и не связаннымъ съ особыми неудобствами".

Идти въ разрушеніи сельскаго уклада и бытовыхъ условій дальше этого, конечно, невозможно. Если по заявленію лишь одного домохозяина общество обязано будетъ въ любое время измѣнять установленное распредѣленіе полей и передвигать всѣ полосы, то легко себѣ представить, каковы будутъ условія подобнаго безпримѣрнаго хозяйствованія и какъ сильна должна быть вражда, которую породятъ въ сельской средѣ указанныя постановленія закона.

Преслѣдуя тѣ же цѣли, какія имѣетъ въ виду Указъ 9-го ноября, и ведя вмѣстѣ съ нимъ къ явному разрушенію общиннаго строя, „Положеніе о землеустройствѣ" относится совершенно иначе къ подворному землевладѣнію. Въ той части законопроекта, которая касается послѣдняго, нѣтъ рѣчи о правѣ отдѣльныхъ лицъ требовать выдѣла; въ статьяхъ 41 и 42 указывается лишь, какъ по приговору, постановленному большинствомъ голосовъ, производится разверстаніе къ однимъ мѣстамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ угодій раздѣльнаго пользованія. При этомъ предусматривается (ст. 42) также и то, что „при разверстаніи угодій, производимомъ по рѣшенію большинства, „усадебныя земли включаются въ общую разверстку только съ согласія владѣльцевъ этихъ усадьбъ".

Словомъ, примѣненіе проектированнаго закона къ землямъ подворнаго владѣнія удовлетворитъ потребность, которая безспорно ощущалась въ жизни при рѣшеніи вопросовъ, касающихся разверстанія угодій. „Положеніе" установитъ у насъ, для рѣшенія вопросовъ этого рода, принципъ обязательности рѣшеній, состоявшихся по большинству голосовъ, которымъ должны будутъ подчиняться впредь отдѣльные личные собственники. И въ этомъ случаѣ проектированный законъ, слѣдуя близко западно-европейскимъ образцамъ, признаетъ для регулированія отношеній въ средѣ личныхъ собственниковъ то начало, которое будетъ обезпечивать безпрепятственное развитіе ихъ земледѣлія и которое, надо замѣтить, регулировало у насъ и ранѣе взаимныя отношенія общинниковъ въ вопросахъ о землѣ.

Но если „Положеніе" отнеслось такъ бережно и правильно къ подворному владѣнію, отчего къ землямъ общиннымъ его отношеніе совсѣмъ иное? Почему законопроектъ не призналъ и

здѣсь достаточнымъ для рѣшенія вопросовъ о разверстаніи постановленія большинства, почему оказалось нужнымъ только для общиннаго землевладѣнія вводить обязательность рѣшеній $^1/_5$ части домохозяевъ—и, самое главное, для чего было заимствовать изъ указа 9-го ноября постановленіе о правѣ каждаго домохозяина требовать выдѣла, который ведетъ неизбѣжно къ разгрому деревни?

А. Посниковъ.

ЗЕМСТВО
ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ

Каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о той или иной реформѣ, противники ея прежде всего хватаются за излюбленный аргументъ, объ отсутствіи людей, о недостаткѣ на мѣстахъ общественныхъ дѣятелей, способныхъ воспріять назрѣвшую реформу и стать ея проводниками въ жизнь.

— Мы всей душой,—да вотъ людей-то нѣтъ! Только у насъ, здѣсь въ Петербургѣ, въ департаментскихъ кабинетахъ есть люди достойные и умные! А на мѣстахъ, гдѣ реформа хотя и назрѣла, никого такъ-таки и нѣтъ, хоть шаромъ покати! А то мы бы всѣмъ сердцемъ!

Такъ говорилось передъ 19-мъ февраля; такъ говорилось всегда до дней нашихъ, когда заходила рѣчь о реформахъ; такъ говорилъ 19 ноября 1908-го года въ Государственной Думѣ представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Пшерадскій, доказывая несвоевременность введенія земскихъ учрежденій въ Архангельской губерніи.

Казалось бы, что теперь-то, когда Архангельскую губернію въ теченіе почти полустолѣтія оставляли при „Приказѣ общественнаго призрѣнія и при исправникахъ-„земцахъ", когда мы, славу Богу, дожили до парламента, будетъ, наконецъ, признана неотложность введенія земства въ громадномъ сѣверномъ краѣ Европейской Россіи и будетъ лишь сказано: „да, запоздали,—давненько пора бы ввести!"

Случилось не то. Опять—нѣтъ людей! Но кто же, наконецъ, эти люди, которыхъ столько десятилѣтій отыскиваетъ Діогенъ — русское правительство? Какихъ мѣстныхъ дѣятелей ему нужно? Почему правительство, признавъ Архангельскую губернію достойной и способной къ участію въ общегосударственномъ законодательствѣ, не хочетъ

признать ее способной къ земской работѣ, къ управленію мелкими хозяйственными единицами? Если Архангельская губернія не хуже другихъ провела три избирательныхъ кампаніи, то не странно ли думать, что въ ней отсутствуютъ люди и дѣятели, способные трудиться въ земствѣ?

На самомъ дѣлѣ трудно встрѣтить болѣе ошибочное мнѣніе, чѣмъ мнѣніе о „безлюдьѣ" Архангельской губерніи—и трудно подыскать другую мѣстность, которая бы такъ нуждалась въ земскихъ учрежденіяхъ.

Правда, въ Архангельской губерніи нѣтъ помѣщиковъ; она не знала крѣпостного права. Нѣтъ въ ней и дворянства, исключая отдѣльныхъ, случайныхъ лицъ. И если считать только дворянъ способными къ работѣ, то „дѣятелей" въ Архангельской губерніи не найти. Но если трудоспособность не составляетъ монополію сословія, то нужно придти къ другому выводу.

Населеніе Архангельской губерніи далеко ушло отъ темноты и невѣжества, которыя ему, повидимому, приписываются. Отдаленность и захолустность этой губерніи только *кажущіяся*, территоріально-географическія. Да и въ послѣднемъ смыслѣ можно ли ее признавать слишкомъ уже отдаленной окраиной? Ближе ли къ Петербургу Уфа, Вятка, Пермь, чѣмъ Архангельская губернія, особенно ея западная половина? Въ сущности вѣдь она подъ бокомъ у Петербурга и кажется далекой только потому, что, считая близкими къ намъ Портъ-Артуръ и Дальній, мы не замѣчали нашихъ ближайшихъ сѣверныхъ окраинъ и, увлекаясь дальневосточными авантюрами, не знали и не знаемъ того, что около столицы.

Съ глубокой убѣжденностью высказываю мнѣніе, что населеніе Архангельской губерніи *отнюдь не темнѣе* любой изъ другихъ сѣверныхъ, примыкающихъ къ ней—Олонецкой, Вологодской, Вятской, восточныхъ—Пермской, Уфимской, Казанской и т. д. Да едва ли далеко ушло отъ населенія Архангельской губерніи „сѣрое" населеніе большинства центральныхъ губерній?

Рядъ факторовъ экономической и соціальной жизни населенія Архангельской губерніи, весь бытовой укладъ жизни его, вся исторія заселенія Архангельской губернія наиболѣе сильными представителями новгородской вольницы, постоянная борьба съ стихіями, постоянное общеніе съ иноземными людьми создали и выработали на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи типъ умнаго, вдумчиваго, энергичнаго и смѣтливаго помора. О горожанахъ же и посадскихъ жителяхъ и говорить нечего. Они видали виды. И право-таки землеробу коренной Россіи иногда далеко до архангельскаго мужика.

Если Архангельская губернія недавно лишь получила пути „къ

Россіи", то не нужно забывать, что она въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ имѣла открытые пути за границу.

Самобытный, единственный по своимъ характернымъ особенностямъ, созданный и строящійся исключительно своими мастерами, по своимъ чертежамъ, поморскій парусный флотъ съ сѣдыхъ временъ уноситъ поморовъ въ Норвегію, нерѣдко въ Англію, случается—и въ другія страны. Ни одного помора по всему громадному бѣломорскому побережью не отыщете, который не побывалъ бы за границей, „въ Норвегѣ" — во всякомъ случаѣ,—и не однажды, а десятокъ разъ. Поморъ съ десяти-двѣнадцатилѣтняго возраста—на суднѣ, на кораблѣ, на пароходѣ, въ морѣ и океанѣ. Онъ въ постоянномъ общеніи съ народностями, у которыхъ русскому есть чему поучиться—то въ портахъ и мѣстностяхъ иноземныхъ, то въ Архангельскѣ, гдѣ иноземные люди (матросы, капитаны, купцы)—постоянные гости. Архангельскъ—маленькій космополитъ. Получившая громадное развитіе и все растущая въ Архангельской губерніи лѣсопильная промышленность, съ 40 крупными паровыми лѣсопильными заводами, сосредоточена почти вся въ рукахъ нѣмцевъ, англичанъ, голландцевъ, шведовъ, норвежцевъ. Иностранные капиталы, иностранцы-служащіе въ конторахъ и заводахъ, всюду иностранные языки. Развѣ общеніе съ ними поморовъ не даетъ послѣднимъ просвѣщенія, не заставляетъ работать ихъ умъ? Поморы, за рѣдкими исключеніями, владѣютъ норвежскимъ языкомъ, значительная ихъ часть — англійскимъ и нѣмецкимъ. Постоянное пребываніе въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, постоянная борьба съ штормами и бурями, закаляя помора, требуютъ отъ него напряженія и работы ума. Поморъ—капитанъ, поморъ—астрономъ, поморъ—метеорологъ, предсказатель погоды, наблюдатель движенія вѣтровъ, морскихъ теченій. Во время промысла надо раскидывать не только сѣти,—надо раскинуть и умомъ. Надо учесть погоду и вѣтеръ, приливы и отливы, свѣтила небесныя. А то лишишься и орудій промысла, и всего достатка, да и самой жизни.

На сушѣ поморъ—торговецъ, скупщикъ (въ Норвегіи) и продавецъ рыбы, морского звѣря, сала, шкуръ и т. д. И здѣсь—общеніе и дѣла съ иностранцами, съ русскими-пріѣзжими изъ столицъ и внутреннихъ губерній, скупщиками рыбы и иныхъ продуктовъ и товаровъ сѣвера.

Другая часть населенія Архангельской губерніи—крестьяне—природными условіями также поставлены въ необходимость постояннаго передвиженія какъ въ своей, такъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ, Вологодской и Олонецкой. Промыслы мѣстные—лѣсной сплавъ, рубка и пилка лѣса, рыбный, охотничій,—отхожіе промыслы—главнымъ образомъ въ Петербургѣ,—давно согнали съ архангельскаго крестьянина вѣковѣчную темноту.

Конечно, земство Архангельской губерніи должно быть и будетъ по преимуществу мужицко-поморское. Затѣмъ войдутъ въ него буржуазный элементъ (преимущественно мелкая буржуазія, — крупныхъ капиталистовъ здѣсь мало), чиновная интеллигенція, духовенство, небольшой процентъ дворянъ. Но соль ли земли и земства помѣщики и дворяне? На примѣрахъ „мужицкихъ“ земствъ, особенно вятскаго, нельзя усмотрѣть плохой земской работы крестьянъ. Вятское земство принадлежало и продолжаетъ принадлежать не къ худшимъ земствамъ, а къ лучшимъ.

Необходимость и возможность введенія въ Архангельской губерніи земскихъ учрежденій постоянно признавались представителями высшей мѣстной власти. Еще въ 1866 г. архангельскій губернаторъ кн. Гагаринъ въ представленіи министерству внутреннихъ дѣлъ говорилъ: „Приведеніе земскаго хозяйства въ положеніе, соотвѣтствующее требованіямъ населенія, не можетъ быть достигнуто при посредствѣ тѣхъ органовъ, которымъ оно поручено. Состоя изъ членовъ разныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ каждый свое прямое и отвѣтственное назначеніе, учрежденія эти не могутъ принимать участія въ чуждомъ для нихъ дѣлѣ. Поэтому единственнымъ средствомъ избавленія населенія отъ экономическаго разоренія явилось бы введеніе въ Архангельской губерніи земскихъ учрежденій“. Покойный архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, знатокъ крайняго сѣвера, исколесившій его вдоль и поперекъ, авторъ трудовъ о сѣверѣ, въ 1896 г. писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „введеніе во ввѣренной ему губерніи земскихъ учрежденій представляется необходимымъ для проведенія въ жизнь такихъ сторонъ земской дѣятельности, которыя не предусмотрѣны уставомъ о земскихъ повинностяхъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ мало измѣнившимся за сорокъ лѣтъ“. Онъ указывалъ, дальше, что вслѣдствіе невозможности расходовать деньги на народное образованіе „*грамотность въ населеніи не только не развивается*, согласно потребности, но наоборотъ, *число грамотныхъ уменьшается* по отношенію къ общему числу населенія“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, ознакомившись въ 1898 г. съ представленіями А. П. Энгельгардта и его предшественниковъ, нашелъ, согласно съ ними, что успѣшной дѣятельности вѣдающихъ мѣстное хозяйство учрежденій препятствуютъ какъ организаціи ихъ, такъ и основанная на устарѣлыхъ законодательныхъ нормахъ система веденія хозяйства. Онъ пришелъ, поэтому, къ заключенію о необходимости приступить къ земской реформѣ въ Архангельской губерніи, сдѣлавъ въ земскомъ положеніи измѣненія, обусловливаемыя мѣстными особенностями края, численностью и составомъ населенія.

Величиной въ любое западно-европейское государство, раскинутая на тысячи верстъ (береговая линія Бѣлаго моря и Ледовитаго океана въ ея предѣлахъ равна 8.000 верстъ), Архангельская губернія въ хозяйственно-экономическомъ и земскомъ отношеніяхъ завѣдуется и управляется изъ центра — Архангельска—чиновниками разныхъ вѣдомствъ, мало знакомыми, а чаще совершенно незнакомыми съ мѣстными хозяйственно-экономическими условіями и нуждами, столь многообразными и различными вслѣдствіе громадности территоріи губерніи (65.796.948 десятинъ безъ острововъ, 77.296.948 десятинъ съ островами). Говорить ли о результатахъ „дѣятельности“ архангельскаго „приказнаго“ земскаго строя, который полстолѣтія тому назадъ сковывалъ хозяйственную жизнь всей Россіи, а теперь живъ въ Архангельской губерніи? Вотъ, напримѣръ, архангельская городская больница „Приказа общественнаго призрѣнія“. Антигигіеничность и антисанитарность, грязь, тѣснота, сырость, ветхость зданія, совершенно неприспособленнаго къ нуждамъ больницы и несоотвѣтствующаго типу больничныхъ помѣщеній (зданіе когда-то было занято кантонистами), переполненнаго больными вдвое противъ допускаемой нормы, съ недостаточной и плохой изолированностью заразныхъ отдѣленій—вотъ общая картина больницы. Съѣздъ врачей Архангельской губерніи, происходившій два года тому назадъ, призналъ необходимымъ зданіе больницы, какъ пропитанное сыростью, заразой и міазмами (зданіе каменное), разрушить, остатки сжечь, пепелъ развѣять по вѣтру и соорудить совершенно новое зданіе. Поправки, ремонтъ излишни и приведутъ лишь къ безплодной тратѣ денегъ. Но больница красуется и долго еще будетъ, конечно, украшать городъ, пока вѣдаетъ ее „Приказъ“.

Врачебная помощь въ губерніи почти отсутствуетъ. Всего въ губерніи (не считая Архангельска) 16 врачей: 8 въ городахъ и 8 въ уѣздахъ. Но фактически на мѣстахъ полнаго состава врачей никогда не бываетъ. Многіе врачебные пункты то и дѣло пустуютъ. Врачи или не идутъ въ Архангельскую губернію, или, побывавъ, разбѣгаются. Мало, а то подчасъ совсѣмъ не бываетъ въ больницахъ медикаментовъ; отсутствуютъ врачебные инструменты; плохи помѣщенія больницъ. Кромѣ лѣченья, на врачахъ лежатъ разнообразныя обязанности полицейско-административнаго характера: не то лѣчить, не то ѣздить за сотни верстъ „на трупы“ и разныя освидѣтельствованія, засѣдать въ воинскихъ присутствіяхъ, присутствовать экспертами на судѣ. Прибавьте къ этому громадность врачебныхъ участковъ, отсутствіе дорогъ, полную отрѣзанность отъ міра во время весенней и осенней распутицы, отсутствіе книгъ, библіотекъ, сравнительно мизерные оклады, получаемые врачами, не смотря на тяжелыя жизненныя и служебныя условія—и отвѣтъ, почему врачи или не идутъ въ Архан-

гельскую губернію, или бѣгутъ оттуда ясенъ. Большіе населенные посады и селенія остаются безъ врачебной помощи; о небольшихъ поселеніяхъ и говорить не приходится. Ни врача, ни фельдшера, ни больницъ—на сотни верстъ во всѣ стороны!

Важнѣйшимъ хозяйственно-земскимъ дѣломъ для Архангельской губерніи является сооруженіе грунтовыхъ дорогъ. Естественныхъ, природныхъ ни прохода, ни проѣзда здѣсь нѣтъ. Буквально шагу сдѣлать нельзя весной, лѣтомъ и осенью. То тундры, то болота, то непроѣздныя топи, то чащи лѣсовъ. Какое же экономическое развитіе края, богатаго дарами природы, возможно при бездорожьѣ?

Между тѣмъ, сооружаемыя мѣстной администраціей дороги требуютъ громадныхъ ассигнованій, нисколько не улучшая дорожнаго дѣла. Вотъ, напримѣръ, одно изъ послѣднихъ дорожныхъ сооруженій. Съ 1901 г. губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ проводилась дорога отъ г. Онеги до г. Кеми (участокъ Унежма-Кемь). Дорога строилась шесть лѣтъ—и такъ и не достроилась. *Ни проѣхать, ни пройти по дорогѣ нельзя и поднесь* — а израсходовано на нее свыше 200 тыс. рублей, да безконечное количество бревенъ и деревьевъ, отпущенныхъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Первоначальныя смѣтныя исчисленія на дорогу предполагались въ 109.529 р. 06 к., но стоимость ея удвоилась и верста (протяженіе участка—212 вер.) обошлась въ 1.000 рублей. Послѣ ряда корреспонденцій въ мѣстныхъ газетахъ, послѣ безконечныхъ жалобъ губернатору со стороны мѣстнаго населенія на полнѣйшую негодность дороги, а также жалобъ со стороны рабочихъ на постоянныя задержки и неправильности въ разсчетахъ за работы, была, наконецъ, назначена губернаторская ревизія дороги. Общій выводъ ревизіи—полная непроѣздность дороги или, точнѣе, не дороги, а того, что есть или должно бы было быть на мѣстѣ, гдѣ она проводилась, такъ какъ тамъ ничего не оказалось, кромѣ сплошной „топи“ и „бучи“.

Осмотръ губернаторомъ дороги привелъ къ удаленію изъ Архангельской губерніи инженера-строителя ея. Но... возъ и нынѣ тамъ, на этой непроѣздной дорогѣ и на другихъ дорогахъ, которыя всѣ здѣсь строились и строятся одинаково скверно. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сооруженіе ихъ не перейдетъ въ руки земскихъ работниковъ.

Масса денегъ совершенно непроизводительно и неразсчетливо бросается губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ и на подводную повинность. „Земскія“ станціи въ губерніи содержатся *хозяйственнымъ* способомъ. Это—верхъ безхозяйственности. Не обошлось бы дѣло, конечно, безъ крупныхъ недочетовъ и при сдачѣ станцій съ подряда; но при какомъ бы то ни было контролѣ надъ содержателями станцій со стороны

администраціи всетаки можно было бы завести хоть нѣкоторый порядокъ. И, нѣтъ сомнѣнія, безгранично дешевле обходилась бы сдача станцій контрагентамъ, чѣмъ содержаніе ихъ хозяйственнымъ способомъ изъ Архангельска, за тысячи верстъ. Наилучшей характеристикой дѣйствующаго порядка могутъ служить слѣдующія слова изъ очерка о губернаторской поѣздкѣ по губерніи лѣтомъ 1908-го года, помѣщенной въ № 237 „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за тотъ же годъ: „Изъ с. Сороки начальникъ губерніи проѣхалъ до Сумы по Онего-Кемскому тракту, при чемъ выяснилось крайне неудовлетворительное состояніе какъ нѣкоторыхъ участковъ дороги, такъ равно и земской станціи въ селѣ Сорокѣ, содержимой, хозяйственнымъ способомъ, губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ"... Но, кажется, довольно и примѣровъ, и характеристикъ. Все по части земской хозяйственности въ Архангельской губерніи плохо или, точнѣе, никуда не годится, а всѣ затрачиваемыя суммы на экономическія и хозяйственныя нужды (суммы значительныя, какъ увидимъ ниже) поистинѣ бросаются въ болота и трясины архангельскихъ тундръ.

Г. Пшерадскій въ засѣданіи Государственной Думы говорилъ о слабомъ развитіи въ Архангельской губерніи общественной и экономической жизни. Но причина этого явленія лежитъ какъ разъ въ отсутствіи органовъ самоуправленія, да еще въ небреженіи къ близкой окраинѣ со стороны государственной власти. Всѣ нужды, давно назрѣвшія, мертвятся въ Архангельской губерніи бюрократическимъ, приказнымъ, дореформеннымъ способомъ ихъ удовлетворенія и вѣдѣнія. Полный застой въ хозяйственной жизни. Ни проектовъ, ни предположеній. А если что и дѣлается—пропадаетъ безслѣдно.

Первѣйшая, вопіющая нужда для развитія экономической жизни крайняго сѣвера — дороги, дороги и дороги. Куда двинешься безъ нихъ? Какъ что привезешь и отвезешь? А какъ онѣ строятся—мы видѣли.

Вопросъ введенія земскихъ учрежденій въ Архангельской губерніи — вопросъ жизни, развитія, процвѣтанія или экономической смерти.

Громадный край европейскаго русскаго сѣвера колоссаленъ не только пространствомъ: онъ колоссаленъ и богатствами лѣсовъ, водъ (рыба, морской звѣрь), нѣдръ (руды, нефть). Край съ несомнѣннымъ широкимъ будущимъ ждетъ только обновленія, реформъ, ждетъ школъ, больницъ, агрономовъ, техниковъ, маслодѣловъ, скотоводовъ, мастеровъ-консерваторовъ рыбы, ждетъ мелкаго земскаго кредита и т. д. Нѣтъ пока и рѣчи объ уменьшеніи рыбныхъ богатствъ губерніи. Только относительно одного вида рыбы—семги—назрѣваетъ вопросъ объ истощеніи, вслѣдствіе хищническихъ пріемовъ лова. Спасти эту

чудную сѣверную рыбу можетъ опять-таки только земство. Изъ архангельскихъ канцелярій и изъ Петербурга не услѣдить и не усмотрѣть!

Лѣсовъ въ Архангельской губерніи, казенныхъ и удѣльныхъ, десятки милліоновъ десятинъ. Историческія указанія и кое-какія (именно, къ сожалѣнію, кое-какія!) научныя изслѣдованія говорятъ за присутствіе въ нѣдрахъ сѣвера рудъ серебро-свинцовыхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, золота, нефти, каменнаго угля, соли, алебастра, мрамора и т. д.

Не смотря на географическое положеніе Архангельской губерніи и вопреки сложившемуся мнѣнію о недоступности ея для земледѣлія, у нея есть несомнѣнное сельско-хозяйственное будущее. Шенкурскій и Холмогорскій уѣзды—всецѣло земледѣльческіе; южныя части Архангельскаго, Онежскаго, Пинежскаго уѣздовъ и громадная часть Печорскаго также вполнѣ доступны для посѣвнаго, а главное — для молочнаго и маслодѣльнаго хозяйства. Громадныя водныя артеріи сѣвера даютъ чудные заливные луга и травы. Здѣсь колыбель лучшаго русскаго скота — холмогорскаго. Мезенскій уѣздъ даетъ извѣстныхъ силой и выносливостью лошадей мезенской породы. И посѣвное хозяйство, и въ особенности маслодѣліе и скотоводство только и ждутъ плодотворной земской помощи. Дайте населенію усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія (въ Архангельской губерніи царятъ соха—да и соха-то самая примитивная—и „коса-горбуша"), дайте ему сѣмена, научите искусственному травосѣянію, пришлите инструкторовъ маслодѣлія, введите агрономическую организацію—и сѣверъ сдѣлаетъ настолько крупные шаги даже въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, что сможетъ прокормить самъ себя своимъ хлѣбомъ, а на иностранные рынки будетъ вывозить милліоны пудовъ продуктовъ маслодѣлія и скотоводства.

Ждетъ земскихъ учрежденій Мурманъ—это сокровище и золотое дно русскаго сѣвера; ждутъ рыбные, звѣриные, лѣсные промыслы. Улучшеніе судостроенія, постройка жилищъ для рыбаковъ на Мурманѣ, санитарная обстановка промысловъ, страхованіе судовъ и промышленниковъ, урегулированіе условій ихъ ежегоднаго передвиженія на Мурманъ, Новую Землю, въ горло Бѣлаго моря и т. п.,—все ждетъ упорядоченія и контроля. А внѣ земства ихъ нѣтъ и не будетъ.

Въ Государственной Думѣ г. Пшерадскій выразилъ опасеніе, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій въ Архангельской губерніи могутъ быть обременены земскими сборами казенныя земли, въ виду отсутствія въ Архангельской губерніи частновладѣльческой земельной собственности. Смѣтныя расходныя исчисленія 1909-го года на губернскія земскія повинности составляютъ 630.863 руб. При сопоставленіи этой суммы, получившей утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, со смѣтными *предположеніями* мѣстнаго губернскаго начальства, вѣ-

дающаго хозяйственно-земское дѣло Архангельской губерніи, выступаетъ характерная, останавливающая на себѣ вниманіе особенность. Проектныя смѣтныя исчисленія расходовъ были опредѣлены въ суммѣ 1.000.045 руб., т.-е. при утвержденіи расходы были сокращены на 369.211 руб. Такое „урѣзаніе“ проектной смѣты со стороны министерства финансовъ и Государственной Думы исходило, вѣроятно, изъ вполнѣ понятнаго и справедливаго недовѣрія къ „приказному земству“. Поэтому всѣ новыя предположенія и „созидательныя“ мѣропріятія, на осуществленіе которыхъ и предполагались „урѣзанныя“ суммы, не получили утвержденія.

Архангельскимъ губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ намѣчались, между прочимъ, слѣдующіе неутвержденные расходы: на содержаніе 62-хъ временныхъ мостовъ и подвижныхъ переправъ — 17.136 руб.; на содержаніе Сумско-Повѣнецкаго и Койнасъ-Усть-Цылемскаго трактовъ, на ремонтъ большихъ постоянныхъ мостовъ и другихъ сооруженій—10.905 руб.; на оцѣнку земель и городскихъ и уѣздныхъ недвижимыхъ имуществъ — 6.000 руб.; на путевое довольствіе медицинскихъ чиновъ — 1.000 руб.; на постройку трехъ новыхъ сельскихъ лѣчебницъ — 30.000 рублей; на строительныя работы по архангельской больницѣ—11.666 рублей; на прогоны и суточное довольствіе ветеринарныхъ чиновъ — 500 руб.; на улучшеніе скотоводства — 2.000 руб.; на содержаніе двухъ агрономовъ — 4.500 руб.; на расширеніе сельско-врачебныхъ штатовъ — 202.000 руб.; на сельскохозяйственные склады—6.000 руб.; на распространеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, производство опытовъ съ искусственными удобреніями, по улучшенію луговъ, распространеніе популярныхъ сельскохозяйственаыхъ брошюръ, журналовъ и т. п. — 2.500 руб. Всѣ эти предположенія показываютъ, насколько губернія нуждается въ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ. Вѣдь они всѣ вызваны вопіющею, неотложною нуждою. И если даже мнѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ одержитъ верхъ и Архангельская губернія останется по прежнему горе мыкать безъ земскихъ учрежденій, то жизнь все таки заставитъ отпускать въ распоряженіе Приказа увеличенную смѣту, которая немедленно превыситъ милліонъ и будетъ расти и расти. А вмѣстѣ съ ростомъ расходовъ послѣдуетъ и увеличенное обложеніе архангельскихъ казенныхъ лѣсовъ, и всѣ эти увеличенныя смѣтныя ассигнованія въ милліонныхъ суммахъ будутъ безслѣдно, не улучшая хозяйственно-экономическаго положенія губерніи, тонуть въ болотахъ и тундрахъ.

Спрашивается, чего же нужно опасаться: введенія ли земскихъ учрежденій, при которыхъ расходуемые милліоны, раціонально затрачиваемые, дадутъ крайнему сѣверу хорошую медицину и хорошія школы,

поднимутъ и улучшатъ промыслы, помогутъ населенію въ борьбѣ съ тяжелыми природными условіями—или же оставленія существующаго „приказнаго" бросанія тѣхъ же суммъ совершенно непроизводительно и безрезультатно?

Насколько, затѣмъ, можно и по существу опасаться обремененія земскими сборами казенныхъ лѣсовъ Архангельской губерніи? Дѣйствующая смѣта на земскія повинности въ ней составляется изъ слѣдующихъ главныхъ сборовъ: съ промысловыхъ свидѣтельствъ и т. д.—12.900 руб., съ недвижимыхъ имуществъ въ городскихъ поселеніяхъ—41.339 руб., съ фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній, промышленныхъ и торговыхъ помѣщеній и т. д.—68.762 руб., съ земель и лѣсовъ частныхъ владѣльцевъ, крестьянъ и городовъ—57.896 руб., съ земель удѣльнаго вѣдомства—36.780 рублей, съ земель казенныхъ—344.013 руб.

По свѣдѣніямъ „Памятной книги лѣсничествамъ Архангельской губерніи" (изданіе архангельскаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 1907 г.), удобной лѣсной площади, принадлежащей казнѣ, въ губерніи числится 30.918.750 десятинъ, всей же земли подъ лѣсами, удобной и неудобной, 42.973.344 десятины. Принимая въ соображеніе лишь удобную лѣсную площадь, въ настоящее время казенные лѣса несутъ расходовъ на земскія повинности по 1,11 коп. съ десятины. Еслибы даже съ введеніемъ земскихъ учрежденій земское обложеніе увеличилось вдвое, сборъ съ казенныхъ лѣсовъ составилъ бы по 2,22 коп. съ десятины. Эта цифра не страшна и не можетъ считаться обременительной для казенныхъ лѣсовъ сѣвера, эксплуатація которыхъ приняла широкіе размѣры и все расширяется. Заграничный экспортъ лѣсныхъ товаровъ изъ архангельскаго порта достигъ въ 1908 г. 40 мил. пудовъ; около 13 мил. пудовъ вывезено изъ другихъ бѣломорскихъ портовъ. Источниками земскаго обложенія должны явиться, притомъ, все болѣе и болѣе развивающіе свою дѣятельность лѣсопильные паровые заводы Архангельской губерніи. Расширяя операціи, заводы растутъ и количественно. Лѣтъ пять тому назадъ ихъ было 32, теперь уже болѣе 40; въ одномъ Архангельскѣ за два года возникло вновь четыре завода и два будутъ строиться. Цѣнность ежегодно экспортируемаго лѣса—до 15.000.000 руб. Оцѣнены заводы для взиманія земскихъ сборовъ, какъ и всѣ другія имущества въ не-земской губерніи, „на глазокъ", ниже дѣйствительности. Производство правильной оцѣнки, съ участіемъ техническихъ силъ (необходимость чего видитъ и распорядительный комитетъ, истратившій ассигнованіе на производство переоцѣнки), дастъ, конечно, повышенную сумму сборовъ съ заводовъ, а также съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній.

Насколько быстро увеличивается заводская лѣсопильная промышленность, говорятъ слѣдующія цифры. Изъ архангельскаго порта отправлено за границу лѣсныхъ матеріаловъ: въ 1901 г.—21.722.530 пудовъ, въ 1904 г.—23.711.584 пудовъ, въ 1905 г.—28.554.001 пуд., въ 1907 г.—31.032.616 пуд., въ 1908 г.—41.000.000 пудовъ. Едва ли можно сказать, въ виду этихъ цифръ, что экономическая жизнь крайняго сѣвера развита очень слабо. Во всякомъ случаѣ она находится въ періодѣ развитія. О томъ же свидѣтельствуютъ быстро расширяющіяся на крайнемъ сѣверѣ пароходство и судоходство. Кромѣ громадной компаніи Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходнаго общества, въ послѣднія пять-семь лѣтъ возникло и окрѣпло морское пароходство И. И. Буркова (мѣстнаго помора, создавшаго полумилліонное пароходное дѣло безъ субсидій, исключительно личной предпріимчивостью). Увеличиваютъ съ каждымъ годомъ операціи и число рейсирующихъ рѣчныхъ пароходовъ пароходство Котласъ-Архангельскъ, Сѣверо-Двинское пароходное общество и друг. Въ прошломъ году возникло въ Архангельскѣ и на Мурманѣ крупное милліонное рыбопромышленное и звѣропромышленное предпріятіе купца Масленникова. Сѣверъ, несомнѣнно, идетъ къ развитію своихъ природныхъ богатствъ. Откройте ему широкіе пути—и его ждетъ могучій и широкій расцвѣтъ. Одинъ изъ этихъ широкихъ и вѣрныхъ путей — земскія учрежденія. Вводите ихъ, немедленно и не колеблясь, въ колоссальномъ, заброшенномъ краѣ!

Н. Мамадышскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1910 г.

Итоги минувшаго года.—Партизаны и вспомогательныя войска реакціи.—Поддерживающіе или поддерживаемые?—Характерное воззваніе.—Новый фазисъ финляндскаго вопроса. — „Націонализмъ" и мѣстный судъ. — Рѣчь депутата Шульгина.— Вопросъ о выборѣ или назначеніи предсѣдателя мирового съѣзда. — Два эпизода думскихъ преній.—Post-scriptum.

Когда въ государственномъ строѣ царитъ неопредѣленность, когда господствующая роль принадлежитъ сторонникамъ застоя или регресса, когда всякій шагъ впередъ наталкивается на безконечныя препятствія, а передъ движеніемъ назадъ открыта широкая дорога, тогда

каждый день, заканчивающійся безъ перемѣны къ лучшему, ухудшаетъ положеніе страны. Все больше и больше накопляется элементовъ недовольства, все больше падаетъ вѣра въ скорое наступленіе нормальныхъ условій, все труднѣе становится возвратъ къ прерванному мирному развитію. Таковы, къ несчастью, итоги минувшаго года. Вмѣсто давно ожидаемаго просвѣта онъ принесъ съ собою сгущеніе тьмы. Какъ ни безотрадно прошлое, отходною которому долженъ былъ послужить манифестъ 17-го октября, еще печальнѣе, во многихъ отношеніяхъ, переживаемое нами время. И не только потому, что одна за другою рушатся недавнія надежды, одно за другимъ воскресаютъ стремленія, казавшіяся похороненными. На нашихъ глазахъ образуются новыя комбинаціи реакціонныхъ силъ, грозящія новыми усложненіями, новыми опасностями.

Въ до-конституціонную эпоху, даже въ самые мрачные ея моменты, иниціатива рестриктивныхъ и репрессивныхъ мѣръ исходила почти исключительно изъ правительственныхъ сферъ. Активная ихъ поддержка со стороны общества встрѣчалась сравнительно рѣдко, какъ потому, что въ глазахъ власти она была излишней или даже неумѣстной, такъ и потому, что не успѣла еще образоваться привычка къ дѣятельности внѣ обычныхъ, тѣсныхъ рамокъ—особенно къ дѣятельности коллективной. Исключеніемъ изъ общаго правила являлся, въ послѣдніе годы своей жизни, одинъ Катковъ, да и то исключеніемъ скорѣе кажущимся: реально вліятельными его внушенія и совѣты оказывались лишь въ той мѣрѣ, въ какой они совпадали съ намѣреніями и взглядами Побѣдоносцева и гр. Д. Толстого. Даже и въ этой роли, въ сущности довольно скромной, Катковъ не имѣлъ преемниковъ—до такой степени мало она гармонировала съ общимъ ходомъ тогдашней политической жизни. Можно, пожалуй, указать еще одно исключеніе, уже не личнаго характера: можно утверждать, что не въ средѣ администраціи, а въ средѣ общества начался походъ противъ финляндскихъ „привилегій". На самомъ дѣлѣ, однако, этотъ походъ былъ порожденіемъ правительственной системы, выразившейся въ извѣстной формулѣ: Россія для русскихъ. Объявить войну „засилію" инородцевъ и смѣшать съ засиліемъ всякое, хотя бы самое слабое проявленіе самостоятельности значило благопріятствовать, партизанскимъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ той же цѣли. Задачей „добровольцевъ" было раскрытіе слабыхъ пунктовъ, требующихъ укрѣпленія—а самое укрѣпленіе производилось или предпринималось непосредственно органами власти. Во всемъ остальномъ работа спутниковъ правительственной колесницы имѣла еще меньшее значеніе. Прислуживающаяся — или прислушивающаяся — печать занималась преимущественно пѣніемъ хвалебныхъ гимновъ, сопровождаемыхъ нѣкото-

рымъ количествомъ „извѣщеній"; а внѣ печати организацій, которыя пытались бы служить точками опоры для существующаго строя, не было вовсе.

Не то мы видимъ теперь. Средства, которыми располагаетъ правительственная власть, остались, въ значительной мѣрѣ, прежнія; мало измѣнились и пріемы пользованія ими—но рядомъ съ главною арміей выступаютъ на сцену не мелкіе, кое-какъ сформированные отряды, а настоящія вспомогательныя войска. Оффиціозныя или „пріятныя" газеты различныхъ оттѣнковъ—т. е. различныхъ степеней обскурантизма — функціонируютъ въ качествѣ застрѣльщиковъ; за ними идутъ компактныя массы разныхъ „союзовъ"—*массы*, положимъ, не столько въ дѣйствительности, сколько въ воображеніи или на языкѣ ихъ ораторовъ и вождей, но восполняющія количественные и качественные свои дефекты обиліемъ внѣшнихъ связей и подпорокъ. Провозглашая себя охраной всего режима или какой-либо отдѣльной его стороны, „монархическіе" и другіе, подобные имъ союзы въ дѣйствительности не столько поддерживаютъ, сколько поддерживаются, не столько даютъ, сколько получаютъ. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, во что обратился бы „союзъ русскаго народа", еслибы въ числѣ его членовъ не было епископовъ, генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, въ числѣ его доброжелателей — и болѣе высоко поставленныхъ лицъ, еслибы его ходатайства встрѣчали менѣе благосклонный пріемъ, его адресы— менѣе широкое распространеніе. Мало значащія сами по себѣ, организаціи этого рода не принадлежатъ, однако, къ числу quantités négligeables. Ихъ крѣпость, хотя и заимствованная, не можетъ быть скинута со счетовъ, пока продолжается заимствованіе. Не лишена значенія, иногда, даже мнимая, воображаемая точка опоры; вѣдь и миражъ, вѣдь и иллюзія поддержки увеличиваетъ увѣренность въ успѣхѣ— а слѣдовательно, и шансы успѣха.

Насъ могутъ спросить, что же ненормальнаго мы видимъ въ образованіи коллективныхъ единицъ, считающихъ себя призванными къ активной политической роли? Вѣдь если ихъ не было у насъ раньше, то именно вслѣдствіе отсталости политическаго строя, основнымъ мотивомъ котораго могъ бы служить варіантъ извѣстной формулы: Italia fara da se. Самодовлѣющей считала себя до-конституціонная бюрократія, не допускавшая мысли о раздѣленіи съ кѣмъ бы то ни было своего вліянія и своей власти. Какъ только наступило новое время, старый девизъ неизбѣжно долженъ былъ уступить мѣсто другому—и для бюрократіи не было больше причины отказываться отъ предлагаемыхъ ей услугъ. Мы готовы были бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но только при наличности двухъ условій: при одинаковой для всѣхъ свободѣ составлять политическія группы—и при рѣшительномъ

разрывѣ съ тѣми сторонами прошлаго, которыя привели къ крушенію стараго порядка. Ни того, ни другого условія настоящее не представляетъ. Образованіе политическихъ организацій является у насъ не правомъ, а привилегіей, обратившейся, какъ и слѣдовало ожидать, въ privilegium odiosum. Если не въ наше законодательство, то въ нашу практику введено нигдѣ (при существованіи народнаго представительства) неслыханное понятіе о „легализаціи партій". Немногимъ—все, многимъ—ничего: вотъ къ чему сводится торжествующее теперь теченіе. Для должностного лица принадлежность къ одной партіи—залогъ благоволенія начальства, принадлежность къ другой—постоянный рискъ увольненія отъ службы. Для частныхъ лицъ принадлежность къ одной партіи—нѣкоторая гарантія безнаказанности, принадлежность къ другой—постоянно грозящая возможность судебной или административной кары. Построенный на такихъ началахъ, союзъ между властью и симпатичными ей организаціями нарушаетъ равновѣсіе, необходимое для правильнаго хода политической жизни. Чтобы возстановить его, не нужно никакихъ запрещеній: достаточно осуществить обѣщанную манифестомъ 17-го октября свободу обществъ и собраній и поставить правительство *внѣ партій*, пока не станетъ возможнымъ *управленіе чрезъ посредство партіи* — управленіе, необходимою предпосылкой котораго служитъ равноправность партій.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что послѣднею цѣлью наиболѣе покровительствуемыхъ политическихъ группъ является *реставрація*—реставрація, болѣе или менѣе полная, именно того, что̀ пало или поколебалось подъ напоромъ событій и подъ бременемъ собственной слабости. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ привело Россію къ ряду небывалыхъ внѣшнихъ неудачъ и внутреннихъ потрясеній? Неограниченность власти, несовмѣстная съ уваженіемъ къ закону; господство произвола, распространявшагося сверху внизъ и не оставлявшаго мѣста для права; все болѣе и болѣе углублявшаяся пропасть между сословіями, политически одинаково безправными, но слишкомъ различно поставленными на общественной лѣстницѣ; приниженность и постоянно растущее обѣднѣніе народной массы; быстрое развитіе промышленности, безъ соотвѣтственныхъ перемѣнъ въ положеніи рабочаго класса; вынужденное безмолвіе общества; враждебное отношеніе къ инородцамъ и иновѣрцамъ, устранявшее возможность прочнаго сближенія ихъ съ русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ. И вотъ, все это составляетъ теперь предметъ реакціонныхъ вожделѣній, различныхъ по степени интенсивности, но близкихъ между собою по духу. Забытъ или намѣренно отброшенъ въ сторону продолжительный, тяжелый опытъ, одно время, казалось, раскрывшій глаза даже слѣпымъ. Не говоримъ уже о „союзѣ русскаго народа", идущемъ прямо на проломъ къ своему

завѣтному идеалу; не говоримъ объ „объединенномъ дворянствѣ“, ревниво оберегающемъ свои насиженныя позиціи; не говоримъ о миссіонерскихъ съѣздахъ, по прежнему возлагающихъ всѣ свои надежды на „свѣтскую руку“. Даже внѣ этихъ крайностей, какъ много нитей, соединяющихъ настоящее съ наименѣе симпатичными чертами минувшей эпохи! Какъ сильны еще предубѣжденія противъ свободы слова! Какъ невелико, въ сущности, различіе между дѣйствующими „охранами“ и проектируемымъ, при благосклонномъ участіи не однихъ только „правыхъ“, „исключительнымъ положеніемъ“! Какъ далека отъ истинныхъ началъ самоуправленія земская реформа, одобряемая земскими членами совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства! Какъ недостаточна гарантія правосудія, представляемая, при данныхъ условіяхъ, цензовыми избранниками цензовыхъ земскихъ собраній! Какъ медленно двигаются законопроекты, касающіеся нуждъ рабочаго класса — и сколько преградъ встрѣчаютъ его собственныя попытки оградить свои профессіональные интересы! Какъ мало принимаются въ разсчетъ истинныя потребности крестьянства!.. Но всего ярче, быть можетъ, значеніе переживаемаго нами момента выступаетъ тогда, когда рѣчь идетъ объ одномъ изъ жгучихъ „окраинныхъ“ вопросовъ. Больше чѣмъ когда-либо эти вопросы теперь обострены—и больше чѣмъ гдѣ-либо здѣсь можно наблюдать взаимодѣйствіе правительства и общественныхъ организацій, создаваемыхъ новыми условіями политической жизни.

Къ числу такихъ организацій принадлежитъ основанный на дняхъ всероссійскій національный клубъ. Судя по его названію, можно было бы предположить, что онъ представляетъ собою какъ бы эманацію думской фракціи націоналистовъ, къ которой примкнули недавно „умѣренно-правые“ члены Думы. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: между учредителями клуба есть крайніе правые, есть и октябристы. Менѣе оффиціальный характеръ клуба позволяетъ ему яснѣе выразить свои намѣренія и взгляды, чѣмъ это могла бы сдѣлать парламентская партія. И дѣйствительно, въ достоинствѣ откровенности воззванію клуба отказать нельзя. Говоря отъ имени русскаго народа и называя себя „потомствомъ строителей имперіи“, учредители клуба считаютъ себя и вообще „русскихъ людей“ „оттѣсненными, на многихъ позиціяхъ государственности и культуры, на второй планъ“, господство ихъ—„въ опасной степени поколебленнымъ“. „Долгъ первородства“, по словамъ воззванія, обязываетъ „не выпускать“ государственную власть изъ рукъ чисто-русскихъ. „Вполнѣ слившіяся съ Россіей народности“ составляютъ съ нею одну душу и одно тѣло; но племена, желающія жить „въ отдѣленности“, должны быть разсматриваемы какъ „чужеядные организмы“ и поставлены „въ условія того естественнаго неравенства, какое создаетъ ихъ собственное обо-

собленіе“. Народъ русскій „долженъ отстоять свое верховенство и свое единодержавіе въ распоряженіи государствомъ“.—Мы могли бы спросить авторовъ воззванія, вполнѣ ли они сознаютъ значеніе своихъ словъ, готовы ли они всегда и во всемъ признавать за *русскимъ народомъ* право *распоряженія государствомъ*; мы могли бы спросить, когда и въ чемъ выражалось „поколебленное“ теперь *господство* русскихъ людей; мы могли бы спросить, въ какой степени трудами предковъ оправдываются притязанія потомковъ. Но насъ интересуетъ теперь другое: для насъ важно не то, какъ понимаютъ гг. націоналисты прошедшее Россіи, а то, что̀ они готовятъ для нея въ будущемъ. Подъ именемъ племенъ, живущихъ „въ отдѣленности“, разумѣются, очевидно, всѣ тѣ, которыя сохраняютъ—и хотятъ навсегда сохранить—свою національную самобытность, свой языкъ, свою литературу, свою вѣру, свои обычаи и нравы. Болѣе чѣмъ кому-либо законность этой привязанности къ *своему*, этой вѣрности завѣтамъ, переходящимъ изъ рода въ родъ, должна была бы быть понятна именно „націоналистамъ“, достойнымъ этого имени. Нельзя примѣнять къ себѣ и къ другимъ діаметрально противоположныя мѣрки; нельзя карать другихъ за то, чѣмъ любуешься и гордишься въ самомъ себѣ. Авторамъ воззванія непростительно забывать, что для *полнаго слiянiя* съ чужой народностью недостаточно одной доброй воли: нужна *возможность* разрыва съ прошлымъ, обусловливаемая его бѣдностью, его слабою жизнеспособностью. Народность, достигшая извѣстной степени духовнаго развитія, не можетъ, еслибы и захотѣла, перестать быть сама собою. Неужели это такая вина, за которую слѣдуетъ поплатиться потерей или ограниченіемъ правъ? Неужели изъ такого „обособленія“ „естественно“ вытекаетъ политическое неравенство?.. Безусловнымъ „обособленіе“ народности, принадлежащей къ меньшинству населенія, не бываетъ, притомъ, никогда. Она уплачиваетъ налоги, несетъ повинности, не исключая и самой тяжелой — обязательной военной службы; она участвуетъ въ защитѣ государства и увеличиваетъ своимъ трудомъ народное богатство; она не меньше другихъ заинтересована въ нормальномъ развитіи законодательства, въ правильной организаціи суда, въ разумномъ и умѣломъ управленіи страною. Одинаковымъ обязанностямъ должны соотвѣтствовать одинаковыя права, одинаково важнымъ интересамъ — одинаково дѣйствительные способы ихъ защиты. Неравенство, такъ безцеремонно провозглашаемое представителями клубнаго національнаго, не только не можетъ быть названо естественнымъ: оно противорѣчитъ самымъ основнымъ требованіямъ справедливости и политической мудрости—противорѣчитъ, слѣдовательно, идеальной природѣ государства. Безправіе или неравноправность инородцевъ служитъ постояннымъ источникомъ недоволь-

ства, заключающаго въ себѣ зародышъ серьезной опасности. Подобно тому, какъ рабство или крѣпостное право гибельно отражалось и на рабахъ, и на рабовладѣльцахъ, угнетеніе меньшинства вредитъ не только ему одному. Господствующая народность не можетъ возвыситься до настоящей свободы, если не свободны вокругъ нея всѣ остальныя — а политическая свобода немыслима безъ пользованія политическими правами. Особенно ненормальной неравноправность народностей является именно въ конституціонномъ государствѣ. Гнетъ абсолютизма чувствуется и „господствующею народностью", хотя, быть можетъ, и въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ другими; устанавляется, такимъ образомъ, нѣкоторое своеобразное равенство. Иное дѣло, когда въ роли утѣснителя является сама господствующая народность: на нее переходитъ и главная доля отвѣтственности—если она сама способствуетъ установленію такого положенія или хотя бы пассивно съ нимъ мирится.

Печально видѣть, что именно теперь „націонализмъ" — или, правильнѣе, лже-націонализмъ—начинаетъ распространяться въ нашемъ обществѣ. Не думаемъ, чтобы онъ шелъ далеко въ глубину и ширину; но важно то, что онъ проникаетъ въ вліятельныя сферы, захватывая, напримѣръ, весьма многихъ изъ числа членовъ Государственной Думы. Въ недобрый часъ появившаяся на свѣтъ формула: „Россія для русскихъ" врѣзывается клиномъ въ процессъ обновленія государства. Та Россія, которой предстоитъ свѣтлое будущее, должна существовать не для однихъ только русскихъ по происхожденію и языку, а для всѣхъ обитающихъ въ ея предѣлахъ, для всѣхъ, вольно или невольно, но тѣсно связанныхъ съ ея судьбою. Всѣмъ должна быть открыта возможность устраивать свою жизнь съ пользою для себя и безъ вреда для государства. Въ итогѣ работы, свободно совершаемой отдѣльными лицами и группами лицъ, непремѣнно долженъ получиться плюсъ для цѣлаго. И какимъ образомъ равноправность съ не-русскими гражданами России могла бы оказаться опасной для русскихъ? Вѣдь русскіе не только составляютъ большинство населенія: они никому не уступаютъ ни въ природныхъ дарованіяхъ, ни въ способности къ труду, они создали великую литературу, они быстро идутъ впередъ въ области науки и искусства. Если ихъ опередили инородцы на нѣкоторыхъ „позиціяхъ культуры" (о „позиціяхъ государственности" въ данномъ случаѣ говорить не приходится, такъ какъ онѣ слишкомъ еще недавно и въ слишкомъ незначительной степени стали у насъ доступными для простыхъ смертныхъ), — то нѣтъ причины думать, что имъ не удастся достигнуть, собственными силами, того же или еще болѣе высокаго уровня. Хуже всякихъ враговъ тѣ непрошенные друзья, въ чьихъ глазахъ условіемъ поступа-

тельнаго движенія для русскихъ должна служить приниженность всего не-русскаго.

Самой яркой иллюстраціей ко всему сказанному выше является послѣдній фазисъ финляндскаго вопроса. Обостреніе его сдѣлалось возможнымъ именно потому, что оффиціальное отношеніе къ нему нашло поддержку въ извѣстной части русскаго общества. Прежде финнофобія свирѣпствовала только въ небольшомъ кружкѣ писателей и журналистовъ; теперь ея потокъ разлился гораздо шире и проникъ въ Государственную Думу. Еслибы пренія, происходившія здѣсь въ маѣ 1908-го года, получили иное направленіе и иной исходъ, не такимъ ускореннымъ темпомъ пошли бы, можетъ быть, событія, исходной точкой которыхъ послужило изданіе правилъ 20-го мая. Въ настоящую минуту близка, повидимому, развязка, тяжесть которой отразится непосредственно на Финляндіи, но рано или поздно почувствуется и Россіей. Новыя объясненія финляндскихъ членовъ смѣшанной коммиссіи не привели къ цѣли; предсѣдатель коммиссіи присоединился къ „предположеніямъ" русскихъ членовъ, подробно разобраннымъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи—и состоявшееся такимъ образомъ постановленіе представлено на усмотрѣніе совѣта министровъ.

Еще яснѣе, чѣмъ въ первоначальныхъ предположеніяхъ финляндскихъ членовъ, правильность основного финляндскаго тезиса выступаетъ на видъ въ заключительной его мотивировкѣ. Совершенно безспорно, что во всемъ касающемся отбыванія воинской повинности и завѣдыванія воинскими частями рѣшающій голосъ, по смыслу финляндскаго проекта, долженъ былъ принадлежать монарху. Совершенно вѣрно, что представители Финляндіи признавали ее частью россійской имперіи, а финскую націю—не считали независимою отъ Россіи. Совершенно вѣрно, что они допускали необходимость *измѣнить*, въ интересахъ Россіи, права, предоставленныя финскому народу, но съ тѣмъ, „чтобы не былъ поколебленъ фундаментъ, на которомъ зиждется общественный строй Финляндіи". Почва для соглашенія, со стороны Финляндіи, несомнѣнно была на лицо—но на нее не захотѣли вступить русскіе члены коммиссіи. Центръ тяжести защищаемой ими точки зрѣнія заключается, по выраженію г. Корево, „въ первыхъ двухъ статьяхъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ незыблемыя права законодательныхъ собраній имперіи на всемъ ея пространствѣ, не исключая и Финляндіи". Чтобы оцѣнить по достоинству это мнѣніе, достаточно припомнить текстъ закона. „Государство россійское едино и нераздѣльно (ст. 1-ая осн. зак.). Великое княжество финляндское, составляя нераздѣльную часть государства

россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства" (ст. 2-ая). Совершенно ясно, что если „особымъ законодательствомъ" Финляндіи создано такое „особое установленіе", какъ представительство финляндскаго народа, то для „внутреннихъ дѣлъ" великаго княжества оно замѣняетъ собою законодательныя собранія имперіи. Единства и нераздѣльности имперіи это нисколько не устраняетъ и не нарушаетъ; иначе непонятно было бы существованіе ст. 2-ой рядомъ съ ст. 1-ою. Взятыя вмѣстѣ, обѣ статьи имѣютъ, очевидно, такой смыслъ: Финляндія не можетъ быть отдѣлена отъ имперіи, въ составъ которой входитъ, но управленіе ею можетъ и должно быть устроено на особыхъ началахъ, обезпечивающихъ „финскому народу" самостоятельное существованіе. Правда, могутъ быть случаи, когда внутреннія дѣла Финляндіи такъ тѣсно соприкасаются или сплетаются съ внутренними дѣлами имперіи, что разрѣшеніе однихъ отдѣльно отъ другихъ представляетъ существенныя затрудненія, особенно со времени введенія въ имперіи конституціоннаго строя. Но вѣдь этого никогда не отрицали финляндскіе политическіе дѣятели. Въ коммиссіи, только что закончившей свои занятія, они предложили способъ рѣшенія подобныхъ дѣлъ. Можно находить, что этотъ способъ неудобенъ, нецѣлесообразенъ—но нельзя отвергать его en bloc, основываясь на такомъ толкованіи закона, которое правильнѣе было бы назвать прямымъ его нарушеніемъ.

Не выше разсужденій г. Корево стоитъ и аргументація г. Дейтриха. „Финляндія" — сказалъ онъ въ послѣднемъ засѣданіи коммиссіи—„*русская провинція*, имѣющая лишь *областное самоуправленіе*, дарованное ей русскою государственною властью. Поэтому отправная точка нашего проекта — основные государственные законы и Высочайшіе манифесты 3 февраля 1899, 6 августа 1905 и 20 февраля 1906 гг.". Дальше онъ выразилъ удивленіе тому, что финляндскіе члены коммиссіи „обошли молчаніемъ такой огромной важности актъ, какъ манифестъ 6-го августа 1905-го года, указывающій на необходимость включенія выборныхъ отъ населенія великаго княжества въ составъ Государственной Думы".—Вопросъ о томъ, можно ли считать *провинціей—страну*, населеніе которой оффиціально именовалось *финскимъ народомъ*, можно ли считать *областнымъ самоуправленіемъ*—порядокъ, закрѣпленный спеціальными основными законами и не подлежащій измѣненію безъ согласія *представителей народа*—исчерпанъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи. По нашему глубокому убѣжденію, онъ не допускаетъ двухъ различныхъ рѣшеній. Совершенно непонятно, почему въ выборѣ „отправной точки" г. Дейтрихъ не идетъ далѣе манифеста 3-го февраля 1899-го года, дѣйствіе котораго давно прі-

остановлено, — и почему, говоря объ основныхъ законахъ имперіи, онъ умалчиваетъ объ основыхъ законахъ великаго княжества. Что финляндскіе члены коммиссіи не упомянули о манифестѣ 6-го августа—это объясняется не только тѣмъ, что онъ потерялъ свою силу, но и тѣмъ, что въ немъ вовсе не былъ установленъ порядокъ участія выборныхъ отъ Финляндіи въ Государственной Думѣ; сказано было только, что этотъ порядокъ будетъ опредѣленъ особо.—Если слабость доводовъ можетъ служить доказательствомъ неосновательности тезиса, то юридическая часть рѣчи г. Дейтриха должна быть признана плохой услугой защищаемому имъ дѣлу.

По мнѣнію г. Дейтриха, у финляндцевъ „не предполагается отнять ничего изъ принадлежащаго имъ по праву; у нихъ останется ихъ собственное внутреннее законодательство". Того же взгляда держится и предсѣдатель коммиссіи. „Сѣтованія, будто бы вырабатываемою законодательною мѣрою будутъ ограничены права финскаго народа", кажутся г. Харитонову „совершенно неумѣстными": вѣдь „въ отношеніи внутренняго, мѣстнаго финляндскаго законодательства существующія правила оставляются въ силѣ". Нѣтъ: „предположеніями" русскихъ членовъ коммиссіи эти правила сводятся если не къ нулю, то къ минимальному остатку. Припомнимъ, что общегосударственное значеніе русскіе члены коммиссіи признаютъ за цѣлымъ рядомъ существенно важныхъ вопросовъ, касающихся одной Финляндіи (уголовное право, судопроизводство, судоустройство, школьное дѣло, печать, общества, союзы, публичныя собранія, монетная система и т. п.). Все это— а также все то, что впослѣдствіи можетъ быть подведено подъ ту же рубрику—изъемлется, по мысли большинства коммиссіи, изъ сферы мѣстнаго, „особаго" законодательства Финляндіи, низводимаго, тѣмъ самымъ, на степень какого-то сборника „обязательныхъ постановленій". Съ извѣстной точки зрѣнія это логично: вѣдь если Финляндія— провинція, которой дано „областное самоуправленіе", то финляндскій сеймъ не долженъ обладать бо̀льшими правами, чѣмъ любое губернское земское собраніе... Совершенно правы, поэтому, финляндскіе члены коммиссіи, утверждая, что „предположеніями" русскихъ членовъ уничтожается экономическая самостоятельность Финляндіи, что они влекутъ за собою примѣненіе къ ней правовыхъ нормъ и порядковъ, сложившихся на другой почвѣ и чуждыхъ воззрѣніямъ финскаго народа. Совершенно правы они и тогда, когда восклицаютъ: „уже одно правило объ охранѣ государственнаго порядка (т.-е. о регулированіи ея въ Финляндіи общегосударственнымъ закономъ) даетъ возможность примѣнять въ Финляндіи почти какія угодно мѣры". Понятно и заключеніе, къ которому приходятъ представители великаго княжества: „проведеніе такого проекта, какъ внесенный русскими членами, навлекло бы на

Финляндію великія несчастья. Уничтоженіе обезпеченной основными законами автономіи, которою Финляндія пользовалась въ теченіе цѣлаго столѣтія, будетъ принято финскимъ народомъ какъ величайшее испытаніе, которое могло бы его постигнуть".

Напрасно г. Дейтрихъ пытался сгладить впечатлѣніе, производимое этими простыми, правдивыми словами. „Еслибы Россія"—читаемъ мы въ его рѣчи—„желала совершить насиліе надъ маленькимъ народомъ, то въ теченіе истекшихъ ста лѣтъ нашла бы достаточно времени и силъ это совершить". Ея цѣль „соотвѣтствуетъ ея великодержавности и состоитъ въ развитіи культуры и благосостоянія всѣхъ подвластныхъ ей народовъ, и эта цѣль въ Финляндіи блистательно достигнута. Но вы не въ правѣ требовать, чтобы великое міровое государство поступалось своими кровными интересами въ пользу одной своей провинціи и въ угоду ей отказывалось отъ осуществленія неотложной насущной потребности всякаго государства въ единеніи и сплоченіи". Согласиться съ г. Дейтрихомъ можно только въ одномъ: что Россіи, въ теченіе ста лѣтъ, ничто не мѣшало совершить насиліе надъ Финляндіей. Она этого, къ счастію, не сдѣлала—благодаря чему и получился подчеркиваемый г. Дейтрихомъ результатъ: подъемъ культуры, увеличеніе благосостоянія финскаго народа. Выводъ отсюда ясенъ: нужно продолжать начатое, нужно сохранить условія, при которыхъ „блистательно достигнута" цѣль всякой мудрой государственной политики. Г. Дейтрихъ разсуждаетъ иначе: путемъ логическаго salto mortale онъ приходитъ къ заключенію, что нужно отказаться отъ способа дѣйствій, оказавшагося вполнѣ цѣлесообразнымъ, и замѣнить его другимъ, противоположнымъ. Или, можетъ быть, поступательное движеніе Финляндіи куплено цѣною потерь для Россіи? Быть можетъ, имъ нарушены „кровные интересы" имперіи, предупреждено или затруднено ея сплоченіе и единеніе? Нѣтъ: никогда единеніе между Россіей и Финляндіей не было такъ велико, какъ въ эпоху наиболѣе свободнаго развитія финляндской автономіи, между началомъ шестидесятыхъ и концомъ восьмидесятыхъ годовъ. „Кровный интересъ" всякаго культурнаго государства заключается въ установленіи живой связи между правительствомъ и управляемыми, въ *добровольномъ* повиновеніи послѣднихъ закону и законной власти. Именно такимъ было повиновеніе финляндцевъ до кризиса 1899-го года; именно такимъ оно было бы и въ будущемъ, при обоюдно-справедливомъ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи великаго княжества къ имперіи. Никакимъ искусственнымъ „сплоченіемъ" нельзя добиться внутренняго единства, возможнаго даже при величайшемъ разнообразіи, но невозможнаго при „равненіи по командѣ".

Многое зависитъ теперь отъ Государственной Думы. Большихъ

надеждъ на нее мы не возлагаемъ, помня, какую позицію заняло ея большинство при обсужденіи запроса по дѣламъ Финляндіи; но неужели она не внесетъ никакихъ поправокъ въ боевой законопроектъ, составленный г. Дейтрихомъ и другими русскими членами смѣшанной коммиссіи?

Націоналистическое теченіе отразилось весьма сильно и въ преніяхъ Государственной Думы о языкѣ, на которомъ должно происходить разбирательство у мировыхъ судей. Законопроектъ о мѣстномъ судѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ судебной коммиссіи, заключалъ въ себѣ требованіе, чтобы производство въ судебныхъ установленіяхъ — не исключая и мирового суда — происходило на русскомъ языкѣ. Къ соотвѣтствующей статьѣ законопроекта было предложено нѣсколько поправокъ, ограждавшихъ, въ различной степени, право не-русскаго населенія на употребленіе у мировыхъ судей своего родного языка. Противъ всѣхъ подобныхъ поправокъ выступилъ министръ юстиціи, ссылаясь, прежде всего, на ст. 3-ю основныхъ законовъ. На самомъ дѣлѣ эта статья доказываетъ прямо противоположное тому, что выводитъ изъ нея министръ. „Русскій языкъ— гласитъ она — есть языкъ общегосударственный и обязателенъ въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ. Употребленіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ опредѣляется особыми законами“. Совершенно очевидно, что первая часть статьи устанавляетъ общее правило, а вторая допускаетъ исключенія изъ него. Одно изъ такихъ исключеній и можетъ быть создано закономъ о мѣстномъ судѣ. Юридическая аргументація министра отпадаетъ, такимъ образомъ, сама собою. Она не помѣшала думскому большинству принять поправку къ законопроекту—правда, самую скромную, очень недостаточную (она была предложена деп. Антоновымъ, членомъ союза 17-го октября), но, во всякомъ случаѣ, открывающую мѣстнымъ языкамъ нѣкоторый доступъ въ область мѣстнаго суда.

Не на правовой, а на политической почвѣ произошла главная стычка. Во всю ширину развернулись здѣсь оба взгляда, непримиримость которыхъ обнаруживается, въ послѣднее время, все яснѣе и яснѣе. Всего типичнѣе для „націоналистовъ“ и ихъ націонализма рѣчь депутата Шульгина (изъ крайнихъ правыхъ), построенная не безъ искусства и даже съ претензіей—но только претензіей — на безпристрастіе. Онъ задался, прежде всего, вопросомъ, умѣетъ ли національная часть русскаго общества „ассимилировать, растворять въ себѣ инородческіе элементы“ — и, отвѣчая на него утвердительно, сослался на примѣръ Н. Х. Бунге, которому нѣмецкое происхожденіе и вѣрность лютера-

низму не помѣшали любить Россію, быть крестнымъ отцомъ г. Шульгина и выразить, передъ смертью, желаніе, чтобы надъ его могилой была совершена русская панихида. Утверждая, что такихъ людей между націоналистами много, г. Шульгинъ причислилъ къ нимъ Грингмута и Крушевана, объявившихъ себя русскими именно въ то время, когда это было невыгодно или даже опасно. Здѣсь оратору явно измѣнила память: онъ забылъ, что покойный редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" и покойный редакторъ „Бессарабца" „объявили себя русскими" задолго до наступленія эпохи, которую имѣетъ въ виду г. Шульгинъ... Что касается до Н. Х. Бунге, то его имя, безспорно чистое и честное, едва ли можетъ занять мѣсто драгоцѣннаго камня въ самодѣльной коронѣ націонализма. Ничего общаго съ тою частью русскаго общества, которую г. Шульгинъ называетъ „національной", онъ не имѣлъ; далекій отъ тогдашнихъ „націоналистовъ", онъ заслужилъ ненависть Каткова и не безъ содѣйствія „Московскихъ Вѣдомостей" пересталъ быть министромъ финансовъ. Его дѣятельность доказываетъ совсѣмъ не то, что̀ хочетъ подтвердить ею г. Шульгинъ: она свидѣтельствуетъ о томъ, что можно, оставаясь иновѣрцемъ и инородцемъ, работать на пользу русскаго народа... Дѣло, впрочемъ, не въ неудачныхъ примѣрахъ, приведенныхъ г. Шульгинымъ; дѣло въ томъ, что самый вопросъ поставленъ имъ совершенно невѣрно. Никто не сомнѣвался и не сомнѣвается въ возможности „ассимиляціи" отдѣльныхъ лицъ, въ способности ихъ „растворяться" въ чуждой имъ первоначально стихіи. Скажемъ болѣе: несомнѣнна ассимиляція цѣлыхъ племенъ, безслѣдно растворившихся въ русской народности. Но при какихъ условіяхъ совершалась эта ассимиляція? Была ли она результатомъ правительственной политики или дѣятельности искусственныхъ націоналистическихъ организацій? Нѣтъ: она происходила сама собою, благодаря притягательной силѣ непроизвольныхъ, безсознательныхъ ассимиляторовъ, т.-е. русской народной массы— и благодаря слабому сопротивленію ассимилируемыхъ, т.-е. племенъ менѣе одаренныхъ и менѣе устойчивыхъ. Не поддавались, не поддаются — и, прибавимъ, едва ли когда-либо поддадутся—обезличенію народности, у которыхъ есть своя исторія, свой обработанный и болѣе или менѣе богатый языкъ, своя литература, свой прочно сложившійся жизненный укладъ. А между тѣмъ, именно такимъ народностямъ и объявляютъ войну наши современные „націоналисты".

„Процессъ ассимиляціи неограниченъ или имѣетъ свои предѣлы"? Таковъ второй вопросъ, поставленный въ рѣчи г. Шульгина. Разрѣшаетъ онъ его признаніемъ, что предѣлъ есть, и уже наступилъ. Въ настоящее время, по мнѣнію г. Шульгина, „инородческая струя до такой степени уже сильна въ образованномъ классѣ, что больше пе-

рерабатывать ее мы не можемъ". Но развѣ ассимиляція—не отдѣльныхъ лицъ, мало интересная и не имѣющая существеннаго значенія, а цѣлыхъ племенъ (напр. Мордвы) — производилась образованнымъ классомъ?.. Неправильна, притомъ, самая постановка вопроса. Рѣчь должна идти не о томъ, поддаются ли инородцы обрусенію, а о томъ, нужно ли обрусеніе, осуществимо ли оно, цѣлесообразны ли прямо или косвенно направленныя къ нему мѣры, въ томъ числѣ — искусственное насажденіе государственнаго языка? Самъ г. Шульгинъ допускаетъ возможность „симбіоза, т.-е. мирнаго сожитія съ тѣми, кто хочетъ жить съ нами рядомъ",—но откладываетъ наступленіе его до того момента, когда будетъ накоплено достаточное количество „русскихъ культурныхъ силъ". Итакъ, инородцы должны терпѣть всякія невзгоды, всякія правоограниченія, потому что медленно совершался и совершается процессъ развитія русской культуры? И неужели для развитія одной части населенія необходимо и справедливо — подвергать всяческимъ стѣсненіямъ другія?.. Вся аргументація г. Шульгина бьетъ мимо цѣли. Если и признать, вмѣстѣ съ нимъ, что русскому „образованному классу" удавалась до сихъ поръ „ассимиляція" отдѣльныхъ лицъ, но больше удаваться уже не будетъ, то этимъ ни на шагъ не подвинется впередъ разрѣшеніе вопроса объ отношеніи русскаго народа къ инородческому населенію Россіи.

Заключительная часть рѣчи деп. Шульгина была попыткой совмѣстить несовмѣстимое: преклоненіе передъ красотой украинскаго нарѣчія, „чудные образцы" котораго далъ Шевченко — и отрицаніе всякихъ трудностей въ пониманіи этого нарѣчія, а слѣдовательно и всякой надобности въ какомъ-либо особомъ огражденіи его правъ на судѣ. Будь украинское нарѣчіе до такой степени сходнымъ съ русскимъ языкомъ, оно едвали могло бы создать богатую литературу, прославить имена Шевченка и его преемниковъ. Кому случалось читать отрывки изъ поэмъ великаго украинскаго поэта, безъ предварительнаго знакомства съ его языкомъ, тотъ знаетъ, что усвоить себѣ ихъ смыслъ вовсе не такъ легко. Еще труднѣе, конечно, дается пониманіе живой рѣчи. Далеко не излишне, поэтому, обезпечить за малороссами право обращаться къ мѣстному суду, письменно и словесно, на мѣстномъ нарѣчіи—и тѣмъ самымъ включить знаніе этого нарѣчія въ число требованій, предъявляемыхъ къ мѣстнымъ судьямъ. Правда, въ томъ же засѣданіи Государственной Думы деп. Андрейчукъ прочиталъ, отъ имени малороссовъ, входящихъ въ составъ фракціи націоналистовъ, заявленіе, какъ бы подтверждающее мысль г. Шульгина; но чтобы оцѣнить по достоинству это заявленіе, достаточно припомнить, что̀ говорилъ тотъ же депутатъ Андрейчукъ нѣсколькими недѣлями раньше. Вотъ дословная выписка изъ рѣчи, произнесенной

имъ въ засѣданіи 30-го октября (цитируемъ по оффиціальному стенографическому отчету): „У насъ въ Малороссіи есть много такихъ случаевъ, когда пришлютъ намъ судью, онъ прямо нѣмой въ нашей сторонѣ, потому что онъ, скажемъ, изъ Великороссіи, Москвы, Петербурга, никогда нашего языка не зналъ, такъ что ему почти переводчикъ нуженъ". Дальше идетъ разсказъ о томъ, какъ ошибся мировой судья, заключивъ изъ словъ: „поклавъ на візъ" (положивъ на возъ), что украденное было положено въ навозъ, и отнеся указаніе на „вилыкодны святы" (т.-е. на Пасху) къ великому дню (?) въ петровскомъ посту. О лицахъ, съ которыми деп. Андрейчуку пришлось работать при генеральномъ межеваніи, онъ отозвался такъ: „они для насъ чужіе люди, они не понимаютъ мѣстнаго малороссійскаго языка, и выходитъ такъ, что хотя они и русскіе люди, а все равно для насъ что нѣмцы". Очевидно, объ этой рѣчи забыли думскіе „націоналисты", когда поручили деп. Андрейчуку прочитать заявленіе, отрицающее необходимость охранять права малороссійскаго языка...

Если принятіе скромной поправки деп. Антонова смягчило хоть сколько-нибудь отношеніе законопроекта къ мѣстнымъ языкамъ, то ничего, въ сущности, не измѣнилось къ лучшему отъ принятія компромисныхъ поправокъ по вопросу о предсѣдателѣ мирового съѣзда. Судебная коммиссія, соглашаясь съ министромъ юстиціи, высказалась за *назначеніе* предсѣдателя; оппозиція стояла за его *избраніе* мировыми судьями.—Поправки, направленныя къ этой цѣли, были отклонены большинствомъ голосовъ, составившимся изъ крайнихъ правыхъ, націоналистовъ и октябристовъ: только немногіе члены центра подали голосъ съ меньшинствомъ или воздержались отъ голосованія. Значительнымъ большинствомъ была принята, затѣмъ, поправка деп. Гучкова, предоставляющая выборъ предсѣдателей мировымъ съѣздамъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани, Саратовѣ и Кишиневѣ [1]), и очень незначительнымъ большинствомъ—поправка деп. Захарьева, распространяющая ту же льготу на область войска донского. Конечно, хорошо, что хоть нѣкоторые мировые съѣзды не подведены подъ дѣйствіе порядка, грозящаго подорвать въ корнѣ самостоятельность мирового суда; но въ данномъ случаѣ справедливость исключенія ярко освѣщаетъ несправедливость общаго правила. Рѣшительно ни на чемъ, въ самомъ дѣлѣ, не основано предположеніе, что только въ большихъ городахъ могутъ найтись мировые судьи, способные руководить засѣданіями мирового съѣзда. Эта задача вовсе

[1]) Если въ основаніи принятыхъ Думою поправокъ лежало желаніе сохранить statu quo, то непонятно, почему онѣ не распространены на Нижній-Новгородъ и на петербургскій уѣздъ, гдѣ теперь имѣются на лицо выборные предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ.

не такъ трудна, чтобы ее не могъ исполнить всякій мировой судья, почтенный довѣріемъ своихъ товарищей. Съ нею справлялись, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительно выборные предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, существовавшихъ во всей земской Россіи до злосчастной реформы 1889-го года. Безусловно правъ былъ деп. Родичевъ, утверждая, что единство суда, во имя котораго вводится назначеніе предсѣдателей, достаточно обезпечивается единой кассаціонной инстанціей, и только ею одною—а назначеніе предсѣдателя нужно „для единства внѣ-судебнаго вліянія, для единства власти, вліяющей на судъ"... Принявъ принципъ назначенія предсѣдателей, октябристы значительно увеличили свой пассивъ, безъ того уже немалый. Посмотримъ, какъ отнесутся они къ другому вопросу капитальной важности, отложенному до слѣдующей сессіи — къ вопросу объ имущественномъ цензѣ мировыхъ судей.

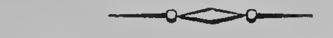
Упомянемъ, въ заключеніе, о двухъ характерныхъ эпизодахъ закончившейся теперь сессіи Государственной Думы. Въ засѣданіи 4-го декабря, во время преній о мѣстномъ судѣ, депутатъ Родичевъ упомянулъ о правахъ поляковъ, *незаконно* нарушенныхъ избирательнымъ закономъ (т.-е. положеніемъ о выборахъ, изданнымъ 3-го іюня 1907-го года). Эти слова вызвали одну изъ самыхъ бурныхъ сценъ, когда-либо происходившихъ въ Думѣ. Не довольствуясь криками: „что такое", „такъ нельзя", „мерзавецъ", „вонъ", „долой", крайніе правые стучали пюпитрами и не внимали призывамъ къ порядку, съ которыми обращался къ нимъ предсѣдательствовавшій (С. И. Шидловскій). Засѣданіе пришлось прервать, а затѣмъ, въ виду непрекращавшагося шума, совсѣмъ закрыть. Носились слухи, что въ слѣдующемъ засѣданіи скандалъ возобновится, какъ только депутатъ Родичевъ появится на трибунѣ для окончанія прерванной рѣчи. Ничего подобнаго, однако, не случилось, вѣроятно—благодаря энергіи С. И. Шидловскаго, твердо охранявшаго свободу рѣчи и не уступившаго ни во время засѣданія, ни послѣ его перерыва, настойчивому требованію репрессивныхъ мѣръ противъ Ѳ. И. Родичева. И въ самомъ дѣлѣ, для принятія такихъ мѣръ не было никакого основательнаго повода. Что положеніе о выборахъ 3-го іюня было издано безъ соблюденія порядка, установленнаго основными законами (ст. 86 и 87), и, слѣдовательно, могло быть названо незаконнымъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Предсѣдатель прямо нарушилъ бы свой долгъ, еслибы остановилъ оратора, употребившаго это выраженіе, тѣмъ болѣе—еслибы лишилъ его слова или примѣнилъ къ нему ту или другую дисциплинарную мѣру. Это, очевидно, поняли, въ концѣ концовъ, и сами устроители парламентской бури... Что крайніе правые обрадовались случаю лишній разъ заявить свою

благонамѣренность и подчеркнуть неблагонамѣренность оппозиціи— это въ порядкѣ вещей; можно, пожалуй, не удивляться и тому, что въ поднятомъ ими шумѣ приняли участіе „націоналисты“; но неужели правильны газетныя указанія на то, что въ числѣ бушевавшихъ были и октябристы?..

Другой эпизодъ имѣлъ мѣсто въ засѣданіи 23-го ноября, при разсмотрѣніи вопроса о налогахъ съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ. Возражая товарищу министра финансовъ, сославшемуся, въ подтвержденіе своей мысли, на примѣръ западно-европейскихъ государствъ, депутатъ Синадино (если мы не ошибаемся — умѣренно-правый или націоналистъ) замѣтилъ, что нельзя сравнивать несравнимое: „на Западѣ правительство зависитъ отъ народнаго представительства, а у насъ этого еще нѣтъ... На Западѣ народное представительство можетъ быть болѣе спокойно, что всѣ элементы министерства съ большимъ вниманіемъ отнесутся къ пользамъ и трудамъ тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе имѣютъ существенное вліяніе на положеніе министерства“. Вечеромъ того же дня товарищъ министра финансовъ сдѣлалъ по поводу этихъ словъ слѣдующее замѣчаніе: „я, какъ представитель правительства Его Императорскаго Величества, не могу оставить безъ отвѣта сдѣланное сравненіе и заявляю, что сравненіе это *я считаю неумѣстнымъ* какъ по отношенію русскаго правительства, такъ и по отношенію къ высокому русскому учрежденію, въ стѣнахъ котораго оно было произнесено, и вносящимъ въ спокойное обсужденіе настоящаго законопроекта ту политику, за которую членъ Государственной Думы Синадино упрекнулъ членовъ Думы“ (въ стенографическомъ отчетѣ послѣ этихъ словъ имѣется отмѣтка: „Рукоплесканія справа“). Замѣчаніе товарища министра не вызвало возраженій по существу, и только въ концѣ засѣданія депутатъ Синадино, получивъ слово по личному вопросу, далъ ему отпоръ въ слѣдующихъ словахъ: „мое скромное сопоставленіе отношеній народнаго представительства къ тому или другому правительству не давало во всякомъ случаѣ право г. товарищу министра указывать, поскольку то или иное мнѣніе члена Государственной Думы является умѣстнымъ. Мнѣ кажется, что объ умѣстности или неумѣстности нашихъ сужденій есть одинъ судья— это нашъ предсѣдатель, и только предсѣдатель, по моему, имѣетъ право указывать народнымъ представителямъ, поскольку ихъ сужденія умѣстны“ (Голоса: „правильно“. Рукоплесканія слѣва и изъ центра). Въ эту минуту, слѣдовательно, даже центръ понялъ свою обязанность поддержать достоинство народнаго представительства, столь явно забытое товарищемъ министра финансовъ. Что представителю власти рукоплескали справа—это понятно; труднѣе объяснить себѣ молчаніе товарищей г. Синадино по партіи, и еще труднѣе—молчаніе предсѣ-

дательствовавшаго (кн. Волконскаго). По принятой Думою практикѣ—правильность которой кажется намъ весьма спорной — предсѣдатель не можетъ остановить министра или лицо, его замѣняющее; но ничто не мѣшало князю Волконскому объявить во всеуслышаніе—немедленно по окончаніи рѣчи товарища министра или хотя бы послѣ объясненія г. Синадино по личному вопросу, — что онъ, съ своей стороны, не видѣлъ и не видитъ ничего неумѣстнаго въ словахъ депутата, подавшихъ поводъ къ инциденту. Со стороны предсѣдательствующаго не должна быть оставляема безъ вниманія ни одна попытка умалить права Думы или отдѣльныхъ ея членовъ.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже въ печати, когда мы узнали, что въ „Русскомъ Словѣ“ появились выдержки изъ записки Н. Х. Бунге, написанной незадолго до его смерти. Еслибы могло существовать какое-либо сомнѣніе относительно взглядовъ Н. Х. Бунге на національный вопросъ, оно было бы въ корнѣ устранено словами этой записки. Достаточно привести изъ нея слѣдующій небольшой отрывокъ: „русская государственная власть должна господствовать на окраинахъ не какъ власть завоевателя, а какъ власть, которую все населеніе считаетъ дарованнымъ ему благомъ. Русская государственность должна опираться на признаніе превосходства русскихъ государственныхъ учрежденій... Къ сожалѣнію, должно сознаться, что наша внутренняя политика много погрѣшила относительно окраинъ“.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Разсказываютъ, что когда при Александрѣ I-мъ распространился слухъ, будто бы въ высшихъ кругахъ Петербурга, на мѣсто пошатнувшагося православія, выдвигается какая-то мистическая секта, во многихъ глухихъ углахъ провинціи исправники и губернаторы смѣло стали отрицать православіе, усомнились даже въ существованіи Бога и начали проповѣдывать и поощрять въ населеніи крайнее религіозное свободомысліе. Разсказъ, конечно, анекдотическій и умышленно-насмѣшливый. Но въ немъ заключается правильный намекъ на характерную психологическую черту, присущую провинціальной администра-

ціи: всегда готовую отзывчивость настроеніямъ высшихъ круговъ Петербурга. Свойство нешуточное, жуткое. Военно-бюрократическій режимъ Россіи цѣнилъ и посейчасъ цѣнитъ выше всего исполнительныхъ, вытянувшихся во фронтъ людей, съ головой, свободной отъ всякой личной инціативы, со взглядомъ, зорко и преданно устремленнымъ къ Петербургу. Страна щедро рождала подобныхъ исполнителей. Въ большомъ изобиліи имѣетъ ихъ государство и въ настоящее время. Потому-то, вѣроятно, и охватывается общество всякій разъ тревогой, какъ только правительство берется само проводить, со своей арміей исполнителей, какую-либо реформу. Такъ легко ошибиться въ духотѣ петербургскихъ канцелярій—а ошибка сейчасъ же начнетъ ломать жизнь милліоннаго населенія, потому что губернаторы, исправники и земскіе начальники привыкли горѣть исполнительнымъ усердіемъ, безъ размышленій, сомнѣній и колебаній.

Въ настоящее время губернаторы поголовно увлечены агрономіей и хуторскимъ хозяйствомъ. Зрѣлище намѣчается почти трогательное, когда читаешь, напримѣръ, объ открытіи губернскихъ земскихъ собраній нынѣшней зимы. Единодушно, единогласно, какъ бы тщательно спѣвшись, губернаторы съ горячей настойчивостью выдвигаютъ на первый планъ земской работы агрономическую помощь населенію и въ особенности хуторянамъ и отрубникамъ. „Открылъ земское собраніе—пишутъ „Южному Краю" изъ Полтавы—начальникъ губерніи, графъ Муравьевъ, небольшою рѣчью, въ которой просилъ гласныхъ обратить серьезное вниманіе на экономическіе вопросы, подлежащіе ихъ разсмотрѣнію, такъ какъ въ оказаніи помощи населенію въ этой области правительство видитъ залогъ славной будущности страны". „Открывая губернское собраніе,—сказалъ екатеринославскій губернаторъ—я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на нѣкоторые вопросы. На первое мѣсто я признаю необходимымъ выдвинуть вопросъ объ оказаніи агрономической помощи населенію. Одной изъ первѣйшихъ заботъ правительства является въ настоящее время улучшеніе экономическаго благосостоянія крестьянъ. Рядомъ правительственныхъ мѣропріятій, въ связи съ переходомъ крестьянъ къ единоличному владѣнію, удалось создать рядъ крестьянскихъ хозяйствъ болѣе совершеннаго типа. Екатеринославская губернія по интенсивности произведенныхъ и подлежащихъ къ производству работъ заняла чуть ли не первое мѣсто въ имперіи. Въ 1908-мъ году здѣсь подъ хуторскіе участки была разверстана площадь въ 43.000 десятинъ, въ текущемъ году—243.000 дес. и въ будущемъ году намѣчена къ разверсткѣ площадь въ 700.000 дес. Результаты этихъ работъ ясно указываютъ на стремленіе крестьянъ перейти на хуторское хозяйство. Нужно придти на помощь хуторянамъ, нужно создать

прочныя хозяйственныя единицы. Недавно предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ, обратился къ предводителямъ дворянства съ просьбой обсудить этотъ вопросъ и придти на помощь хуторянамъ, и всюду эта просьба встрѣтила живой откликъ. Зная чуткость екатеринославскаго губернскаго собранія къ нуждамъ сельскаго населенія, я убѣжденъ, что оно съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ этому вопросу". Исполняющій должность харьковскаго губернатора И. И. Стерлиговъ, открывая собраніе, произнесъ краткую рѣчь, въ которой отмѣтилъ особенную важность вопросовъ, касающихся агрономическихъ мѣропріятій. Въ дѣлѣ агрономической помощи земство прогрессировало въ послѣдніе годы. Начавъ свои ассигновки на эти мѣропріятія съ 5 тыс. рублей, въ настоящее время земство уже намѣчаетъ для нихъ 200 тыс. рублей. Привѣтствуя такой путь, исполняющій должность губернатора просилъ собраніе обратить вниманіе на отрубныя владѣнія.

Было бы скучно приводить въ подлинникѣ длинный рядъ однообразныхъ губернаторскихъ рѣчей. Телеграммами въ „Русское Слово" сообщено, что внушающія рѣчи объ агрономическихъ мѣропріятіяхъ для усиленной помощи хуторянамъ были сказаны губернаторами при открытіи губернскихъ земскихъ собраній въ Рязани, Ярославлѣ, Курскѣ, Вологдѣ, Перми и т. д. Нельзя, впрочемъ, не выдѣлить изъ дружнаго губернаторскаго словеснаго похода колоритную рѣчь пермскаго начальника губерніи, г. Болотова. Горячее увлеченіе губернатора хуторскимъ хозяйствомъ дошло до такой высокой степени, что онъ предложилъ собранію ассигновать изъ страхового капитала 500.000 рублей на выдачу ссудъ хуторянамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Выдачу изъ страхового капитала г. губернаторъ обосновывалъ тѣмъ, что въ Кунгурскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе разселилось уже мелкими поселками, горимость наименьшая въ губерніи. Хутора оздоровятъ и отрезвятъ крестьянъ; матери, уходя на работы, не будутъ покидать дѣтей, и т. д. Увлекшись такими плѣнительными мечтами, губернаторъ заговорилъ даже неожиданнымъ слогомъ недавнихъ митинговъ: „Есть, конечно, темныя силы, которыя препятствуютъ оздоровленію нашей деревни, есть люди, которые не желаютъ роста и благосостоянія русскаго крестьянства и возстаютъ противъ хуторского хозяйства, но не имъ, конечно, будетъ слѣдовать въ своихъ постановленіяхъ пермское губернское земство".

Когда паѳосъ начальства начинаетъ возвышаться до такой забавной степени, то неминуемо приходится съ тревогой ждать разныхъ непріятныхъ осложненій въ средѣ опекаемаго населенія. Казалось бы, явная, элементарная государственная несправедливость—взять полмилліона рублей, собранныхъ со всего населенія губерніи, и обратить

ихъ на исключительную помощь небольшой части крестьянскихъ земскихъ плательщиковъ-хуторянъ. Однако эту явную несправедливость губернаторъ съ увлеченіемъ и жаромъ предлагаетъ земскому собранію, какъ мудрую, благородную и естественную мѣру. Очевидно, крайнія увлеченія туманятъ не только зеленую молодежь, но и зрѣлыя государственныя головы. Не даромъ и слогъ увлекшагося пермскаго губернатора принялъ митинговую окраску...

За десятками губернаторовъ нетрудно представить себѣ сотни, тысячи подначальныхъ имъ земскихъ начальниковъ, исправниковъ, становыхъ приставовъ и прочихъ административныхъ исполнителей. Петербургская упрямая вѣра въ хуторской переворотъ Россіи, видимо, охватываетъ повѣтріемъ и всю эту громадную армію слугъ правительства. И жутко вообразить, какую ломку крестьянскаго вѣкового быта могутъ, выслуживаясь передъ Петербургомъ, учинить эти исполнители...

Но жизнь гибка, текуча и многообразна. Мимо всякой внезапной преграды находитъ она обходные пути. Губернаторы съ торжествомъ подсчитываютъ сотни образовавшихся отрубныхъ и хуторскихъ хозяйствъ. Но неоффиціальный глазъ корреспондентовъ прогрессивныхъ газетъ подмѣчаетъ любопытныя детали, которыя даютъ неожиданное освѣщеніе казенной картинѣ хуторского благоденствія. Интересныя, напримѣръ, подробности о насажденіи хуторскихъ хозяйствъ сообщаютъ „Смоленскому Вѣстнику“ изъ Смоленскаго уѣзда. „При ликвидаціи имѣніи „Надва“ крестьянскимъ банкомъ было поставлено цѣлью во что бы то ни стало насадить въ имѣніи хуторскія хозяйства: все имѣніе заранѣе было распланировано и разбито на участки по 10—12 дес. и болѣе, такъ что крестьяне-общинники были лишены возможности сообща прикупить изъ прилегающей къ ихъ полямъ банковской земли нужное количество десятинъ. Крестьяне с. Надвы сдѣлали было попытку: подали заявленіе на покупку участковъ, но имъ поставили условіемъ обязательно строиться на участкахъ и выходить изъ общины, и они, не желая выходить изъ деревни, отказались отъ покупки. Другіе, однако, оказываются похитрѣе и обставляютъ-таки продавцевъ имѣнія. Такъ, одинъ пришлый торговецъ изъ Витебской губерніи купилъ себѣ усадьбу у крестьянина с. Надвы и выстроилъ домъ и лавку, а на купленномъ у банка участкѣ, вмѣсто того, чтобы завести „крѣпкое хуторское хозяйство“, выстроилъ небольшую пуню для складыванья сѣна. Другой торговецъ купилъ себѣ землю въ названномъ имѣніи на имя родственниковъ. Но затѣмъ, когда все было использовано, а земля все еще не вся была распродана, въ ходъ были пущены разные обходы съ вѣдома самихъ ликвидаторовъ. Такъ, крестьяне д. Нутово, не желая выдѣляться изъ общины, подали проше-

ніе въ Петербургъ о разрѣшеніи продать имъ пустошь „Старины“, гдѣ неудобно устраивать хуторскія хозяйства. Въ Петербургѣ имъ разрѣшили, но предварительно былъ отбитъ одинъ хуторской участокъ, болѣе цѣнный, въ количествѣ 14 десятинъ. Какъ тутъ быть? Продавцы земли посовѣтовали крестьянамъ-общинникамъ выбрать изъ своей среды самаго честнаго или самаго бѣднаго, на котораго и совершить формально купчую крѣпость, а держать и пользоваться участкомъ сообща. Такъ они и поступили, и записали свой хуторской участокъ на имя нѣкоего Дмитрія Жукова. Въ дер. Замошья крестьяне также хотѣли купить подъ бокомъ хорошую землю въ названномъ имѣніи, но и имъ предъявили требованіе выселяться на хутора. Тогда они попросили продать имъ хотя бы болото, находящееся подлѣ деревни, въ количествѣ 15 десятинъ, которое на планѣ значится, какъ „хорошіе заливные луга“. И опять та же картина, что и съ нутовцами: деньги уплатили сообща, а сдѣлки всякаго рода совершены на имя одного однодеревенца—Азара Прокопьева. Въ результатѣ система хозяйства остается старая, только у покупщиковъ прибавилась новая забота: не отнимутъ ли у нихъ номинальные владѣльцы ихъ фактическую собственность. Такъ создаются у насъ „прочные“ собственники... Не радостныя вѣсти сообщаютъ и хутoряне, купившіе у банка участки земли. Многіе еще не пользовались „угодьями“, а уже недоимка растетъ быстрѣе спорыньи и вынуждаетъ „распытывать“ о климатическихъ условіяхъ и способахъ передвиженія въ Сибири“.

Если добросовѣстные, честные и толковые крестьяне остаются безъ земли, а всякіе хитрецы, дѣльцы и обманщики умѣютъ обходными путями урвать себѣ добычу, то ясно, что или указъ 9-го ноября имѣетъ какую-то однобокость, или примѣненіе его совершается криво, неумѣло. „Дѣлайся хуторяниномъ, получишь льготы; останешься общинникомъ, ничего не получишь“—въ этой откровенной тенденціи главная несправедливость и главная ошибка казенной земельной реформы. Лицемѣріе, жадность, обходы, обманы естественны и неизбѣжны при такомъ положеніи вещей. И эти отрицательныя свойства, несомнѣнно, множатся теперь въ разламываемомъ крестьянскомъ быту подъ непосредственнымъ вліяніемъ указа 9-го ноября. Рядомъ съ этимъ растутъ раздоры между общинниками и хуторянами. Учащаются драки, нерѣдки поджоги. Хуторянамъ въ только что выкопанные колодцы бросаютъ трупы собакъ и кошекъ. Возникаютъ междоусобія изъ-за пастьбы скота и т. д. Умножаются также извѣстія, что многіе крестьяне выдѣляются изъ общины исключительно для того, чтобы распродать свои надѣлы. Старики, бобыли, ослабѣвшіе крестьяне или втянувшіеся уже въ городскую жизнь пользуются возможностью раздѣлаться

съ землей, нажить нѣсколько десятковъ рублей, и этимъ рвется послѣдняя нитка, связывающая ихъ съ деревней. „Законъ 9-го ноября—пишутъ „Уральской Жизни“ изъ с. Субботина, Челябинскаго уѣзда—не встрѣчаетъ особеннаго сочувствія среди населенія. Изъ 800 ревизскихъ душъ, имѣющихся въ селѣ, выразили желаніе и сдѣлали заявленіе о выходѣ изъ общины всего человѣкъ десять. Большинство заявленій поступило отъ стариковъ, лелѣющихъ мечту продать землю или оставить родственникамъ въ наслѣдство“. „На дняхъ—говоритъ „Орловскій Вѣстникъ“—въ Монастырской подгородной слободѣ происходилъ крестьянскій сходъ, который принялъ составленный землемѣромъ Кузьминымъ проектъ плана разбивки общественной земли на отрубные участки. На этомъ же сходѣ была произведена жеребьевка на участки. Выяснилось, что при раздѣлѣ надѣльныхъ земель и при разбивкѣ ихъ на отруба получится даже менѣе полудесятины на каждую наличную душу мужского пола, причемъ много монастырскихъ крестьянъ уже запродали свои участки состоятельнымъ односельцамъ“. Какъ далеки эти маленькія, но жизненныя и повсемѣстныя причины выдѣла изъ общинъ отъ тѣхъ грандіозныхъ мечтаній, горячими проповѣдниками которыхъ являются нынѣ губернаторы и земскіе начальники!..

Весьма типично также сообщеніе изъ с. Карачельскаго, Челябинскаго уѣзда: „Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ волости наблюдается дѣятельный выходъ крестьянъ изъ общины. Сильнѣе это явленіе замѣтно въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ срокъ общественныхъ передѣловъ закончился или заканчивается, и такимъ образомъ станетъ на очереди новый передѣлъ. Среди крестьянъ есть сторонники и противники хуторского веденія хозяйства. Тѣ крестьяне, у которыхъ со времени послѣдняго передѣла, по случаю смерти нѣкоторыхъ членовъ, семьи сократились и которымъ, слѣдовательно, при новомъ передѣлѣ грозитъ опасность поступиться частью своей земли, стремятся закрѣпить за собой прежніе душевые земельные, покосные и лѣсные надѣлы, и съ этой цѣлью до утвержденія новаго земельнаго общественнаго приговора ими подаются заявленія о выходѣ изъ общины. Тѣ же крестьяне, у которыхъ число душъ мужского пола увеличилось противъ прежняго и которые надѣются послѣ передѣла получить земли болѣе, чѣмъ имѣли раньше, являются сторонниками общины. Что же касается способа веденія сельскаго хозяйства, то здѣшніе крестьяне, лишенные агрономической помощи и предоставленные самимъ себѣ, не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ способахъ обработки земли и обрабатываютъ свою землю самымъ первобытнымъ способомъ. И это наблюдается не только въ нашей волости, но почти во всѣхъ деревняхъ и селахъ Челябинскаго уѣзда“.

Не впадая въ крайность, можно допустить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи законъ о выходѣ изъ общины развязалъ и облегчилъ энергію предпріимчивыхъ и толковыхъ крестьянъ, которыхъ темная косность общинной среды угнетала и парализовала. Но рядомъ съ этимъ отъ того же закона по всѣмъ угламъ крестьянской Россіи поднялся такой туманъ свары и разложенія, что будущность деревни начинаетъ представляться въ чрезвычайно сумрачномъ свѣтѣ. И ужъ конечно торжествующія и самохвалебныя рѣчи столичной и провинціальной бюрократіи по поводу благодѣтельнаго хуторского переворота весьма и весьма преждевременны.

Одну только черту во внутренней аграрной политикѣ можно назвать безусловно положительной. И администрація, и правыя земства, мечтая отрубно-хуторской реформой образумить заголодавшую и взбаламученную деревню, рѣшились взять себѣ на подмогу ученую агрономію. Изъ всѣхъ наукъ къ деревнѣ допускается теперь только агрономія, изъ всѣхъ интеллигентныхъ работниковъ — только агрономы. Вѣроятно, во многихъ мѣстахъ провинціи и администраціи, и правымъ земствамъ приходится дѣлать это скрѣпя сердце. Но ничего не подѣлаешь: безъ помощи агрономовъ всѣ аграрныя затѣи были бы безполезны. Поэтому агрономамъ разрѣшается въ земствахъ и въ деревняхъ ставить свою работу очень широко. Разрѣшаются имъ даже курсы для крестьянъ и разъѣздныя лекціи, о чемъ, конечно, никакая другая ученая интеллигенція и думать сейчасъ не можетъ. Даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Курская, гдѣ правые земцы со злораднымъ торжествомъ уничтожили всѣ культурныя организаціи прежняго либеральнаго земства, агрономія процвѣтаетъ невозбранно и подъ усиленнымъ покровительствомъ. „Въ послѣднее время — пишутъ изъ Курска „Южному Краю"—повсемѣстно въ губерніи замѣчается стремленіе приходить на помощь вообще крестьянству и деревнѣ, а въ особенности выходящимъ на отруба. Починъ сдѣлали уѣздныя земства. Изъ ряда постановленій можно отмѣтить нѣкоторыя. Щигровское земство рѣшило устроить особый показательный хуторской участокъ. Новооскольское пригласило агронома, обязанность котораго — обслуживать нужды переселившихся на хутора. Грайворонское предложило своему агроному безвозмездно организовать крестьянское улучшенное полеводство. Льговское земское собраніе ассигновало двѣ тысячи рублей на правильное развитіе конопли. Вслѣдъ за земствами пошли землеустроительныя коммиссіи. Ими рѣшено устраивать въ деревняхъ чтенія по хозяйству, на что отпущены необходимыя средства. Лекторами будутъ выступать лица съ агрономическимъ образованіемъ".

Разумѣется, агрономію также стараются главнымъ образомъ при-

способить для отрубниковъ и хуторянъ. Но къ интересамъ одной излюбленной группы населенія легче приспособить законъ, чѣмъ прикладную науку. Агрономія близко подходитъ теперь ко всему деревенскому населенію, безъ различія между общинниками и хуторянами. И отъ этой близости, конечно, ничего кромѣ добрыхъ результатовъ нельзя ожидать.

Если довѣрчиво прислушаться къ тѣмъ комплиментамъ, которые удостоились услышать нынѣшней осенью и зимой земства отъ премьеръ-министра и отъ губернаторовъ, то можно придти къ лучезарному выводу, что наша бюрократія, видимо, распростилась со старой непріязнью къ общественности и довѣрчиво потянулась къ ней навстрѣчу. Увы! комплименты говорились только тогда, когда у земствъ испрашивалась помощь для казенной отрубно-хуторской реформы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ—та же вражда, та же упорная борьба съ проявленіями земской самодѣятельности. Есть даже въ этомъ настойчивомъ походѣ противъ земства нѣчто систематическое, если сопоставить факты отдѣльныхъ губерній. „Въ свое время мы сообщали — пишутъ изъ Уфы „Уральской Жизни“,—что на нынѣшнихъ выборахъ земскихъ гласныхъ по всей губерніи въ громадномъ большинствѣ прошли прогрессисты. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ частями, а въ нѣкоторыхъ цѣликомъ эти выборы были кассированы. Но вторичные выборы только съ большимъ успѣхомъ или поддержали уже избранныхъ на первыхъ выборахъ, или даже увеличили ряды прогрессистовъ, и никакіе происки, никакія натяжки со стороны истинно-русскихъ людей не смогли выдержать борьбы съ возрастающимъ самосознаніемъ населенія, которое долгимъ и горькимъ опытомъ научено, что̀ значитъ ввѣрить свои и общественные интересы въ руки некультурныхъ людей, по какой-то странной случайности присвоившихъ себѣ нынѣ такъ загрязненное, такъ обезображенное этими людьми наименованіе „истинно-русскихъ“. Теперь же, когда такъ или иначе пришлось примириться съ фактомъ устраненія отъ земскаго дѣла людей праваго толка и съ торжествомъ прогрессистовъ, началась новая борьба съ земствомъ, которая здѣсь, въ Уфѣ, является крупнымъ, сенсаціоннымъ явленіемъ. Эта борьба — неутвержденіе въ должностяхъ вновь избранныхъ составовъ земскихъ управъ. Такъ, изъ шести уѣздовъ Уфимской губерніи неутвержденіе относится къ четыремъ: въ златоустовскомъ земствѣ не утвержденъ одинъ членъ; въ уфимскомъ—весь составъ, за исключеніемъ двухъ членовъ; въ бирскомъ—одинъ членъ; въ белебеевскомъ — весь составъ, за исключеніемъ одного члена; Пока остаются безъ протеста, хотя также и безъ утвержденія, составы стерлитамакской и мензелинской управъ. Но относительно по-

слѣдней уже ходятъ упорные слухи, что если не весь составъ, то ужъ навѣрное трое изъ него не будутъ утверждены".

Въ такомъ же духѣ сообщеніе „Русскому Слову" изъ Вологды. „Тотемскимъ земскимъ собраніемъ былъ избранъ въ предсѣдатели управы прогрессивный крестьянинъ Соколовъ. Его не утвердили. Вмѣсто него назначили бывшаго предсѣдателя, реакціонера Попова. Устюгскимъ земскимъ собраніемъ былъ избранъ на новое трехлѣтіе бывшій предсѣдатель Костяминъ. Его не утвердили. Вельское земское собраніе само отказалось выбирать предсѣдателя: „все равно не утвердятъ"... Помѣщиковъ въ Вельскомъ уѣздѣ не имѣется, а крестьянамъ быть у земскаго дѣла, видимо, не полагается. По крайней мѣрѣ, просьба предыдущаго собранія объ утвержденіи предсѣдателемъ крестьянина была отклонена. И при всемъ томъ въ Вологдѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ говорятъ: „Лица, пользующіяся довѣріемъ земскаго собранія, въ выборныхъ должностяхъ нами утверждаются"."

Еще прямолинейнѣе расправляются съ земствомъ въ Вятской губерніи: „Вятская администрація рѣшительно стала на путь назначенія предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Уже назначено 5 предсѣдателей управъ и 15 членовъ. Въ числѣ другихъ нолинскому земству навязанъ старый составъ управы по назначенію, обвиняемый въ халатномъ веденіи земскаго дѣла, превышеніи власти и т. п.".

Такіе факты, и притомъ не единичные, а послѣдовательные и настойчивые, говорятъ, разумѣется, гораздо внушительнѣе, чѣмъ ни къ чему не обязывающіе любезные комплименты высшей администраціи по адресу земства. И если ужъ къ нынѣшнему земству, укороченному и сжатому со всѣхъ сторонъ, нѣтъ подлиннаго довѣрія со стороны администраціи, то мудрено ждать, чтобы бюрократія по своей охотѣ и по своему почину перешла отъ „успокоенія" къ дѣйствительнымъ реформамъ, въ смыслѣ освобожденія общественной иниціативы и допущенія широкихъ общественныхъ силъ къ запущенному народно-хозяйственному дѣлу. Полоса „успокоенія" кому-то нужна и выгодна; жизнь стынетъ въ заколдованномъ кругу, и мерещится сумрачный, долгій, затяжной періодъ безвременья...

Есть, впрочемъ, и легкіе намеки на постепенное пробужденіе отъ общественной апатіи, ошеломленности и напуганности. Изъ предыдущихъ газетныхъ извѣстій все-же видно, что кое-гдѣ земскіе избиратели довольно упорно проводятъ въ гласные прогрессивныхъ лицъ. Идетъ тихая, молчаливая, но упорная борьба съ администраціей и черной сотней. Нѣчто подобное замѣчается и на нѣкоторыхъ городскихъ выборахъ. „Только-что закончились—сообщаютъ изъ г. Верхотурья—выборы уполномоченныхъ въ городскую думу. Оживленіе нынѣ, нужно сказать, было большее, чѣмъ въ прежніе годы. Объясняется это

весьма неудачнымъ составомъ отживающей думы. Изъ 204 избирателей на выборы явилось 106 человѣкъ. Въ гласные прошли лица достойныя общественнаго довѣрія, прогрессивнаго направленія, и если выборы будутъ утверждены, то можно ждать, что городъ много выиграетъ и поправитъ свое разстроившееся хозяйство".

Внушительно звучитъ корреспонденція изъ Томска: „22-го ноября у насъ состоялись выборы гласныхъ въ городскую думу на четырехлѣтіе 1910—1913 гг. Въ 1905-мъ году испуганные октябрьскимъ погромомъ и сожженіемъ людей въ зданіи управленія сибирской желѣзной дороги, имущіе обыватели послали въ думу правыхъ, которыми руководилъ союзникъ Малышевъ. Прежній прогрессивный составъ думы далъ городу водопроводъ, больницы, школы, и начато мощенье улицъ. Новая дума ничего не дала, даже не съумѣла использовать тѣ источники дохода, которые были открыты до нея. Доходы эти даже уменьшились, не смотря на то, что населеніе города значительно увеличилось. Недовольство горожанъ думой настоящаго состава все увеличивалось по мѣрѣ приближенія срока выборовъ въ думу. Въ октябрѣ организовалось „Общество избирателей и обывателей", поставившее одною изъ своихъ задачъ обновленіе думы. „Общество" составило, основываясь на плебисцитѣ среди своихъ членовъ, списокъ кандидатовъ въ гласные, не обращая вниманія на ихъ партійную окраску. Стародумцы, съ своей стороны, тоже развивали агитацію. Ихъ органъ—„Сибирская Правда"—органъ союза русскаго народа, выливалъ цѣлыя ведра помоевъ на кандидатовъ „общества". Въ своемъ предвыборномъ воззваніи стародумцы, или, какъ они сами себя называли, „націоналисты", обвинили „общество избирателей и обывателей" въ революціонныхъ и крамольныхъ замыслахъ. Но прежній страхъ прошелъ, и на выборахъ 22-го ноября изъ 64-хъ выбранныхъ лицъ 51 прошелъ по списку „общества избирателей и обывателей". Характерно, что забаллотированы всѣ члены управы, во главѣ съ фактическимъ головой г. Богомоловымъ".

Конечно, все это побѣды маленькія, почти микроскопическія. Но значеніе ихъ увеличивается, если вспомнить, въ какой средѣ разыгрываются эти поединки прогрессивныхъ общественныхъ силъ съ мутной накипью русской жизни. Кругъ земскихъ и городскихъ избирателей очень узокъ и притомъ состоитъ изъ людей, наиболѣе склонныхъ къ испугу предъ начальствомъ, предъ „революціей" и предъ другими пугалами отечественной жизни. И если здѣсь начинаютъ кое-что прозрѣвать, если здѣсь обнаруживается нѣкоторое движеніе впередъ, то, очевидно, болѣе значительные, подпочвенные потоки общественныхъ силъ, въ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть узко-буржуазнаго страха

предъ пугалами русской жизни, уже готовятъ энергію болѣе внушительную и многообѣщающую...

Неуловимо это, неопредѣлимо, туманно и такъ мало, что въ горсточкѣ унесешь, до грусти мало, особенно если оглянешься на прожитое съ порога новаго года. Но ужъ лучше на вершокъ да впередъ, лишь бы на мѣстѣ не топтаться или внизъ, подъ уклонъ не сползать... Всетаки какъ будто зрѣетъ и крѣпнетъ сознаніе въ обществѣ, что все спасеніе и вся надежда—въ собственной общественной работѣ, въ солидарности, въ стойкости и настойчивости. А это главное. Остальное приложится.

И. Жилкинъ.

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ ВЪ ИТАЛІИ

(Письмо изъ Рима.)

Палъ кабинетъ Джолитти и образовался кабинетъ Соннино. Фактъ самъ по себѣ весьма незначительный, не только не колеблющій основъ мірозданія, но мало интересующій и итальянскій народъ. Пройдетъ немного времени — таково общее убѣжденіе — закатится кабинетъ Соннино и взойдетъ кабинетъ Джолитти. Объ этомъ не стоило бы и говорить, еслибы попутно итальянская жизнь не давала любопытныхъ политическихъ и бытовыхъ картинокъ и портретовъ.

Хотя бы, напримѣръ, портретъ самого эксъ-премьера. Намъ, еще мало искушеннымъ въ парламентаризмѣ, трудно даже разобраться въ контрастныхъ картинкахъ итальянской политики. Что такое Джолитти? Бюрократъ со студенческой скамьи, сидѣвшій спокойно въ „присутствіи“ въ тѣ дни, когда патріотическій подъемъ переодѣвалъ даже и чиновниковъ въ гарибальдійскія рубашки. Сподвижникъ Криспи, въ числѣ другихъ подставившій ему ножку. Скромный семьянинъ, оскандалившійся въ знаменитомъ дѣлѣ „Римскаго Банка“, обнаружившемъ милліонныя субсидіи министрамъ и депутатамъ большинства. По сію пору вліятельный человѣкъ, убѣгавшій въ 1893-мъ году въ Берлинъ отъ слѣдствія по дѣлу банка и *чуть было* не погубившій этимъ бѣгствомъ своей карьеры. Но это все—пустяки. Интересно то, что Джолитти не только либералъ, но и лѣвый! Онъ и теперь палъ за лѣвизну! Злые языки утверждаютъ, что сгубили его „морскія конвенціи“—неудавшаяся правительственная афера; но просмотрите пар-

ламентскіе отчеты — и вы увидите, что отставка Джолитти сопряжена съ неудачей законопроектовъ о пониженіи налоговъ на сахаръ, объ увеличеніи обложенія наслѣдствъ и ренты и о введеніи подоходнаго налога. Въ Италіи падаетъ потребленіе сахара: онъ слишкомъ дорогъ и недоступенъ бѣдному населенію. Джолитти хотѣлъ дать бѣднякамъ сахару—и палъ жертвой своего добросердечія! Но и этого мало. Кто болѣе всего привѣтствовалъ рабочую политику Джолитти, особенно въ комбинаціи Джолитти-Цанарделли? Соціалисты! И нельзя отрицать, что только при немъ начала осуществляться свобода рабочихъ организацій и всевозможныхъ политическихъ и экономическихъ союзовъ, сѣтью которыхъ за эти десять лѣтъ покрылась Италія. Но при немъ стрѣляли въ рабочихъ? Нужды нѣтъ! При блаженной памяти благороднѣйшемъ изъ министровъ, покойномъ Рубини, стрѣляли гораздо больше! При немъ выборы строятся на откровенныхъ подкупахъ? Да, но при Криспи дѣло обстояло гораздо откровеннѣе! Нѣтъ, Джолитти положительно „лѣвый"! Иначе крайней лѣвой не могла бы придти мысль такъ горячо поддерживать его министерство до самаго послѣдняго года. „Долой джолиттизмъ, но да здравствуетъ Джолитти!"— кричали соціалисты. А на одномъ изъ конгрессовъ соціалистической партіи, если не ошибаюсь—на имольскомъ, по предложенію Энрико Ферри, „тоже соціалиста", была вынесена резолюція съ привѣтствіемъ „политикѣ либеральной буржуазіи".

Авторъ этой резолюціи—портретъ номеръ второй. Онъ пользуется европейской извѣстностью, онъ—краса итальянской науки. Но этихъ лавровъ ему мало. Взять, напримѣръ, Луиджи Луццатти! Онъ—ученый, финансистъ, экономистъ, коопѳраторъ, журналистъ, депутатъ, бывшій министръ финансовъ, настоящій министръ земледѣлія въ кабинетѣ Соннино. А онъ, Энрико Ферри, только антропологъ, депутатъ и адвокатъ. И все это потому, что Луццатти—правый, а онъ, Энрико Ферри, лѣвый, да еще крайній лѣвый, соціалистъ, каковымъ былъ и его учитель Ломброзо. При этомъ онъ—интегралистъ, а въ партіи у власти стоятъ реформисты. Энрико Ферри желаетъ быть министромъ. Энрико Ферри раньше не только не желалъ быть министромъ, но презиралъ тѣхъ, кто желалъ быть министромъ; это онъ ясно выразилъ въ рядѣ рѣчей на болонскомъ конгрессѣ 1902-го года. Но вѣдь съ тѣхъ поръ времена перемѣнились, такъ какъ, подъ благодѣтельнымъ управленіемъ Джолитти (которому Ферри усердно помогалъ два раза свалиться съ президентскаго кресла), рабочія организаціи окрѣпли и нуждаются въ собственныхъ представителяхъ у кормила правленія. Впрочемъ онъ не торопится! „Я еще не старъ и энергиченъ, я могу подождать — говоритъ онъ. — Я не вошелъ бы въ кабинетъ Соннино, но... когда наступитъ пора для демократическаго кабинета... при условіи стро-

гаго исполненія директивъ партіи"... Такъ говоритъ онъ въ свое оправданіе, отбиваясь отъ нападокъ прессы, кусающей ему ноги—и правую, и лѣвую,—изъ-за нечаянной фразы его статьи: „Se il Re mi avesse fatto l'onore d'interrogarmi..." (еслибы король оказалъ мнѣ честь спросить меня). Вообще „тоже соціалистъ" Ферри, въ ожиданіи своего исключенія изъ партіи, солидно и съ достоинствомъ отвѣчаетъ на открытыя письма ея оффиціальныхъ представителей. Онъ только возмущенъ „тѣми щенками (cangnolini), которые стараются укусить его за пятку"... Вообще „случай Ферри", какъ именуютъ этотъ инцидентъ газеты, есть обычная эволюція, продѣлываемая случайными революціонерами. Но вѣдь это не кто-нибудь, а Энрико Ферри, рекомендовавшій нѣкогда антропометрическое изслѣдованіе череповъ министровъ и министеріаловъ!

А затѣмъ—бытовыя картинки, иллюстрирующія отношеніе итальянской публики къ великимъ событіямъ политической жизни.

Вотъ, напримѣръ, маленькій, хотя и старый годами чиновникъ военнаго министерства, „окончившій курсъ газеты Messaggero". При извѣстіи о паденіи Джолитти онъ кричитъ „ура".

— Чему вы, собственно, радуетесь?

— Туда ему и дорога! Вѣдь онъ же — воръ и гонитель просвѣщенія! Держалъ руку поповъ! Клерикалъ проклятый!

И онъ же привѣтствуетъ министерство Соннино.

— О! Это—testa d'ingegno! Это—великій государственный мужъ! Ужъ онъ попамъ спуску не дастъ!

Любопытно то, что Джолитти, при всѣхъ его недостаткахъ, хорошъ однимъ: онъ — антиклерикалъ, и все его министерство было антиклерикальнымъ. Что же касается до Соннино, съ большимъ трудомъ составившаго кабинетъ изъ безцвѣтныхъ и второстепенныхъ людей (за исключеніемъ, впрочемъ, Луццатти), то его девизъ ясно очерченъ: „не антиклерикализмъ, не филоклерикализмъ, но аклерикализмъ". Но быть въ Италіи „аклерикаломъ" значитъ... ничего не значитъ! Практически же означаетъ—быть халифомъ на часъ. Я понимаю, что можно быть сторонникомъ смертной казни и можно быть ея противникомъ; можно даже, пожалуй, подобно Энрико Ферри, быть ея теоретическимъ сторонникомъ (какъ послѣдователю Ломброзо) и практическимъ противникомъ (какъ соціалисту); но взирать на нее безстрастно, когда отъ тебя зависятъ ея функціонированіе или отмѣна—словно бы невозможно! А врядъ ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что для культурной жизни Италіи вопросъ о лаицизаціи школы и лаицизаціи политики есть кардинальный вопросъ, подлинный вопросъ о двухъ столбахъ съ перекладиной. Соннино напрасно пытается сѣсть между двумя стульями, тѣмъ болѣе, что онъ на этомъ мѣстѣ уже сидѣлъ въ

1906-мъ году, хоть и недолго — всего три мѣсяца; опытъ, слѣдовательно, имѣется. И однако публика, при всемъ своемъ антиклерикализмѣ, апплодируетъ консерватору-„аклерикалу“ Соннино, смѣнившему „лѣваго“-антиклерикала Джолитти. Я, конечно, не сталъ бы заключать объ этомъ изъ словъ случайнаго представителя публики; нѣтъ, таково общее настроеніе, поскольку итальянецъ средняго класса вообще отзывается на политику. И объясняется это очень просто: кто бы ни свалился съ президентскаго кресла—ему яростно и аппетитно свищутъ; кто бы ни взошелъ на горизонтѣ—ему апплодируютъ, будь онъ типичнѣйшій халифъ на часъ. Это—характернѣйшая черта итальянской психологіи. И она легко объяснима. Итальянская политика построена на такихъ основахъ, что ожидать какихъ-нибудь важныхъ и крупныхъ реформъ отъ какого бы то ни было состава правительства никому не приходитъ въ голову. Палъ Джолитти—его добиваетъ общественное мнѣніе, ибо онъ вѣдь ничего добраго не сдѣлалъ. Падетъ Соннино—и его проводятъ тѣми же свистками, такъ какъ и онъ будетъ лишь обстановкой въ государственной жизни. Но такъ какъ онъ „свалилъ“ Джолитти, то сейчасъ ему апплодируютъ, какъ будутъ апплодировать Джолитти, когда онъ поборетъ Соннино. Что же касается до направленія ихъ политики, то обывательскую публику это мало интересуетъ. Да и развѣ можетъ она разобраться въ такой тонкости, какъ „аклерикализмъ“? Въ глазахъ итальянца тотъ, кому хочется свистать — другъ поповъ, а кому апплодируютъ — ихъ несомнѣнный жестокій гонитель. А такъ ли это въ дѣйствительности—публикѣ разбираться недосугъ, да и лѣнь; вѣдь въ концѣ-то концовъ все равно, кто занимаетъ президентское кресло! И она, нужно сознаться, разсуждаетъ довольно основательно.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, играетъ роль и то, что Соннино—человѣкъ незапятнанной репутаціи, тогда какъ Джолитти, какъ о немъ печатно мягко выражаются, „хотя и не воръ, но покровитель воровъ“. „Истинное отечество Джованни Джолитти есть тюрьма Реджина Чёлли,—писалъ нѣкогда Rostignac въ догонку бѣжавшему въ Берлинъ министру. — Смѣлѣе же, смѣлѣе, вернись, храбрый изгнанникъ! Отечество ждетъ тебя!“ Но вѣдь Италія—страна великаго Маккіавелли, и самъ Джолитти нѣкогда заявилъ, что „въ дѣлахъ управленія государствомъ совѣсть роли не играетъ“. Подъ этими словами подпишется и сейчасъ половина кабинета Соннино, въ которомъ, кстати, имѣются и джолиттіанцы. Такъ что, собственно, репутація членовъ кабинета не можетъ играть особой роли въ итальянской политикѣ. А ужъ это-то итальянцамъ прекрасно извѣстно.

Какъ бы то ни было — имѣется на лицо новый кабинетъ. Начинается новая эра внутренней политики. Пресса готовится,—это такъ

удачно совпало съ новогодней подпиской! Газета „Tribuna", органъ бывшаго министерства, принуждена уравновѣсить утрату прежняго вліянія хорошей преміей подписчикамъ; она обѣщаетъ имъ безплатные билеты на римскую всемірную выставку въ 1911-мъ году. Газета „Giornale d'Italia" обѣщаетъ основательную скидку при покупкѣ черныхъ стальныхъ часовъ въ опредѣленномъ магазинѣ, съ гарантіей на все время подписки. „Avanti!"—органъ пролетаріата; его преміи скромнѣе, а главное—полезнѣе: кусокъ матеріи на костюмъ, при чемъ цвѣтъ—на выборъ: черный, сѣрый или фантазія; мадаполанъ на рубашки; дюжина носовыхъ платковъ; шерстяное двуспальное одѣяло небеснаго цвѣта; шелковый фуляръ; три полотенца. Для болѣе сознательныхъ рабочихъ (годовыхъ подписчиковъ, конечно) имѣются цѣпочки для часовъ и бритва съ надписью: „Впередъ!". Для самыхъ прозрѣвшихъ рекомендуются бинокли, не только мужскіе, но и дамскіе, даже съ черепаховой ручкой. Наконецъ, для пролетаріевъ, увлекающихся фотографіей, имѣется и соотвѣтствующій аппаратъ. Все это—съ очень небольшой приплатой къ подписной цѣнѣ. Разумѣется, есть въ числѣ премій и книги: „Конецъ царства", „Неопалимая Купина" (Roveto ardente), „Республика" и т. п. Иначе—какой же это былъ бы соціалистическій органъ!

По нашимъ понятіямъ, все это нѣсколько странно, но въ Италіи никого не удивляетъ, что „органъ пролетаріата" объявляетъ въ видѣ преміи элегантный дамскій бинокль съ черепаховой ручкой. Вѣдь, по словамъ Ферри, положеніе организованнаго рабочаго настолько укрѣпилось, что ему пора начать поставлять собственныхъ министровъ. Ну, а разъ такъ, то пролетарскимъ женамъ приходится обзавестись биноклями, чтобы любоваться на пролетарскихъ министровъ съ парламентскихъ хоръ. Жаль только, что „Avanti!", давая цѣпочку, не даетъ часовъ; не потому ли и являются перебѣжчики изъ его лагеря, уже получившіе раньше цѣпочку, въ лагерь менѣе крайнихъ газетъ, премирующихъ своихъ подписчиковъ хорошимъ хронометромъ, по которому такъ легко слѣдить за ходомъ времени и не упускать моментовъ?..

Мих. Осоргинъ.

Римъ 7 (20) декабря.

ПРОПОРЦІОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ ВО ФРАНЦІИ

(Письмо изъ Парижа.)

На одномъ изъ публичныхъ собраній, которыя теперь чуть не ежедневно устраиваются въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ въ цѣляхъ защиты и пропаганды „R. P.“—пропорціональнаго представительства (représentation proportionnelle)—я разговорился съ моими сосѣдями.

— Вы знаете, сколько разъ я вотировалъ? Пятнадцать разъ! Да, пятнадцать разъ подавалъ я голосъ на депутатскихъ и муниципальныхъ выборахъ, и никогда, — слышите: ни одного раза! — не имѣлъ своего депутата ни въ парламентѣ, ни въ городской думѣ! Республика! Вотъ какую республику устроили намъ якобинцы...

Въ это время Жоресъ говорилъ свою рѣчь, и по обыкновенію носился по платформѣ. Три шага вправо, три—влѣво, поднятые кулаки, львиный голосъ и горящіе вдохновеніемъ глаза. Очень странно видѣть, какъ загорается самъ и зажигаетъ другихъ этотъ толстый, рыхлый, сырой человѣкъ. На „свою“ аудиторію онъ дѣйствуетъ неотразимо, но и „враги“ любятъ его слушать. Мой сосѣдъ хлопалъ Жоресу съ такимъ одушевленіемъ и такъ часто во время рѣчи поддакивалъ ему, что я подумалъ:

„Вѣрно онъ соціалистъ или синдикалистъ“...

— Я? Соціалистъ? Боже меня сохрани. Мнѣ еще никто головы не проломилъ. Я—de l'action libérale. Да!

Это было сказано съ большимъ достоинствомъ.

— Что же вы ему такъ хлопаете?

— А! Если человѣкъ говоритъ дѣло, и говоритъ такъ хорошо...

Если мы захотимъ установить принципіальный взглядъ на пропорціональное представительство, мы поступимъ правильно, взявъ за исходную точку сужденія моего случайнаго собесѣдника. Жить въ парламентской республикѣ, гдѣ „воля народа“ является верховнымъ авторитетомъ, гдѣ suffrage universel служитъ единственнымъ основаніемъ всякаго закона, всякой власти; читать на всѣхъ оффиціальныхъ документахъ и на фронтонахъ всѣхъ казенныхъ зданій слово „égalité“; пятнадцать разъ принимать участіе въ выборахъ—и знать, что

твоя воля, твои взгляды, твои нужды ни разу не нашли своего отраженія ни въ парламентѣ, ни въ правительствѣ, ни въ законѣ, ни въ практикѣ управленія—въ этомъ есть глубокое, убійственное противорѣчіе. Мажоративныя системы, дающія представительство только большинству, фактически возстановляютъ понятіе о pays légal, дѣлятъ гражданъ на два разряда, изъ которыхъ одинъ фактически не пользуется всѣми своими правами. Конечно, эти граждане—„podlejszego gatunku", какъ живописно называютъ ихъ по-польски, граждане второго сорта,—должны чувствовать себя чужими въ своемъ собственномъ домѣ, въ республикѣ, должны копить въ себѣ недовольство противъ „существующаго порядка вещей". Такого рода недовольные, быть можетъ, на своемъ мѣстѣ въ государствахъ, построенныхъ на принципѣ абсолютизма. Тамъ вѣдь не спрашиваютъ, доволенъ или нѣтъ обыватель, долгъ котораго — повиноваться, а право — испытывать на себѣ скорпіоны въ случаѣ выраженнаго недовольства. Но для республики—другое дѣло. Ее морально компрометируетъ ожесточенный антагонизмъ между большинствомъ и меньшинствомъ, между правительствомъ и гражданами второго разряда, такъ какъ въ концѣ концовъ этотъ антагонизмъ приводитъ къ палкѣ — къ мѣрамъ репрессій противъ недовольныхъ. А палка всегда остается палкой, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Пропорціональное представительство, такимъ образомъ—въ духѣ и въ интересахъ республиканскихъ учрежденій. Въ то же время оно имѣетъ то большое достоинство, что при немъ представительство принимаетъ дѣйствительно національный характеръ, а представительныя учрежденія дѣйствительно отражаютъ „лицо страны". Мажоративные выборы по округамъ, говоря словами Гамбетты, дробятъ это лицо на сотни осколковъ. Мажоративные выборы по спискамъ весьма часто отдаютъ всю власть и большую часть депутатскихъ мѣстъ партіи, имѣющей только относительное большинство. И только пропорціональное представительство по спискамъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ справедливости и обезпечиваетъ руководящую роль абсолютному большинству страны. Поэтому-то и обращается теперь здѣсь, во Франціи, въ настоящее время аргументъ:

— При мажоративныхъ выборахъ правитъ меньшинство, и только при „R. P.", возстановляющей права меньшинства, руководящее значеніе переходитъ къ большинству.

Естественно, что Франція должна была рано или поздно придти къ этой системѣ. Но едвали кто-нибудь ожидалъ, что „R. P." выдвинется на первый планъ политической сцены именно теперь, и что избирательная реформа поставитъ радикальное и радикально-соціа-

листическое большинство нынѣшняго парламента въ такое трудное и двусмысленное положеніе.

Съ радикалами и радикалами-соціалистами случилось въ настоящее время то, что̀ часто бываетъ съ партіями, группами и отдѣльными людьми, прочно и долго сидящими на стулѣ власти. Программы и принципы уходятъ въ сторону, начинаютъ казаться чѣмъ-то несущественнымъ и второстепеннымъ. Важнымъ, напротивъ, начинаетъ считаться собственное пребываніе у власти.

— Упаси Богъ, она выскользнетъ изъ *нашихъ* рукъ — тогда *все* пойдетъ прахомъ!..

Погибнетъ Россія, если у власти не будутъ стоять мужи совѣта, истинные консерваторы. Погибнетъ Французская республика, если на рулѣ ея не будетъ лежать рука радикала-соціалиста. Это, конечно, подтасовка—но она, вѣроятно, составляетъ общечеловѣческую слабость. Совершенно, однако, естественно, что „ослабѣвшій" человѣкъ начинаетъ мѣрять весь міръ съ точки зрѣнія своей слабости—и все, что̀ охраняетъ его и поддерживаетъ, начинаетъ казаться ему хорошимъ и достойнымъ сохраненія. Но если протестуютъ принципы? Тогда обыкновенно слово и дѣло раздвояются. На словахъ говорятъ о реформахъ—но ихъ не дѣлаютъ.

Избирательная реформа давно стоитъ въ программѣ радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ. Замѣнивъ, въ цѣляхъ борьбы съ буланжизмомъ, систему выборовъ по спискамъ выборами по округамъ, они, вѣрные республиканской традиціи, смотрѣли на эту реформу какъ на временную, разсчитывая впослѣдствіи поставить избирательную процедуру на болѣе широкую основу. Но не торопились этого дѣлать. Во-первыхъ, окружная система оказалась благопріятной для лѣвой радикальной. Во-вторыхъ, логика вещей связала избирательную реформу съ рядомъ другихъ административныхъ реформъ—въ духѣ децентрализаціи чрезмѣрно сосредоточеннаго управленія. Задумывалась обширная административная перестройка, которую нужно было „изучить". И вотъ, въ цѣляхъ этого изученія возникло въ средѣ парламентскихъ дѣятелей нѣсколько группъ, и въ томъ числѣ „группа избирательной и административной реформы", въ составѣ которой немало радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ. Но пока одни думали и не торопясь „изучали", партіи жили, общественная мысль работала, а окружная система и обезпеченное ею господство лѣвой радикальной—давали свои естественные результаты.

Теперь, за исключеніемъ группы радикаловъ, сосредоточивающихся вокругъ Комба, Пельтана, Буржуа и Бретона, почти никто не защищаетъ систему „гнилыхъ мѣстечекъ", „маленькихъ болотъ", въ которую выродились окружные выборы. Да и группа Комба-Пель-

тана, съ трескомъ объявившая кампанію противъ „R. Р.“, не знаетъ теперь, какъ выпутаться изъ затрудненія, созданнаго ея неудачей, не знаетъ, какъ отступить съ соблюденіемъ достоинства. Осужденіе дѣйствующей системы вынесли не ея теоретическіе противники и не политическіе враги, а именно общественное мнѣніе. Каждый день я просматриваю изрядное число разнообразныхъ газетъ — и во всѣхъ ихъ пестритъ этотъ терминъ: „гнилыя мѣстечки“. Депутатъ, выборъ котораго зависитъ отъ содѣйствія мѣстныхъ сильныхъ людей, не только „представитель народа“: онъ еще человѣкъ, черезъ посредство котораго можно многаго добиться отъ власти и отъ мѣстной администраціи. Выборамъ въ округахъ предшествуютъ, поэтому, многочисленныя сдѣлки, и за поддержку депутатъ платитъ: патронамъ своимъ—по возможности крупно, агентамъ — дешево. Но дѣло вѣдь не въ размѣрѣ платы, а въ томъ нездоровомъ, чтобы не сказать больше, характерѣ, который принимаетъ важнѣйшій политическій актъ при зависимости его отъ мелкихъ мѣстныхъ и личныхъ интересовъ.

— У меня кафэ, — говоритъ мнѣ мой сосѣдъ, членъ Либерального союза,—и я кромѣ того солдатъ, и былъ раненъ въ Индо-Китаѣ. Не очень опасно, но всетаки пуля еще до сихъ поръ сидитъ здѣсь— онъ похлопалъ себя по бедру.—Что же вы думаете, дадутъ мнѣ табачную лавочку? Ого! Я католикъ! Я не работаю для нихъ на выборахъ! И потому табачкомъ торгуетъ сосѣдъ. Все у нихъ такъ...

Дегенерація политическихъ нравовъ не ограничивалась, конечно, областью отношеній депутатовъ къ избирателямъ. Она отражалась и на дѣятельности парламента. Депутаты-дѣльцы, связанные съ дѣльцами своихъ округовъ связью личныхъ интересовъ, не могли быть хорошими представителями нуждъ страны. Какое страшное противодѣйствіе встрѣтила въ парламентѣ весьма въ сущности скромная программа Клемансо! Съ какимъ трудомъ протащилъ онъ даже черезъ палату подоходный налогъ, выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ и страхованіе рабочихъ на старость! Понадобились два года усилій умнѣйшаго во Франціи государственнаго человѣка, усилій, оплаченныхъ, кромѣ того, рядомъ тяжелыхъ уступокъ.

Вотъ причины, которыя создали въ странѣ атмосферу, благопріятную пересмотру избирательной системы, и привлекли на сторону списочной системы, дополненной „R. Р.“, не только оппозиціонныя правыя и лѣвыя партіи, но и рядъ отдѣльныхъ лицъ изъ состава нынѣшняго парламентскаго большинства.

Ихъ усиліями, въ порядкѣ частной инициативы, вопросъ объ избирательной реформѣ былъ поставленъ 8-го ноября на обсужденіе палаты — и здѣсь произошелъ рядъ событій, странныхъ, чтобы не сказать болѣе. Палата, послѣ непродолжительныхъ преній и вопреки

министерству, приняла подавляющимъ числомъ голосовъ сначала замѣну окружной системы списочною, а затѣмъ, въ принципѣ, и „R. P.“. Съ большинствомъ голосовали и многіе радикалы. Оставалось вотировать избирательную реформу въ цѣломъ. Но тутъ выступилъ Бріанъ. Такую крупную реформу нельзя принимать наканунѣ выборовъ, не посовѣтовавшись съ населеніемъ. Поставивъ вопросъ о довѣріи, онъ потребовалъ, чтобы палата отвергла основной параграфъ законопроекта, составные элементы котораго она только-что приняла. Палата послушалась, и придала такимъ образомъ будущимъ выборамъ характеръ плебисцита по вопросу „R. P.“.

Такой образъ дѣйствій былъ бы понятенъ и разуменъ въ томъ случаѣ, еслибы оба вотума были даны однимъ и тѣмъ же большинствомъ и именно тѣмъ, на которое опирается правительство. И еслибы, далѣе, это большинство, высказавшись въ принципѣ за избирательную реформу и отсрочивъ ея осуществленіе до консультаціи съ избирателями, само пошло бы къ выборамъ подъ знаменемъ „R. P.“. Но въ дѣйствительности все вышло на оборотъ. Большинство, вотировавшее за реформу, состояло изъ правыхъ, соціалистовъ и части политическаго центра. Большинство, отсрочившее реформу до новыхъ выборовъ, состояло изъ однихъ республиканцевъ, за исключеніемъ соціалистовъ. И наконецъ, послѣдующую кампанію и противъ „R. P.“, и противъ scrutin de liste повели радикалы и радикалы-соціалисты. Всматриваясь въ образъ дѣйствій отдѣльныхъ парламентскихъ партій, мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣдовательно и цѣлесообразно вели себя въ этомъ вопросѣ только правые и соціалисты, т.-е. меньшинство. Они вотировали за реформу, которую считали благопріятной, вотировали противъ отсрочки, и затѣмъ открыли оживленную общественную кампанію за „R. P.“. Республиканскій же блокъ далъ картину полнаго хаоса. Во-первыхъ обнаружилось, что у министерской партіи—у партіи, слѣдовательно, руководящей,—нѣтъ общаго установленнаго взгляда на вопросъ, нѣтъ опредѣленнаго партійнаго отношенія не только къ основамъ избирательной реформы, но и къ самой необходимости ея. Въ то время какъ часть радикаловъ, входящихъ въ составъ парламентской „группы избирательной и административной реформы“ и рядъ радикальныхъ газетъ—„Radical“, „Rappel“ и др.—высказываются за реформу въ цѣломъ, т.-е. и за „R. P.“, другая часть радикаловъ стоитъ лишь за замѣну окружной системы списочною; третья, въ которую входитъ большинство вождей партіи, вмѣстѣ съ Комбомъ, Буржуа и Пельтаномъ—за сохраненіе дѣйствующей системы и противъ всякой реформы. Существуетъ, наконецъ, значительное число депутатовъ,—членовъ республиканскаго блока, —которые совсѣмъ не имѣютъ опредѣленнаго мнѣнія, и хотѣли бы еще только „изучить“

вопросъ. Конечно, только благодаря этой раздробленности и невыработанности мнѣній и могли явиться противорѣчивые вотумы 8-го ноября, обрушившіеся всей своей тяжестью именно на радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ. Умѣренные республиканцы, группирующіеся вокругъ Дешанеля, умѣренная республиканская пресса, съ „République Française“ во главѣ—на сторонѣ „R. P.“. Въ парламентѣ эта партія приняла реформу въ принципѣ, отвергла законопроектъ по требованію Бріана, чтобы не создавать министерскаго кризиса, и на выборахъ включитъ „R. P.“ въ свою платформу. Но радикалы и до сихъ поръ не сговорились — и не только не сговорились, но группа Пельтана-Комба за свой собственный страхъ открыла кампанію противъ „R. P.“ въ формахъ, глубоко компрометирующихъ радикаловъ. Эта кампанія кончилась уже полнымъ фіаско. Общественное мнѣніе, поднятое пропагандой пропорціоналистовъ, такъ очевидно на сторонѣ реформы, что политическіе дѣятели, способные прислушиваться къ мнѣнію избирателя, не проявляютъ желанія принимать въ ней участіе. Тѣмъ болѣе, что выступленіе Пельтана, объявившаго всѣхъ пропорціоналистовъ врагами республики и всеобщаго голосованія, а самое движеніе въ пользу „R. P.“ приравнявшаго, по его политическому значенію, къ „буланжизму“, грозило только углубить расколъ въ радикальной партіи.

Изъ всѣхъ парижскихъ газетъ, если не ошибаюсь, только одна „Lanterne“,—„плохо освѣщенная въ этомъ дѣлѣ“, какъ шутили здѣсь,—сначала поддерживала Пельтана и „окружниковъ“. Но и она въ концѣ концовъ измѣнила имъ.

— „Какъ? Бенуа, Бьюсонъ, Дешанель, Пуанкарэ, Жоресъ, Гедъ, Стегъ, Семба, Мильеранъ — реакціонеры, враги республики, достойные „отлученія“? — спрашивали на перебой всѣ газеты всѣхъ направленій, давая все новые и все столь же невѣроятные списки отлучаемыхъ, и хохотали, хохотали, хохотали.

Одна за другой, партіи и организаціи выступали съ протестами противъ этой тактики нетерпимости, и сегодня, наконецъ, такая крупная составная часть республиканскаго блока, какъ „Демократическій союзъ“, выразила протестъ противъ заподозриванія республиканской лояльности пропорціоналистовъ-республиканцевъ, и пригласила республиканцевъ всѣхъ наименованій пересмотрѣть и изучить вопросъ объ административной и избирательной реформѣ, въ цѣляхъ установленія единства взглядовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что радикалы не только были застигнуты въ расплохъ постановкой на обсужденіе реформы, десятокъ лѣтъ фигурирующей въ ихъ собственной программѣ, но и совершили рядъ дѣйствій, могущихъ только повредить ихъ авторитету. Конечно,

они растерялись. Ихъ испугала анархія въ поведеніи членовъ ихъ партіи, явившаяся послѣдствіемъ анархіи идей. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ на митингахъ, обсуждавшихъ избирательную реформу, ораторы-радикалы защищали „R. P." вмѣстѣ съ католиками и соціалистами противъ другихъ радикальныхъ ораторовъ. Въ прессѣ и обществѣ начинали говорить о развалѣ „блока", и потому представлялось крайне необходимымъ возстановить дисциплину партіи. Какимъ путемъ? Путемъ убѣжденія? Для этого не было ни времени, ни силъ. Оставался интердиктъ. И вотъ, услужливые медвѣди партіи и прибѣгли къ нему—на зло себѣ и тому республиканскому единству, къ которому они стремились.

Гдѣ причины этого образа дѣйствій? Конечно—прежде всего въ грубо и узко понимаемыхъ партійныхъ интересахъ. Отъ добра добра не ищутъ—и такъ какъ окружная избирательная система три раза подъ рядъ давала уже радикаламъ и радикаламъ-соціалистамъ доброе число депутатскихъ мѣстъ, то зачѣмъ мѣнять систему и открывать двери неизвѣстному? Но кромѣ грубо-понимаемыхъ партійныхъ интересовъ имѣются причины и другого порядка, съ которыми, въ виду ихъ общаго значенія, небезъинтересно познакомиться подробнѣе. Ихъ изложилъ Леонъ Буржуа, не очень блестящій, но очень уважаемый общественный дѣятель, съ именемъ котораго плохо вяжется служеніе грубымъ и узкимъ партійнымъ интересамъ. Послушаемъ же, что̀ говоритъ Леонъ Буржуа.

..."Я слышу, будто наша партія ослаблена. Ослаблена партія, вожди которой—Бриссонъ, Комбъ, Сарріенъ, Клемансо, — въ теченіе трехъ законодательныхъ періодовъ смѣнялись во главѣ правительства?! Ослаблена партія, сдѣлавшая такія пріобрѣтенія, какими являлись Вальдекъ-Руссо и Бріанъ?! Какое чувство объединяетъ всѣхъ радикаловъ между собою? Вражда къ невѣжеству и несправедливости. Къ какому идеалу стремимся мы и движемся? Мы стремимся осуществить полную свободу на основѣ полной справедливости. Какими способами хотимъ мы достигнуть этой цѣли? Путемъ мирной эволюціи. Гдѣ тѣ свѣточи, которыми мы освѣщаемъ нашу дорогу? Это—совѣсть и разумъ. Вотъ вамъ неизмѣнная программа и радикальной партіи, и французскаго національнаго сознанія. Никакія потребности времени, никакой прогрессъ знанія, никакое измѣненіе соціальныхъ условій не будутъ въ состояніи поколебать эту доктрину и ту преданность, которую чувствуетъ къ ней большинство націи. Вотъ почему всѣ кабинеты, стоявшіе у власти въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, руководились радикальной программой. Что же касается всѣхъ новшествъ, выдвигающихся на сцену, и тѣхъ, появленія которыхъ можно ждать въ

будущемъ,—повѣрьте, что они будутъ жить только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ корни проникнутъ въ нашу почву".

И нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ—пророкъ его!

У радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ имѣются, несомнѣнно, большія заслуги передъ Франціей. Исторія партіи, долго стоявшей на бреши, вынесшей на своихъ плечахъ борьбу съ послѣдними натисками политической, религіозной и моральной реакціи, полна славныхъ страницъ и именъ. Идеалы ея, формулированные Буржуа, не потеряли цѣны и теперь—но вѣдь жизнь идетъ, и новыя потребности нарождаются каждый день. Кто хочетъ и умѣетъ идти въ ногу съ жизнью, тотъ не потеряетъ никогда своего славнаго мѣста. Но кто, старчески окостенѣвъ, только считаетъ былыя заслуги и полонъ поползновенія монополизировать истину и добро,—надъ тѣмъ жизнь насмѣется и оставитъ за штатомъ; любуйся собой на покоѣ! Новые всходы взойдутъ на новомъ полѣ—и не станутъ отъ того хуже, что потомки славныхъ гусей пощиплютъ ихъ. Эту старую истину, которую слѣдуетъ помнить всѣмъ—всѣмъ школамъ, партіямъ, направленіямъ,—и демонстрируетъ намъ въ чрезвычайно поучительной формѣ исторія „R. P." о „добромъ радикалѣ, коварномъ заговорѣ католика съ соціалистомъ, и о томъ, что изъ этого вышло".

Что же изъ этого вышло?

Во-первыхъ, не вышло никакого заговора католиковъ и соціалистовъ, направленнаго противъ республики; не вышло „новаго буланжизма". Монархисты и католики, съ одной стороны, соціалисты—съ другой, правда, входятъ въ составъ „пропорціоналистовъ", какъ и естественно для партій, находящихся въ меньшинствѣ. Но совмѣстная или параллельная агитація по данному конкретному вопросу не означаетъ ни сближенія, ни, тѣмъ менѣе, заговора. Нелѣпо же предполагать, что соціалисты Франціи подадутъ руку ея средневѣковымъ элементамъ, на гибель республики. Если объ этой сдѣлкѣ такъ неудачно заявили неудачные „окружники", то лишь потому, что разсчитывали такимъ пріемомъ укрѣпить поколебавшееся положеніе республиканскаго „блока" вообще и радикально-соціалистической партіи въ частности.

А положеніе это поколебалось. Республиканскій блокъ, т.-е. съ одной стороны Union démocratique, правые или умѣренные республиканцы, и лѣвые республиканцы,—радикалы и радикалы-соціалисты съ другой, опирается на буржуазные элементы страны. Не на всю буржуазію, такъ какъ часть ея поддерживаетъ реакціонеровъ всѣхъ видовъ, но на громадное ея большинство. Черпая въ этой поддержкѣ

ту силу и устойчивость, которая дала Леону Буржуа поводъ отождествить взгляды радикальной партіи съ голосомъ совѣсти и разума Франціи, республиканскій блокъ вмѣстѣ съ тѣмъ несъ всегда на себѣ путы ея неумѣренныхъ требованій и ея великолѣпнаго аппетита. Именно потому такъ и отстала Франція въ области соціальнаго законодательства отъ другихъ культурныхъ странъ Европы, что господство республиканцевъ было въ ней въ то же время господствомъ буржуазіи, хорошо организованной, богатой и умной. Изъ соображеній практическаго характера буржуазія Франціи поддерживала не только республиканцевъ умѣреннаго типа, но и лѣвыхъ—радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ,—заканчивающихъ секуляризацію государственныхъ учрежденій страны, а кстати и клерикальныхъ имуществъ. Но поддержка эта ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствовала и не свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи радикальныхъ идеаловъ буржуазнымъ аспираціямъ. Радикальная партія могла, поэтому, только въ очень скромныхъ размѣрахъ осуществлять свою программу „полной свободы на основѣ полной справедливости“, и „мирная эволюція“ не разъ превращалась въ „шагъ на мѣстѣ“. Клемансо знаетъ это лучше, чѣмъ кто-нибудь. Изъ трехъ большихъ реформъ, осуществленію которыхъ онъ отдалъ весь свой талантъ и всю свою энергію, онъ не успѣлъ завершить ни одной. Страхованіе рабочихъ на случай старости и выкупъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ закончены обсужденіемъ въ сенатѣ уже при Бріанѣ, а проектъ подоходнаго налога, выработанный Кальо, будетъ пересмотрѣнъ Кошри, и пройдетъ быть можетъ немало времени, пока онъ станетъ закономъ. Но и то немногое, что сдѣлано, кажется буржуазіи излишнимъ и опаснымъ, какъ прецедентъ, какъ начало другихъ мѣропріятій, затрогивающихъ ея кровные интересы. И вотъ, наканунѣ новыхъ выборовъ крупная буржуазія говоритъ республиканскимъ партіямъ: „довольно“!

На-дняхъ въ зданіи Торговой Биржи имѣло мѣсто собраніе 36 предсѣдателей крупныхъ синдикатовъ предпринимателей, объединяющихъ слишкомъ 200.000 предпріятій. Оно обсуждало и выработало многоговорящую программу требованій — предпринимательскій манифестъ, какъ здѣсь не безъ насмѣшки ее называютъ.

— „Коммерсанты и промышленники, какъ крупные, такъ и мелкіе, сыты по горло этой безпокойной политикой, смущающей дѣловой міръ“—сказалъ, между прочимъ, секретарь „конфедераціи промышленныхъ и торговыхъ организацій“, Онисъ, мотивируя проектъ „манифеста“. „Пора поставить нашихъ законодателей въ извѣстность, что мы ожидаемъ отъ нихъ лучшей и болѣе полной интерпретаціи общихъ интересовъ страны. Вотъ почему мы сочли полезнымъ изложить наши пожеланія, чтобы они не могли ссылаться на рознь, существующую

будто бы въ средѣ предпринимателей и коммерсантовъ по вопросу о средствахъ, которыми эти интересы могутъ быть удовлетворены".

Вотъ эти средства:

1) Уничтоженіе, насколько возможно полное, монополій и привилегій, и формальный отказъ отъ всѣхъ попытокъ соціализаціи предпріятій какъ государствомъ, такъ и общинами или департаментами, въ какихъ бы формахъ она ни совершалась въ ущербъ національной самодѣятельности.

2) Парламентъ долженъ поставить себѣ въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы правительство не вмѣшивалось въ конфликты труда и не выходило изъ границъ, которыя диктуются уваженіемъ къ свободѣ и къ индивидуальной собственности, согласованнымъ съ интересами справедливости.

3) Финансовая реформа, состоящая въ улучшеніи и, если необходимо, въ усиленіи существующаго обложенія, при условіи предварительнаго обмѣна мнѣній съ профессіональными организаціями — реформа, имѣющая главною цѣлью установленіе равенства въ обложеніи. Отказъ отъ подоходнаго налога, вотированнаго палатой, въ виду его личнаго и инквизиторскаго характера.

4) Бережливость въ расходахъ.

5) Учрежденіе старческихъ пенсій для всѣхъ неспособныхъ трудиться и пріобрѣтать средства жизни, при чемъ въ основаніе должны быть положены слѣдующіе два принципа: а) пенсіи—національная обязанность, и потому необходимыя суммы должны быть доставлены путемъ обложенія всѣхъ гражданъ; б) онѣ могутъ и должны не подавлять, а возбуждать индивидуальную предпріимчивость, и потому цѣлесообразно примѣнить при этомъ начала взаимнаго страхованія.

Опускаемъ нѣсколько параграфовъ второстепеннаго для насъ значенія и обращаемся къ послѣднему:

9) Государственная власть обязана, прежде внесенія законопроектовъ, касающихся торговли, индустріи и условій труда, давать ихъ на разсмотрѣніе и совѣщаться съ профессіональными синдикатами, патрональными и рабочими, а также съ обществами и другими разрѣшенными организаціями.

Иными словами: не нужно подоходнаго налога; не нужно страхованія рабочихъ, съ двойнымъ участіемъ патроновъ въ платежахъ—въ качествѣ хозяевъ и въ качествѣ плательщиковъ налоговъ; не нужно выкупа желѣзныхъ дорогъ; не нужно самодѣятельности ни правительства, ни парламента; не нужно ничего, что̀ пахнетъ „безпокойной политикой, смущающей дѣловой міръ". Не нужно также вмѣшательства въ конфликты труда и капитала. Нужны лишь охрана „свободы

труда" и демонстрація уваженія къ принципу индивидуальной собственности.

— Правительство! Не мѣшай хозяину!—

Очевидно, въ этомъ мірѣ хозяевъ радикально-соціалистическая программа потеряла кредитъ. Ею „сыты по горло", и ея больше не желаютъ. Это значитъ, что радикаламъ-соціалистамъ, къ тому же раздираемымъ внутренними несогласіями, не надо разсчитывать на предстоящихъ выборахъ на поддержку des gros bonnets.

Но куда же пойдутъ les gros bonnets? Къ умѣреннымъ республиканцамъ? Но число умѣренныхъ республиканцевъ невелико, и подавая голоса за нихъ, можно прогадать и остаться безъ достаточнаго представительства. Къ клерикаламъ и монархистамъ? Что у gros bonnets имѣются связи съ клерикалами и монархистами—извѣстно давно. Такой знатокъ Франціи, какъ Анатоль Франсъ, утверждаетъ, между прочимъ (въ „Пингвинахъ"), что въ очень зажиточныхъ кругахъ республиканской Франціи считается хорошимъ тономъ быть монархистомъ и католикомъ. Эта тенденція должна тѣмъ болѣе обостряться, чѣмъ болѣе будетъ усиливаться вліяніе соціалистовъ и ихъ идей, чѣмъ опредѣленнѣе Франція будетъ двигаться по направленію, указываемому рабочей демократіей. Слѣдуетъ, однако, указать на то, что на пути прочнаго „дѣлового" сближенія крупной буржуазіи съ реакціонными партіями стоитъ много препятствій. Въ странѣ всеобщаго голосованія „плебсъ" значитъ много, можетъ-быть больше, чѣмъ „господствующее сословіе". Волей-неволей, поэтому, и клерикалы, и монархисты, въ погонѣ за поддержкой массъ, идутъ на встрѣчу соціальнымъ требованіямъ рабочихъ классовъ. Можно сомнѣваться въ искренности монархическаго и клерикальнаго соціализма, можно невысоко цѣнить реальную опасность, представляемую для буржуазныхъ интересовъ „демагогіей въ сутанѣ" и „демагогіей въ лайковыхъ перчаткахъ". Тѣмъ не менѣе между буржуазіей и клерикальнымъ міромъ на этой скользкой почвѣ уже возникли затрудненія, и будутъ, конечно, возникать еще чаще, если „демагогическая" линія опредѣлится ярче.

Недавно, напримѣръ, возникъ довольно серьезный конфликтъ въ Лиллѣ и Камбрэ между духовенствомъ и буржуазіей, вслѣдствіе вмѣшательства мѣстнаго епископа и нѣсколькихъ кюре въ стачку ткачей. Оказалось, что именно духовенство отчасти руководило этой стачкой, побудило принять въ ней участіе „зеленые" синдикаты рабочихъ католиковъ и съ церковныхъ каѳедръ увѣщевало женщинъ не малодушествовать, терпѣть стачечный голодъ и бороться до конца.

„Я добрый католикъ,—писалъ по этому поводу одинъ изъ фабрикантовъ епископу,—и подчиняюсь церкви во всемъ, что касается цер-

ковныхъ дѣлъ и религіозныхъ вопросовъ. Но если церковь вздумаетъ мѣшаться въ наши отношенія съ рабочими и руководить ими, пожелаетъ наложить свою руку на дѣла свѣтскаго характера, мы должны ей сказать: руки прочь!"

Въ концѣ концовъ церкви придется отказаться или отъ активной поддержки требованій рабочихъ массъ, или отъ тѣхъ субсидій, которыми ее снабжаетъ часть буржуазіи. Вѣроятно, что со временемъ она откажется отъ „демагогіи", въ виду того, что успѣхъ ея у рабочихъ не очень великъ. По крайней мѣрѣ попытки духовенства кончились полной неудачей среди углекоповъ Сѣвернаго департамента, а недавно кюрэ, явившагося на биржу труда, синдикатъ бакалейныхъ приказчиковъ Парижа, ведущій борьбу за воскресный отдыхъ, не принялъ.

— Синдикатъ не умеръ, ваше преподобіе. И отходную ему читать рано.—

Это было сказано очень невѣжливо — но вѣдь не въ вѣжливости дѣло, а въ глубокомъ антагонизмѣ „силъ прошлаго" и „силъ будущаго". Этотъ антагонизмъ не помѣшаетъ, однако, клерикаламъ въ теченіе ближайшаго времени и въ чисто практическихъ цѣляхъ вести демократическую агитацію и стоять за соціальныя реформы—т.-е. раздражать буржуазію.

На этой опасной линіи удерживаютъ въ настоящій моментъ клерикаловъ и ихъ естественные союзники—монархисты. Они не сильны во Франціи, но дѣятельны. Свергнуть республику—ихъ единственная цѣль. Поэтому демагогія ихъ—естественное, чтобы не сказать единственное оружіе. Ихъ послушать, такъ только монархисты—друзья трудящихся и только монархія разрѣшитъ соціальный вопросъ.

„Кто какъ не графъ Парижскій былъ знатокомъ рабочаго вопроса,— пишетъ „Soleil" въ статьѣ, озаглавленной: „La monarchie sociale",—и кто, какъ не онъ, высказался за участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій? Эти взгляды графа Парижскаго раздѣляетъ и сынъ его, герцогъ Орлеанскій. Въ парламентѣ — кто какъ не роялисты первые предложили рядъ законопроектовъ, направленныхъ въ защиту рабочаго класса: законъ о неотчуждаемомъ имуществѣ — орудіяхъ труда, — предложенный гг. де-Менъ, де-Ламарзель, де-Рамель и т. д., а затѣмъ вновь поддержанный аббатомъ Лемиромъ; законъ о пенсіонныхъ кассахъ, предложенный въ 1886-мъ году тѣми же лицами; законъ о совѣтахъ посредниковъ и о посредническихъ коммиссіяхъ, о представительствѣ рабочихъ въ палатахъ труда, объ отвѣтственности предпринимателей при несчастныхъ случаяхъ и о рабочихъ синдикатахъ. Наконецъ, опять-таки консерваторы — Шайіяръ-Бонсель и де-Ламарзель—приняли самое дѣятельное участіе въ обсужденіи законовъ о пенсіяхъ рабочимъ и крестьянамъ, защищая интересы послѣднихъ".

Выводъ отсюда ясенъ: Франція погибнетъ въ волнахъ революціоннаго соціализма или индивидуализма, если не вручитъ своихъ судебъ королю.

„Франція всегда имѣла именно такого короля, какого требовали состояніе умовъ и моментъ. И именно такимъ королемъ былъ бы для настоящаго момента герцогъ Орлеанскій. Король работниковъ! Во имя соціальныхъ интересовъ нашей страны, мы всей душой жаждемъ восшествія на престолъ Филиппа VIII, короля Франціи".

Въ ожиданіи этого времени монархисты всѣхъ оттѣнковъ призываютъ всѣхъ „честныхъ людей сплотиться вокругъ знамени, на которомъ написано: „совѣсть", „гражданская и религіозная свобода", „Богъ и право для всѣхъ". „Кто же изъ людей, имѣющихъ сердце, и патріотовъ не сплотится вокругъ него на будущихъ выборахъ"?

Сплотится, конечно, меньшинство, и даже не очень многочисленное меньшинство населенія. Тѣмъ не менѣе, республиканская Франція стоитъ передъ двумя явленіями, значеніе которыхъ нельзя преуменьшать: передъ сильнымъ поворотомъ направо крупной буржуазіи и передъ тактикой соціальныхъ приманокъ, усвоенной клерикалами и монархистами. Это перемѣщеніе соціальныхъ силъ и эта перемѣна въ пріемахъ борьбы не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго для республики, какъ государственной формы — но они требуютъ отъ республиканскихъ и прогрессивныхъ партій новыхъ усилій и большой сплоченности.

И вотъ, именно въ такой трудный политическій моментъ радикальная и радикально-соціалистическая партіи обнаруживаютъ отсутствіе единства взглядовъ, шатаніе въ области програмныхъ вопросовъ и изъ руководителей общественнаго мнѣнія превращаются въ барьеръ на пути реформы, требуемой общественнымъ мнѣніемъ.

Вотъ что̀ вышло изъ того, что „добрые радикалы" не во̀-время вздремнули на своихъ лаврахъ.

Вопросъ о томъ, приметъ ли Франція систему пропорціональнаго представительства, рѣшится лѣтомъ 1910-го года на общихъ выборахъ, такъ какъ уже теперь ясно, что именно „R. P." явится гвоздемъ избирательныхъ платформъ. По всей вѣроятности, въ концѣ концовъ съ „R. P." помирятся и радикалы, и въ этомъ случаѣ реформа не встрѣтитъ сопротивленія.

Внесетъ ли она много измѣненій въ составъ парламента? На вопросъ отвѣтить не легко, и мнѣ пока не пришлось встрѣтиться во французской прессѣ съ разсчетами, построенными на анализѣ данныхъ прошлыхъ выборныхъ кампаній. Пока могу сообщить, что блокъ

„честныхъ людей“—т.-е. реакціонеровъ всѣхъ порядковъ — разсчитываетъ выиграть отъ реформы. Точно также и соціалисты. Радикалы-соціалисты и радикалы боятся потерь.

На практикѣ исходъ выборовъ будетъ зависѣть не только отъ соотношенія силъ различныхъ партій, но также и отъ ихъ избирательной тактики.

Поясним это примѣромъ. Допустимъ, что въ департаментѣ, посылающемъ въ парламентъ на 200.000 избирателей 4 депутатовъ, баллотируются четыре списка, при чемъ они получаютъ слѣдующее число голосовъ:

Объединенные клерикалы и монархисты .	33.000
Умѣренные республиканцы.	27 000
Радикалы	90.000
Соціалисты	50.000

Въ этомъ случаѣ, принимая бельгійскую систему расчисленія, радикалы получатъ два мѣста, соціалисты — одно, монархисты — одно; умѣренные же сыграютъ впустую.

Если же умѣренные и радикальные республиканцы выставятъ общій списокъ, то-есть голоса избирателей разобьются на три группы, въ 33, 117 и 50 тысячъ голосовъ, то объединенные республиканцы получатъ три депутатскихъ мѣста, соціалисты — одно, и монархисты — ни одного.

Очевидно, что и будущіе пропорціональные выборы во Франціи дадутъ тѣ или иные результаты въ зависимости отъ того, выступятъ ли республиканцы однимъ блокомъ, или выдвинутъ нѣсколько списковъ. Но такъ какъ до выборовъ на основѣ пропорціональнаго представительства еще далеко, то и опредѣлять шансы тѣхъ или иныхъ группъ при „R. P.“ — преждевременно.

БѢЛОРУССОВЪ.

ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ

(Письмо изъ Лондона.)

I.

Со словомъ „революція" ассоціируется представленіе о громадной кровавой трагедіи, освѣщенной заревомъ пожаровъ; наиболѣе извѣстнымъ символомъ ея является потокъ расплавленнаго металла, сразу вырвавшагося изъ печи. Иногда огненная рѣка отведена въ опредѣленное русло. Металлъ, застывши, принимаетъ стройную, красивую, крѣпкую форму. Тогда примѣнимы слова Дантона: „Une nation en révolution est comme l'airain qui bout et se régénère dans le creuset". Иногда свободный путь расплавленному металлу прегражденъ. Тогда онъ выходитъ изъ отведеннаго ему желоба и разливается. Превративъ все окружающее въ пепелъ, металлъ застываетъ безформенными, уродливыми черными сгустками. Тогда поэтъ выноситъ свой односторонній приговоръ:

„Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn".

Еще страшнѣе картина возстаетъ при словѣ „контръ-революція". Всего только пять лѣтъ тому назадъ самой ужасной „контръ-революціей" была та, которая была устроена Фердинандомъ VII. Теперь, къ несчастью, дѣйствительность показала, что можно пойти еще дальше.

Если понимать подъ революціей переходъ отъ стараго порядка къ новому, то она происходитъ теперь въ Англіи. Здѣсь много вѣковъ стояло политическое зданіе, державшееся на трехъ устояхъ. Опытнымъ путемъ, послѣ ряда вѣковъ, найдено было, такъ сказать, устойчивое равновѣсіе государственнаго механизма. Права и обязанности короны, лордовъ и коммонеровъ были опредѣлены не столько законниками, сколько обычаемъ. Въ результатѣ получалось несоотвѣтствіе между обычаемъ и буквой; но „устойчивое равновѣсіе" было найдено и все шло хорошо. Возьму конкретный примѣръ. Теоретически корона можетъ, если пожелаетъ, наложить свое veto на любой законъ, при-

нятый парламентомъ; но со времени королевы Анны никто изъ правителей Англіи не пользовался этимъ правомъ. И если теперь король захотѣлъ бы воспользоваться своимъ теоретическимъ правомъ абсолютнаго veto, это было бы сочтено важнымъ нарушеніемъ конституціи. Теоретически коронѣ принадлежитъ неотъемлемое право распускать парламентъ по своему желанію; но фактически съ 1830 г. король этимъ правомъ не пользовался, и теперь роспускъ парламента помимо „совѣта“ перваго министра былъ бы тоже сочтенъ нарушеніемъ конституціи. То же самое было и съ теоретическимъ правомъ наслѣдственныхъ законодателей отклонять бюджетъ. Обычай установилъ другой законъ, освященный вѣками. Теперь, когда лорды воспользовались своимъ теоретическимъ правомъ, все зданіе, державшееся потому, что опытно найденъ былъ центръ тяжести—пошатнулось. Впереди—выработка письменной конституціи, т.-е. точное опредѣленіе правъ короны, верхней палаты и коммонеровъ. Въ печати и обществѣ раздаются голоса: „если лорды воспользовались своимъ теоретическимъ правомъ, то гдѣ гарантія, что кто-нибудь изъ потомковъ лояльнаго Эдуарда VII не предъявитъ требованій на прерогативы, которыя по буквѣ принадлежатъ ему?“ Зданіе, сложенное вѣками, шатается. Но, къ счастью, мы имѣемъ передъ собою революцію безъ крови, безъ пожаровъ, безъ неслыханныхъ насилій надъ личностью. Существованіе желобовъ для „расплавленнаго металла“, т.-е. широкая возможность борьбы на конституціонной почвѣ, сдѣлало то, что „величайшая революція, пережитая Англіей послѣ 1688-го года“—какъ называютъ здѣсь кризисъ,—проходитъ безъ трагедій. Передъ нами революція *мирная.* О существованіи ея мы узнаемъ только по страстному тону рѣчей ораторовъ, по жгучимъ газетнымъ статьямъ, по неимовѣрному количеству агитаціонной литературы и по тѣмъ страшнымъ усиліямъ, которыя дѣлаютъ главныя политическія партіи, чтобы убѣдить единственнаго судью съ абсолютнымъ рѣшающимъ голосомъ—избирателя. Борьба захватила всѣ классы населенія; но поднятое оружіе, стиснутые кулаки и акты насилія мы, къ счастью, видимъ только на безчисленныхъ „картонахъ“, выпущенныхъ всѣми партіями. Вотъ, напримѣръ, „картонъ“, озаглавленный: „Наконецъ-то въ рукахъ!“. Разъяренный Джонъ Булль схватилъ за горло замаскированнаго разбойника въ герцогской коронѣ, который только что ранилъ своего противника ножемъ (правомъ veto). Джонъ Булль занесъ надъ разбойникомъ тесакъ съ надписью: „Уничтоженіе палаты наслѣдственныхъ избирателей“. Подпись необыкновенно энергична: „А, лукавый песъ! ты пырнулъ меня ножемъ. Теперь, клянусь небомъ, ты отвѣтишь мнѣ!“. Вотъ другой „картонъ“. Обезьяна въ коронкѣ лорда играетъ заряженнымъ револьверомъ (всеобщіе выборы). Она взвела курокъ, глядитъ въ дуло и собирается

дернуть за гашетку. „Могу ли я выстрѣлить?—спрашиваетъ обезьяна.— Посмотримъ. Мы убѣдимся въ этомъ сейчасъ“. Еще „картонъ“. Лордъ въ коронѣ вышвырнулъ пинкомъ мальчика—„бюджетъ“. Но тотчасъ же получилъ сзади страшный пинокъ взбѣшеннаго Джона Булля въ полной формѣ, т.-е. въ ботфортахъ, красномъ фракѣ и невысокой круглой шляпѣ. „Ладно, благородный лордъ!—кричитъ Джонъ Булль—я позади васъ. Я самъ умѣю давать пинки“. Вотъ „Исторія канарейки въ рисункахъ“ (картонъ этотъ расклеенъ всюду). Первый рисунокъ изображаетъ кота-лорда, сладко глядящаго на канарейку (бюджетъ), сидящую въ клѣткѣ. Послѣдній рисунокъ изображаетъ расправу надъ котомъ: ему навязали на шею кирпичъ (результатъ общихъ выборовъ) и швырнули въ омутъ „общественнаго забвенія“.

Моменты крайняго общественнаго возбужденія въ Англіи опредѣляются, между прочимъ, появленіемъ очень своеобразной „street literature“, которую нельзя перевести буквально: „уличная литература“. Послѣдній терминъ означаетъ нѣчто низменное, развращающее, пошлое, наглое. „Street literature“—это политическіе рисунки и памфлеты, составленные, набранные и продаваемые однимъ и тѣмъ же лицомъ. „Street literature“ появилась во время борьбы за первый билль о реформахъ, потомъ въ 1867 г. и совершенно исчезла послѣ второго билля о реформахъ. Любопытные образчики „street literature“ приведены въ рѣдкомъ сборникѣ, о которомъ мнѣ какъ-то уже пришлось писать въ „Вѣстникѣ Европы“. И вотъ, теперь мы снова присутствуемъ при нарожденіи ея. Предо мною аляповато исполненная погребальная карточка, въ черной траурной рамкѣ. Наверху—дроги. Надпись гласитъ: „Въ память горестной кончины палаты лордовъ и консервативной партіи, совершившихъ самоубійство въ ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря 1909 г. Предварительно, отстаивая земельную монополію и налоги на хлѣбъ, они убили бюджетъ бѣдныхъ людей“. Дальше слѣдуютъ стихи. Есть дѣтская англійская пѣсенка: „Кто убилъ реполова?“ На вопросъ этотъ воробей отвѣчаетъ: „Я убилъ реполова. Я — изъ моего лука острой стрѣлой сдѣлалъ это“. „Кто видѣлъ, какъ репалъ скончался?“—говорится дальше въ пѣсенкѣ. „Я—отвѣтила сова.—Я моими круглыми глазами видѣла, какъ скончался репалъ“. Стихи являются пародіей на эту пѣсенку: „Кто убилъ бюджетъ?“—задается вопросъ:

„I—said the peer,
With assistance from Beer
I killed the Budget“.

(т.-е.: „Я — сказалъ пэръ — при содѣйствіи торгующихъ пивомъ, я убилъ бюджетъ“). Припѣвъ послѣ каждаго куплета таковъ: „Плачьте,

всѣ вѣрные демократы, но не надо приходить въ отчаяніе: мы покончимъ теперь съ лордами послѣ того, какъ они покончили съ нашимъ бюджетомъ".

Итакъ, передъ нами революція, проходящая, вслѣдствіе наличности почти безграничной гражданской свободы, безъ страшныхъ эксцессовъ, безъ крови, безъ неслыханныхъ насилій надъ личностью.

Одинъ изъ историковъ французской революціи развиваетъ тезисъ, формулированный имъ такъ: „Революціи легко дѣлать, но трудно выполнить вполнѣ" (Les révolutions sont faciles à faire, mais elles sont difficiles à accomplir). Партія, вызвавшая въ Англіи политическую бурю, можетъ теперь убѣдиться въ справедливости афоризма. Но кто эта партія? Какъ провести демаркаціонную линію между борющимися сторонами? Передъ нами не послѣдняя схватка между консерваторами и радикалами, какъ кажется на первый взглядъ. Старый консерватизмъ, во имя котораго боролись, напр., въ 1830-мъ году противники билля о реформахъ, *умеръ* уже въ Англіи. Послѣднимъ талантливымъ представителемъ его былъ лордъ Солсбери. Теперь лорды, отвергая бюджетъ, должны изображать изъ себя паладиновъ демократіи, сторонниковъ референдума. „Мы только передали дѣло на вашъ судъ"—говорятъ теперь лорды, выступая передъ населеніемъ. Теперь въ Англіи если и есть представители консерватизма, какъ онъ понимается въ Россіи, то они не дерзаютъ открыто высказать свои вожделѣнія. Намъ также трудно будетъ провести демаркаціонную линію, если мы примемъ во вниманіе только интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, затронутые бюджетомъ. Правда, среди пэровъ-консерваторовъ, задушившихъ бюджетъ, мы видимъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Ихъ ярость была велика, когда выяснилось, что проектируется обложить незаработанное приращеніе. Но крупные землевладѣльцы имѣются не только среди лордовъ-консерваторовъ, но и среди пэровъ-радикаловъ. На скамьяхъ министерской партіи въ нижней палатѣ сидятъ также два-три десятка богатыхъ помѣщиковъ, которые высказались *за бюджетъ.* Слѣдуетъ помнить еще, что всѣ пункты бюджета были уже хорошо выяснены, а между тѣмъ вопросъ объ отклоненіи его лордами не поднимался. Напротивъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ „Times" доказывалъ, что толки про отклоненіе бюджета пэрами — выдумка, пущенная въ ходъ радикалами. „Daily Mail" тоже доказывала, что бюджетъ долженъ быть принятъ. Мы видимъ, что лорды—не самостоятельная партія. Они не получили еще въ іюлѣ сигнала отъ своихъ махальщиковъ, и поэтому не заговаривали даже о возможности революціоннаго выступленія.

Намъ также трудно будетъ провести демаркаціонную линію, если мы примемъ во вниманіе только интересы крупныхъ капиталистовъ,

возмутившихся противъ добавочныхъ налоговъ на наслѣдства и на большіе доходы. Очень богатыхъ людей много какъ среди членовъ оппозиціи, такъ и среди коммонеровъ, сидящихъ на министерскихъ скамьяхъ. Мы видимъ тутъ милліонеровъ-арматоровъ, царей биржи, собственниковъ громадныхъ фабрикъ и т. п. И если Сити подало лордамъ петицію съ просьбой отклонить бюджетъ, то другіе граждане Сити, тоже банкиры, крупные торговцы и представители громадныхъ домовъ, представили петицію канцлеру казначейства. Въ этой петиціи подписавшіеся обѣщаютъ министерству свою поддержку. Въ верхней палатѣ мы видимъ много лордовъ, являющихся директорами различныхъ компаній. Графъ Веруламскій, напр.—директоръ семи компаній, герцогъ Сетерлэндскій—директоръ восьми компаній, а лордъ Гиффордъ—тринадцати. Всѣ эти пэры—консерваторы. Но лордъ Твидэль состоитъ директоромъ двѣнадцати компаній, лордъ Пирри—тринадцати, графъ Честерфильдъ—восемнадцати. Всѣ эти лорды—радикалы. Такимъ образомъ, трудно намъ будетъ провести демаркаціонную линію, если мы будемъ принимать во вниманіе только задѣтые интересы крупныхъ компаній. Надо сдѣлать кое-какія замѣчанія. Лорды, занимающіе столько директорскихъ постовъ, несутъ очень нетрудную службу: они получаютъ только жалованье за право пользоваться ихъ титуломъ. Маркизу Твидэлю, имѣющему 12 мѣстъ—83 года, лорду Стрэткону—89 лѣтъ, а онъ занимаетъ семь директорскихъ постовъ. Изъ членовъ нынѣшняго правительства никто не занимаетъ директорскихъ мѣстъ: это было сдѣлано по требованію покойнаго Кэмпбеля-Баннермана.

А между тѣмъ, хотя происходящая теперь политическая борьба не есть ни столкновеніе между радикалами и старыми консерваторами, ни бунтъ крупныхъ землевладѣльцевъ и собственниковъ большихъ капиталовъ противъ обложенія незаработаннаго приращенія и крупныхъ доходовъ—демаркаціонную линію можно провести. Мы увидимъ тогда, что сами лорды, которые вызвали кризисъ и противъ которыхъ направлено теперь столько ударовъ, являются только послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Чтобы намѣтить демаркаціонную линію, намъ необходимо познакомиться съ кипучей промышленной жизнью Англіи, съ двумя промышленными мірами, интересы которыхъ теперь діаметрально противоположны.

II.

Передъ нами развертывается картина лихорадочной, интенсивной жизни двухъ промышленныхъ міровъ. И эта жизнь порою увлекательнѣе волшебной сказки. Прежде всего передъ нами девять цент-

ральныхъ графствъ (Midlands), занятыхъ обработкой неволокнистыхъ веществъ. Столицей этого міра является Бирмингэмъ. Горизонтъ тутъ постоянно черенъ отъ дыма доменныхъ печей. Ночью трубы ихъ напоминаютъ огнедышащихъ драконовъ. Тысячи заводовъ плавятъ тутъ металлъ и перерабатываютъ его въ машины, рельсы, инструменты, гвозди, пушки, ружья, пуговицы, пряжки. Сотни тысячъ рукъ добываютъ руду, плавятъ ее, бьютъ, чеканятъ, отливаютъ, шлифуютъ, упаковываютъ, перевозятъ или продаютъ. Десятки тысячъ рукъ живутъ тѣмъ, что кормятъ и поятъ всѣхъ добывающихъ и плавящихъ руду. Для этого міра война — праздникъ, потому что приноситъ съ собою громадные заказы. Имперіализмъ, съ политикой захвата новыхъ территорій, привѣтствуется всѣмъ міромъ, обрабатывающимъ неволокнистыя вещества. Въ самомъ дѣлѣ, при удивительномъ организаторскомъ талантѣ англичанъ, они умѣютъ замѣчательно быстро пріобщать къ культурѣ новыя территоріи. Когда состоялся единственный въ своемъ родѣ раздѣлъ чернаго континента (дипломаты дѣлили совершенно неизвѣстный материкъ по картѣ, опредѣляя границы по мередіанамъ), англичанамъ досталась, между прочимъ, страна Кикніу и Укамба (нынѣшняя британская Восточная Африка), отъ озера Викторія Ніанса до Индійскаго океана. Еще раньше Спикъ, преодолѣвая величайшія препятствія, посѣтилъ край и оставилъ намъ разсказъ о дремучихъ тропическихъ лѣсахъ, о глубокихъ трясинахъ, непроходимыхъ зарсляхъ и о свирѣпыхъ дикаряхъ. Сосѣдняя территорія (Ушаши, Уліамвеци и др.) досталась нѣмцамъ. Она и до сихъ поръ представляетъ такой же приблизительно видъ, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ. По своей территоріи англичане проложили съ великими трудностями желѣзную дорогу отъ Момбаза на берегу Индійскаго океана до порта Флоренсъ, на берегу Викторіи Ніансы. Въ тропическомъ лѣсу выросъ рядъ торговыхъ центровъ (Тсаво, Макинду, портъ Смитъ и др.). Тамъ, гдѣ Спикъ и Стэнли подвигались впередъ со скоростью 8—10 верстъ въ день, теперь можно проѣхать въ великолѣпномъ пульмановскомъ вагонѣ. Сооруженіе подобной желѣзной дороги доставляетъ колоссальные заказы для „Центральныхъ графствъ“, т.-е. для міра, обрабатывающаго неволокнистыя вещества. И Бирмингэмъ всегда стоялъ за имперіализмъ, за маленькія, безопасныя войны и за захватъ новыхъ территорій. Было время, когда девять Центральныхъ графствъ являлись промышленными сюзеренами всего міра. Если въ Японіи строили желѣзную дорогу, то локомотивы привозились изъ Центральныхъ графствъ. Если Гватемала воевала съ Гондурасомъ, то обѣ республики были вооружены бирмингэмскими пушками. Если въ Венецуэлѣ начиналась революція, то Центральныя графства снабжали ружьями и революціонеровъ, и правительственныя войска. Смѣлый

фермеръ, поднимавшій цѣлину въ Новой Зеландіи или въ Канадѣ, имѣлъ въ рукахъ плугъ, изготовленный въ Шефильдѣ или въ Ковентри. И если негръ изъ племени Ашанти послѣ удачной охоты мазалъ кровью губы своего мѣднаго идола, то можно было сказать съ увѣренностью, что онъ отлитъ въ Бирмингэмѣ. Грузъ подобнаго рода, съ богами всѣхъ культовъ, вывозился въ Азію и въ Африку. Въ тѣ времена Центральныя графства были за свободную торговлю. Но вотъ, измѣнились времена. У міра, обрабатывающаго неволокнистыя вещества, явились опасные конкуренты въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи и Германіи. Одинъ за другимъ отпадали промышленные вассалы. Конкуренты не имѣли такихъ организаторскихъ талантовъ, какъ англійскіе заводчики; но они были лучше вооружены теоретическими знаніями. И въ результатѣ явилось то, что важныя промышленныя открытія, впервые сдѣланныя англичанами, разрабатывались на континентѣ. Такъ случилось, напр., съ бессемеровскимъ процессомъ обработки стали и съ анилиновыми красками. Англичане-практики сдѣлали геніальныя открытія—но практически разработали ихъ усидчивые, трудолюбивые нѣмецкіе теоретики-технологи. Наконецъ, германскіе конкуренты явились со своими фабрикатами не только въ англійскія колоніи, но въ Соединенное королевство и даже въ Центральныя графства. Въ 1907 г. въ Англію ввезено иностранныхъ машинъ на сумму 5.300.000 ф. ст.; Соединеннымъ Штатамъ принадлежатъ 60% этого импорта, а Германіи—30%. За семь лѣтъ ввозъ паровыхъ машинъ увеличился на 90%. Англійскіе заводчики, выработавъ отличные методы, застыли на нихъ. Конкуренты ихъ усиленно придумывали новые методы, удешевлявшіе производство и были въ состояніи предлагать фабрикаты по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ заводчики Центральныхъ графствъ. Сюда надо прибавить еще кое-что. Германская промышленность стремительно развивалась. Не имѣя обезпеченныхъ рынковъ, Германія, тѣмъ не менѣе, должна была вывозить свои машины, чтобы не загромождать заводы. И она часто принуждена была вывозить свои машины въ ближайшую страну, не огражденную таможеннымъ кордономъ, и продавать ихъ по убыточной для себя цѣнѣ. Этотъ вывозъ, на который больше всего жалуются англійскіе заводчики, называется „свалкой“ (dumping).

Подъ вліяніемъ иностранной конкуренціи стали закрываться заводы въ Центральныхъ графствахъ. Отчасти это обусловливалось тѣмъ, что британскій капиталъ находилъ болѣе выгоднымъ для себя эмигрировать въ колоніи или въ другія государства, гдѣ трудъ дешевле. Одна за другой переходили къ конкурентамъ отрасли промышленности, которыя раньше всецѣло находились въ рукахъ англичанъ. Канада, Австралія и Европа, напр., совершенно не хотѣли получать земледѣльческія машины изъ

Англіи. И вотъ, Центральныя графства, которыя раньше были за свободную торговлю, ухватились за протекціонизмъ. Англійская промышленность можетъ возродиться только тогда, когда она будетъ защищена тарифами отъ иностранныхъ конкурентовъ,—доказывали экономисты Центральныхъ графствъ. „Свободная торговля означаетъ свободу для иностранныхъ конкурентовъ душить нашу промышленность". Чѣмъ дальше, тѣмъ эта система находила все больше и больше защитниковъ въ мірѣ, обрабатывающемъ неволокнистыя вещества. Протекціонисты поражаютъ постороннихъ наблюдателей страстностью тона и энергичностью выраженій. „Свободная торговля придумана врагами Англіи". Если вѣрить протекціонистамъ, то еще черезъ десять лѣтъ такой таможенной политики, какъ теперь, имперія распадется и Англія потеряетъ всѣ колоніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ патріоту съ грустью придется констатировать, что Англія, Ирландія и Шотландія, выражаясь словами Анны Павловны Шереръ („Война и Миръ"), „ne sont plus que des apanages, des помѣстья, de la famille Hohenzollern". Въ чемъ же спасеніе? Надо слиться въ таможенный союзъ съ колоніями и огородиться тарифами отъ иностранцевъ—говорятъ протекціонисты. О таможенномъ союзѣ не можетъ быть и рѣчи: британскія самоуправляющіяся колоніи имѣютъ свои таможенные кордоны и не желаютъ ихъ снять для англійскихъ товаровъ. Вмѣсто цолль-ферейна рекомендуется союзъ съ колоніями, основанный на льготныхъ тарифахъ. Возьмемъ конкретный примѣръ. Австралія, напр., вывозитъ въ Англію шерсть, а Канада—хлѣбъ въ зернѣ; но шерсть привозитъ въ Англію также Аргентина, а хлѣбъ — Соединенные Штаты. Такимъ образомъ, Австралія и Канада встрѣчаютъ конкурентовъ на рынкѣ метрополіи. Надо устроить, поэтому, такъ. Пусть будетъ введена пошлина на хлѣбъ. Она будетъ очень высока для иностранныхъ конкурентовъ и пониже—для колоній. За это самоуправляющіяся колоніи сдѣлаютъ у себя то же самое для англійскихъ фабрикатовъ: иностранные товары будутъ обложены болѣе высокой пошлиной. По теоріи протекціонистовъ, Британская имперія, окруженная таможеннымъ кордономъ, превратится въ промышленный микрокосмъ: колоніи будутъ доставлять сырье, которое будетъ перерабатываться метрополіей и отправляться обратно на рынки въ колоніи.

Въ демократической Англіи все зависитъ отъ рѣшенія самого населенія. Центральныя графства, вѣрно или невѣрно, усмотрѣли свое спасеніе въ возвращеніи къ протекціонизму, но для осуществленія проекта необходимо было обратить въ ту же вѣру избирателей. Первое выступленіе съ этою цѣлью сдѣлано было въ 1902 г. Такъ какъ то было непосредственно послѣ войны, то протекціонисты сперва хотѣли играть на воинственномъ патріотизмѣ. „Если мы не поспѣшимъ заклю-

чить таможенный союзъ съ колоніями,—сказалъ тогда Чэмберлэнъ (представитель отъ Бирмингэма, т.-е. отъ столицы Центральныхъ графствъ),—то мы навѣрно потеряемъ ихъ. Имперія распадется". Но шовинизмъ, принявшій въ 1900-мъ году такія формы, что англичане стыдятся теперь о немъ вспомнить—улегся. И протекціонисты стали строить свою проповѣдь на другомъ фундаментѣ. „Свободная торговля гонитъ британскій капиталъ за море. Съ отливомъ капитала является безработица",—стали проповѣдывать протекціонисты, переименовавшіе себя въ сторонниковъ „тарифныхъ реформъ". Свободная торговля означаетъ здоровыхъ людей, не знающихъ, гдѣ найти примѣненіе для своихъ силъ. Фритрэдерство приноситъ съ собою дешевизну товаровъ, но въ ней кроется гибель для рабочихъ. Если иностранные товары продаются по дешевой цѣнѣ, то, значитъ, англійскіе не находятъ себѣ покупателей. Британская торговля умираетъ; технически обученные рабочіе превращаются въ нищихъ. Тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ желающихъ. Фритрэдерство убиваетъ мѣстную промышленность—доказываютъ протекціонисты. Являются два кандидата на каждую работу, и потому заработная плата падаетъ, а число рабочихъ часовъ увеличивается. При протекціонизмѣ возникаютъ новыя отрасли промышленности, являются двѣ работы на одного человѣка: поэтому тарифныя реформы означаютъ высокую заработную плату и сокращеніе рабочаго дня. „Васъ увѣряли, что свободная торговля приноситъ съ собою дешевый хлѣбъ—говорятъ теперь протекціонисты.—Что же? хлѣбъ вздорожалъ и стоитъ дороже, чѣмъ когда-либо раньше. Откажитесь отъ фетиша. Голосуйте за тарифныя реформы. Вы спасете имперію и улучшите собственное положеніе".

Въ послѣднее время, чтобы успѣшнѣе добиться побѣды, протекціонисты смѣло обѣщаютъ массамъ реформу, которая раньше значилась только въ программахъ крайнихъ радикаловъ, а именно—землю. Проповѣдуя въ деревняхъ, протекціонисты говорятъ, что для блага Англіи необходимо возникновеніе класса крестьянъ-собственниковъ, который исчезъ уже давно. Но для этого именно надобенъ протекціонизмъ. Если не будетъ налога на хлѣбъ, то англійскій фермеръ будетъ задушенъ иностранными конкурентами. Можетъ ли онъ сѣять хлѣбъ, когда Соединенные Штаты доставляютъ гораздо болѣе дешевый продуктъ?.. Чтобы вѣрнѣе добиться поддержки массъ, протекціонисты пустили въ обращеніе нѣсколько изумительныхъ экономическихъ теорій. Самая любопытная изъ нихъ, это—„обложеніе иностранца". Теорія сводится къ слѣдующему: для государственной машины нужны деньги. При свободной торговлѣ деньги эти получаются путемъ обложенія или пива и водки, или капитала. Отъ обложенія пива страдаютъ рабочіе. Пиво—ихъ единственное утѣшеніе. Отъ обло-

женія капитала страдаютъ... тоже рабочіе. Владѣльцы капитала помѣщаютъ его въ иностранныя предпріятія, что создаетъ въ Англіи безработицу. Такимъ образомъ — увѣряютъ протекціонисты— высокіе подоходные налоги и обложеніе наслѣдствъ не демократичны. Когда главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ становится протекціонизмъ, то платятъ иностранцы, т.-е. тѣ конкуренты, которые подрываютъ отечественную промышленность. Такимъ образомъ, при тарифныхъ реформахъ государственная машина будетъ поддерживаться на счетъ „иностранца". Въ парламентѣ протекціонисты не рѣшаются защищать курьезную теорію, но зато она усиленно повторяется изо дня въ день прессой и ораторами. Міровоззрѣніе, только что намѣченное, усиленно пропагандируется вотъ уже семь лѣтъ всѣми способами, находящимися въ распоряженіи партіи въ свободной странѣ. Тарифные реформаторы выпустили тонны брошюръ, листковъ и чертежей. Тѣ же взгляды проводятся въ рисункахъ и безчисленныхъ каррикатурахъ. На стѣнахъ въ Лондонѣ, гдѣ только можно лѣпить афиши, видны теперь громадные рисунки, изображающіе оборваннаго, голоднаго работника, безпомощно раскинувшаго руки. „Вотъ до чего довела меня система свободной торговли" — говоритъ онъ. Другой „картонъ" (рисунокъ) изображаетъ смерть, съ косой въ рукахъ. Она паритъ надъ промышленными городами Англіи. И всюду, гдѣ появляется она, закрываются фабрики и выбрасываются на улицу десятки тысячъ рабочихъ. Надо ли прибавить, что смерть эта—свободная торговля? Протекціонисты захватили въ свои руки всѣ *мюзикъ-холлы*, являющіеся любимымъ мѣстомъ развлеченія для англійскихъ массъ. И въ этихъ *мюзикъ-холлахъ* актеры, въ своихъ куплетахъ, отстаиваютъ теоріи протекціонистовъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ наиболѣе популярной пѣсни: „A cheap-fed Nation". „Жилъ разъ въ Кэмденъ-таунѣ (часть Лондона) британецъ. Онъ имѣлъ голосъ въ управленіи величайшей въ мірѣ имперіи. Участвуя въ выборахъ, онъ помогалъ Британіи властвовать надъ морями. Но такъ какъ онъ былъ всегда худъ, блѣденъ, голоденъ и оборванъ, то пришелъ къ заключенію, что не все въ порядкѣ, и постарался найти причину". Какая же причина бѣдности?—Дешевизна.

„We've got", he said in hollow tones,
„The curse of cheapness in our bones,
And cheapness is a vice".

(„На насъ пало—сказалъ онъ—проклятіе дешевизны. Дешевизна — порокъ"). Когда все стоитъ дешево, заработная плата низка, а рабочій голодаетъ. Всему можетъ помочь только „тарифная реформа".

Вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ Англія, какъ и Соединенные Штаты, переживала промышленный кризисъ. Процентъ безработныхъ

среди трэдъ-юніонистовъ 2,5 поднялся до 6—7. Среди чернорабочихъ безработныхъ — около 12%. Къ этому надо прибавить, что, вслѣдствіе неурожая въ Соединенныхъ Штатахъ, поставщиками хлѣба для Англіи въ послѣдніе два года были только Аргентина и Канада. Цѣны на хлѣбъ поднялись. Правда, онѣ все еще были ниже, чѣмъ въ протекціонныхъ странахъ; но массы не знаютъ сравнительной статистики. И вотъ, сельскіе работники и чернорабочіе въ городахъ стали задумываться надъ безчисленными брошюрами, листками и „картонами", выпущенными протекціонистами. Тамъ обѣщалось такъ много! Тезисъ „обложенія иностранца" казался такимъ соблазнительнымъ! „Мы пробовали свободную торговлю; попробуемъ тарифныя реформы! Хуже не будетъ"—такъ разсуждалъ средній чернорабочій.

Никто не можетъ отрицать, что въ прошломъ году протекціонисты добились значительныхъ успѣховъ въ Англіи. Это доказываетъ, прежде всего, исходъ дополнительныхъ выборовъ. Партія „тарифныхъ реформъ" могла смѣло разсчитывать на побѣду на выборахъ при нормальныхъ условіяхъ, т.-е. въ 1911-мъ или 1912-мъ году. Но вотъ является бюджетъ на 1910-ый годъ. Онъ содержитъ въ себѣ такіе пункты, которые должны стать богатымъ источникомъ доходовъ для казны. Еслибы финансовый билль сталъ закономъ, протекціонистамъ трудно было бы найти поводъ для введенія тарифныхъ реформъ. Въ распоряженіи канцлера казначейства всегда были бы свободныя суммы на осуществленіе „соціальныхъ" реформъ, какъ ихъ называютъ въ Англіи. Принятіе бюджета было бы равносильно снятію па десятки лѣтъ съ очереди вопроса о протекціонизмѣ. А мы видѣли, что цѣлый промышленный міръ усматриваетъ свое спасеніе въ отказѣ отъ фритрэдерства. Надо прибавить еще интересы „trade", т.-е. лицъ, прикосновенныхъ къ выкуриванію и продажѣ крѣпкихъ напитковъ. Бюджетъ грозилъ имъ новымъ большимъ налогомъ. О томъ, какое сильное вліяніе должно имѣть „trade", говорятъ слѣдующія цифры. Англія выпиваетъ въ годъ 69,4 мил. галлоновъ крѣпкихъ напитковъ, Шотландія—6,4 мил. гал., Ирландія—6,9 мил. гал. Все это количество пива и водки можетъ наполнить озеро, которое подняло бы весь громадный британскій флотъ. „Кабацкій счетъ" въ Англіи составляетъ 18 ф. 18 ш. 9 пенсовъ въ годъ на семью (180 рублей). Въ „trade" заинтересованы не только „водочные" и „пивные" короли [1]), но также акціонеры винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ, десятки тысячъ

[1]) Больше двадцати пэровъ являются собственниками или главными акціонерами винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ. Въ числѣ этихъ пэровъ — лордъ Авербери, лордъ Бертонъ, маркизъ Лэнсдаунъ, герцогъ Ньюкэстльскій, герцогъ Нортумберлэндскій, лордъ Ротшильдъ, герцогъ Сѣтерлэндскій, герцогъ Роксберскій и др.

работниковъ, нагрузчиковъ, подносчиковъ, фургонщиковъ, цѣловальниковъ и пр. „Trade“ располагаетъ безконечными средствами и большой арміей. И видя, что шансы протекціонизма гибнутъ, партія тарифныхъ реформъ рѣшилась на отчаянное средство—и толкнула впередъ лордовъ. Въ случаѣ удачи, то-есть если избиратели выскажутся противъ бюджета, протекціонисты возьмутъ себѣ всю ставку. Если выборы кончатся побѣдой фритрэдеровъ, положеніе протекціонистовъ не можетъ быть хуже, чѣмъ теперь. За pots cassés заплатятъ тогда лорды.

III.

Рядомъ съ міромъ, обрабатывающимъ неволокнистыя вещества, лежитъ еще болѣе трудолюбивый міръ хлопка, Black country, столицей котораго является Манчестеръ. Сто лѣтъ тому назадъ Ланкаширъ представлялъ собою пустынный, болотистый край. Теперь это—черный отъ копоти улей. Ячейками сотовъ являются безчисленные города и мѣстечки, тянущіеся почти безпрерывно. Энергичное, талантливое, предпріимчивое и свободное населеніе сдѣлало чудеса. Оно, между прочимъ, соединило каналомъ Манчестеръ съ моремъ. Такимъ образомъ, не-береговой городъ сталъ гаванью, куда прибываютъ громадные океанскіе корабли, нагруженные тюками хлопка, собраннаго неграми въ Виргиніи, феллахами въ дельтѣ Нила, индусами на священныхъ берегахъ Ганга, китайскими кули въ долинѣ Янсекіанга. Другіе корабли отвозятъ въ Америку, въ Индію, Египетъ и Китай кипы миткаля и ситцевъ. Еслибы эти кипы размотать, то ими можно было бы много разъ обвернуть земной шаръ по экватору. Въ царствѣ хлопка, въ мірѣ, обрабатывающемъ волокнистыя вещества, дѣйствуютъ теперь 50,6 мил. веретенъ, т.-е. больше, чѣмъ на всѣхъ другихъ фабрикахъ земного шара. Съ каждымъ годомъ число веретенъ въ Ланкаширѣ растетъ. Съ 1905-го года на сооруженіе новыхъ фабрикъ тамъ потрачено 15 мил. ф. ст., что дало новое занятіе 60-ти тысячамъ рабочихъ. Отъ хлопка, такъ или иначе, живутъ милліоны людей—если считать и дѣтей, зависящихъ отъ добытчика хлѣба. Тутъ ткачи, прядильщики, машинисты, грузчики, матросы, клэрки, паковщики, трактирщики, лавочники, углекопы, добывающіе топливо для машинъ и пр. Въ то время какъ Бирмингэмъ и Midlands постоянно жалуются на плохія дѣла и требуютъ огражденія отъ иностранца, Манчестеръ и Black country довольны настоящимъ положеніемъ и въ свободной торговлѣ усматриваютъ свое спасеніе. Свободная торговля, давая возможность получать безпошлинно хлопокъ, краски, машины

и все необходимое при производствѣ, позволяетъ ланкаширскимъ фабрикантамъ довольствоваться прибылью въ 1/64 фартинга на ярдъ. Ничего подобнаго не могутъ сдѣлать фабриканты въ протекціонныхъ странахъ. Такимъ образомъ, міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества, имѣетъ возможность посылать свои фабрикаты даже въ протекціонную Америку, имѣющую у себя плантаціи хлопчатника. „Тарифы разорили бы насъ—пишетъ ланкаширскій фабрикантъ.—Вмѣстѣ съ нами разорились бы владѣльцы сотенъ производствъ, такъ или иначе зависящихъ отъ обработки хлопка. Налогъ на сталь, на машины и на все то, что̀ требуется для производства, будетъ гибелью для Ланкашира. Дешевыя машины въ рукахъ рабочихъ, получающихъ очень высокую заработную плату, означаютъ дешевые фабрикаты и возможность держаться на такихъ рынкахъ, гдѣ очень много покупателей, располагающихъ ничтожными средствами (Китай). Дешевыя машины даютъ намъ возможность платить рабочимъ шиллингъ тамъ, гдѣ наши конкуренты на континентѣ платятъ шесть пенсовъ, а въ Азіи—пенсъ“ (изъ письма фабриканта въ „Daily News“, November 15, 1909). У Манчестера и Black country противоположный взглядъ, чѣмъ у Бирмингэма, не только на протекціонизмъ, но и на войну. Для міра, обрабатывающаго неволокнистыя вещества, какъ мы видѣли, война — то же, что̀ теплый дождь для земледѣльца. Міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества, готовъ подписаться подъ опредѣленіемъ Жирардэна, что война — „c'est le meurtre, c'est le vol, acclamés, blasonnés, dignifiés, couronnés“. Война для Манчестера означаетъ, прежде всего, перерывъ въ подвозѣ хлопка. А это ведетъ къ „хлопковому голоду“, къ закрытію фабрикъ, банкротствамъ, массовымъ самоубійствамъ банкировъ и фабрикантовъ. Война ведетъ за собою превращеніе зажиточныхъ ланкаширскихъ ткачей (нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой высокой заработной платы, какъ въ Black country) въ нищихъ. Пусть Бирмингэмъ восторгается войной! Ланкаширъ хорошо помнитъ ужасные четыре года столкновенія Сѣверныхъ штатовъ съ Южными. Подвозъ хлопка прекратился, и сто тысячъ ткачей распѣвали по большимъ дорогамъ страшную „голодную“ пѣсню, сложенную еще ихъ дѣдами. Ланкаширъ представляетъ собою цитадель свободной торговли. Въ сохраненіи ея кровно заинтересованы всѣ—отъ фабриканта до прядильщика.

При протекціонизмѣ у капитала будетъ слишкомъ много соблазна перекочевать изъ Ланкашира на берега Ганга, гдѣ подъ бокомъ плантаціи хлопчатника и дешевые работники, довольствующіеся въ день горстью ржи и мѣдной монетой. Рабочіе въ Black country хорошо сознаютъ это. И вотъ, міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества, горой возсталъ въ защиту свободной торговли. Онъ сознаетъ, что

важнѣе всего—убѣдить рядового избирателя въ убыточности протекціонизма. Фритрэдерамъ не трудно опровергнуть всѣ тезисы, выставленные защитниками тарифныхъ реформъ. Проектъ слiянiя съ колоніями въ таможенный союзъ — говорятъ фритрэдеры—нелѣпость. Колоніи *не хотятъ* этого союза, потому что Австралія и Канада являются не только производителями сырья: онѣ также *промышленные центры*. Бо̀льшая часть бѣднаго населенія Австраліи живетъ въ городахъ. Канада и Австралія, прежде всего, заботятся объ охранѣ своей промышленности отъ конкурентовъ, какъ иностранныхъ, такъ и англійскихъ. Результатомъ таможеннаго союза съ колоніями будетъ только то, что Англія введетъ налогъ на хлѣбъ и на мясо. Тарифы въ колоніяхъ на англійскіе товары будутъ всетаки настолько высоки, что они не смогутъ конкурировать съ мѣстными. Колоніи, кромѣ того, не могутъ явиться потребителями *всѣхъ* фабрикатовъ, изготовляемыхъ метрополіей. Абсолютно невѣрно также утвержденіе, что протекціонизмъ устраняетъ безработицу и поднимаетъ заработную плату. Будь это такъ, то самыми счастливыми странами для рабочихъ были бы тѣ государства, гдѣ таможенныя пошлины особенно высоки, т.-е. Россія и Испанія. Безработица существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Германіи—въ странахъ, на которыя постоянно ссылаются протекціонисты. Въ октябрѣ 1908 г., по оффиціальнымъ даннымъ, въ Соединенныхъ Штатахъ было 4,7 мил. безработныхъ, не считая сельскихъ рабочихъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ въ мартѣ 1897 г. было 24,8% безработныхъ, въ 1901 г.—11,3%, въ 1905 г.—8,7%, въ мартѣ 1909 г. — 14,3%. Цифры относятся къ трэдъ-юніонамъ. Такимъ образомъ, въ протекціонныхъ Соединенныхъ Штатахъ процентъ безработныхъ среди членовъ профессіональныхъ союзовъ *всегда* выше, чѣмъ въ фритрэдерской Англіи. По переписи 17 ноября 1908-го года, въ Берлинѣ, на населеніе въ 3 мил. (вмѣстѣ съ пригородами) было 40.124 безработныхъ. Это составляетъ около $5^1/_2$% технически обученныхъ работниковъ. Въ нормальное время въ Англіи профессіональные союзы даютъ только 2,5% безработныхъ. Безработица зависитъ, значитъ, не отъ свободной торговли. Протекціонизмъ не можетъ также привести къ увеличенію заработной платы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи и во Франціи, не говоря уже о другихъ странахъ, рабочіе получаютъ меньше, чѣмъ въ Англіи. Не только заработная плата ниже, но и покупательная способность денегъ на континентѣ, вслѣдствіе протекціонизма, ниже, чѣмъ въ Англіи. Такимъ образомъ, напр., англійскій рабочій платитъ за крупичатый хлѣбъ меньше, чѣмъ нѣмецкій рабочій—за пшеничный хлѣбъ съ ржаной мукой. Въ Англіи дешевле также сахаръ, чай, мясо, уголь. Что̀ на континентѣ является предметомъ роскоши для рабочихъ (консервированные тропическіе

фрукты, варенье, сиропы, какао и т. п.), то въ Англіи составляетъ предметъ первой необходимости. Англійскій рабочій лучше питается, живетъ въ болѣе удобномъ помѣщеніи и одѣвается красивѣе и теплѣе, чѣмъ его собратья въ Германіи или во Франціи. Если, дѣйствительно, протекціонизмъ знаменуетъ собою рай для рабочихъ—спрашиваютъ фритрэдеры,—то почему же массы такъ сильно страдали въ Англіи до отмѣны хлѣбныхъ налоговъ? Сороковые годы извѣстны у англичанъ подъ именемъ „голодныхъ“ лѣтъ.

Для убѣжденія рядового избирателя фритрэдеры прибѣгаютъ, какъ и протекціонисты, ко всѣмъ способамъ, возможнымъ въ свободномъ, демократическомъ государствѣ. Преимущества свободной торговли надъ протекціонизмомъ доказываются съ платформы, затѣмъ въ безчисленныхъ брошюрахъ, памфлетахъ, листкахъ, таблицахъ, афишахъ, „картонахъ“. Карандашъ каррикатуриста является на помощь къ статистику. Вотъ, напр., графическое изображеніе предстоящаго кризиса. Съ одной стороны — изображеніе „большой ковриги“ (The big loaf). Съ другой—„большой бездѣльникъ“ (The big loafer), въ герцогской коронѣ, съ двумя мѣшками въ рукахъ. На одномъ мѣшкѣ надпись: „Незаработанное приращеніе“, на другомъ—„Земельная монополія“. Подпись гласитъ: „Избиратели, за кого изъ двухъ вы думаете голосовать?“. Поэты выражаютъ ту же идею въ стихахъ. Наряду съ довольно топорными виршами, сляпанными на спѣхъ, пущены въ обращеніе крѣпкіе какъ бронза и жгучіе какъ расплавленный свинецъ стихи Шелли, написанные много десятковъ лѣтъ тому назадъ („Ода къ западному вѣтру“):

„Men of England, wherefore plough
For the lords who lay ye low?
Wherefore weave with toil and care
The rich robes your tyrants wear?“

(Населеніе Англіи! Зачѣмъ вамъ пахать для лордовъ—господъ, угнетающихъ васъ? Зачѣмъ заботливо вамъ ткать платья, которыя носятъ ваши поработители?)

Для фритрэдеровъ бюджетъ на 1910 г. является циклопической крѣпостной стѣной, которая оградила бы Англію отъ протекціонизма. И не смотря на то, что въ бюджетѣ есть дополнительные налоги на большіе доходы и на наслѣдства, не смотря на обложеніе незаработаннаго приращенія—финансовый билль отстаивали въ обѣихъ палатахъ крупные фабриканты, землевладѣльцы и банкиры, заинтересованные въ сохраненіи фритрэдерства. За свободную торговлю голосовала также рабочая партія.

Такимъ образомъ, демаркаціонная линія теперь лежитъ не между

сторонниками реакціи, въ континентальномъ смыслѣ слова, и прогрессистами, не между демократіей и аристократіей, а между двумя промышленными мірами, изъ которыхъ одинъ кровно заинтересованъ въ сохраненіи свободной торговли, а другой столь же кровно—въ возвращеніи къ протекціонизму. Если избиратели подадутъ голосъ за фритрэдеровъ, протекціонизмъ умретъ, какъ умерла уже старая консервативная партія. Если одержатъ верхъ протекціонисты, будетъ убито фритрэдерство, а вмѣстѣ съ нимъ—старая либеральная партія. Выборы, доставившіе побѣду протекціонистамъ, будутъ равносильны революціи. Въ Англіи, выражаясь словами Герцена, „начнется третій томъ исторіи". О событіяхъ, которыя будутъ вписаны туда, покуда можно еще только гадать. А лорды? Если одержатъ верхъ либералы, съ наслѣдственной палатой будетъ покончено. Если одержатъ верхъ протекціонисты... верхняя палата тоже будетъ реформирована, какъ можно судить по рѣчамъ Розбери и по статьямъ „Times". Протекціонисты—все же *англичане*, привыкшіе сами вершать свои дѣла. Побѣдители воспользуются помощью лордовъ, но тотчасъ же постараются указать имъ настоящее мѣсто. Наслѣдственнымъ законодателямъ останется размышлять надъ афоризмомъ французскаго историка: „Dans les révolutions, ils y a deux sortes de gens: ceux qui les font et ceux qui en profitent".

Діонео.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Въ прошломъ сентябрѣ почти одновременно сошли въ могилу губернаторъ штата Миннесоты Джонъ Джонсонъ и крупнѣйшій желѣзнодорожный магнатъ Эдвардъ Харриманъ, оба наиболѣе выдававшіеся и вліятельные современные американскіе дѣятели, первый въ политической, второй въ промышленной сферѣ. Оба еще разъ доказали, какъ демократична наша жизнь вообще. Способнымъ людямъ она все еще открываетъ безграничныя въ сущности возможности, не смотря на самыя неблагопріятныя условія рожденія и всей жизненной обстановки въ молодости.

Джонсонъ былъ сыномъ эмигранта-шведа, кузнеца по ремеслу и горькаго пьяницы, умершаго въ штатномъ домѣ для призрѣнія безпріютныхъ нищихъ, оставивъ вдову съ кучей маленькихъ ребятишекъ безъ какихъ-либо средствъ къ жизни. Джонъ былъ старшимъ, и ему

было тринадцать лѣтъ отъ роду, когда смерть отца вынудила его оставить школу, дабы своей работой поддерживать мать и семью. Онъ поступилъ разсыльнымъ въ редакцію маленькой еженедѣльной газетки своего городка, съ теченіемъ времени сдѣлался ея редакторомъ и владѣльцемъ, занималъ разныя мѣста по выбору въ своемъ городѣ, графствѣ и штатѣ, и, наконецъ, въ 1904-мъ году, былъ выбранъ губернаторомъ, и переизбранъ на эту должность въ 1906-мъ и 1908-мъ годахъ. Всю свою жизнь Джонсонъ принадлежалъ къ демократической партіи, тогда какъ штатъ Миннесота всегда обладалъ и теперь обладаетъ огромнымъ республиканскимъ большинствомъ, и, кромѣ Джонсона, никогда не выбиралъ ни одного кандидата демократовъ. Губернаторы штатовъ въ Америкѣ очень рѣдко переизбираются на другой срокъ; нашъ народъ привыкъ думать, что новая метла всегда мететъ чище старой, какъ бы хороша послѣдняя ни была — выборъ же на третій срокъ, особенно при условіи безнадежнаго преобладанія противной партіи, является совершенно исключительнымъ фактомъ. Джонсонъ очень быстро пріобрѣлъ широкую національную извѣстность, тѣмъ болѣе что успѣлъ завоевать огромное вліяніе и въ національныхъ совѣтахъ демократической партіи. Въ своемъ штатѣ его престижъ былъ неограниченъ; въ національныхъ дѣлахъ онъ пользовался своимъ вліяніемъ только очень осторожно, и, не смотря на широко распространенное требованіе, безусловно отказался выступить кандидатомъ своей партіи въ президенты, сознавая, что Брайянъ своимъ опытнымъ политиканствомъ подчинилъ себѣ большинство партійныхъ штатныхъ организацій. Джонсонъ могъ выступить только какъ народный кандидатъ, что внесло бы огромный расколъ въ конвентъ. Тѣмъ не менѣе, вся страна отлично сознавала, что партійные вожаки, настоявъ на назначеніи Брайяна, поступили наперекоръ народной волѣ и сдѣлали непоправимую ошибку; только Джонсонъ и имѣлъ шансъ на выборъ, и въ 1912-мъ году онъ былъ бы единственнымъ и неизбѣжнымъ кандидатомъ демократовъ.

Джонсонъ былъ не только популярнѣйшій народный трибунъ, но и успѣшный практическій реформаторъ. Онъ представлялъ собою рѣдкую комбинацію широко образованнаго политическаго теоретика съ изъ ряда вонъ выходившею дѣловитостью и работоспособностью. За время его умѣлаго и энергичнаго управленія штатъ Миннесота успѣлъ преобразиться изъ отсталой земледѣльческой общины въ передовое и образцовое современное государство, изъ олигархіи, управляемой нѣсколькими десятками партійныхъ воротилъ-политикановъ—въ цѣлесообразно оборудованную демократію, въ которой народный голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Реформирована вся система выборовъ, введены инціатива и референдумъ, быстрое лишеніе должности не отвѣчаю-

щихъ народнымъ требованіямъ выборныхъ чиновъ, измѣнена система налоговъ, связана сила капиталистическихъ комбинацій, уничтожено хищническое пользованіе штатными и городскими хартіями во всѣхъ областяхъ общественныхъ потребностей—уличнымъ сообщеніемъ, водопроводами, обслуживаніемъ газомъ и электричествомъ. Словомъ, произошла политическая и экономическая революція во всемъ дѣлѣ общественнаго управленія—но революція только по результатамъ, а не по методамъ и способамъ достиженія цѣли, такъ какъ въ этомъ отношеніи все обошлось безусловно мирно и закономѣрно.

Джонсонъ умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ — ему было всего 47 лѣтъ — и, хотя онъ отдалъ всю свою жизнь общественной службѣ, почти бѣднякомъ. Все оставленное имъ наслѣдство не превышаетъ 18 тысячъ долларовъ. Зато его похороны были не только штатнымъ, но и національнымъ событіемъ, и уже на другой день смерти была открыта по всей странѣ подписка на сооруженіе великолѣпнаго памятника на главной площади столицы штата — города Сэнъ-Поля.

Харриманъ былъ сыномъ захолустнаго, бѣднаго сельскаго священника и четырнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ разсыльнымъ въ небольшую маклерскую контору въ городѣ Нью-Іоркѣ. Съ теченіемъ времени онъ занялся биржевой спекуляціей за свой счетъ, сдѣлался членомъ нью-іоркской акціонерной биржи и уже въ восьмидесятыхъ годахъ нѣсколько разъ пытался вступить въ биржевой желѣзнодорожный міръ, но всегда неудачно, пока, въ 1897-мъ году, поддерживаемый извѣстной банкирской фирмой Кюнъ, Лёбъ и К°, не успѣлъ захватить контроль надъ желѣзнымъ путемъ къ Тихому океану (Union Pacific R. R. C°.). Дорога эта, по своему положенію чрезвычайно важная въ дѣлѣ всего американскаго трансконтинентальнаго транзита, казалась безнадежно разоренною хищническимъ управленіемъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ ея владѣльцевъ. Въ 1896 г. ея акціи, при номинальной стоимости въ сто долларовъ, котировались по три доллара, безъ сдѣлокъ. Съ контролируемыми ею вѣтвями въ ней было около 5.700 миль путей. Въ два года Харриманъ, не останавливаясь ни передъ какими затратами, привелъ ее въ превосходное состояніе и заключилъ чрезвычайно выгодные для нея контракты съ смежными линіями, проявивъ при этомъ такія удивительныя административныя способности, что пріобрѣлъ неограниченное довѣріе многихъ вожаковъ американскаго финансоваго и желѣзнодорожнаго міра. Захвативъ, затѣмъ, контроль надъ другой дорогой (Southern Pacific R. R. C°.), почти въ 10.000 миль путей, онъ успѣлъ создать въ Нью-Іоркѣ громаднѣйшую денежную комбинацію, поддерживавшую всѣ его желѣзнодорожные проекты; комбинація эта, по своимъ наличнымъ ресурсамъ, бывшимъ всегда въ готовности, могла во всякій моментъ схватиться, съ полной увѣренностью въ

конечномъ успѣхѣ, съ любымъ дѣйствовавшимъ въ то время синдикатомъ, не исключая и коалиціи тогдашняго диктатора нью-іоркской биржи, Джона Моргана. Съ тѣхъ поръ началось безостановочное поглощеніе Харриманомъ цѣлой серіи крупнѣйшихъ и важнѣйшихъ американскихъ желѣзнодорожныхъ линій. Къ 1-му января 1904-го года въ его группѣ считалось около 23.000 миль, стоимостью въ 1 милліардъ 300 милліоновъ долларовъ; къ 1-му іюля текущаго года эти цифры возросли до 75.000 миль и почти въ пять милліардовъ. Всѣ прежнія желѣзнодорожныя комбинаціи распались; Харриманъ поглотилъ всю группу Вандербильта, уничтожилъ вліяніе Моргана, расчленилъ группы Гульда и Мура; только группа Кассата, благодаря своей компактности и сравнительной изоляціи, успѣла сохранить нѣкоторую независимость. Въ первый разъ въ исторіи американскаго желѣзнодорожнаго дѣла сосредоточено было въ однѣхъ рукахъ управленіе двумя сквозными трансконтинентальными линіями, отъ океана до океана, съ ему же принадлежащими путями и къ Мексиканскому заливу, и къ канадской границѣ. Въ прошломъ году онъ захватилъ контроль и надъ важнѣйшими мексиканскими желѣзными дорогами, и надъ такъ называемой панамериканской, имѣющей соединить Нью-Іоркъ съ Вальпарайзо, Ріо-де-Жанейро, Буэносъ-Айресомъ и строящейся теперь вдоль Центральной Америки и Панамскаго перешейка. Хотя въ Союзѣ насчитывается теперь свыше 225 тысячъ миль желѣзнодорожныхъ линій, вѣроятно значительно больше половины этого протяженія имѣетъ только ограниченное мѣстное значеніе, и не больше ста тысячъ миль играютъ роль національныхъ сквозныхъ путей, оказывающихъ рѣшающее вліяніе на провозные тарифы между главными промышленными и торговыми центрами страны, а организованная Харриманомъ система состоитъ почти исключительно именно изъ такихъ важнѣйшихъ путей. Харриманъ съ удивительной прозорливостью объединилъ именно главныя пружины всего американскаго желѣзнодорожнаго дѣла, быстро довелъ ихъ до самой высокой степени эффективности, увеличилъ ихъ работоспособность и производительность — въ его рукахъ линіи, цѣлые десятки лѣтъ дававшія одни убытки, стали приносить ежегодно увеличивавшійся чистый доходъ.

Задумывая и приводя въ исполненіе набѣгъ для пріобрѣтенія извѣстной линіи, Харриманъ не останавливался ни передъ чѣмъ, но, захвативъ ее, онъ немедленно обращалъ свой изумительный конструктивный геній на усовершенствованіе дѣла, вѣрно опредѣлялъ его слабыя стороны и быстро доводилъ его до возможной степени совершенства. Когда, въ половинѣ 1907 г., феноменально быстрое возрастаніе перевозочныхъ потребностей страны вызвало почти безнадежныя залежи товаровъ на многихъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и

грозило парализовать и промышленность, и торговлю, только система Харримана не только справлялась вполнѣ успѣшно со всей своей работой, но своимъ энергичнымъ, императивнымъ воздѣйствіемъ на все желѣзнодорожное дѣло страны поспособствовала больше всѣхъ другихъ факторовъ, вмѣстѣ взятыхъ, къ возстановленію нормальныхъ условій. Лучшимъ доказательствомъ феноменальныхъ созидательно-хозяйственныхъ способностей Харримана служитъ настоящее финансовое процвѣтаніе всѣхъ линій его системы. Въ 1896 г. акціи Union Pacific стоили 3 доллара, Atchison, Topeka & Santa-Fe—$8^3/_8$, Southern Pacific — $14^1/_4$, и ни одна изъ нихъ до тѣхъ поръ не выплатила ни одного цента дивиденда. Эти три линіи заключаютъ въ себѣ около 25.000 миль путей и акціонерный капиталъ каждой простирается отъ 250 до 300 милліоновъ долларовъ. Сейчасъ акціи первой стоютъ на нью-іоркской биржѣ 220 долларовъ, второй — 126, третьей — 136, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ первая выплачиваетъ регулярно дивиденды въ $10^0/_0$, а остальныя двѣ—въ $6^0/_0$, при чемъ всѣ три находятся въ превосходномъ состояніи и обладаютъ огромными запасными капиталами. Такія же финансовыя метаморфозы произошли и съ другими объединенными Харриманомъ линіями. Онъ не зналъ неудачи, и не мудрено, что довѣріе къ нему капитала и его вліяніе на денежный рынокъ страны съ теченіемъ времени возросли до почти безграничнаго диктаторства. Орудуя этимъ желѣзнодорожнымъ объединеніемъ, онъ успѣлъ заручиться и господствомъ надъ крупнѣйшими нью-іоркскими кредитными учрежденіями—нѣсколькими банками, страховыми обществами и банкирскими фирмами. Операціи Моргана стушевались передъ той страшной концентраціей капитала, которою располагалъ Харриманъ за послѣднія пять лѣтъ своей жизни, и вся Америка, давно привыкшая къ огромнымъ масштабамъ и цифрамъ, много разъ останавливалась въ недоумѣніи передъ билліонными манипуляціями этого человѣка. Крупная его дѣятельность продолжалась всего 12 лѣтъ, но за это время онъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнилъ составъ активныхъ американскихъ денежныхъ тузовъ, вытѣснивъ старыхъ и замѣнивъ ихъ своими креатурами. Семья Вандербильтовъ вытѣснена имъ окончательно съ нашего желѣзнодорожнаго поприща; у Гульдовъ остались только чисто номинальныя права, только тѣнь прежняго ихъ вліянія. Ни одно пріобрѣтеніе не далось Харриману безъ свирѣпой борьбы, въ которой онъ былъ всегда совершенно безпощаденъ къ своимъ противникамъ — и нельзя подсчитать всѣхъ его враговъ.

Рузевельтъ боролся съ нимъ все время своей службы — вся сила федеральнаго правительства была постоянно направлена противъ объединительной дѣятельности Харримана, число возбужденныхъ противъ

него дѣлъ очень велико—но онъ неизмѣнно оказывался побѣдителемъ. Харриманъ оставилъ своей семьѣ громадное наслѣдство; въ своей духовной онъ располагаетъ оффиціально тремя стами милліоновъ долларовъ—но это только та часть, которая такъ или иначе связана съ распоряженіями его касательно будущаго. Общественной благотворительности или просвѣщенію онъ не оставилъ ни одного цента.

Покойнаго Джонсона я лично не зналъ; но съ Харриманомъ встрѣчался нѣсколько разъ и однажды бесѣдовалъ довольно долго. Это былъ очень небольшого роста худощавый человѣкъ съ чрезвычайно острыми глазами и рѣзкой энергіей въ движеніяхъ. Его умопомрачительно быстрый успѣхъ я приписываю двумъ причинамъ: неограниченной личной работоспособности, связанной съ умѣньемъ выбирать своихъ непосредственныхъ помощниковъ, и тому заразительному оптимизму, съ которымъ онъ относился къ будущему своей страны послѣ тяжелаго кризиса 1893—1896-го годовъ. Изъ крупныхъ дѣльцовъ того времени онъ одинъ былъ достаточно прозорливъ, чтобы своевременно предусмотрѣть быстрый подъемъ промышленности и торговли и ту роль, которую въ немъ должны были сыграть желѣзныя дороги. Онъ игралъ на повышеніе, которое дѣйствительно пришло и своими размѣрами далеко превзошло все, что считалось до тѣхъ поръ возможнымъ въ этомъ направленіи, тогда какъ всѣ дѣловыя сферы страны были заражены пессимизмомъ и предпочитали выжиданіе. Онъ успѣлъ захватить почти за ничто огромныя цѣнности и съ ними, какъ съ солиднѣйшимъ основаніемъ, достигъ такой концентраціи капитала, которая и не снилась крупнѣйшимъ его предшественникамъ на томъ же поприщѣ.

Наша печать полна біографическими статьями и о Джонсонѣ, и о Харриманѣ, и сравненіями ихъ личностей и карьеръ. На мой взглядъ они, представляя собою самыя противоположныя крайности, какъ бы уравновѣшиваютъ одинъ другого въ общемъ приходо-расходѣ нашей жизни. Если есть Харриманы, олицетвореніе ненасытной жажды власти и денегъ, то есть и Джонсоны, олицетвореніе любви къ родинѣ и сознанія обязанностей къ ближнему. Выстроенное Харриманомъ грандіознѣйшее зданіе едвали продержится полгода, потому что нѣтъ и не можетъ быть человѣка съ его специфическими особенностями—а штатъ Миннесота, да и весь Союзъ, будутъ долго пользоваться плодами работы Джонсона и насаженные имъ ростки дадутъ истинной демократіи богатую жатву.

Мексика находится, повидимому, наканунѣ революціи—можетъ быть анархіи. Президентъ Діазъ заканчиваетъ свое седьмое четырехлѣтіе;

ему восемьдесятъ лѣтъ, онъ одряхлѣлъ и утратилъ свою прежнюю энергію, но созданная имъ политически-военная организація, дѣлающая его безусловнымъ диктаторомъ страны, все еще цѣпко держится за свои узурпированныя прерогативы и была въ состояніи до сихъ поръ насильственно подавлять возрастающую волну народнаго недовольства. Пограничные съ Союзомъ сѣверные штаты Мексики кишатъ мелкими мѣстными революціонными организаціями; происходятъ постоянныя вспышки, подавляемыя съ безпощадной жестокостью; за послѣдніе два-три года наши федеральные суды были завалены требованіями мексиканскаго правительства о выдачѣ скрывшихся на американскую территорію революціонеровъ. Нашъ городъ, расположенный всего въ четырехъ часахъ ѣзды отъ границы, издавна служитъ центромъ заграничной мексиканской революціонной агитаціи; многіе изъ нашихъ гражданъ живутъ въ Мексикѣ, занимаясь эксплоатаціей ея богатствъ, и мы постоянно отлично освѣдомлены о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ у нашего ближайшаго сосѣда. Діазъ давно утратилъ свою прежнюю популярность; Мексика управляется желѣзной рукой, конституція упразднена, выборы обратились въ смѣшной фарсъ, губернаторы штатовъ являются безконтрольными деспотами. Разстрѣляніе безъ суда сдѣлалось обычнымъ; непріятные правительству люди исчезаютъ безъ слѣда; огромныя національныя природныя богатства расхищаются безнаказанно. Желѣзнодорожныя концессіи отдали Харриману въ крѣпостную зависимость все мексиканское тихоокеанское побережье; открытыя въ теченіе послѣдняго пятилѣтія замѣчательно богатыя залежи нефти на берегахъ Мексиканскаго залива цѣликомъ запроданы американскимъ же предпринимателямъ, и все горное дѣло находится въ ихъ же рукахъ. Давно сложилось убѣжденіе, что съ достаточнымъ запасомъ денегъ у мексиканскаго правительства можно дешево купить все что угодно. Вице-президентъ, Рамонъ Коралль, состоитъ на жалованьѣ у Харримана. За послѣднее время многія мѣстности въ Мексикѣ были разорены землетрясеніями и небывалыми разливами рѣкъ; другія обнищали отъ повторныхъ полныхъ неурожаевъ; народныя массы всюду голодаютъ и страшно озлоблены. Страна страдаетъ отъ необыкновенно повышенной преступности; тюрьмы переполнены. Промышленность и торговля находятся въ полномъ застоѣ. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что взрывъ близокъ и неизбѣженъ. Правительство, помимо шайки своихъ ставленниковъ и войска, не имѣетъ въ населеніи никакой опоры; оппозиція неорганизована и будетъ преслѣдовать въ каждой мѣстности особыя, узкія цѣли. Надежды патріотовъ были одно время сосредоточены на Бернардо Рейсѣ, губернаторѣ штата Нуэво-Леонъ, предполагавшемся кандидатѣ оппозиціи въ вице-президенты на будущихъ выборахъ; но

популярность Рейса возбудила подозрѣнія Діаза, онъ былъ смѣщенъ и вынужденъ скрыться. Онъ, конечно, будетъ разстрѣлянъ безъ суда, если властямъ удастся его схватить. Современному мексиканскому правительству не до государственныхъ дѣлъ: оно всецѣло поглощено травлей своихъ противниковъ и искорененіемъ крамолы.

Только въ августѣ мѣсяцѣ новый таможенный тарифъ былъ окончательно принятъ конгрессомъ и подписанъ президентомъ Тафтомъ. Билль Пэйна, какъ онъ былъ принятъ палатой представителей (сущность его была изложена мною въ предыдущемъ письмѣ), былъ радикально передѣланъ сенатомъ, а затѣмъ еще разъ существенно измѣненъ въ согласительной коммиссіи обѣихъ палатъ, благодаря прямому, откровенному давленію со стороны Тафта. Едвали въ нашей исторіи былъ другой такой же рѣзкій примѣръ вліянія двухпалатной системы на національныя дѣла. Учреждая сенатъ, создатели американской конституціи имѣли въ виду главнымъ образомъ поддержаніе федеративнаго начала, охрану правъ отдѣльныхъ штатовъ, какъ сравнительно независимыхъ членовъ Союза. Ими не предусмотрѣна была возможность постепеннаго перерожденія этого учрежденія въ представительство какихъ-либо классовыхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что вся національная бюджетная иниціатива была предоставлена палатѣ представителей. Сенатъ превосходно выполнилъ свое прямое назначеніе; съ теченіемъ времени федеративная система нашего государственнаго устройства окрѣпла и получила точныя и ясныя формы, особенно послѣ того какъ результаты междоусобной войны 1861—1865 гг. навсегда устранили всѣ спорныя до нея стороны вопроса. Въ настоящее время въ этомъ направленіи ни въ теоріи, ни на практикѣ не встрѣчается ни малѣйшихъ затрудненій, и сенатъ, потерявъ свое первоначальное спеціальное значеніе, обратился всецѣло въ верхнюю палату, съ долгимъ, сравнительно, срокомъ полномочій своихъ членовъ, выбираемыхъ не прямымъ народнымъ голосованіемъ, а штатными легислатурами. Классовые интересы не преминули обратить этотъ анахронизмъ въ свою пользу — и въ послѣднее время сенатъ несомнѣнно сдѣлался до извѣстной степени оплотомъ и охранителемъ этихъ интересовъ. Въ Америкѣ классовые интересы сводятся исключительно къ крупному капитализму въ разныхъ его формахъ — землевладѣльческой, торговой, банкирской и, главнымъ образомъ, промышленной. За послѣднюю четверть вѣка всѣ эти элементы успѣли основательно объединиться и организоваться; идеи „гармоніи крупныхъ интересовъ“ и „единства дѣйствія“ получили широкое развитіе и примѣненіе. На ихъ сторонѣ стоитъ прочное большинство въ сенатѣ. Билль Пэйна,

не смотря на его консерватизмъ и неполноту благопріятной для народныхъ массъ реформы, оказался для этого большинства неперевариmo либеральной мѣрой, и оно, подъ руководствомъ вожака промышленныхъ интересовъ, сенатора отъ штата Родъ-Айлэнда, Ольдрича, передѣлало его до неузнаваемости. Налогъ на наслѣдства былъ безусловно забракованъ; вмѣсто него былъ принятъ налогъ въ 1% на доходы всѣхъ акціонерныхъ предпріятій въ странѣ. Наши законники утверждаютъ, что такой налогъ противоконституціоненъ, что сенатъ былъ самъ убѣжденъ въ этомъ, и что его принятіе есть ничто иное какъ грубая военная хитрость, для отвода глазъ. Всѣ главныя дѣйствительныя пониженія въ таможенномъ тарифѣ, предлагавшіяся биллемъ Пэйна, были сметены: шерсть, лѣсъ, кожи и многіе другіе предметы первой необходимости опять обложены налогами ad valorem, а не специфическими, какъ это устанавливалось тарифомъ Динглэя. Знатоки дѣла говорятъ, что такая перемѣна системы на практикѣ окажется повышеніемъ, а не пониженіемъ настоящаго тарифа. Вліяніе классовыхъ интересовъ сказалось особенно рельефно въ томъ, что на частныхъ голосованіяхъ по разнымъ отдѣльнымъ статьямъ сенаторы-демократы, по политической платформѣ своей партіи не только противники какихъ-либо повышеній, но и открытые фритрэдеры, неизмѣнно голосовали съ протекціонистскимъ республиканскимъ большинствомъ относительно всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые производятся и ихъ штатами. Работа сената подвигалась очень медленно; общественное негодованіе противъ ея направленія успѣло обнаружиться такъ выпукло, что Тафтъ счелъ необходимымъ вступиться. Когда тарифъ перешелъ въ согласительную коммиссію, онъ потребовалъ существенныхъ въ немъ пониженій, пригрозивъ своимъ veto по отношенію ко всей мѣрѣ. Послѣдовали взаимныя уступки. Въ своемъ окончательномъ видѣ новый тарифъ изъ 2.200 отдѣльныхъ статей приблизительно половину оставляетъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и прежній тарифъ Динглэя, понижаетъ около 800 и повышаетъ около 250. Учреждены специальная коммиссія для изслѣдованія таможенно-тарифнаго дѣла вообще и особый судъ для рѣшенія недоразумѣній и несогласій по оцѣнкѣ товара. Президенту предоставлено право установлять maximum и minimum налога до 25% противъ или въ пользу иностранныхъ государствъ, смотря по тому, какъ ихъ таможенная политика относится къ Союзу. По разсчетамъ составителей, весьма, впрочемъ, проблематичнымъ и плохо обоснованнымъ, новый тарифъ долженъ дать значительное повышеніе таможеннаго дохода. Нѣсколько акціонерныхъ предпріятій возбудили уже въ судебномъ порядкѣ споръ противъ конституціонности возложеннаго на нихъ налога, вслѣдствіе чего существуетъ опасеніе, что новый законъ окажется недостаточнымъ для искорененія бюджетныхъ дефицитовъ.

И въ палатѣ представителей, и въ сенатѣ отъ республиканскаго большинства, оборудовавшаго все дѣло, откололись серьезныя фракціи, требовавшія либеральной реформы. Подъ вліяніемъ губернатора Джонсона, вся делегація штата Миннесоты въ конгрессѣ—два сенатора и десять представителей въ палатѣ,—хотя и принадлежащая поголовно къ республиканской партіи, голосовала противъ новаго тарифа. Къ ней присоединились восемь республиканцевъ въ сенатѣ и нѣсколько членовъ палаты отъ другихъ штатовъ. Этотъ расколъ многознаменателенъ: по всѣмъ видимостямъ, онъ разростется и внесетъ такую смуту въ совѣты партій, послѣдствія которой предусмотрѣть теперь невозможно.

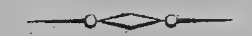
Въ русской печати мало отмѣчена закрывшаяся недавно аляскинско-тихоокеанская международная выставка въ г. Сіаттлѣ, въ штатѣ Вашингтонѣ. Выставка эта ознаменована необычнымъ въ предпріятіяхъ такого рода финансовымъ успѣхомъ. Аляска, сорокъ два года тому назадъ выроданная Россіей Соединеннымъ Штатамъ за 7.200.000 долларовъ, вывозитъ теперь ежегодно разныхъ продуктовъ на сумму почти 40 милліоновъ долларовъ, въ томъ числѣ золота на 19½ и рыбы на 11½ милліоновъ. На всемъ ея пространствѣ открыты богатѣйшія залежи превосходнаго антрацита, мѣди, жести; ея тихоокеанское побережье чрезвычайно богато лѣсомъ; многія обширныя рѣчныя долины оказались на опытѣ вполнѣ годными для земледѣлія и скотоводства; вычисляютъ, что въ короткое время въ ея предѣлахъ будетъ процвѣтать милліонное фермерское населеніе. Въ Аляскѣ работаютъ и строятся десятки желѣзнодорожныхъ линій, растутъ какъ грибы сотни поселеній; города Джюно, Номъ и Фэрбанксъ обладаютъ всѣми аттрибутами цивилизованныхъ центровъ. Выставка въ Сіаттлѣ, задуманная и созданная почти цѣликомъ предпріимчивостью юнаго населенія Аляски, открыла глаза всему Союзу на представляемые неисчислимыми природными ея богатствами пути для человѣческой энергіи. Всѣ государства тихоокеанскаго побережья, восточнаго и западнаго, приняли участіе въ этой выставкѣ; особенно отличились Японія и Канада. Отсутствовала, по обыкновенію, Россія. Японія, помимо особаго роскошнаго зданія, биткомъ набитаго экспонатами, прислала на выставку эскадру своей морской академіи, въ составѣ броненосныхъ крейсеровъ „Азо“ и „Сойя“ (нѣкогда—„Варягъ“ и „Баянъ“), поднятыхъ послѣ войны со дна морского и экспонируемыхъ по всѣмъ портамъ Тихаго океана. И утопить-то ихъ какъ слѣдуетъ у насъ не съумѣли!

Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ обостряется медленно, но, повидимому, неудержимо. Не смотря на систематическій и постоянный

обмѣнъ оффиціальныхъ любезностей, у насъ не только въ коммерческихъ, но и въ правительственныхъ сферахъ несомнѣнно назрѣваютъ разныя ядовитыя сомнѣнія. Значительно бо̀льшая доля паденія нашего экспорта за прошлый годъ приходится именно на дальневосточную торговлю. Всѣ частныя и газетныя извѣстія изъ Китая, Манчжуріи, даже русскаго Пріамурья твердятъ о систематической, могучей, упорной японизаціи всего Дальняго Востока.

П. А. Тверской.

Гор. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.



КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Литературный урожай нынѣшней осени совсѣмъ плохъ: кромѣ „Анатэмы“ Леонида Андреева, не появилось ни одного крупнаго произведенія, которое вызывало бы серьезный интересъ. Правда, въ литературныхъ кругахъ возлагались нѣкоторыя надежды на „Мертвую зыбь“—большой романъ О. Миртова, начавшійся въ августовской книжкѣ „Русской Мысли“. Говорили, что этотъ романъ принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и нашумѣвшій „Конь блѣдный“ В. Ропшина, что г. Миртовъ, также какъ и г. Ропшинъ, отважился правдиво изобразить психологическое банкротство русской революціи, что его роману, слѣдовательно, обезпеченъ успѣхъ по крайней мѣрѣ общественнаго скандала. Указывалось, кромѣ того, что г. Миртовъ даетъ какую-то любопытную постановку столь модной теперь половой проблемы. Но по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ печатаніе романа, читателей постигало все большее и большее разочарованіе, и теперь, когда въ декабрьской книжкѣ журнала романъ г. Миртова закончился, можно смѣло сказать, что изъ грандіознаго замысла автора вышло весьма немного.

Дѣйствіе романа развертывается среди политическихъ ссыльныхъ въ большомъ сѣверномъ городѣ, въ родѣ Вологды или Вятки. Такимъ образомъ, передъ нами—среда обломковъ, выброшенныхъ крушеніемъ освободительнаго движенія. Психологію этой среды пытались уже живописать многіе современные беллетристы, и мнѣ приходилось не разъ отмѣчать то цѣнное и интересное, что̀ внесъ художественный

анализъ въ пониманіе недавно пережитыхъ нами бурь. Ропшинъ, Арцыбашевъ, Вересаевъ и другіе по мѣрѣ силъ своихъ пробуютъ освѣтить трагедію русской революціи, вскрыть тѣ глубокія, мучительныя противорѣчія, которыя лежали въ ея основѣ и толкали въ страшный водоворотъ людей недюжинныхъ, чуткихъ и искреннихъ. Для г. Миртова дѣло рисуется совершенно иначе. Его мірокъ политическихъ ссыльныхъ — сплошная пошлость. Вотъ, напримѣръ, эти люди на сходкѣ.

„Изъ какихъ норъ вылѣзли всѣ эти сѣрые люди?.. Говорятъ, говорятъ... Ораторъ за ораторомъ! Сколько ихъ, однако, расплодилось на землѣ! Право, больше все нищіе словомъ и больше—по части жестовъ и выкриковъ... У самодовольныхъ такая же потребность въ гимнастикѣ языка, какъ у мышей точить зубы...“

Да и вообще колонія занимается „раздуваніемъ мыльныхъ пузырей“: конспирируютъ изъ-за выѣденнаго яйца, притомъ изъ любви къ искусству, агитируютъ въ своей же собственной средѣ, разыскиваютъ провокаторовъ, объявляютъ того или другого товарища подъ бойкотомъ, грызутся изъ-за изобрѣтенія какой-нибудь никчемной коммиссіи, всячески изощряются, чтобы попасть въ члены этой коммиссіи, клевещутъ другъ на друга, подставляютъ ножки, подхалимничаютъ, чтобы раздобыть работу въ земствѣ, и такъ далѣе, до безконечности, все въ томъ же родѣ... Сплошная цѣпь тупости, мелочности, болѣзненнаго самолюбія, интриганства, безцвѣтности, духовнаго слабосилія...

Много грѣховъ лежитъ на нашей партійной жизни, но сводить всю ее къ тому, къ чему сводитъ г. Миртовъ, можетъ только памфлетъ, а для памфлета у г. Миртова не хватаетъ писательскаго темперамента, и получается у него въ результатѣ лишь вялое брюзжанье, съ которымъ нечего дѣлать ни читателю, ни критику. Нисколько не сомнѣваюсь, что авторъ юридически, такъ сказать, правдивъ и изображаетъ то, что̀ наблюдалъ въ дѣйствительности. Но психологически авторъ неправъ: онъ захватилъ лишь одну отрицательную сторону явленія, лишь часть его, и притомъ наименѣе содержательную. А такая однобокость изображенія равносильна искаженію всей сущности изображаемаго.

Этой сѣрой массѣ бездушныхъ футляровъ, изъ которыхъ вынуты всѣ истинно человѣческіе запросы и стремленія, авторъ противопоставляетъ нѣсколько индивидуальностей, какъ будто въ самомъ дѣлѣ что̀-то ищущихъ, являющихся носителями и выразителями жизненныхъ проблемъ. Но это все люди либо случайные въ средѣ ссыльныхъ, либо интересные какъ разъ не той стороной своего существа, которая связываетъ ихъ съ колоніей.

Вотъ, напримѣръ, enfant terrible колоніи—Катя Брянцева, горячая дѣвушка, смѣло и неустанно обличающая пошлость всѣхъ интересовъ и занятій ссыльныхъ. По замыслу автора она должна быть типомъ искренне и глубоко любящимъ Россію, но этой стороны ея психики г. Миртовъ совсѣмъ не съумѣлъ показать: весь патріотизмъ Кати сказывается лишь въ томъ, что она не хочетъ бѣжать за границу и цитируетъ по этому поводу Бальмонта. Гораздо ярче освѣщена другая черта Брянцевой—истеричность, на почвѣ слишкомъ затянувшагося дѣвства. И въ этой именно сторонѣ ея натуры авторъ надѣется высмотрѣть какія-то весьма важныя откровенія.

Гораздо болѣе уравновѣшена и болѣе авторитетна въ дѣлахъ колоніи другая ссыльная—Соколова. Но она глядитъ на вещи просто и откровенно.

— У насъ, женщинъ,—говоритъ она,—есть еще и другой интересъ, кромѣ партійнаго... Я, напримѣръ, очень люблю мужское общество...

И авторъ опять отдѣлывается нѣсколькими презрительными мазками для обрисовки Соколовой, какъ партійной работницы, а все свое вниманіе устремляетъ на вопросъ о томъ, какъ и почему Соколова не только любитъ мужское общество, но и имѣетъ успѣхъ въ немъ, будучи особой сугубо некрасивой и вульгарной.

Совсѣмъ въ сторонѣ отъ партійныхъ интересовъ стоитъ жена главаря колоніи, Сомова. Она даже начинаетъ презирать мужа за то, что онъ ушелъ съ головой въ дрязги ссыльнаго быта. Параллельно съ этимъ Сомова физически отдаляется отъ мужа и начинаетъ испытывать нѣкоторое волненіе въ присутствіи безпутнаго красавца Андрея Силина, который ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не имѣетъ ничего общаго съ политической борьбой.

Силинъ—центральная фигура романа. Онъ считаетъ себя воплощеніемъ „здороваго, свѣтлаго стремленія къ наслажденіямъ“, разумѣя подъ этимъ лозунгомъ прежде всего обладаніе всѣми женщинами, какія ему попадаются по дорогѣ, а затѣмъ попойки въ трактирахъ, безсонныя ночи за билліардомъ и т. п. Усматривая въ такомъ времяпрепровожденіи нѣчто „діонисовское“, Андрей Силинъ даетъ себѣ разрѣшеніе буквально „на вся“. Ничего, рѣшительно ничего связывающаго инстинкты, даже капризы, онъ не признаетъ: человѣкъ долженъ дѣлать лишь то, что ему нравится. Вѣдь „вины не существуетъ“, хотя никто почти еще не доросъ до сознанія этой верховной истины. Силинъ „доросъ“ въ полной мѣрѣ, онъ абсолютно свободенъ и расквитался съ „дряхлой моралью“, которая на другомъ языкѣ называется „врожденной чистоплотностью“. Онъ безъ всякихъ колебаній дѣлитъ свои ласки между женой и кухаркой, артистически лжетъ на-

право и налѣво, часто безъ всякой нужды, изъ одной любви къ искусству, прокучиваетъ деньги, предназначенныя для одного изъ политическихъ ссыльныхъ, беретъ послѣдніе гроши у влюбившейся въ него проститутки,—словомъ, онъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, какъ вѣтеръ. Одно только мѣшаетъ ему отчасти: онъ доступенъ чувству жалости, и изъ-за этого долженъ иногда переживать весьма непріятные моменты.

Дѣло въ томъ, что изъ женщинъ, съ которыми онъ встрѣчается, развѣ только одна Соколова „доросла до его міросозерцанія",—недаромъ у нея такая же отвисшая, будто кровью намазанная нижняя губа,—а остальныя женщины склонны видѣть въ сближеніи съ мужчиной нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ „безудержное, діонисовское наслажденіе". Напримѣръ, про Евлампію Силинъ думаетъ, что „двадцать дней съ проституткой, пожалуй, слишкомъ много", а наивная Евлампія прямо не допускаетъ мысли, чтобы, отдавшись Силину, она могла продолжать свой прежній промыселъ, такъ какъ „любовь къ нему переплелась въ ея душѣ съ постоянной, неотступной мыслью о Богѣ и мамочкѣ". Такая серьезная постановка вопроса нарушаетъ „безудержность наслажденія": Силину становится скучно съ Евлампіей, онъ хочетъ порвать съ ней, но „жалость мѣшаетъ уйти, она положительно отравила ему кровь".

Еще хуже дѣло съ женой—организмомъ хрупкимъ физически и необычайно нѣжнымъ, тонкимъ психически. Для нея вся жизнь ушла въ чувство къ Андрею. Она вся превратилась въ „изступленную молитву Андрею и Богу — обоимъ вмѣстѣ". Она вѣритъ и въ любовь Андрея къ ней, вѣритъ, какъ въ Бога, и конецъ этой вѣры—конецъ и всей ея жизни. Съ этимъ огромнымъ, глубокимъ чувствомъ Андрей не знаетъ что̀ дѣлать. Ему кажется, что „любовь—чувство собственности, что̀ болѣе всего и связываетъ"—и съ отчаяніемъ онъ убѣждается, что „никогда онъ не будетъ совершенно свободнымъ человѣкомъ", потому что проклятое чувство жалости не позволяетъ ему порвать съ Лизой. А между тѣмъ, „это мучительно, можно сказать страшно, до ненависти страшно—чувствовать, что отъ тебя, только отъ одного тебя зависитъ вся жизнь другого человѣка... Онъ какъ бы виситъ на твоихъ рукахъ. Каждое движеніе души, каждый жестъ, звукъ голоса, случайное слово — даетъ острую реакцію во внутреннемъ мірѣ этого прилипшаго къ тебѣ". И вмѣстѣ съ тѣмъ Силину по временамъ кажется, что онъ одну Лизу любитъ, а съ остальными женщинами только „наслаждается". Когда его сердце, пресыщенное „наслажденіями" на сторонѣ, возвращается къ Лизѣ, онъ чувствуетъ, „какъ хорошо это всеобъемлющее чувство", приковывающее его къ одной. Но это чувство не мѣшаетъ ему черезъ минуту злиться на

Лизу почти такъ же, какъ на Евлампію. Скорбная, подкошенная смертельнымъ недугомъ жена „убиваетъ его жизнерадостность... это становится черезъ-чуръ". Въ ея экстатической, чисто духовной нѣжности Андрею чудится „разложеніе смерти, ищущей, во что бы то ни стало, вѣчнаго союза съ живымъ", и у него выростаетъ „брезгливое состраданіе и протестъ здороваго животнаго, которое не терпитъ ничего липнущаго, скользкаго, полумертваго". Но этотъ протестъ не мѣшаетъ Силину посягать на дѣйствительно полумертвую женщину— и все какъ будто изъ жалости и нѣжности къ ней. Это „животное", дѣйствительно, настолько „здорово", что его инстинктамъ ничего не говоритъ даже таинство смерти...

Вотъ какого героя выбралъ г. Миртовъ, и только въ концѣ романа опредѣленно сказалъ, что у этого героя „маленькая, мелконькая" душонка. Въ теченіе же всего романа Силинъ чаруетъ всѣхъ безъ исключенія, особенно женщинъ. Стоитъ ему, рыжекудрому красавцу, обжечь своимъ взглядомъ или поразить своимъ голосомъ любую, самую чистую женщину—и она уже его раба. „Рыдаетъ душа, безсильная передъ плотью, или просто вопитъ мораль, безсильная передъ сладострастіемъ"...

— Сладострастіе—это, можетъ быть, и есть самое вѣрное убѣжище для человѣка,—философствуетъ другой герой романа, Моховъ, въ лицѣ котораго авторъ, кажется, хотѣлъ изобразить какой-то противовѣсъ Силину. Говорю: „кажется", потому что эта фигура вышла у г. Миртова весьма туманной. Въ ней есть что-то навѣянное „Идіотомъ" Достоевскаго. По крайней мѣрѣ, авторъ далъ Мохову, какъ и Достоевскій князю Мышкину, какую-то загадочную „священную болѣзнь", сопряженную съ прозрѣніями въ синтетическую правду жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Мохову спасаются женщины, уязвленныя страстью къ Силину, и Моховъ также не умѣетъ удержать ихъ, какъ и Мышкинъ. Но если Мышкинъ исполненъ особой, Христовой мудрости, то у Мохова есть всего лишь какая-то вялая философія, безсильная, бездѣйственная, колеблющаяся. Онъ „стремится найти связь между собственнымъ „я" и міромъ", „хоть слабенькую нить къ міровому узлу", но изъ этихъ стремленій ничего путнаго не выходитъ. И вотъ онъ философствуетъ:

— Я смотрю вообще на идеи человѣческія, какъ на выраженіе страха передъ вселенной... Ужасъ одиночества и родитъ всѣ хорошія идеи—какъ-то: общественное служеніе, будущая жизнь, вѣчная любовь, и проч. И когда онѣ уже не помогаютъ, а мозгъ уже усталъ, растерянный человѣкъ ищетъ у изначальныхъ корней своихъ... Тогда сладострастіе кажется ему рѣшеніемъ всѣхъ жизненныхъ вопросовъ.—

Повидимому, г. Миртовъ тоже разочаровался во всѣхъ „хорошихъ

идеяхъ“ и потому вперилъ свой испытующій взоръ въ „сладострастіе“. Въ тайнѣ первичной любви, простой влюбленности и въ самомъ дѣлѣ лежатъ подземные корни многогранной и пышноцвѣтной жизни. Кто умѣетъ любить, для того не заказаны пути и къ „хорошимъ идеямъ“. Такая концепція не нова: великій духовидецъ Достоевскій зналъ, что изъ Карамазовской семьи выходятъ Алеши и Иваны. Но онъ зналъ, что та же семья родитъ и Смердяковыхъ. Онъ видѣлъ, что изъ одного корня выростаетъ идеалъ Мадонны,—идеалъ материнства,—и идеалъ содомскій. Достаточно невѣрно повернуть румпель въ исходной точкѣ пути, чтобы попасть не въ высь, а въ бездну. Въ такихъ странствіяхъ нужны зоркость глаза, твердость руки, неусыпная бдительность контролирующаго сознанія, а не „усталый мозгъ“, не умѣющій четко различать „врожденную чистоплотность“ отъ „дряхлой морали“.

Я вовсе не хочу сказать, чтобы г. Миртовъ проповѣдывалъ „идеалъ содомскій“, какъ это нерѣдко бываетъ въ современной литературѣ. Нѣтъ, у автора „Мертвой зыби“ душа явно лежитъ больше къ тѣмъ высшимъ настроеніямъ и идеямъ, которыя развиваются въ душахъ его героинь или кроткаго Мохова. Скажу болѣе: авторъ прямо жаждетъ обрѣсти увѣренность, что все грубое, животное въ человѣкѣ можетъ быть переработано усиліемъ духа въ тонкія психическія цѣнности. Но эта жажда остается неутоленною: наблюденія г. Миртова какъ будто толкаютъ его къ констатированію того факта, что удержаться передъ соблазномъ Силинской распущенности можно только либо цѣною пониженія жизненнаго пульса, либо цѣною аскетической ущемленности. Свѣтлаго противоядія противъ отравы похоти авторъ найти не въ силахъ, и развѣ только въ предсмертныхъ, полубредовыхъ экстазахъ Лизы мерцаетъ неувѣренный намекъ на возможность какой-то послѣдней побѣды души, прошедшей черезъ горнило страданія. Но этотъ намекъ, какъ и всѣ подходы г. Миртова къ синтетическому взгляду на жизнь, выражены въ колеблющихся, расплывчатыхъ формахъ. Видно, что передъ авторомъ пронеслись многія острыя вѣянія современности, что въ нихъ онъ пробовалъ искать утоленія своей душевной боли, искать осмысленія взволновавшихъ его наблюденій и переживаній. Не по плечу, однако, оказалось автору не только одолѣть назрѣвавшіе въ его психикѣ диссонансы и вопросы, но даже сформулировать ихъ въ четкихъ, яркихъ образахъ.

Элементовъ литературнаго дарованія въ романѣ г. Миртова отрицать нельзя. Отдѣльныхъ удачныхъ страницъ въ „Мертвой зыби“ немало. Импрессіонистскіе пейзажи часто написаны своеобразно, сочными красками. Нѣкоторыя детали во внѣшнемъ обликѣ Андрея Силина, Кати Брянцевой, Мохова доказываютъ, что авторъ не лишенъ силы зрительной фантазіи. Мѣстами сказываются признаки психоло-

гической наблюдательности. Но въ цѣломъ романъ всетаки не удался. Онъ изобилуетъ вялыми длиннотами, ненужными повтореніями, причина которыхъ ясна: авторъ не можетъ овладѣть тѣмъ, что хочетъ выразить, и долго топчется на одномъ мѣстѣ, безсильный найти краткую и яркую, исчерпывающую формулу недающейся мысли, недающагося психологическаго момента.

Лишенъ романъ и архитектурнаго скелета. Послѣ готической стройности „Преступленія и Наказанія“ или „Анны Карениной“ всякій новый писатель, дерзающій на сложную и отвѣтственную форму романа, долженъ обладать большимъ чутьемъ пропорцій, умѣньемъ легко оперировать надъ большими массами и слагать ихъ въ логически и психологически цѣлостную конструкцію. За послѣднія двадцать лѣтъ наша литература какъ будто утратила способность къ этому труднѣйшему виду художественнаго творчества. Большія полотна вытѣснены эскизными набросками, очерки и разсказы взяли верхъ надъ болѣе сложными видами литературы. Современные авторы, вообще говоря, правы, когда не посягаютъ на романъ: они подвергли бы насилію свое дарованіе, берясь за недоступныя ему трудности. И г. Миртовъ напрасно облекъ свой первый, если не ошибаюсь, литературный дебютъ въ форму романа: этотъ опытъ не даетъ основанія думать, что автору „Мертвой зыби“ суждено возродить въ нашей современной литературѣ эту сложную и глубокую форму.

Еще менѣе можетъ претендовать на роль воскресителя романа Анатолій Каменскій, разразившійся, послѣ цѣлаго ряда нашумѣвшихъ очерковъ, „романомъ“, подъ заглавіемъ: „Люди“. Въ этомъ произведеніи нѣтъ ни широкаго жизненнаго фона, ни глубокаго идейнаго захвата. Передъ читателемъ—пять-шесть фигуръ, сцѣпленныхъ убогой, насквозь выдуманной, нелѣпой интригой.

„Бывшій студентъ“ Виноградовъ одержимъ „горделивой идеей какого-то посланничества“. Ему представляется, что всѣ люди поголовно лгутъ, дѣлаютъ совсѣмъ не то, что хотятъ, и на этой лжи, уродующей человѣка, держится вся жизнь. Виноградовъ считаетъ своей миссіей обличать ложь и толкать людей на путь искренности, къ какимъ бы безобразіямъ эта искренность ни приводила. „Если человѣкъ—звѣрь, то дайте ему быть свободно звѣремъ. Если человѣкъ—любовь, дайте ему проявить себя до конца, и онъ самъ создастъ свой новый союзъ со всѣми“.

Виноградовъ убѣжденъ, что почти всѣ люди—звѣри, и даже хуже того—пошляки, только притворяющіеся приличными и нравственными людьми. Всѣ дѣвушки и молодые люди о томъ только и думаютъ ежечасно и ежеминутно, чтобы обниматься другъ съ другомъ; студенты въ франтовскихъ сюртукахъ склонны вытирать грязныя руки о штоф-

ныя занавѣски; приватъ-доценты любятъ на балахъ похищать груши, чтобы наслаждаться ими, вернувшись домой; большинство женщинъ— не проститутки только потому, что не догадываются объ истинныхъ своихъ желаніяхъ, или не имѣютъ смѣлости удовлетворять имъ. Или вотъ еще когда бываетъ человѣкъ искреннимъ: „каждый, въ четырехъ знакомыхъ стѣнахъ, гримасничая передъ зеркаломъ, выкрикиваетъ одному ему извѣстныя, причудливыя, стыдныя слова, или танцуетъ на одной ногѣ отъ радости, или щиплетъ самъ себя отъ злости", и т. д. Вотъ каковы „настоящія желанія и чувства" людскія!.. Виноградовъ пламенѣетъ „жадной, дѣятельной любовью къ этимъ уродцамъ". Кочуя, въ качествѣ приживальщика, изъ одного дома въ другой, онъ склоняетъ своихъ временныхъ сожителей и сожительницъ давать себѣ „разрѣшеніе на вся", и считаетъ свою миссію исполненной, когда на мѣстѣ благообразной, но, по его мнѣнію, фальшивой жизни воцаряется безпутный и психопатическій хаосъ.

Поселившись въ домѣ нарочитаго глупца, профессора Тона, Виноградовъ влюбляется въ его дочь, курсистку Надежду, но полагаетъ, что она можетъ стать его достойной подругой лишь въ томъ случаѣ, если окунется въ животный развратъ и „выйдетъ изъ трясины сильнымъ и презрительнымъ новымъ человѣкомъ", которому не страшны никакіе соблазны, ибо она ихъ испытала и отвергла. Для этой цѣли Виноградовъ „предаетъ" Надежду нѣкоему Нарановичу, который въ качествѣ костюма имѣетъ только „черную шелковую женскую рубашку и красныя кожаныя туфли на босу ногу", затѣмъ радуется, когда Надежда выходитъ замужъ за чваннаго и бездарнаго писателя Березу. Только послѣ всѣхъ этихъ экспериментовъ Надежда убѣждается, что никогда никого не любила, кромѣ Виноградова, и соединяется съ нимъ—надо думать, уже навѣки.

Объ этомъ нелѣпомъ „романѣ" не стоило бы даже и упоминать, еслибы въ вывертахъ г. Каменскаго не сказывалось одно изъ довольно распространенныхъ въ настоящее время заблужденій, дѣлающихъ возможными прискорбнѣйшіе литературные и нелитературные эксперименты съ пресловутымъ половымъ вопросомъ. Разъ господа Каменскіе продолжаютъ писать и находить читателей, то обходить ихъ однимъ презрительнымъ молчаніемъ врядъ ли было бы цѣлесообразно.

Дѣло, конечно, не въ благоглупостяхъ, въ родѣ каррикатурныхъ студентовъ и приватъ-доцентовъ. На эти выслѣживанія возможныхъ въ дѣйствительности „уродцевъ" хорошо отвѣтила Виноградову Надежда:

— Зачѣмъ вы тратите наблюдательность на такія маловажныя вещи? Развѣ этимъ исчерпывается человѣческая душа?

Конечно, Виноградовъ на это отвѣтствовалъ съ апломбомъ:

— Представьте себѣ, что очень часто, и притомъ до самаго дна!..

Такая близорукость, взятая сама по себѣ, могла бы вызвать только улыбку, еслибы не была органически связана съ основною ошибкою г. Каменскаго и ему подобныхъ.

Дѣло въ томъ, что люди этого типа смотрятъ на человѣка, какъ на нѣкоторую статическую величину. Имъ не приходитъ въ голову, что личность есть явленіе сложное и постоянно эволюціонирующее, что въ ней одновременно заложены возможности весьма разнообразныхъ, даже діаметрально противоположныхъ кристаллизацій, и что та или другая кристаллизація является продуктомъ всѣхъ воздѣйствій, испытываемыхъ и переживаемыхъ личностью. Я хочу сказать, что, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ патологическихъ случаевъ, нѣтъ прирожденныхъ преступниковъ, проститутокъ, пошляковъ и т. д. Болѣе того: даже настоящихъ дегенератовъ можно, путемъ мудраго, систематическаго воздѣйствія, пріобщить болѣе или менѣе къ духовнымъ благамъ, выработаннымъ міровымъ поступательнымъ развитіемъ человѣчества. Но также несомнѣнно, что типъ совсѣмъ не дегенеративный можно, опять-таки за исключеніемъ особо счастливыхъ организмовъ, довести до весьма значительнаго паденія и приниженія, которое тѣмъ острѣе и больнѣе будетъ ощущаться индивидуумомъ, чѣмъ болѣе дано ему матеріала для причастности къ истинно человѣческимъ высотамъ.

Есть глубокая, вѣковѣчная мудрость въ косноязычномъ лепетаніи Кирилова („Бѣсы“):

— Они нехороши, потому что не знаютъ, что хороши. Но если бы они знали, что хороши, то тотчасъ же всѣ стали бы дѣйствительно хороши.

А вотъ господа Каменскіе подходятъ къ человѣку и говорятъ:

— Ты—звѣрь и пошлякъ; такъ и не представляйся человѣкомъ, а будь откровенно звѣремъ и пошлякомъ.

Наивный человѣкъ, привыкшій съ уваженіемъ относиться къ голосу литературы, смущается и, переминаясь съ ноги на ногу, недоумѣнно возражаетъ:

— Очень возможно, г. литераторъ, но только какъ-то, знаете, не выходитъ это у меня, чтобы удариться во вся тяжкая: что-то такое мѣшаетъ...

— Буржуй!—гнѣвается литераторъ—это въ тебѣ говоритъ рабья трусость, наслѣдственная склонность къ фальши, прародительскій грѣхъ лжи и лицемѣрія. Вглядись въ себя хорошенько: развѣ не хочется тебѣ,—ну, хоть, изрѣдка,—такого-то и такого-то срамного дѣянія?

— Бывалъ грѣхъ — сокрушенно шепчетъ „буржуй“, вспоминая самые расслабленные моменты своего бытія и поникая головой передъ неумолимой логикой и глубокимъ сердцевѣдѣніемъ новоявленнаго пророка...

И пророкъ торжествуетъ, а легковѣрные „буржуи", особенно изъ весьма юныхъ, поддаются мнимой искренности и наносятъ своей психикѣ часто неисцѣлимый вредъ, подвергая ее всяческимъ разслабляющимъ и принижающимъ переживаніямъ. Но почему же человѣкъ болѣе искрененъ, когда безвольно погружается въ тину темныхъ хотѣній, чѣмъ когда напряженно борется за переработку первичнаго физіологическаго субстрата въ новыя цѣнности психическаго типа? Вотъ центральный вопросъ, на который менѣе всего способны отвѣтить господа Каменскіе и пренебрегая которымъ они обрекаютъ себя на блужданіе въ психологической, а слѣдовательно и художественной лжи.

Ибо что, какъ не ложь, весь этотъ путь Надежды къ Виноградову черезъ Нарановича и Березу? Что, какъ не ложь, всѣ переживанія, приписываемыя г. Каменскимъ его герою и героинѣ? Ложь не этическая, настаиваю я, а прежде всего художественная. Въ жизни такъ никогда не бываетъ: это все выдуманныя настроенія, выдуманные поступки, выдуманныя слова. И то, что Каменскій останавливается на этой лжи, какъ на верховной правдѣ, тѣмъ удивительнѣе и прискорбнѣе, что по пути къ ней онъ проходитъ мимо настоящей правды, когда заставляетъ Надежду, въ одинъ изъ переходныхъ моментовъ, писать Виноградову такія слова:

„Наша дружба представляется мнѣ теперь страницами какого-то эксцентричнаго романа, съ сочиненной фабулой, исскуственнымъ построеніемъ... Я стала внимательнѣе, зорче, но не той вашей зоркостью, видящей часто только одну внѣшнюю механическую уродливость или ложь, а другою, умѣющею находить и оправданіе, и смыслъ, и *самыя подлинныя не-механическія драмы тамъ, гдѣ вы не видите ничего, кромѣ внѣшней помѣхи или предразсудка*".

Вотъ еслибы г. Каменскій, вмѣсто „искусственныхъ построеній", сосредоточилъ свой небольшой талантъ на попыткахъ понять „подлинныя не-механическія драмы" жизненныхъ коллизій, то онъ уразумѣлъ бы, быть можетъ, что тѣло не живетъ отдѣльно отъ души и что грязь, черезъ которую онъ проволокъ свою героиню, для настоящихъ, невыдуманныхъ женщинъ не проходитъ такъ безслѣдно, какъ онъ пробуетъ намъ внушить. Понялъ бы, быть можетъ, и то, что не пещерная ревность мѣшаетъ настоящему, невыдуманному юношѣ толкать дѣвушку, которую онъ полюбилъ, въ объятія грязнаго и грубаго животнаго. Понялъ бы, что въ томъ, что онъ пробуетъ презирать, гораздо больше правды, искренности и здороваго инстинкта, чѣмъ во всѣхъ претенціозныхъ выдумкахъ „карикатурнаго, ницшеанствующаго лѣнтяя", какъ именуетъ себя самъ Виноградовъ въ минуту просвѣ-

тлѣнія, которую г. Каменскій, однако, считаетъ минутой „ослѣпленія“...

Нѣтъ, положительно не везетъ нашимъ романистамъ, пытающимся ставить половой вопросъ. Одинъ скорбитъ о томъ, что при разгромѣ „дряхлой морали“, пожалуй, и не удастся отстоять отъ разрушенія даже „врожденной чистоплотности“, а другой, съ яростью грядущаго гунна, именно врожденную-то чистоплотность и объявляетъ величайшимъ зломъ жизни...

С. Адріановъ.

ИЗЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ХРОНИКИ.

Совершенно въ сторонѣ отъ современныхъ музыкальныхъ теченій стоитъ одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской музыки—М. А. Балакиревъ. Его имя не часто можно встрѣтить на программахъ концертовъ. Онъ никогда не отличался большой плодовитостью, сравнительно много написавъ и издавъ въ свѣтъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ, въ 1895-мъ году, управленіе Придворной Пѣвческой Капеллой. Въ нашемъ музыкальномъ мірѣ онъ занимаетъ отдѣльное, независимое положеніе, не примыкая ни къ какимъ партіямъ и кружкамъ, не принимая активнаго участія въ музыкально-общественной и концертной дѣятельности. Его сочиненія лишены такъ-называемой сенсаціонности. Онъ не задается цѣлью во что бы то ни стало быть интереснымъ, оригинальнымъ, порвать связь съ прошлымъ и указывать искусству новые пути. И въ то же время онъ—художникъ въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова, художникъ, для котораго культъ музыкальной красоты стоитъ незыблемо и высоко. Свое собственное убѣжденіе и вкусъ, свое „я“ — вотъ единственный законъ для него, какъ этого требовалъ Пушкинъ:

„Ты самъ свой высшій судъ“.

Фактура Балакирева не поражаетъ новизной; его оркестровка, при всей своей богатой звучности, лишена модныхъ вычуръ и ухищреній, изысканности и цвѣтистости. Съ внутренней стороны его творчество, проникнутое здоровымъ оптимизмомъ и уравновѣшенностью, не отвѣчаетъ тревожному настроенію современности. За всѣмъ тѣмъ его сочиненія—проявленіе громаднаго самобытнаго таланта и сильнаго

художественнаго темперамента. Можно только пожалѣть, что упомянутыя причины уменьшаютъ распространенность его музыки въ публикѣ.

Въ этомъ году намъ особенно посчастливилось на сочиненія М. А. Балакирева: мы услышали значительнѣйшія его творенія послѣдняго времени. Л. А. Кашперова впервые публично исполнила сонату, изданную въ свѣтъ еще въ 1906-мъ году. Въ концертѣ въ пользу Безплатной Музыкальной Школы, директоромъ которой съ этого года вмѣсто Балакирева, отказавшагося по болѣзни, состоитъ С. М. Ляпуновъ, была исполнена его вторая симфонія (d-moll), оконченная въ іюнѣ прошедшаго года, и нѣсколько номеровъ изъ музыки къ „Королю Лиру", изданной въ окончательной редакціи въ 1905-мъ году.

Соната (b-moll)—крупная новинка фортепіанной музыки, въ которой Балакиревъ, будучи самъ превосходнымъ піанистомъ, большой мастеръ. Всѣ четыре части сонаты—шедевры, выдержанные каждый въ своемъ родѣ. Общій характеръ музыки—славянскій. Первая часть и финалъ имѣютъ русскій характеръ, вторая (мазурка) — польскій. Только интермеццо лишено строго опредѣленнаго національнаго колорита. Всѣ части сонаты находятся въ художественномъ соотвѣтствіи между собою. Первая часть построена не въ сонатной формѣ, подобно, напримѣръ, нѣкоторымъ фортепіаннымъ сонатамъ Бетховена. Главная ея тема развита въ имитаціонномъ стилѣ, составляющемъ новость въ русской музыкѣ. Главная тема второй части имѣетъ нѣсколько суровый, мужественный характеръ. Тема тріо—мягкая, женственная, въ духѣ Шопена, превосходно варьирована. Построенное на этой темѣ заключеніе мазурки прелестно; оно оригинально заканчиваетъ ее постепеннымъ угасаніемъ движенія, ритма и силы звучности до полнаго pianissimo. Очаровательно интермеццо (larghetto) съ его славянской мечтательностью чисто Шопеновской глубины и задушевности. Финалъ, построенный на двухъ темахъ русскаго пошиба, отличается большимъ блескомъ. Появляющаяся въ немъ эпизодически музыка интермеццо составляетъ эффектный контрастъ съ общимъ его кипучимъ, бодрымъ, стремительнымъ характеромъ. Глубокое знаніе средствъ фортепіано обнаруживается въ сонатѣ всюду; особенно эффектенъ, по звучности, финалъ.

Вторая симфонія—произведеніе замѣчательное по красотѣ темъ, мастерской разработкѣ деталей, удивительно стройной, ясной формѣ. Первая часть, довольно спокойнаго движенія, построена на двухъ главныхъ темахъ: одной—мрачной, другой—свѣтлой, восточнаго характера, появляющейся на гобоѣ на фонѣ характерныхъ ударовъ барабана. Вторая часть производитъ сильное впечатлѣніе уже по своему контрасту съ первой. Она вся сплошь яркаго русскаго хара-

ктера. Сколько здѣсь настойчивой стремительности, огня и удали! Первый мелодическій штрихъ—словно какое-то понуканіе богатырскихъ лошадей. Главная тема имѣлась въ виду Балакиревымъ когда-то для скерцо первой симфоніи. О ней говоритъ Римскій-Корсаковъ въ своей „Лѣтописи“ [1]). Тріо скерцо очень красиво. Оно построено на подлинной народной пѣснѣ, имѣющейся въ сборникахъ русскихъ пѣсенъ Римскаго-Корсакова и М. Стаховича („Голова ль ты моя, головушка“). На смѣну этой чудесной и выразительной музыкѣ—при слушаніи которой рисуются въ воображеніи удалые казаки, лихо скачущіе по степи, напѣвая русскую пѣсню, — является искренній и душевный лиризмъ третьей части. Характеръ финала—славянскій. Главная тема его — очень бойкая и красивая, въ польскомъ духѣ; побочная тема—слегка видоизмѣненная и великолѣпно разработанная пѣсня „У меня ль во садочкѣ“, имѣющаяся въ сборникахъ русскихъ народныхъ пѣсенъ Ивана Прача и Римскаго-Корсакова. Сопоставленіе Polacca и русской пѣсни не символизируетъ ли мечту автора о будущемъ единеніи славянъ между собою?

Перейдемъ теперь къ капитальнѣйшему созданію Балакирева — его музыкѣ къ „Королю Лира“ Шекспира. Она была задумана и частью сочинена еще въ концѣ 50-хъ годовъ и исполнялась въ концертахъ, но авторъ долго держалъ ее въ рукописи и только въ послѣдніе годы пересмотрѣлъ партитуру, многое передѣлалъ, главнымъ образомъ съ технической стороны, и издалъ, съ посвященіемъ В. В. Стасову, разыскавшему для Балакирева въ Публичной Библіотекѣ три подлинныя англійскія темы, двумя изъ которыхъ Балакиревъ и воспользовался.

Музыка къ „Королю Лиру“ состоитъ изъ увертюры, „Шествія“ придворныхъ при выходѣ Лира въ началѣ перваго дѣйствія, вступленій ко второму дѣйствію (Злыя дочери Лира. Проклятіе отца), къ третьему (Лиръ и Шутъ въ пустынѣ. Буря), къ четвертому (Пробужденіе Лира въ лагерной палаткѣ Корделіи при звукахъ народной англійской пѣсни) и къ пятому (Битва. Лиръ умираетъ у трупа Корделіи. Апоѳеозъ), и музыки, сопровождающей различные моменты трагедіи, согласно указаніямъ Шекспира. Предусмотрѣны даже трубныя фанфары на сценѣ и за сценой. Оставленъ безъ музыкальной иллюстраціи лишь послѣдній моментъ: похоронный маршъ послѣ смерти Лира.

Музыка разсчитана авторомъ на исполненіе совмѣстно съ траге-

---

[1]) Н. А. Римскій-Корсаковъ, „Лѣтопись моей музыкальной жизни“. Спб., 1909. Эта книга—большое событіе музыкальной жизни. Она имѣетъ не только большую біографическую, но и историческую цѣнность. См. мою статью о ней въ „Русской Мысли“ (августъ, 1909).

діей; при концертномъ исполненіи для цѣльности впечатлѣнія приходится ограничиваться номерами наиболѣе законченными по формѣ. Въ концертѣ Безплатной Музыкальной Школы были исполнены увертюра, вступленіе къ 4-му дѣйствію и „Шествіе“. Въ увертюрѣ, въ сжатой, даже пожалуй слишкомъ лаконической формѣ, отразились всѣ главнѣйшіе характеры и моменты трагедіи. Темы ея, краткія, но выразительныя, встрѣчаются потомъ не разъ въ болѣе развитомъ видѣ, когда нужно музыкально иллюстрировать ту или другую сцену или моментъ трагедіи. Эти темы являются своего рода лейтъ-мотивами музыки къ „Лиру“, но ими не исчерпывается весь тематическій ея матеріалъ: кромѣ нихъ имѣются еще другія, очень характерныя темы, тоже почти всѣ краткія. Торжественное вступленіе къ увертюрѣ построено на главной темѣ шествія, широко и блестяще разработанной въ отдѣльномъ, законченномъ номерѣ. Вслѣдъ за нею появляется первая тема короля Лира, характера властнаго и гордаго, символизирующая его царственное величіе. Слѣдующая затѣмъ тема (первоначально—струнная) рисуетъ злыхъ дочерей Лира, Регану и Гонерилью. На этомъ фонѣ звучитъ впервые (гобой) вторая тема Лира-страдальца. Она здѣсь только намѣчена, но въ ней ясно слышится что-то щемящее, неумолимое. Впослѣдствіи обѣ темы короля часто примыкаютъ одна къ другой. Большимъ контрастомъ съ безпокойнымъ характеромъ борьбы и страданій главной партіи является пѣвучая, спокойная побочная партія увертюры (деревянные духовые). Это—характеристика кроткой, любящей, вѣрной Корделіи. Въ превосходную разработку тематическаго матеріала введенъ еще описательный эпизодъ бури, хорошо оттѣняющій музыкальную психологію характеровъ. Заключеніе увертюры построено на обѣихъ темахъ короля Лира; причемъ первая—царственная,—появляясь на гобоѣ пріобрѣтаетъ мрачный характеръ: царственный страдалецъ умираетъ.

Чрезвычайно поэтично вступленіе къ 4-му дѣйствію. Главная его тема—англійская народная пѣсня временъ Шекспира. Характеръ ея—спокойный, меланхолическій. Она появляется въ самомъ началѣ на англійскомъ рожкѣ и затѣмъ получаетъ превосходную обработку въ выдержанномъ пасторальномъ характерѣ. Подъ звуки этой пѣсни король Лиръ пробуждается въ палаткѣ Корделіи. Любящая его дочь—возлѣ него. Проходитъ ея тема. Все это создаетъ трогательно-нѣжную атмосферу счастливой идилліи. Лиръ вспоминаетъ о козняхъ Реганы и Гонерильи. Въ музыкѣ проносятся знакомые по увертюрѣ мелодическіе штрихи ихъ музыкальной характеристики. Но спокойная, счастливая дѣйствительность беретъ перевѣсъ надъ горькими воспоминаніями и пасторальная музыка возвращается: Корделія утѣшаетъ отца. Заключеніе этого оркестроваго номера построено на ея темѣ,

звучащей свѣтло и мирно на продолжительной тонической педали. „Шествіе“—одинъ изъ сильнѣйшихъ номеровъ музыки къ „Лиру“ и вообще одно изъ лучшихъ вдохновеній композитора. Оркестровано оно эффектно и мощно.

Концертнымъ исполненіемъ нѣсколькихъ номеровъ изъ музыки къ „Лиру“ нельзя ограничиваться; слѣдуетъ желать, чтобы она вся исполнялась совмѣстно съ трагедіей. Ея высокія достоинства служатъ порукой въ томъ, что художественное впечатлѣніе отъ такого соединенія только усилится и углубится.

Въ концертѣ Безплатной Музыкальной Школы исполнялось новое произведеніе С. М. Ляпунова—„Рапсодія на Украинскія темы“, для фортепіано съ оркестромъ. Всѣ произведенія С. М. Ляпунова отличаются изящнымъ вкусомъ, художественной законченностью и техническимъ мастерствомъ. Всѣ три темы „Рапсодіи“ выбраны удачно и разработаны съ большимъ блескомъ, въ Листовской манерѣ. Ярко-малороссійскаго характера въ этой разработкѣ, однако, нѣтъ. Звучность фортепіанной партіи роскошная, но техническія трудности дѣлаютъ ее доступной далеко не всякому піанисту. Великолѣпный піанистъ, авторъ съ большимъ мастерствомъ и увлеченіемъ самъ исполнилъ свою „Рапсодію“ въ концертѣ.

„Женитьба“ Мусоргскаго—одно изъ раннихъ его произведеній—только недавно издана подъ редакціей Римскаго-Корсакова и впервые исполнена въ Петербургѣ этой весной, заботами Общества „Вечера Современной Музыки“. Она одна восполняетъ отсутствіе за послѣднее время новинокъ въ области оперы. У насъ долго не признавали Мусоргскаго. Музыканты презрительно подчеркивали техническія несовершенства композитора, не видя или не желая видѣть и оцѣнить его громадную оригинальность, его геніальную концепцію—словомъ, не понимали его и, не понимая, рѣдко его исполняли. Публика, мало зная Мусоргскаго, вторила сужденіямъ „знатоковъ“. Главная причина непониманія Мусоргскаго заключалась въ самомъ духѣ его произведеній, глубоко національномъ. Въ послѣднее время Мусоргскій сталъ значительно ближе и дороже русскому обществу. Исполненіе „Женитьбы“, да еще въ сценической обстановкѣ, живо заинтересовало и, повидимому, увлекло публику. В. В. Стасовъ, опасаясь непониманія и насмѣшекъ публики, зорко охранялъ въ Публичной Библіотекѣ отъ постороннихъ взоровъ рукопись „Женитьбы“, написанную еще въ 1868-мъ году и подаренную Стасову, въ день его рожденья, въ 1873-мъ году. Времена измѣнились. Многочисленныя смѣлыя произведенія Мусоргскаго проложили дорогу и этому его творенію,

архи-смѣлому и новому, и Стасовъ былъ очень доволенъ, когда Римскій-Корсаковъ, уже въ послѣднее время жизни его и Стасова (1906 г.), изъявилъ желаніе издать „Женитьбу“ въ своей редакціи. Редакція была чисто технической: исправленіе явныхъ описокъ и ошибокъ, нѣкоторыя измѣненія ритма, облегчающія исполненіе, немногочисленныя измѣненія гармоніи, каждый разъ оговоренныя съ напечатаніемъ подлинныхъ аккордовъ и сочетаній, „такъ что почитатели Мусоргскаго имѣютъ возможность исполнять произведеніе въ неприкосновенной точности“. Подготовляя къ печати изданіе „Женитьбы“ для фортепіано съ пѣніемъ, Римскій-Корсаковъ имѣлъ въ виду оркестровать это сочиненіе и началъ уже оркестровку; послѣ его смерти осталось двѣнадцать страницъ партитуры.

„Женитьба“ (Мусоргскій написалъ музыку только на первый актъ комедіи Гоголя) представляетъ собою въ высшей степени своеобразное и вмѣстѣ съ тѣмъ радикальное рѣшеніе проблемы драматической музыки. Даргомыжскій въ „Каменномъ Гостѣ“, написанномъ на неизмѣненный текстъ Пушкина, послѣдовательно провелъ свой методъ осуществленія выразительности вокальнаго стиля путемъ созданія такъ называемаго мелодическаго речитатива. Но его текстомъ служилъ размѣренный стихъ. Мусоргскій пошелъ еще далѣе: то же самое онъ сдѣлалъ съ прозой. Это было сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ музыкальное исполненіе безъ опредѣленнаго, хотя и часто мѣняющагося размѣра дѣлается невозможнымъ. Другой особенностью этого сочиненія Мусоргскаго является поставленная имъ себѣ не менѣе трудная задача выразить въ мелодическомъ речитативѣ малѣйшія интонаціи говорящаго голоса, чтобы сдѣлать вокальный стиль реальнымъ до наивысшей степени. И того, и другого Мусоргскому удалось достигнуть, хотя и въ неравной мѣрѣ. Онъ уловилъ почти вездѣ размѣръ Гоголевскихъ діалоговъ, такъ какъ вѣдь и проза (особенно у такого прозаика, какъ Гоголь) имѣетъ свой размѣръ. Еще въ большей степени удалось Мусоргскому передать въ своемъ мелодическомъ речитативѣ всевозможные оттѣнки интонаціи голоса. Здѣсь онъ до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равныхъ. И положительно нельзя себѣ представить, чтобы фразы и отдѣльныя слова Гоголя нашли другое вокальное выраженіе, столь же яркое и характерное, столь же интересное, какъ и самъ языкъ Гоголя, который Мусоргскій геніально слилъ въ одно цѣлое съ музыкой. Но этого мало. Создавая свой речитативъ для каждаго дѣйствующаго лица, Мусоргскій сообразовался съ его индивидуальностью. Его вокальныя партіи имѣютъ каждая свой законченный характеръ, необыкновенно и своеобразно усиливая типичность каждаго лица. Лѣнивый, косный, нерѣшительный Подколесинъ; вертлявая, болтливая, подъѣзжающая къ нему старуха Ѳекла-

сваха; нахальный, плутоватый и скорый на обдѣлываніе выгодныхъ для него дѣлишекъ Кочкаревъ; наконецъ, угрюмый, подневольный, тяготящійся своимъ положеніемъ слуга Подколесина Степанъ, лѣнивый, какъ и его баринъ—все это выхваченные изъ жизни типы, какъ у Гоголя, такъ и у Мусоргскаго. Говорятъ эти лица каждый по-своему, и притомъ чрезвычайно комично. И основаны ихъ характеристики не на какой-нибудь системѣ лейтъ-мотивовъ—принципѣ, въ сущности, инструментальномъ,—а на совершенно другомъ принципѣ, чисто вокальномъ: на единствѣ разговорной интонаціи, свойственномъ тому или другому лицу. Такой принципъ нельзя не признать болѣе естественнымъ и реальнымъ. Но для осуществленія его требуется спеціальный, исключительный талантъ, какимъ и обладалъ Мусоргскій.

Фортепіанное сопровожденіе не является въ „Женитьбѣ" простой гармонической поддержкой вокальныхъ партій: оно играетъ свою роль въ музыкальной выразительности цѣлаго. При помощи его Мусоргскій то еще болѣе подчеркиваетъ разговорныя подробности, то усиливаетъ сценическіе моменты, то дѣлаетъ болѣе выразительной и забавной самую жестикуляцію артистовъ. Просто и ловко (однимъ маршеобразнымъ ритмомъ и staccato) изображаетъ Мусоргскій, какъ Степанъ, обезпокоенный бариномъ, переминается нéхотя съ ноги на ногу, какъ онъ зѣваетъ, думая, когда же его отпустятъ. Мѣткая, забавная характеристика суетливой свахи дана уже отчасти и въ сопровожденіи, сразу при ея появленіи. Съ большимъ юморомъ иллюстрируетъ Мусоргскій собственныя, неимѣющіяся у Гоголя сценическія ремарки, заставляющія сваху въ пылу разговора съ Подколесинымъ подходить къ нему все ближе и ближе, — ремарки, показывающія, какъ любилъ и какъ понималъ сцену Мусоргскій. Вообще вся сцена со свахой—верхъ совершенства по жизненности, характерности и оригинальности. Изобразительность въ сопровожденіи Мусоргскій простеръ до того, что испугъ Подколесина при упоминаніи свахи о сѣдомъ волосѣ, вѣроятно у него уже пробивающемся, иллюстрируется рядомъ секундъ, дѣйствительно жестоко звучащихъ и Римскимъ-Корсаковымъ замѣненныхъ короткими форшлагами. Въ такомъ же родѣ подчеркнуты въ сопровожденіи слова свахи объ одномъ изъ жениховъ, которому, будто бы, отказала рекомендуемая ею Подколесину невѣста: „что ни скажетъ слово, то и *совретъ*". Послѣдній слогъ послѣдняго слова совпадалъ у Мусоргскаго съ одновременнымъ ударомъ на фортепіано двухъ рядомъ поставленныхъ малыхъ секундъ, замѣненныхъ Римскимъ-Корсаковымъ, сообразно съ послѣдующей гармоніей, болѣе благозвучнымъ сочетаніемъ тоже изъ двухъ секундъ, но большихъ и отдѣленныхъ одна отъ другой интерваломъ малой терціи.

Съ неменьшей старательностью и остроуміемъ написано сопрово-

жденіе разговоровъ Кочкарева. И раньше еще, чѣмъ онъ раскрылъ ротъ, быстрый штрихъ изображаетъ его плутоватую суетливость. Не забыта его вертлявость и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія. Его уговариваніе Подколесина жениться и доводы въ пользу этого шага неподражаемо комичны въ музыкѣ. Какъ, напр., хороша подробность въ сопровожденіи при словахъ Кочкарева: „И вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка хорошенькая такая! И ручкой тебя!"—когда появляется короткая фраза legato! Эта „фраза обольщенія" Подколесина повторяется и далѣе въ сопровожденіи. Очевидно, слова пріятеля произвели на Подколесина сильное впечатлѣніе, запали ему въ душу. И вотъ, „фраза обольщенія" снова звучитъ, когда онъ, по окончаніи увлекательныхъ рѣчей Кочкарева, повергается въ мечтательное настроеніе и отвѣчаетъ, что да, онъ любитъ, чтобы возлѣ него сидѣла хорошенькая. Интересная подробность эта относится къ другому разряду художественныхъ пріемовъ, выполняемыхъ сопровожденіемъ. Это уже музыкальная психологія. Но Кочкареву еще не вполнѣ удалось убѣдить Подколесина сейчасъ же ѣхать къ невѣстѣ. Дальнѣйшіе его шаги въ этомъ направленіи еще болѣе забавны. Чего стоитъ хотя бы одна его фраза: „около тебя экспедиторченки, этакіе канальченки", звучащая на фонѣ сопрожденія, изображающаго какъ бы прыганье и суету дѣтей, этихъ самыхъ „канальченковъ". А когда Подколесинъ рѣшается ѣхать и, одѣваясь, молча охорашивается передъ зеркаломъ, въ сопровожденіи снова проходитъ „фраза обольщенія". Мусоргскій не пропустилъ даже такого незначительнаго случая усилить комизмъ положенія, какъ надѣваніе Подколесинымъ крахмаленнаго воротничка. Сколько остроумія въ штрихахъ сопровожденія (ритмъ съ точками и трели), рисующихъ его нетерпѣливую возню съ воротничками! Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать выводъ, что сопровожденіемъ Мусоргскій изобрѣтательно и очень талантливо пользуется въ самыхъ разнообразныхъ цѣляхъ. Понятно, также, что въ переводѣ на какой-либо другой языкъ „Женитьба" неминуемо должна очень сильно проиграть, такъ какъ мелодическій речитативъ Мусоргскаго близко воспроизводитъ интонацію именно русской рѣчи.

Таково рѣшеніе проблемы оперы у Мусоргскаго. Я его назвалъ радикальнымъ, такъ какъ въ своей заботѣ о правдѣ сценической и правдѣ вокальнаго выраженія Мусоргскій дошелъ до логическаго конца. Сцена и слово—для него прежде всего; они не дѣлаютъ никакихъ уступокъ музыкѣ. Наоборотъ, музыка подчиняется имъ во всемъ, и роль ея становится чисто служебной. Мусоргскій сознательно шелъ на это, не пропустивъ и не измѣнивъ ничего въ текстѣ Гоголя, за очень рѣдкими исключеніями (выпущены, напр., нѣсколько фразъ Подколесина Степану о мозоляхъ по поводу заказанныхъ новыхъ

сапоговъ). Добровольное и самоотверженное отреченіе музыканта отъ гегемоніи музыки въ драматическо-музыкальномъ произведеніи, въ связи съ многими техническими шероховатостями музыки „Женитьбы", и было, очевидно, причиной, почему этотъ „опытъ", какъ Мусоргскій самъ его назвалъ, былъ встрѣченъ даже и нѣкоторыми друзьями композитора просто какъ курьезъ, не имѣющій серьезнаго значенія.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Римскій-Корсаковъ въ своей „Лѣтописи": „Всѣ были поражены задачей Мусоргскаго, восхищались его характеристиками и многими речитативными фразами, недоумѣвали передъ нѣкоторыми аккордами и гармоническими послѣдовательностями. При исполненіи самъ Мусоргскій со свойственнымъ ему неподражаемымъ талантомъ пѣлъ Подколесина, Алекс. Ник. Пургольдъ (сестра жены Римскаго-Корсакова) — Ѳеклу, Вельяминовъ — Степана, Над. Ник. (будущая жена Римскаго-Корсакова) аккомпанировала, а въ высшей степени заинтересованный Даргомыжскій собственноручно выписалъ для себя партію Кочкарева и исполнялъ ее съ увлеченіемъ. В. В. Стасовъ былъ въ восторгѣ. Даргомыжскій говаривалъ, что композиторъ немножко далеко хватилъ. Балакиревъ и Кюи видѣли въ „Женитьбѣ" только курьезъ, съ интересными декламаціонными моментами. Сочинивъ первое дѣйствіе, Мусоргскій, однако, не рѣшился продолжать „Женитьбу" и обратился мыслью къ сюжету Пушкинскаго „Бориса", за котораго вскорѣ и принялся".

Остается неизвѣстнымъ, почему Мусоргскій не продолжалъ сочиненіе „Женитьбы". Во всякомъ случаѣ не потому, что онъ убѣдился въ неудачѣ „опыта" и разочаровался въ своемъ стилѣ. Художественные пріемы „Женитьбы" онъ примѣнялъ и въ слѣдующихъ сочиненіяхъ. Изъ писемъ его видно, что онъ намѣревался продолжать „Женитьбу", для чего у него имѣлись и отдѣльные наброски.

Значеніе „Женитьбы" Мусоргскаго, этого перваго сочиненія драматической музыки, написаннаго подъ вліяніемъ идей Даргомыжскаго, осуществленныхъ въ „Каменномъ Гостѣ", несомнѣнно велико въ исторіи развитія своеобразнаго вокальнаго стиля, разработка котораго составляетъ заслугу новой русской школы. Кюи въ своихъ операхъ, Римскій-Корсаковъ (особенно въ сценахъ „Моцартъ и Сальери") развивали тотъ же стиль, хотя и не столь прямолинейно. И новая русская школа, со своимъ оригинальнымъ рѣшеніемъ вѣчной проблемы оперы, не осталась въ одиночествѣ. Въ сущности тотъ же вокальный стиль культивируютъ теперь и французскіе композиторы, съ Клодомъ Дебюсси во главѣ (опера „Пелеасъ и Мелисанда"). И это только одинъ изъ показателей недавно начавшагося вліянія новой русской музыки на европейское искусство.

Григорій Тимофеевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1910.

Главныя событія истекшаго года.—Дипломатическія предпріятія и неудачи.—Идеи новаго германскаго канцлера. — Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ.—Тревога на дальнемъ Востокѣ.

Политическіе итоги 1909-го года довольно значительны—по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи. Четыре кабинетныхъ кризиса—въ Германіи, Франціи, Испаніи и Италіи, четыре свиданія монарховъ—въ Бьеркэ, Шербургѣ, Коусѣ и Ракконидже, три перемѣны правителей—въ Соединенныхъ штатахъ, Персіи и Бельгіи, двѣ вновь дѣйствующія конституціи—турецкая и персидская, одно военное или, вѣрнѣе, офицерское возстаніе—въ Греціи: все это давало достаточный матеріалъ для газетныхъ разсужденій и споровъ.

Международная политика обнаруживала признаки какой-то напряженной тревоги, которая, впрочемъ, не имѣла крупныхъ политическихъ послѣдствій. Въ началѣ года стоялъ еще на очереди поднятый Австро-Венгріею вопросъ объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины. Вѣнскій кабинетъ желалъ во что бы то ни стало добиться оффиціальнаго признанія аннексіи со стороны великихъ державъ, безъ всякихъ ограничительныхъ условій и оговорокъ. Съ Турціею австрійцы помирились при помощи соотвѣтственныхъ финансовыхъ жертвъ; противъ взволнованной Сербіи они выставили внушительныя военныя силы, а противодѣйствіе Европы рѣшено было обойти путемъ особыхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Россіи. Руководитель австрійской политики, баронъ Эренталь, хорошо изучившій русскую дипломатію въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ, пустилъ противъ нея въ ходъ германскую угрозу и тотчасъ же достигъ желаннаго результата. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, въ виду вмѣшательства Вильгельма II, поспѣшило отречься отъ солидарности съ Англіею и Франціею по вопросу о созывѣ европейской конференціи; оно смиренно подчинилось авторитетному указанію изъ Берлина, даже не предупредивъ объ этомъ лондонскаго и парижскаго кабинетовъ. Это торопливое отступленіе отъ позиціи, занятой нами совмѣстно съ другими

державами, наглядно показывало безсиліе русской политики въ тѣхъ областяхъ, на которыя распространяется вліяніе Германіи, и именно на ближнемъ Востокѣ. Сложная дипломатическая кампанія, имѣвшая цѣлью отстоять силу берлинскаго трактата и защитить интересы балканскихъ народностей отъ австрійскихъ посягательствъ, окончилась неудачею; международному положенію Россіи нанесенъ былъ тяжкій ударъ, особенно чувствительный для участниковъ и сторонниковъ оживившагося у насъ славянскаго движенія. Почему наше министерство иностранныхъ дѣлъ съ такою неожиданною быстротою исполнило требованіе Германіи — осталось неяснымъ; можно было только догадываться, что берлинскій кабинетъ грозилъ предоставить Австріи гарантированную свободу дѣйствій относительно Сербіи въ случаѣ отказа Россіи признать аннексію. Наша дипломатія не съумѣла воспользоваться своими отношеніями съ Англіею и Франціею, чтобы предотвратить или парализовать враждебное выступленіе Германіи. Склонность къ безотчетной паникѣ часто проявляется у насъ рядомъ съ актами непродуманной самоувѣренности, и за гордымъ высокомѣріемъ слѣдуетъ унизительное самоотреченіе.

Послѣ испытаннаго фіаско въ спорѣ съ Австро-Венгріею, наше дипломатическое вѣдомство вынуждено было искать подкрѣпленія въ искусственныхъ внѣшнихъ манифестаціяхъ — въ дружественныхъ съѣздахъ монарховъ и совѣщаніяхъ ихъ министровъ. Въ началѣ іюня, по русской иниціативѣ, состоялось свиданіе съ Вильгельмомъ II въ финляндскихъ шхерахъ; мѣсяцъ спустя—русскій визитъ въ Шербургъ, для встрѣчи съ президентомъ Фальеромъ; въ началѣ августа—свиданіе съ англійскимъ королемъ въ Коусѣ, а въ двадцатыхъ числахъ октября — поѣздка въ Италію и свиданіе съ Викторомъ-Эммануиломъ III въ Раккониджи. Русская дипломатія такимъ образомъ демонстрировала предъ Европою свои международныя связи, какъ бы для собственнаго своего успокоенія, — ибо оффиціальные визиты и съѣзды сами по себѣ нисколько не вліяютъ на реальныя отношенія государствъ и на ихъ внѣшнюю политику. При существующихъ обстоятельствахъ Россія должна воздерживаться отъ всякой предпріимчивости во внѣшнихъ дѣлахъ: это—единственный практическій выводъ, который можно было сдѣлать изъ непріятной исторіи съ аннексіею.

Въ Германіи ничто не измѣнилось съ уходомъ князя Бюлова. Новый канцлеръ, фонъ-Бетманъ-Голльвегъ, является такимъ же вѣрнымъ выразителемъ придворно-консервативныхъ взглядовъ и стремленій, какъ и его предмѣстникъ; съ момента своего назначенія (въ іюлѣ) онъ соблюдалъ большую сдержанность и не выходилъ изъ роли молчали-

ваго, скрытнаго бюрократа. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала открытія парламентской сессіи, чтобы узнать программу и намѣренія государственнаго человѣка, призваннаго управлять дѣлами имперіи.

Парламентъ открылся 30 ноября (нов. ст.), но только 9 декабря, при началѣ обсужденія бюджета, фонъ-Бетманъ-Голльвегъ произнесъ свою первую рѣчь. Ораторскій дебютъ его въ качествѣ канцлера не удовлетворилъ никого и озадачилъ даже многихъ консерваторовъ. Либеральныя партіи были совершенно разочарованы и раздражены. Канцлеръ говорилъ въ сухомъ доктринерскомъ тонѣ, съ нѣкоторыми претензіями на философское глубокомысліе, но въ сущности крайне безсодержательно, безъ всякаго подобія остроумія; онъ отвергалъ всякія программы и съ серьезнѣйшимъ видомъ высказывалъ разныя шаблонныя фразы о безпартійности, о необходимости спокойствія, положительной совмѣстной работы и т. п. Ни однимъ словомъ не упомянулъ онъ о возрастающемъ общественномъ движеніи въ пользу широкихъ либеральныхъ реформъ, ничего не сказалъ о планахъ ближайшаго будущаго и оставилъ слушателей въ полномъ недоумѣніи относительно своихъ общихъ правительственныхъ задачъ и цѣлей. Правительство не вмѣшивалось въ партійную полемику по поводу финансовыхъ законопроектовъ, потому что „общественное мнѣніе было слишкомъ возбуждено, и надо было дать ему успокоиться". Въ тронной рѣчи перечислены главныя законодательныя предположенія, которыя будутъ внесены въ парламентъ. Многіе думали—по словамъ канцлера,—что къ этой дѣйствительной программѣ прибавится еще общая; „это ожиданіе соотвѣтствуетъ прежде всего партійнымъ соображеніямъ. Отсюда вытекаетъ также дальнѣйшее требованіе программныхъ заявленій о томъ, на какія партійныя комбинаціи могутъ опираться союзныя правительства". „Каковы однако тѣ представленія— продолжалъ фонъ-Бетманъ-Голльвегъ, — которыми вызывается этотъ вопросъ? Такъ же рѣшительно, какъ партіи отклоняли и отклоняютъ отъ себя роль правительственной партіи, можно сказать, что и правительство въ Германіи никогда не будетъ партійнымъ правительствомъ. Съ возникающими вслѣдствіе этого затрудненіями должны были бороться всѣ германскіе государственные люди. Въ этихъ условіяхъ, коренящихся въ своеобразіи нашей партійной жизни и нашихъ государственныхъ учрежденій, не произвелъ ни малѣйшей перемѣны и послѣдній кризисъ". Канцлеръ пустился затѣмъ въ общія разсужденія о неудобствахъ прочной партійной организаціи. „Несомнѣнно— говоритъ онъ далѣе,—что радикализмъ живо заинтересованъ въ томъ, чтобы раздѣлить всю Германію на два политическихъ лагеря, смотря по положенію, занятому различными партіями по отдѣльнымъ пунктамъ финансовыхъ законопроектовъ. Радикализмъ дѣлаетъ при этомъ

отличныя дѣла. Но этотъ дуализмъ есть фикція, которая, конечно, служитъ для партійныхъ цѣлей, но могла бы утвердиться надолго только въ томъ случаѣ, еслибы большія партіи, къ ущербу нашего политическаго развитія, пожелали отказаться отъ своей исторіи, своихъ традицій и своихъ цѣлей. Страна не имѣла бы никакихъ выгодъ отъ того, что противоположность, установившаяся по поводу спора о новыхъ налогахъ, сохранила бы свою силу на вѣчныя времена и продолжала бы оказывать свое дѣйствіе на все наше общее политическое развитіе". О современномъ положеніи говорилось, что оно представляетъ собою періодъ застоя, и въ этихъ словахъ заключалась отрицательная критика, смыслъ которой непонятенъ для фонъ-Бетманъ-Голльвега. Мыслимо ли называть застоемъ такое положеніе, когда рейхстагъ занятъ важными законодательными вопросами и имѣетъ предъ собою впереди еще другіе, не менѣе серьезные проекты, вырабатываемые и отчасти уже заготовленные правительствомъ? Развѣ эти вопросы и проекты недостойны общественнаго вниманія? Напротивъ, покончивъ съ этими дѣлами, парламентъ, по мнѣнію канцлера, будетъ имѣть право съ полнымъ удовлетвореніемъ оглянуться на исполненную имъ работу. Партійное возбужденіе, существующее въ странѣ, не смущаетъ фонъ-Бетманъ-Голльвега. Онъ увѣренъ, что „болѣе обширные слои населенія не стремятся къ рѣзкимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, что они не хотятъ постоянно жить въ сферѣ политической сенсаціи и раздраженія. Народъ прежде всего требуетъ, чтобы его дѣловая работа, хозяйственная и культурная, здѣсь или на міровомъ рынкѣ, не разстраивалась тревогою и разными экспериментами. Народъ хочетъ видѣть для себя поддержку и поощреніе въ политикѣ постоянства и твердости внутри и извнѣ". Нація не судитъ обо всемъ съ точки зрѣнія шаблонныхъ понятій радикализма и реакціи; а еслибы она руководствовалась этими шаблонами, то никакое здравое развитіе не было бы возможно, никакой разумный прогрессъ не имѣлъ бы мѣста. Правда, „къ жизни каждаго народа принадлежитъ и политическая борьба, но ни одинъ народъ не можетъ постоянно волноваться обостренными партійно-политическими распрями; такое состояніе въ концѣ концовъ убивало бы основной нервъ государственной жизни — всякое довѣріе внутри и уваженіе извнѣ. Наше время къ этому не приспособлено. Мы не можемъ позволить себѣ роскошь—останавливаться на прошломъ и бездѣйствовать. Кто создалъ себѣ извѣстное положеніе трезвою работою, тотъ можетъ и поддерживать его только такою же работою. И какъ прежде въ Германіи никогда не было одной такой партіи, которая налагала бы свою печать на германскую политику, а всѣ силы народныя участвовали въ этомъ, — такъ должно остаться и въ

будущемъ. Въ этомъ выражается не тревожная забота о созданіи мимолетнаго парламентскаго большинства, а убѣжденіе, что существуетъ принудительная потребность творчества, которую общество признаетъ обязательною для каждаго изъ своихъ членовъ, и что эта потребность переживетъ современныя блужданія и разногласія".

Насколько можно судить по отзывамъ нѣмецкихъ газетъ, большинство нѣмецкой публики не понимаетъ новаго канцлера и искренно удивляется содержанію его первой парламентской рѣчи. Бетманъ-Голльвегъ говорилъ вообще о политическихъ партіяхъ, но не о реальныхъ парламентскихъ организаціяхъ и группахъ, существующихъ въ данное время; онъ ссылался на то, что извѣстныя партійныя комбинаціи не могутъ быть установлены на вѣчныя времена, хотя никто этого не утверждалъ и не предполагалъ; онъ отрицательно или какъ-то свысока относится къ партіямъ — съ одной стороны потому, что онѣ недолговѣчны и перемѣнчивы, какъ и все въ нашемъ мірѣ, а съ другой — потому, что онѣ будто бы не могутъ служить опорой для правительства. Такъ какъ ораторъ упорно держался въ области общихъ понятій, то нельзя было даже понять, говоритъ ли онъ о бывшемъ либерально-консервативномъ блокѣ, несомнѣнно безпочвенномъ и потому такъ легко развалившемся, или о новѣйшемъ консервативно-клерикальномъ союзѣ, основанномъ на внутренней солидарности и потому прочномъ и надежномъ. Если ни одна партія не могла быть всегда правительственною, то это еще не значитъ, что не было или не бываетъ правительственныхъ партій, или что правительство можетъ успѣшно проводить свои мѣры и проекты въ парламентѣ не опираясь на какія-либо партійныя организаціи, образующія большинство. При Бисмаркѣ роль правительственной партіи долго принадлежала націоналъ-либераламъ, потомъ перешла къ консерваторамъ и къ католическому центру; группировка партій мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ и, отчасти, подъ вліяніемъ самого правительства, какъ это было неоднократно при Бюловѣ. Для общественнаго мнѣнія далеко не безразлично, какія политическія партіи поддерживаютъ правительство или слѣдуютъ за нимъ — аграріи, либералы или клерикалы.

Бетманъ-Голльвегъ видитъ простую жажду „сенсаціи" въ общественномъ недовольствѣ, имѣющемъ свои весьма реальныя причины; онъ говоритъ о шаблонахъ радикализма и реакціи, о пустыхъ партійныхъ распряхъ, о благахъ трезвой положительной работы, когда люди жалуются на вопіющія несправедливости избирательнаго закона, на чрезмѣрныя привилегіи богатыхъ и высшихъ классовъ, на обременительность косвенныхъ налоговъ, падающихъ всей своей тяжестью на неимущее большинство населенія. Неужели тѣ прусскіе граждане,

которые чувствуютъ на себѣ всѣ невыгоды односторонняго владычества аграріевъ и капиталистовъ, поддаются лишь сенсаціоннымъ увлеченіямъ, когда требуютъ расширенія участія народныхъ массъ въ парламентскихъ выборахъ? Партійная борьба происходила, напримѣръ, по поводу споровъ о томъ, будутъ ли крупные землевладѣльцы платить повышенную пошлину съ наслѣдства, или же взамѣнъ этой пошлины будутъ назначены новые налоги на предметы потребленія низшихъ классовъ. Очевидно, эти разногласія не имѣли ничего общаго ни съ исканіемъ сенсаціи или новизны, ни съ слабостью къ шаблоннымъ словопреніямъ. Какой смыслъ можетъ имѣть призывъ къ трезвой положительной работѣ по адресу трудящагося населенія, стремящагося къ равноправію съ нетрудящимися привилегированными классами? Какъ устроить, чтобы обездоленные, безправные и бѣдствующіе перестали волноваться и прониклись спокойнымъ уваженіемъ къ господству богатыхъ, полноправныхъ хозяевъ страны?

Предположеніе, что правительство стоитъ внѣ и выше партій, что оно должно одинаково разсчитывать на содѣйствіе всѣхъ добрыхъ гражданъ,—казалось тѣмъ болѣе страннымъ въ устахъ канцлера, что вся его рѣчь имѣла вполнѣ партійный характеръ и прерывалась знаками одобренія только со стороны консерваторовъ и партіи центра. Постоянство и твердость политики могутъ считаться достоинствами лишь до тѣхъ поръ, пока сама эта политика правильна; если же правительство идетъ по ложной дорогѣ, то упорная рѣшимость держаться разъ избраннаго пути, не смотря на основательныя возраженія, есть уже недостатокъ, а иногда—преступленіе предъ страною. Въ настоящій моментъ вопросъ о прусской избирательной реформѣ созрѣлъ настолько, что отворачиваться отъ него или откладывать до другого времени почти немыслимо; реформа признана была настоятельно необходимою еще въ октябрьской тронной рѣчи 1908-го года, и теперь нѣмецкая либеральная печать предприняла систематическую агитацію съ цѣлью пропаганды той же идеи. Въ „Berliner Tageblatt“ отъ 7-го декабря напечатано въ этомъ смыслѣ воззваніе, подписанное множествомъ извѣстныхъ и авторитетныхъ именъ — общественныхъ, ученыхъ и промышленныхъ дѣятелей, профессоровъ и писателей; въ ряду подписавшихся мы встрѣчаемъ имена Шпильгагена, Гергарда Гауптмана, Зудермана, проф. Лампрехта, Гарнака, Франца Листа, Бара, Кнаппа и массы другихъ, которыхъ никто не заподозритъ въ легкомысленной погонѣ за сенсаціей. Когда фонъ-Бетманъ-Голльвегъ произносилъ свою рѣчь въ рейхстагѣ, онъ не могъ не знать, какого рода люди стоятъ за скорѣйшее осуществленіе реформы, составляющей, по словамъ воззванія, „жизненный вопросъ для Пруссіи“. Игнорированіе этого глубоко-серьезнаго общественнаго движенія ничѣмъ не

могло бы быть оправдано, и о немъ предстоитъ еще высказаться канцлеру въ прусской палатѣ депутатовъ. Но что канцлеръ имѣлъ въ виду эту агитацію въ своей общей характеристикѣ партійныхъ слабостей и увлеченій — это несомнѣнно; а между тѣмъ въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о требованіи, опирающемся на прямое обѣщаніе короля и слѣдовательно не подлежащемъ спору съ точки зрѣнія такого убѣжденнаго монархиста, какъ Бетманъ-Голльвегъ. Принципы постоянства и твердости не могутъ служить къ оправданію устарѣлыхъ и несправедливыхъ избирательныхъ порядковъ, которые еще Бисмаркъ называлъ безобразными. Самъ Бетманъ-Голльвегъ отвергаетъ политику неподвижности и застоя, такъ что истинный смыслъ его консерватизма остается скрытымъ. Либерализма и либеральнаго движенія онъ какъ будто органически не понимаетъ; все либеральное кажется ему радикальнымъ, т.-е. разрушительнымъ—и не потому, что онъ въ душѣ консерваторъ или реакціонеръ, а потому что онъ убѣжденный бюрократъ, вѣрующій въ превосходство и мудрую цѣлесообразность бюрократической государственности. Онъ смотритъ на вещи очень просто: все будетъ въ свое время устроено правительствомъ къ общему удовольствію, нужныя реформы подготовляются по мѣрѣ надобности, законопроекты вырабатываются въ изобиліи, всякія полезныя мѣры принимаются компетентными учрежденіями, и граждане могутъ спать совершенно спокойно. Зачѣмъ же люди хлопочутъ и волнуются? Просвѣщенные нѣмцы отвыкли уже отъ такихъ оффиціальныхъ взглядовъ; они находятъ ихъ слишкомъ наивными и банальными. Публика могла бы еще примириться съ этими банальностями, еслибы онѣ облекались въ живыя и красивыя формы; но Бетманъ-Голльвегъ излагаетъ свои идеи вяло и монотонно, наводитъ скуку на слушателей—а это великій недостатокъ для руководящаго министра, вынужденнаго выступать въ парламентѣ. Недостатокъ этотъ особенно чувствителенъ послѣ девятилѣтняго канцлерства князя Бюлова, который, независимо отъ своихъ прочихъ свѣтскихъ талантовъ, пользовался репутаціею самаго пріятнаго и остроумнаго парламентскаго оратора въ Германіи. Скучный министръ-бюрократъ не можетъ долго держаться на канцлерскомъ мѣстѣ, и газетные скептики пророчатъ Бетману-Голльвегу очень скорую отставку.

Въ заявленіяхъ и доводахъ Бетмана-Голльвега мы видимъ нѣкоторыя хорошо знакомыя намъ черты—проповѣдь спокойствія и тишины подъ охраною заботливой власти, увѣренность въ ненужности самостоятельныхъ общественно-политическихъ движеній, требованіе общаго довѣрія къ правительству, каково бы послѣднее ни было, и призывъ къ мирной трезвой работѣ безъ излишняго вольнодумства. Эти обычные бюрократическіе шаблоны напоминаютъ намъ формулу:

„сперва успокоеніе, а потомъ реформы"; но какая громадная разница между германскимъ успокоеніемъ и нашимъ отечественнымъ! Бетманъ-Голльвегъ говоритъ о сознательномъ спокойствіи живыхъ свободныхъ гражданъ, а не о принудительномъ молчаніи безправныхъ обывателей; онъ не мечтаетъ объ успокоеніи путемъ висѣлицъ и разстрѣловъ, не ищетъ мира на кладбищахъ, а совѣтуетъ жить потише, не торопясь, не увлекаясь партійною борьбою и слишкомъ далекими соціальными идеалами. Гражданская и политическая свобода, гарантированная конституціею, столь же неприкосновенна и незыблема для него, какъ и для либераловъ; она не входитъ уже въ кругъ обычныхъ пререканій и обсужденій. Поэтому успокоительные совѣты Бетмана-Голльвега представляются только невинными продуктами бюрократическаго благодушія и не могутъ вызывать раздраженія въ рядахъ оппозиціи.

Въ Австро-Венгріи продолжается неопредѣленное положеніе, связанное съ хроническими кризисами въ обѣихъ половинахъ имперіи; положеніе это сдѣлалось какъ будто нормальнымъ, и жители вѣроятно удивились бы, еслибы оно привело наконецъ къ опредѣленной развязкѣ въ ту или другую сторону. Въ Австріи лежитъ въ основѣ кризиса непримиримый антагонизмъ между нѣмцами и чехами, въ Венгріи—такой же антагонизмъ между мадьярами и славянами, преимущественно хорватами и сербами; эти внутреннія національныя распри осложняются старыми политическими спорами между двумя частями монархіи, объединяемыми династіею Габсбурговъ. Переговоры между Вѣной и Пештомъ тянутся по прежнему и не обѣщаютъ скораго соглашенія. Въ то же время оба министерства—венгерское и австрійское—отличаются своею неустойчивостью: кабинетъ Векерле потерялъ подъ собою почву, съ выходомъ изъ его состава Франца Кошута, вождя партіи независимости, а кабинетъ Бинерта держится только потому, что онъ „дѣловой", т.-е. состоитъ изъ чиновниковъ и не зависитъ отъ голосованій парламента.

Какъ идутъ дѣла при „дѣловомъ" кабинетѣ — можно видѣть изъ тѣхъ необычайныхъ эпизодовъ, которые систематически разыгрываются въ австрійской палатѣ депутатовъ. Недавно эта злополучная палата засѣдала непрерывно четыре дня, съ утра 15-го до ночи на 19-ое декабря, въ теченіе 86 часовъ сряду; одинъ изъ чешскихъ ораторовъ, депутатъ Котларжъ, говорилъ четырнадцать часовъ и въ этомъ отношеніи побилъ міровой рекордъ обструкціонизма. Десятки предложеній вносились одно за другимъ только для того, чтобы помѣшать парламенту обсудить проекты министерства Бинерта относительно торговыхъ соглашеній съ балканскими государствами. Наконецъ, сами

участники обструкціи предложили на будущій годъ измѣнить правила парламентскаго дѣлопроизводства въ смыслѣ расширенія полномочій президента, съ цѣлью предупредить обструкцію, и послѣ долгихъ споровъ и безконечныхъ отдѣльныхъ голосованій это предложеніе было принято большинствомъ 338 голосовъ противъ 28 нѣмцевъ-націоналистовъ и радикаловъ.

Эти обычныя парламентскія неурядицы и національные конфликты нисколько не отражаются, однако, на внѣшней политикѣ, находящейся въ завѣдываніи общаго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Вѣнская дипломатія съ непоколебимымъ авторитетомъ, съ замѣчательною настойчивостью и послѣдовательностью преслѣдуетъ свои цѣли и расширяетъ свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, стараясь всегда дѣйствовать навѣрняка, безъ риска, при помощи германской дружбы. Однимъ изъ орудій этой политики служитъ издавна искусственное возбужденіе раздора между отдѣльными славянскими народностями и, въ частности, разоблаченіе мнимыхъ заговоровъ, устраиваемыхъ, будто бы, иноземными агентами и правительствами въ предѣлахъ монархіи, при участіи туземныхъ славянъ. Закулисныя стороны этой своеобразной дипломатической работы раскрыты недавно въ любопытномъ процессѣ, разбиравшемся въ Вѣнѣ предъ судомъ присяжныхъ, по обвиненію историка Генриха Фридъюнга въ клеветѣ.

Во время горячей полемики, вызванной аннексіею Босніи и Герцеговины, д-ръ Фридъюнгъ напечаталъ въ вѣнской „Neue Freie Presse" нѣсколько статей, въ которыхъ сообщалъ объ измѣнническихъ сношеніяхъ многихъ сербскихъ членовъ хорватскаго сейма съ бѣлградскими агентами и министрами — сношеніяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы подготовить возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ и способствовать отторженію этихъ провинцій отъ Австріи, для образованія новаго велико-сербскаго царства. Д-ръ Фридъюнгъ называлъ нѣкоторыя имена, ссылался на документы, говорилъ о крупныхъ суммахъ, полученныхъ изъ-за границы для раздачи между извѣстными лицами и для закупки оружія и динамита, причемъ намекалъ на возможность указать всѣхъ участниковъ заговора, которымъ доставлялись деньги отъ сербскаго правительства. Такъ какъ авторъ этихъ статей отказался исполнить свое обѣщаніе и не назвалъ именъ, то всѣ сербо-хорватскіе члены мѣстнаго сейма и австрійской палаты депутатовъ, въ числѣ пятидесяти двухъ человѣкъ, обратились съ жалобою въ судъ и привлекли д-ра Фридъюнга къ отвѣтственности. Австрійскія нѣмецкія газеты съ самаго начала отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ разоблаченіямъ д-ра Фридъюнга, который съ своей стороны не только не боялся суда, а напротивъ, выражалъ твердую рѣшимость довести дѣло

до конца и предъявить всѣ имѣющіяся у него документальныя доказательства, убійственныя, будто бы, для жалобщиковъ. Процессъ начался при условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ для отвѣтчика и крайне тягостныхъ для обвинителей; послѣдніе очутились въ положеніи подсудимыхъ, и допросъ ихъ со стороны предсѣдателя суда велся въ такомъ тонѣ, точно виновность ихъ установлена заранѣе; д-ръ Фридъюнгъ игралъ роль самоувѣреннаго прокурора-патріота и не допускалъ никакого сомнѣнія въ правдивости своихъ разоблаченій. Очередь дошла до писемъ и бумагъ, подтверждавшихъ сообщенные имъ факты; эти компрометирующія письма и бумаги оказались неправдоподобными и отчасти смѣхотворными по содержанію, но д-ръ Фридъюнгъ упорно отстаивалъ ихъ подлинность. Вызванные свидѣтели, въ томъ числѣ и прибывшіе изъ Сербіи, доказывали, что документы явно сфабрикованы. Одинъ изъ свидѣтелей, депутатъ мѣстнаго сейма, заявилъ, что слухи о преступныхъ сношеніяхъ сербо-хорватской партіи съ Бѣлградомъ распространены были въ Вѣнѣ, что они подтверждались министромъ-президентомъ фонъ-Бекомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Эренталемъ, и что въ томъ же духѣ высказался однажды наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Ссылаясь на это показаніе, д-ръ Фридъюнгъ торжественно объяснилъ, что добытые имъ документы „давно извѣстны всѣмъ руководящимъ оффиціальнымъ лицамъ, на которыхъ лежитъ забота о защитѣ интересовъ монархіи". На другой день, отвѣчая свидѣтелю, крупному сербскому чиновнику, д-ръ Фридъюнгъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Господа изъ Сербіи отрицаютъ всѣ выставленные противъ нихъ факты, и этого, конечно, слѣдовало ожидать. Но они уже выходятъ изъ границъ своего права отрицать. Дѣло идетъ о документахъ, которые въ руководящихъ сферахъ монархіи послужили основою внѣшней политики и обороны страны, и о подобныхъ документахъ говорится здѣсь, что они поддѣланы и представляютъ пустую мистификацію!" Свидѣтель, сербскій чиновникъ, отвѣчалъ на это: „Даже самыя высшія сферы и руководящіе политическіе дѣятели могутъ быть введены въ заблужденіе. Это случалось не разъ и повторилось и теперь. Жертвы этого обмана достойны сожалѣнія. Очень жаль, что и д-ръ Фридъюнгъ добросовѣстно повѣрилъ фальсификаторамъ". Но доказать фактъ подлога удалось только одному свидѣтелю, профессору Марковичу, благодаря счастливой случайности: въ двухъ очень важныхъ письмахъ говорилось о присутствіи его, въ качествѣ предсѣдателя, въ собраніи революціоннаго общества въ Загребѣ—а между тѣмъ онъ могъ формально удостовѣрить, что въ это самое время онъ находился въ Берлинѣ, откуда доставлена была въ судъ соотвѣтственная точная справка. Тогда д-ръ Фридъюнгъ вынужденъ былъ отказаться отъ ссылки на два представленныхъ имъ письма,

касающіяся профессора Марковича. Обвинители потребовали, чтобы онъ призналъ подложными и всѣ прочіе документы, какъ однородные по содержанію и характеру. Послѣ долгихъ переговоровъ, при посредничествѣ предсѣдателя суда, состоялось мировое соглашеніе, по которому д-ръ Фридъюнгъ отрекся отъ своихъ доказательствъ, а обвинители взяли назадъ свои жалобы.

Процессъ, тянувшійся двѣнадцать дней, окончился (22 декабря) совершенно не тѣмъ разоблаченіемъ, какого ожидали австрійскіе патріоты. Оказалось, что сложная политическая интрига противъ Сербіи и сербской народности поддерживалась фабрикаціею документовъ, которымъ безусловно, будто бы, вѣрили высшія придворныя сферы и руководящіе министры, и что этимъ фальшивымъ матеріаломъ мотивировались враждебные планы Австро-Венгріи противъ сербскаго королевства. Вмѣсто того, чтобы доказать существованіе сербскаго заговора противъ австрійской монархіи, процессъ раскрылъ грубо устроенный секретный заговоръ австрійскихъ патріотовъ противъ Сербіи и сербо-хорватскихъ дѣятелей. Личность д-ра Фридъюнга заслоняется здѣсь отвѣтственными руководителями австро-венгерской политики, косвенное участіе которыхъ въ этомъ странномъ и темномъ дѣлѣ представляетъ большой психологическій—если не политическій—интересъ.

Парламентская сессія въ Англіи окончилась 3-го декабря (нов. ст.), причемъ тронная рѣчь была прочитана въ верхней палатѣ лордомъ-канцлеромъ, а въ палатѣ общинъ—спикеромъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ небольшой параграфъ тронной рѣчи, спеціально относящійся къ палатѣ общинъ: „Благодарю васъ за щедрость и заботливость, съ какими вы назначили крупныя дополнительныя средства на покрытіе національныхъ расходовъ, вызванныхъ потребностями имперской обороны и соціальныхъ реформъ. Сожалѣю, что это распоряженіе оказалось безплоднымъ". Виновники этой безплодности, члены палаты лордовъ, подвергаются теперь жестокимъ словеснымъ атакамъ, результаты которыхъ выяснятся на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ. Приготовительная стадія борьбы между обѣими палатами находится уже въ полномъ разгарѣ. Любопытныя подробности открывшейся кампаніи читатели найдутъ въ помѣщенномъ выше письмѣ изъ Лондона.

Въ другихъ государствахъ внутреннія политическія перемѣны проходили сравнительно тихо и не возбуждали широкихъ общественныхъ движеній. Во Франціи нервный и безпокойный Клемансо, въ іюлѣ, уступилъ мѣсто уравновѣшенному, сознательно-разсчетливому Аристиду Бріану, который все болѣе пріобрѣтаетъ авторитетъ и популярность

въ странѣ, благодаря своимъ выдающимся качествамъ государственнаго человѣка и оратора. Въ Испаніи, въ октябрѣ, консервативный кабинетъ Маура долженъ былъ выйти въ отставку послѣ несчастнаго дѣла Феррера; образовалось новое либеральное министерство, съ Моретомъ во главѣ; но общій ходъ испанскихъ дѣлъ мало при этомъ измѣнился. Въ Италіи, въ началѣ декабря, удалился министръ-президентъ Джолитти, и преемникомъ его назначенъ болѣе умѣренный Соннино; но и эта перемѣна едва ли можетъ замѣтно отразиться на реальномъ положеніи итальянскихъ дѣлъ (см. выше, письмо изъ Рима). Наконецъ, въ Бельгіи 17 декабря умеръ на 75-мъ году жизни король Леопольдъ II, царствовавшій ровно сорокъ четыре года (съ декабря 1865 г.) и дававшій въ послѣдніе годы гораздо больше матеріала для скандальной хроники, чѣмъ для политической. Страна отнеслась къ этому событію скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ серьезнымъ интересомъ. Новый король, племянникъ покойнаго, Альбертъ I, возбуждаетъ нѣкоторыя надежды своею прошлою практическою дѣятельностью, своими либеральными рѣчами въ сенатѣ и своимъ путешествіемъ въ Конго.

По поводу разнорѣчивыхъ слуховъ о современномъ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ было напечатано въ газетахъ отъ 2-го декабря правительственное сообщеніе, которое мы приводимъ безъ всякихъ комментаріевъ:

„За послѣднее время въ печати наблюдается особое нервное настроеніе, вызванное слухами о готовящемся, будто бы, столкновеніи между нами и Японіей. Газеты переполнены тревожными извѣстіями съ Дальняго Востока и, къ сожалѣнію, настроеніе это переходитъ въ болѣе широкіе круги общества. По полученнымъ свѣдѣніямъ, съ особенною силою дѣйствіе этихъ слуховъ сказывается на нашей дальневосточной окраинѣ, гдѣ подъ вліяніемъ глубоко проникающаго въ общественную среду, не исключая и представителей администраціи, убѣжденія о неизбѣжности близкой войны съ Японіей, тревожное настроеніе пріобрѣтаетъ столь напряженный характеръ, что начинаетъ самымъ непосредственнымъ образомъ отражаться на частной предпріимчивости, побуждая предпринимателей обращаться къ органамъ правительства за прямыми указаніями, насколько вѣрны циркулирующіе слухи и могутъ ли торгово-промышленныя предпріятія на Дальнемъ Востокѣ разсчитывать на сохраненіе мира.

„Императорское правительство, входя въ интересы населенія, не можетъ безучастно относиться къ столь печальному явленію и считаетъ своимъ долгомъ категорически заявить, что слухи о какихъ-

либо осложненіяхъ въ настоящее время между нами и Японіей ни на чемъ не основаны.

„Истекшіе четыре года, съ момента окончанія послѣдней войны, были употреблены Императорскимъ правительствомъ на заключеніе цѣлаго ряда международныхъ соглашеній, имѣющихъ цѣлью уничтожить слѣды непріязни, оставшіеся послѣ войны, и облегчить мирное развитіе политическихъ и экономическихъ отношеній между обоими государствами.

„Съ этой точки зрѣнія, наряду съ торговымъ договоромъ и рыболовною конвенціею, особенное значеніе имѣетъ политическое соглашеніе 1907-го года между Россіей и Японіей, имѣющее цѣлью взаимное обезпеченіе неприкосновенности территоріальныхъ владѣній и договорныхъ правъ обѣихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ. Эти акты, несомнѣнно, способствуютъ устойчивости общаго политическаго положенія на берегахъ Тихаго океана; въ частности, въ нашихъ сношеніяхъ съ Японіей совершенно нѣтъ того характера, который стараются придать имъ нѣкоторыя газеты, и въ области этихъ отношеній не возникло со времени соглашеній 1907-го года никакихъ сколько бы то ни было серьезныхъ треній или недоразумѣній. Напротивъ того, какъ свѣдѣнія, непосредственно получаемыя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такъ и впечатлѣнія, вынесенныя министромъ финансовъ изъ его недавней поѣздки на Дальній Востокъ, не только не заключаютъ въ себѣ ничего тревожнаго, но позволяютъ съ совершенной опредѣленностью удостовѣрить, что въ области нашихъ отношеній къ Японіи наблюдается полная взаимная предупредительность и готовность разрѣшать всѣ возникающіе вопросы путемъ мирныхъ и дружественныхъ соглашеній“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1910 г.

I.

— М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). Москва, 1910.

Вотъ книга, заглавіе которой вводитъ въ заблужденіе неосвѣдомленнаго читателя. Онъ ждетъ чего-либо въ родѣ обзора литературы, мемуаровъ, наиболѣе легкой, популярной формы исторической литературы. Вмѣсто того, съ первой страницы авторъ требуетъ отъ него серьезнаго проникновенія въ философскую мысль серьезнаго и достаточно темнаго писателя. Это—не историческія записки, а связанный единствомъ настроенія рядъ экскурсовъ нравственно-философскаго характера. Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ и воспроизводитъ предъ нами—съ большою тщательностью и изобразительностью—міросозерцанія Ив. Кирѣевскаго, Юр. Самарина и Гоголя, отыскивая въ ихъ взглядахъ то, что родственно его собственному міросозерцанію. Примыкая къ даннымъ, полученнымъ путемъ анализа воззрѣній и переживаній названныхъ дѣятелей, авторъ излагаетъ свое собственное credo, и на основаніи этого credo вершитъ судъ надъ нашей современностью. Этотъ судъ и приговоръ надѣлалъ недавно очень много шуму: заключительныя главы книги — ничто иное, какъ смягченная въ двухъ-трехъ мѣстахъ статья „Вѣхъ“: „Творческое самосознаніе“ [1].

Теперь, когда эта статья является передъ нами въ видѣ конечнаго вывода цѣлой системы идей, можно спокойнѣе отнестись къ выраженному въ ней бурному отрицанію нѣкоторыхъ распространенныхъ идей. Авторъ далъ уже раньше рядъ этюдовъ о дѣятеляхъ тридца-

---

[1]) Мы не нашли въ книгѣ слѣдующей, заключающейся въ „Вѣхахъ“ фразы: „каковы мы есть, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ, — бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“ (авторъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Вѣхъ“ оговорилъ, что слово „должны“ понимаетъ въ смыслѣ „обречены“). Опущена также фраза о томъ, что „эгоизмъ, самоутвержденіе—великая сила; именно она дѣлаетъ западную буржуазію могучимъ безсознательнымъ орудіемъ Божьяго дѣла на землѣ“.

тыхъ годовъ (въ книгахъ: „П. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе“ и „Исторія молодой Россіи“). Къ этимъ работамъ примыкаетъ разбираемая нами книга. Въ настроеніяхъ той эпохи г. Гершензонъ обрѣлъ для себя цѣнныя переживанія человѣческой души. До сихъ поръ вниманіе общества въ этой области было сосредоточено преимущественно на умственныхъ теченіяхъ, отлившихся въ западничество; славянофильство было освѣщаемо преимущественно со стороны его догматическихъ основаній (его взглядовъ на православіе, самодержавіе и народность). Гершензонъ, относясь отрицательно къ этимъ догматическимъ построеніямъ, стремится, по его выраженію, вылущить изъ славянофильства здоровое зерно правильнаго философскаго пониманія сущности человѣческой личности и ея связей съ абсолютнымъ. Въ Иванѣ Кирѣевскомъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ его ученіе о личности, освобождая это ученіе отъ „незаконныхъ придатковъ (догматическихъ и историческихъ), которыми исказили его отчасти самъ Кирѣевскій и еще больше его толкователи“. Оно сведено къ двумъ положеніямъ: 1) въ человѣкѣ есть нѣкоторое чувственное ядро, сфера надсознательнаго, которое и является верховнымъ и единовластнымъ органомъ правленія личностью; 2) это чувственное ядро, объемлющее всю душевную жизнь человѣка, отъ элементарнаго чувствованія до убѣжденія вѣры, и есть въ человѣкѣ единственно существенное, единственно космическое или Божественное; вся работа человѣка надъ самимъ собою должна заключаться въ правильномъ устроеніи этой своей внутренней личности, въ приведеніи ея къ единству воли, такъ чтобы исчезло раздвоеніе между чувствомъ и сознаніемъ и чтобы ни одно частное чувство не брало верхъ надъ центральной, всегда вѣрной себѣ волею“. Въ этомъ и состоитъ, по мысли г. Гершензона, зерно непреходящей истины о внутреннемъ устроеніи человѣка на началѣ духовной цѣльности личности—„геніальное прозрѣніе, на полвѣка опередившее работу науки“. Чувствомъ трансцендентнаго, космическимъ чувствомъ, въ высокой степени обладалъ и Самаринъ, доказывавшій (по мнѣнію автора—съ несомнѣнной убѣдительностью), что природа сознанія по существу религіозна, что „всякое мышленіе и всякое знаніе въ корнѣ религіозно, все равно, сознаемъ мы это или не сознаемъ... Самаринъ могъ бы сказать: непроизвольное *ощущеніе* бытія Божія или Промысла есть такая же категорія для всей психической жизни человѣка, какъ *представленія* пространства и времени—въ частности для дѣятельности его сознанія“. Въ своихъ спорахъ съ Кавелинымъ и Герценомъ Самаринъ обнаруживалъ скрытую религіозность своихъ противниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „логическую несостоятельность безрелигіознаго мышленія“. Это ядро его ученія есть „непреложная истина, нужная людямъ, какъ насущный хлѣбъ“; ибо „воля

только тогда будетъ дѣйствовать правильно, т.-е. въ свободномъ подчиненіи законамъ своей космической природы, когда мысль знаетъ и признаетъ эти законы и сообразно съ ними осуществляетъ свой контроль надъ дѣятельностью воли, т.-е. когда религіозная природа души въ полной мѣрѣ признана сознаніемъ". Подобно Самарину, и Гоголь, въ своей „Перепискѣ", явился выразителемъ „непререкаемой истины... объ индивидуальномъ духѣ, какъ о послѣднемъ плотномъ ядрѣ, изъ котораго все исходитъ и на который поэтому должны быть направлены всѣ усилія преобразователей".

Въ этой системѣ религіозно-мистическихъ идей авторъ видитъ всю внутреннюю духовную основу славянофильства, въ противоположность раціонализму западниковъ. Психологія славянофиловъ по существу религіозна, и въ этомъ, по мнѣнію г. Гершензона, ихъ основное преимущество надъ западничествомъ и всѣми послѣдующими его отвѣтвленіями, проникнутыми раціонализмомъ. Послѣдній наложилъ свою печать и на все русское интеллигентное общество въ массѣ. Матеріализмъ, подчиненіе личнаго духа примату общественности составляетъ, съ точки зрѣнія г. Гершензона, основной грѣхъ русской интеллигенціи. Ему противопоставляется религіозно-мистическая идея, основной законъ которой можетъ быть выраженъ словами Гоголя: „въ душѣ—ключъ всего". Изъ нея вытекаетъ, что не измѣненіемъ общественныхъ формъ можно поднять жизнь на высшую ступень, а единственно правильнымъ устроеніемъ каждаго отдѣльнаго духа; и если въ этомъ устроеніи немаловажную роль играетъ и созданіе разумныхъ общественныхъ формъ, то главнымъ дѣломъ всетаки остается нравственная работа надъ собою и нравственное вліяніе на другихъ людей. А первое, самое коренное условіе и такой жизни, и такой дѣятельности есть *самосознаніе*".

Таковы заключительныя слова интересной книги. Анализъ разсудочнаго, поверхностнаго принятія радикальныхъ взглядовъ мѣстами очень остроуменъ. Много у автора явныхъ преувеличеній. Таково, напр., категорическое утвержденіе, будто „все міровоззрѣніе интеллигенціи" основано на утвержденіи, „что мысль есть только особая функція матеріи, что нравственный строй души опредѣляется въ существенномъ формою производства, что единственною движущей силой въ исторіи являются матеріальные интересы людей". Въ такомъ утвержденіи, а ихъ немало, несомнѣнно ошибочно принята pars pro toto. Цѣннымъ въ книгѣ г. Гершензона мы признаемъ вдумчивый анализъ міровоззрѣній нѣсколькихъ дѣятелей прошлаго; но по существу религіозно-мистическую идею автора, какъ и идею славянофильства, нельзя считать доказуемою, еще менѣе—доказанною. Нравственная работа надъ собою и вліяніе на ближнихъ сами по себѣ позитивизмомъ вовсе

не отрицаются. Матеріализмъ и разсудочность, противъ которыхъ такъ ратуетъ г. Гершензонъ, могутъ быть серьезно и плодотворно критикуемы и съ позитивной точки зрѣнія, какъ и идея исключительнаго примата общественности надъ личностью. Съ другой стороны, подчеркиваемое самимъ г. Гершензономъ вырожденіе славянофильства показываетъ, что и при ожидаемомъ авторомъ торжествѣ религіозно-мистической идеи возможно созданіе церкви, состоящей изъ немногихъ подвижниковъ и толпы недостойныхъ, равнодушныхъ міранъ, подобно критикуемой имъ церкви „политическаго радикализма".

II.

— М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. Москва, 1909. Цѣна 1 руб.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны впечатлѣнія автора, вынесенныя имъ въ скитаніяхъ по ветлужскимъ и семеновскимъ лѣсамъ Костромской и Нижегородской губерній, при встрѣчахъ съ сектантами и старообрядцами разныхъ толковъ. Это—беллетристическіе наброски въ манерѣ импрессіонизма; временами они ярко рисуютъ отдѣльныя фигуры и настроенія, временами не удовлетворяютъ своею эскизностью и вычурностью. Градъ невидимый—это извѣстный Китежъ, скрытый въ водахъ озера Свѣтлояра (Нижегородской губерніи)—символъ религіозныхъ исканій народной души. Наброски г. Пришвина живо переносятъ насъ въ среду, гдѣ относительная свобода совѣсти, наступившая послѣ манифеста 17-го октября, вызвала наружу таившіяся въ глубинѣ религіозныя исканія и стремленія. Люди стремятся оформить и опредѣлить въявь свои долго гонимыя вѣрованія и смутные поиски правды. Авторъ не преслѣдовалъ цѣлей научнаго или богословскаго изслѣдованія предмета. Послѣднею причиной его путешествія въ страну раскольниковъ и сектантовъ были, по его словамъ, слышанные имъ диспуты на религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ и желаніе провѣрить, „что скажутъ о всемъ этомъ наши лѣсные мудрецы". И эта непритязательная цѣль лично для себя окунуться въ міръ непосредственной религіозной мысли, отсутствіе какой-либо предвзятости наблюденій, приводитъ автора къ тому, что онъ въ лѣсахъ находитъ то же, что и у людей столицы: психологическое разнообразіе въ пониманіи религіознаго смысла жизни. И въ то время, какъ апріорныя заключенія о народной духовной мысли (какъ въ книгѣ г. Гершензона) говорятъ, напр., о непримиримомъ качественномъ различіи между нравственнымъ міропониманіемъ народа и разсудочностью интеллигенціи, г. Пришвинъ, въ послѣдней главѣ, весьма

живо и психологически вполнѣ правдоподобно рисуетъ самобытно возникшее „согласіе“ немоляковъ, представляющее именно необъятный разгулъ обнаженной разсудочности. Эти простецы перелагаютъ Библію „на духъ“, вплоть до отрицанія существованія Христа, какъ человѣка, и въ то же время доходятъ до полнаго нравственнаго индифферентизма, который, съ одной стороны, признаетъ „за великій страхъ и грѣхъ обидѣть другого человѣка“, а съ другой отвѣчаетъ: „Подати платите?—Платимъ.—Въ солдатахъ служите?—Служимъ.—Если заставятъ повѣсить невиннаго человѣка?—Повѣсимъ. Потому—отдай богово богови, кесарево—кесареви. Это не мы повѣсимъ, а наши руки—по чужому приказу“.—Интересно, что немоляки эти состоятъ въ перепискѣ съ виднымъ столичнымъ „богоискателемъ“, въ которомъ сразу узнается извѣстный писатель. — Ч. В—ій.

III.

— Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. Ф. И. Шикуца. Подъ ред. В. И. Пржевалинскаго. Спб., 909. Ц. 2 р. 25 к.

Въ запискахъ г. Шикуца излагаются впечатлѣнія и происшествія каждаго дня, начиная съ прибытія автора въ Мукденъ, въ сентябрѣ 1904-го года, и до возвращенія въ Владивостокъ изъ японскаго плѣна, въ концѣ 1905-го года. Безыскусственный, правдивый тонъ записокъ придаетъ особую силу разсказываемымъ въ нихъ фактамъ, большею частью крайне печальнымъ. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ работниковъ, которые съ истиннымъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ исполняли свои трудныя обязанности въ рядахъ дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востокѣ во время русско-японской войны. Онъ никого не критикуетъ и не осуждаетъ, очень мало говоритъ о начальствѣ, спокойно сообщаетъ о разныхъ проявленіяхъ общей неурядицы, вполнѣ серьезно относится къ будничнымъ мелочамъ и приключеніямъ военно-походной жизни и не затрогиваетъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ, связанныхъ съ несчастнымъ ходомъ кампаніи.

Автору пришлось на первыхъ же порахъ быть свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ бѣгства и мародерства солдатъ послѣ неудачнаго дѣла съ японцами. Бѣжавшіе солдаты остановились въ большой китайской деревнѣ, набросились на винный заводъ, напились до положенія ризъ и принялись грабить дома, лавки и магазины. „Китайцы начали-было сопротивляться, но солдаты, въ возбужденіи бѣгства и опьяненія, стали стрѣлять по нимъ. Въ это время черезъ деревню проѣзжалъ

корпусный командиръ, генералъ С., и одна изъ пуль чуть не задѣла его; тогда стали кричать, что въ деревнѣ хунхузы и стрѣляютъ по генералу; тотъ погорячился и приказалъ бить всѣхъ хунхузовъ. Тутъ уже пьяные солдаты принялись избивать беззащитныхъ китайцевъ, не разбирая ни пола, ни возраста". Г. Шикуцъ сообщилъ объ этомъ своему полковому командиру; тотъ доложилъ генералу С., который тотчасъ же распорядился послать одну роту для усмиренія мародеровъ. Потребовались большія усилія, чтобы справиться съ этой шайкой безсмысленныхъ убійцъ. „Я самъ видѣлъ — разсказываетъ авторъ, — какъ нѣсколько дѣтишекъ были проткнуты штыками и выброшены черезъ окна на улицу; одна женщина искала спасенія на крышѣ, но безжалостные солдаты и тамъ достали и прокололи ее штыками. Душа содрогается при воспоминаніи объ этихъ звѣрствахъ. Чего только тамъ не было! Женщины и дѣти кувыркались на улицахъ, подымались, снова падали и плакали, кричали, стонали, молили о пощадѣ, но пощады не было; даже въ бездыханные трупы солдаты втыкали штыки и бросали ихъ въ озеро или, вѣрнѣе сказать, въ прудъ, который находился возлѣ завода. Когда повыгнали изъ деревни этихъ злодѣевъ, то у каждаго изъ нихъ оказались за плечами узлы и мѣшки, въ которыхъ былъ разный хламъ: шолкъ, чесунча, женскія и дѣтскія платья, а одинъ захватилъ даже мѣшокъ съ женской обувью".

Упадокъ дисциплины и склонность къ паническому страху не исключали, однако, отдѣльныхъ и даже массовыхъ проявленій геройства, хотя и безплоднаго. Въ одномъ мѣстѣ, отыскивая раненыхъ на полѣ битвы, авторъ увидѣлъ, что среди гаоляна стоятъ наши четыре зарядныхъ ящика и тутъ же, около убитыхъ лошадей, лежатъ „трупы солдатъ въ разныхъ позахъ, кто вверхъ, кто внизъ лицомъ, кто бокомъ, кто въ одиночку, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыми кучами другъ на другѣ; повидимому они стрѣляли подъ прикрытіемъ труповъ своихъ же товарищей..."; немного дальше оказались окопы, переполненные человѣческими тѣлами; они „лежали грудами, въ самыхъ страшныхъ, безпорядочныхъ позахъ, какъ сваленныя кучами дрова на тѣсныхъ дровяныхъ дворахъ". Замѣченный непріятелемъ, г. Шикуцъ едва успѣлъ укрыться отъ града японскихъ пуль за небольшимъ холмомъ. Между тѣмъ къ этому же возвышенію направлялись два орудія, чтобы прикрыть отступленіе нашихъ частей; „но лишь только артиллеристы хотѣли повернуть орудія дулами къ непріятелю, какъ наши солдаты пустились на утекъ. Командиръ полка соскочилъ съ лошади и вмѣстѣ съ прочими офицерами старался шашками и крикомъ остановить убѣгающихъ. Ротный командиръ капитанъ Р. схватилъ свалившійся съ плечъ дождевой плащъ и, размахивая имъ въ воздухѣ, сталъ бить имъ убѣгающихъ солдатъ. Но всѣ

старанія ихъ не привели ни къ чему, и всѣ разбѣжались въ разныя стороны". Вечеромъ того же дня высланные впередъ дозоры „чего-то испугались и бросились бѣжать назадъ: наша цѣпь въ темнотѣ приняла ихъ за японцевъ и открыла по нимъ огонь; одинъ добѣжалъ-было до окоповъ, крича: „свои, свои!"—но тутъ же былъ заколотъ штыками".

Такими эпизодами полны описанія боевыхъ дней при Шахэ и подъ Мукденомъ. „Боже мой, какой былъ тутъ ужасъ!—пишетъ г. Шикуцъ въ февралѣ 1905-го года:—раненыхъ несли безостановочно, и они непрерывно кричали, стонали, и все это сливалось въ какой-то мучительный вой. Трупы убитыхъ бойцовъ сбрасывались внизъ по крутому склону высокой сопки, и они, стремглавъ падая, по много разъ перевертывались въ воздухѣ, пока наконецъ не достигали дна ущелья, гдѣ и наваливались другъ на друга въ огромную и даже грандіозную кучу... А ночью что было! Солдаты по гребнямъ горъ камнями отбивали нападеніе японцевъ, кололи ихъ штыками, били прикладами, а они, какъ муравьи, лѣзли на верхъ, схватывались съ нашими солдатами и, сцѣпившись, вмѣстѣ сваливались внизъ съ горы. Массы убитыхъ японцевъ валялись кругомъ, какъ дрова, безпорядочными кучами". Послѣ страшныхъ, кровавыхъ усилій русскихъ войскъ появилась, наконецъ, надежда на успѣхъ. Утромъ 20-го февраля бой затихъ совсѣмъ—говоритъ авторъ,—„и мы всѣ обрадовались, что побѣдили врага и прогнали его обратно, почему всѣ стали кричать: ура, наша взяла! Противникъ отступилъ, и я вмѣстѣ съ другими пошелъ посмотрѣть японскія позиціи". На слѣдующій день было тихо, „и всѣ думали, что противникъ не въ силахъ болѣе бороться съ нами, и потому японцы ушли и мы скоро погонимъ ихъ назадъ къ Лаояну". Между тѣмъ „къ вечеру пришелъ приказъ, чтобы ночью какъ можно скорѣе отступить, потому что врагъ обошелъ насъ съ праваго фланга и идетъ на Мукденъ, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія. Господи, что тутъ было тогда!—восклицаетъ г. Шикуцъ.—Никто не вѣритъ; говорятъ, что это ошибка, и что вѣрнѣе всего, что надо наступать, а не отступать; но когда мы дождались ночи, то убѣдились, что дѣйствительно надо поскорѣе уходить. Всюду запылали громадными кострами склады запасовъ фуража и провіанта, и въ багровомъ свѣтѣ ихъ зарева солдаты съ ожесточеніемъ стали уничтожать свои землянки".

Жутко читать дальнѣйшій разсказъ о томъ ужасномъ зрѣлищѣ, какое представляла громадная, сѣрая масса безпорядочно отступающихъ войскъ. „Въ паническомъ страхѣ всѣ зачѣмъ-то бѣгали, суетились, кричали, орали, бранились, молились; одни запрягали повозки, другіе выпрягали ихъ,—словомъ, происходилъ какой-то хаосъ безсмы-

сленной сутолоки движенія,—и всюду горѣли громадные интендантскіе склады". Мародерскія нападенія на китайскія деревни усилились; русскимъ офицерамъ постоянно приходилось разбирать жалобы мѣстныхъ жителей на солдатъ-грабителей, при чемъ китайцы обнаруживали странное великодушіе и даже не принимали денегъ за убытки. Описывая одинъ такой случай, г. Шикуцъ разсказываетъ, что, видя расправу нѣкоторыхъ офицеровъ съ грабителями и желаніе отдать ихъ подъ судъ, китайцы упали на колѣни, просили простить виновныхъ и даже согласились взять деньги. „Намъ очень было неловко отъ всего этого,—замѣчаетъ авторъ,—и невольно казалось, что всѣ китайцы, и въ особенности офицеры, думаютъ: ну, нечего сказать, хороши русскіе солдаты! А еще христіане!"

Въ апрѣлѣ 1905-го года г. Шикуцъ былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ. Записки объ этомъ пребываніи въ плѣну у японцевъ занимаютъ вторую часть книги. Грустныя впечатлѣнія преобладаютъ и здѣсь: плѣнные солдаты и матросы, помѣщенные въ особыхъ баракахъ, предавались пьянству и азартнымъ играмъ, затѣвали жестокія драки и при отпускахъ въ городъ безъ конвоя безчинствовали, „бросались какъ звѣри на проходящихъ женщинъ" и т. п. Японцы мало-по-малу привыкли къ этимъ безобразіямъ и принимали противъ нихъ свои мѣры; они дѣйствовали вообще корректно, старательно ухаживали за больными и высказывали плѣннымъ свое сочувствіе. Въ ноябрѣ устроенъ былъ парадный обѣдъ въ честь вновь прибывшихъ русскихъ офицеровъ; послѣдніе были торжественно встрѣчены японскимъ генераломъ и его свитою, при орденахъ и въ полной парадной формѣ; генералъ произнесъ радушную привѣтственную рѣчь, и обѣдъ прошелъ весьма оживленно, при чемъ первый тостъ былъ за русскаго Государя. Хорошее настроеніе испортилось благодаря безтактности присутствовавшаго на обѣдѣ капитана генеральнаго штаба С.: онъ „вдругъ сталъ громко выражать свое неудовольствіе, говоря, что японцы его очень плохо лечили, плохо кормили, плохо за нимъ ухаживали и притѣсняли во всѣхъ отношеніяхъ". Японскій генералъ подошелъ тогда къ капитану С. и сказалъ: „если то, что вы говорите, правда, то я прошу простить и извинить меня, но этого не должно было быть, потому что я, по повелѣнію моего императора, приказывалъ моимъ подчиненнымъ лечить и ухаживать за вами какъ можно лучше". Весь обѣдъ былъ этимъ нѣсколько разстроенъ. Кончилось тѣмъ, что капитана С. увели въ его баракъ, а остальные продолжали выпивать... Тяжелое впечатлѣніе производятъ, вообще, „происшествія", записанныя въ интересномъ „Дневникѣ солдата". — Л. С.

IV.

— Н. Лосскій. Обоснованія интуитивизма. 2-е изданіе. Спб. 1908.

Въ этой книгѣ авторъ пытается построить новую теорію знанія, замѣнить эмпиризмъ интуитивизмомъ или, вѣрнѣе, поставить на мѣсто прежняго, индивидуалистическаго новый, универсалистическій эмпиризмъ. Онъ надѣется этимъ примирить вѣковѣчный споръ между эмпиризмомъ и раціонализмомъ о возможности познаванія дѣйствительности въ ея цѣломъ. Авторъ полагаетъ, что эмпиризмъ ошибочно отрицаетъ возможность такого познаванія. Ошибка эмпиризма состоитъ въ томъ, что онъ ограничиваетъ опытъ только чувственнымъ познаніемъ. Вѣрно то, что отношенія и связи, существующія между данными дѣйствительности, не могутъ быть познаны органами чувствъ; но они, тѣмъ не менѣе, такъ же непосредственно даны въ опытѣ, какъ и элементы чувственнаго познанія. Они именно познаются интуитивно. „Въ каждомъ актѣ воспріятія заключаются уже“, по мнѣнію автора, „нечувственные элементы — элементы иного порядка, чѣмъ ощущенія“. Наряду съ ощущеніями мы воспринимаемъ и единство ощущеній, и субстанціональную связь ощущеній, и функціональную зависимость. Такъ какъ всѣ эти элементы не могутъ быть познаны органами чувствъ, то они познаются, по мнѣнію автора, интуитивно, въ непосредственномъ актѣ воспріятія. Авторъ не считаетъ даже нужнымъ опровергать мнѣніе, что эти элементы не даны матеріаломъ опыта, а представляютъ собою продуктъ дѣятельности нашего мышленія. Авторъ объясняетъ широкое распространеніе такого взгляда только тѣмъ, что въ философіи укоренилось ошибочное представленіе о природѣ знанія. Всѣ философскія системы только потому отрицаютъ непосредственную наличность этихъ элементовъ въ опытѣ, что онѣ исходятъ изъ ложной предпосылки о разобщенности между знаніемъ и объектомъ знанія, между міромъ *я* и міромъ *не я*. Какъ раціоналисты, такъ и эмпиристы считаютъ, что объектъ знанія не входитъ цѣликомъ въ процессъ знанія, что познающій субъектъ фатально отдѣленъ отъ объекта знанія, что онъ можетъ узнать о немъ только по дѣйствіямъ послѣдняго на его *я* и, слѣдовательно, въ опытѣ, въ непосредственномъ процессѣ познанія даны только отдѣльные моменты объекта, но не объективная связь этихъ моментовъ между собою, не то, что охватываетъ и объединяетъ эти элементы въ одно цѣлое. Поэтому прежній эмпиризмъ долженъ былъ быть индивидуалистиченъ; онъ долженъ былъ считать, что въ опытѣ

мы получаемъ только отдѣльныя ощущенія отъ предмета, но цѣлое объекта не дано въ опытѣ. На самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію автора, мы непосредственно, интуитивно, мистически ощущаемъ все цѣлое дѣйствительности, ибо „объектъ знанія имманентенъ знанію, находится въ самомъ процессѣ знанія".

Утверждая такъ рѣшительно, что субстанціональныя связи функціональныя зависимости непосредственно ощущаются въ опытѣ, авторъ не только не считаетъ нужнымъ привести хоть одно доказательство въ пользу своихъ утвержденій: онъ даже не попытался анализировать природу этихъ сверхчувственныхъ, но тѣмъ не менѣе опытныхъ элементовъ—природу цѣлаго, субстанціональной связи, функціональной зависимости. Еслибы онъ это сдѣлалъ, онъ убѣдился бы, что вопросъ о разобщенности между міромъ *я* и міромъ *не я*, который онъ считаетъ кардинальнымъ вопросомъ всей философіи, въ сущности занимаетъ теперь довольно скромное мѣсто въ психологіи. Онъ непосредственно интересуетъ лишь субъективнаго идеалиста, признающаго только міръ своихъ представленій и отрицающаго существованіе внѣшняго міра. Вообще мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ отдаленнѣйшихъ выводовъ каждой философской системы, а отнюдь не съ исходнымъ пунктомъ всей философіи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже согласимся съ увѣреніями мистическаго интуитивизма, что цѣлое объекта непосредственно ощущается въ опытѣ, какъ сверхчувственный элементъ, то гдѣ гарантія того, что это цѣлое, которое мы интуитивно познаемъ, обладаетъ тѣми же свойствами цѣлаго, субстанціональной и причинной связи, которыя составляютъ задачу и проблему философіи? И дѣйствительно, авторъ, не смотря на свою теорію знанія, рѣшительно порывающую со всѣми философскими традиціями, ничего новаго не открываетъ, не подвигаетъ ни на іоту разрѣшеніе хоть какой бы то ни было философской проблемы. Все недоразумѣніе между авторомъ и другими философами, какъ эмпиристами, такъ и раціоналистами, вытекаетъ изъ смѣшенія того кажущагося единства, въ какомъ хаотическая дѣйствительность намъ первоначально представляется, съ тѣмъ единствомъ, которое научное и философское знаніе стремится открыть въ дѣйствительности. Это недоразумѣніе выступаетъ наиболѣе рельефно, когда авторъ переходитъ отъ предпосылокъ знанія къ развитію самой теоріи знанія. Онъ старается быть послѣдовательнымъ и рѣшительно отрицаетъ всѣ синтетическіе процессы знанія, всякую творческую дѣятельность мышленія. Онъ до того увѣренъ, что все цѣлое дѣйствительности уже дано въ первоначальномъ актѣ непосредственнаго воспріятія, что у него даже возникаетъ вопросъ, въ чемъ же состоитъ дальнѣйшая дѣятельность знанія? Ограничивая роль знанія дифференціацією объекта, авторъ

надѣется сохранить свою предпосылку, что цѣлое дѣйствительности присутствуетъ въ опытѣ, что оно дано раньше частей, что части представляютъ собою только дифференцированные моменты цѣлаго. Онъ не замѣчаетъ, что сквозь дѣятельность сравниванія, которую онъ всетаки оставляетъ за познаваніемъ, прорываются синтетическіе процессы мышленія и безжалостно разрушаютъ предпосылку интуитивизма. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь процессъ сравниванія предполагаетъ установленіе новаго единства между данными дѣйствительности, которыя непосредственно даны въ разрозненномъ и разбросанномъ видѣ, и, слѣдовательно, это новое единство не дано въ актѣ непосредственнаго воспріятія. А между тѣмъ, вся проблема философіи и науки состоитъ именно въ выясненіи природы, характера, основанія и сферы компетенціи этого новаго единства, которое въ процессѣ познаванія устанавливается между разбросанными и разрозненными данными дѣйствительности. И какъ разъ на вопросъ о природѣ этого единства теорія интуитивизма не даетъ никакого отвѣта. Болѣе того: авторъ не выясняетъ даже всей глубокой разницы, существующей между единствомъ недифференцированной дѣйствительности и тѣмъ единствомъ, которое научное и философское знаніе ищетъ въ дѣйствительности. Недифференцированная дѣйствительность не объединяетъ своихъ частей; она *состоитъ* изъ нихъ, она составлена изъ элементовъ, которые не связаны между собою. Не смотря на кажущееся единство, она въ сущности раздѣльна, разрознена и разбросана, и потому подлежитъ дифференціаціи. Совершенно другое—то единство, которое составляетъ идеалъ науки: оно объединяетъ свои части, связываетъ ихъ связью логической и причинной необходимости. Основная проблема знанія состоитъ, поэтому, не въ дифференціаціи дѣйствительности, а въ замѣнѣ случайной связи, въ которой данныя дѣйствительности первоначально представляются намъ, ихъ имманентною, логическою причинною связью. И если даже согласиться съ авторомъ, что объектъ знанія имманентенъ знанію, то самое знаніе слѣдуетъ разсматривать не какъ нѣчто непосредственное, а какъ дѣятельность, какъ процессъ.—С. О. Марголинъ.

V.

— Вліяніе урожаевъ въ связи съ другими экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи. Изслѣдованіе С. А. Первушина. Москва, 1909.

„Настоящая работа имѣетъ своей цѣлью прослѣдить связь между высотой потребленія спиртныхъ напитковъ и высотой экономическаго

положенія населенія"—такъ начинается книга, о которой мы ведемъ рѣчь; но мы должны замѣтить, что заголовокъ изслѣдованія С. А. Первушина, въ которомъ на первый планъ ставится вліяніе урожаевъ, точнѣе опредѣляетъ содержаніе разсматриваемаго нами труда. Книга г. Первушина имѣетъ характеръ статистическаго изслѣдованія; рѣшенія поставленной задачи авторъ достигаетъ, сопоставляя душевое потребленіе вина съ различными другими явленіями, частью составляющими послѣдствіе (брачность, рождаемость, смертность, поступленіе окладныхъ сборовъ), частью—причину того или иного уровня экономической состоятельности населенія (урожай и цѣна хлѣбовъ, высота заработной платы и др.). Въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ преобладающимъ факторомъ являются урожаи хлѣбовъ; въ полуземледѣльческой, Екатеринославской губерніи до половины истекшаго десятилѣтія преобладало вліяніе урожаевъ, въ послѣдующее же время вліяніе урожаевъ болѣе или менѣе парализовалось развитіемъ горнозаводской промышленности; въ промышленномъ районѣ наряду съ урожаями хлѣбовъ, конкурируя съ ними въ качествѣ опредѣляющаго фактора, выступаетъ состояніе обрабатывающей промышленности: въ Бессарабіи — урожаи винограда, въ Минской губерніи—лѣсные промыслы и торговля. Перечисленные факторы вліяютъ на потребленіе населеніемъ вина, повышая или понижая матеріальное его благосостояніе: повышеніе благосостоянія увеличиваетъ потребленіе вина; пониженіе его—уменьшаетъ. Въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи за длинный періодъ времени потребленіе населеніемъ вина понижается. „Этому пониженію соотвѣтствовало прогрессивное оскудѣніе деревни, ростъ недоимокъ, уменьшеніе количества рабочихъ лошадей и крупнаго рогатаго скота, увеличеніе процента забракованныхъ при наборѣ". Но въ этомъ паденіи потребленія вина наблюдаются колебанія, находящіяся въ совершенно явной зависимости отъ колебанія урожаевъ.

Авторъ усиленно подчеркиваетъ прямую зависимость потребленія вина отъ высоты матеріальнаго благосостоянія населенія, въ виду того, что существуетъ ученіе объ обратной зависимости этихъ явленій. Чѣмъ человѣкъ беднѣе, тѣмъ больше онъ пропиваетъ, тѣмъ больше расходуетъ на вино—говорятъ послѣдователи этой теоріи. Это утвержденіе побудило г. Первушина дополнить свое статико-динамическое изслѣдованіе изслѣдованіемъ статистическимъ, разсмотрѣніемъ бюджетныхъ данныхъ земской статистики, допускающихъ сопоставленіе высоты потребленія крестьянами вина съ хозяйственнымъ ихъ положеніемъ. Совокупность изслѣдованія динамики и статики потребленія народомъ вина приводитъ автора къ заключенію, что послѣднее не находится въ исключительной прямой зависимости отъ высоты матеріальнаго благосостоянія населенія. Потребленіе вина усили-

вается также подъ вліяніемъ разслоенія крестьянства, развитія отхожихъ промысловъ. Насколько неурожаи усиливаютъ эти процессы, они содѣйствуютъ росту потребленія. „Вліяніе урожая — говоритъ авторъ—есть равнодѣйствующая самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко взаимно противоположныхъ (прямыхъ и косвенныхъ) его вліяній; этимъ разнообразіемъ и объясняется непропорціональная часто колебаніямъ урожая интенсивность колебаній душевого потребленія вина".

Разсматриваемое нами изслѣдованіе вышло изъ статистическаго семинарія при юридическомъ факультетѣ московскаго университета и выполнено подъ редакціей профессора Каблукова. Въ предисловіи къ этому изслѣдованію Н. Л. Каблуковъ замѣчаетъ, что примѣненный С. А. Первушинымъ пріемъ изученія потребленія вина по хозяйственнымъ районамъ—помимо служенія прямой цѣли изслѣдованія—имѣетъ еще то значеніе, что „читатель знакомится съ экономическими условіями различныхъ мѣстностей". До извѣстной степени это справедливо, и данное обстоятельство еще усиливаетъ значеніе и безъ того интереснаго труда молодого статистика.

VI.

— А. Гудванъ. Въ царствѣ тьмы и эксплоатаціи. Спб. 1909.

Приказчики, вмѣстѣ съ учениками-ремесленниками, составляютъ, кажется, самый заброшенный и угнетенный классъ рабочаго населенія Россіи. Не смотря на то, что численность этого класса недалека отъ двухъ милліоновъ, до самаго послѣдняго времени его не касались ни рабочее законодательство, ни профессіональныя организаціи; а стачки—путемъ которыхъ всетаки кое-что достигалось даже неорганизованными фабрично-заводскими рабочими,—вслѣдствіе малочисленности служащихъ въ отдѣльныхъ торговыхъ заведеніяхъ и отсутствія сколько-нибудь близкой связи между ними, въ области приказчичьяго труда не могли имѣть замѣтнаго распространенія. Законодательство отдавало приказчика въ полную власть его хозяина, который имѣлъ право наказывать розгами малолѣтнихъ сидѣльцевъ, „унимать домашнею строгостью" взрослаго приказчика за безпорядочную жизнь, не заплатить ему жалованья, если не заключено письменнаго договора о наймѣ, и т. п. Только въ періодъ освободительнаго движенія приказчики нѣсколько улучшили свое положеніе, добиваясь во многихъ городахъ сокращенія рабочаго дня, воскреснаго отдыха, увеличенія вознагражденія за трудъ, третейскаго суда для разбора недоразумѣній между служащими и хозяевами и т. п. А послѣ того и съ цѣлью расположить къ правитель-

ству многочисленный классъ приказчиковъ-избирателей, наканунѣ выборовъ во вторую Государственную Думу, 15 ноября 1906 г., изданы были временныя правила объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ. Правила эти вступали въ силу путемъ обязательныхъ постановленій, вырабатываемыхъ особыми смѣшанными коммиссіями, проходящихъ черезъ городскія думы и утверждаемыхъ губернаторами. За немногими исключеніями, они остались безъ примѣненія.

Результаты работъ смѣшанныхъ коммиссій въ 70-ти городахъ сгруппированы въ книжкѣ, указанной въ заголовкѣ настоящей замѣтки; но главное содержаніе труда г. Гудвана, извѣстнаго и другими работами въ области приказчичьяго вопроса, заключается въ изложеніи результатовъ анкеты о положеніи петербургскихъ торговыхъ служащихъ, произведенной самимъ г. Гудваномъ и правленіями четырехъ мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ.

Наша невская столица, съ ея 150-ти-тысячнымъ приказчичьимъ населеніемъ, отличается самымъ неудовлетворительнымъ положеніемъ торговыхъ служащихъ. Отчасти объясняется это тѣмъ, что ни въ какомъ другомъ городѣ не существуетъ такого высокаго среди торговыхъ служащихъ процента малолѣтнихъ (около 50%), какъ въ Петербургѣ, пріобрѣтаемыхъ хозяевами путемъ формальной купли. Особые перекупщики въ зимніе мѣсяцы, „мѣсяцы наибольшаго голода, объѣзжаютъ обнищалыя деревни, собираютъ деревенскихъ мальчиковъ 8—10 лѣтъ и опредѣляютъ ихъ на службу въ магазины рынковъ, не справляясь ни съ волею дѣтей, ни съ волею ихъ родителей“. Оторванный отъ семьи, мальчикъ попадаетъ, такимъ образомъ, въ полное распоряженіе купившаго, подвергается страшной эксплуатаціи, исполняетъ и торговыя, и домашнія дѣла хозяина, работая подчасъ 18—19 часовъ въ сутки, и съ трудомъ можетъ быть вырванъ изъ цѣпкихъ рукъ хозяина даже при упорномъ стремленіи къ тому его родителей. Въ одномъ случаѣ такой борьбы родителя за сына, дошедшемъ до профессіональнаго союза, торговецъ оправдывалъ свое требованіе съ отца купленнаго имъ мальчика 625 р. тѣмъ, что ему, какъ другимъ торговцамъ, приходится платить за мальчиковъ барышникамъ большія деньги.

Другимъ особенно темнымъ пятномъ на фонѣ приказчичьяго быта Петербурга является положеніе женщины-приказчицы. Жалованье она получаетъ въ среднемъ 16—17 р. въ мѣсяцъ—вдвое меньше приказчика-мужчины. На эти деньги она должна не только существовать, но и быть особенно прилично одѣтой на службѣ, продолжающейся бо̀льшую половину сутокъ. Очевидно, что жалованья на все это не хватаетъ, и приказчицѣ приходится заботиться о стороннихъ доходахъ.

Нетрудно догадаться, гдѣ всего скорѣе она найдетъ таковые. „Приказчики насъ всѣхъ считаютъ проститутками—сообщаетъ, напр., продавщица готоваго платья въ Ново-Александровскомъ рынкѣ.—И дѣйствительно, ни одной честной дѣвушки почти нѣтъ въ этомъ рынкѣ. Первый вопросъ хозяина или управляющаго магазиномъ, когда просишься на службу—а не щекотлива ли? Состроишь глазки или двусмыслено кивнешь головой, получишь службу. Не согласишься—службы не видать, какъ своихъ ушей. До тѣхъ поръ, пока „затяжелѣешь", хозяинъ за тобой ухаживаетъ и деньги во-время платитъ, и любезенъ, и подарки даетъ. Стоитъ же „затяжелѣть", какъ онъ отвернется или совсѣмъ выгонитъ со службы. Послѣ этого тебѣ одна широкая, проторенная дорога, пока не заболѣешь и не сляжешь въ больницу". Конторщица получаетъ больше; но и здѣсь „большинство неустойчивыхъ дѣвушекъ постепенно слѣдуютъ за приказчицами. Вечерними прогулками пополняется бюджетъ многихъ конторщицъ, кассиршъ и другихъ служащихъ". „Главное зло наше—пишетъ конторщица—заключается въ томъ, что хорошо оплачиваемую службу въ банкахъ, напримѣръ, рѣдко достанешь безъ предварительной взятки натурой директору, управляющему или кому другому... Не одна дѣвушка кончаетъ счеты съ жизнью изъ-за этого!"

Положеніе мужчинъ-служащихъ тоже незавидно. „Нигдѣ, почти ни въ одномъ городѣ Россіи трудъ торговыхъ служащихъ такъ не эксплоатируется, какъ въ Петербургѣ". Еще десять лѣтъ назадъ среднiй рабочiй день приказчиковъ въ Москвѣ, Нижнемъ и въ другихъ городахъ колебался между 10 и 14 часами; въ Петербургѣ въ настоящее время онъ равняется почти $14^1/_2$ часамъ; среднее жалованье приказчика въ Петербургѣ 32 р. въ мѣсяцъ. Обѣдаютъ приказчики между дѣломъ, и въ большинствѣ случаевъ колбасой, селедкой, чаемъ съ хлѣбомъ. На одну компату хозяйскихъ квартиръ, гдѣ они обитаютъ, приходится больше пяти человѣкъ; $^2/_3$ этихъ квартиръ сыры, почти половина—холодны; всего неудобныхъ квартиръ около 98%. $^3/_4$ служащихъ, вслѣдствіе этого, страдаютъ ревматизмомъ, 70%—желудочными болѣзнями, $^1/_3$ часть—нервными; въ среднемъ на каждаго служащаго приходится $2^1/_4$ болѣзни—больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ Россіи. Духовный уровень петербургскаго приказчика соотвѣтствуетъ его матеріальному положенію. Приказчики, по словамъ одного изъ нихъ, „кромѣ трактира и дѣвушекъ, ничего не знаютъ и долго еще знать не будутъ".

VII.

— А. П. Болобанъ. Земледѣліе и хлѣбопромышленность Сѣверной Маньчжуріи. Харбинъ, 1909.

Эта книга явилась результатомъ изслѣдованія хлѣбной производительности той части Маньчжуріи, которая находится въ сферѣ русскаго вліянія—изслѣдованія, предпринятаго А. П. Болобаномъ по порученію управляющаго Китайской Восточной желѣзной дороги. Задача изслѣдованія имѣла, такимъ образомъ, чисто практическій, коммерческій характеръ. Своей книгой авторъ имѣетъ въ виду принести „посильную помощь русскому коммерческому міру; Маньчжурія находится въ данный моментъ въ періодѣ выступленія на міровой хлѣбный рынокъ, и главными руководителями и иниціаторами въ этомъ выступленіи должны быть русскіе коммерсанты“. Сообразно такой задачѣ, въ книгѣ почти вовсе отсутствуютъ обще-экономическія и соціальныя данныя, и она имѣетъ скорѣе справочный характеръ, заключая цифровыя свѣдѣнія о добычѣ и переработкѣ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ каждой провинціи района изслѣдованій и указаніе на главнѣйшія промышленныя фирмы.

Почти всѣ многочисленныя данныя собраны авторомъ на мѣстахъ; литературные источники, даже новѣйшіе, мало дали ему годнаго матеріала, потому что изслѣдуемая страна „за послѣднія 4 — 5 лѣтъ совершенно измѣнила свою физіономію“, и данныя, собранныя даже въ началѣ текущаго столѣтія, являются уже устарѣлыми. Другой вопросъ, конечно, въ томъ, насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности и тѣ свѣдѣнія, которыя собраны г. Болобаномъ. Самъ авторъ очень высокаго о нихъ мнѣнія и только допускаетъ, что въ его книгѣ, „какъ во всякомъ трудѣ, *могутъ* найтись свои несовершенства и ошибки“. „Хорошее отношеніе китайскаго населенія къ иностранцу, говорящему по-китайски и пріѣхавшему безъ оберегающихъ его солдатъ, давали мнѣ возможность установить *самую точную* цифру“ — говоритъ онъ, напр., о своихъ данныхъ относительно урожаевъ. По опыту же русской статистики мы знаемъ, какъ трудно установить точную цифру урожая, даже собирая данныя среди своего собственнаго, а не чужого населенія.—Въ разсматриваемой книгѣ имѣется, между прочимъ, очеркъ новѣйшихъ мѣропріятій по заселенію Маньчжуріи китайцами.—В. В.

VIII.

— Walter Schücking. Die Organisation der Welt. Лейпцигъ, 1909.
— Alfred H. Fried. Das internationale Leben der Gegenwart. Лейпцигъ, 1908.
— Karl v. Stengel. Weltstaat und Friedensproblem. Берлинъ, 1909.

Характеръ современной международной жизни мало извѣстенъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Весьма полезна, поэтому, небольшая, но содержательная книжка Фрида, которая по справедливости названа Vademecum'омъ интернаціонализма. Около десяти лѣтъ авторъ редактируетъ ежемѣсячный органъ: „Die Friedenswarte", специально посвященный разработкѣ пацифизма, а съ 1904 г.—и „Annuaire de la vie internationale", издаваемый „международнымъ институтомъ мира". Естественно, поэтому, что составленіе перваго „руководства" по интернаціональному міру выпало на его долю. Лучшаго руководителя въ этой области врядъ ли можно найти. То же самое приходится сказать о профессорѣ марбургскаго университета Шюкингѣ, поскольку рѣчь идетъ объ исторіи и юридическомъ построеніи международнаго движенія. Въ его небольшой, просто и живо написанной брошюрѣ сказываются большая эрудиція и настоящій энтузіазмъ.

Книга Фрида начинается съ обзора тѣхъ переворотовъ, которые произвела техника въ жизни народовъ. На основаніи цифръ, рисующихъ развитіе желѣзнодорожнаго, пароходнаго, почтоваго, телеграфнаго, телефоннаго дѣла, а равно и торгово-промышленнаго оборота, авторъ даетъ картину современнаго международнаго общенія, достигшаго довольно высокой степени интенсивности. Дальше идетъ характеристика сущности современнаго интернаціонализма и указаніе его естественныхъ предѣловъ. По убѣжденію Фрида, интернаціонализмъ—не „идеологическое" движеніе: основой его являются *матеріальные интересы*, которые и обезпечиваютъ конечную его побѣду. Интернаціонализмъ далекъ отъ былого космополитизма, строившаго свои идеалы на чисто умозрительныхъ началахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ дѣйствительнымъ развитіемъ жизни. Космополитизмъ исключалъ національность; интернаціонализмъ ее предполагаетъ. Безъ націонализма не можетъ быть и интернаціонализма. Интернаціонализмъ—это „облагороженный націонализмъ". Сознаніе принадлежности къ міровой семьѣ не исключаетъ чувства любви къ родинѣ, какъ послѣдняя не исключаетъ любви къ семьѣ.—Остальная часть книги посвящена обзору интернаціональныхъ организацій, ихъ возникновенія, развитія и современнаго положенія. Этотъ обзоръ составленъ черезчуръ бѣгло, въ особенности насколько онъ касается учрежденій

частнаго характера. Мощное развитіе международныхъ профессіональныхъ и политическихъ организацій пролетаріата, имѣющее, какъ это правильно отмѣчаетъ Шюкингъ, огромное значеніе для интернаціонализма, обрисовано у Фрида слишкомъ слабыми штрихами.

Въ противоположность Фриду, интересующемуся по преимуществу современностью, Шюкингъ останавливается главнымъ образомъ на *историческомъ* развитіи международной идеи. Авторъ разсматриваетъ попытки созданія міровыхъ царствъ въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка, въ новѣйшее время, и даетъ характеристику важнѣйшихъ теорій, признающихъ необходимость міровыхъ организацій въ интересахъ мира и культурнаго преуспѣянія. Нѣмецкіе ученые, по мнѣнію Шюкинга, крайне отстали въ разработкѣ интернаціонализма отъ ученыхъ другихъ странъ.

Примѣромъ такой отсталости можетъ служить книга мюнхенскаго профессора фонъ-Штенгеля. Онъ занимаетъ въ ученомъ мірѣ довольно видное положеніе и, какъ спеціалистъ по правовымъ вопросамъ, былъ посланъ на первую „мирную конференцію“, состоявшуюся въ 1899 г. въ Гаагѣ. Это обстоятельство заставило общественное мнѣніе Германіи обратить на книгу мюнхенскаго профессора особое вниманіе. Въ ней сказываются взгляды, свойственные многимъ въ оффиціальныхъ сферахъ страны. По этой же причинѣ она интересна и для насъ, русскихъ. Начавъ съ опредѣленія понятія международнаго права и отмѣтивъ, что основаніемъ его является суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, Штенгель переходитъ къ очерку исторіи идеи вѣчнаго мира, послѣ чего излагаетъ и обсуждаетъ работы обѣихъ мирныхъ конференцій. Основная идея Штенгеля—вредъ пацифизма и спасительное значеніе войны. Пацифизмъ стремится къ уничтоженію независимости отдѣльныхъ государствъ, т.-е. къ устраненію главной основы современнаго международнаго права. Пацифизмъ, далѣе, борется противъ „національнаго чувства“ (nationale Gesinnung) и убиваетъ воинственный духъ народа. Онъ вреденъ еще и потому, что въ своемъ стремленіи къ миру не останавливается передъ союзомъ съ соціализмомъ. Для Германіи, по мнѣнію Штенгеля, онъ вреденъ вдвойнѣ. Положеніе Германіи среди народовъ таково, что ей въ особенности необходимо развивать воинственный духъ своихъ гражданъ. „Feinde ringsum“ (кругомъ враги) — вотъ какова ситуація, въ которой находится германская имперія. Именно поэтому она не можетъ уменьшить свою армію, не можетъ убавить число своихъ броненосцевъ и не должна брать на себя обязательства обращаться къ третейскому суду для разрѣшенія возможныхъ конфликтовъ съ другими государствами. Изъ несомнѣннаго факта, что войны въ свое время служили культурному прогрессу, приводя народы въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и

толкая на путь всякихъ изобрѣтеній, Штенгель заключаетъ, что таково будетъ значеніе войны и впредь. Онъ не замѣчаетъ, что человѣчество выработало уже другіе методы и другія средства для достиженія тѣхъ же цѣлей.

IX.

— Dr. Paul Rohrbach. Deutschland unter den Weltvölkern. 2-ое изд. Берлинъ-Шенебергъ, 1908.
— Dr. Paul Rohrbach. Das politische Krisengebiet Europas im Jahre 1908—09. Берлинъ-Шенебергъ, 1909.

Живо и интересно написанное первое изъ названныхъ сочиненій носитъ подзаголовокъ: „Матеріалы для внѣшней политики“. Хотя „матеріалы“ эти предназначены для нѣмцевъ, но большую пользу извлечетъ изъ нихъ всякій, кто интересуется международными политическими вопросами. По своему школьному образованію, авторъ—теологъ. Но это не помѣшало ему, какъ и его учителю, пастору Науманну, пріобрѣсти широкія познанія въ области свѣтскихъ наукъ. Онъ много путешествовалъ, и его путевыя записки принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ этого рода. То же самое можно сказать объ объемистомъ его трудѣ по колоніальной политикѣ Германіи (пока вышелъ только первый томъ: „Südwest-Afrika“), съ которой онъ практически ознакомился въ качествѣ правительственнаго коммиссара юго-западной африканской колоніи.

Въ разбираемой нами книгѣ авторъ рисуетъ прежде всего тѣ матеріальныя перемѣны, которыя Германія испытала со времени созданія имперіи. „Новая“ Германія, населенная въ полтора раза плотнѣе, нежели „старая“ (въ 1871 г.—41,1, въ 1908 г.—свыше 60 милліоновъ жителей), находится въ очень затруднительномъ, если не опасномъ положеніи. Старая Германія не нуждалась въ международномъ рынкѣ въ такой мѣрѣ, какъ новая, а удовлетвореніе этой нужды возможно лишь до тѣхъ поръ, пока роль страны въ международномъ концертѣ въ достаточной степени внушительна. Для этого необходимы могущественная армія и не менѣе могущественный флотъ. Авторъ обстоятельно разсматриваетъ внутреннее и внѣшнее положеніе Россіи, Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Австро-Венгріи, Балканскихъ государствъ, Турціи, Америки и странъ дальняго Востока, останавливаясь, въ заключеніе, на „путяхъ и цѣляхъ“ нѣмецкой внѣшней политики. Вся книга, написанная на основаніи обширнаго фактическаго матеріала, читается безъ утомленія и скуки. Большое мѣсто отведено Россіи. Рорбахъ знаетъ русскій языкъ и знакомъ—

хотя, повидимому, недостаточно,—съ русской литературой. Благодаря этому, его отзывы о Россіи пользуются въ Германіи особымъ авторитетомъ. Правильно находя, что центральнымъ пунктомъ россійской жизни является аграрный вопросъ, авторъ подробно выясняетъ сущность этого вопроса. Онъ стоитъ всецѣло на сторонѣ правительственной аграрной политики и никакъ не можетъ понять идеи дополнительнаго надѣленія землей. Финансовое положеніе Россіи представляется ему безнадежнымъ. Въ ближайшемъ будущемъ онъ ожидаетъ пріостановки платежей и предостерегаетъ, поэтому, отъ дальнѣйшаго снабженія Россіи деньгами. Международное положеніе Россіи, по его мнѣнію, такъ слабо, что она не въ состояніи оказать серьезное вліяніе на ходъ „высшей политики". Теперешній моментъ онъ не считаетъ началомъ мирнаго развитія. Спасти Россію отъ революціи можетъ только правительство, обладающее моральнымъ авторитетомъ. Рорбахъ довѣряетъ прозорливости г. Столыпина, но сомнѣвается въ его силѣ. Заканчиваетъ онъ слѣдующими интересными замѣчаніями: „Мы, нѣмцы, заинтересованы въ русскихъ дѣлахъ главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, чтобы Россія снова получила политическую и хозяйственную устойчивость и снова заняла подобающее ей мѣсто въ кругу міровыхъ государствъ. Реформы, могущія привести Россію къ этому, нельзя было бы назвать дорого стоющими даже въ случаѣ неизбѣжныхъ при государственномъ банкротствѣ потерь нѣмецкаго капитала. Намъ вообще придется привыкнуть къ мысли, что финансовая и хозяйственная реформа Россіи невозможна безъ предварительной редукціи ея обязательствъ по отношенію къ другимъ странамъ. Вопросъ только въ томъ, возможна ли еще въ Россіи реформа безъ революціи?"

Второе изъ отмѣченныхъ выше сочиненій Рорбаха представляетъ собою дополненіе къ первому и заключаетъ въ себѣ бѣглый обзоръ событій международнаго характера, имѣвшихъ мѣсто въ промежуткѣ между апрѣлемъ 1908 и маемъ 1909 г.—Р. Ст.

Въ теченіе декабря мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андреевъ, Леонидъ.—Собраніе сочиненій. Т. VII. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ардашевъ, П. Н. — Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова. Томъ V. Часть I и II. Спб., 1910 г. Цѣна первой части — 1 р. 40 к., второй части—1 р. 50 коп.

Бернгеймъ, Эрнстъ. — Философія исторіи, ея исторія и задачи. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Богдановъ, А.—Паденіе великаго фетишизма (Современный кризисъ идеологіи). Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вельгаузенъ, Ю. — Введеніе въ исторію Израиля. Спб., 1909 г. Цѣна 3 р.

Веселовскій, Алексѣй. — Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Четвертое дополненное изданіе. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Винниченко, В.—Третя книжка оповіданнів. Київ, 1910 р. Ціна 80 коп.

Вознесенскій, А.—Хохотъ. Піеса въ 4 дѣйствіяхъ. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Гамсунъ, Кнутъ.—Царица Тамара. Подъ полумѣсяцемъ. Пер. К. Д. Бальмонта. Собраніе сочиненій, т. X. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Геффдингъ.—Учебникъ исторіи новой философіи. Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго Б. Г. Столпнера, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Гнѣдичъ, П. П.—Песьи мухи. Томъ II. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гординъ, Владиміръ. — Одинокіе люди. Разсказъ, Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Городецкій, Сергѣй.—Русь. Пѣсни и думы. Москва, 1910 г. Цѣна 15 коп.

Гофманъ, Викторъ.—Искусъ. Новые стихи. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Григорьева, О. — Петина тетрадка. Съ рисунками Е. Клейна. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Д'Аннунціо, Габріэле.—Огонь. Пер. съ итал. Е. Барсовой. Полное собраніе сочиненій, т. I. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Неповинный. Пер. М. Ватсонъ. Собраніе сочиненій т. II. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Дашкевичъ, Л.—Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Джемсъ, Вильямъ.—Многообразіе религіознаго опыта. Пер. съ англ. В. Г. Малахіевой-Мировичъ и М. В. Шикъ, подъ ред. С. В. Лурье. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Добролюбовъ, Н. А.—Избранныя произведенія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Елачичъ, Евгеній. — Крайній сѣверъ, какъ родина человѣчества. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Животовъ, И. — Клочья нервовъ. Собраніе стихотвореній. Книга I. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Журавлевъ, Борисъ. — Хозяева. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Каменскій, Анатолій.—Люди. Романъ. Спб. 1910 г. Цѣна 1 р.

Каменскій, П. В. — Врачеваніе бѣдности. Опытъ историческаго изслѣдованія. Часть первая. Москва, 1909 г.

——— Вѣроисповѣдные и церковные вопросы въ Государственной Думѣ третьяго созыва и отношеніе къ нимъ „Союза 17 октября“. Москва, 1909 г.

——— Значеніе торгово-промышленныхъ трестовъ на Западѣ и у насъ. Москва, 1909 г. Цѣна 40 коп.

Кауфманъ, А. А.—Теорія статистики. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Каценеленбаумъ, З. С.—Меліорація, меліоративныя товарищества и меліоративный кредитъ въ Россіи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Котляревскій, С. А.—Правовое государство и внѣшняя политика. Москва, 1909 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Лагерлефъ, Сельма. — Чудесное путешествіе на гусяхъ. Часть I. Пер. А. Койранскаго. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Лоти, П.—Госпожа Хризантемъ. Переводъ В. М. Коршъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Лундбергъ, Евгеній.—Мои скитанія. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 75 коп.

——— Разсказы. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 75 коп.

Манчжурецъ. — Русская казнь на Китайской дорогѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Милицына, Е. — Разсказы. Томъ I и II. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Мишель, Анри.—Идея государства. Пер. съ французскаго П. Рождественскаго, подъ ред. А. Рождественскаго. Москва, 1909 г. Цѣна 3 р.

Могучій, Николай.—Штрихи углемъ. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Никитинъ, Е. В. — Наканунѣ реформы среднихъ школъ. Томскъ, 1909 г. Цѣна 40 коп.

Обуховъ, А. М. — Народное образованіе въ Мюнхенѣ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Паульсенъ, Фридрихъ.—Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи. Пер. подъ ред. Н. В. Сперанскаго. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Подоходскій, Константинъ.—Безволіе. Москва, 1910 г. Цѣна 35 коп.

Поповъ, К. М., врачъ.—Очерки душевной гигіены. Вып. I. Религія. Харьковъ, 1909 г. Цѣна 65 коп.

Рамзай, Вилльямсъ.—Новѣйшая химія. Съ разрѣшенія и съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Пер. С. Северинова и Е. Меншикова, подъ ред. Л. А. Чугаева. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Ремизовъ, Алексѣй.—Разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сальковскій, К., проф.—Институціи. Основы системы и исторіи римскаго гражданскаго права. Съ 9-го нѣмецкаго изданія, обработаннаго проф. Отто Ленелемъ, пер. В. В. Карпека. Кіевъ, 1910 г., Цѣна 2 р. 75 коп.

Стриндбергъ, А.—Швейцарскія новеллы. Передъ смертью. Узы. Сочиненія, т. VI. Цѣна 1 р.

Струве, Алекс.—Надъ моремъ. Драма. Москва, 1909 г.

Тимофеевъ, М. И.—Азбука. Одесса, 1910 г. Цѣна 25 коп.

Успенскій, П. Д.—Четвертое измѣреніе. Опытъ изслѣдованія области неизмѣримаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Ягодинскій, Ив. Ив. Генетическій методъ въ логикѣ. Казань, 1909 г. Цѣна 2 р.

Черный, Федоръ.—Тѣни жизни. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Шницлеръ, А.—Графиня Мицци. Пьеро. Изд. 2. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ. Подъ ред. Ю. В. Готье. Изд. „Памятники русской исторіи". Москва, 1909 г. Цѣна 50 коп.

— Альманахи для всѣхъ. Изд-во „Разумъ". Книжка II. Труженики. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составили Стэллинъ и К. Ганъ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

— Альманахъ-календарь для всѣхъ. Книгоиздательство „Разумъ". Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

— Вопросы обществовѣдѣнія. Вып. II. Подъ редакціей М. И. Туганъ-Барановскаго и П. И. Люблинскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Всеобщая библіотека. №№ 24, 25, 26. К. Байэ. Исторія искусствъ. № 34. Э. Мюнцъ. Рафаэль, его жизнь и произведенія. № 38. Народныя движенія въ Россіи. II. В. А. Никольскій. Разиновщина. № 41. Эмиль Верхарнъ. Рембрандъ. № 44. Мишель Реймонъ. Микель-Анжело. № 45. Ж. Ришпенъ. Первые шаги Цезаря Борджіа. Историческая повѣсть. № 46. Проф. Габріэль Сэайль. Леонардо да Винчи. № 48. Максъ Дрееръ. Зимній сонъ. Драма. № 49. Проф. Рудольфъ

Іерингъ. Борьба за право. № 50. Анатоль Франсъ. Перламутровый ларецъ. Восемь разсказовъ. № 51. Ансельмъ Гейне. Морисъ Метерлинкъ. Біографія-характеристика. № 52. В. В. Джекобсъ. Обезьянья лапа. Шесть разсказовъ. № 54. Г. Лахманнъ. Оскаръ Уайльдъ. № 56. Октавъ Мирбо. Эпидемія. Старые супруги. Интервьюверъ. Три пьесы. №№ 64, 65. А. Лихтенберже. Пиратъ Гарри. Романъ. №№ 66, 67. Шарль Бодлэръ. Поэмы въ прозѣ. № 69. Ф. Коппэ. Мимолетно. Скрипачъ изъ Кремоны. У мольберта. Три пьесы. № 72. Проф. М. Тарѣевъ. Основы христіанства. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

— Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Подъ ред. С. В. Бахрушина. Изд. „Памятники русской исторіи". Москва, 1909 г. Цѣна 85 коп.

— Ежегодникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Спб., 1909 г.

— Исторія римской республики по Моммсену. Переводъ Н. Н. Шамонина. Выпускъ I. Изданіе 2-е. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Новыя книги для дѣтей отъ 4 до 16 лѣтъ. Первый сборникъ рецензій, составленный „Коммиссіей по дѣтскому чтенію" при Учебн. отд. общества распространенія техническихъ знаній. Москва, 1909 г. Цѣна 65 коп.

— Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX ст. Подъ ред. А. А. Кизеветтера. Изд. „Памятники русской исторіи". Москва, 1909 г. Цѣна 65 коп.

— Отчетъ о состояніи шестой С.-Петербургской гимназіи за 1908—1909 учебный годъ. Спб., 1909 г.

— Отчетъ Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова за 1907—1908 г., Пенза, 1909 г.

— Памятники исторіи Великаго Новгорода. Подъ ред. С. В. Бахрушина. Изд. „Памятники русской исторіи". Москва, 1909 г. Цѣна 55 коп.

— Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв. Подъ ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. Изд. „Памятники русской исторіи". Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

— Памятники исторіи смутнаго времени. Подъ ред. А. И. Яковлева. Москва, 1909 г. Цѣна 65 коп.

— Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Австро-Венгрія, Россія, Германія. Подъ редакціей А. И. Кастелянскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 7 р. 50 коп.

— 1909 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ V. Спб., 1909 г.

— D'Herbigny, Michel. Un Newman russe. Vladimir Soloviev (1853—1900). Парижъ 1909.

— Roidot, Prosper. Le jeu des dix-huit ans. Брюссель, 1909.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 января 1910.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ †.— Реакція торжествуетъ и торопится.—Пустое мѣсто. — Многогранная иллюстрація: злоключенія члена Думы отъ Одессы, г. Бродскаго.—Взрывъ на Астраханской улицѣ. — Запросъ въ Думѣ по поводу взрыва. — П. Ф. Лесгафтъ †.

Съ кончиной великаго князя Михаила Николаевича сошелъ въ могилу послѣдній изъ сыновей имп. Николая I-го. Имя покойнаго великаго князя надолго останется въ памяти и какъ намѣстника Кавказа, въ теченіе девятнадцати лѣтъ управлявшаго едва замиреннымъ и покореннымъ краемъ, и какъ главнокомандующаго кавказской арміей въ войну 1877—1878 гг., и какъ предсѣдателя дореформеннаго Государственнаго Совѣта, свыше двадцати лѣтъ фактически направлявшаго дѣятельность этого высшаго установленія. Но ближе всего и всего тѣснѣе его имя связано съ русской артиллеріей. Цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ онъ исполнялъ обязанности генералъ-фельдцейхмейстера и стоялъ во главѣ артиллеріи.

Величественно-обаятельный въ личномъ обращеніи, умѣвшій просто, безъ искусственно дѣланной простоты, говорить съ окружавшими и съ случайно представлявшимися ему по безчисленнымъ поводамъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ олицетворялъ типъ солдата-генерала въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Съ рыцарскою честностью, прямотою и твердостью воли онъ соединялъ привѣтливость, вниманіе и доброту. Онъ былъ человѣкомъ, и человѣкъ въ немъ всегда и во всемъ чувствовался. Это поражало имѣвшихъ случай непосредственно его узнавать, и это отличало его — великаго князя — отъ тѣхъ безчисленныхъ нашихъ генераловъ, которые любятъ драпироваться въ солдатскую простоту и изъ-за ходульной прямоты которыхъ бьетъ въ глаза одинъ бездушный карьеризмъ. Покойный былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ долга. Каждому дѣлу онъ отдавался и отдавалъ свой трудъ, какъ рядовой работникъ. Ни на одномъ поприщѣ онъ не былъ носителемъ почетнаго, обусловленнаго лишь происхожденіемъ званія.

Великаго князя Михаила Николаевича въ арміи, особенно въ артиллеріи, искренно любили—любили начальствующія лица, любила офицерская молодежь, любили солдаты. Внѣ арміи — его мало знали.

Но и внѣ арміи его выдѣляли, къ нему не относились съ предубѣжденіемъ. И это уже, въ условіяхъ нашего обычнаго отношенія къ безотвѣтственнымъ носителямъ власти, составляетъ весьма многое. О государственныхъ заслугахъ покойнаго невозможно, конечно, говорить вскользь. Но нельзя не вспомнить, что тогда какъ на европейскомъ театрѣ война 1877—1878 гг. закончилась безконечнымъ рядомъ процессовъ, вскрывшихъ вопіющія злоупотребленія, кавказская армія осталась чиста отъ интендантскихъ хищеній. Нельзя не отмѣтить еще бо̀льшаго. Злоупотребленія во флотѣ—сейчасъ общее мѣсто. Въ недавнемъ прошломъ военнаго инженернаго вѣдомства—рядъ громкихъ судебныхъ дѣлъ. Въ артиллерійскомъ же вѣдомствѣ, ведущемъ милліонныя хозяйственныя операціи, твердо сложилась и окрѣпла традиція честности. Злоупотребленія, конечно, бываютъ и тамъ, но бываютъ какъ исключенія. Общая характерная черта русской артиллеріи рѣзко отличаетъ вѣдомство, которымъ пятьдесятъ лѣтъ руководилъ покойный великій князь, отъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, находившихся въ управленіи лицъ одного съ нимъ положенія.

Начало предсѣдательствованія покойнаго въ Государственномъ Совѣтѣ совпало съ началомъ мрачной реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Журналы Совѣта свидѣтельствуютъ, что онъ лично къ реакціи не принадлежалъ. Въ записяхъ голосованій его имя гораздо чаще встрѣчается среди тѣхъ, кто отстаивалъ реформы Александра II, нежели среди тѣхъ, кто яростно ихъ разрушалъ.

Послѣ-конституціонная реакція упоена побѣдой и торжествуетъ. Съ помпой на весь міръ открылся „всероссійскій національный клубъ". Въ стѣнахъ клуба его инициаторы похваляются создать всероссійскую несокрушимую силу. Они говорятъ, что подъ флагомъ „Россія для русскихъ" соберутъ вокругъ себя все честное, все любящее родину, все творческое въ странѣ, всѣ ея здоровые элементы. На себѣ, какъ на незыблемомъ и безконечно идущемъ въ глубину фундаментѣ, они обѣщаютъ выстроить величественное зданіе обновленнаго государства, могучаго и непоколебимаго... Кто они? Къ чему зовутъ? Что слышится изъ-за ихъ тостовъ и привѣтствій?..

Но реакція не только торжествуетъ. Она нервничаетъ и торопится. Наиболѣе экспансивные ея представители спѣшатъ показать, что они уже сила. Сила не въ будущемъ, а въ настоящемъ. Сила не по волѣ „начальства", а сила общественная, черпающая свое могущество въ чувствахъ и въ мысляхъ народа и общества. „Истинно-русскіе" изъ Курска властно требуютъ анаѳематствованія членовъ Думы, голосовавшихъ за вѣроисповѣдные законы. Г. Булацель, добив-

шійся въ судѣ признанія наказуемымъ злословіемъ наименованіе его жалобы „истинно-русской ябедой“ и требовавшій-было отъ судебной палаты увеличенія кары для редактора газеты, заявилъ, что онъ отъ своего требованія отказывается, „такъ какъ за послѣднее время усмотрѣлъ въ приговорахъ палаты тенденцію и за болѣе рѣзкія выраженія смягчать наказанія“. Совершилъ товарищъ прокурора въ Петербургѣ, г. Ненарокомовъ, противозаконіе—своимъ уходомъ „сорвалъ“ засѣданіе суда, допустившаго къ защитѣ г-жу Флейшицъ,—астраханскіе союзники сейчасъ же отправили ему адресъ за то, что онъ „съ мужествомъ, свойственнымъ всѣмъ вѣрнымъ слугамъ самодержавія, отразилъ жидо-кадетскую затѣю захватнымъ правомъ отдать судъ въ руки женщинъ-масоновъ“. Г. Пуришкевичъ и по поводу саратовскихъ празднованій напомнилъ о своемъ существованіи. Телеграммой на имя городского головы онъ выразилъ скорбь, что открытъ университетъ — „очагъ политической пропаганды“. На плачевномъ процессѣ академика и бывшаго профессора, г. Соболевскаго, оклеветавшаго совѣтъ университета и студентовъ, защитникъ, небезъизвѣстный Борисъ Никольскій, иронически благодарилъ обвинителей за то, „что они не преслѣдуютъ его и его подзащитнаго за ихъ взгляды и убѣжденія“. „Но, позвольте, — закончилъ свою рѣчь г. Никольскій,—мы, „черносотенцы“, вообще, ни въ чьемъ позволеніи исповѣдывать свои взгляды не нуждаемся. Впрочемъ, мы не такъ великодушны, какъ обвинители, и не позволяемъ и не позволяли исповѣдывать убѣжденія с.-д.—Не позволяли и не позволяемъ!—изступленно кричалъ защитникъ, и, помолчавъ, добавилъ, грозя пальцемъ:—и не позволимъ“!... („Рѣчь“, № 333).

Нервничаютъ и торопятся не одни Никольскіе и Пуришкевичи. Отъ нихъ не отстаетъ г. Меньшиковъ. Онъ все пишетъ и пишетъ. Безъ устали рыщетъ г. Меньшиковъ за крамолой, чиня сыскъ то въ министерскихъ канцеляріяхъ, то въ литературѣ, то среди „писателей“ изъ „Россіи“, то въ интендантскихъ складахъ, то на религіозныхъ собраніяхъ. Попутно съ сыскомъ, онъ объявляетъ, что раскрываетъ положительные идеалы, идущіе изъ всероссійскихъ національныхъ союза и клуба, а въ дѣйствительности раскрываетъ,—конечно, помимо своей воли,—безнадежно пустое мѣсто. Не смѣшивайте, подчеркиваетъ онъ, всероссійскаго національнаго союза съ союзомъ русскаго народа, національнаго клуба—съ русскимъ собраніемъ и съ клубомъ общественныхъ дѣятелей, „Россіи“—съ „Новымъ Временемъ“, его, Меньшикова—съ Пуришкевичемъ, г. Крупенскаго—съ Булацелемъ. Нуженъ—писалъ онъ какъ-то—химическій анализъ, чтобы найти признаки отличія пуришкевичевскаго союза Михаила Архангела отъ дубровинскаго союза русскаго народа. Такой же анализъ нуженъ и

для того, чтобы разобраться въ различіяхъ, столь настойчиво рекомендуемыхъ. Не будучи членомъ ни русскаго собранія, ни національнаго клуба, попробуйте дать отвѣтъ: чѣмъ, кромѣ картъ, отличается второй отъ перваго? Вспомните, какъ открывалось русское собраніе, и скажите: чѣмъ особеннымъ ознаменовалось открытіе національнаго клуба? Прочтите списокъ главарей собранія и клуба—и вы увидите одни и тѣ же имена: одни и тѣ же если не въ буквальномъ смыслѣ, то несомнѣнно — въ смыслѣ общественнаго представленія о тѣхъ, кому они принадлежатъ. Все это тѣ же самые чиновники высокихъ ранговъ, члены Думы изъ апплодирующихъ „по принципу" министрамъ, земцы новѣйшей формаціи, представители „объединеннаго" дворянства, гласные городской думы изъ партіи „кормленія" и публицисты изъ тѣхъ, на чьихъ юбилеяхъ неоффиціальную печать одиноко представляетъ „Вѣстникъ Конницы". Возстановите въ памяти телеграммы, присланныя къ открытію національнаго клуба „со всѣхъ концовъ Россіи"—и вы вспомните все тѣ же пять-шесть слишкомъ хорошо извѣстныхъ именъ губернаторовъ и предводителей дворянства.

Кричащая реакціонная шумиха ведется вокругъ пустого мѣста—и по составу лицъ, причастныхъ къ шумихѣ, и по содержанію того, для чего или во имя чего шумиха поднята. Въ ежедневныхъ писаніяхъ г. Меньшикова милліоны словъ и полное отсутствіе даже намековъ на творческую мысль. Люди, всю жизнь занимавшіе въ русской общественности даже не третье, а десятое мѣсто, волею хитроумнаго закона 3-го іюня и „легализованной свободой", отданной въ ихъ исключительное монопольное пользованіе, оказались поднятыми на гребень политической волны. Революція—считаютъ они—побѣждена ими. И, какъ побѣдители, они стоятъ передъ вопросомъ: что̀ же дальше? Ихъ основная мечта — чтобы дальше не было ничего, чтобы торжество минуты застыло. Но они чувствуютъ, что жизнь страны застыть не можетъ. Они понимаютъ, что вѣчно опираться на штыки и вѣчно вѣшать—нельзя. Имъ нужны положительные идеалы. Но гдѣ ихъ взять? Искать впереди—опасно, ибо все, что̀ впереди, не для людей закона 3-го іюня и „легализованной свободы": будущее ихъ смететъ при первомъ прикосновеніи. Подобно китайцамъ, они ищутъ идеаловъ въ прошломъ. Но развѣ богато наше прошлое идеалами? Тамъ разыскали одно, какъ будто неиспользованное: идею національзма. Стремятся вложить въ ея расплывчатыя границы конкретную сущность... и ссорятся между собой. А выброшенный „охранными" правилами для печати на верхъ публицистической извѣстности іудушка изъ „Новаго Времени", тоже получившій право монопольнаго пользованія свободой слова, формулируетъ и вѣщаетъ.

Но къ чему сводятся его вѣщанія? Какъ интерпретируетъ онъ

формулу: „Россія для русскихъ“? Его интерпретація покрывается двумя словами: „долой жида!“ Въ этихъ двухъ стародавнихъ словахъ для него сосредоточена вся государственная мудрость, всѣ положительные идеалы, весь смыслъ національнаго возрожденія и культа. Если повѣрить г. Меньшикову, то окажется, что еврей для Россіи—все: начало и конецъ всѣхъ бѣдъ—войны, революціи, а также борьбы за право, стремленія къ свободѣ и даже любви къ родинѣ—конечно, не той любви, полной злобы и мстительности, какою проникнутъ онъ самъ. И г. Меньшиковъ не одинокъ. Какъ бы онъ ни отмежевывалъ національный союзъ, съ какою бы страстью онъ ни набрасывался на „полуеврейскую“ „Россію“—для людей, не принадлежащихъ къ торжествующей реакціи, яснѣе яснаго: главное содержаніе всей реакціи въ совокупности—антисемитизмъ. Единая ненависть къ евреямъ, соединенная съ единымъ же, унижающимъ истинное національное чувство русскаго человѣка, животнымъ страхомъ передъ еврействомъ, стираетъ всѣ различія личныхъ самолюбій и мелкаго завистничества. Если къ лозунгу: „долой жида!“ прибавить лозунги: „долой Финляндію!“ и „долой поляковъ!“—то получится полный комплексъ требованій и политическаго творчества нынѣшней реакціи. Вокругъ этихъ „долой“ останутся фразы и слова, болѣе или менѣе шаблонныя, болѣе или менѣе громкія и, прибавимъ, болѣе или менѣе неумныя.

Можно ли, однако, что бы то ни было строить на сплошномъ отрицаніи? Лозунгъ „долой!“ заимствованъ изъ области сыска. Тамъ онъ имѣетъ скверное, антиправовое, но реальное значеніе. Въ приложеніи же къ государственному строительству—онъ ничто. Можно ли что бы то ни было строить на животномъ страхѣ? А что страхъ есть основной стимулъ, подсказывающій реакціи всѣ ея „долой!“ — объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ же писанія г. Меньшикова. Степень его боязни по отношенію къ еврейству извѣстна и малымъ дѣтямъ. Но прислушайтесь, что̀ онъ писалъ, стараясь обосновать необходимость разгрома Финляндіи. Онъ рисовалъ картину захвата финляндцами Петербурга. Въ его воспаленномъ животнымъ страхомъ воображеніи стерлись всѣ грани между фантазіей, бредомъ и дѣйствительностью. Онъ рисовалъ захватъ безоружнымъ или вооруженнымъ браунингами народомъ столицы полуторастамилліоннаго государства, гдѣ сосредоточены десятки тысячъ штыковъ, какъ нѣчто не только возможное, но какъ вполнѣ вѣроятное. Онъ вовсе не доказывалъ, что захватъ возможенъ. Онъ только ужасался самъ и ужасалъ свою аудиторію перечисленіемъ всего, въ чемъ захватъ будетъ имѣть роковое значеніе.

„Вѣдь захватъ Петербурга — писалъ г. Меньшиковъ — означаетъ разгромъ всей русской правительственной организаціи; онъ означаетъ

плѣнъ или умерщвленіе властей, уничтоженіе безчисленныхъ учрежденій, сожженіе архивовъ и присутственныхъ мѣстъ, параличъ всѣхъ центральныхъ вѣдомствъ. Захватъ Петербурга означаетъ захватъ неисчислимыхъ военныхъ припасовъ, интендантскихъ, артиллерійскихъ, минныхъ и пр., и пр. Вся эта военная добыча въ теченіе нѣсколькихъ дней можетъ быть частью уничтожена, частью увезена въ Финляндію. Захватъ Петербурга означаетъ захватъ огромной государственной казны: въ одномъ государственномъ банкѣ лежитъ миліардъ съ четвертью золотомъ"... И этотъ пламенный вздоръ мы прочли даже не въ „Новомъ Времени". Мы его прочли въ копѣечной газетѣ „Гроза", служащей, повидимому, органомъ іоаннитовъ и назначенной для распространенія среди наименѣе культурныхъ слоевъ населенія. Но спросимъ: неужели не пустое мѣсто—та теорія, которая пытается строить отношенія между Россіей и Финляндіей на сказкѣ про оплеваннаго священника или на такомъ вздорномъ нагроможденіи ужасовъ?...

Всероссійскій національный клубъ получилъ пожертвованіе въ тысячу рублей и предложеніе жертвователя, члена Государственнаго Совѣта А. И. Наумова, „открыть при клубѣ рядъ патріотическихъ лекцій, главнымъ образовъ по русской исторіи, также по военной и по вопросамъ, соприкасающимся съ областью проявленія русскаго самобытнаго генія, гдѣ бы то ни было—въ области ли музыки, зодчества, живописи, литературы и т. под.". „Вѣдь существуютъ же— съ просвѣчивающей грустью пишетъ г. Наумовъ — такъ называемые народные университеты, организація которыхъ основана на рядѣ чередующихся публичныхъ лекцій по разнымъ спеціальностямъ". Далѣе онъ указываетъ на необходимость „незамедлительно кликнуть кличъ на всю Россію", дабы найти „среди талантливыхъ представителей нашей націи такого художника мысли и пера, который бы взялъ на себя нелегкій, но національно-великій трудъ картинно и понятно воспроизвести исторію русскую отъ Рюрика и до возможной современности въ цѣломъ рядѣ драматическихъ произведеній, представленія которыхъ въ театрѣ чередовались бы въ порядкѣ постепенности историческихъ событій". „За лучшее разрѣшеніе намѣченной задачи" рекомендуется „установить денежную премію хотя бы въ 5.000 рублей" („Новое Время", № 12128).

Да, народные университеты существуютъ и, не смотря ни на стѣсненія, ни на запреты, въ нихъ безпрерывно и повсемѣстно чередуются публичныя лекціи. И кличемъ съ пятитысячной приманкой не нужно вызывать художниковъ мысли и пера. Они отзываются сами. Они безъ всякой приманки воспроизводятъ и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, и въ драмѣ русскую исторію. А кличъ національнаго клуба отыщетъ развѣ что Иловайскаго. И „отечествен-

ному университету" во вкусѣ клуба судьба не дастъ ни чередующихся лекцій, ни „патріотическихъ" лекторовъ, ни слушателей. На трехъ-четырехъ черносотенныхъ отщепенцахъ отъ науки далеко не уйти. Науку не свернуть туда, куда хотѣли бы ее свернуть Меньшиковы, Пуришкевичи и Никольскіе. Въ этомъ ихъ горе. Въ этомъ горе торжествующей и нервно мечущейся реакціи. Но въ этомъ же залогъ надеждъ, залогъ увѣренности въ лучшихъ дняхъ...

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ нашего журнала была напечатана статья г. Кудряшова: „Отношеніе населенія къ выборамъ въ екатерининскую коммиссію". Г. Кудряшовъ кстати вытащилъ изъ архивной пыли факты, покрытые почти полуторастолѣтней давностью. Онъ кстати напомнилъ, какъ въ слободѣ Межиричъ изъ рѣчей на предвыборномъ собраніи выросло дѣло „о возмущеніи обывателей" и „о противодѣйствіи властямъ", какъ усмирялъ „мятежниковъ" воевода, явившійся въ слободу съ карательнымъ отрядомъ, и какъ сравнительно милостиво окончилось „дѣло": „плетьми" для одного оратора и „батожьемъ" для другого. Только ли безвозвратно ушедшей въ прошлое стариной вѣетъ отъ этого напоминанія?.. Еще болѣе кстати напомнилъ г. Кудряшовъ завѣренные документами случаи „осторожнаго" отношенія населенія къ выборамъ. Дворянинъ-помѣщикъ отказывался принять участіе въ „общенародномъ добрѣ" — по подобострастному выраженію одного генералъ-губернатора,—ссылаясь на указъ о дворянскихъ вольностяхъ. Кто уклонялся подъ предлогомъ болѣзни, кто— подъ предлогомъ отъѣзда на ярмарку или на богомолье. Нѣкій Самойловъ жаловался, что его выбрали депутатомъ „единственно по злобѣ" и что граждане Енисейска поступили противъ него „нечестно", „желая погубить его одного, а самимъ остаться въ сторонѣ".

Злоключенія одессита, г. Бродскаго, показываютъ, что и теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ, „осторожность" для избираемыхъ въ члены Государственной Думы была бы нелишней. Избранію г. Бродскаго предшествовали разговоры въ мѣстной городской думѣ о такомъ усовершенствованіи избирательнаго закона, при которомъ представителемъ отъ домовладѣльческой куріи „истинно-русской" Одессы ни въ какомъ случаѣ не могъ бы оказаться еврей. Ходили также слухи, будто бы градоначальникъ не то кому-то обѣщалъ, не то передъ кѣмъ-то поклялся, что членомъ Думы отъ Одессы еврей не будетъ. На несчастье г. Бродскаго, онъ юристъ—и, какъ передаютъ, считается однимъ изъ лучшихъ мѣстныхъ знатоковъ права. Знаніе закона, очевидно, и ему, и его избирателямъ подсказало, что слухи объ обѣщаніи или о клятвѣ градоначальника—совершенный вздоръ,

ибо администрація, подъ угрозой весьма суровой отвѣтственности, лишена права вмѣшиваться въ выборы. Разговорамъ городскихъ гласныхъ онъ одинаково не имѣлъ юридическаго основанія придавать значеніе. И г. Бродскій не уклонился отъ чести быть избраннымъ. Результатъ: человѣкъ два мѣсяца подвергался нравственнымъ пыткамъ, былъ преданъ суду и осужденъ за присвоеніе непринадлежащаго имени и, въ концѣ концовъ, „добровольно" сложилъ съ себя полномочія.

Исторія избранія и отказа г. Бродскаго—нѣчто по истинѣ заслуживающее вниманія. Законъ, по отношенію къ избраннымъ въ члены Государственной Думы, возлагаетъ на мѣстныхъ градоначальниковъ и губернаторовъ и на сенатъ чисто механическія обязанности. Первые обязаны донести сенату, кто избранъ, а сенатъ обязанъ списки избранныхъ опубликовать. Правильно ли выборы производились, были ли допущены съ чьей бы то ни было стороны отступленія отъ закона или злоупотребленія—все это подлежитъ повѣркѣ не администраціи и не сената, а Думы, куда передается подлинное выборное производство и гдѣ сосредоточиваются всѣ жалобы. При первыхъ выборахъ, въ 1906 г., въ Харьковѣ, какъ извѣстно, былъ избранъ Н. А. Гредескулъ, исключенный изъ избирательныхъ списковъ. И не смотря даже на такое рѣзкое нарушеніе закона, объ избраніи г. Гредескула губернаторъ донесъ сенату, и сенатъ опубликовалъ. Но... съ тѣхъ поръ прошло три года. Жизнь каждый день показывала, что кромѣ закона есть „желаніе", не только не гнущееся передъ закономъ, но, напротивъ того, обладающее силой гнуть законъ и, какъ ни странно, именно въ видахъ непоколебимости закона. Не нашлось опоры для „желанія", направленнаго противъ г. Бродскаго, въ положеніи о выборахъ—нашлась опора въ паспортныхъ правилахъ для евреевъ.

Лѣтъ двѣнадцать назадъ, на основаніи этихъ правилъ, въ Петербургѣ на всѣхъ вывѣскахъ магазиновъ, принадлежащихъ евреямъ, вдругъ появились, кромѣ фамилій и иниціаловъ владѣльцевъ,—полностью ихъ имена и отчества, и обязательно въ исковерканномъ начертаніи жаргона: „Шлема Ицковичъ", „Ривка Янкелевна" и т. д. Конечно, это было ничто другое, какъ издѣвательство. Кто въ то время былъ петербургскимъ градоначальникомъ — въ точности не помнимъ. Но помнимъ хорошо, что издѣвательство продолжалось недолго. Теперь уже и слѣдовъ не осталось отъ экстренно передѣлывавшихся тогда вывѣсокъ. Эти самыя правила приложилъ одесскій градоначальникъ, ген. Толмачевъ, къ г. Бродскому. Сначала онъ донесъ сенату, что одесскіе домовладѣльцы избрали членомъ Государственной Думы несуществующее лицо, такъ какъ они подавали го-

лоса за *Аркадія Ефимовича* Бродскаго, котораго, по еврейскимъ метрическимъ записямъ, въ Одессѣ не значится. Сенатъ послалъ отвѣтъ, изъ котораго можно было заключить, что высшимъ правительственнымъ мѣстомъ уклоненіе градоначальника отъ исполненія требованія положенія о выборахъ не одобряется. Началось разслѣдованіе. Оказалось, что избиратели именовали г. Бродскаго тѣми самыми именемъ и отчествомъ, которыя стояли противъ его фамиліи въ избирательномъ спискѣ. Мало того. Оказалось, что и въ паспортѣ, выданномъ г. Бродскому изъ полиціи, онъ тоже поименованъ Аркадіемъ Ефимовичемъ. Можно было думать, что послѣднія зацѣпки для административнаго „желанія" исчезли. Но развѣ „энергичный" администраторъ можетъ легко сдаваться? Развѣ не доказало ген. Толмачеву его распоряженіе о профессорахъ новороссійскаго университета, что ему и нѣтъ надобности сдаваться на доводы юриспруденціи и логики? Ген. Толмачевъ замедлилъ вторичное представленіе въ сенатъ и привлекъ г. Бродскаго къ судебной отвѣтственности за присвоеніе непринадлежащаго имени.

Въ одинъ мѣсяцъ „независимая" судебная власть исполнила всю сложную процедуру предварительнаго изслѣдованія, внесенія обвинительнаго акта и разсмотрѣнія дѣла. Пока ген. Толмачевъ медлилъ, одесскій судъ вынесъ г. Бродскому обвинительный приговоръ и штрафъ въ 100 рублей. Не въ штрафѣ тутъ была, конечно, сила, а въ мотивѣ для сената. И сенатъ 27-го ноября, въ пленарномъ засѣданіи перваго департамента, этотъ мотивъ использовалъ. Не одинъ градоначальникъ—разсуждалъ сенатъ („Рѣчь", № 327)—сомнѣвается въ имени и отчествѣ г. Бродскаго; основательность сомнѣній видна „и изъ постановленія суда, признавшаго Бродскаго виновнымъ въ присвоеніи чужого имени". А посему, дабы никоимъ образомъ не былъ нарушенъ законъ, воспрещающій сенату вторгаться въ повѣрку правильности выборовъ, сенатъ, „въ виду сомнѣнія въ томъ, какое именно имя слѣдуетъ опубликовать", отказался объявить объ избраніи г. Бродскаго. Какъ сообщалось въ „Рѣчи", сенатъ призналъ себя „лишеннымъ возможности" опубликовать одесскаго депутата.

Политическіе единомышленники осуждаютъ г. Бродскаго за то, что онъ послѣ рѣшенія сената сложилъ депутатскія полномочія. Едвали это справедливо. Во-первыхъ, еще весьма большой вопросъ, вступилась ли бы за него Государственная Дума. Правда, для отмѣны Думою произведенныхъ выборовъ требуется публичное разсмотрѣніе вопроса и рѣшеніе, принятое большинствомъ двухъ третей голосовъ. Но вѣдь третьею Думою тоже руководятъ „желанія". И основное „желаніе" октябристовъ—не ссориться съ начальствомъ, а всѣ „желанія" новой думской силы—націоналистовъ — покрываются юдофоб-

ствомъ. Поэтому наиболѣе вѣроятно, что вопросъ о г. Бродскомъ и не былъ бы доведенъ до публичнаго разсмотрѣнія и голосованія. Націоналисты совмѣстно съ крайними правыми, конечно, выдвинули бы противъ еврея формальное соображеніе: избраніе г. Бродскаго не опубликовано, слѣдовательно Дума „лишена возможности" производить повѣрку. Что же касается октябристовъ, то неужели они недостаточно показали готовность всегда и во всемъ укрываться за „благовиднымъ" предлогомъ?

Но допустимъ, что мы ошибаемся. Во всякомъ случаѣ, повѣркѣ избранія г. Бродскаго предшествовали бы въ отдѣлѣ Думы длинные преюдиціальные споры, т.-е. повѣрка оттянулась бы на мѣсяцъ, на два. И гдѣ гарантія, что за это время и для Думы не былъ бы созданъ мотивъ противъ утвержденія выборовъ, какъ онъ былъ созданъ для сената противъ опубликованія? Слухи объ этомъ готовящемся „мотивѣ" многократно сообщались въ печати. Передавалось, что ген. Толмачевъ возбуждаетъ дѣло о подлогѣ по службѣ со стороны чина полиціи, который выдалъ паспортъ г. Бродскому, съ наименованіемъ его „Аркадіемъ Ефимовичемъ", и о соучастіи въ подлогѣ—со стороны г. Бродскаго. При господствѣ „неограниченныхъ возможностей" все возможно: возможно и возбужденіе такого обвиненія, и привлеченіе на основаніи его въ качествѣ обвиняемаго. Положимъ, обвиненіе впослѣдствіи несомнѣнно окончилось бы оправданіемъ. Но развѣ недостаточно для лишенія права быть членомъ Думы одного привлеченія къ дѣлу по обвиненію въ дѣяніи, влекущемъ правоограниченіе?.. Вполнѣ признаемъ, что честь избранія и принадлежность къ оппозиціонной партіи налагаютъ обязанность борьбы за право противъ произвола. Однако, всему есть граница. И если г. Бродскій за два мѣсяца, протекшіе со времени его избранія, убѣдился въ безцѣльности борьбы, то для этого онъ имѣлъ слишкомъ много объективныхъ основаній.

Г. Крупенскій предвѣщаетъ досрочный роспускъ третьей Думы и выборы — въ четвертую. Недурной прецедентъ создало для этихъ четвертыхъ выборовъ избраніе Одессою г. Бродскаго...

Послѣ сравнительно долгаго промежутка, 8-го декабря въ Петербургѣ снова имѣлъ мѣсто крупный террористическій актъ: взрывомъ на Астраханской улицѣ убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія, полковникъ Карповъ. Теперь, когда всѣ подробности, повидимому, можно считать установленными и выясненными съ исчерпывающей полнотой, упали всякія сомнѣнія въ характерѣ событія. Теперь очевидно, что въ данномъ случаѣ было преднамѣренное убійство со стороны рево-

люціонера, для „внутренняго наблюденія“ за охраной поступившаго въ „сотрудники“ департамента полиціи. Но первоначальныя извѣстія сомнѣній не устраняли. Напротивъ, обстановка событія, въ связи съ разоблаченіями Бурцева, съ дѣломъ Лопухина и съ оставившею по себѣ неизгладимую память дѣятельностью Азефа, давала серьезныя основанія предполагать, что полковникъ Карповъ палъ жертвою провокаціонныхъ пріемовъ борьбы съ революціоннымъ терроромъ. И, въ виду этихъ сомнѣній, на другой же день фракціей народной свободы былъ внесенъ въ Думу запросъ, которымъ предлагалось спросить министра внутреннихъ дѣлъ: какія онъ намѣренъ принять мѣры къ прекращенію преступнаго участія чиновъ охраны въ подготовкѣ террористическихъ актовъ?

Скажемъ откровенно: запросъ былъ построенъ на категорическомъ утвержденіи того, что въ приложеніи къ данному факту являлось только предположеніемъ условной вѣроятности. Торопиться съ запросомъ не было нужды, ибо и какъ террористическій актъ въ чистомъ видѣ событіе на Астраханской улицѣ дало бы достаточный матеріалъ для запроса. Г. Соколовъ 2-ой въ рѣчи, сказанной въ Думѣ 14-го декабря, ограничилъ свои сужденія разборомъ одного тезиса, практическое примѣненіе котораго безспорно было причиной смерти полковника Карпова: „охранное отдѣленіе не можетъ не черпать свѣдѣній изъ рукъ бывшихъ революціонеровъ“. „Странно, — говорилъ онъ,—что къ Азефамъ присоединяютъ слово „бывшихъ“, когда они сами теперь доказали, что они настоящіе, а не только бывшіе. Можно понять, что завзятый революціонеръ преображается до того, что дѣлается издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Но когда даже такой преображенный революціонеръ предлагаетъ свои услуги въ качествѣ сыщика, то вѣдь всякій начальникъ охраннаго отдѣленія долженъ задать себѣ вопросъ: при какихъ условіяхъ этотъ бывшій революціонеръ можетъ оказывать услуги? Совершенно понятно, что только при условіи, если онъ будетъ продолжать состоять въ революціонной организаціи. И не младенчество ли пользоваться услугами такихъ лицъ, которыя одновременно должны состоять и на службѣ у полиціи, и на службѣ у революціи?“

Думское большинство, конечно, съ радостью использовало поспѣшность оппозиціи. Оно вовсе отвергло запросъ. Докладчикъ коммиссіи, гр. В. Бобринскій, поднялъ охранные пріемы на высоту беззавѣтно-самоотверженнаго служенія долгу, провокаторами называлъ П. Н. Милюкова и „братьевъ Гессеновъ“ и въ тысячный разъ осуждалъ первую Думу. Г. Тимошкинъ бранился. Г. Крупенскій перебивалъ ораторовъ и подбѣгалъ къ каѳедрѣ. Съ мѣстъ кричали и смѣялись. Словомъ, было цѣлыхъ два обычныхъ „большихъ“ думскихъ дня. Но было при этомъ

и кое-что новое. Во-первыхъ, подъ аплодисменты справа и подъ возгласы: „вѣрно“, изъ устъ А. И. Гучкова вылились слова: „все революціонное движеніе захвачено еврействомъ, и въ торжествѣ революціи еврейство видитъ свое торжество“. Правда, онъ произнесъ эти слова не отъ себя, а отъ имени „провинціальной дѣвушки“, бывшей революціонерки, кончившей жизнь самоубійствомъ и писавшей ему наканунѣ смерти. Но онъ ихъ, всетаки, сказалъ, и сказалъ безъ всякихъ пояснительныхъ оговорокъ. Слѣдовательно, первый шагъ для поглощенія октябризма меньшиковскимъ всероссійскимъ націонализмомъ уже сдѣланъ: октябризмъ уже идетъ на поглощеніе. И „Голосъ Москвы“ поспѣшилъ сейчасъ же сдѣлать второй шагъ. Въ № 290-мъ, отъ 18 декабря, газета помѣстила статью г. А. Еропкина, который, отождествляя октябристовъ съ земской „лѣвой“ (!), а націоналистовъ— съ земской „правой“, писалъ: „Укажите мнѣ яркую грань между буржуазными партіями. Я ужъ не говорю: между правыми партіями, но хотя бы между націоналистами и октябристами. Здѣсь этихъ яркихъ граней нѣтъ, ибо нѣтъ различія классовыхъ интересовъ. Поэтому столь естественнымъ является и блокъ этихъ двухъ смежныхъ фракцій въ Государственной Думѣ“.—„Не лишайте же ихъ довѣрія и не отвергайте раскаивающихся!“ — справедливо прибавила къ этой цитатѣ „Рѣчь“.

Во-вторыхъ, новостью была со стороны большинства инсинуація, брошенная меньшинству. Именно инсинуація: обвиненіе въ недобросовѣстности, заявленное въ такой формѣ, которая лишала возможности на него отвѣтить. Туго складываются у насъ правила парламентской этики. Но такого примѣра, кажется, еще не бывало. Предлагая Думѣ запросъ отвергнуть, думская коммиссія докладывала, что, большинствомъ 18 голосовъ противъ 6, она не усмотрѣла „никакихъ фактическихъ основаній для запроса, ни даже вѣроятій, а равно никакой незакономѣрности“,—„причемъ—сказано въ докладѣ—11 членовъ коммиссіи записали въ протоколъ свое мнѣніе, что они считаютъ данный запросъ недобросовѣстнымъ“.

Чтобы такое обвиненіе, какъ обвиненіе въ недобросовѣстности, достигло цѣли, т.-е. чтобы обвиняемый почувствовалъ оскорбительность обвиненія, вовсе нѣтъ надобности въ предъявленіи его, какъ постановленія законно состоявшагося. Его достаточно бросить. И одиннадцать членовъ коммиссіи это отлично понимали. Но какъ этого не понялъ предсѣдатель коммиссіи? Какъ могъ онъ допустить, чтобы такого рода „особое мнѣніе“ было включено въ докладъ? Въ Думѣ получилась слѣдующая картина. Предсѣдательствовавшій, кн. Волконскій, останавливалъ каждаго оратора, затрагивавшаго вопросъ о недобросовѣстности, заявляя, что этотъ вопросъ не составляетъ пред-

мета сужденій Думы. Но для бросавшихъ обвиненіе предсѣдательскій запретъ только подчеркивалъ ихъ слова. А для тѣхъ, кому обвиненіе бросалось, запретъ являлся гильотиной, предупреждавшей отвѣтъ. Ибо само собою разумѣется, что для всякаго отвѣта нужны объясненія, т.-е. то, что можно предупредить, инсинуація же бросается двумя-тремя словами, которыхъ предупредить нельзя. Очевидно ничего не значила остановка предсѣдательствовавшаго, напримѣръ, для г. Крупенскаго послѣ того, какъ онъ успѣлъ сказать слѣдующее: „Депутатъ Милюковъ говоритъ, что мы хотимъ какой-то экзекуціи. Я скажу: экзекуція была, но она была въ коммиссіи по запросамъ, гдѣ одиннадцать членовъ выразили недобросовѣстность интерпеллянтамъ. Я думаю, это есть та рѣзкая форма, которая лучше всякой экзекуціи". Когда его остановили, онъ уже сказалъ все, что хотѣлъ. А ораторъ непосредственно слѣдовавшій за лидеромъ націоналистовъ, г. Соколовъ 2-й, только произнесъ: „посмотримъ, на чьей сторонѣ добросовѣстность и на чьей недобросовѣстность"—и былъ остановленъ. Лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, и въ отношеніи инсинуаціи протянулъ руку г. Крупенскому, а вмѣстѣ съ нимъ—г. Тимошкину. Закончилъ онъ рѣчь такой фразой: „Если запросъ въ самомъ его началѣ можно назвать актомъ легкомыслія, то сейчасъ, когда его пытаются всетаки защищать при выяснившихся данныхъ, — сейчасъ дѣйствительно является нѣкоторое сомнѣніе въ добросовѣстности".

Глубокое негодованіе возбуждаютъ подобные пріемы. Инсинуація изъ-за угла или изъ-за щита всегда отвратительна. А какъ пріемъ политической борьбы — отвратительна вдвойнѣ. Чтеніе въ мысляхъ политическихъ противниковъ, для членовъ Государственной Думы, по меньшей мѣрѣ—неприличествующее ихъ званію занятіе.

---

19 декабря Петербургъ похоронилъ одного изъ популярнѣйшихъ въ Россіи людей—Петра Францевича Лесгафта. Покойный соединялъ извѣстность ученаго и педагога съ неменѣе широкой извѣстностью исключительно отзывчиваго общественнаго дѣятеля. Въ общественной дѣятельности онъ связывалъ свое имя рѣшительно со всѣмъ, что такъ или иначе касалось молодежи, ея образованія и воспитанія. Молодежь онъ любилъ горячо и пользовался ея взаимностью. Его ученики и, особенно, ученицы разсѣяны повсюду. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ вкладывать въ учениковъ частицы своего „я". Въ теченіе многихъ лѣтъ при учрежденной имъ біологической лабораторіи существовали курсы, и слушательницы ихъ, „лесгафтички", создали особый типъ преданныхъ дѣлу учительницъ и воспитательницъ, фанатически служащихъ, какъ служилъ покойный, девизу: „здоровый духъ

въ здоровомъ тѣлѣ". „Твердость убѣжденій и безкорыстное служеніе интересамъ науки и любимой молодежи—справедливо писали послѣ смерти Петра Францевича его ближайшіе сотрудники—окружали его каѳедру тѣмъ очарованіемъ, которое навсегда сохранится въ памяти его многочисленныхъ учениковъ и учениць. Рѣдкое безкорыстіе покойнаго, такъ цѣнимое его учениками, онъ вносилъ и въ свою врачебную дѣятельность, не дѣлая разницы между бѣдными и богатыми, оказывая всѣмъ широкую и безплатную врачебную помощь". Недавняя „весна" застала П. Ф. Лесгафта уже на склонѣ лѣтъ. Но онъ съ жаромъ юноши отдался осуществившейся мечтѣ своей жизни—высшей вольной школѣ. На ея развитіе онъ не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ. Какъ скоро миновала весна, такъ же скоро погибла и его вольная школа. Бѣдна наша жизнь такими людьми, какъ покойный. И тѣмъ болѣе незамѣнима его утрата...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О прiисканiи занятiй и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты, съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЯНВАРЬ.